

Давид Сеглевич

ДАВИД СЕГЛЕВИЧ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОДИНА

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ:
СВИДЕТЕЛЬСТВО УЧАСТНИКА СОБЫТИЙ

документальная повесть

Litsvet

Издательство «Litsvet»

2023

ДАВИД СЕГЛЕВИЧ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОДИНА

**Становление государства Израиль:
свидетельство участника событий**

Документальная повесть

Copyright © 2023 Alexander Rudkevich

Copyright © 2023 Design by Anastasiya Kondratyeva, Litsvet

Copyright © 2023 Cover designed by Alexander Rozin

ISBN 978-1-998265-30-5

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form or by any electronic or mechanical means, including information storage and retrieval systems, without written permission from the author.

Printed in Canada

Аннотация документальной повести «Историческая родина»

Книга построена на обширном (иногда уникальном) документальном материале и повествует о событиях, предшествующих образованию Государства Израиль. О них рассказывает главный герой повести Ерушалаим Сигалов, от лица которого и написана книга. Время действия – с конца 19 века по 1948 год. Главные вехи этого времени – Первая русская революция, две мировых войны, Война за независимость. Читатель узнает о быте еврейских поселенцев, деятельности Еврейского легиона, арабских восстаниях, героической борьбе подпольщиков, становлении израильского кинематографа и многом другом. Перед читателем предстанут реальные исторические личности, со многими из которых встречается рассказчик: от турецкого правителя Джемаль-паши до певца Александра Вертинского.

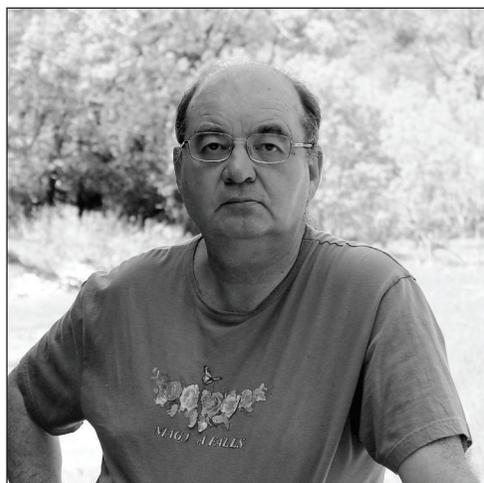
Прототипом героя послужил первый израильский кинематографист Ерушалаим Сегал (1898-1993).

Иллюстраций: 81;
список источников: 51 назв.;
персоналия: 221 имя.

ДАВИД СЕГЛЕВИЧ

Информация об авторе

Давид Сеглевич, псевдоним Александра Рудкевича (род. 1950, Урал). Кандидат технических наук. Работал в НИИ атомных реакторов (Димитровград Ульяновской области), НИИ управляющих систем (Пермь), Институте Вейцмана (Реховот). Сейчас живет в Торонто (Канада), где долгое время работал системным аналитиком, а теперь занимается главным образом литературой. Публиковал рассказы, стихи и эссе в международных русскоязычных журналах и альманахах. Лауреат международного конкурса рассказа в Баку (2010). Автор сборника рассказов и очерков «Смена веков» и биографической повести «Вдруг вспомнилось». В марте 2022 вместе с В. Фетом, С. Резником, В. Батшевым и др. подписал Письмо русских зарубежных писателей в поддержку Украины («Литературный европеец», №290).

*Светлой памяти моей бабушки
Штерны Лазаревны Рудкевич (Сегал)
и её брата Ерушалаима*

ОТ АВТОРА

«Израильское чудо»... Как случилось, что захолустная турецкая провинция за время жизни одного поколения превратилась в сильное и процветающее государство? И ещё удивительнее: народ, заселивший эту землю больше трёх тысяч лет назад, вернулся в неё после двух тысячелетий изгнания. Никогда в мировой истории не происходило ничего подобного.

Как рассказать об этом? А рассказать надо, я понял это давно. Русскоязычные жители Израиля зачастую не знают многого из истории их государства. А что говорить о других, евреях и неевреях, которым это интересно? Но я не историк. Потому решил написать о Стране (так я называю ту землю, что была когда-то Палестиной) без историософских претензий. Давайте посмотрим изнутри на то, как всё это было! И не забудем, что государство создавали не рыцари без страха и упрёка, а живые люди, с их достоинствами и недостатками, с их страстями, любовью и ненавистью.

Кто более подходит на роль свидетеля и очевидца, чем первый израильский кинематографист Ерушалаим Сегал – боец Еврейского легиона в Первую мировую, подпольщик, почётный гражданин Тель-Авива? Мне повезло: я слышал о Сегале с раннего детства от его старшей сестры, а моей бабушки, – и познакомился с ним за год до его смерти, беседовал с ним, бывал в его студии.

Моя книга – не биография¹. Мемуары Сегала [2], несколько беспорядочные и отрывочные (автору было за девяносто), послужили лишь событийной канвой. Ерушалаим Сегал был только прототипом её героя, от лица которого ведётся рассказ. Иногда мне приходится давать очерки-вставки о людях, с которыми встречается герой книги, или реконструировать недостающие детали событий... Выдумка? – Нет, я пишу правду. Но при этом хочу, чтобы мой рассказ оставался художественным произведением. Так и появилось определение жанра: документальная повесть.

Все подстраничные примечания в книге принадлежат автору. Фотографии взяты из открытых источников (Public Domain) и книги [2] (с любезного разрешения наследников Ерушалаима Сегала). Переводы цитат (там, где не указан переводчик) сделаны автором.

Автор выражает глубокую признательность Елизару Сегалу и Амалии Сегал (אליעזר ועמליה סגל) за постоянную поддержку и предоставленные материалы.

¹ Интересующиеся могут прочесть биографию Е. Сегала в статье «ירושלים סגל» израильской Википедии [1].

ВСТУПЛЕНИЕ

Сколько книг уже написано о Стране? Тысячи? Десятки тысяч? Начиная с самой главной, что появилась без малого три тысячелетия назад. Мусульмане назвали нас когда-то народом Книги. Они думали, что мы поклоняемся свиткам Торы как идолу. А ведь большинство из нас даже не верит тому, что в этих свитках написано. Сотворение мира, райский сад, змей-искуситель... Дело здесь не в вере. Книга объединяла нас, делала единым народом. Даже тогда, когда мы были рассеяны по всему земному шару. Когда и язык Книги помнили только мудрецы. А ведь это, почитай, две трети нашей истории. И если спросят, кто мы, то ответим: мы те, о ком написана Книга.

Об истории нашей сказано, наверно, всё, что можно было сказать. И даже лишнего предостаточно. Так стоит ли что-то добавлять? – Стоит, я думаю. Ведь я хочу рассказать о *моей* истории Израиля. Её видел только я...

Вы скажете: «Сейчас начнёт врать, как очевидец»? – Ну, во-первых, не будь свидетельств очевидцев, не было бы у нас нашего прошлого. А во-вторых, я ведь не просто очевидец. Я эту историю не только наблюдал, но и делал. Скромничать без нужды не буду, а если где немного и спутаю, так уж простите старика.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИРКУТСК – ХАЙФА

НАЧАЛО

Мой путь в Страну начался 30 ноября 1897 года.

В этот день я родился в большом сибирском городе Иркутске. Ещё один, седьмой, ребёнок в обыкновенной еврейской семье. Не бог весть какое событие. Но за три месяца до моего рождения произошло другое – действительно великое – событие мировой истории. В первый день еврейского месяца элуль (29 августа) в далёкой от Иркутска Швейцарии собрался Всемирный сионистский конгресс. Никто в моей семье не знал тогда, что собрание двух сотен мужчин и женщин из разных еврейских общин определит и мою судьбу, и судьбу миллионов наших собратьев. В определённом смысле я ровесник еврейского государства.

В детстве я был изрядно любопытен. Лет десяти наткнулся на отцовскую шкатулку с документами (мама была малограмотной). Просмотрел все. Тогда увидел впервые своё свидетельство о рождении, из него и узнал точную дату. Ведь дни рождения у нас в семье отмечали по еврейскому календарю.

А фотографический портрет серьёзного мужчины с ассирийской прямоугольной бородой, в изящном костюме-тройке, отец повесил на стену, когда было мне лет семь. Сказали, что это Теодор Герцль, австрийский журналист и основатель будущего еврейского государства. И добавили, что, к сожалению, он не так давно умер.

Ретроспективный взгляд часто не даёт оценить масштабы идей и тех личностей, которым эти идеи принадлежат. Что, собственно говоря, необычного и такого уж пионерского в стремлении сделать евреев обыкновенной нацией с собственной территорией и своими государственными институтами? Даже со взяточниками-казнокрадами, ворами и проститутками. А ведь тогда большинству людей эти идеи представлялись нелепыми и даже вредными. И ладно бы ещё, когда бы не пришлось они по вкусу тем, кто с еврейством не связан: гоям, так сказать. (Кстати, в слове «гой» нет ничего оскорбительного. Древнееврейский был не единственным языком, в котором имелось слово со значением «другой народ»². Греки, например, обозначали представителя иного народа словом «варвар» – и тоже ничего плохого не имели в виду).

² В Торе это также народ как таковой, в том числе, во множестве случаев, – еврейский народ.

Нет, многие умные и образованные евреи, хорошо знавшие свой народ, решительно не принимали сионизма. Может, как раз в том и дело, что сами смотрели изнутри, а так перспективы не разглядишь. Полагали, что судьба нашего народа определена неким метафизическим «предназначением». Что само рассеяние евреев и выпавшие нам невзгоды – часть великого замысла, и спорить с тем замыслом означает спорить с Богом.

«Национальный элемент не в нашей власти, – говорили сионистам. – Или вы боитесь, что солнце остынет, и силитесь поддержать в нём жар?» – «Тебя влечёт в Палестину? – Иди один, но не желай и не думай тем возродить еврейское царство. Взрослый народ не пеленают и не кладут в колыбель. А еврейское царство – не от мира сего³».

Теперь-то мы видим: то ли этого начертанного свыше предназначения с подробным историческим сценарием вообще не существует, то ли создание еврейского государства в этот сценарий уже входило.

Было и второе возражение, от которого и теперь отмахнуться невозможно: сионизм – это национализм. «Всякий сознательный национализм жесток и бесчеловечен»⁴. В основе его – страх перед ущербом, который может нанести тебе любой из соседей. Именно потому великий писатель Айзек Азимов не испытал восторга при известии о создании еврейского государства, а гениальный физик Альберт Эйнштейн отказался стать его первым президентом.

А ещё оппоненты сионизма беспокоились: не замутит ли движение чистоту общественной морали, принесённой нашим народом в этот мир?

Что ответить на всё это?

Да, мы – народ, и всякое бывало в нашей истории. Те, кто ждут от меня лишь панегириков светлому и чистому еврейскому племени, неизменному в своём благородстве, могут далее не затрудняться чтением этого опуса.

Она, наша продолжающаяся история, постоянно отвечает на старые вопросы и возражения. עַם יִשְׂרָאֵל חַי – народ Израиля жив, и наше государство – неотъемлемая часть этой жизни.

Что касается бесчеловечности национализма... Я вспоминаю притчу о старом еврее, выведенном на расстрел. Он попросил раз-

³ [3], с. 15-16.

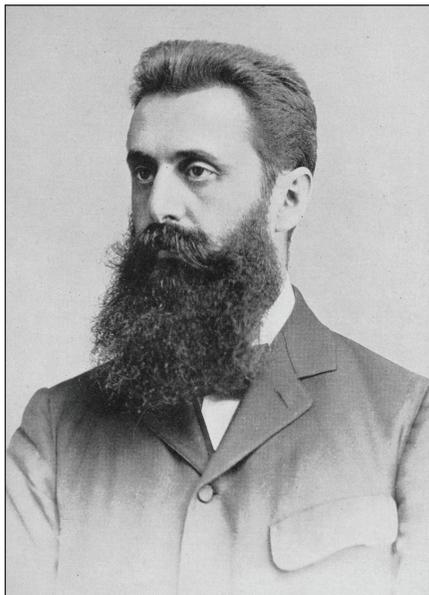
⁴ См., напр. [3], с. 20.

решения помолиться перед смертью и вознёс Всевышнему благодарственную молитву за то, что тот сотворил его евреем. Стоявший рядом эсэсовец понял суть молитвы.

– И ты благодаришь своего Бога? Да ведь ты потому и умираешь, что ты – еврей!

– Я благодарю его за то, что я сейчас не на твоём месте.

Неужели для нас есть только два пути: стать *ими*, превратиться в безжалостную империю, попирающую тяжёлым сапогом всё окрест, – либо отправиться к расстрельному рву? Наше государство существует уже много лет, демонстрируя иные пути. Хоть и заносит нас то влево, то вправо.

Теодор Герцль
в год моего рождения (1897)
Alex Bein. Theodore Herzl. –
Philadelphia, 1957

А тогда у нас и выбора-то особого не было. Мы хотели быть свободным народом на своей земле и делали для этого что могли. И спасибо первым сионистам, что проложили нам путь. Хоть они и лишили нас ореола богоизбранности и сделали Израиль одним из государств мира. Не дело кичиться не тобою выбранной принадлежностью к особому народу. Давайте будем гордиться лишь нашими делами, которые мы совершаем вместе со своим народом.

ИРКУТСК

Тёмные срубы одноэтажных бревенчатых домов, четырёхскатные крыши. Строили из лиственницы. Брёвна хорошо просмолены, на потрескавшихся торцах видны годичные кольца. Таков почти весь Иркутск. Ближе к центру – каменные дома, широкие длинные улицы. Главная так и называется: Большая. Невозможно пройти её всю, из конца в конец. А может, и нет у этой улицы конца? Дворы – тоже огромные. Иногда дом просто теряется внутри двора с сараями, конюшней, огородами. В некоторых дворах аж по два жилых дома, и всё равно места ещё много остаётся.

Гордость горожан – Казанский собор на Тихвинской площади, где зимой заливают каток. Гигантский, с узорчатыми куполами, с невероятным количеством прилегающих к стенам арок, островерхих закомар, кокошников. Мы, еврейские ребятишки, внутри собора никогда не бывали, да нас туда и не тянуло, признаться. Мы ходим молиться в синагогу. Здание синагоги за литым чугунным забором – не такое внушительное, как собор, но тоже поражает меня великолепием. Высокие окна увенчаны арками, я люблю их разглядывать и снаружи, и изнутри. Когда смотришь в окно из синагоги, видишь широкую улицу да тёмные брёвна домов на противоположной стороне. По улице очень неторопливо идут лошадки, запряжённые в глубокие грязные телеги, быстро прокатываются пролётки извозчиков. Но и в самой синагоге есть на что поглазеть.

Во-первых, в ней всегда светло. Горят электрические лампочки, свисающие с потолка в нескольких местах. Теперь-то я понимаю, что свет от первых иркутских электростанций был довольно тусклым. Но дома у нас и такого освещения не было, темноту разгоняли керосиновые лампы с вечно закопчённым баллоном. А гладкая матовость больших коричневых стульев! А книжные шкафы с томами Талмуда! И самый главный шкаф: тот, в котором хранят свиток Торы. В сентябре, на праздник дарования Книги, Симхат Тора, толстенный тяжёлый рулон вынимают из шкафа и, держа за две деревянные ручки, такие же тёмно-коричневые, как стулья, проносят по залу. Всё убранство синагоги представляется мне ужасно древним, и эта древность вызывает благоговение. Хотя на самом деле нашей синагоге всего-то лет двадцать с небольшим⁵.

⁵ Здание сохранилось до наших дней. Теперь там – представьте себе! – синагога. А каких там учреждений только не перебивало за годы советской власти!

В верхней галерее молятся женщины. Отец объяснил мне однажды, почему так повелось, что именно женщины стоят на вершине. Ничто не должно отвлекать молящегося от общения с Богом. А помести-ка мужчин над женщинами или вместе с ними! Да они будут не столько молиться, сколько на представительниц прекрасного пола глазеть. Но тогда получается, что мы, мужчины, особого интереса в женщинах не вызываем. Как-то грустно даже.

По праздникам после утренней молитвы происходит интересное представление: благословение коэнов, которых бывает двое, а иногда даже трое. Они выходят к священному шкафу прямо из зала, покрытые молитвенными покрывалами, талесами, тихонько бормочут вслед за кантором, а потом вдруг разом поворачиваются к молящимся, поднимают руки, расставляют пальцы и начинают говорить быстро и громко таинственное заклинание: «Еварехеха адонай вэ ишмереха...». Я знаю, что словом «адонай» обозначают Бога, а всё остальное мне непонятно. Пальцы вздетых рук коэнов интересно растопырены: мизинец и безымянный – вместе, средний и указательный – тоже вместе. Получается похоже на русскую букву «ижица». Я часто пробую так расставлять пальцы, но у меня плохо выходит. Приходится немного жульничать и выдвигать безымянный с мизинцем вперёд.

Коэны – это потомки первосвященника Аарона. Он начал проводить богослужения ещё тогда, когда у евреев не было своего Храма, когда они только-только вернулись в Страну после долгого египетского рабства. Умирая, Аарон заповедал своим сыновьям благословлять народ Израиля. Из этого рода происходит и моя мама. Мне тоже хотелось бы быть коэном, выходить вот так и благословлять собравшихся. Увы! Коэнство передаётся только по отцовской линии. Много десятилетий спустя прочитал, что коэны дают невероятно ценный материал для генетических исследований. Ведь при женитьбе на женщине из другого народа коэнство утрачивается. Потому коэны – это известная в генетике «чистая линия». Именно изучение их генов показало, что мы – единый народ, образовавшийся более ста поколений назад.

Город пересекает необыкновенно светлая река Ангара. Говорят, нигде больше нет таких чистых и прозрачных рек. Идёшь по длинному деревянному мосту – и видишь камешки на её дне (а глубина там – метров шесть, а то и все семь) и задумчивых рыб разных форм и размеров, парящих в светлом пространстве над донным песком.

ПУТЬ В СИБИРЬ

До двадцатого века люди редко переселялись в Сибирь по своей воле. Огромная часть сибирских пришельцев из Европы – ссыльные или их потомки. Моя семья не исключение. А было это так.

В результате трёх разделов Польши в восемнадцатом веке и последовавшего за наполеоновскими войнами Венского конгресса многие польские евреи стали подданными Российской империи. Всего лишь подданными, о равноправии речи не было. Даже евреи Герцогства Варшавского, которым Наполеон даровал равные с другими гражданами права, утратили их, оказавшись в российском государстве. Впрочем, сами жители еврейских местечек вряд ли замечали свои перемещения из одного государства в другое. Жили себе в «штетлях», небольших бедных посёлках, да промышляли разными ремёслами. Белорусский городок Чось Могилёвской губернии, где родился мой отец Елизар, был типичным еврейским местечком. Лесопилка, мельница, синагога, тевье-молочники в картузах, религиозные евреи с пейсами, рабочие да мастеровые. В семье деда было четыре мальчика и девочка. (Впоследствии все пятеро переедут в Палестину.) Мальчики получили религиозное образование. Отец тоже был в хедере⁶ и даже успел поучиться в ешиве⁷, изучал Талмуд. В двадцатилетнем возрасте его призвали в российскую армию. То были последние годы царствования императора Александра II. Солдатчина не была уже такой изнурительной долгосрочной каторгой, как при его предшественнике Николае I. Солдат уже не забивали до смерти шпицрутенами, а главное: срок службы сократился с двадцати пяти до шести, а то и пяти лет. Пустяки, если сравнивать с прежними временами.

И вот оно – долгожданное событие, которое в нынешней России называют забавным словом «дембель». Еврейские солдаты сидят рядком на весенней травке, покуривают и мирно беседуют в предвкушении воли. Не увидят они больше оловянных глаз усатого подполковника, командира части, не услышат его окрика «Эй ты, жид!».

– Жидами-то обзывал, а как до дела дойдёт, когда надо кассу

⁶ Хедер – базовая начальная школа в традиционной еврейской системе образования.

⁷ Ешива – высшая еврейская школа, где глубоко изучаются Тора и Талмуд.

снять или донесение быстро доставить, так без нашего брата не обходился.

– Да я сам слыхал, как его майор Зубов спрашивал: «А вы, господин подполковник, всегда на денежные дела жидов посылаете?». А тот ему: «А кого прикажете ещё посылать? В таких делах важно, чтобы не напутали, а самое главное: чтобы не пытались смошенничать да прикарманить».

Один из сидящих на травке несколько невпопад замечает:

– А я, когда свинину давали, вообще не ел. Так и сидел голодный. Хлеба пожую – и хорош.

– А я по субботам не умывался.

– Это ещё зачем?

– Так умывальник-то снаружи. Умываешься – траву поливаешь. А поливать по субботам Закон не велит.

Отец поразмыслил, чем бы ему похвалиться, и сказал:

– А я за все годы службы ни разу не матерился...

Отбыв службу, отец вернулся в родное местечко и стал помогать старшему брату Менахему. Брат держал маленькую мастерскую: гравировка, чеканка, изготовление печатей. Отец быстро обучился ремеслу, и мастерская стала набирать обороты. Заказчиков становилось всё больше. Появились кое-какие деньги, обновились гравировальные станочки. А вскоре отец женился на моей маме. Жить бы да радоваться. Вмешалась судьба в образе офицера российской армии.

Однажды в пятницу, когда братья уже сворачивали работу и собирались готовиться к субботней трапезе, в дверь постучали. На пороге стоял молодой подпоручик. Выглядел он взволнованным и немного растерянным. Поздоровался...

– Видите ли... Тут у меня такая неприятность приключилась! Такая неприятность! Несчастье, можно сказать.

Менахем (он всегда вёл переговоры с клиентами) спросил:

– А в чём дело?

– Я потерял печать нашей части. Завтрашнего дня, после обеда, надо почту отправлять, а у меня и запечатать нечем. А как накладные выписывать? И ревизия того гляди нагрянет... Не могли бы вы мне срочно изготовить эту чёртову печать? Оттисков-то у меня сколько угодно.

– Извините, но мы никак не можем: суббота, наш закон не разрешает работать.

– Да я вам заплачу! Сколько вы берёте за печать? Трёшку? Хотите пятнадцать рублей?

– Понимаете, не положено нам. Божье установление...

Глаза подпоручика возбуждённо забегали.

– Я слышал, что ваш еврейский закон разрешает нарушать субботу, если есть угроза жизни или здоровью человека. Сами видите: здесь как раз такой случай. Ежели печати завтра до обеда не будет, то мне хоть пулю в лоб. Я ж под суд пойду!

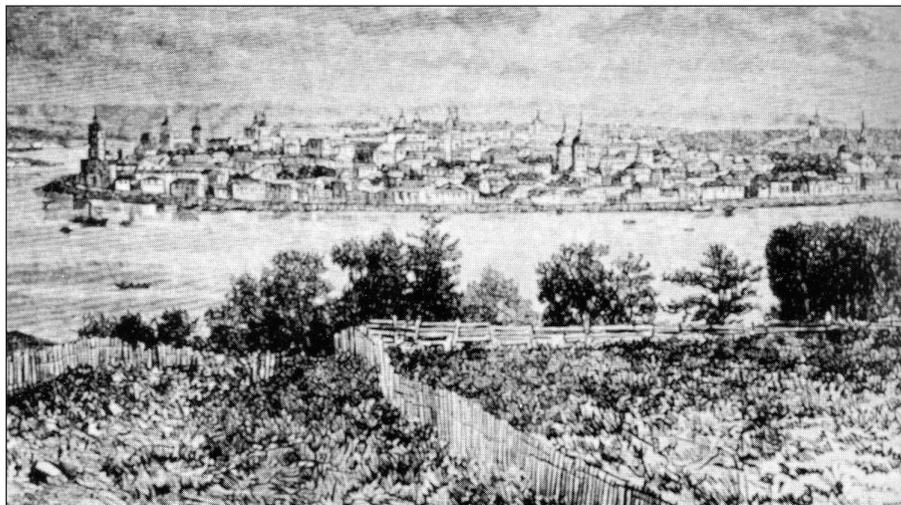
В итоге братья поступили, как тот раввин, что субботним днём наткнулся на обронённый кошелёк. Поднять нельзя: шабат. Тогда рабби крепко помолился и обнаружил, что везде суббота, а вокруг него – четверг. К следующему полудню печать была готова. Подпоручик щедро расплатился и откланялся, ужасно довольный.

Прошло ещё несколько дней. И опять под вечер – стук в дверь, необычно решительный и громкий. Что за клиент такой? Но то был не клиент – то были трое полицейских. После обыска в мастерской братьев арестовали и препроводили в городскую тюрьму. Начались допросы.

– Признаёте ли вы, что вошли в преступный сговор с подпоручиком Зенкевичем, чтобы совместно ограбить интендантский склад войсковой части?

– Да что вы! Не было никакого сговора.

– А вот нам доподлинно известно, что печать, с помощью которой преступник пытался скрыть следы своего деяния, изготовили именно вы.

Иркутск. С рисунка второй половины 19-го в.

...Когда зачитали приговор о высылке обоих братьев в Иркутскую губернию, Менахем проворчал растерянному Елизару:

– А ты чего ждал? Евреи всегда виноваты. Ещё скажи спасибо, что не по этапу пойдём.

Действительно, формулировка «без этапирования» была серьёзной поблажкой осуждённым. Пеший путь в Сибирь «по этапу», в сопровождении конвоя, был тяжелейшим испытанием. Не все добирались до мест ссылки, многие просто погибали в пути. Менахем и Елизар должны были ехать самостоятельно до тех мест, где их определили на жительство. Путь был тоже нелёгкок. (Напомним, что Транссибирскую магистраль ещё только начали строить.) Тем не менее, через пару месяцев братья уже обитали в большом селе под Иркутском, а когда у Елизара родился первый ребёнок, перебрались в губернский центр.

СЕМЬЯ

На восьмой день жизни еврейский мальчик проходит обряд обрезания и получает имя. Когда отец приподнял меня и объявил: «Ерушалаим», – что на нашем древнем языке означает «Иерусалим», лёгкий шорох удивления прошёл по залу. Имя уж слишком необычное и чересчур сионистское. Власти шибко не любили сионистов и их деятельность. Раздался даже недоуменный возглас:

– Но Иерусалим разрушен!

– Иерусалим отстроится, – возразил отец.

Следующего сына отец назвал Сионом. Люди покачивали головами: не доведёт, мол, отца до добра подобная демонстрация убеждений. Как показало будущее, правильно рассуждали...

Родным языком моих родителей был идиш. Этот диалект средневерхненемецкого прижился среди ашкеназов, евреев Европы, в Средние века. Евреи добавили к нему множество слов из иврита, арамейского и языков живших рядом славян. Уже во времена моего детства идиш становился преимущественно разговорным языком. И это притом что средневерхненемецкий был, напротив, языком литературным. Именно на нём написана «Песнь о Нибелунгах». В советские времена идиш не преследовался властями, не загонялся в подполье, за него не сажали, как за иврит. (Впрочем, он также попал под запрет на три года разнузданной антисемитской кампании, проводившейся по указке Сталина и его присных). Тем не менее, идиш практически умер вместе с нашим поколением. Да я ведь и сам приложил руку к тому, чтоб это случилось. А вот к ивриту мы относились с благоговением. То был святой язык наших предков, лёшн кодеш. Мы, дети, слышим его в синагоге и знаем, что на нём написана Тора и другие священные книги. И хотя на иврите почти не говорят уже две с лишним тысячи лет, он непременно возродится, как и Иерусалим.

...Вечер. Все отужинали. Старшие дети приготовили свои уроки. Мы, младшие, играем по углам нашей не слишком большой квартиры. Тикают ходики на стене, медленно и незаметно опускается гиря. В половине девятого папа объявляет:

– Всё! Только иврит.

И вроде бы ничего не изменилось. Как занимались своими делами, так и занимаемся. Но уже не попросишь по-человечески сестру Эстер подточить сломавшийся карандаш, не позовёшь брата

Мордехая, чтоб отколол мне лучинку от полена (я люблю играть возле огня), не объяснишь сестре Штерне, какой и где завязать узелок на моей верёвочке. А мама удалилась на кухню и с чем-то молча возится. Ей иврит ни к чему. Отец разговаривает с нами, даже на вопросы отвечает на иврите, только не всегда понятно.

– Аба, а где моя...

Я осекаюсь, встретив суровый взгляд отца.

– Не знаешь слова – назови предмет по-русски.

– Деревянная птичка.

– Птица – «ципор», дерево – «эц».

– Эйфо ципор эц?

Папа говорит, что это почти правильно. Мы оба довольны.

Такие уроки повторялись из вечера в вечер.

...Суббота. Старшим братьям не надо завтра идти в школу. А потому можно и порезвиться в спальне. Чем могут заняться пятеро мальчишек, когда спать не хочется? Да чем угодно! Есть ведь и традиционные занятия на такой случай. Можно прыгать по кроватям, кидаться подушками, подражать голосам животных. Папа уже заходил нас успокаивать, и мы даже полежали тихонько минут пять после его ухода. Теперь он заходит снова, с книгой в руках, и настроен куда решительнее.

– Так. Не хотим спать? Отлично! Будем изучать Танах⁸.

Ну вот. Доигрались. Того гляди и вправду зевать начнём.

– Сегодня у нас Мелахим Бейт, что означает вторая часть Книги Царств⁹.

Отец открывает книгу и читает несколько строк на иврите. Ну, теперь уж точно заснём. Но папа быстренько переключается на русский и начинает пересказывать. Видимо, на иврите читал для затравки, дабы мы почувствовали песенную красоту исходного текста.

– ...И вот пришёл пророк Елияшу¹⁰ в город Сонам. Жила там одна женщина, богатая, но благочестивая. Она сразу поняла, что Елияшу – не просто человек, что он связан с Богом. Стала приглашать его в гости, кормить обедами, а потом и вообще отвела

⁸ Танах (תנ"ך) – то, что в христианстве называют Ветхим Заветом. Сокращение от Тора (תורה) – Пятикнижие; Невиим (נביאים) – Пророки; Ктувим (כתובים) – Писания.

⁹ В русском переводе Библии это Четвёртая книга Царств.

¹⁰ Елияшу в русской транслитерации – Елисей.

ему горницу в своём доме, чтобы он мог там в покое предаваться размышлениям. Елияшу был ей благодарен и даже предложил помощь. Ведь он был человеком влиятельным и мог ей посодействовать, замолвить словечко перед кем-нибудь из вельмож, попросить о хорошей должности для её мужа. Вот вы бы что попросили?

Мы уже прекрасно знали, как добываются в России чины и звания и что такое «замолвить словечко», но в голову ничего оригинального не приходило.

– Пап, а что она попросила?

– Она сказала, что ей ничего не надо. У неё, мол, всё есть, она ведь живёт не одна, а среди своего народа.

Сделав паузу, отец рассказывает, как пророк упросил Бога дать этой бездетной женщине сына. Как она родила ребёнка, как радовалась ему и как он вдруг умер. Нам сразу становится очень грустно. Жалко и женщину, и её мужа, и ребёнка, умершего таким маленьким.

– Но женщина верила в пророка, в его могущество. Конечно, она сразу бросилась к нему. И любая мать на её месте поступила бы так же. Эта сонмитянка даже упрекнула пророка. «Я ведь у тебя ничего не просила. Ты сам дал мне сына. Как же ты можешь теперь допустить, чтобы он умер?»

Мы, разумеется, полностью согласны с сонмитянкой. Что это такое, в самом деле? Даже если игрушку даришь, негоже её потом отбирать, а здесь – сын!

– Тогда Елияшу пошёл вслед за ней в её дом. Он хоть и был пророком, но ещё не знал точно, как именно воскресить ребёнка. Сначала он велел своему слуге положить на лицо мальчика жезл. Но это не помогло, мальчик не воскрес. Тогда Елияшу сам вошёл в его комнату, заперся там, помолился и лёг, прижавшись к умершему. И тут почувствовал, что тельце ребёнка стало тёплым. Тогда пророк встал, снова помолился и опять лёг к ребёнку. Тот чихнул и открыл глаза. Тогда пророк Елияшу велел позвать женщину и сказал ей: «Возьми своего сына». Женщина была несказанно рада и поклонилась пророку до земли.

Мы тоже были несказанно рады, что всё так счастливо закончилось, и спокойно уснули.

А В ЭТО ВРЕМЯ...

Тикают часы истории. Наступает двадцатый век, который мне суждено прожить от начала и почти до самого конца. Ничто, кажется, не предвещает грядущих потрясений и ужасов. Или всё-таки слышен гул надвигающихся событий?

Через несколько месяцев после моего рождения Эмиль Золя публикует своё открытое письмо, знаменитое «Я обвиняю!». Это письмо – доказательство того, что и один поступок единственного человека, даже не вождя и не политика, может сильно влиять на историю. Стая антисемитов и их приспешников травит Альфреда Дрейфуса. Да кто он, в конце концов, такой, этот Дрейфус, чтобы из-за него копы ломать? Мелкий офицеришка. Кто б сегодня о нём вспомнил? И находится один (один!), бросающий всей стае: «J'accuse!»¹¹. Человек этот, как и следовало ожидать, гибнет. Но и стаи уже нет. В одном, другом, десятом, тысячном заговорила совесть. Что это – политика или мораль? Да, Золя не остановил марш зла. Антисемитизм не исчез, а через несколько десятилетий поразил Европу раковой опухолью фашизма. Но, думается мне, фашизм был обречён уже тогда, в год моего рождения.

В Московском Художественном театре ставят «Чайку» Чехова.

Примерно тогда же начинается война между США и Испанией за обладание островом Куба. Обычная война за территории, прикрываемая обычными лозунгами, взывающими к человеческой морали: мы не захватываем, мы «протягиваем руку помощи».

Англо-бурская война, что вызвала такой общественный подъём и такое сочувствие в России, начнётся годом позже.

Полюса Земли ещё не открыты, хотя все уже понимают, что скоро люди побывают и там. Восхождение на Эверест ещё не стоит на повестке дня.

В том же году – первый съезд РСДРП в Минске. (Для нынешних читателей, не затвердивших эту аббревиатуру в школах и вузах: РСДРП – это Российская социал-демократическая рабочая партия, та, что со временем обратится монстром КПСС – Коммунистической партией Советского Союза). Всего-то девять делегатов. Восьмерых из них тут же арестуют. Вроде бы и толку никакого. Даже в советские времена – несколько строчек в учеб-

¹¹ "J'accuse!" – «Я обвиняю!» (фр.) Название знаменитой статьи Эмиля Золя, обличающей беззаконие в деле А. Дрейфуса.

нике истории. Может, потому и замалчивали событие, что костяк съезда – еврейская рабочая партия Бунд. Успели-таки до разгрома оформить манифест и кое-какие материалы. Тут же отпечатали их в типографии Бунда – на русском и еврейском. Говорите, нечем тут гордиться? Возможно. Но кто ж в то время мог предсказать, куда оно всё пойдёт да покатится? Еврейские дрожжи – катализатор прогресса. А пути прогресса бывают ох какими торными! Чья-то вина, чья-то беда...

ШКОЛА

Растрёпанные лоскутки воспоминаний...

Старшие братья уходят с утра учиться в еврейскую школу, а я, словно толстовский Филипок, остаюсь дома. Мне, как и герою Толстого, это порядком надоело. Я тоже хочу учиться. Но в школу берут только с восьми лет, а мне ещё и шести не исполнилось. Пристаю к отцу:

– Папа, какая это буква? А эта?

Отец показывает всё новые и новые буквы и учит складывать их в слова. А сегодня он собирается уходить по делам, а мне ещё ничего не показал.

– Пап, не уходи! Покажи ещё буквы!

Повисаю у него на ноге, но отец меня бесцеремонно страхи-вает.

– Я скоро вернусь, тогда и займёмся...

И вот я уже свободно читаю, а в школу всё равно рано.

Сестра Цвия сжалилась и следующей осенью повела меня записываться в школу. Я не испытывал ни страха, ни волнения. Кабинет, большущий стол с чернильным прибором. За столом сидит человек с окладистой бородой. Посмотрел на меня серьёзно.

– Ну-с... И как тебя зовут?

– Ерушалаим.

Брови человека вскинулись.

– Ого! А фамилия?

Я назвал свою фамилию.

– И сколько же тебе лет, Ерушалаим?

– Скоро семь.

– Понятно.

Директор с укором поглядел на Цвию.

– Видите ли... Мы не можем принимать детей в таком возрасте. Он будет самым маленьким в классе, ему трудно будет усваивать материал. Учительнице придётся больше заниматься им, чем другими ребятами. Это будет сдерживать продвижение остальных учеников.

Цвия вспыхнула:

– Да вы знаете, какой он развитой? Он и читает, и пишет, даже умножать числа уже умеет. Остальные, наоборот, за ним тянуться будут. Да вы проверьте его!

Директор не ожидал такого напора. Задумался.

– Хорошо. Приходите с ним завтра в это же время. Я дам распоряжение устроить ему нечто вроде небольшого экзамена...

Я и на следующий день нисколько не волновался. Две тётеньки – одна молодая, вторая постарше – усадили меня за чёрную парту в пустом классе. Крышка у парты откидывалась, и мне это очень понравилось, я ещё подвигал её туда-сюда. Молодая дала мне книжку и велела с выражением прочесть стишок: «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда...». Я прочёл, стараясь не очень тараторить. Это ведь и означало «с выражением». Потом мне подвинули стеклянную чернильницу с ручкой, дали листочек бумаги в косую линейку и стали диктовать: «Пришла осень. Падают листья». Главное – не мазать, не задевать рукой написанное, это я знал. Как и положено, начинал каждую фразу с заглавной буквы, а в конце ставил крупную точку. Затем мне велели прибавить к пяти семь, вычесть из тринадцати три и ещё что-то в том же роде. Я боялся, что начнут спрашивать таблицу умножения, которую знал плохо. Обошлось, до умножения дело не дошло.

Наконец тётеньки удалились, попросив нас с Цвией подождать. Видно, к директору отправились. Через несколько минут вошла та, что постарше, и объявила, что я зачислен и первого сентября могу приходить на занятия. Домой бежал вприпрыжку, ужасно довольный собой. Я – первоклассник!

Впрочем, в первом классе я пробыл недолго. На уроках откровенно скучал, пока другие ребята читали по слогам или прибавляли к двум один. Спасибо нашей учительнице: поняла, что в её классе мне делать нечего, – и к зиме меня перевели во второй класс. Разумеется, я выглядел маленьким и слабым на фоне старших ребятшек, и несдобровать бы мне, если бы у меня сразу же не возник покровитель: сын богатого купца Львовского. Он был самым сильным в классе. Возможно, его как раз и привлекло несходство наших физических сил (интеллектуальные тоже различались, но уже в мою пользу). Попытки поиздеваться над слабаком были подавлены в зародыше. Я в долгу не остался и охотно помогал Львовскому по всем предметам.

ПРОКЛАМАЦИЯ

1905-й год. Два весёлых парня, Моше и Елизар, наши двоюродные братья, сыновья Менахема. Один – аптекарь, второй – переплётчик. Елизар хорошо рисует, вырезает мне забавных человечков из бумаги и как-то подарил альбомчик собственного изготовления, чтобы я мог рисовать в нём какие хочу картинки: видимо, религиозный запрет на изображение реальных существ и предметов уже не слишком соблюдался в ту пору. Братья приходят к нам по воскресеньям, и я пристаю к обоим. Тормошу, расспрашиваю, показываю свои игрушки и поделки. Но Моше с Елизаром подолгу не задерживаются, особенно летом. Они забирают трёх моих старших сестёр и увозят в лес на пикник. Грустно.

В одно из воскресений в доме отчего-то не остаётся никого, кроме девушек и меня.

– Ну что – поедешь с нами в лес?

Ещё бы! Напяливаю треугольную шапочку, смастерённую Елизаром из старой газеты, беру сестру Фаню за руку (в другой руке у неё корзинка с едой) – и вперёд. В пролётке – до края города и дальше, по лесной дороге, меж высоченных лиственниц и толстых кедров с узловатыми переплетёнными корнями. Уже видны на ветвях крупные шишки. Их осенью собьют ради вкусных орешков и масла, на котором мама жарит картофельные латкес (русские называют их драниками). Интересно, белки уже едят эти незрелые орешки? Вон их сколько, этих белок. Носятся, машут рыжими хвостами. Даже слышно, как переругиваются между собой: быстро и непонятно, как тётки на рынке.

Приземлились на большой поляне, разложили снедь. Чёрный хлеб, зелёный лук, редиска, крутые яйца... После трапезы гоняю по поляне, машу веткой, как саблей, одолевая несметные полчища папоротника. И не замечаю, что братьев с нами нет. Вдруг где-то недалеко слышится: хлоп! Резкий, непонятный, не слышанный ранее звук. Бегу по тропинке – и оказываюсь на другой поляне. На дальнем её конце старенькая бревенчатая избёнка. Видно, охотничья заимка. Елизар и Моше стоят спиной ко мне как раз напротив избы. К бревенчатому срубу прикреплены небольшие листки газетной бумаги. Елизар медленно поднимает руку и – хлоп! Тот же резкий звук.

– Ну если ты так в жандармов стрелять будешь, тебя самого сто раз пристрелят, – смеётся Моше.

Я не стал показывать братьям, что я их видел. Поглядел немного из кустов и отправился назад. А слова Моше оказались – увьи! – пророческими...

Вот уж и осень. Я давно не видел двоюродных братьев. Не ходят больше по воскресеньям в нашу квартирку, что в глубине огромного двора. Мы снимаем её у богатого еврейского купца. И вдруг в один из вечеров появляются оба. Только без своих обычных улыбок во весь рот. Деловые, серьёзные. Елизар треплет меня по голове своей широкой пятернёй, а я не могу оторвать взгляда от его левого рукава: рукав заправлен в карман. Плечо выглядит нормально примерно до локтя, а вот дальше... Рукав пуст. Проходят в комнату к отцу. Через некоторое время выходят, такие же серьёзные.

– Никому не говори, что они у нас были, – шепчет мне Фаня. – Никому ни слова!

Ещё несколько дней спустя, когда я играю во дворе, подбегает сестра Штерна, взволнованная, запыхавшаяся, и зовёт домой. По дороге торопливо объясняет: полицейские нашли у нас картинку, за которую папу могут забрать в тюрьму. Я должен сказать, что случайно подобрал картинку на улице и принёс в дом.

А в нашей квартире уже всё разворочено. Скинуто с кровати постельное бельё, сдвинуты матрацы. Книги сняты с полок и лежат стопками на полу. Обыск продолжается. Гладколицый дородный полицейский протягивает мне листок.

– Ты это видел?

Прокламация с не слишком искусно выполненной картинкой: смешной усатый царь упал с трона, корона свалилась с его головы, а прямо на царя скачет красный всадник со знаменем, рыцарь революции.

Я киваю головой.

– А где видел?

– Я на улице нашёл, около дома.

– Что? Прямо так и лежала на дороге?

– Не... На крыльце лежала.

Обошлось. К моим показаниям родители добавили небольшую сумму ассигнациями, и полицейский офицер внёс мою версию в протокол. Отца не забрали. До сих пор не уверен, что прокламацию не подбросили сами же полицейские. Чего ради стал бы отец держать её дома?

А ещё через некоторое время – радость и оживление в квартире, разговоры о какой-то открытке из Америки. Много позже узнал, что пришла условленная открытка от «американского дядюшки». Это означало, что братья благополучно добрались до Соединённых Штатов.

ПОГРОМЫ

Сегодня мы «бесимся». Носимся по квартире, играем в салочки, орём. В комнату влетает встревоженная и вся какая-то встрепанная сестра Штерна.

– В городе убивают евреев, а вы безобразничаете!

Это было как внезапный удар по голове: притихли мгновенно. Убивают евреев! Значит, и нас могут убить. Сидим тихонечко, ожидаемся взрослых. А всё-таки любопытно: кто убивает, почему?

Наконец приходит отец, взволнованный, но совсем не испуганный. И мы сами немного оживаем. Постепенно собираются все домашние. На улице тихо. Напряжение дня спадает. За ужином отец рассказывает, как возвращался в этот день домой. Толпа из нескольких десятков человек бушует возле самых ворот двора, где в глубине небольшой дом, который мы снимаем. Реет, взлетая над толпой одно слово: евреи. «Всё они, всё они!» – кричат в толпе. Впереди – главный подстрекатель, в руке молоток с длинной ручкой, выкрикивает что-то злобное, пронзительное, возбуждающее. Многие в толпе вооружены такими же молотками. У других – топоры, колья. Поворачивать и бежать назад по длинной Росинской улице? Отец спокойно пошёл вперёд, к калитке. Толпа немного посторонилась, и он прошёл под поднятым молотком подстрекателя, вошёл во двор, прикрыл за собой калитку... Толпа понеслась дальше, а отец направился к дому. Может быть, в нём просто не признали еврея: обыкновенный бородатый мужчина, пальто, картуз на голове...

Позднее я узнал, что в городе действовали отряды еврейской самообороны. В тот день в схватке с черносотенцами с обеих сторон погибло около двадцати человек. Толпа, на которую наткнулся отец, состояла из хулиганов и уголовников, жаждавших грабить еврейские магазины. Возможно, мой отец их просто не интересовал, ибо никакого магазина рядом не было. Осадили бакалею купца Брехмана, ударили по окнам, по витринам. И тут налетел отряд обороны. Выстрел – и упал подстрекатель с молотком в руках. Ещё выстрел – и ещё один громила валится, не успев разнести топором витрину. Толпа стремительно рассеивается, оставив два трупа в подмёрзлой осенней грязи. Был один из знаменательных дней российской истории: 17 октября 1905 года...¹²

¹² День опубликования Высочайшего манифеста – фактически первой российской конституции.

РАЗНЫЕ НАРОДЫ

Тонко слой человеческого в человеке. Легко превратить представителя вида *homo sapiens* в злобного монстра, для которого человек другой веры, расы, убеждений – не более чем объект ненависти. Даже в нашем интернациональном Иркутске. К чести горожан, стоит заметить, что никто, кроме отъявленных черносотенцев да кучки уголовников, не клюнул на антисемитскую пропаганду. Да и как могло быть иначе? Ведь регион озера Байкал – это край, где живут бок о бок и смешиваются разные этносы. Славяне, пришедшие из Европы, встретились здесь с монголами, бурятами, китайцами. Если и существует ксенофобия, то она скорее забавная, чем обычная – безобразная.

Вон прямо за нашим забором, чуть пониже по склону, – татарский двор. И хорошо видно, как сосед или соседка спешит по нужде к деревянной будочке. И всегда с кувшином для подмывания в руке. Даже в мороз. Гигиена...

В дни мусульманских праздников татары торжественно шествуют в мечеть, разодетые в великолепные цветные одежды, вшитых золотом шапочках. Черкесы тоже ходят в мечеть – в бараньих шапках, с кинжалами и патронташами во всю ширину груди. Кстати, и наши нынешние израильские черкесы надевают по праздникам этот шикарный наряд. Их община сделала немало для становления Израиля, помогая нелегальной еврейской эмиграции в годы британского мандата.

У нас, мальчишек, отношения с татарскими соседями не безоблачные. Мне и ещё двум приходится возвращаться домой мимо татарской школы. А тамошние ученики, из тех, что постарше нас, уже подкарауливают. У них, видно, как раз перемена. Хорошо если только камнями кидаются, а то и кулаками поднадать могут. Пришлось пожаловаться Львовскому. Он мобилизовал нескольких своих могучих приятелей и с ними пошёл за нами на некотором отдалении. Вот упал возле наших ног камень, брошенный из-за забора не слишком меткой рукой. Вместо того чтобы бежать, останавливаемся и начинаем орать и строить рожи, провоцируя на драку. Да там и провоцировать особо не надо. Тут же вылетают несколько татарских школьников и несутся на нас, размахивая кулачищами. Мы отступаем, бежим назад – и тут шквалом налетают Львовский со товарищи. Очень скоро потрёпанная вражеская армия ретируется и заскакивает в свой школьный двор. С тех пор наши встречи

выглядят весьма дипломатично: они – нам язык покажут, мы – им. Тем всё и заканчивается.

Буряты приезжают в город из окрестных стойбищ, где живут в юртах и мазанках. Их жизнь не слишком изменилась за последние столетия. По-русски говорят плохо, часто даже считать толком не умеют. И очень доверчивы. Зайдёт, бывало, бурят в лавку, отберёт, что надо из продуктов, да и протягивает купцу горсть монет: возьми, мол, сколько положено. И не знаю случая, чтобы кто-то обманул покупателя бурята.

В городе живёт много китайцев. Как и евреи, занимаются торговлей, ремёслами, лечением зубов. В соседнем с нами дворе живёт зубной врач китаец. А между дворами и забора-то нет. Мы знаем довольно много китайских слов. Некоторым словам учат нас старшие ребята, не разьясняя их смысла. Один раз увязываюсь за группкой таких ребятешек. Подходят они к дому нашего соседа и начинают выкрикивать те самые слова. Вскоре на пороге появляется и сам сосед-китаец, размахивая огромной саблей. Кричит с китайским акцентом: «Сейчас уши отрежу!». Смелчаки-полиглоты поспешно покидают поле битвы.

ИРКУТСКИЕ МОРОЗЫ

Климат в Иркутске резко континентальный. Жаркое короткое лето и морозная долгая зима. Люди к ней привычны, жизнь не замедляет и при сорока градусах ниже нуля. А такие сильные морозы случаются в каждом январе. И тогда мы не идём в школу. Играем дома. Да и взрослые предпочитают носа на улицу не высовывать.

– Пап, а правда, что если сейчас выйти и лить из чайника кипяток, то на землю упадёт не вода, а лёд?

– Не вздумай проверять: ошпаришься! – остерегает отец.

Значит, всё врут..

А если мороз не такой сильный, то и взрослые по своим делам расходятся, и мы в школу бежим. Хотя нос можно отморозить и при двадцати и даже при пятнадцати градусах. Мои нынешние соотечественники, из тех, кто никогда не жил в холодных широтах, почему-то считают, что мы, выходцы из России, менее чувствительны к холодам. Приходится им объяснять, что организм у нас такой же и что чувствуем мы то же самое, а отличает нас одно: сызмальства приучены не шутить с морозами, знаем, что одеваться надо.

Бегу как-то в школу. На мне, как и положено, цигейковая ушанка, и даже своё зимнее пальтишко я застегнул почти на все пуговицы, а не только на верхнюю, как обычно делаю для быстроты застёгивания. Высокий широкоплечий мужик вырастает прямо передо мной на дороге, словно из сугроба выскочил.

– Мальчик, стой!

Хватает меня за шапку, туго связывает вместе её уши, так, что я даже слышать перестаю. Растирает мне нос и щёки рукавицей, застёгивает ещё пару пуговиц на пальто.

– Теперь беги.

...Сиреневые полосы печных дымов на тёмно-розовом фоне утренней зари. Длинные извилистые поленицы с внутренней стороны заборов. (Дров требуется много, очень много.) Катание на санках с высокой горы, что возле самого нашего дома, чаще – парами. Впереди сидит кто-нибудь из старших мальчишек. Крепко обхватишь его руками за бока и летишь вниз, к Ангаре, с громким визгом. Визг не от страха – от удовольствия. А тащить потом санки на гору – это обязанность того самого сидящего впереди мальчишки. А я ещё маленький.

Зимнее молоко приносят нам в мешке: это твёрдые конические белые глыбки. Точнее, не совсем конические, а в форме печного горшка. Обычный чугунок наполняют молоком, опускают в него лучинку и выносят на мороз. Молоко застывает. Спустя некоторое время чугунок ставят на минуточку в русскую печь и вытягивают за лучинку большой молочный ком. Груды таких молочных конусов мы видим зимою на рынке.

А ещё я люблю смотреть, как заполняют льдом большой погреб под нашим домом. Это бывает уже ранней весной, когда вот-вот вскрыется река после трёхмесячной подлёдной спячки. Во двор въезжает подвода, груженная сверкающими на весеннем солнышке громадными кристаллами. Внутри подвала ведут два деревянных жёлоба. Лёд катится по ним с шумом, звоном, шуршанием. Второй рейс, третий. Столько его, этого льда! Надо, чтобы его хватило до самой осени. Скоро в «ледяной дом» привезут бордовые туши кошерного мяса. Там же, в подвале, до позднего лета хранят картошку прошлого урожая, капусту и прочие овощи.

Закваска капусты – это ритуал, объединяющий людей. Вероятно, так запасали сообща продукты охотники-собиратели десятков тысяч лет назад. Под вечер сходятся несколько семей в одном из домов. Собравшиеся вооружаются большими острыми ножами, выставляют бочки, раскладывают доски – и вперёд с песнями. И не только с песнями. Там и анекдоты, и просто разговоры. А мы, малыши, носим кочаны. Только успевай подтаскивать! Капусту нарезают тоненько, чтобы быстрее заквасилась. А кочерыжки, естественно, нам достаются. В перерыве все едят большие тонкие блины из гречневой муки, печённые на кедровом масле. На следующий вечер сходятся у другой семьи – и ритуал повторяется.

УГАРНЫЙ ГАЗ

Перекрытый дымоход в печи – штука опасная. Когда тлеют угли, а выхода для угарного газа нет, он идёт в помещение, отравляя жильцов. Если печь топится ежедневно и подолгу (а с осени и по весну включительно это именно так), то вполне может случиться, что кто-нибудь не вовремя прикроет заслонку дымохода. И тогда можно запросто получить хорошую порцию угарного газа...

Тёмной зимней ночью наша квартирантка Сима (она приехала из деревни обучаться портновскому ремеслу) проснулась, попыталась встать, но мгновенно потеряла сознание и рухнула на пол. От звука падения проснулась старшая сестра Фаня. Приподнялась – и тут же скатилась с кровати прямо на Симу.

Я проснулся от того, что отец сильно тряс меня за плечо. За окном было ещё почти темно. Рядом с отцом стояла, держась за притолоку, старшая сестра Цвия, уже полностью одетая.

– Поднимайся! Срочно бегите в аптеку к Симоновым. Скажите, что все угорели.

Я начал вставать и почувствовал лёгкую тошноту. Голова кружилась.

– А мама?

Отец только рукой махнул: вставай, мол, – и кинулся к окну. Форточку он открыл раньше, а теперь лихорадочно возился с двойными рамами. Морозная свежесть ворвалась в квартиру, сразу стало легче дышать. И мы с Цвией помчались к нашему родственнику, аптекарю Симонову.

– Воздух в дом впустили? – первым делом осведомился он.

– Да, папа окна открыл.

– Вот вам нашатырный спирт. Немедленно всех разбудить, укрыть тёплым и дать сладкого чаю. Я скоро приду.

Когда через час он появился у нас в квартире, в ней ещё гулял холодный ветерок, но все потихоньку приходили в себя. Оказываются, кроме нас троих никто не смог подняться в то утро.

Позднее я узнал, что именно так, угарным газом, за несколько лет до того был убит Эмиль Золя. Правые радикалы не могли простить писателю его битвы с силами зла, той бури, которую он поднял вокруг дела Дрейфуса. Одна – казалось бы рядовая – подлость верхов стала символом и воплощением всех подобных мерзостей. И голос Золя был услышан. У него становилось всё больше сторонников. 28 сентября 1902 года подкупленный антисемитской

сволочью трубочист Анри Бюронфос перекрыл дымоход в квартире писателя... Вся честная Франция оплакивала Золя. Сегодня мы назвали бы его великим правозащитником.

Шесть лет спустя гроб с телом писателя переносили с Монмартрского кладбища в Пантеон, чтобы захоронить его рядом с Александром Дюма и Виктором Гюго. На церемонии был и реабилитированный к тому времени Дрейфус. Когда процессия подошла к Пантеону, прогремел выстрел. Некто Грегори, член существовавшей вполне легально Антисемитской Лиги Франции, ранил Дрейфуса в руку. «Я не собирался убивать Дрейфуса, – заявил Грегори на суде. – Хотел только немного поцарапать». Суд согласился с этим мотивом и оправдал покушавшегося. Угарный газ продолжал расползаться по Европе...

ПРАЗДНИКИ

В еврейском календаре много праздников. Они, как вешки на тропе жизни, помечают ход времени. Только располагаются неравномерно: то далеко друг от друга, то почти вплотную. В начале еврейского года праздники собираются, идут сплошняком. Это хорошо: можно не сразу впрягаться в учёбу после летних каникул, а немного проволынить. Ведь начало года чаще всего приходится на сентябрь. Мы знаем названия еврейских месяцев: тишрей, хешван, кислев... Они не совпадают с гойскими месяцами, иногда их даже бывает не двенадцать, а тринадцать: за адаром идёт ещё один, второй, адар. Папа объяснил, что так сделано для того, чтобы каждый месяц начинался и заканчивался в новолуние. (Даже в русском слово «месяц» в одном из своих значений – «луна»).

Каждый новый календарный день у евреев начинается вечером, когда загорается первая звезда. Значит, и новый год начинается в вечерних сумерках ранней осени. Это первое тишрея, Рош-а-Шана, что в переводе означает «голова года» – Новый год. В этот день Всевышний составляет для всех людей расписание на будущий год, наподобие нашего расписания уроков в школе. Это, однако, книга судеб: в ней Господь (вероятно, с помощью своих ангелов – людей ведь очень много) записывает, что должно случиться с каждым. Входя в дом, желают друг другу хорошей записи в книге судеб... К началу сумерек гости уже за столом. Мама и сёстры вкуностей наготовили. Зажигаются праздничные свечи, отец произносит кидуш¹³ над бокалом с красным вином. Нам, детям, наливают кисло-сладкого морса. Блюдечки с мёдом и сдобные, сладко пахнущие халы¹⁴ – под белыми полотняными салфетками. Кусочки халы обмакивают в мёд, чтобы наступающий год был сладким. А наутро мы идём молиться в синагогу. Но не в новую, огромную и роскошную, а в ту, что при богадельне, еврейском доме престарелых. Ведь в молитве должен принять участие каждый еврей, а старикам трудно тащиться далеко.

Молитва тянется долго, раввин всё говорит и говорит непонятное, заглядывая в большую книгу. Один человек стоит рядом и по знаку раввина то открывает, то закрывает Арон Кодеш, шкафчик с

¹³ Кидуш – благословение, произносимое главой семьи над бокалом вина по субботам и в праздники.

¹⁴ Хала – традиционный праздничный хлеб. Готовится из сдобного теста с яйцами.

изображением большой овальной короны: в нём хранится свиток Торы. Мне было бы совсем скучно, если бы не трубление в большой рог, шофар. Его тревожный звук возвещает начало Десяти дней трепета. В эти дни каждый иудей должен каяться в совершенных грехах и просить у Господа прощения. Ведь запись, внесённая в книгу судеб, – не окончательная, Всевышний ещё не закрепил её своей печатью и может передумать, изменить плохую запись на хорошую, если раскаяешься и хорошенько его попросишь. За время молитвы трубят в рог много раз и по-разному. Вот *ткия*, она начинается низким и задумчивым звуком, который понемногу усиливается, пока не станет высоким и пронзительным. Мне кажется, что даже бронзовые подсвечники – меноры – отвечают ему тихим звоном. Но больше мне нравится *труа*, девять резких коротких звуков. От них действительно становится тревожно.

Но вот Десять дней трепета заканчиваются. Наступает Йом-кипур. Только теперь Господь скрепит записи в книге судеб своею печатью. Никакого праздника, всё чинно. Мы ужинаем, а потом отец благословляет каждого из детей: кладёт руки на голову, шепчет молитву – и уходит в синагогу. Там он пробудет в молитвах целые сутки. Начинается пост. До завтрашнего вечера – ни еды, ни питья. Увы, к нам, детям, это пока не относится. Мальчикам положено поститься только с тринадцати лет. Утром мы пойдём и навестим папу в синагоге. А после Йом-кипур тринадцатилетние мальчишки, как обычно, станут хвастаться тем, как они сутки не ели и не пили – и хоть бы хны.

Но вот отец возвращается из синагоги, и дом постепенно наполняется гостями. Во время трапезы и после неё звучат разговоры – главным образом о Земле Израиля, Библии, притчах из Талмуда¹⁵, перемежаемые пением песен о Сионе.

И уже на завтра мы начинаем готовиться к следующему празднику. Это Суккот, и он наступает буквально через три дня. Евреи должны жить целую неделю в шалашах-сукках в память о том, как жили наши предки во время исхода из Египта. Конечно, настоящих шалашей из веток никто не строит. Главное – чтобы из сукки видно было небо. Выбираем местечко во дворе, вбиваем колышки, приносим из сарайчика доски. Наша сукка всегда просторная и

¹⁵ Талмуд, основной источник еврейского религиозного учения, включает Мишну («Повторение») как дополнение к Торе и Гемару («Завершение») в качестве обширных комментариев.

на диво красивая. Её возводят в углу двора, так что высокий забор образует две её стены, а ещё две делают из досок, на которые натягивают материю. После Суккот из этой материи шьют всевозможную детскую одежду.

Холода приходят в Иркутск рано. Бывало, что и снег пойдёт, а уж про дожди и говорить нечего. Даже в тёплой одежде круглые сутки не больно-то просидишь в сукке. А вот папу мог выгнать из неё только особенно сильный ливень.

Ханука¹⁶ наступает заснеженным зимним вечером. Папа со всеми положенными церемониями зажигает масляную лампаду. Это в память о том чуде, которое случилось, когда хасмонеи взяли Иерусалим и вновь освятили осквернённый греками храм. У евреев была всего одна порция масла, но его пламени хватило на восемь дней. И мы играем с волшебным волчком, по сторонам которого написаны слова «נס, גדול, היה, שם»¹⁷. Родители тоже участвуют в игре. Мама приносит чудное печенье в форме сердечек. Его пекут в большой печи на гусином сале.

Вместе с весной приходит Пурим, праздник в память спасения евреев в Персии во времена царя Ахашвероша. Аман, злой и коварный советник царя, решил устроить собственный персидский холокост и истребить всех евреев империи. Жена царя, прекрасная еврейка Эстер (Эсфирь), открыла царю коварные замыслы Амана. Именно этот момент изображён на известном полотне Рембрандта. Разгневанный царь приказал повесить коварного царедворца, а иудеям велел отразить нападение подручных Амана. Вся эта история подробно описана в Свитке Эстер, который мы называем просто Свитком. Папа читает его вслух матери и сёстрам накануне праздника. А на завтра вся семья и многочисленные гости садятся за праздничный стол. Мы все получаем подарки – разумеется, что-нибудь из необходимого: одежду, обувь, учебные принадлежности.

И вот наконец долгожданный Песах, праздник исхода из Египта. Приготовления к празднику – очень обстоятельные. Гусиное сало, запасённое ещё с Хануки, солёная свёкла, вино из изюма. Всё собственного приготовления, за исключением мацы, которую пекли для всей общины. Папа приносил её в огромной наволочке. На всю предстоящую неделю пресная маца заменит нам хлеб.

¹⁶ Ханука – праздник, длящийся 8 дней (25 кислева – 2 тевета) в честь победы евреев во время восстания хасмонеев против греческого владычества.

¹⁷ נס גדול היה שם – «Было там чудо великое».

Ведь наши предки бежали от злобного фараона так поспешно, что тесто, поставленное для выпечки хлебов, не успело подняться. Уже в пути, на каком-то привале, женщины напекли из него пресных лепёшек.

Днём нам велят поспать, чтоб к вечеру седера быть бодрыми. «Седер» буквально означает «распорядок». Церемония подробно расписана: что стоит на столе, что делает и говорит в каждый момент распорядитель вечера, когда присутствующие совершают омовение рук, когда наливается вино. За столом множество гостей, отец руководит церемонией. Мама сидит рядом с ним, величественная, как царица. Сосуды для омовения рук подают мои старшие сёстры, они же расставляют и меняют блюда на столе. Отец разламывает одну мацу и заворачивает её кусочек в чистую салфетку. Это афикоман. Сейчас папа запрячет его куда-нибудь. В конце церемонии кто-нибудь из детей разыщет афикоман и получит за это подарок... Агаду – сказание об Исходе – читаем по очереди. Отец читает на иврите, затем переводит на русский. А мы, дети, на иврите читать ещё не можем и сразу читаем русский текст.

«Вот хлеб бедности нашей, который ели отцы наши в земле египетской. Каждый, кто голоден, пусть придёт и ест, каждый, кто нуждается, пусть придёт и участвует в трапезе», – провозглашает отец. – «В этом году – рабы, в будущем году – свободные люди».

Папа проводит седер долго и занятно, с многочисленными песнями, сказками, рассказами. Торжество продолжается до глубокой ночи. Я почти никогда не досиживаю до конца и наутро помню только поиски афикомана и тот подарок, который получил нашедший его счастливчик.

Пение сопровождает не только пасхальный седер, но все субботние и праздничные трапезы. Тексты песнопений – традиционные, те, что освящены обычаями. А вот мелодии часто отличаются от традиционных. Отец ведь пять лет был солдатом. А в те времена солдаты ходили пешком и только очень большие расстояния преодолевали на поездах. Офицеры гарцевали на лошадях. А когда солдаты маршировали, они пели в такт шагам. Петь было велено, и в основном это были маршевые песни. И вот вместо «Сашенька-Машенька» мы поём слова молитв, к которым папа приладил эти мотивы. Мелодии очень красивые и ритмичные.

НЕВЗГОДЫ

Временами семью посещают несчастья. Иногда мелкие, а иногда и трагические, угрожающие самому её существованию...

Могущество обычных предметов. Древние не могли поверить в их бездушность. Они полагали, что даже дверной петлёй управляет особый бог. Привычные вещи, немые объекты ежедневного обихода могут быть страшными врагами. Горе тебе, если они на тебя ополчатся.

Мой старший брат Элиягу был обыкновенным мальчишкой, озорным и подвижным. Тёплым июльским утром наигравшись на улице с ребятами, захотел выпить. Соседский двор был рядом. Элиягу забежал в него и направился к глубокому колодцу с воротом, что был в углу возле грядок. Удача! Полное ведро с прохладной водой уже стоит на краю колодезного сруба. Мальчишка схватил его, припал губами к краю – и надо же! – ведро выскользнуло из рук и полетело вниз, в колодец. Элиягу отчаянно пытается удержать его, хватая цепь... И летит вместе с ведром вниз...

Элиягу сильно ударился головой о сруб и потерял сознание. Потом врач говорил, что именно это его и спасло, хоть я до сих пор до конца не понимаю, как именно. Вероятно, будь Элиягу в сознании, он стал бы барахтаться, наглотался бы воды и захлебнулся. А так он просто застрял у самой воды на десятиметровой глубине. Хорошо, что как раз в этот момент вышел во двор наш сосед Фёдор Павлович. Услышал шум возле колодца, подбежал – и мгновенно всё понял. Тут же спустился вниз, на десятиметровую глубину, и вытащил моего брата. Побежали за врачом... Шрам на голове украшал Элиягу до конца его жизни.

А вскоре случилась уже настоящая трагедия...

Первые годы в Иркутске отец зарабатывал гравировкой на мраморных плитах. Это было довольно доходным делом. Летом отец работал во дворе, а на зиму свою мастерскую, за неимением дополнительных помещений, перемещал в одну из комнат. Всё моё раннее детство прошло среди надгробий с надписями на иврите и русском. Камни не казались мне зловещими или мрачными. Волшебная сказка пряталась в сплетении позолоченных линий, из которых я ещё не умел составлять слова. Когда плитам не хватало места в мастерской, они вторгались на кухню. Их прислоняли к стене и прочно закрепляли деревянными клиньями-подпорками, чтоб не перевернулись.

Наша приходящая домработница Нюра была такой чистюлей! Оставить невымытым островок пола было не в её правилах, тем более под плитой, где было много мраморной крошки. Вот и сдвинула подпорку...

Мой пятилетний старший брат Мордехай первым из детей услышал, что мама вернулась с рынка.

– Мама пришла! – И в порыве восторга прыгнул на мраморную плиту. Плита перевернулась. Удар пришёлся по голове...

Я почти не помню Мордехая. А мой отец после гибели сына перестал заниматься гравировкой на могильных плитах, полностью переключившись на работу по металлу. Он стал набожным и теперь чаще молился, завернувшись в свой большой талит¹⁸ с двумя синими полосами.

¹⁸ Талит (талос) - молитвенное покрывало.

СИОНИЗМ

Сионистское движение распространялось повсюду, где была хоть какая-то еврейская национальная жизнь. Даже в отдалённых губерниях России вроде нашей, Иркутской. Несмотря на противодействие части еврейского общества (о чём я уже писал в предисловии), сионизм увлекал сотни и тысячи людей романтикой, мечтой о строительстве новой жизни на своей земле. В сионизме сплетались надежды на национальное освобождение и социальное равенство. Первые российские пионеры (халуци́м) двинулись в Страну ещё за пятнадцать лет до моего рождения, в восьмидесятые годы девятнадцатого столетия. «Народ Израиля построит в Земле пророков новое общество, основанное на социальной справедливости, ибо таково предназначение народа Израиля в Стране Израиля»,¹⁹ – провозгласили члены организации Билу. Так началась Первая алия́ (буквально: восхождение) – волна иммиграции в тогдашнюю турецкую провинцию Палестина. Халуцим столкнулись в Стране с невероятными трудностями, и поток новых поселенцев стал постепенно спадать. Но после поражения Первой русской революции, после разгула «Чёрной сотни» и кошмара погромов многие осознали, что в России им больше делать нечего. Началась Вторая алия.

«Пробудись, молодёжь Израиля! Приди на помощь своему народу!»²⁰ – взывал школьный учитель из Галилеи Иосиф Виткин. И опять тысячи людей отправились заселять и осваивать дикие места с их тяжёлым климатом, пустынями и малярийными болотами. (Со многими из них я встречаюсь в не столь далёком будущем.) Нужны были деньги, чтобы выкупать земли у турецких властей, приобретать сельскохозяйственное оборудование, осушать болота, строить дома и дороги. И если раньше пионеры Израиля могли полагаться только на поддержку отдельных филантропов (самый известный и деятельный из них – барон Эдмонд Ротшильд), то теперь существовала международная организация – Всемирный сионистский конгресс, который мог вовлечь сотни тысяч евреев в дело поддержки поселенцев. Уже на Первом конгрессе, в 1897 году, было принято постановление, которым определялись правила членства в сионистской организации и уплаты взносов.

¹⁹ Цит. по [5], р. 28.

²⁰ [5], р. 72.

Сионисты не выдавали членских билетов. Хочешь принадлежать к организации – приобрети так называемый сионистский шекель. По числу купленных сионистских шекелей определяли число представителей от еврейских общин на очередном конгрессе. Эта практика продержалась аж до 1968 года!

Разумеется, для сбора средств нужны были активисты. В Иркутске таким активистом был мой отец. А сионистские шекели можно было приобрести в нашей квартире на регулярных собраниях сионистов. Теперь за этими старыми квитанциями, напечатанными на дешёвой серой бумаге, гоняются коллекционеры всего мира.

Сионистский шекель

Отношение царского правительства к сионизму было двойственным. С одной стороны, идея «очищения российского государства от евреев» представлялась правительству весьма привлекательной. Об этом, представьте себе, мечтали и «первенцы свободы» декабристы. Руководитель Южного общества и ярый антисемит Павел Пестель писал в «Русской правде»: *«Российское правительство хотя и оказывает всякому человеку защиту и милость, но однако же прежде всего помышлять обязано о том, чтобы никто не мог противиться государственному порядку, частному и общественному благоденствию. [...] Способ ... состоит в содействии евреям к учреждению особенного отдельного государства в какой-либо части Малой Азии. Для сего нужно назначить сборный пункт для еврейского народа и дать несколько войска им в подкрепление. Ежели все русские и польские евреи соберутся на одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу*

*людей, ищущих отечество, нетрудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить, и, пройдя всю европейскую Турцию, перейти в азиатскую и там, заняв достаточные места и земли, устроить особенное еврейское государство».*²¹ Вот кто, оказывается, был первым сионистом в России!

В 1890 году в Одессе было основано «Общество вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине». И действовало оно довольно успешно. За два года Общество помогло переселиться в Палестину трём тысячам евреев из России и Бессарабии.

С другой стороны, правительство стремилось подавлять любое национальное движение. Не будем забывать, что Российская империя была полицейским государством. Памятная людям моего поколения «борьба с сионизмом» возникла не в советскую эпоху, а гораздо раньше, хоть и не достигала тогда советских масштабов и такого размаха государственной истерии. Многие говорили, что мой отец когда-нибудь поплатится за свою сионистскую активность. Так оно и случилось. Но об этом немного позже. А вначале я хочу рассказать о делегате Шестого сионистского конгресса Моше Новомайском.

²¹ Цит. по [6].

НОВОМАЙСКИЙ

Еврейская община Иркутска насчитывала две тысячи душ. В наш небогатый дом приходило много народу. Почти каждый день заглядывал кто-нибудь для обсуждения текущих дел. Чаще то были люди нашего круга: ремесленники, владельцы небольших лавочек, рабочие. Но случалось, что какой-нибудь владелец золотых приисков или соляных заводов точно так же проходил в отцовскую комнату, беседовал с отцом, а мать угощала посетителя крепким китайским чаем с баранками или со свежей халой.

Одного из посетителей, Моисея Абрамовича Новомайского, я запомнил. Во-первых, из-за необычной фамилии, а во-вторых, потому что о нём часто говорил отец. Моисей Абрамович происходил из семьи богатого золотопромышленника, родители которого были высланы в Сибирь за участие в польском восстании. Типичный молодой интеллигент тех времён. Аккуратная бородка, залысины над высоким лбом, серьёзный взгляд молодого, но уже много повидавшего человека. Только что вышел из тюрьмы, где сидел полгода за революционную деятельность. А до того были – учёба в университете Кёнигсберга, Сионистский конгресс в Базеле в 1903 году, дискуссии о будущем еврейском государстве, беседы с самим Теодором Герцлем. Новомайский был крупным инженером, служил на золотых приисках в Баргузине, серьёзно занимался минералогией. Он вынашивал идею создания в Палестине еврейской промышленности. Ведь поселения, организованные сионистами, были сельскохозяйственными. Оно и понятно: жителям этих поселений надо было чем-то кормиться. Все силы уходили на борьбу с жестокой природой: на орошение скудной пустынной почвы, осушение болот. Новомайский считал, что одним только развитием сельского хозяйства невозможно добиться той цели, которую поставили перед собой сионисты. Новые времена на дворе. Любое государство сильно прежде всего своей промышленностью, да не какими-нибудь мелкими мастерскими, а заводами и фабриками. Он рассказывал отцу, что как раз недавно в Стране работало несколько геологических экспедиций. И много чего открыли, между прочим. Минеральные богатства лежат и ждут тех, кто возьмётся за их разработку. В районе Мёртвого моря колоссальные запасы самого разного сырья, и можно хоть сейчас начать там производство поташа из калийных солей. Новомайский хотел сам поехать на Мёртвое море, чтобы на месте прикинуть, как там можно всё организовать...

Я встретил его через тридцать с лишним лет, перед Второй мировой войной, в Тель-Авиве. Он зашёл ко мне в студию и попросил помочь с организацией киносеансов в его гостинице «Лидо» на Мёртвом море. Было ему уже за шестьдесят, но он мало переменялся: такой же худощавый, подтянутый, глаза смотрят молодо. Даже залысины не слишком увеличились. Я проводил Новомайского в свой кабинет и ещё до того, как нам принесли кофе, сказал:

– А ведь я вас ещё по Иркутску помню.

– Как? Я много о вас слышал, но понятия не имел, что вы тоже из Иркутска!

– А помните, как вы приходили к нам по сионистским делам?

Он вспомнил моего отца, а меня, разумеется, нет.

– Вы тогда собирались съездить на Мёртвое море, своими глазами посмотреть на залежи солей.

– Как видите, съездил. И не без результата.

О предприятиях Новомайского знали все. Он приехал к Мёртвому морю в 1911 году, изучил берега, взял образцы солей и привёз их в свою иркутскую лабораторию. Сравнил их состав с составом прибрежных отложений Байкала и решил: разработка минеральных богатств Мёртвого моря будет делом успешным. Но путь к успеху оказался долгим. Переговоры с турецкими властями прервала война. Вскоре после того, как она окончилась и в Палестину пришли британцы, Моисей Абрамович (теперь его звали Моше) обосновался с семьёй недалеко от Тель-Авива. Через некоторое время, взяв ссуду у барона Ротшильда, Новомайский приобретает участок земли на горе Содом, неподалёку от Мёртвого моря. Многие считают, что именно это место описано в библейском рассказе о Содоме и Гоморре. «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождём серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли. Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом». (Бытие, 19:24–28). В тех местах до сих пор показывают туристам «жену Лота» – скалу, напоминающую формой женщину, закутавшуюся в покрывало.

Однако Новомайский купил там участок не из почтения к библейскому рассказу, а как базу для новых геологических исследований.

К тому времени уже многие американские и британские компании жаждали получить концессию на разработку богатств не-

обыкновенного озера, но наш старый знакомый умел налаживать связи и обходить соперников. В 1927 году верховный комиссар Палестины Герберт Пламер подписал разрешение на выдачу ему концессии. Британские лорды негодовали: богатства подмандатной Палестины уходят к сионистам! На обсуждении вопроса в Палате лордов её председатель Ислингтон назвал сионизм «неудавшимся экспериментом». Тем не менее, в начале 1930 года была основана Palestine Potash Company, и уже в следующем году началось производство поташа. Вначале рабочие приезжали из Иерусалима, но вскоре появились посёлки поблизости от разработок. Осушили большой участок болот и назвали эту территорию Калия: ведь здесь добывают калий! Появились даже киббуцы, в которых выращивали зерновые культуры на засоленных почвах. Предприимчивый Новомайский сумел договориться с эмиром Трансиордании Абдаллой о поставках пресной воды. Не то чтоб будущий король Иордании сильно любил евреев, но, будучи человеком здравомыслящим, он понимал, что развитие этих мест будет выгодно и ему. А англичане устроили в Калии нечто вроде курорта. Здешнюю площадку для гольфа остроумные британцы назвали «Содом и Гоморра».

...Мы сидели вечером на террасе гостиницы и смотрели на застывшую поверхность воды, начинавшуюся прямо возле ступеней. Но море не было мёртвым: в нем отражались электрические огни, по водной глади двигались тени людей, притом в холле играла музыка. И не радио, не граммофон – живая: Новомайский пригласил музыкантов. Не могу сказать, чтобы мы благодумствовали, размечтавшись о прекрасном будущем этих мест. Ведь тяжёлый конфликт с арабами уже омрачал жизнь ишува²². Арабы совершали набеги на соседние поселения. Калию пока не трогали, зная о дружбе «доктора» (так они называли Новомайского) с Абдаллой. И всё-таки мы не могли предвидеть те драматические и прискорбные события, которые развернутся здесь десятилетие спустя.

Во время войны половина промышленного экспорта подмандатной Палестины приходилась на предприятия Новомайского, при этом они обеспечивали половину потребностей Британии в поташе.

В сорок восьмом году, когда началась Война за независимость,

²² Ишув – собирательное название еврейского населения Эрец-Исраэль (Палестины).

Моше Новомайский приложил огромные усилия, чтобы сохранить предприятия. Он дважды ездил в Амман к Абдалле, и ему удалось договориться о своего рода «сепаратном мире», распространявшемся на территорию предприятий. А потом Новомайский поехал в Тель-Авив, чтобы встретиться с Бен-Гурионом, и... попал в автомобильную катастрофу. Пока лежал на больничной койке, напряжённость в районе Мёртвого моря всё нарастала, и некому было потушить разгорающийся конфликт. Опасаясь, что арабы устроят здесь резню, Бен-Гурион отдал приказ об эвакуации предприятий. Рабочие взорвали часть оборудования – и флотилия из семнадцати небольших судов увезла людей

и имущество от опасных мест. Вскоре толпа погромщиков ворвалась на территорию предприятий и разграбила то, что ещё можно было разграбить. А затем туда

вошёл Арабский легион.

После войны Новомайскому не удалось возродить свои предприятия: правительство стремилось их национализировать, оно и приобрело все акции. Сейчас государственная компания Dead Sea Works, пришедшая на смену заводам Новомайского, – четвёртая в мире по производству поташа. Кроме того, заводы компании поставляют в шестьдесят стран мира самые разные минеральные соли.

Моше Новомайский, основатель первых химических предприятий на Мертвом море

На Мертвом море (1992)

ВЫСЫЛКА

Если в Иркутск приезжал гость, ревностно соблюдающий заповеди, он мог быть уверен, что в двух городских домах пища абсолютно кошерная²³: у городского раввина и у моего отца Елизара. Поэтому у нас часто кто-нибудь гостил.

...Случилось это в канун субботы, перед зажиганием свечей. Мы как раз собирались идти в синагогу. Возле дома остановился извозчик. Из коляски вышел молодой красавец с ангельским лицом. Человек, отпустивший извозчика, не был, однако, вестником счастья. То был реб Гершатер, главный раввин Южной Африки. У городского раввина уже ночевали приезжие, места свободного не было, и он направил этого человека к нам. Поскольку время было уже довольно позднее, то, разместив гостя и его вещи, мы вместе с ним отправились в «миньян»²⁴, в небольшую синагогу неподалёку от нашего дома. А после молитвы, за ужином, отец допоздна беседовал с приезжим. Назавтра раввин молился в большой синагоге и произнёс там блестящую сионистскую речь. Нашёлся доносчик, сообщил в полицию. Раввина арестовали, допросили и постановили выслать из города, а до высылки продержали под арестом. Запереть импозантного господина в тюремной камере всё-таки не решились: как-никак иностранный подданный. Содержали два дня в конторе начальника губернской полиции.

Моему отцу повезло меньше. Он давно был на примете у городского начальства, а тут налицо грубое нарушение паспортного режима (напомню, что Российская империя была полицейским государством): в дом приезжает гость-иностранец и не регистрируется в полиции!

Отцу не помогла ссылка на то, что гость приехал в поздний час накануне праздника. Состоялся суд, и отца приговорили к пятнадцатидневному тюремному заключению и высылке на поселение сроком на пять лет.

Один раз послали меня в тюрьму отнести еду для папы. Видимо, из невольного уважения к его внушительной внешности (папа

²³ Кашрут - система требований, предъявляемых к пище (запрет на смешивание мясного с молочным, запрет на употребление продуктов, содержащих кровь, и т.п.).

²⁴ Миньян - букв. "кворум" - минимальное число участников совместной молитвы (10 мужчин).

носил длинную и широкую бороду) его поместили в большую одиночную камеру, отдельно от других заключённых. Через глазок в двери я увидел, что отец стоит, облачённый в талит, и молится. Охранник почтительно заметил: «Старик весь день молится или что-то учит». «Старику» в то время ещё и пятидесяти не было.

Сразу же после освобождения из тюрьмы отец, согласно приговору, должен был отправиться на поселение. В течение пяти лет ему запрещено было находиться в Иркутске.

Частенько к нам навевывалась полиция, чтобы проверить, нет ли отца в доме, и много раз он ночевал у друзей либо в «миньяне». Бывало, что полицейский застигал отца. В этом случае он получал «на лапу», удалялся, а через некоторое время посылал кого-либо из приятелей повторить попытку. Если же в ворота стучался новый полицейский, незнакомый с отцом, отец отворял и спрашивал, кого надо. Когда отвечали, что ищут Сигалова, показывал «гостю» дорогу в квартиру, а сам ускользал. Мы, дети, не особенно понимали трудности такого положения. Полиция иногда не являлась подолгу... Теперь-то я знаю, почему мы так часто меняли квартиры, и это притом, что были мы исключительно тихими и добрыми соседями, а хозяева квартир – дружелюбными и порядочными людьми.

Так продолжалось два года. В конце концов отцу надоело прятаться, и начались мои странствия по свету...

В ЛИТВУ

Отец решил уехать из Сибири. Но куда поедешь? В центральных губерниях евреям селиться не разрешалось. Путь лежал только в черту оседлости, и была избрана одна из западных губерний империи. Отец решил переехать в Вильно. Этот город был центром еврейства в Литве, «литовским Иерусалимом», как его называли. Здесь кипела настоящая еврейская жизнь. На Рош ха-Шана и Йом-кипур даже неевреи закрывали свои лавки: какой смысл открывать их, если нет шансов, что зайдут покупатели?

Я и не знал, что уже довольно давно между отцом и матерью идёт спор. Отец хотел взять с собой в Вильно всех четырёх мальчиков, чтобы они учились в ешиве и усвоили еврейский закон. Мама возражала: она не хотела расставаться со своими птенчиками и отправлять их за шесть тысяч километров от дома. По всей видимости, когда стало действительно трудно скрываться от полиции, они пришли к компромиссу. Папа взял с собой двоих: брата Цви пятнадцати лет и меня, девяти с половиной. Учебный год в городской школе подходил к концу, и было решено выехать с началом летних каникул.

В один из субботних вечеров, когда мы вернулись из синагоги и я подошёл к маме, чтобы сказать ей «шабат шалом»²⁵, она крепко прижала меня к груди и расплакалась. Не понял я этих слез, ибо не знал, что всё уже готово и в воскресенье утром мы уезжаем.

Ранним утром нарядили нас со старшим братом во всё новое, погрузили узлы на две пролётки, и вся семья отправилась на станцию, на другую сторону Ангары. Поцелуи, слёзы... А я всё ещё не осознавал до конца, что же происходит. Было интересно: вокзальная суматоха, пролётки извозчиков, носильщики, зелёные вагоны... И вот вещи расставлены по местам, мы пристраиваемся у окна, в последний раз машем маме, братьям и сёстрам – и поезд медленно трогается. Я вижу, как идёт вслед за нашим уплывающим окном мой брат Элиягу, как кривятся и дрожат его губы, как крупные слёзы текут по щекам. На меня тоже накатывает – начинаю хлопать носом. Отец с братом сидят грустные и молчаливые.

Поезд именовался скорым и делал по шестьдесят километров в час. Три-четыре часа пути – и долгое стояние на станции. Полу-

²⁵ Традиционное субботнее приветствие: «Доброй субботы!».

чалось примерно шестьсот-семьсот километров за сутки. Так что путь от Иркутска до Вильнюса (считая субботние остановки нашего семейства в Челябинске и Минске) занял у нас две недели.

В то время путешествующий еврей вынужден был запастись провизией на все дни пути. Буфетов на сибирских станциях не было, однако почти при каждой из них был небольшой рынок, где продавали хлеб, жареных кур, мясо. Но всё это подходило гоям, а не евреям, соблюдающим кашрут. И на каждой станции пассажир мог найти кран с кипятком. Кипяток давали бесплатно, чтобы каждый мог заварить себе стаканчик чая (чайники возили с собой).

В коррумпированной сверху донизу империи очень многое делалось в обход закона, и на то имелись неписанные правила. Проехать в поезде можно было либо купив билет, либо «подмазав» проводника. Когда в вагон поднимался контролёр, проводник предупреждал безбилетника, и нелегальный пассажир прятался под лавку. Вот контролёр приближается к лавке, под которой скрывается заяц: проводник проходит немного вперёд, заглядывает под неё, говорит, что всё в порядке, – и они идут дальше. Остальные пассажиры принимали участие в этой игре и никогда не выдавали безбилетников. Подозреваю, что и контролёры получали свою долю.

Ночь... Отчего я вдруг проснулся? Может, шум какой разбудил? В неярком свете вагонного фонаря вижу, как наш попутчик, внушительный мужчина, по виду купец, похрапывает на нижней полке. Его негромкий храп внезапно прекращается, и я вижу, как дорогая шуба, которой он укрыт, не спеша сползает с него. Купец подтянул шубу, укрылся понадёжнее и опять захрапел. Шуба снова очень медленно поехала вниз. Меня это заинтересовало. Ситуация повторилась. Наконец шуба начала сползать в третий раз. Под лавкой послышался шорох. Купец мигом соскочил с неё, резко дёрнул шубу и вытащил вцепившегося в неё мужичонку в крестьянской одежде.

– Тише! – взмолился тот. – Я безбилетный. Мне только до следующей станции!

– Безбилетный? – взревел купец. – Знаем мы таких безбилетных.

И двинул воришку в челюсть.

Проснулись другие пассажиры и тут же поняли, в чём дело. Видно, такие сцены им были не в новинку.

– Поддай, поддай ему как следует! – подзуживал кто-то. Остальные с интересом наблюдали за спектаклем.

Проводника звать не стали. Он, видно, спокойно почивал в своём закутке. Купец отвесил вору ещё несколько затрецин, и тот убежал по коридору куда-то в тамбур.

Мне эта поездка, выражаясь языком нынешней молодёжи, была в кайф: ляжешь вечером спать, а просыпаешься утром совсем в другом месте, и пейзаж уже совсем иной, невиданный прежде. Мы одолевали длинные мосты над многочисленными сибирскими реками, проезжали мимо плодородных чернозёмных полей с удивительно высокими злаками. От места к месту растительность менялась. В пятницу, во второй половине дня, прибыли в небольшой чистенький Челябинск, на границе Сибири. Отсюда начиналась Европейская Россия. Здесь мы прервали поездку, ведь путешествовать по субботам не велит Закон. Ночевали со всеми узлами в доме раввина. В субботу вечером вновь двинулись к нашей цели: в Вильно.

Как велика была разница между Сибирью и Европейской Россией! Станции стали чаще, за кипяток уже надо было платить, а на привокзальных прилавках появились фрукты, невиданные в наших краях. В поезде добавились сидячие вагоны для тех, кто едет на небольшие расстояния. В следующую пятницу, за полдень, прибыли в Минск. Этот город был куда крупнее Челябинска, и евреев в нём тоже было значительно больше. В воскресенье утром двинулись дальше и наконец достигли Вильно.

ВИЛЬНО

На улицах царствует идиш. И мы с братом тоже не лыком шиты. Также можем щеголять своим замечательным знанием родного языка. Идём себе вдоль улицы Завлани и нарочно разговариваем громко. И вдруг слышим сзади насмешливое: «Герт, герт, види гоим редн идиш!» – «Послушайте, послушайте, как гои говорят на идише!». Быстро оборачиваемся. Трое ребят искренне веселятся, показывая на нас пальцами. Наша сибирская одежда, наши картузы с блестящими козырьками и русский акцент ввели их в заблуждение, и они решили, что мы не евреи.

Никогда раньше мы не видели настоящего средневекового города. В нём удивляли не только людные и широкие центральные улицы, но и многочисленные узкие переулки с высокими, в 3-4 этажа, зданиями, закрывавшими солнце.

Мы снимали небольшую комнату в квартале Шогель-Хавайс. В этом квартале собрались десятки разных синагог – от хасидских²⁶ до митнагдѝм²⁷, так что молитвы не прекращались круглые сутки.

Виленского гаона, рабби Элиягу Виленского²⁸, ортодоксальные евреи почитали не меньше, чем христиане – своих самых известных святых. Рассказывают, что трёхлетним ребёнком он знал наизусть всю Тору, а когда достиг двадцатилетия, то уже не оставалось раввинов, у которых он мог бы учиться. Он был и каббалистом, и ортодоксальным философом, и даже математиком.

К синагоге Виленского гаона вела длинная лестница с узкими ступеньками. По ней почитатели поднимались со страхом и благоговением и попадали в большой зал, где стояло массивное кресло рабби. Никто не осмеливался сесть в него даже спустя много лет после смерти гаона.

²⁶ Хасидизм, одно из основных направлений в иудаизме, возник в Подолии в 18 веке.

²⁷ Митнагдѝм (протестующие) – противники хасидизма, были наиболее сильны в Вильно.

²⁸ Виленский гаон – прозвание рабби Элияху бен Шломо Залмана (1720 – 1797), богослова и общественного деятеля. Среди его потомков – И. А. Ефрон, один из авторов знаменитого словаря Брокгауза и Ефрона, и премьер-министр Израиля Б. Нетанияху.

Между двумя центральными улицами города была одна улочка, служившая переходом. Многие евреи предпочитали обходить её стороной. Дело в том, что улицу преграждала католическая церковь, и каждый, желавший сократить свой путь, должен был пройти через неё, сняв головной убор. Вот и ходили евреи в обход, делая километровый крюк, дабы не преклониться перед кумирами (в костёле стояло множество статуй). А те, кому всё-таки приходилось ходить там, придумали такую уловку. Они снимали шляпы, но при этом многократно повторяли стих из Библии: «Отвращайся сего и гнушайся сего, ибо это закланное» (Второзаконие, 7:28). Так они заглушали голос совести. Говорят, что некоторые даже затыкали уши воском, чтоб не слышать христианских молитв.

А вот здание концертного зала, где выступает Эстер Каминская с песнями на идише. Каминская (Гальперн), дочь кантора маленькой местечковой синагоги, была не только хорошей исполнительницей еврейских песен, но и неплохой актрисой. Она организовала театральную труппу в Варшаве, много гастролировала (добралась со своим коллективом даже до США), снималась в кино.

В том же здании на холме большая столовая для бедных. Здесь можно было получить полный обед всего за три копейки. Много народу приходило туда поесть, и карманникам там было раздолье. По размаху воровства Вильно уступал разве что Варшаве. Однажды мой брат Цви стоял в столовской очереди за талонами на обеды, а я ждал его в сторонке. И вдруг прямо от того места, где стоит брат, раздаётся крик. Поднимаю глаза и вижу странную картину: Цви тычет себе в ногу перочинным ножом, а сзади него какой-то парень орёт от боли. Потом тот рванулся из очереди, перестал орать и дал дёру. Повезло, что в руке у брата случился перочинный нож – как раз в тот момент, когда он ощутил в своём кармане лапу стоящего позади вора.

Вообще картинки исчезновения кошельков можно было наблюдать часто. Вот стоит человек у киоска и покупает газету, а рядом крутится какой-то парнишка. Лезет человек в карман, чтоб расплатиться, – кошелька как не бывало. Кидается вслед похитителю, кричит: «Держи вора!». Уж и другие прохожие бросаются в погоню. Выскакивает из бокового переулка приличного вида гражданин, хватается вора, удерживает. Подскакивает пострадавший, остальные преследователи подбегают. Обшаривают парня, а тот возмущённо отпирается: «Не брал я вашего кошелька!». И в самом деле: кошелька у него не находят. Делать нечего, отпуска-

ют, народ расходится. А вор и «задержавший» тем временем уже разглядывают содержимое кошелька где-нибудь в тихом переулке: укравший успел мгновенно передать его «задержавшему» в момент своей мнимой поимки. Обычный приём карманных воришек.

Я расстался с Вильно восемьдесят лет тому назад, но до сих пор удивительно ясно стоят перед моими глазами образы людей, помню расположение домов и улиц, тогдашние события.

АМЕРИКА

Закончилась первая русская революция с её погромами и Чёрной сотней. Волна антисемитизма всё росла. Позорное дело Бейлиса²⁹ было ещё впереди, но и до него многие поняли, что в Российской империи хорошего ждать не приходится. Как уже часто случалось в мировой истории, евреи стали собирать чемоданы. Далеко не все отъезжающие были сионистами, да и непонятно было, как начинать новую жизнь в пустынных и болотистых местах на задворках Османской империи. Другое дело – Америка. Она манила огромной территорией и, казалось, неограниченными возможностями. А самое главное: в Соединённых Штатах *принимали*.

...Пароход подходит к Нью-Йорку. Позади десять дней качки, тесноты, духоты кают и скудного питания. Все, кто способны ходить, уже на палубе. Вокруг тот же океан, что вчера, но предчувствие берега уже парит над головами – с летящими с запада стаями чаек. И вот под всеобщий ликующий крик медленно выдвигается из-за линии горизонта статуя Свободы. Это Ellis Island. Америка, такая близкая, может закончиться для многих на этом острове, и они так и не вступят в неё, как не вошёл в Землю обетованную Моисей. На острове, в добротном кирпичном здании зала регистрации, их ждут многодневные очереди, заполнение анкет, проверки, медосмотры и, возможно, карантин. За шестьдесят лет через залы острова Эллис прошли двенадцать миллионов человек, не считая пленных, содержавшихся здесь во время Второй мировой войны.

Но когда счастливцы покинут остров и окажутся на континенте, им тоже придётся нелегко. В дальнейшем иммигранты, их дети и внуки составят славу Америки. Они построят небоскрёбы, создадут великое американское кино, напишут бессмертные книги и бессмертные оперы, изобретут невиданные технические устройства, сделают великие научные открытия, откроют магазины и фабрики. Но всё это придёт не сразу, а пока что им предстоит столкнуться с бедностью, протестами общественности, недовольной тем, что иммигранты «отбирают рабочие места», злобным шипением антисемитов – от автомобильного магната Генри Форда до

²⁹ Дело Бейлиса – судебный процесс по обвинению еврея Менахема Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего христианского мальчика (12 марта 1911 года). Бейлис был оправдан судом присяжных.

писателя Теодора Драйзера. На берегу их ждут демонстрации под лозунгом «Америка для американцев!», дискриминация при приёме на учёбу и на работу, да мало ли что ещё!

Для правоверных евреев – ещё одна ловушка: ассимиляция. Как сохранить свою национальную идентичность, свою религию и традиции? Уже не в штетле, Богом забытом белорусском местечке, а в огромной неизвестной стране с её невероятно динамичной жизнью.

...Отец одного моего приятеля был хорошим закройщиком и устроился в солидное нью-йоркское ателье. К концу первой недели, в пятницу, он предупредил начальство: «Завтра я на работу не приду: у меня шабат». – «Тогда и в понедельник не приходи», – ответили ему. Он устроился в другое ателье, но и там повторилась та же история. В конце концов ему удалось найти такую работу, где к его отсутствию по субботам отнеслись с пониманием, но до этого ему пришлось сменить немало рабочих мест.

А вот ещё одна история.

Один парень эмигрировал в Америку, прожил там много лет и решил съездить в своё местечко, навестить мать. Прибыл субботним днём с молодой женой, в большом американском автомобиле. Весь городок судачил о том, что сын Ханы ездит на машине в шабат. А мать... Суббота есть суббота, но ведь и сын есть сын, и позади столько лет разлуки. Радость-то какая! И, несмотря на субботу, она приготовила гостям прекрасный обед. Лишь попозже, когда немного отдохнули, она спросила:

– Скажи мне, Янкеле, как же ты решился приехать в местечко в шабат?

– Знаешь, мама, мы там, в Америке, работаем по семь дней в неделю и даже не всегда помним, когда суббота.

– Скажи мне, Янкеле, – вновь спросила мать, – а тфилин³⁰ ты каждый день накладываешь?

– Что ты, мама! – Столько времени на пароходе болтались! Я после этого и не помню, где мой тфилин.

– Но ты по крайней мере постишься в Йом-кипур? – продолжала допрашивать мать.

– Мама, ну кто в наши дни помнит, когда бывает Йом-кипур?

³⁰ Тфилин (филактерии) – две кожаных коробочки с ремешками, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы и повязываемые на лоб и руку во время утренней молитвы. Говорят: «Накладывать тфилин».

Жена его тем временем была наверху, а было уже время обедать, и он крикнул ей:

– Mary, come down please! (Мери, спускайся к нам, пожалуйста!).

Мать изумилась:

– Мери? У неё нееврейское имя!

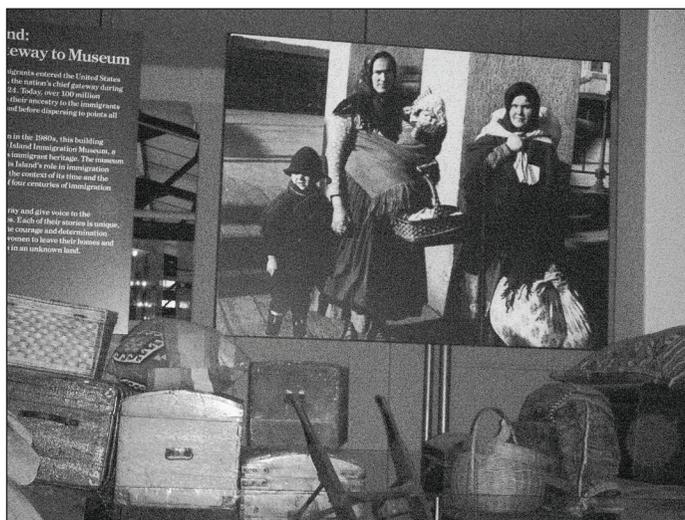
– Мама, я, конечно, понимаю твои чувства, но Мери не еврейка, – отвечивал сын.

– Ох, Янкеле! – воскликнула мать. – Признайся, ты все ещё обрезанный?

Ellis Island.

В зале Национального музея иммиграции США (2011)

Ellis Island.

Экспозиция из музея иммиграции (2011)

МОИ ЕШИВЫ

Старый кирпичный дом в переулке Лидси. Сажу на ученической скамье вместе с другими ребятами. Широкоплечий рыжебородый раввин читает Талмуд. Вижу, как шевелятся его губы, проникаюсь сознанием важности изучаемого и... не понимаю ни слова. Дома со слезами жалуясь отцу:

– Папа! Я там ничего не понимаю!

На следующий день, сразу после утренних занятий, раввин сажает меня себе на колени, раскрывает книгу и начинает медленно читать слово за словом, переводя каждую фразу. Так я впервые и с удивлением понимаю, что читать текст можно и без нэкудот (огласовок). Для тех, кто не читает на иврите, поясню. Первый в мире алфавит появился в наших краях около трёх тысячелетий назад. Считается, что его изобрели финикийцы, жившие к северу от Израильского царства. Древние евреи вскоре приспособили алфавит к своему языку. Правда, несколько позднее перешли на придуманные ассирийцами арамейские буквы. Ни в исходном палео-ивритском, ни в арамейском алфавитах гласные звуки никак не обозначались. Так бы мы никогда и не узнали звучания ивритских слов, как не знаем сейчас звучания древнеегипетских, если бы наши мудрецы не позаботились об этом. Жили те мудрецы в Стране в самом начале Средневековья, вскоре после падения Рима. Они придумали помечать гласные сочетаниями точек и чёрточек под буквами. За полтора тысячелетия звучание гласных немного изменилось, и мы уже не можем абсолютно точно сказать, как звучали слова древнего полузабытого языка. И всё-таки огласовки позволяют нам составить достаточное представление об их фонетическом «облике».

Память у меня была хорошая, я довольно быстро сравнялся с остальными ешиботниками³¹, но учитель продолжал время от времени заниматься со мной отдельно. Почувствовав себя свободней в учении, я стал довольно нахальным. Бывало, сажу на колени у рабби, и подходит ученик с вопросом. Я выслушиваю ответ раввина, а когда с тем же вопросом подходит другой мальчик, вскакиваю и отвечаю прежде, чем раби успеваешь открыть рот. А ведь сказано в Законе: «Не обучай прежде рабби своего».

³¹ Ешиботник (разговорное) – учащийся ешивы.

Учёба в ешиве была бесплатной, но в начале каждого месяца отец доставал золотую пятирублёвую монету, заворачивал её в белую бумажку и писал на этом кружочке своим бисерным почерком месячный отрывок из Торы, после чего я передавал монету рабби. Полагаю, что месячная зарплата учителя ненамного превышала стоимость этой монеты.

Впрочем, нахальство моё проявлялось не всегда. При ешиве было нечто вроде интерната, а в нём три зала, заставленные кроватями. Здесь спали ребята, приехавшие в Вильно из других мест и не имевшие в городе родных. Одной своей стороной каждый зал соседствовал с коридором, посередине которого стояла будочка, наподобие кассы кинотеатра, а в ней поочерёдно сидели женщины из благотворительных организаций и выдавали детям хлеб: по четверти буханки на брата. Некоторые ребята отваживались становиться в очередь дважды. Если женщина узнавала мальчишку, уже получившего своё, она его прогоняла, но таких это не смущало, и на следующий день они снова пытались счастья. Я встал в стороне, не решаясь лезть в давку. Когда хлеб кончился, женщина подошла ко мне и сказала:

– Тебе не досталось хлеба, а у меня больше нет. Пойдём со мной вниз!

Я пошёл с ней, и она купила мне хлеба в лавке и даже ещё кое-чего к хлебу. Это было моё первое и последнее посещение спален.

Отец, видно, вознамерился найти для нас с братом идеальную ешиву. Чтоб и обучали основательно, и денег больших не брали, и чтоб раввины были известными в округе мудрецами. Скорее всего, именно поэтому приходилось мне переезжать: из Вильно – в Лиду, из Лиды – в Ковно, из Ковно – в Уцяны.

Год спустя мы с братом уже учились и жили в городке Лида. Ничего особо примечательного в городке не было, кроме одного: там работала всемирно известная ешива раввина Ицхака-Якова Рейнеса.

Здесь уместно сказать о религиозном сионизме. Дело в том, что ортодоксальное религиозное еврейство сионизма не приняло. Кроме тех возражений, что я приводил в предисловии, у богобоязненных иудеев были свои претензии к этому движению. В 1898 году Сионистский конгресс предложил создавать школы, лагеря и семинары, чтобы продвигать новую, светскую, культуру в еврейской среде, и стал организатором этой работы. Герцль описывал

сионизм как чисто светское национальное движение. И цели его – вполне практические: положить конец национальной бездомности, покончить с преследованиями евреев. Сионизм, по его словам, «был решением гуманистической проблемы светскими средствами». И хотя сионисты не выступали против религии, в этом движении не было места божественному откровению, мессианству и представлению о богоизбранности народа. Второе возражение против сионизма касалось мировоззрения его лидеров, которые были в большинстве своём ассимиляторами и атеистами. Могло ли спасение прийти к Израилю от людей, которые ели некошерную пищу, не соблюдали шабат, не имели серьёзного еврейского образования, не знали иврита?

Раввин Рейнес был великим мыслителем и реформатором, задумавшим возвести мост, который бы соединил сионизм с представлениями ортодоксального иудаизма. Рабби Рейнес, твёрдый в религиозном законе, тем не менее не разделял идей мессианства. «Наши усилия по заселению [Палестины] не имеют ничего общего с [идеями] мессианского освобождения Израиля».³² Рейнес участвовал в первых сионистских конгрессах, а позднее создал в Вильнюсе конференцию раввинов, на которой было основано новое движение «Мизрахи» («Духовный центр»). Девизом «Мизрахи» стал лозунг «Земля Израиля для народа Израиля, согласно Торе Израиля». Немало религиозной молодёжи влилось в движение и приняло участие в построении еврейского государства. В двадцатые годы последователи рабби Рейнеса основали поселение неподалёку от Иерусалима и назвали его в честь учителя: Неве-Яаков. Теперь на его месте новый район столицы.

Делом жизни Рейнеса стало создание новой системы образования, в которой изучение религиозных предметов сочеталось бы с освоением светских дисциплин. Вначале он открыл ешиву-десятилетку в городке Свенцяны (Литва), но из-за противодействия местных раввинов она просуществовала лишь четыре года, а Рейнес уехал работать в Англию. Впрочем, через полгода он вернулся, поселился в Лиде и открыл здесь ешиву: на этот раз шестиклассную. Я учился во втором, брат – в четвёртом классе.

В нашей ешиве проходили и иврит, и математику, и даже коммерцию. Нам с братом учение давалось легко. И, разумеется, каждый из нас был лучшим в своём классе по русскому языку. Ведь

³² Цит. по: [7].

в большинстве наши одноклассники были из Литвы, где русский был не в ходу, зато говорили по-польски, по-литовски, а идиш был распространён куда шире, чем у нас в Иркутске.

На третий день учения я обратил внимание на одного бойкого парнишку. Понравилось его имя: Элимелех. Оно звучало совершенно по-библейски, а рассказ о верной Руфи и её свёкре Элимелехе я помнил. Руфь была моавитянкой, но, когда все мужчины в семье умерли, пошла за своей овдовевшей еврейской свекровью в Землю Израиля.

Учился мальчишка хорошо, отвечал бойко, но по-русски говорил с трудом, с сильным акцентом. Я подошёл к Элимелеху на перемене и спросил на идише, местный ли он или тоже приехал из других краёв. Оказалось, Элимелех в этом городке и родился, почти никуда из Лиды не уезжал. В эти полгода, что я провёл в Лиде, мы часто вместе бегали на переменах или вместе занимались. Я помогал Элимелеху с русским, он мне – с изучением Талмуда. Уезжая из Лиды, я никак не думал, что через много лет мы снова встретимся за тысячи километров от Литвы и что Элимелех станет моим непосредственным начальником.

ГЕНЕРАЛ АВНЕР

Об Элимелехе Зеликовиче можно написать большой роман. Он приехал в Страну за год до Первой мировой войны и очень быстро освоил турецкий, язык метрополии. Когда началась война, его призвали в турецкую армию и определили на офицерские курсы. Привыкший к учению, Элимелех показал блестящие способности и через некоторое время уже командовал турецкой ротой в сражениях с англичанами.

Рота Зеликовича воевала на севере, в Сербии. Болгарские и турецкие части стойко удерживали Македонский фронт, и командование Антанты на какое-то время прекратило попытки прорвать его.

Тем временем на юге, в районе Газы, Четверному Союзу³³ приходилось нелегко. Ситуация обострилась весной 1917 года. Англичане рассматривали Газу как ворота в Иерусалим и непрерывно атаковали город. Двадцатилетнего офицера Зеликовича перебраывают на оборону Газы. Британцы предпринимают новое решительное наступление. Турки обороняются не менее решительно. Наступление англичан захлёбывается. (И – вот ведь парадоксы войны! – вскоре Зеликович будет не менее успешно воевать против турок на стороне англичан.) Наконец осенью английский командующий Алленби созрел для третьего наступления. На этот раз лобовой атаки не было. Англичане подбросили туркам дезинформацию о том, что собираются вновь атаковать Газу. Четыре дня город обстреливали с суши и с моря. Тем временем армия в сорок тысяч человек приблизилась к Беэр-Шеве. Ей противостояли пять тысяч турок. Город был взят, фронт прорван. Турки немедленно бросили к Беэр-Шеве все подкрепления. Газа осталась без резервов и была взята. Но Зеликович в тех оборонительных боях уже не участвовал. Он никогда особо не рвался проливать кровь за Османскую империю: не для того он приехал в Страну. А тут и случай представился. В неразберихе, вызванной прорывом фронта, Элимелех просто ушёл из части и добрался до еврейского поселения Рухама. Туркам было не до охоты за дезертирами.

³³ Четверной Союз – военно-политический блок Германской империи, Австро-Венгрии, Болгарии и Османской империи, противостоявший странам Антанты в Первой мировой войне.

В Рухаме Зеликович и узнал о декларации Бальфура. Министр иностранных дел Великобритании провозглашал: «Правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине и приложит все усилия к облегчению достижения этой цели»³⁴. Зеликович понял, что сражаться за еврейское государство нужно, но только в другой армии.

Примерно в те же дни пришла весть о революции в России и о возможном её выходе из войны. Обеспокоенное этим британское командование ускорило формирование Еврейского легиона и отправку евреев-добровольцев на фронт. Весной 1918 года Зеликович стал бойцом 40-го батальона британской армии. Неделей раньше и совсем в другом районе Страны в легион вступил я. О своей службе расскажу отдельно. А пока – лишь один эпизод.

...Наша рота выехала на стрельбы к побережью, под Тель-Авив. Кругом дюны, глубокий светлый песок. Вдоль берега, в четырёхстах метрах от линии огня, расставлены мишени. Залегая и по команде нашего капитана Леви начинаем стрелять из винтовок. И вдруг в перерывах между залпами я вижу над щитом мишени чью-то голову. Отчаянно ору:

– Прекратить огонь!

Капитан страшно рассердился:

– Кто там подаёт команды вместо меня?

– Командир, я видел человека возле мишени!

Оказалось, маркировщик почему-то вообразил, что после пяти выстрелов мы прекращаем стрельбу, и отправился подсчитывать пробоины. Отчаянно машем маркировщику, и до него доходит, что он полез к мишеням не вовремя.

– Какого чёрта этот идиот...

Маркировщик приближается. Мы уже готовы сказать ему всё, что о нём думаем – и...

– Эли! – кричу я и бросаюсь к парню, меня сыпучий песок своими солдатскими ботинками. – Элимелех!

Мы обнимаемся. Как он изменился за эти годы! Как я узнал его? По походке, круглому скуластому лицу, по линии носа, блеску глаз? Остальные ребята стоят в сторонке и удивлённо на нас взирают.

³⁴ Цит. по: [5], p.109.

Война далеко раскидала нас, и снова мы встретились уже в начале тридцатых. Опять случайно, когда вдруг выяснилось, что мы оба сражаемся против англичан как члены подпольной организации «Хагана»³⁵. Как раз в то время он стал командиром Тель-Авивского округа, в котором я отвечал за боевую подготовку. Я бы встретился с ним раньше, если б знал, что командир Авнер, руководитель курсов по подготовке офицеров, – это и есть мой приятель по ешиве. И только когда меня вызвали к командиру округа для получения инструкций, я понял, что Авнер и Зеликович – одно лицо. Позднее он работал в муниципалитете Тель-Авива,

Генерал Авнер
(Элимелех Зеликович,
1897 – 1957)

и мне часто приходилось встречаться с ним по делам, никак не связанным с подпольем. На людях мы держались друг с другом вполне официально, и кто бы мог догадаться, что нас связывает нечто большее, чем обычная канцелярская работа?

Сразу после Второй мировой войны отдел Авнера организовал строительство нового района Тель-Авива. Название району дал сам Элимелех. Он назвал этот район Яд-Элияху (памяти Элияху) в честь нашего командира, безвременно ушедшего от нас Элияху Голомба. А в Иерусалиме, в районе Неве-Яаков, названном в честь нашего с Авнером учителя Якова Рейнеса, живёт мой двоюродный племянник Соломон, ставший довольно известным раввином.

А потом наша «Хагана» стала костяком армии молодого Государства Израиль, а Авнер – её генералом, одним из видных военачальников. Мне иногда случается проходить вдоль улицы Зелиг. «Зелиг» – ещё одна подпольная кличка Зеликовича, а в Тель-Авивском университете есть здание «Яд-Авнер».

³⁵ «Хаганá» (ивр.: חַגָּנָה) – оборона, защита – еврейская сионистская военная подпольная организация в Палестине. Существовала с 1920 по 1948 год, в годы британского мандата в Палестине. Британские власти наложили на деятельность «Хаганы» запрет, однако это не помешало ей организовать эффективную защиту еврейских поселений. С образованием еврейского государства стала основой Армии обороны Израиля.

СУББОТНИЕ ТРАПЕЗЫ

Старинный центр города Ковно (нынешнего Каунаса) втиснут между двумя реками: Неманом и Вилией. Здесь ратуша на широкой красивой площади, старинный Ковенский замок и недавно построенный роскошный кафедральный собор. Но мы с братом живём на другой стороне Вилии. В этом районе находится наша ешива, и обитает вокруг не самый богатый люд. Отец присылает нам сколько может, но у него на новом месте дела идут не слишком бойко. Платим за комнату, за керосин, канцелярские принадлежности. Книжки недороги, но тоже денег стоят. Брат каждую неделю покупает выпуски дешёвых приложений к популярным журналам. Так мы знакомимся с двумя королями сыщиков: Ником Картером и Натом Пинкертоном, а также с Шерлоком Холмсом и его дедуктивным методом. На еду денег остаётся не много.

По субботам по льду реки ходим в центр, в синагогу. После молитвы можно и прогуляться по бойким улицам, припорошённым снегом. Это не Вильно, конечно, с его масштабами и разнообразием, но и не захолустная Лида... Выходим к Неману. Что за шум доносится с середины замёрзшей реки? Тёмное пятно толпы на фоне яркого снега. По мере нашего приближения невнятный гул переходит в разноголосый и разноязыкий вопль. Слышим польский, идиш, литовский. И русский, конечно. Но какой русский! Мы только в Иркутске такой слыхивали, да и то нечасто. Тёмная масса толпы разбивается на отдельные фигуры. Идут стенка на стенку: одна толпа – со стороны города, другая – из Алексоти, с другого берега. Пятна крови на снегу. Лупят друг друга почём зря. Разнимать бесполезно. И почему-то ни одного полицейского – ни на самой реке, ни по берегам. Этот бой гладиаторов нас не слишком воодушевил. Поняв, что римских бойцов из нас всё равно не получится, повернули назад, в город.

Прошла неделя. Мы снова идём к Неману и вот, к своему удивлению, наблюдаем ту же сцену: опять драка между городскими и заречными! Что они все – с ума посходили? А когда картина повторяется и в третий раз, понимаем, что на бой здесь выходят по расписанию: каждую субботу, в одно и то же время. В полиции, конечно же, прекрасно осведомлены о драках, но не придают им никакого значения.

Итак, питались мы с братом скудно, но в пятничные вечера отъедались за всю неделю. Нас, ешиботников, подкармливали

местные жители. В иудейской традиции есть хорошее слово «мицва» (во множественном числе – «мицвот»). Оно означает и предписанную Богом заповедь (таких заповедей не десять, а 613, и сегодня никто не исполняет их все), и вообще доброе дело (помощь ближнему, благотворительность и т. п.). Исполнение мицвот – первейшая обязанность иудея. Каждый учащийся ешивы проводил первую субботнюю трапезу (в пятницу вечером) за столом в одной из семей. Многим доставались регулярные ужины ещё и в другие дни недели. Ребята в ешиве вообще не привыкли много есть, а по пятницам совсем не обедали, так как их ожидала обильная субботняя трапеза и не стоило наполнять свои ёмкости раньше времени.

Каждый пятничный вечер я прихожу к Иосифу, пятидесятилетнему розовощёкому торговцу рыбой, что живёт в соседнем доме. Человек он тихий, незлобивый. За столом он сам, его жена Фира, два младших сына (старшие дочери уже замужем) и я. Фира зажигает субботние свечи, прикрывает глаза ладонями и произносит короткую молитву. Иосиф не особенно образован и не слишком искущён в иудаизме, но субботний обряд выполняет исправно, точно так, как это делалось у нас в Иркутске. Обычно Иосиф во всём слушается своей суровой жены, но сейчас он главный распорядитель трапезы, как и подобает старшему мужчине в доме. Произносит кидуш над старинным серебряным бокалом с красным вином (мы хором произносим «амен» в паузах), разламывает и раздаёт сидящим за столом мягкую ароматную халу. Кажется, никогда с тех пор не приходилось мне отведать такой вкусной халы. Главное блюдо за субботним ужином – это, разумеется, рыба: такой кусок, что едва на тарелке помещается. Кроме рыбы – суп, мясо, цимус³⁶ и компот. У одиннадцатилетнего здорового мальчишки и аппетит здоровый. С ужином покончено, вроде бы пора уходить. Хочу подтянуться – и не могу. Дико и непонятно, чертовщина какая-то. Вроде бы всё в норме. Голова на месте и даже соображает, как обычно. И пальцы работают. Вот только ноги не хотят гнуться в коленях. И что, спрашивается, мне теперь делать? На помощь приходит сам Иосиф:

– А вот скажи, Ерушалаим, чему вас там в ешиве учат?

– Ну мы Талмуд изучаем. В нём собрана вся еврейская мудрость.

³⁶ Цимус – сладкое еврейское блюдо. Готовится из различных видов овощей и фруктов.

– И ты уже стал мудрее?

– Не знаю. Наверно. В талмуде сказано: «Невежда не боится греха, и неуч не может быть благочестив». Это сказал сам великий Гиллель две тысячи лет назад.

Хмурится Иосиф. Ох, кажется, я сказал бестактность! Тут же добавляю:

– Но Гиллель ещё сказал: «Стыдящийся задавать вопросы не научится, а слишком строгий учитель не научит».

– А разве правоверному иудею не достаточно знать Тору? Ведь там уже собрана вся мудрость.

И тут я вдохновенно начинаю рассказывать.

– Когда римляне осадили Иерусалим и стало ясно, что город вот-вот падёт, ученик Гиллеля рабби Йоханан бен Заккай решил спасти наше учение, веру наших отцов. Он распустил слух о своей смерти и велел ученикам вынести его в гробу за городские стены. Тех, кто выходил из города, чтобы похоронить мёртвых, римляне выпускали. Рабби встал из гроба и отправился в лагерь римлян. Никто не знает, как он уговорил римских военачальников разрешить ему организовать школу иудаизма в городке Явне. И сказано в Талмуде: «Когда собрались мудрецы в явненском винограднике, то сказали: Наступает час, когда человек, ищущий слова Торы, не найдёт его; слова книжников – и не найдёт...». Они беспокоились, что без Храма и без толкования мудрецов никто не будет знать толком, как понимать, а значит и исполнять, Закон. И тогда они решили записывать всё, чему учили и учат наши мудрецы.

Встать всё ещё не могу. Взглянул на лампу. Керосин уже кончается, а подливать нового никто не станет. Когда лампа тухнет, все уходят спать. Надо бы рассказать что-нибудь более занимательное.

– Ещё Талмуд учит, что судья не должен торопиться, когда принимает решение. Надо всё взвесить и как следует обдумать. Вот рассказывают, что однажды к ребе Якову из Лиссы пришли судиться два человека. Один из них нашёл на улице золотую монету и взял её себе, а второй говорил, что эта монета только что выпала из его кармана, поэтому она принадлежит ему. Ребе Яков почувствовал, что тот, кто объявил себя потерявшим монету, лжёт. Чтобы прояснить это, ребе велел ему выйти за дверь на несколько минут, и когда тот вышел, попросил нашедшего монету показать её. После этого ребе сказал громко (зная, что тот, кто за дверью, подслушивает): «Вот видите, на монете возле первой буквы есть маленькая дырочка. Это отличительный признак. Если истец назо-

вёт его, значит, монета принадлежит ему». После этого ребе Яаков велел впустить истца и спросил, не может ли он указать на какую-либо особенность потерянной монеты. Тот с готовностью заявил: «Да, конечно: возле первой буквы есть маленькая дырочка, можете проверить». Ребе улыбнулся и раскрыл ладонь: монета была абсолютно целой. «Видите, на этой монете нет никаких дырок, значит, она не ваша, а ваша, с дырочкой, наверное, потерялась в другом месте».

Лампа потухла, домочадцы давно разошлись, но Иосиф внимательно слушает. Ещё одна-две истории из Талмуда – и мне уже полегчало. Встаю на нетвёрдые ноги и прощаюсь.

БЕСПЛАТНЫЙ ОБЕД

Жалко, что в пятничный вечер невозможно наесться на неделю вперёд. В этом смысле жителям Луны в рассказах барона Мюнхгаузена было удобнее: открыл дверку в животе, наложил туда еды – и живи себе беззаботно. А вечно голодному ешиботнику неплохо иметь хотя бы ещё один дармовой ужин в неделю. И вот повезло.

– Есть для тебя замечательный вторник, – говорит управляющий делами ешивы, высоченный, худой и усатый Самуил Шифман. – Почтенная богатая дама. Просила прислать мальчика чистого, аккуратного, и чтобы хорошо говорил по-русски.

– Спасибо, но мне не нужно. Я уже столуюсь по пятницам.

– Ишь гордый какой! – фыркает Самуил. – Вот тебе адрес. Придёшь завтра к двум часам. И веди себя достойно.

Не то чтоб я был очень доволен. Шут её знает, эту богатую дамочку. Подруги, небось, хвастают, что принимают ешиботников, – вот и она решила не отставать. И время какое-то странное: для обеда поздновато. В назначенный час подошёл к двухэтажному кирпичному дому с полуколоннами на фасаде. Позвонил в парадное. Открыла средних лет женщина в белом переднике. Видно, кухарка. Представился. Она провела меня в столовую по широкой пологой лестнице, усадила возле покрытого розовой скатертью стола и вышла. Я понял, почему меня позвали именно к этому часу: на скатерти заметны были следы недавно законченного обеда, в хлебнице лежали аккуратно нарезанные куски белого хлеба.

Через некоторое время вошла дородная высокая дама в платье из тёмного панбархата, перстни на толстых пальцах, – в сопровождении той же кухарки. Я поздоровался.

– Мальчик, в следующий раз проходи с чёрного хода. А почему ты не ел?

– А что есть?

– Так вот же хлеб.

Мне и до этого случая, и после иногда говорили, что я очень вспыльчивый. До сих пор бывают моменты, когда я ощущаю, как мгновенно начинают гореть мои щеки.

– Меня родители учили, что нехорошо куски подбирать.

Дама поджала губы и оглядела меня с головы до сапог, словно диковину. Потом повернулась и вышла из комнаты. Кухарка шепнула мне:

– погоди минутку! – и метнулась в кухню.

Вскоре окликнула меня оттуда, сунула мне вкусно пахнущий свёрток и вывела через чёрный ход на улицу. В свёртке был белый хлеб, куски холодного ростбифа и завёрнутая в бумагу жареная рыба.

В следующий вторник я не пошёл в тот дом, и ещё неделю спустя – тоже, а потом меня вызвал управляющий.

– Ты почему перестал ходить к госпоже Вагель?

– Мне там не нравится. Я больше к ней не пойду.

Глаза Шифмана широко раскрылись, морщины на лбу сложились в гармошку. Он словно стал ещё выше ростом.

– Нет, вы посмотрите на него! Уважаемая в городе женщина предлагает ему обед, а ему, видите ли, там не нравится! Ты понимаешь, что оскорбляешь её этим отказом? Что станут говорить её подруги, соседи, наконец? Что какой-то ешиботник не захотел у неё столоваться?

– Господин Шифман, я ведь не один в ешиве. Вы же легко кого-нибудь вместо меня найдёте.

– Ладно, иди, – буркнул Шифман.

УЦЯНЫ

В следующем семестре я учусь в Уцянах. Отец случайно познакомился с одним тамошним жителем, который очаровал его рассказом о замечательной ешиве, недавно переведённой в этот городок из Белостока. Теперь я живу один. Мой брат Цви получил диплом резника и вернулся в Иркутск³⁷.

Городок скорее напоминает местечко. Еврейские домики стоят скученно, но за старым парком и озером город обрывается и возникает вновь – уже как русское село, с полями и земельными угодьями. Евреям не разрешается покупать или арендовать землю.

Как ни мал город, а ежегодная ярмарка – дай бог! Приезжают сотни окрестных крестьян, а местные, уцянские, продают то, что наработали за год. Русские крестьяне – муку, зерно, овощи и соленья, евреи – продукты ремесла: замки, инструменты, утварь, одежду, обувь и украшения. И без драк не обходится, особенно ежели выпьют. Городские евреи в кровь бьются с окраинными селянами. И не в антисемитизме дело: как не подраться, если есть две общины, два района? Похоже, такие драки – неременная черта всех литовских городков. Вот, казалось бы, закончена потасовка, драчуны разошлись. С видом триумфатора шагает вдоль улицы широкоплечий сапожник Мордехай, сопровождаемый несколькими приятелями. Довольны: только что кому-то морды начистили. Но откуда взялся мужик в красной рубахе, с большим топором? Как палач с картинки из книжки «Князь Серебряный». Несётся, размахивая страшным своим тесаком, рожа красная, глаза выпучены. Я так и замер: сейчас будет убийство. И тут невесть откуда быстрой ящерицей выскакивает сестра Мордехая Сара, невысокая, но крепенькая, как её брат. В руках у Сары здоровенный кол. Видно, только что вытащила из ближайшего забора. Удар – и мужик в красной рубахе катается по земле, держась за голову и отчаянно матерясь. К нему уже бегут приятели. Успели похватать оглобли от своих телег – и на подмогу. Вот тут-то и начинается настоящая драка. Мордехай опять на высоте. Он так ловко орудует брошенным Сарой колом, что скоро оглобли оказываются в руках у его друзей. Селяне обращены в бегство. Даже одну лошадь оставили: видно,

³⁷ Забой скота (шхиту) у евреев могут выполнять только лица, назначенные раввином. Они должны предварительно овладеть сложным искусством безболезненного умерщвления животных.

не было времени приладить на место оглоблю. Потом заберут, когда городок стихнет после битвы. А я, насладившись спектаклем, иду домой с сумкой огурцов, купленных за копейку на ярмарке. Хозяйка дома, в котором я снимаю угол, даёт мне большую банку. Скоро у меня будут собственные малосольные огурцы. На следующее утро вытаскиваю один огурчик и пробую: может быть, уже засолился? Кажется, всё ещё свежий. Но всё равно вкусный. Пробую ещё один. У него пупырышки покрупнее. Нет, и этот не солёный, хоть и хрусткий, и ароматный. Придя вечером из ешивы, повторяю эксперимент. Результат тот же... Мои исследования продолжаются и на следующий день, и на третий. Наконец – о радость! – вполне себе нормальный малосольный огурец. Жаль, что он последний...

Не могу сказать, что в Литве мы никогда не сталкивались с антисемитизмом. Захожу однажды на почту купить открытку. Стою в очереди. Еврей, что впереди меня, отправляет телеграмму в Житомир. Усатый почтовый служащий роется в справочнике, чтобы определить стоимость телеграммы, а сам всё повторяет:

– Жит... Жит...

Звучит в точности как «жид». Это меня здорово разозлило, и я резко спросил на чистом русском (которого он, видимо, не ожидал от здешнего подростка):

– У вас что, жид в горле застрял?

Все засмеялись, а служащий сразу стушевался и замолк.

Наступает Йом-кипур, Судный день. Мне ещё нет тринадцати, но по обычаям тех лет первый пост Судного дня мальчик держит в год достижения тринадцатилетия (бар-мицвы). Я уже пробовал поститься и раньше, но чтобы вот так – двадцать пять часов не есть и не пить... Страшновато!

И вот синагога, раввин читает «Коль нидрей» – самую главную молитву. А на следующий день снова в синагогу. И вроде бы всё нормально. Погулял себе днём, прошёлся в парке вдоль озера. Вернулся в синагогу к завершающей молитве, и вдруг... Голова закружилась, поплыли перед глазами ряды кресел... Городской раввин внимательно наблюдает за всеми молящимися. Видимо, я сильно побледнел.

– Мальчик, тебе надо выпить воды. А потом съесть чего-нибудь. Я сейчас попрошу, чтобы тебе принесли.

Я отрицательно мотаю головой. Этого ещё не хватало: нарушить пост, когда до его окончания осталось меньше часа! Я знаю,

разумеется, что Закон предписывает прервать пост, если есть угроза здоровью, но это ведь не тот случай!

Раввин отходит, чтобы распорядиться насчёт воды, а я встаю, покачиваясь, и выхожу на улицу. Присел на скамейку. Предметы обрели чёткие очертания. Утихает звон в ушах. Сижусь себе и расслабляюсь. Хорошо! И тут мой слух наполняет гул набата. Что это? Галлюцинация? Звон продолжается. Запах дыма в воздухе. Ржут кони, несутся пожарные повозки, люди бегут – все в одном направлении. Мчусь за ними, забыв и про головокружение, и про Йом-кипур. Полыхает двухэтажное здание. Пожарники разворачивают шланги, ставят помпы.

– Давай, качай скорее! – кричит мне пожарный в медной каске. И показывает на рукоятку насоса.

Хватаюсь за ручку и качаю изо всех сил, в такт с другими ребятами, которые уже включились в работу. Выкачали одну бочку – переходим к следующей. Пламя умиряется, ревуший зверь превращается в гудящую алую змею, потом – в шипящего змеёныша. Кажется, дом удалось отстоять, хоть внутри он порядком повигорел. Чумазые, как черти, расходимся по домам. Умываюсь, залпом выпиваю ковшик воды, достаю еду и смотрю на ходики: с того момента, как я ел и пил перед постом, прошло двадцать девять часов.

ПРОКАЗЫ И РАССКАЗЫ

Занятия в нашей ешиве продолжаются с утра и до вечера с двухчасовым полуденным перерывом. Вот в эти-то два часа и можно отвести душу, заняться тем, что нравится. А нравится нам много чего. Вот, например, стрельба спичками. Существуют для этого два главных способа. Можно плюнуть на оштукатуренную стену, намазать влажной извёсткой обратный конец спички, а потом быстро чиркнуть и подбросить её к низкому потолку. Спичка прилипает, продолжает некоторое время гореть, а затем тухнет, оставляя на потолке кружок копоти. К сожалению, в ешиве так не особенно пошалишь: после появления нескольких подобных пятен устроят такой нагоняй, что мало не покажется. Остаются какие-нибудь подсобные помещения, да и в них не порезвишься. Второй способ заключается в том, что две спички вставляются по краям коробка, третья ставится перекладиной между ними и поджигается посередине. Через секунду катапульта срабатывает, и огонёк летит на целую сажень, а то и дальше.

За этим занятием и застал меня ребе, а было это в пристройке, где держали сухие дрова. Вид у ребе был такой, что я сломя голову кинулся вон из дровяника и прямо в класс, где у нас проходили занятия. Ребе – за мной. Бегу по проходу, прыгаю на парту, перескакиваю в другой ряд. Картина маслом: двенадцатилетний мальчишка скачет через парты, а за ним прыгает семидесятилетний ребе в развевающемся облачении. Выскакиваю в коридор, подбегаю к входной двери... Неведомый доброжелатель успел выскочить из класса раньше меня и запер дверь на задвижку снаружи. Всё! Сейчас убьёт... Ребе устало хлопает меня ладонью промеж лопаток, отворачивается и, отдуваясь, возвращается в класс.

В тёплые дни мы во время перерыва сидим на брёвнах во дворе и рассказываем разные истории, по преимуществу страшные.

– Был у нас в городе лет сто пятьдесят назад один мудрый каббалист³⁸, рабби Шимон бен Табай его звали, – рассказывает маленький коренастый Палик. – Жил он одиноко, в небольшом доме при синагоге. Днями и ночами всё читал книги древних мудрецов. Собрал большую библиотеку. В ней были сотни старинных книг

³⁸ Каббала – религиозно-мистическое течение в иудаизме, существующее с XII в. Эзотерическая Каббала претендует на тайное знание содержащегося в Торе божественного откровения.

в кожаных переплётках. Это было всё его богатство. Когда рабби Шимон почувствовал приближение смерти, он написал завещание и все свои книги оставил синагоге: родных у него всё равно не было. И вот умер рабби Шимон, и похоронили его на еврейском кладбище, совсем недалеко от дома. А в доме поселился другой раввин, и библиотеку переносить не стали. Так прошло много лет.

– А что, кто-нибудь читал эти книги?

– Кто жил, тот и читал. Ну ещё люди приходили, может, и брали что почитать, приобщиться к Каббале, но всегда возвращали. И вот лет двадцать назад поселился там рабби Меир, тоже знаток Каббалы и мудрец. Спальня у него была рядом с библиотекой, и по ночам слышал он иногда, будто там кто-то ходит. Ну, думает рабби, может, ставня где брякает или задвижка на окне плохо держится. И вот как-то раз не спится ему ночью. Пошёл в библиотеку почитать. Кругом темно, только луна в окне сквозь облака еле пробивается. Стал искать спички на столе – нету спичек. И тут опять шорох, и чувствует рабби, как кто-то вложил ему спичечный коробок прямо в ладонь. Испугался рабби Меир, но овладел собой, свечку зажёл. И видит на столе большую закрытую книгу и точно знает, что не снимал он её с полки. Он в эту книгу вообще почти не заглядывал. Может, думает, служка из синагоги положил да забыл назад поставить. Повернулся к полкам – и слышит на столе лёгкий стук. И бумага шуршит. Оборачивается – а книга открыта. Подходит и читает первую строку: «...и выйди во тьму сада твоего». Изумился рабби Меир и пошёл со свечой осмотреть комнату. И снова – тот же звук на столе. Подходит и читает: «...и копай, доколе не обрящешь». Тут страницы сами перевернулись, и рабби читает: «Дуб, что к северу». А рядом с домом были сад и рощица. Одной стороной – к дому, другой – к кладбищу. И аккуратно к северу от дома рос одинокий старый дуб. Вышел рабби в сад, подходит к дубу. А под ним лопата в земле торчит. Видать, садовник забыл, думает рабби. Хочет лопату вытащить из земли и на место отнести, а она не вынимается, хоть тресни. Тут он вспомнил про то, что в книге было написано, и решил немного покопать. И тогда лопата прыгнула ему прямо в руки. Копнул раз пять – лопата во что-то ударилась. Смотрит, а это кость. Достал он её, разглядел. Был он человек образованный и понял, что кость – человеческая, локтевая кость руки. Взял рабби Меир кость, взял лопату – и на кладбище. Подошёл к плите, что над могилой рабби Шимона бен Табая, вырыл возле неё ямку и закопал там кость. И тут часы на

городской ратуше пробили три часа ночи. Вернулся рабби Меир домой, зажгёт свечу и видит: книги на столе нет. Подошёл к полке: стоит эта книга на том месте, где и раньше стояла. И так ему вдруг спать захотелось! Пробовал он потом найти в книге те места – не нашёл. Так он понял, что это была кость Шимона бен Табая и что выполнил он его просьбу.

– Послушай, – спрашивает тощий Аникстай, – а как эта кость под дуб попала?

Аникстай – полная противоположность Палику: высокий, худой, большеносый. Крупные кисти на тонких запястьях торчат из рукавов любой его курточки.

– А этого никто не знает, – задумчиво отвечает Палик. – Может, задели могилу, когда ещё кого-то хоронили. Может, пытались могилу ограбить...

– А ты видел этого рабби Меира?

– Не... Когда он умер, я маленький был. А дуб видел, он так и растёт.

– Это что, – говорит Аникстай, – а вот у нас с одним парнем случай был, так он чуть с ума не сошёл. Идёт раз осенью через лес и малость заблудился. Может, за грибами ходил, может, от девушки из другого местечка возвращался. Темно уже стало и похолодало. Озяб немного. Но вышел-таки к лесной дороге. А лет за десять до того в этом самом месте разбился почтовый дилижанс.

– Да какие у вас в Бобруйске дилижансы! Там только на ободанных телегах ездят!

– Как это – нет дилижансов? А почту возить?.. Да это и не совсем у нас было, но близко. То ли возле Могилёва, то ли под Минском. Там лесная дорога шла над очень крутым оврагом. Темно было. Кони понесли – и прямо в овраг, вместе с почтовой каретой. Те трое, что внутри сидели, сразу разбились, а возница и сопровождающий, что на козлах, уже в больнице померли.

Нам уже страшно, больше вопросов не задаём.

– Вот вышел он, значит, к этой дороге, а до местечка ещё вёрст пять-шесть, а то и больше. И видит: вдалеке на дороге огонёк показался. Он сперва думал, что человек с фонарём, а потом понял, что фонарей-то два: дилижанс едет, карета с двумя фонарями и четыре лошади цугом. Только ни стука копыт, ни шума колёс. Тихо так едет. Стал парень махать: подвезите, мол. Остановился дилижанс. На козлах – кучер и ещё один человек, до самых глаз в плащ закутан. Молчат, даже голов не повернули. Открывает парень дверцу

кареты, заходит. В дилижансе сидят трое. Присел на скамейку и чувствует: холодно, как в склепе, ещё холодней, чем снаружи. И запах какой-то непонятный, сладковатый. Парня аж затошнило. «Морозно тут у вас. Давайте хоть окно откроем». Тот, что у окна сидел, молчит. А тот, что напротив, приподнял голову, посмотрел на него, но ничего не ответил. Парнишка взялся за оконную задвижку. Смотрит: окно всё плесенью покрыто, рама совсем гнилая. Присмотрелся – а и внутри дилижанса всё сгнило и плесень кругом толстым слоем, как на поваленном дереве в глухой чащобе.

Если бы в эту минуту нас позвали на урок, мы, вероятно, не пошли бы. Не дослушать уже нельзя. И Аникстай продолжает:

– Парень спрашивает третьего: «Откуда эту колымагу вытащили? А регулярный дилижанс – он что, в ремонте?». Пассажир уставился на него, и вот тут-то парень чуть не рехнулся. Аж, говорит, внутри всё заглодело. Глаза у попутчика светятся красным, как два угля, лицо лиловое, как у мертвеца, рот оскален, и гнилые зубы торчат. Глянул парнишка в лицо тому, что напротив, – то же самое: глаза горят жутким светом, лицо лиловое, зубы оскалены. Поглядел на того, что у окна, – и всё понял. У всех троих волосы припорошены могильной землёй, одежда расползлась и тоже вся в земле. Лица немного светятся, как гнилушки. Одним словом, сидит он с тремя мертвецами. Только глаза у них живые и горят. Парень заорал, кинулся к дверце, хочет выпрыгнуть – а дверь не открывается. Тут кони рванули, и как раз в эту секунду из-за туч показалась луна. Раздался страшный треск, и парнишка увидел, что летит в тёмную бездну.

Аникстай умолк.

– Ну, а дальше-то что?

– А дальше – ничего. Утром нашли его пастухи. Лежал без сознания в овраге со сломанной рукой и разбитой головой. Потом, в больнице, всё бредил. Помаленьку пришёл в себя, рассказал историю доктору – тот не поверил, конечно. Стал парень молчаливым, больше никому ничего не рассказывал. Только недавно по секрету выложил всё одной моей знакомой...

Идём на урок, но мысли наши далеки от Талмуда.

ВИЛЕНСКИЕ НОВОСТИ

Каникулы я провожу с отцом в Вильно. Дела у него идут не бог весть как, заказчиков мало. А ещё и труд задумал: конкорданцию к Танаху. Дело в том, что Танах (который христиане называют Ветхим Заветом) – это огромный литературно-исторический памятник. В нём и легенды еврейского народа, и изложение религиозной доктрины, и история, и эпос, и нормы морали. Он содержит множество слов и выражений, бывших в ходу две с половиной тысячи лет назад, но не очень знакомых нынешним читателям Библии, даже искушённым в еврейской духовной литературе. В наши дни для многих серьёзных книг составляются алфавитные указатели, индексы, позволяющие ориентироваться в большом и сложном тексте. Конкорданция и есть такой индекс с разъяснением терминов. Первые конкорданции появились ещё в тринадцатом веке, но они составлялись не для исходного, ивритского, текста библии, а для его латинского перевода, для так называемой Вульгаты. Самым популярным толковым словарём к Танаху в начале двадцатого века была конкорданция доктора философии Шломо Манделькерн. Он был настоящим просветителем: переводил на иврит Пушкина, Байрона, Гейне и Лермонтова, а на немецкий – рассказы В. Г. Короленко. Писал собственные стихи. (Первую балладу на иврите написал он.) Успел даже немного поработать главным раввином Сербии. Над своей конкорданцией Манделькерн трудился двадцать лет и выпустил её в 1896 году в Лейпциге, за пять лет до своей смерти. Это был увесистый том – исключительно для кабинетной работы, поэтому сразу же стали создавать сокращённые варианты книги, а мой отец решил составить собственную краткую конкорданцию, которую можно было бы носить в кармане: как бы краткий словарь-справочник для читающих и изучающих Танах. Свою книгу он начал ещё в Иркутске, а потом очень усердно работал над ней в Вильно.

И вот труд близок к завершению, а где взять деньги на издание? В Литве были замечательные трикотажные и текстильные фабрики. Отец время от времени покупал хорошее постельное бельё, носки, пижамы, полотенца и посылал их матери в Иркутск, а мама продавала их где могла – отсюда и деньги. И вот уже довольный папа демонстрирует мне только что отпечатанные экземпляры. Книжечка в десяток сантиметров высотой и сантиметров семи в ширину. У папы блестят глаза: он рад своему труду, как новорождённому ребёнку.

**Е. Сегал. Карманная
Конкорданция к Танаху.
Вильнюс, 1911**

А потом отец выкладывает мне новости. Самая главная: моя старшая сестра Штерна вышла замуж. «Штерн» на идише означает «звезда», и в семье сестру в шутку называли Божьей дочкой. Она рассказывала, что в детстве действительно верила, что она дочь Бога. Возможно, это отложилось какой-то отпечаток на её характер: очень была гордая, отшивала женихов.

Однажды в нашем иркутском доме собрались парни и девушки. Среди них был Лейба Рудкевич, молодой ювелир, которому Штерна давно нравилась. Лейба принёс с собой несколько колец собственного изготовления. По-

казывая одно из них Штерне, он надел его ей на палец и произнёс на ашкеназском иврите:

– Харей ат мекудешеш!³⁹

На что Штерна отрезала:

– Как собака брешешь!

Молодёжь веселилась: ей забавны были эти старинные обряды. Но отец-то относился к ним серьёзно и, узнав об этом эпизоде, очень рассердился. Хорошо, мол, ещё, что в комнате не было миньяна – десяти взрослых мужчин. Этого было бы достаточно для того, чтобы признать смешную выходку законным браком.

И вот теперь, несколько лет спустя, Лейба вдруг заявился в виленскую квартиру нашего отца и попросил руки Штерны. И нашёл ведь адрес!

Дальше – обмен письмами. Штерна соглашается и приезжает к Лейбе в Кронштадт. Брак теперь совершается уже по-настоящему, с хупой⁴⁰.

³⁹ «Харей ат мекудешеш» (в сефардском произношении «мекудешет») – «Вот ты и посвящена мне в жёны». Формула, произносимая женихом при заключении еврейского брака.

⁴⁰ Хупа – символический шатёр, под которым еврейская пара стоит во время обряда бракосочетания, а также название самого обряда.

Кронштадт был крупнейшей и тщательно охраняемой военно-морской базой России и, разумеется, находился вне черты оседлости, но евреи жили и там. Дело в том, что отец Лейбы, Марк, был кантонистом, то есть ещё при Николае Первом был призван в царскую армию. История кантонизма – одна из самых горестных страниц российского прошлого. В военные гарнизонные школы, кантоны, набирали малолетних бродяг и нищих, детей цыган и польских повстанцев, а также – по рекрутской развёрстке – еврейских детей. Формально еврейские мальчики призывались с двенадцатилетнего возраста, на деле же иногда забирали и девятилетних. Не было во всей империи никого бесправнее этих несчастных ребятишек. Еврейских детей к тому же принуждали к переходу в православие. Демонстрируя служебное рвение, кантонистское начальство подвергало противившихся крещению жестоким наказаниям. Кроме того, еврейским детям запрещалось переписываться с родными, говорить на родном языке и молиться по-еврейски, у них отбирали и сжигали молитвенники и тфилин. Основным предметом, наряду с военной муштрой, обучением русской грамоте и счёту, был «закон Божий». Далеко не все выдерживали такое давление, многие уступали. Марк Рудкевич – выдержал. 26 августа 1856 года на престол вступил император Александр II. В тот же день был опубликован Высочайший манифест, упразднявший институт кантонов. Отслужившие полный срок солдаты из кантонистов (как и все «николаевские солдаты») и их потомки получали право жить на всей территории Российской империи, в том числе вне черты оседлости.

Марк женился и поселился в Кронштадте. Почему именно там? Поди знай... У него родилось десять детей. Из них и их потомков и составил внушительный клан кронштадтских евреев⁴¹.

Лейба выучился ювелирному делу и стал неплохим мастером. Денег, однако, было недостаточно для открытия собственного дела. И тогда Лейба подался в Сибирь, поближе к золотым приискам. Сибирские приискатели щедро платили – и деньгами, и золотым песком – за колечки и серьги для своих жён, возлюбленных и дочерей. В эту пору Лейба и познакомился со Штерной. Женившись, вернувшись с женой в Кронштадт, он открыл собственный

⁴¹ В своей биографической книге известный журналист Владимир Познер задаётся вопросом, на который не знает ответа: каким образом его отец, еврей, мог родиться в Кронштадте? Думаю, он принадлежал к тому же клану. (Как и отец другого известного журналиста Севы Новгородцева.)

магазинчик, в котором торговал ювелирными изделиями и золотыми часами, не оставляя работы в своей маленькой мастерской. К магазинчику примыкала небольшая квартира, в которой скоро появился один сын, а затем второй.

Другую новость сообщили ребята, мои виленские приятели. Оказывается, пока меня не было, случилось большое несчастье и великое чудо в Рамайльской ешиве. То было знаменитое на весь мир заведение. В старинном четырёхэтажном здании на улице Еврейской учились сотни ешиботников. Прямо к нему примыкали многочисленные лавки и магазинчики. Однажды я даже заглянул в это здание: интересно было поглядеть. Поднялся на верхний этаж по узким и скрипучим деревянным ступенькам – и тут меня обуял беспричинный страх. Мучительно захотелось наружу, на воздух, хотя клаустрофобией никогда не страдал. Стремительно сбежал по ступенькам и твёрдо решил, что больше сюда не войду.

И вот совершенно неожиданно дом начал рассыпаться средь бела дня, на глазах обалдевших лавочников и покупателей. Вывалился камень из стены, за ним второй – и посыпалось! Народ стал в панике разбегаться, но находившиеся внутри здания ничего не замечали, поскольку вход в ешиву и большинство окон выходили на другую сторону, в переулок. Среди всеобщей суматохи, которая поднялась снаружи, об учениках вспомнил только Ицик Гершон, что служил в лавке купца Менделя: в Рамайльской ешиве учился его брат Давид. Молнией метнулся Ицик в переулок, влетел в здание и помчался вверх по лестнице, громко крича: «Выходите! Выходите все! Дом рушится!». Повыскакивали ученики из классов – и наружу, вслед за Ициком. Видно, не сразу до них доходило, что дело плохо, и потому никакой паники не случилось. Спаслись все: и ученики, и учителя.

А в примыкавшей к дому лавке торговала вкусными горячими лепёшками булочница Клара. Жалко ей было бросить свою сдобу. Вытащила одну корзину, вторую, третью... Вернулась наконец за последней – и в этот момент здание ешивы рухнуло, погребя несчастную Клару под обломками.

ЕСТЬ ХОЧЕТСЯ

Каникулы закончились, возвращаюсь в Уцяны. Вот так сюрприз! Квартирная моя хозяйка сбивчиво и многословно объясняет, что к ней приехал племянник (он тоже будет учиться в ешиве), так что места для меня больше нет. Конечно, пока не найду новое жильё, я могу спать у неё на лавке, в каморке возле кухни...

Наступает пятница, близится время первой субботней трапезы. Под вечер ученики ешивы приходят в синагогу, и молящиеся приглашают к себе на субботу новеньких. В прошлом семестре я столовался у кожевенника Хаима. Ищу его среди присутствующих – и не нахожу: не пришёл. Между тем остальных ребят быстро разбирают по домам, а меня обходят. И вот все разошлись, я остаюсь один. Первое чувство – обида: почему? чем я хуже других? Выхожу на вечернюю улицу. Прохладный ветерок немного остужает закипевшее чувство, начинаю рассуждать. Я же не первый год здесь, всем прекрасно известно, что по пятницам я ужинаю у Хаима, вот ко мне и не подошёл никто... Темнеет. Идти к себе на квартиру? – Там догадаются, что я не ел, коли пришёл так рано. Идти к Хаиму? – А кто меня звал? Хотел бы пригласить – пришёл бы за мной в синагогу... И я отправился бродить по вечерним улицам. Окна одноэтажных домов освещены, и видно, как горят субботние свечи, как сидят семьи за столами, покрытыми белыми скатертями. Город словно вырос, а я был таким маленьким и одиноким! Даже чувство голода уступило чувству одиночества. Сколько времени я брожу так в темноте? Пора идти к себе. Наверно, трапеза уже закончена. Вхожу. Вся семья моих квартирных хозяев ещё преспокойно сидит за столом. Удивлённо поднимают головы: и чего это я так рано явился?

– Ты ужинал?

– Да, – небрежно бросаю я и иду в маленькую комнатку возле кухни.

Пристраиваюсь на лавке, но сон ко мне не идёт. Свет пробивается в щель под дверь. Слышу, как звякают стаканы, как вилки скребут по тарелкам – каждый звук отдаётся в пустом животе. Субботние свечи догорели, спустилась ночь, всё уснуло. Я лежу на жёсткой скамье, курка под головой, и вспоминаю субботние вечера дома, в Иркутске. Папа нарезает душистую халу, мама достаёт из печки рыбу и мясо, снимает с плиты большую сковороду с жареной картошкой. Неожиданно для себя заливаюсь слезами,

а слёзы и впрямь горячие: катятся, обжигая щёки. Мне кажется, что я плачу беззвучно, но это, видимо, не совсем так. Слышится шорох: в темноте кто-то ковыляет на кухню, и оттуда сочится свет. Вскоре моя дверь приоткрывается, и в проёме появляется бабушка, свекровь квартирной хозяйки. С тарелкой в руках. «Кто ложится спать голодным, тот встанет не выспавшись», – тихо говорит она на идише. Полутьма помогает мне унять гордость. Беру из рук бабушки халу и тарелку с мясом и запеканкой, быстро ем, наедаюсь и блаженно засыпаю, уже не замечая жёсткости своего ложа.

С тех пор прошло без малого восемь десятков лет, а я всё ещё вспоминаю с благодарностью ту старушку.

Вскоре с питанием у меня всё устроилось. Неподалёку от ешивы жила вдова средних лет по имени Циреле. Она содержала дешёвую столовую для ешиботников. В сущности, её сытные и вкусные обеды были моей единственной нормальной трапезой за весь день. В ту же столовую ходили и тощий Аникстай, и полненький приземистый Палик. На завтрак и ужин я покупал в лавке хлеб, а воды было вдоволь. Так питались почти все ешиботники. Циреле была для нас доброй тётушкой. С первого же дня объявила, что по вторникам будет кормить меня бесплатно, это будет «её день». Такие же дни были у каждого.

Аникстай ел мало. Поклюёт того, другого – и встаёт из-за стола. Зато Палик уписывал за милую душу. Вот как-то и говорит ему Циреле:

– Палик, ты не подумай только, что мне для тебя чего-то жалко. Кушай, сколько захочешь. Только вот дивлюсь я: как так получается, что Аникстай вдвое выше тебя, а ест втрое меньше?

Остроумный Палик отвечал:

– Знаете, тётя Циреле, когда Бог сотворил людей, он не стал подбирать каждому подходящую кишку, а развесил все кишки на одной верёвке, как бельё, чтоб каждый взял себе какую захочет. Аникстай-то высокий, сумел дотянуться до самой короткой кишки. А мне, маленькому, что было делать? Я и до длинной еле-еле достал, вот и ем много.

КЛЁЦК

На следующие весенние каникулы я приехал к отцу уже совершеннолетним: за несколько месяцев до того мне исполнилось тринадцать лет. В жизни еврейского мальчика бар-мицва – большое событие. В синагоге ты выходишь и читаешь отрывок из Торы, все на тебя смотрят, потом поздравляют: теперь ты мужчина. А дома – настоящее торжество. В Уцянах у меня никакого особого торжества не было. Вышел, прочёл отрывок из Торы, поздравили. Буднично и просто. А вот в Вильно отец устроил так, что на Пурим я читал свиток в синагоге перед большим скоплением народа. Впервые читал я свиток Эстер перед такой многочисленной и незнакомой публикой. Естественно, волновался немного, но всё прошло гладко.

А в следующий мой приезд, ранней осенью, мы с отцом отправились в Клёцк, к родителям нашего зятя Моше, мужа моей старшей сестры Фани. Моше и Фаня поженились в Иркутске, когда я был ещё маленьким. Фаня была девятнадцатилетней красавицей и желанной для многих невестой. Притом у неё был даже свой маленький магазинчик. Точнее, не магазинчик, а бакалейная лавочка на рынке. И вот появляется Моше. Высокий, статный, кареглазый, с часами на серебряной цепочке. (Я тогда только эти часы и запомнил.) Они поженились и некоторое время жили в Иркутске. А потом Моше вдруг исчез. Поехал навестить родителей в город Клёцк, что возле Барановичей, – и не вернулся. И осталась Фаня одна с трёхлетней дочерью. Теперь отец списался с родителями Моше – и мы отправились к ним. До Барановичей – поездом, дальше – в бричке с крытым верхом, по пыльной ухабистой дороге, до Клёцка.

На крыльце добротного кирпичного дома нас встретили отец Моше, почтенный Шимон Резник, и его младший сын Авраам. Оба длиннорылые, серьёзные. Люди они были богатые, торговали пшеницей. Окрестные мужики как раз начали привозить зерно для ссыпки в купеческие амбары. Мне очень хотелось быть полезным, и я постоянно вертелся возле места приёма, иногда выполняя мелкие поручения хозяев. Интересно было наблюдать, как подходят подводы, запряжённые смиренными лошадами всех мастей: гнедые, вороные, белые. Бородатые мужики в картузах и серых рубахах подтаскивают мешки к амбару, где их принимают работники Шимона и Авраама. В первое же утро Авраам вручил

мне несколько рублей и попросил сбегать в магазин – разменять их на гривенники.

– Да попроси, чтоб новых дали, блестящих!

«И зачем они ему?» – подумал я. Но сбегал в магазин и вернулся к амбарам с кульком десятикопеечных блестящих монет. Вот тут-то и выяснилось, зачем было разменивать деньги. Перед мужиком, наблюдающим за разгрузкой мешков со своей подводы, стоит эмалированная миска. Уходит очередной мешок – крестьянину дают гривенник, и он кидает его в мисочку: дзинь! Это означает, что крестьянину полагается рубль за очередной мешок зерна. Я понял: окрестные белорусские и русские крестьяне почти сплошь неграмотны, записать или даже пометить количество проданных мешков не могут, в жизни карандаша в руке не держали, вот и отмечают таким несложным манером. Разгрузят подводу, подсчитают число монет в миске – и получит крестьянин соответствующие рубли. И вдруг через приоткрытые ворота я вижу странную картину. Мужик один стоит перед миской – остальные потащили мешки вглубь амбара. Мужик воровато оглядывается, потом хватает из миски несколько монет и суёт себе в карман. И вновь стоит как ни в чём не бывало, поджидая следующий мешок. Вот это да! Ну добро бы добавил в посудину несколько своих собственных гривенников – так ведь нет, чужие берёт себе в убыток! Видно, местные купцы хорошо понимали психологию неграмотного белорусского крестьянина. Вот почему Авраам просил принести именно блестящих монеток: уж больно привлекательно выглядят, мужику трудно удержаться. Меня такая тактика покорила: у нас-то в семье сжульничать или, не дай бог, украсть считалось последним делом. И ведь не придерёшься: мужик сам себя обсчитал!

А с пропавшим мужем Фани всё объяснилось: Моше просто отправился в Палестину. Что было у него на уме, когда уезжал, не сообщив ничего жене, – трудно сказать. Но теперь, получив письмо от моего отца, он тут же отозвался. Уверял, что вовсе и не думал оставлять семью. Короче говоря, уже через пару месяцев после нашего визита в Клёцк Фаня, наскоро собравшись, с трёхлетней дочерью прибыла к отцу в Вильно, а оттуда уехала в Страну.

КРОНШТАДТ

Осенью отец вернулся в Иркутск, так как срок его ссылки истёк. В Литве у меня никого не осталось, но обо мне позаботилась старшая сестра Штерна: парнишке и четырнадцати не исполнилось, а он совсем один, среди чужих людей, и некуда ему податься. Написала мне письмо, звала пожить у них и денег прислала на дорогу. Рассчитался я с долгами за квартиру и питание, сложил свои пожитки в мешок, пришёл на станцию и сел в поезд на Санкт-Петербург.

Душный сидячий вагон с деревянными полками, запах портянок и пота, мешки – холщовые и рогожные. Да мне не привыкать, подрёмываю себе да в окошко поглядываю. В кармане у меня алтын – три копейки. Если не встретят меня на столичном Царско-сельском вокзале, то... Ну и что? Куплю на алтын открытку и пошлю сестре. Так, мол, и так, жду вас на вокзале. А уж сутки-другие как-нибудь перемаюсь, краюха в мешке почти не тронута.

Так прошла ночь. В восемь утра поезд подошёл к перрону вокзала, и в окно я сразу увидел своего зятя Лейбу. Он стоял и беседовал с двумя мужчинами, посматривая на подходящий поезд. И вот стою в дверях вагона, одетый, как все ешиботники: бесформенные штаны, длинное пальто, башмаки, молящие о починке, потрёпанный узелок в руках. Лейба быстренько распрощался с собеседниками, подбежал ко мне: «Привет! С приездом!». И за руку потащил прочь с перрона, чтобы его знакомые нас не увидели.

Первым делом Лейба ведёт меня в камеру хранения и оставляет там мой узелок.

– Пошли-ка в чайную, позавтракаем!

Я в замешательстве: чайная-то небось гойская, еда наверняка некошерная. Лейбу это нисколько не смущает. Он себе наворачивает пирожки, а я лишь похлёбываю сладкий чай.

– Ты почему ничего не ешь? Не проголодался в дороге?

– Нет, не особенно.

Лишь потом я узнал, что и Штерна, и её муж хоть и придерживаются традиций, но не усердствуют в этом. И в Бога не особо верят.

– Ладно, не хочешь пирожков – пошли, хоть молочка попьёшь.

Интересно, как это можно попить молочка посреди большого города? Заходим в молочную. Там не только продают молоко, сме-

тану и творог – там наливают стакан холодного молока любому желающему, и за довольно скромную плату. Споласкивают стаканы тут же под краном: ишь ты, водопровод! Даже в Вильно его не часто увидишь.

Я думал, что теперь-то мы сразу поедем в Кронштадт. Ничего подобного. Мы выходим к красивой широкой реке. Гранитные берега, мосты, внушительные здания по берегам.

– Это Нева?

– Да нет, Фонтанка.

Ничего себе! Всего-навсего какая-то Фонтанка, а как же тогда должна выглядеть Нева?

Но к Неве мы вышли позже, когда я уже был облачён в чёрный костюм гимназиста, в рубашку с белым отложным воротничком и сверкающие ботинки. Блеск люстр в магазинах ослеплял, ошеломлял. А высокие зеркала в золочёных рамах! А услужливые приказчики! А паркетные полы! Я входил в эти магазины робко, а выходил распрямившись. Мои старые бесформенные штаны, моё неказистое пальтецо, мои просящие каши ботинки сгнули где-то в их недрах.

И вот Нева. Как я и ожидал, она шире Ангары, а местность как-то просторнее. Может, здесь ветра больше, чем у нас в Иркутске? Или так кажется потому, что дома не подходят к самой воде, а отстоят от неё на ширину набережной. Гранит вдоль реки. Сколько этого камня! И сфинкс в высокой тиаре на той стороне реки. Садимся в трамвай и катим к морскому вокзалу. Погружаемся на пароходик. В первый раз в жизни вижу море. Я почему-то всегда представлял его бурным, с большими волнами. Идёт по нему корабль, борясь с накатывающими валами, летят пенные брызги. Ничего подобного! Нас даже почти не качает. Пароходик пыхтит себе, прокладывая путь по подёрнутой рябью воде. Солнце иногда выглядывает из-за облаков, заливая волны золотистым блеском, и всё кругом играет, переливается. Облака плывут, лёгкий ветер треплет одежду. Здорово!

И вот появляется на горизонте тёмная полоска: остров Котлин. Она ближе и ближе, постепенно скрывает весь горизонт. Пароходик швартуется. Народ толкается у высоченного трапа, который поднимается к причалу. Движение толпы непонятным образом выносит меня вперёд, и я оказываюсь первым. Как раз в эту минуту наверху появляется дородный усатый жандарм, в точности такой, какими рисуют их на карикатурах в газетах.

– Приготовить паспорта! – кричит он зычным голосом.

Я весь сжимаюсь: ну какие у меня могут быть документы? Кому нужен паспорт в еврейском местечке? Сквозь толпу протискивается ко мне Лейба. А охранник уже схватил меня пухлой лапшей.

– Паспорт!

– Молодой человек со мной, – говорит Лейба.

– Виноват, – жандарм прикладывает руку к фуражке, – проходите.

Наступает вечер, и, значит, начинается праздник Суккот. Иудею надлежит справлять праздник, как заповедано отцами нашими. То бишь никакой работы, а уж тем более сделок, покупок, разжигания огня, езды... А Лейба уже машет извозчику. Я в смятении, а он вроде и не понимает, подталкивает меня к подножке. В первый раз со дня совершеннолетия я нарушаю заповедь. Мы едем по ярко освещённой центральной улице Кронштадта. Электрические фонари, тротуары, магазины. Небольшой ювелирный магазин Лейбы тоже освещён электричеством. Скоро закрытие, а внутри ещё толкуются человека два-три. Лейба сразу уходит куда-то за прилавок, словно не замечая стоящей там Штерны, да и Штерна его вроде бы не замечает: показывает покупателям часы. Наконец те уходят, а я придвигаюсь ближе к прилавку. Штерна поднимает на меня глаза:

– Что вам угодно, молодой человек?

– Да ведь это твой брат Ерушалаим! – восклицает Лейба.

Мы бросились друг другу в объятия, сестра расплакалась, да и у меня в носу защипало. Когда мы с ней расстались, мне и десяти лет не было, а сейчас я стал высоким, совсем взрослым юношей.

Я ожидал, что войду в большую сияющую квартиру, но они, как выяснилось, жили совсем не роскошно, несмотря на владение таким симпатичным магазином: одна большая комната да кухня. Зато водопровод, электричество и голландская печь. В комнате мебели мало: кресло, двуспальная кровать да детская кроватка. В кроватке – мой годовалый племянник Теодор. Так его назвали в честь доктора Герцля. Правда, основателя сионизма Биньямина-Зезва Герцля все знали под именем Теодор, а с моим племянником были знакомы пока только члены его семьи. В дальнейшем звали его Веней, Вениамином, как и было указано в документах. И когда почти восемь десятилетий спустя я спросил сидевшего со мной за большим семейным столом мужчину: «Ты – сын Теодора?», он не сразу меня понял.

Для меня поставили раскладушку, и я крепко уснул, утомлённый этим длинным днём. Проснулся на следующее утро, когда было уже светло, от взгляда устремлённых на меня двух пар детских глаз. Это были дети сестёр Лейбы: Рахели и Фиры. (Позднее я познакомился ещё с десятком сестёр, братьев, племянников и племянниц зятя, которые все жили неподалёку.)

– Привет! – сказал я.

Вместо ответа серьёзный мальчик (Барух, сын Рахели, будущий капитан дальнего плавания и отец известного журналиста) сказал:

– А покажи зубы!

Я удивился, но выполнил его просьбу.

Маленькая девочка заметила:

– Какие белые! Совсем как у тёти Штерны.

– Я ж говорил, – важно ответил мальчик, – у всей их семьи такие.

За всю неделю праздника Суккот никто и не подумал выйти из дома, чтобы посидеть в шалаше с крышей на просвет, да и какие шалаша в центре города? Через несколько дней Лейба послал кого-то в Петербург получить мои пожитки в камере хранения. Развернули узел, доставали оттуда вещь за вещью и от души смеялись над моим имуществом. Всё, кроме книг, было безжалостно изгнано из дома. Не пощадили даже мою любимую керосиновую лампу, при свете которой я прочёл столько хорошего и интересного.

Жизнь моя в Кронштадте была беспечной. Первое время я вообще ничего не делал, но очень скоро это моё положение стало тяготить и меня, и моего зятя. Характер у Лейбы был тот ещё. Сам-то он работал до поздней ночи. Стал разговаривать со мной раздражённым тоном, всё чаще зудел и читал нотации.

– Лейба, а давай я буду помогать в магазине, – предложил я.

Зять задумался, что бы мне поручить, и справедливо рассудил, что дело для быстрого мальчишки всегда найдётся. И я начал прилагать все усилия, дабы приносить пользу. Тому – заказ отнести, этому – записку (телефоны-то были у немногих). И по дому: пыль вытереть, на рынок сходить, за малышом приглядеть...

Верчусь в магазине и получаю массу новых впечатлений. Вот входит пожилой господин в костюме-тройке, достаёт из нагрудного кармана и кладёт на прилавок часы. Блестит жёлтый металл:

золотые. И инкрустация из сверкающих камешков. Поди знай, подделка или в самом деле драгоценные? А если даже так, где гарантия, что не ворованные? И Лейбы, как назло, нет: уехал по делам в Санкт-Петербург. Словно прочитав мысли Штерны, которая внимательно смотрит на него, посетитель выкладывает бумаги, в которых подтверждается, что часы золотые, куплены там-то и там-то.

– Гм... А сколько вы за них хотите?

– Двести, – сказал посетитель.

Это было произнесено так твёрдо, что Штерна поняла: торговаться не стоит. И купила часы. К вечеру появился Лейба, внимательно осмотрел приобретение, поцокал языком.

– Ну ты даёшь!

– А что тебе не так?

– Почему не так? Молодец...

Выставлять часы у себя Лейба не стал, а через неделю прихватил их в Петербург и принёс в большой ювелирный магазин. Запросил пятьсот рублей – и сделка состоялась.

– Если ещё попадутся такие, приносите, – сказал хозяин.

– А сколько дадите?

– Две тысячи, – спокойно отвечал купец.

Видимо, часы принадлежали какому-нибудь разорившемуся аристократу, каковых тогда было немало.

– Вот погляди, – говорил мне Лейба, показывая на витрину. – Такие часы я покупаю рублей за семьдесят, а продаю за сто. И на этой неделе у меня уже четыре штуки ушло: сто двадцать рублей прибыли. А у Зенковского такие же стоят сто двадцать. И сколько он продал за эту неделю? Всего одни часы! Уж я-то знаю. Вот тебе разница.

Заходили в магазинчик матросы и солдаты. И тех и других в Кронштадте было очень много, и как же они отличались друг от друга! Солдаты держались робко, словно попали в непривычную и чуждую им среду, а если покупали часы, то всегда просили серебряные. Выбирали те, что побольше и помассивнее, долго взвешивая в руке. В матросах ощущалась внутренняя свобода. Ходили они гордо, развинченной походкой, с презрением поглядывая на серых пехотинцев. В магазин заходили вразвалочку, оглядывали витрины, просили показать часы «поизячнее». Матросы могли отбить задержанного солдата у военного патруля, армейские офицеры их побаивались. Не удивительно, что через пять лет те самые

матросы сыграют решающую роль в русской революции. Я в это время буду весьма далеко от Кронштадта, а Лейба в дальнейшем расскажет своему младшему сыну о тех событиях. «В банке у меня был сейф. Я в нём держал золото, деньги кое-какие... Вхожу в банк и вижу, что как раз возле моего сейфа стоит матрос с большим красным бантом на бушлате. Повернулся я и пошёл. Зато ключ от сейфа так и остался у меня!»

По вечерам зять изготавливает украшения, сестра сидит рядом с ним и вяжет или вышивает, а я читаю им вслух Шолом-Алейхема в оригинале, на идиш. Это для вас Шолом-Алейхем – классик далёких времён, а в ту пору он был современным, живым и популярным писателем.

«Ты, конечно, кругом права! – отвечал Шимен-Эле своей жене, – читаю я. – Это, понимаешь, старая история... Как сказано в Торе, аскакурдэ дебарбантэ...»

Последние два слова читаю с трудом, не умею перевести их.

– А что такое это самое «аскакурдэ»? – спрашивает Штерна.

– Не знаю.

– Ты же Тору изучал! – возмущается Лейба. – Небось когда ходил со мной в синагогу, так произвёл впечатление на нашего ребе. Он мне потом говорил, что никогда не встречал такого образованного молодого человека.

– А может, этот Шимен-Эле просто насмеялся над женой? – догадывается Штерна. – Мелет ерунду, лишь бы показать, какой он умный.

– Наверно! – радуюсь я догадливости сестры. – «Опять! Опять он тут со своей Торой! – перебила его жена. – С ним говорят о козе, а он лезет с писанием!»

Я по-прежнему рвался во всё помогать своим родственникам и благодетелям. Иногда успешно, иногда нет.

Кроватка ребёнка стояла вплотную к кровати родителей. Рано поутру малыш просыпался и бухался к ним в постель. После этого спать было уже невозможно. Поэтому они решили отодвинуть кроватку и подняли сетку. В ту ночь я спал плохо: боялся, что проворный малыш перелезет через сетку и свалится на пол, – и рано утром проснулся как раз вовремя, чтобы подхватить его уже в воздухе. После этого кроватку вернули на прежнее место.

Но и на следующее утро моего зятя ожидал сюрприз. Исполненный добрых намерений, я встал пораньше и сам растопил печку. Очень довольный тем, что сделал нечто полезное, взял кочергу

и поворошил угли, чтоб дрова лучше горели. Кочерга уткнулась в полено и выпала из моих рук. Как раз в этот миг раздался стук в дверь. В таких случаях я обычно ретировался в дальний угол комнаты, ведь я фактически находился на нелегальном положении: разрешения на проживание в Кронштадте у меня не было. На этот раз принесли молоко. Лейба выскочил из постели, чтоб открыть молочнику и, согласно правилу невезения, наступил босой ногой на горячую кочергу. Просто невероятно, какой поток красноречия может вызвать обыкновенная кочерга!

Я прожил у сестры несколько месяцев. Приближалась весна. Было решено, что я вернусь в Вильно продолжать учёбу. Снабдили меня всем необходимым, дали денег и доставили на санях по льду Финского залива на роскошный Царскосельский вокзал. В прошлый раз я даже не успел его рассмотреть, а теперь у меня было достаточно времени. Это же просто дворец – новый, сияющий! Необъятный главный зал с широченной парадной лестницей и огромным куполом, чугунное литьё балконов, витражные окна, заливающие весь зал неярким весенним светом. А вот здесь, как извещает надпись над входом, буфет для пассажиров первого класса. Я еду не в первом классе, но не прогонят же, если загляну? Какие здесь пироги! Не могу устоять перед искушением, плачу целый пятак – и получаю большой сладкий пирог, покрытый белой глазурью. Вот уже половина его исчезла в моём алчущем желудке, глазурь тает на пальцах, оставляя белые следы... Стоп! А из чего она сделана, эта глазурь? Вспоминаю старый разговор в ешиве. Ребята рассказывали, что глазурь на пирогах делают из свиного сала... Выходит, свиное сало сладкое, а я и не знал. И что же теперь делать? Хотя я ведь и правда не помнил тот разговор, когда купил пирог, но теперь, когда я вспомнил о нём, есть уже невозможно. И половина пирога летит в массивную чугунную урну.

В следующий раз я увижу Штерну через пятьдесят пять лет...

РАБОТАЮ

Я снова живу в Вильно. Отец перед отъездом договорился с раввином одной из синагог, чтобы я ночевал у них. И ещё – с лавочницей Гителе, чтобы она отпускала мне молоко и хлеб. Так что жить пока можно. Только вот до конца учебного года осталось не так уж долго, и сейчас возвращаться в ешиву совершенно не хочется. Болтаться просто так – тоже. Надо работать.

Нашёл на центральной улице часовщика, которому нужен был помощник, и он меня охотно принял в обучение. Два месяца учился я у него чинить часы. Начал с простых будильников. Детали у будильника достаточно крупные, чинить его удобно. Работал с раннего утра и до позднего вечера. Вот только перевод из дома почему-то задерживался. До работы заскакивал к Гителе, брал у неё немного молока, полфунта хлеба и масло. Этого должно было хватать на сутки – но не хватало. По всей вероятности, именно голод помешал мне продвинуться в часовом деле.

Часовщик заметил, что со мной что-то не так. Вечером, закрыв мастерскую, он попросил подняться к нему в квартиру (его жена уже спала), взять чайник и принести кипятку. Он заварил чай, положил на стол хлеб, сыр, что-то ещё. И так было несколько вечеров подряд, пока до меня наконец не дошло, что этот ужин затевается ради меня. Сам часовщик сидел себе у краешка стола да потягивал чай, не дотрагиваясь до еды. И когда он в очередной раз пригласил меня к себе в квартиру, я вежливо отказался. Видимо, судьба не предназначила мне быть часовщиком: моей починки хватало только на месяц, а затем часы опять переставали ходить.

– Знаешь, Ерушалаим, – задумчиво сказал часовщик, – был у нас в местечке резник Лазарь. Зарежет, бывало, курицу – а она ходит. И ещё был часовщик Эйзер. Починит, бывало, часы – а они стоят.

Я понял, что починка часов – это не моё, и устроился в пекарню печь мацу перед праздником Песах. Мацы надо было много. Работа начиналась в шесть утра и продолжалась до десяти вечера. Возвращался только переночевать в комнате при синагоге. Но праздник наступил, и надобность в дополнительных работниках отпала. Тогда я пристроился разносчиком в кошерную кондитерскую. С утра до вечера разносил пирожные и прочие сладости богатым клиентам. Только теперь впервые увидел, как живут настоящему богатые евреи. Подходишь к добротному кирпичному

дому с огромным двором, звонишь в колокольчик у ворот. Выходит привратник, принимает у тебя коробки, велит подождать. Затем выходит кто-нибудь из слуг или домочадцев и протягивает тебе пятиалтынный, а то и целый полтинник. Моё экономическое положение заметно окрепло. В одном из больших продовольственных магазинов продавали колбасные обрезки по три копейки за фунт. Люди состоятельные просто не понимают простую истину: кусочек колбасы не становится менее вкусным оттого, что он отрезан с самого конца колбасной палки. Студенты, нищие и прочая беднота буквально кормилась от этого магазина. Фунта замечательных обрезков мне хватало не на одну трапезу, и так даже лучше: можно перепробовать разные колбасы. Ещё одна статья моих продовольственных расходов – мороженое. Несёшь себе свёртки очередному клиенту – и лижешь пломбир. Подходишь к воротам, поскорей вытираешь носовым платком рот и пальцы – и ты уже чистенький и благообразный, хоть на танцы.

В комнатке при синагоге мы ночевали вдвоём. Мой сосед, полноватый молчаливый парень по имени Хаим, был немного старше меня, дружбы у нас не получилось. Да и когда было подружиться, если я уходил ранним утром на работу, а возвращался, только чтобы перекусить и поспать? Перекинемся двумя-тремя фразами – и всё. Я даже не знал, где он работает или учится.

Прихожу однажды вечером, и тут в нашу комнату заходит раввин в сопровождении *шамаша* (служки). Поздоровался и тут же приступил к делу.

– Молодые люди, из нашей синагоги пропали две очень ценные книги. Не знаете ли случайно, куда они могли деться? Может быть, вы замечали что-нибудь подозрительное?

– Не знаю, – говорю я, – ничего особенного не видел. Я только ночевать туда прихожу.

– Понятия не имею, – заявляет Хаим.

Раввин строго смотрит мне в лицо, потом переводит взгляд на Хаима, встаёт и удаляется.

Миновало несколько дней. Я пришёл с работы немного раньше – и тут же в комнате появился шамаш.

– Ерушалаим, я нашёл книги. – И сверлит меня взглядом. – Здесь, недалеко, в книжном магазине на Полоцкой.

Вопросительно смотрю на него, хотя уже понимаю, что он хочет сказать.

– И букинист мне описал приметы того, кто их ему продал.

Снова пронзительный взгляд исподлобья. Я чувствую – кровь бросилась мне в лицо. Словно всё во мне поднялось и ищет выхода.

– Что? Я?! А вот пойдём к нему и проверим!

В букинистическом магазине ещё горел свет. Пожилой букинист возился возле кассы, и светлое пятно – блик от электрической лампочки под потолком – гуляло по его большой лысине. Услыхав, что пришли посетители, вскинул голову и внимательно посмотрел на меня. Шамаш кивнул в мою сторону.

– Нет-нет, это не тот мальчик. Тот был немного старше и полнее...

– Извини, Ерушалаим, – сказал шамаш, когда мы шли назад в синагогу.

Я промолчал.

Перекусил и завалился в кровать, однако сон ко мне не шёл. Я всё ждал, когда придёт Хаим, но его всё не было. Сон сморил меня ближе к полуночи. Хаим не появился, а утром я обнаружил, что его вещей в комнате нет. Видно, вечером я не обратил на это внимания: было не до того. В тот же день я пошёл и снял койку в чуланчике у одной старушки неподалёку. Говорят, есть примета, что у того, кого незаслуженно заподозрили в преступлении, будут хорошие сыновья. В моём случае эта примета вполне оправдалась: у меня трое прекрасных сыновей.

КИНО И ИВРИТ

1913 год. Россия готовится отметить 300-летие правления династии Романовых. Город украшают, ожидается даже прибытие государя. С особенным рвением наводят порядок на центральных улицах. Впрочем, эта задача не очень обременительна для казны: губернатор просто приказал домовладельцам позаботиться о чистоте – каждому на своём участке. Чистят памятник генералу Муравьёву, усмирителю польского восстания 1863 года. Рассказывали, что когда графа Михаила Муравьёва-Виленского (прозванного Вешателем) спросили, не родственник ли он декабристу Муравьёву-Апостолу, тот отвечал: «Я не из тех Муравьёвых, которых вешают, – я из тех, которые сами вешают». Литовцы не раз восставали и сносили памятник, но каждый раз русские воздвигали на его месте ещё более внушительный⁴². Царь в конце концов не приехал, зато на освящение новой Романовской церкви (храма святых Константина и Михаила) пожаловала великая княгиня Елизавета Фёдоровна, вдова убитого террористами царского брата Сергея Александровича.

Торжественно украшен Георгиевский проспект, центральная улица города⁴³. В витрине большого фотографического салона портреты членов царствующего дома. На фуражке наследника престола царевича Алексея написано: «За Варшаву» (такие головные уборы давали отличившимся при подавлении польских восстаний). Брезгливо морщусь, иду дальше. А вот нечто новое. Электрические лампочки, и над входом большими буквами: «Иллюзион». На стене реклама американской *фильмы* «Девушка без родины». Покупаю в кассе билет, вхожу, сажусь на стул, озираюсь. Народу в зале не много. Передо мной, через несколько рядов стульев, на которых сбились мальчишки, натянута белая простыня. В уголке за роялем молоденький пианист. Гаснет свет, звучит музыка. На экран падает светлое пятно, по нему бегут размытые серые тени, но изображение тут же фокусируется. Появляются буквы, как в волшебном фонаре, а потом движущиеся люди. Разворачивается сюжет. Прекрасная цыганка влюбляется в красавца офицера и ради него предаёт своего родственника, соперника этого офицера.

⁴² Памятник окончательно снесён в 1915 году. Дальнейшая судьба статуи неизвестна.

⁴³ Ныне проспект Гедимины.

А вот с огромной скоростью мчится поезд – прямо на меня! Я в смятении, сердце замирает... бежать? Но в последний момент поезд рванул в сторону, и я уцелел. Зрелище мне очень понравилось, и я, конечно же, не мог знать, что придёт время, когда кино станет делом моей жизни.

Этот первый увиденный мною фильм оставался единственным ещё лет пять, пока я после ранения не оказался в госпитале. Там крутили фильмы для офицеров, а мы, рядовые, находились позади экрана. В зеркальном отображении фильм воспринимается ничуть не хуже, вот только надписи прочитать мудрено.

...Когда я вышел из кинотеатра, было уже темно. Впереди меня шла пара: мужчина лет тридцати в песочного цвета костюме и войлочной шляпе и так же добротной одетая молодая черноволосая женщина. Они оживлённо говорили, и их язык показался мне знакомым. Я замедлил шаги и шёл за ними. Хотелось понять, что это за язык и почему я как будто его узнаю. Вот они остановились возле дома, в котором, по-видимому, жила эта женщина, и простились. Господин двинулся дальше, а в моей голове всё крутилась его последняя фраза: «Дришàт шалòм лекулàм». Что это? И вдруг всплывает невеста откуда: «Передавай всем привет». Да ведь это сефардский иврит!

Наш древний язык уже две тысячи лет назад был «мёртвым языком». Христианский мессия, Христос, говорил уже на арамейском. Но священные тексты на иврите повторяли и заучивали иудеи всего мира. Евреи Центральной и Восточной Европы, ашкеназы, стали говорить на идише. Евреи Испании, изгнанные из страны и расселившиеся вокруг Средиземного моря, сефарды, выработали свой язык – ладино. А иврит оставался не только священным языком, языком религиозной литературы (лòшен-кòйдеш), но и средством общения евреев разных стран диаспоры. Только, во-первых, язык был архаичным. Древняя лексика и фразеология, отсутствие слов для новых реалий, в которых живёт современный человек... Во-вторых, за два тысячелетия произношение древних слов сильно и по-разному изменилось в различных группах рассеянных по всему миру евреев. Поди знай, как звучал язык за несколько веков до нашей эры! Теодор Герцль и мысли не допускал о том, чтобы сделать иврит языком будущего еврейского государства. «Кто из нас знает иврит достаточно, чтобы заказать на этом языке железнодорожный билет?» – писал он.

**Пионер современного иврита
Элиэзер Бен-Йехуда
(1858 – 1922). 1905**

Лейзер-Ицхок Перельман родился в наших краях, как раз посередине между Вильно и Витебском, в середине девятнадцатого века. Это был человек одной мечты, одного дела. Он решил ни много ни мало возродить иврит как современный разговорный язык. Ещё за тридцать пять лет до описываемых мною событий, живя в Париже, он опубликовал статью «Важный вопрос». «У нас есть язык, на котором мы можем и сейчас писать всё что пожелаем и можем разговаривать на нём, если только захотим». А если евреи всех стран съедутся в Страну и начнут говорить на одном языке, то «страна станет центром всей нации, да и те, кто останутся жить за границей, также осознают, что их народ живёт в своей стране, где у него будет свой язык и своя литература; язык разовьётся, появится много писателей, которые смогут жить литературным трудом так же, как и писатели других народов»⁴⁴. В начале восьмидесятых Перельман (теперь уже Элиэзер Бен-Йегуда) приехал в Страну и поселился в Иерусалиме. И невесту свою Двору уговорил ехать с ним. Каким образом случилось то невероятное, что случилось, для меня до сих пор загадка. Да, Бен-Йегуда был великолепным линг-

⁴⁴ Цит. по: [8].

вистом, публицистом, замечательным педагогом. Но повернуть и направить речь населения целой страны!.. В школе, куда его взяли учителем, он использовал то, что сейчас называют методом полного погружения: он обучал ивриту на иврите. Первыми детьми нового времени, для которых иврит был родным языком, стали его собственные дети. Он сумел даже найти для них няньку, говорящую на сефардском иврите. (В израильском фильме шестидесятых годов Двора спорит с мужем по-русски. Она не желает говорить на иврите, ей это сложно. При этом актриса, исполняющая её роль, говорит по-русски с трудом и с сильным ивритским акцентом.) Приходившие в дом врачи пожимали плечами: они опасались, что первенец Дворы и Элизера Бен-Цион вырастет идиотом. А он стал выдающимся журналистом и литератором. Вот только, в отличие от отца, не сумел осуществить того, что задумал: перевести иврит на латинский алфавит.

Бен-Йегуда фактически создавал новый язык на основе упрощённого сефардского иврита, который считается фонетически более близким к древнему языку, чем ашкеназский вариант. Он бросил клич: !דבר עברית, דבר עברי («Иврй, дабèр иврит!» – «Еврей, говори на иврите!»), начал выпускать еженедельник на древнем языке и многотомный словарь, отыскивая в Танахе слова, подходящие для обозначения современных реалий. Бен-Йегуда находил единомышленников, организовал Академию языка иврит, работающую и сейчас. И пошла цепная реакция...

Всего этого я тогда не знал. Мне так и не привелось встретиться с Бен-Йегудой, зато удалось внести собственный вклад в распространение языка.

РАССТАВАНИЕ С ВИЛЬНО

Недолго я благоденствовал, работая разносчиком. Конец процветанию положила моя любовь к чтению. Один из моих клиентов обычно не торопился забирать заказ. Привратник открывал дверь и шёл извещать хозяина о моём визите. Минут через пять – семь выходил щеголеватый, гладко выбритый мужчина, получал пирожные, благодарил и давал чаевые. Но просто стоять и ждать, пока ко мне выйдет заказчик, было скучно. Я доставал из кармана небольшого формата книжку и коротал время в чтении. Когда я пришёл во второй или третий раз, клиент полубопытался:

– Что читаете, молодой человек?

Это как раз была новая книжка Шолом-Алейхема на идише. Тогда он спросил:

– А не хотите работать в еврейской библиотеке «Тарбут»? Им вроде бы нужен человек.

Работать в библиотеке, среди книг! И читать всё что захочется! Да об этом можно было только мечтать. И я не раздумывая согласился.

– Знаете, как переводится «тарбут»?

– Знаю: «культура».

– Вот-вот. Будете вести себя культурно и достойно – и всё будет в порядке. Пойдёте в библиотеку на Виленской, отдадите заведующему вот эту записку.

Так я стал учеником библиотекаря, самым младшим членом коллектива. Здесь работали взрослые парни и девушки, я помогал им чем мог. Представьте себе мальчишку моего возраста, открывшего для себя тысячи томов книжных сокровищ, представьте себе тот новый мир, который развернулся перед ним! Один только минус: зарплату платить не спешили.

В обеденный перерыв я оставался в библиотеке почитать, потому что с обедом меня нигде не ждали. Я жил по-прежнему на молоке, чае и хлебе с маслом. Спустя пару недель старшие попросили меня сбегать за чайной колбасой и булочками. И вот мы сидим все вместе и пьём чай. Разговариваем о книжках, о жизни, о городских делах. Мне даже удаётся вставить иногда что-нибудь умное, и собеседникам нравится, что я много читаю. А вот заведующему библиотекой моё чтение нравится меньше. И однажды, увидав меня среди беспорядочно расставленных книг и журналов, он замечает:

– Я ценю твоё пристрастие, но каждая книга должна иметь своё место.

Я не обиделся и отправился наводить порядок.

Ежедневные чаепития продолжались, и я скоро заметил, что еда, следуя непонятным законам физики, передвигается на мою сторону стола. Они затевают всё это ради меня! И в следующий раз, когда меня зовут пить чай, я вежливо отказываюсь...

А потом вдруг объявился папин друг Моше. У меня с ним старые счёты. Ещё когда отец жил в Вильно, мы с приятелями часто «тусовались», выражаясь современным языком, в парке, а иногда заваливались к кому-нибудь. И когда в нашей компании появлялись девочки... Это было совершенно новое для меня ощущение. Хотелось выделиться, казаться лучше и интереснее. Я становился разговорчивым и даже красноречивым.

– Хочешь, покажу тебе мой альбом? – спрашивает Ривка, девочка моих лет с ямочкой на подбородке и кудрявыми завитками надо лбом.

Я никогда раньше не видел девчоночьих альбомов. Содержание Ривкиного альбомчика весьма разнообразно. Тут вписанные её рукой изречения великих. «Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности! (М. Ю. Лермонтов)». Тут рисунки её подруг. Дамы с гладкими узкими лицами, с пышными причёсками и в кринолинах. Тут неведомые мне ранее короткие стишки про любовь в виньетках в виде розовых сердечек, в обрамлении из цветочков. Поздравления ко дню рождения. Пожелания и воздыхания мальчишек-поклонников с собственными неуклюжими стихами и цитатами из больших поэтов.

– А ты можешь написать мне что-нибудь? – спрашивает Ривка.

Вот это поворот! Но ничего в голову не приходит. Абсолютно.

– А можно, я возьму альбом и дома напишу?

– Ну хорошо, бери.

И вот сижу я вечером над Ривкиным альбомом в проходной комнатке папиной квартиры и размышляю, что бы написать. Перелистываю страницы и так напряжённо размышляю, что не замечаю тихо вошедшего в квартиру Моше, который уже стоит за моим плечом. Вдруг альбом оказывается у него в руках.

– Немедленно отдайте! – кричу я и вырываю альбом из его рук. Он качает головой и проходит в комнату отца. Они разговаривают не понижая голоса, и я слышу, как Моше говорит:

– Сплошная романтика! Откуда это у студента ешивы? И такие

пылкие выражения!

Когда Моше удаляется, отец нависает надо мной.

– Что за ерундой ты занимаешься?!

– Да ничем я не занимаюсь.

– Но Моше буквально полчаса назад видел...

– Твой Моше – шпион и негодяй! – кричу я и тут же, впервые в жизни, получаю звонкую пощёчину.

– Не смей так говорить о моих друзьях!..

Словом, нет у меня никаких приятных воспоминаний о Моше. И вдруг он объявляется и приглашает меня к себе на субботнюю трапезу. Хотелось ответить грубостью, но ведь наверняка отцу напишет, нажалуется. Так что вечером в пятницу я позвонил у входа в дом, где он жил. Моше был известным в городе адвокатом. Привратник уже знал о моём приходе и проводил меня к его квартире. Я поднялся на второй этаж и очутился в роскошных апартаментах – с коврами, картинами, статуэтками. Хозяин с хозяйкой выходят в прихожую, мне навстречу.

– А вот и Ерушалаим, – говорит Моше, широко улыбаясь. – Проходи, проходи, дорогой!

Стол уже накрыт. Дорогой фарфор, столовое серебро. Заливной судак, нежное мясо, закуски...

После десерта Моше достаёт письмо от моего отца. Так я и знал: неспроста он пригласил меня. Ошеломляющая новость: девятого августа моя семья отплывает из Одессы в Землю Израила! К письму были приложены сто рублей, сумма для меня огромная. Однако мне эти деньги полагались только в том случае, если я решу присоединиться к семье. Если же откажусь... Видимо, отец решил не баловать меня лёгкими деньгами.

Моше горячо убеждает меня ехать с семьёй. Он рассказывает, что неподалёку от древнего порта Яффо строится новый еврейский посёлок Тель-Авив, «Весенний Холм». Это название встречается в Танахе, есть оно и в книге Герцля. В посёлке, что поднимается в приморских дюнах, уже живут сотни людей, а скоро он превратится в современный город. А главное: в нём уже два года работает настоящая гимназия – «Герцлия», где я смогу продолжить образование.

– У тебя, я слышал, способности к языкам, – говорит Моше. – Иврит ты знаешь.

– Только ашкеназский, – вставляю я.

– Разница невелика. В сефардском немного другое произноше-

ние, но ты с этим справишься.

– А можно, я подумаю немного?

– Думай, только поскорей, чтоб в случае чего я успел сотню вернуть. Твои родные в начале августа выезжают.

Оставить всю эту, пусть не роскошную, но привычную, жизнь и уехать в страну, о которой я почти ничего не знаю? Страна Израиля была для меня почти абстрактным понятием, чем-то сказочным, существующим только в мечтах и преданиях.

В воскресенье, придя на работу в библиотеку, тут же рассказал ребятам о разговоре с Моше. Все как один стали убеждать меня ехать – это было даже немного неожиданным. Все они сочувствовали еврейскому возрождению в Стране, знали и про молодой посёлок, и про гимназию. К тому же, что ждёт меня здесь, если я останусь один? Буду скитаться в России, переходя с одной работы на другую?

На следующий день я зашёл к Моше и взял причитавшиеся мне сто рублей.

Сколько лет прошло, а я всё ещё помню ту хлопотливую разноязыкую виленскую жизнь, расположение виленских домов и улиц.

МАМА

Только теперь я ощутил, как долго не видел маму и оставшихся в Сибири сестёр и братьев. Почти пять лет прошло с тех пор, как я уехал из Иркутска. Я подолгу не писал домой – в силу безалаберности, лени или просто отроческой незрелости. Отец, живя в Вильно, писал матери о моём житье-бытье, но этого ей было мало, и тревога за меня постоянно её терзала.

Однажды в Уцянах меня вызвали к заведующему ешивой. Он строго посмотрел на меня и осведомился:

– У тебя мать есть?

Я перепугался, даже на мгновение дар речи потерял. Что случилось?

– Когда ты в последний раз писал домой? – поинтересовался заведующий.

А я уж и сам забыл, когда и писал-то.

– Садись! Вот письмо от твоей матери.

В письме мама просила сообщить обо мне «всю правду». Спрашивала, что со мной произошло, когда именно, почему от неё скрывают.

– Вот тебе бумага. Вот тебе ручка. Вот тебе чернила. Пиши письмо. Прямо здесь. И не забудь извиниться за то, что долго не писал.

И вот я схожу с поезда в Одессе. Со мной два узла с одеждой и другим немудрёным имуществом. А мой отец уже бегаёт по перрону возле соседних вагонов и расспрашивает пассажиров, не видали ли четырнадцатилетнего парнишку. Я подбегаю к нему сзади.

– Папа!

Теперь я ростом уже почти как он. После объятий и первых вопросов отец отводит меня в здание вокзала.

– Присмотри пока за вещами. Скоро ребята подойдут, а я на морской вокзал побегу: до субботы надо на пароход погрузиться.

Подождав минут пять и решив, что не след торчать на вокзале, когда кругом шумит Одесса, вышел на привокзальную площадь. Присел на скамеечку рядом с узлами. Звенят трамваи, народ топчется, толпится, шумит, жестикулирует отчаянно. Минутная стрелка на вокзальных часах потихоньку ползёт, а моих родных всё не видно. Уходит от площади прямая и красивая Пушкинская

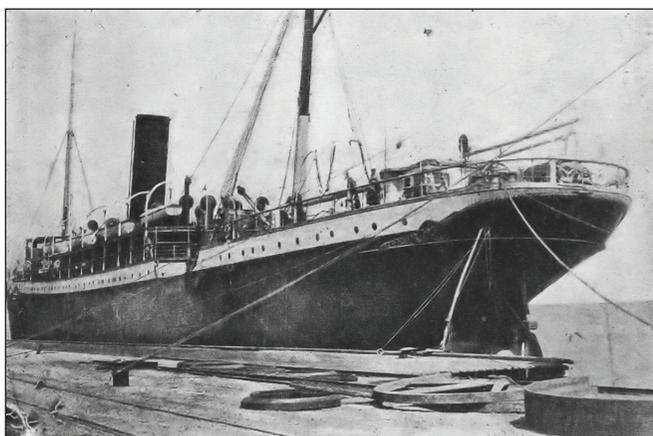
улица, мощённая новенькой гранитной брусчаткой, погружённая в зелень каштанов. Отец оставил мне адрес гостиницы, в которой они остановились: как раз на Пушкинской. Вот и пошёл я неторопливо, разглядывая помпезные здания и памятники, ничуть не хуже виленских. И тут с другой стороны улицы послышалось на идише:

– От из ер (вот он)!

Я узнал голос брата Элиягу. Он и сестра Цвия бегут ко мне. Видно, узнали меня по папиному описанию – не по детской же памяти. Да и узлы уж больно красноречивые...

Мы остановились у двери в гостиничный номер.

– Заходи первым, – говорит мне Элиягу.

**Пароход «Император Николай II»,
уже переименованный в «Ильич».
20-е годы прошлого века**

Такие номера теперь называют suite: небольшая гостиная, одна или две спальни. Несколько женщин (видимо, здешние активистки сионистского движения) сидят вокруг стола, а мама – я её сразу узнал – о чём-то им рассказывает. Вот подняла глаза, взглянула на меня, но продолжает начатый разговор. Подхожу к ней поближе.

– Мама...

Мать поднимается со стула.

– Сынок! Ерушалаим...

И покачнулась. Её усаживают. Подумать только: я вновь с мамой. Только теперь осознаю, как мне не хватало её все эти годы!

ВОСХОЖДЕНИЕ

На иврите еврейское рассеяние, диаспору, называют галу́том, а переезд из галута в Страну – алиёй (восхождением). Приехав на родину предков, мы как бы поднимаемся из мрачной долины вверх, к свету. По-русски этот процесс называется репатриацией, то есть именно возвращением на родину. Пионеры, приехавшие в Страну в конце девятнадцатого века, составили первую волну массовой иммиграции – Первую алию. Мы же были частью Второй алии, в числе сорока тысяч приехавших за десятилетие, предшествовавшее мировой войне.

Ближе к вечеру расположились в каюте третьего класса большого парохода «Император Николай Второй», следовавшего в Александрию через турецкий порт Хайфа. Освещение каюты было скудным, однако нас это не смущало: привыкли жить при свече или керосиновой лампе. Мы, молодёжь, почти всё время проводили на палубе, тем более что погода стояла прекрасная. Пароход не роскошный, зато огромный. Места на палубе всем хватает: и туркам, возвращающимся домой, и евреям-репатриантам вроде нас, и паломникам-христианам. «Чистая публика» следовала первым классом, но особой роскоши и у них не было. Это вам не «Титаник», страшная гибель которого всё ещё была на слуху. И всё-таки – другой мир: чисто, светло, красиво. Задерживаться в первом классе нельзя: только в буфет и обратно.

Прошли Босфором, вошли в порт Константинополя. На причалах пёстрая толпа, небо сотрясается от криков на непонятном языке. Швартуемся – и на пароход буквально со всех сторон налетают турецкие торговцы в красных фесках. Говорят громко и быстро, разбавляя турецкую речь русскими словами. Демонстрируют ткани, медную и керамическую посуду, сладости, сумки и кошельки. Мы с Элиягу инстинктивно придвигаемся поближе к нашей красавице Цвии, и вовремя: толстенький усатый турок подскакивает к ней, умильно улыбаясь. «Красавица!» – четко выговаривает он по-русски и неожиданно проводит рукой по груди Цвии. И мы оба – опять-таки чисто инстинктивно – делаем из него... нет, не котлету и не бифштекс, всего лишь сэндвич. Получивши сразу две оплеухи, растерянный турок исчезает.

Мы ходим на берег, в огромный город, раскинувшийся на пологих холмах над проливом. Это наша первая прогулка вне пре-

делов Российской империи. Какая кругом экзотика! Улицы повосточному многоцветны, отовсюду видна Айя-София, везде минареты прочих мечетей. И, конечно же, огромный базар. Что это такое у торговца в бочке? Блестящие овальные плоды, напоминающие чернослив. Как аппетитно выглядят! Торговец кладёт мне в ладонь один плод – на пробу. Откусываю немного... Какая гадость! Что-то кисло-солёное, противное. Да я больше никогда в жизни в рот не возьму подобной дряни! Протягиваю сестре надкушенный плод – она пробует и тоже кривится. Кто бы мог подумать, что очень скоро маслины станут нашей любимой едой!

Вышли в Мраморное море. Замечаем, что цвет воды сильно изменился: из бирюзового стал ярко-синим. Из Мраморного выходим в Эгейское и идём в Грецию, в Салоники, куда вместе с нами спешат корабли с солдатами, возвращающимися с только что закончившейся Второй балканской войны⁴⁵. Какие хлипкие и маленькие эти греческие суда по сравнению с нашим большим пароходом! Загружены они под завязку, а их пассажиры выглядят не лучшим образом: потрёпанные гимнастёрки цвета хаки, усталые лица. Но блеск в глазах, улыбки – радость возвращения домой! Они ещё не знают, что их ждёт новая, большая война.

Из Салоников идём уже на Ближний Восток, в Бейрут. И тут нас застаёт первый предосенний хамсин. Бывавшие на Ближнем Востоке знают это тяжёлое для человека состояние атмосферы: безветрие и духота. Находиться на палубе просто невозможно, и все спускаются в каюты, но и там невыносимо душно. Кто-то обнаружил, что за пять копеек в буфетах первого и второго классов можно купить стакан холодной воды. Разумеется, мы частенько просили у родителей денег и поднимались, чтобы попить, а главное – хоть четверть часа побыть в таком месте, где хоть ненадолго прохладнее и нет такой духоты. С нами в третьем классе путешествовали два еврея средних лет, вероятно, родственники. У них был общий бюджет для повседневных расходов, а за всё остальное каждый платил из своего кармана. Один, в чёрной кипе и с пейсами, в буфеты не ходил. При известии о том, что за гривенник мож-

⁴⁵ Балканские войны – две войны, произошедшие в 1912—1913 годах, в результате которых страны Балканского полуострова потеснили турок на европейской территории.

но приобрести то-то и то-то, вскрикивал: «Ой-вей!»: любая цена казалась ему чрезмерной. Второй, вполне светский с виду, отнесся к деньгам с меньшим трепетом. Услышав, что наверху пьют холодную воду, он не устоял перед искушением и сходил выпить стакан, однако, как видно, на смену жажде пришло сожаление о потраченных зря деньгах. Умный утешается сознанием неизбежности того, что уже сделано, глупый – тем, что и с другими произошло то же самое. Спустившись в каюту, он начал хвалить прекрасную воду, возвращающую человека к жизни в душных объятиях хамсина: «Какая вода! В жизни такой не пил!». И его спутник сдался: пошёл в буфет второго класса и издержал пятак. Выпил – скривился: вода как вода, «Ой-вей!». Спустился вниз и долго жаловался и зудел, что его подбили на такую дурацкую трату.

Гора Кармель: гигантский утюг, что тщится разгладить неровную ткань Средиземного моря. Я видел потом Кармель несчётное число раз и не раз пытался запечатлеть на фото- или киноплёнке. Снимать гору со стороны моря – пустое занятие. Вы всё равно не сможете передать облика тёмно-синей громады, что вначале встает клинышком на горизонте, а затем постепенно захватывает всё видимое пространство.

Внизу, под горой, – маленький восточный город, а на склоне примостилось несколько зданий, среди которых выделялось одно – строящийся Технион⁴⁶. Пароход встал на рейде, и тут мы увидели, что к нам приближаются десятки лодок. Огромная фелюка⁴⁷ пришвартовалась к борту; бросили трап, но он оказался слишком коротким, конец его завис над скамейками. И тут на борт поднялись два здоровенных сирийца и стали принимать прибывших: подхватят под оба локтя – и в лодку, весьма бесцеремонно. Женщины повизгивают, стараясь удержать равновесие. Зрелище со стороны, возможно, казалось забавным, но нам было не смешно, а скорей унижительно. Я стою на палубе, смотрю, как спускают пассажиров в фелюку, и жду своей очереди. Особым терпением я никогда не отличался. Фелюка ведь совсем близко: прыгнуть в неё – сущий пустяк. И я прыгнул, нацеливаясь на нос фелюки. Услышал, как вскрикнула сестра. Промалхнул, но и в воду не плюхнулся, а за-

⁴⁶ Ныне Технион (Израильский технологический институт) – самый престижный вуз Израиля.

⁴⁷ Фелюка – небольшое парусное или моторное судно.

стрял между носом лодки и бортом корабля. Тут же подтянулся на руках, изобразил на лице улыбку героя и проследовал по шаткому дну к корме. Нога и правый бок побаливали потом несколько дней. Здесь же, в лодке, турецкий чиновник проверяет документы. Уже подходим к берегу, но путь к долгожданной цели перекрывает высокий причал. И опять выходят те же два сирийца, подхватывают под локти каждого пассажира и ставят на твёрдую землю.

Невзрачный восточный городок. Мы идём к гостинице по узким и грязным улочкам. Кажется, земля под ногами плывёт и покачивается, напоминая о долгом морском путешествии. Мы в Стране Израиля, на нашей исторической родине.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ХАЛУЦИМ⁴⁸

⁴⁸ Халуцим (иврит) – первопроходцы.

В ХАЙФЕ

Цель достигнута: мы в Стране. Но этого ещё не осознаёшь, голова занята другим: сиюминутными хлопотами обустройства. Прежде всего обменять деньги, а потом уж двигаться в гостиницу. Где же меняла? Надо расспрашивать местных. Двое бедно одетых парней оживлённо разговаривают возле старого пакгауза, долетают до нас русские слова. Подходим, расспрашиваем.

– Деньги где разменять? Да ясно где: на почте! – говорит один.

– Только на турецкую не ходите, – вступает второй. – Там облапошить могут. Можно на английскую, но она малость подальше. А лучше всех – австрийская. С неё даже письма быстрее доходят.

– А русская есть? – спрашиваем мы.

– Как не быть? Пойдёте вон туда, в гору, и в переулочек. Там по левую руку и будет.

На почте протягиваем служащему пятидесятирублёвку, украшенную безучастным ликом самодержца Николая Первого, с его рыбьими глазами, и неожиданно получаем взамен кучу кругляшков и жестянок разной формы и размеров. И вот на это можно что-то купить?! Нам понадобилось время, чтобы усвоить местную денежную систему. Самая мелкая монета называлась сахтут. Мало того, что она не имела формы монеты, – эти «сахтутки» были ещё и разной величины. Обыкновенные кусочки жести. За сахтутом шёл металик, затем – полбишлика и целый бишлик, немного овальной формы. Меджидие – это уже вполне нормальная серебряная монета. И вершина денежной пирамиды – золотая турецкая лира. Стоимость её немалая: девять рублей на наши российские деньги.

И вот с грузом вещей и турецкими монетами топаем по грязным узким улочкам ещё дальше в гору, к нашей гостинице. Дальше нам ехать в сторону Афулы: где-то там живёт семья моей сестры Фани.

В АФУЛУ

Начинается новая жизнь, и мы постепенно пробуждаемся для неё. Неважно, что живём мы в дальней провинции Османской империи, – над нами безоблачное небо, прозрачный воздух и новое ощущение недоступной прежде свободы. События следуют одно за другим с такой частотой, что не замечаешь дней, разве что подсознание удерживает сегодняшний день недели и, возможно, текущий месяц, но кого занимают числа календаря?

...В самом конце девятнадцатого века султан Абдул-Хамид II задумал связать город Дамаск со священной для всех мусульман Меккой. Новая железная дорога должна была облегчить хадж⁴⁹ тысячам паломников. А самое главное: по ней можно будет перебрасывать войска и технику на Ближний Восток в случае войны. В 1900 году началось строительство. Руководил им немецкий инженер Генрих Майснер. Султан был особо озабочен тем, чтобы не нарушать стуком колёс покой и тишину земли, по которой ходил когда-то пророк Магомет. Это, впрочем, была одна из достаточно легко разрешимых проблем: под рельсы настилали толстый слой войлока. Главные хлопоты строителям доставляли нехватка воды, песчаные бури, зыбучие пески, оползни, скальные породы и, разумеется, нападения бедуинов. Шейхам племён массивированное наступление цивилизации было не с руки.

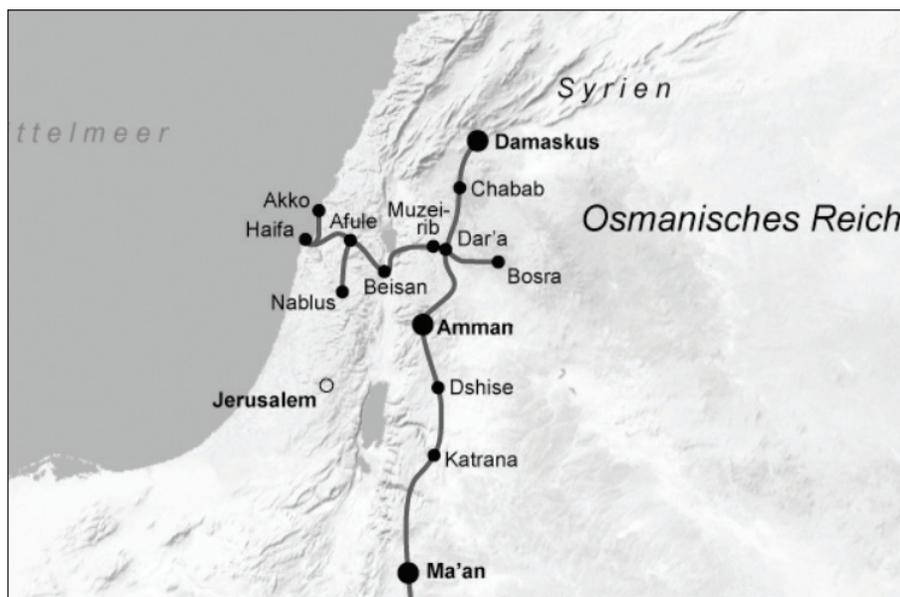
Туркам надо было позаботиться и о паломниках, прибывавших на Ближний Восток морем. Майснер перестроил и расширил порт Хайфы и повёл на восток узкоколейку к пересечению с главной веткой, которую тянули от Дамаска. Порт и строительство привлекали новых рабочих, и так начала разрастаться наша древняя Хайфа. А через четыре года палестинская узкоколейка, Израильская железная дорога, встретилась с недостроенной ещё главной магистралью, и первый поезд прошёл из Хайфы в Дамаск.

По этой узкоколейке мы и едем в Афулу⁵⁰. После железных дорог, по которым мне приходилось ездить в России, эта казалась игрушечной. Поезд – несколько миниатюрных вагончиков, кото-

⁴⁹ Хадж – ежегодное мусульманское паломничество в Мекку. Каждый мусульманин обязан совершить хадж хотя бы раз в жизни (если у него нет медицинских или иных причин, препятствующих этому).

⁵⁰ Афула в ту пору была просто станцией – посёлок основан только в 1925 году. Сейчас это современный город с населением около 55 тыс. человек.

рые тащит, выбиваясь из сил, небольшой локомотив. Народ едет самый разный: бедуины в широких светлых бурнусах и куфиях⁵¹, женщины в парандже, просто чиновники, едущие в Дамаск, и евреи вроде нас – некоторые говорят по-русски. Знакомимся с молодой парой: поселенцы, едущие дальше нас, в Бейт-Шеан.

**Железные дороги провинции Палестина
перед Первой мировой войной**

– А вы давно здесь живёте?
– Третий год уже.
– А в Хайфу часто ездите?
– Приходится. Земельный банк там, да и прикупить кой-чего надо было.

Я гляжу на пологие холмы Изреельской долины на горизонте, на скопления жёлтых крокусов и нежно-розовых цикламенов, уплывающие назад, и удивляюсь медленности езды.

– А этот поезд, он всегда так тащится? – спрашиваю.

– Не беспокойся, мальчик, – смеётся женщина, – до вечера доберёшься. Вон, видишь цветы за окошком? Мы в первом вагоне.

⁵¹ Куфия – мужской головной платок, характерный элемент одежды в арабских странах.

Можешь спрыгнуть, набрать букетик, а потом в пятый вагон и заскочишь.

Отец строго глядит на меня:

– Не вздумай пробовать!..

Афула оказалась деревушкой. Кроме здания станции, ни одного кирпичного дома, только мазанки арабов. Сгрузили пожитки. Мы с младшим братом Ционом остались их сторожить, а родители с Цвией и Элиягу пошли в кооператив Мерхавия⁵², что в полутора километрах, договориться насчёт перевозки в Кфар-Тавор.

⁵² Мерхавия – кибуц в Изреельской долине. Был основан в 1911 году и через семь лет распался. Возрождён в 1929 г. и существует в настоящее время.

МАНЯ ШОХАТ

Удивительно: книг о тех, кто закладывал фундамент будущего государства, не так уж много, а ведь история каждого из них – тема для романа. Если писать здесь подробно даже о некоторых, моя книга раздуется на много томов.

...Маня Вильбушевич. Сохранилось несколько версий её биографии – смесь фактов и мифов, переплетённых друг с другом. Вот уж чей путь не был ровным! Она родилась в богатой семье, однако стала социалисткой: сказалось близкое знакомство с рабочими машиностроительного завода в Минске, принадлежавшего её брату. Маня вступила в еврейскую марксистскую партию Бунд. Нелегальная работа, подпольная типография, арест. Маня оказалась в Бутырской тюрьме. Идут допросы. Арестованная готова к тому, что на неё будут оказывать давление, готова к оскорблениям, даже к пыткам, но... Ничего этого нет. Маню приводят в просторный кабинет с мягкими креслами и большим портретом самодержца, где навстречу ей поднимается щеголеватый молодой человек: на все пуговицы застёгнутый сюртук, большой узел клетчатого галстука. У него волнистые тёмные волосы, длинные усы, кончиками обращённые к массивному и слегка скошенному подбородку.

– Садитесь, Мария Владимировна. Давайте побеседуем.

– Я всё сказала на допросе. Что вы ещё хотите узнать?

– Помилуйте, Мария Владимировна! Неужели вы полагаете, что мы хотим вытянуть из вас какие-то сведения? Того, что мы знаем, нам вполне достаточно. Я хотел бы поговорить о другом...

Нажимает кнопку звонка, просит вошедшую секретаршу принести два стакана чая с лимоном и продолжает.

– Меня зовут Сергей Васильевич. Я заведу охранным отделением.

– Так вы Зубатов! Тогда понятно...

– Понятно? – Позвольте усомниться. Ведь вы заблуждаетесь относительно главного: наших целей. А вот они-то у нас с вами – общие!

Он что, издевается?..

– Именно так. Вы, возможно, осведомлены, что и я был когда-то революционером. Если ваш покорный слуга сейчас здесь, то отнюдь не потому, что из личной выгоды сменил политический лагерь. Я прекрасно знаю о социальном неравенстве, о несправии

рабочего класса, о несправедливостях, творимых по отношению к еврейскому населению.

– И именно потому вы столь успешно боретесь с революционерами?

– Отнюдь. Я просто убедился в бесперспективности так называемой революционной борьбы рабочего класса... За что вы сражаетесь? – За воплощение политической теории. Но помните, у Гёте: «Суха, мой друг, теория везде, но древо жизни пышно зеленеет»? Что если жизнь не вполне подчиняется тем построениям, которые я, поверьте, знаю не хуже вашего? Между тем есть вполне реальные пути к изменению существующего положения. Уже теперь – и в рамках существующего политического строя.

– Интересно... Но вы что-то говорили об общности целей.

– Именно. Вы действительно думаете, что власти заинтересованы в нищете и бесправии рабочих, в преследовании евреев? К чему это властям?

– А что за новые пути вы предлагаете?

– Я совершенно искренне хочу сделать рабочие организации реальной силой. И ваша поддержка в этом деле была бы просто незаменимой.

– Ого! И я должна вам верить?

– Вовсе нет... Кстати, вы ведь читаете по-немецки. Вот в этой книжечке довольно подробно рассказано о том, чего и каким путём добились рабочие Германии. Вы почитайте, а при следующей встрече поговорим подробнее. Извините, вам ещё некоторое время придётся побыть под арестом.

Через месяц Маня вышла из тюрьмы и вскоре возглавила новую – легальную – Еврейскую независимую рабочую партию. Опираясь на поддержку Зубатова, она даже сумела провести конференцию сионистов России. И не какое-нибудь собрание десятка заговорщиков: 526 участников! Новая партия довольно успешно защищала права рабочих. Продолжалось это два года.

В апреле 1903 года в Кишинёве произошёл страшный еврейский погром. Десятки убитых, сотни раненых, массовые грабежи и разрушения. Всё это – при прямом содействии властей. И самой Мане Вильбушевич, и членам её партии стало ясно: правительство империи не заинтересовано ни в еврейском равноправии, ни в улучшении положения рабочих. Вскоре министр иностранных дел Плеве потребовал от Зубатова прекратить деятельность новой партии. Никаких уступок черни, только подавление! – таков

был лозунг министра. Возмущённый Зубатов обратился к министру финансов С. Ю. Витте, либералу и стороннику реформ... Да, история не знает сослагательного наклонения, но как, казалось бы, мало нужно, чтобы она пошла иначе! Приди Витте на место Плеве – и, вероятно, не случилось бы Первой русской революции. А в жизни всё было просто: Плеве, узнав о переговорах, немедленно уволил Зубатова и выслал во Владимир под надзор полиции. Еврейская независимая рабочая партия объявила о самороспуске.

**Сергей Зубатов, деятель российского
политического сыска (1864 – 1917)**

Конец борьбе, конец романтическим мечтам. «Я не знала, что делать дальше. Мне было всё равно»⁵³. В отчаянии Маня создаёт террористическую группу: теперь она готова убивать царских чиновников. Едет в Берлин, чтобы собрать средства для новой организации, – и там получает письмо из Палестины, от брата Наума. Тот пишет, что очень болен, и умоляет Маню срочно приехать. Она прибывает в Яффо – брат здоров. Он просто слишком хорошо осведомлён о ситуации в России и пытается спасти сестру. Вскоре приходит весть, что в террористическую группу Мани проник провокатор. Почти все члены организации повешены.

Наум, предприниматель, владелец химического завода, организует экспедицию в отдалённые уголки Страны. Маня сопровождает его. Она изучает природу, быт жителей, знакомится с поселенцами – влюбляется в Страну и становится сионисткой.

⁵³ Цит. по: [9].

Между тем в России разгорается революция. Маня спешит в Париж. Её российским товарищам нужно срочно закупить и доставить оружие для отрядов еврейской самообороны. Она убеждает барона Ротшильда пожертвовать пятьдесят тысяч франков на борьбу с погромщиками. Дальше происходит то, о чём не все источники пишут. Оружие закуплено в Льеже. Маня сама сопровождает последнюю партию – восемь ящиков – от Франкфурта до Одессы. Она одета как ортодоксальная еврейка и якобы везёт священные книги учащимся ешив в Украине. На самом деле в ящиках винтовки и патроны, прикрытые сверху несколькими экземплярами трактатов из Талмуда. Оружие перевезено на конспиративную квартиру, с минуты на минуту за ним приедут одесские товарищи... Стук в дверь, на пороге незнакомый мужчина. Маня впускает его, и вошедший заводит разговор, обшаривая квартиру цепким взглядом. Он, мол, разыскивает кого-то из жильцов дома. Маня – революционерка со стажем и сразу понимает, что перед нею агент охраны. Выждав подходящий момент, она достаёт свой браунинг с глушителем и застреливает непрошеного гостя... Два часа спустя оружие доставлено по назначению, а Маня покидает Одессу.

Почему биографы редко упоминают об этом эпизоде? Звучит слишком невероятно? Я прекрасно помню эту некрасивую молодую женщину в круглых больших очках, с короткой стрижкой, всегда в тёмном платье, хотя разговаривать с ней по душам не приходилось. Да и как станешь о таком расспрашивать?..

Маня возвращается в Страну и видит, что еврейские поселения переживают кризис. Барон Ротшильд покупал земли вовсе не для того, чтобы поселенцы сами их обрабатывали: еврейские управляющие должны были нанимать рабочих из арабских деревень. Защищали поля и фермы арабские охранники. Хозяйства не могли прокормить себя. Поселенцы бедствовали, да и работы на всех не хватало (особенно с началом Второй алии, когда в Страну стало прибывать всё больше молодых людей). К тому же сама идея наёмного труда вызвала протест у Мани и её новых друзей: «Они не могли стать фермерами, плантаторами, эксплуататорами. Этого не допускали их социалистические убеждения»⁵⁴.

Недалеко от поселения Кфар-Тавор была небольшая убыточная ферма Седжера, принадлежавшая ведомству барона. Маня организовала группу единомышленников – и они уговорили админи-

⁵⁴ Цит. по: [5], p. 78.

страцию отдать им ферму в аренду. Убедать эта революционерка умела! Самое главное – новый уклад жизни этих людей. Нет, даже не социалистический – Маня пошла дальше. В Седжере построят коммунизм в отдельно взятом поселении. Нечто вроде фаланги Шарля Фурье. Утопия?

В посёлке полное равноправие. Они всё делают вместе: работают, едят, отдыхают, учатся. Нет женских и мужских работ, общая кухня, общие деньги. Лекции по марксизму читает Маня Вильбушевич. Школьный учитель, араб из соседней деревни, обучает поселенцев арабскому. Но кто же преподаёт им иврит?.. Двадцатилетний парнишка, бывший студент из Варшавы Давид Грин! Тоже из революционеров, ивритом увлекается с детства. В Стране недавно. Вскоре он сменит фамилию и станет Бен-Гурионом. Через сорок лет это имя будет известно всему миру. Провозглашая создание еврейского государства, его основатель объявит: «Мы будем поддерживать полное социальное равенство всех граждан, без различия расы, религии или пола»⁵⁵.

Вскоре Седжера стала прибыльным хозяйством и через полтора года с лёгкостью выплатила все долги. «Мы раз и навсегда продемонстрировали, что коллективная экономика возможна»⁵⁶, – писала Маня.

Окрылённые этим успехом, сионисты Второй алии построят на берегу озера Кинерет коммуны Дгания – первый кибуц. В дальнейшем число таких коммун приблизится к трём сотням. А пока надо было позаботиться о защите Седжеры. Почти одновременно с Маней к управляющему фермой пришёл переселенец из Гомеля Исраэль Шохат со своими ребятами. Исраэль, несмотря на молодость, был уже довольно известен в сионистских кругах. Он к этому времени успел поработать в партии Поалей Цион («Рабочие Сиона»), объединявшей сионистов-марксистов, учился в Польше и Франции, был депутатом восьмого Сионистского Конгресса в Голландии. Теперь он организовал – в тайне от турецких властей – группу вооружённой охраны поселений.

Управляющий сомневался:

- Арабы и черкесы знают своё дело. У них тут кругом связи.
- Да какие они охранники! Сами же и воруют.
- Но и защищают. А что можете вы?

⁵⁵ Цит. по: [10].

⁵⁶ Цит. по: [5], р.79.

– Ладно, вы подумайте. Мы завтра ещё зайдём.

Ночью из стойла управляющего пропал осёл. Вот незадача! Охранники только руками разводили: ничего не видали и не слышали. Но ведь осел должен был подать голос, когда его уводили чужие.

И тут показалось на дороге облачко пыли. Это был Израэль Шохат, восседавший на том самом осле, а с ним шли двое его приятелей.

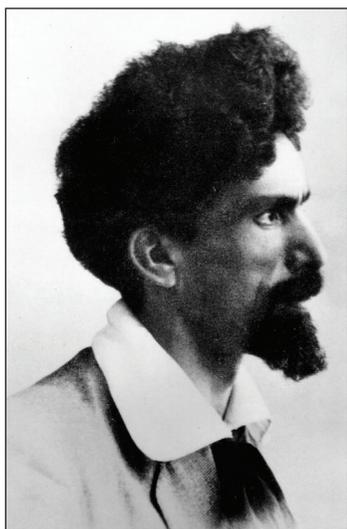
– Ваш осёл?

– Как вы его увели?

– Кто вам сказал, что это сделали мы?

Управляющий сдался – и Израэль пошёл познакомиться с новыми поселенцами. Тогда Маня его увидела впервые. Перед ней предстал худой красавец с острой бородкой и чёрной густой шевелюрой. Его глубоко посаженные глаза не сияли – пылали из-под высокого лба.

И вот идут они вдвоём вдоль большого поля, говорят и не могут наговориться. Вспоминают Белоруссию, семьи, революционную работу, делятся планами. Маня с горечью думает: какой старой и некрасивой она, должно быть, кажется рядом с красавцем-командиром охранных отрядов Ха-Шомер... Они поженятся год спустя.

Израэль Шохат,
основатель организации
Ха-Шомер (1886 – 1961)

Мария Вильбушевич-Шохат
(1879 – 1961)

БОСЯК

Итак, родители отправились пешком в Мерхавию, а мы с братом присели на склоне у дороги и стали их поджидать. Прошло минут десять, и мы увидели быстро приближавшуюся телегу, запряжённую парой странных животных. Похожи на низкорослых лошадей, но с очень короткой гривой и торчащими в стороны большими ушами. Мы никогда раньше не видели мулов, даже не подозревали, что можно скрестить осла и лошадь и получить таких симпатичных и выносливых – хоть и бесплодных – отпрысков.

Лошадьми правил странного вида молодой мужчина: всклокоченная иссиня-чёрная шевелюра, острая такого же цвета бородёнка, разбойничьи цыганские глаза. На незнакомце были непонятного цвета портки, подвёрнутые до колен, холщовая рубаха с короткими рукавами и старые сандалии на босу ногу. Поравнявшись с нами, возница остановил повозку и спросил на идише:

– Вам куда, в Мерхавию?

Мы закивали.

– Я как раз туда еду. Могу подвезти.

Мы переглянулись. Чёрт его знает, куда этот разбойник завезёт. Ограбит ещё. Безошибочно определив наше происхождение, босяк сказал на чистом русском:

– Ну не хотите – не надо.

Тронул вожжи, причмокнул мулам и быстро скрылся из виду.

Прошло ещё минут двадцать. Пустая дорога, тишина кругом, зудение цикад в пожухлой траве и большое солнце на бархатном небе... Теперь, уже с другой стороны, бойко катит коляска. А в ней, с тем же бородатым возницей, наша «мишпуха»: папа, мама, брат и сестра. «Босяк» разворачивает мулов, мы втаскиваем узлы и пристраиваемся сами.

– Вот так-то лучше, – усмехается парень.

– А вы в Мерхавии живёте, господин Шохат? – продолжает папа, как видно, начатый раньше вежливый разговор.

– Вообще-то мы здесь не господа, а товарищи, – улыбается Шохат. – Я тут брату помогаю немного. Он председатель кооператива. Скоро возвращаюсь в Истанбул, в университет.

– А семья – там?

– Семья? – Шохат на секунду умолкает. – Наша семья – трудящиеся всего мира.

И мы не понимаем: то ли отшучивается, то ли он серьёзно. А имя этого человека нам пока ни о чём не говорит.

ИЗРЕЕЛЬСКАЯ ДОЛИНА

Мерхавия не произвела на нас впечатления: полотняные палатки, несколько небольших строений да ферма. В тот же день за нами приехал Авраам-Моше, муж моей сестры Фани, и мы двинулись в Кфар-Тавор.

Изреельская долина уже не отгорожена от нас стеклом вагонного окна: вот она, под ногами и вокруг...

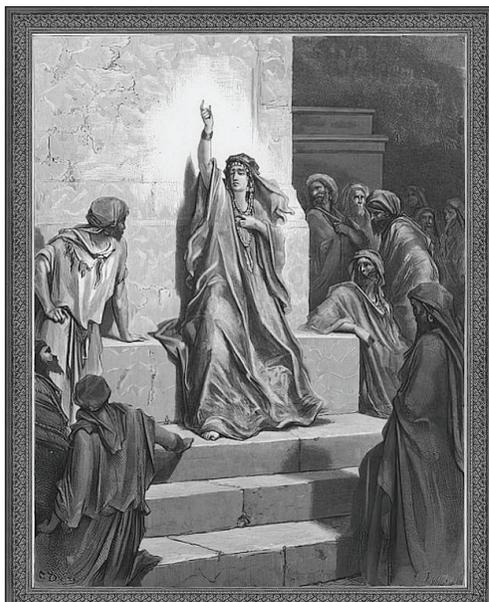
Изреельская долина. 2010

В Литве и Белоруссии мы были участниками и свидетелями последней главы длинной истории изгнания и рассеяния евреев по миру – галута. Теперь мы впервые видим места, где шло становление нашего народа. То, что казалось сказкой, мифом незапамятных времён, – было. Было вот здесь, среди этих холмов.

Древний Рим, Древняя Греция – мы почитаем их зачинателями республики и демократии. Но ведь и у древних евреев существовали своего рода республики, причём более чем за полтысячелетия до Эллады и Рима... Второе тысячелетие до нашей эры, эпоха Судей. Мы знаем о ней лишь по исторической хронике, включённой в Танах. И пусть эта пора была временем раздоров и междоусобиц, пусть мы не знаем в точности, как избирались вожди (судьи), – то была важная для еврейского народа эпоха. И по своему героическая. Судьями выступали пророки, предводители разбойников, женщины, а возможно, те и другие в одном лице.

Где-то здесь, в горах Эфраима, вершила суд пророчица Дебора. Со всей страны приходили к ней тяжущиеся. Завоевание этих зе-

мель израильтянами в ту пору ещё не завершилось, повсюду жили воинственные племена, постоянно совершавшие набеги на своих новых соседей. Особенно трудно приходилось жившим к северу от эфраимитов коленам Нафтали и Зевулону: их беглецы рассказывали о грозном царе хананеев Явине – главном притеснителе израильтян. В Библии говорится о «деяти сотнях железных колесниц», которые послал в бой военачальник Явина Сисера. Ни одна армия не могла устоять под их напором, и всё-таки Дебора решила дать сражение. Но пойдут ли за ней воины?

Пророчица Дебора. С гравюры
Гюстава Доре

«И послала (она), и позвала Барака, сына Авиноама, из Кедеш-Нафтали, и сказала ему: повелел тебе Господь, Бог Израиля: иди, взойди на гору Тавор и возьми с собой десять тысяч мужей, сынов Нафтали и сынов Зевулону. А я приведу к тебе, к потоку Кишон, Сисеру, полководца Явина, его колесницы и (пешую) толпу и отдам его тебе в руки». (Суд., 4).

Да, Дебора мудра, и план её понятен: она с частью войска завлекает Сисеру с его колесницами и пехотинцами в ловушку. А уж у сынов Нафтали и Зевулону свои счёты с хананеями, – они и завершат дело.

План удался. Войско Сисеры было полностью разбито, а сам военачальник погиб. (Кстати, также от руки женщины по имени Яэль, союзницы Деборы.)

Много ли тех, кого мы помним сто поколений спустя? Такая вот еврейская Жанна д'Арк – почти за три тысячи лет до французской.

А мы приближаемся к горе Тавор, той самой, у которой случилась та битва.

МЕСХА

Табун – это арабская печь. На вид – перевёрнутый глубокий таз с большой дырой в днище. Других отверстий в печи не видно. Днём и ночью в табуне тлеет соломенный жар. Если надо что-то испечь или сварить, открывают крышку и опускают внутрь горшок. Моя сестра Фаня ловко управляет с готовкой. Слежу за тем, как действуют её загорелые руки. Как она не боится опускать их в печь? Впрочем, на запястье снаружи – тёмное пятнышко неровной кожи.

– Что это у тебя?

– А ты думаешь, можно весь день возиться с этой чёртовой печкой и не задеть её?

Фаня та же красавица, какой была в тот день, когда в первый раз привела меня в школу. Ну разве что появилась тихая грусть в лице. Даже не грусть, а спокойная усталость...

Фаня – хорошая повариха: продукты самые простые, а как вкусно выходит! Вот ставит она перед каждым тарелку чечевичной похлёбки, затем подаёт котлеты (бараньи или говяжьи?), а потом по стакану парного молока. Тут я замираю и молча смотрю на стакан: молоко после мяса! А как же кашрут? Закон строжайше запрещает смешивать молочное с мясным.

– Ты что? – говорит Фаня.

– Так ведь котлеты ели.

Фаня хохочет:

– Не волнуйся ты! Они же из баклажанов.

Табун поставлен во дворе, у длинной глиняной стены позади дома, что отделяет нашу улочку от внешнего мира. Стена общая для всех дворов. За калиткой – грядки и небольшой сад, почти как у нас в Иркутске.

Таких улочек в посёлке Месха три. Две идут с севера на юг, одна – с востока на запад. И никаких других селений на много вёрст вокруг. Зато все три улицы вымощены булыжником. Кто мостил? Да те же молодые поселенцы, члены организации Билу. Не слишком умелые каменщики: булыжники неплотно прилегают друг к другу и стараются убежать из-под ног, так что ходить по улицам трудно. А какие на неказистых наших проспектах бугры да ямы! А какая грязь в зимнюю пору! Бредёшь, бывало, после дождя – и с каждым шагом становишься выше ростом: грязь прилипает к подошвам. Каждый новый шаг даётся труднее, чем предыдущий,

пока здоровенный ком грязи не срывается с ноги.

В Кфар-Таворе (бывшая Месха) и сейчас живут мои родные. Обычный израильский посёлок: общественные центры, спортзалы, даже музеи. И трудно найти в этом довольно крупном посёлке те места, где стояли наши глинобитные домики.

**Кфар-Тавор. Памятник охранным отрядам
организации Ха-Шомер**

РАБОТА И ЛИХОРАДКА

В галуте евреи не могли приобретать землю, и здесь, в Стране, им предстояло доказать, что сельское хозяйство доступно им не менее, чем любому другому народу. Да и как ещё можно прокормиться в отдалённой турецкой провинции, где нет ни развитой промышленности, ни настоящей культуры, ни привычных социальных институтов? Тем удивительнее перевоплощение: за годы моей жизни, буквально на моих глазах, Страна превратилась в развитое государство с промышленностью, наукой и культурой, с богатой общественной жизнью. С возрождённым языком, театрами и лесопарками, музеями и дорогами...

А пока что мы растим пшеницу, маслины, бобовые, и механизмов у нас практически нет никаких. Впрягаем мула в «висюк» – ручной плуг с двумя лемехами – и вперёд. И так от темна до темна. Если удаётся вспахать до заката дунамов шесть-семь⁵⁷, – это уже достижение и пахари довольны несказанно. Но даже если уже прошёл за плугом не один километр, сохраняется гипнотическое очарование этого движения. Лемех взрезает землю, пласт переворачивается, отваливается в сторону – и остаётся позади, удлиняясь, вспаханная тобой борозда. Эта земля не подведёт, не предаст тех, кто вложил в неё столько труда: будет урожай!

Наш сосед Моше Ротштейн уже ватик⁵⁸, он в Стране восемь лет без малого. Зазвал нас однажды в гости и после лёгких возлияний пустился в воспоминания.

– Нанял я одного работника. Молодой парень, тоже оле хадаш⁵⁹ вроде вас. Встал я затемно, собрал еду, инструменты кой-какие, разбудил его – пошли в поле. Дошли, солнце ещё не встало. Он смотрит как-то растерянно, озирается. Пока впрягли мула да всё приготовили, уж и солнце поднялось. Попахали час-полтора, сели завтракать. Тут он и спрашивает осторожно так: «А что, это не ваше поле?». – «Отчего, – говорю – не моё? Чьё же ещё?». – «А тогда почему мы к нему крадучись, в темноте подбирались?».

⁵⁷ Тогдашний дунам составлял около 900 квадратных метров.

⁵⁸ Ватикй – старожилы, те, кто живёт в Стране уже давно. Родившихся в Стране называют «цабарим» («кактусы»), недавно прибывших – «олим» («поднявшиеся»). А собирательное название первых поселенцев – «халуцим» («пионеры»).

⁵⁹ Олè хадаш (ивр.) – новый репатриант.

Пахать втихаря чужое поле – недостижимая вершина альтруизма! А вот поживиться чужим урожаем – вполне в человеческой натуре. Вокруг кочуют бедуины, живут в шатрах, пасут свои стада. Заправляют у них всеми делами племенные шейхи. Жизнь бедуинов почти не изменилась за полтора тысячелетия. Они не гнушаются набегами на поля земледельцев, поэтому урожай приходится хорошо охранять. Ночную вахту поселенцы несут по очереди. Видя, как я рвусь быть полезным, а может, просто из желания самому как следует выспаться, зять спросил:

– Ну что, подменишь меня завтра?

Я был горд его доверием.

– Пошли, поговорим с ребятами.

«Ребятами» оказались Эфраим, широкоплечий темнолицый мужчина лет пятидесяти, и его двадцатилетний сын Шайка.

– Не возражаете, если Ерушалаим меня завтра подменит?

Ребята оглядели меня оценивающе, и Эфраим, как когда-то директор моей школы, спросил:

– А сколько тебе лет, Ерушалаим?

– Пятнадцать.

– А выглядишь на все шестнадцать! – засмеялся Шайка.

Я действительно был рослым пареньком.

Когда начало темнеть, вышли на службу. Впереди шёл Эфраим с винтовкой, патроны от которой лежали в кармане у Шайки. Мне вручили свисток. Проходим по улицам, огибаем стену посёлка, снова выходим к спящим домикам. Вот уж и полночь наверняка миновала.

– Ерушалаим, посторожи пока здесь: пройди вдоль улицы, потом назад. Мы скоро придём.

Они сворачивают в переулок. Позднее узнал, что охранники скрашивают себе дежурство тем, что забегают домой чайку попить.

Пугающая тишина ночи, жидкий свет молодого месяца – и чувство настоящей, мужской ответственности. Тишина – аж в ушах звенит, даже цикады примолкли. Но что это за шум со стороны двора Моше Элейзона? Мулы в стойле беспокоятся, рвутся, стучат копытами. С замиранием сердца огибаю стену и заглядываю за угол. Большая чёрная тень быстро убегает вдоль соседнего двора, а потом я слышу жуткие замогильные звуки, пронзительные, режущие слух. В ужасе свищу изо всех сил. Ещё одна тень быстро выплывает из другого двора. Двигается не от меня, а ко мне.

– Сынок!

– Мама!

Видно, не спала эту ночь, беспокоилась о своём сыне, страже порядка. За ней поспешают Шайка и Эфраим с винтовкой наперевес.

Моше Ротштейн, узнав о случившемся, усмехнулся:

– Да гиена это была! Хотела в стойло пролезть.

И всё-то эти ватики знают!

Пахота позади. Работы в нашем хозяйстве поубавилось, что же теперь? Залман Коэн, высоченный бородатый мужик, завидев меня на улице, спешит навстречу.

– Ерушалаим! Мне нужен человек миндаль сажать.

Рано поутру вышли в поле на участок Коэна. Он учит меня сажать миндаль. Почва рыхлая после вспашки. Залман делает пальцем ямку, кидает туда зёрнышко ореха и заравнивает землю. Я делаю то же самое. Залман с четверть часа наблюдает за моей работой, затем уходит. Я работаю с воодушевлением восемь часов кряду, гордый тем, что принимаю участие в общем деле, что умножаю деревья в этой безлесной стране.

Палец распух и неделю не сгибался: столько дырок натывать! За этой неделей прошла другая, а Коэн, похоже, забыл, что не заплатил мне. В один из вечеров, когда земледельцы собирались на обычные посиделки, я вышел на улицу с твёрдым намерением встретиться со своим работодателем и получить то, что мне причитается. На скамейках сидели крестьяне, среди которых Коэн выделялся своими размерами. Я решительно подошёл, но и рта не успел раскрыть: Коэн поднялся навстречу и... отвесил мне звонкую пощёчину.

– Испортил мне весь участок! – заорал он, брызгая слюной.

– Палец совал мелко, не зарывал толком: ни одна миндалина не взошла!

Он наступал на меня, явно намереваясь продолжить расправу. Другие оттащили его и принялись урезонивать.

– Ты что, Залман, с ума сошёл?

А Коэн всё ругался и повторял, что я испортил его поле.

– Да ты погляди: у тебя ладонь – лопата, а у него – какие у него пальцы?

Я ушёл, кипя от гнева, и ещё слышал, как один из соседей говорил Коэну:

– А ты не дал ему чем копать! Палец! И показал бы, на какую глубину.

Похоже, что умом мой работодатель не отличался.

А вскоре я заболел. Утром почувствовал, что не могу встать, и трясло от холода. Мама укрыла меня всеми одеялами, какие нашлись в доме, – озноб не проходил. А потом бросило в жар. Одежда летела на пол, мама давала мне пить каждые полчаса. Тяжело было приподнять голову, комната казалась огромной. Предметы расплывались в горячем розовом мареве. Наконец жар стал отпускать, и я так взмок от пота, что маме пришлось сменить мою простыню. Наконец она снова укрыла меня одеялом, и я заснул. На следующее утро проснулся уже без жара, но с чувством усталости во всём теле. Постепенно прошло и оно, и мы решили, что болезнь меня отпустила. Но через два дня приступ повторился, правда, уже был слабей. Мы со страхом ждали третьего приступа, но его не было. С тех пор я никогда уже не болел малярией.

И мне ещё повезло, хотя не дай вам бог испытать малярийную лихорадку! Наша Страна – это ведь не только цветущее побережье с тёмно-лазоревым морем. Это ещё и пространства заболоченной почвы, а болота и были рассадником малярии. Тогда говаривали: «Кто лихорадки не испытал, тот и в Эрец-Исраэль не жил». За семь лет до нашего приезда будущий основатель государства Бен-Гурион болел малярией несколько месяцев кряду, и врач настоятельно советовал ему уехать из Палестины. «Уезжай! – говорили ему. – Никто тебя не осудит». Действительно, около восьмидесяти процентов прибывших со Второй алиёй не выдержали трудностей, в том числе климатических, и вскоре вернулись в Европу или отправились в Америку. «Половина приехавших в Палестину в те далёкие годы бросала беглый взгляд и отправлялась назад тем же пароходом», – писал позднее Бен-Гурион⁶⁰.

Осушать болота начали ещё в период Первой алии. Рыли каналы, высаживали эвкалипты. Считалось, что эти деревья «высасывают» лишнюю воду из почвы. Уже потом выяснилось, что эвкалипты – не такое уж радикальное средство против болот, да и само осушение – палка о двух концах, поскольку нарушает экологическое равновесие. Но факт остаётся фактом: малярию в Стране удалось победить.

⁶⁰ Цит. по: [3], р. 73.

ЛЮДИ КФАР-ТАВОРА

В Кфар-Таворе не было коммунистической организации хозяйства, как в кибуцах. Участки принадлежали крестьянским семьям. Те, кто не справлялись сами, нанимали работников. Но без взаимопомощи и взаимовыручки было не прожить. И мы, даже без обобществлённой собственности, ощущали себя единой семьёй. В тот год приехало в Кфар-Тавор много новых поселенцев, и у многих были дети моего возраста или постарше, так что ряды молодёжи сильно пополнились. Вечерами мы собирались в центре поселения и пели неведомые мне прежде песни нашей новой родины. То были чудесные вечера. Несмотря на все нынешние достижения технологий, я не могу вживить в эту книгу запахи остывающей после жаркого дня земли, мелодии песен, какие звучали тогда в нашем нестройном исполнении, образ тёмного горба горы Тавор в бликах лунного света...

Интересные люди жили в Кфар-Таворе. Вот Йошуа, рыжий широкоплечий силач. Хороший работник, а на всю Галилею прослыл чудачком, его даже прозвали Чокнутым. Куда ни придёт, заводит разговор о своём проекте. А задумал он ни много ни мало отгородить территорию Страны надёжным забором от соседей, от других турецких провинций. Это-де обеспечит поселенцам безопасность и позволит процветать хозяйству. Идеи Чокнутого никто всерьёз тогда не принимал, а сегодня стены безопасности – это реальность, притом не только в Израиле, и не от хорошей жизни, конечно.

А вот Реувен Пайкович, ветеран движения Билу, один из основателей посёлка и член поселкового совета. К нему относятся с почтением, хотя этому ветерану нет ещё и сорока, – молодой человек по нынешним временам. В Стране живёт с детства. Решительный, даже горячий. Он договорился с ребятами из Ха-Шомер об охране посёлка. Всегда в курсе передвижений бедуинов, сам выезжает на охрану, участвовал в нескольких серьёзных стычках. С началом Первой мировой войны он станет капитаном турецкой армии. А чуть позднее, когда меня уже не будет в Кфар-Таворе, у него родится младший сын: Игаль Алон, легендарный командир Пальмаха, основатель Армии обороны Израиля. Передают, что первый президент Израиля Хаим Вейцман как-то сказал:

– Я всё понимаю, но не могу понять, откуда взялись эти еврейские генералы!

– Откуда взялись? – улыбнулся его собеседник. – Ну Игаль Алон, например, – сын Реувена Пайковича. Вы ведь его знали по сионистской работе.

– Сын Пайковича! – обрадовался Вейцман. – Тогда мне всё понятно⁶¹.

Вот Яков Горький. К русскому писателю никакого отношения не имеет. В Стране уже давно. Весёлый, всегда готовый помочь. И доверчивый: любит слушать рассказы старожил, всему верит, всему удивляется. Были у него хорошие серебряные часы. Шёл он раз по дороге, цепочка от часов на груди. И надо ж было такому случиться, что навстречу шёл цыган из табора, только что раскинувшего шатры недалеко от посёлка. Пристал к Якову: продай да продай часы! Сперва Горький отказывался, но, когда цыган стал предлагать приличные деньги, соблазнился и стал торговаться. Короче говоря, зазвал его цыган в свой шатёр, где уже сидело несколько человек. Вручили Якову деньги за часы и предложили выпить с ними чаю. Тот не стал отказываться. Выпил чайку и пошёл домой. Ещё по пути почувствовал головокружение... Очнулся через несколько часов перед своим домом – и без денег в кармане. Понял, что в чай чего-то подсыпали. Побежал Яков к нашим охранникам. Все тут же сели на коней. Один поскакал звать полицию, а двое других, Иосиф и Цви, взяв с собой Якова, – к табору. Прискакали, а цыгане уж и шатры сворачивают, снимаются со стоянки.

– Всем стоять на месте! – закричал по-турецки Иосиф. – Никто не уйдёт, пока не отдадите деньги.

К ним подошёл высокий бородатый цыган.

– Дорогой, какие деньги? Вот этот в гостях у нас был, чаю выпил. Про деньги разговора не было.

– Ну это ты в полиции расскажешь. А пока всем оставаться здесь.

Цыган отошёл в сторону. Члены табора собирались группками, что-то обсуждали. Вскоре и полицейские подъехали.

⁶¹ Об этом эпизоде можно прочесть напр. в History of the Jewish Community of Grodno со ссылкой на Weitzman archives: <https://www.jewishgen.org/yizkor/grodno/gro158.html>.

Турецкие власти вообще не привыкли церемониться. Схватили того, бородатого, и ещё одного. Бородатый начал было отпираться – и тут же получил в зубы.

– Поедете с нами, – бросил полицейский.

Тут из группы цыган вышел один, помоложе.

– Зачем увозить, бей? Надо дать деньги – дадим деньги.

– Сколько он тебе должен? – спросил полицейский Якова.

– Полторы лиры.

– Так. Выкладывайте две лиры – и чтобы духу вашего здесь не было!

Яков получил свои полторы лиры, и на том история закончилась.

В МЕРХАВИЮ

Помощь зятю по хозяйству – это не то, за чем я приехал в Страну. Пора бы самому себя содержать. В Кфар-Таворе работы нет, надо искать её в другом месте. Ближе всего Мерхавия, туда я и отправился.

Дороги были небезопасны. За две недели до того мой брат Элиягу с приятелем возвращались из Мерхавии, и на них напали грабители-арабы. Ничего ценного у ребят не было, но одежду забрали, раздели до нитки. Пришлось ждать, пока не опустится темнота: не идти же по посёлку нагишом при свете дня. Вскоре набрали на кого-то из жителей, и Элиягу, зная, что мама будет беспокоиться, попросил сказать ей, что задержится. Тот вбежал в мамино жилище.

– Вашего сына ограбили!

Мама всплеснула руками:

– Ой! Ерушалаима, наверно?

Вечно она беспокоилась за меня больше, чем за других своих детей: знала мой нрав, понимала, что если кто и вляпается в историю, так это её задиристый сынок.

И вот иду я по пустынной дороге с вещевым мешком за плечами. На камне в задумчивости сидит рыжий парнишка чуть старше меня.

– Ты что здесь делаешь? – спрашиваю его на идише.

Мотает головой: не понимает по-нашему, но ни на араба, ни на турка вроде не похож. Перехожу на иврит.

– Ма ата осэ кан?

– Не видишь? Отдыхаю, – отвечает на иврите паренёк.

– А куда путь держишь?

– В Мерхавию, работу искать.

– Тогда нечего тут сидеть, пошли. Ещё два часа топать.

Дальше шагаем вдвоём вслед за идущим к закату солнцем. По дороге выясняю, что парня зовут Мозес.

– Моше, значит. Или Мойша?

– Нет, просто Мозес. А тебя как зовут?

– Ерушалаим.

– Ты серьёзно? Или говорить не хочешь?

Вот ведь какое имечко дал мне отец! Всё время приходится объяснять, что меня действительно назвали в честь нашей древней столицы.

Некоторое время идём молча, потом спрашиваю:

– Мозес, а ты откуда приехал?

– С Эвбеи.

– Эвбея?.. Где это?

– Это остров. В Греции.

– И давно здесь?

– Почти полтора месяца.

– Э-э, да ты ватик! Я-то всего три недели...

Заслышав шум со стороны арабской деревни, резко останавливаемся. Из-за невысокого холма вылетает всадник на вороном скакуне. По низу лица повязана куфия, только сияют глубоко посаженные глаза. На бедре сабля, в руке винтовка. Бежать некуда – замираем на месте. Ржёт поднятый на дыбы конь. Всадник внимательно нас оглядывает и разворачивается. Ускакал. Понял, что взять с нас нечего, а он не из тех, кто позарится на такую одежду, как у нас. Ускоряем шаги...

В Мерхавию пришли к вечеру, когда солнце уже скатилось за холмы. В правлении кооператива ещё сидели люди. Нам навстречу поднялась высокая девушка, загорелая и черноволосая, в простом ситцевом платье.

– Что, работать пришли, ребята? Откуда? Как зовут? Пойдите умойтесь. Умывальник и всё остальное – вон там, на заднем дворе. Потом отведу вас в столовую.

В столовой было прохладно и пусто. На большом столе стояла кастрюля с салатом из баклажанов и тарелка с нарезанным серым хлебом. В стороне – небольшой стол с заварочным чайником, деревянным титаном (нечто вроде цилиндрического самовара) и банкой варенья. Девушка, её звали Рина, взглянула на стоящую тут же пустую миску и покачала головой.

– Хина сегодня закончилась. Завтра ещё принесут. Авось до завтра лихорадку не подхватите.

– Да я уже болел лихорадкой.

– Тем лучше.

Рина вышла и появилась снова, уже когда мы заканчивали еду.

– Мальчики, извините: к нам столько народу сегодня понаехало! Придётся вам пока на мельнице ночевать. Вас туда отведут. Подъем завтра в шесть тридцать, а в семь тридцать выходим на работу.

В большом мельничном складе темно, только лунный свет льётся в редкие щели. Сейчас здесь хранятся в мешках пустые

мешки для муки: штабеля больших холщовых подушек. Устраиваем себе из них королевские ложа – чем не спальня какого-нибудь Людовика?

Задрёмываю – и просыпаюсь от громкого шороха. Тот же звук с другой стороны и ещё откуда-то.

– Мозес, ты слышишь?

Он приподнимается на локте, прислушивается. Раздаётся тихий писк.

– Мыши?

Пищат, и теперь громче: словно скрип несмазанного тележного колеса. Топот маленьких лапок...

– Крысы!

Ничего себе соседство! Вынимаем несколько мешков и закутываемся как можно плотнее, но уснуть не могу: всё прислушиваюсь к пискам и шорохам. Мозес тоже не спит. Наконец отключаюсь, уплываю, но через короткое время просыпаюсь опять, и так, пока в щели не проникает бледный свет утра.

Мерхавия. 1913

ТАБЕНКИН И ДРУГИЕ

Жизнь в кооперативе была весёлая. Работали тоже весело. После завтрака формировали бригады и бодро отправлялись кто в сад, кто в поле, кто на скотный двор. Строений в кооперативе не много: водонапорная башня, небольшой коттедж управляющего кооперативом агронома Дайка, столовая с кухней и жилыми помещениями да несколько двухэтажных домиков для работников управления. И ещё несколько мазанок, оставшихся от старой арабской деревни Пула. По другую сторону вади⁶² – ферма богатого еврея Блюменфельда. Позднее, когда началась Первая мировая война, он вернулся в Германию, вступил в кайзеровскую армию и воевал в частях «Фатерланд».

Мой бригадир, лохматый парень лет двадцати пяти с пышными усами и широкой улыбкой, вышел из жилого домика и подошёл к собравшимся возле столовой. Поговорил с управляющим и повёл нас к месту работы. Я был единственный новенький в его бригаде. Он обратился ко мне по-русски:

– Я Ицхак. А тебя как зовут?

Я назвался.

– Тяпку в руках держал?

– Ну... – замялся я. – Не то чтобы часто...

– Ладно, научишься, дело нехитрое. Надо разрыхлить землю вокруг деревьев.

Мы вошли в большой кооперативный сад напротив дома управляющего. Ицхак взял тяпку, показал, как рыхлить землю, подал мне инструмент и умчался. Я с энтузиазмом принялся за работу. Дело оказалось не таким уж лёгким. Премудрость невелика, но через час пот стал заливать глаза, а в горле пересохло. И как я не додумался взять воды в столовой! Как раз когда я приостановился, чтобы утереть пот, на крыльце показался управляющий и снова скрылся в коттедже. Минуты через три он появился вновь с кувшином и стаканом в руках. Налил полный стакан и протянул мне:

– Выпей-ка водички.

Вода была прохладная, и я залпом осушил стакан. Дайк налил мне ещё, сказал:

– Захочешь пить – заходи, – и удалился. Работа пошла намного легче.

⁶² Вади – русло пересохшего ручья.

После обеда меня послали рыхлить почву в оливковой роще. В эту ночь мы с Мозесом снова ночевали в том же мельничном складе, только вот крыс я уже больше не слышал: слишком крепко спал.

На следующий день я пришёл в правление и объявил, что хочу остаться. Меня перевели в спальню над столовой, и я наконец-то получил нормальную постель.

Постепенно я перезнакомился со всеми нашими поселенцами включая своего первого бригадира Ицхака Табенкина. Узнал от ребят, что он тоже приехал в страну недавно. Мерхавия была, по сути, первым его приютом.

– Ты не смотри, что он тоже оле хадаш, – говорит мне Рина. – Он из старых революционеров. Уже много чего повидал. И в Польше поучился, и в Европе. Ты про партию «Поалей Цион» слышал?

– Рина, ты что, про Шохата мне рассказываешь? Так я его знаю.

Рина смеётся:

– Да они друг друга знают ещё с кишинёвского погрома! Только Шохат из Гомеля, а Табенкин из Бобруйска. И оба уже давно борются за наше пролетарское дело. Почитай, с семнадцати лет.

...Через несколько лет Табенкин станет одним из отцов-основателей еврейского профсоюза в Стране. В организованную им и его товарищами Федерацию труда (Гистадрут) почти сразу вступила добрая половина еврейских рабочих. Ко времени создания государства Федерация была самой влиятельной еврейской организацией в Стране, а Табенкин стал членом Кнессета⁶³ первого созыва от Объединённой рабочей партии. Прошло ещё несколько лет – и Табенкин с соратниками вышел из партии, протестуя против её просоветской ориентации. Он понимал, чем угрожает людям «советская модель» социализма.

Но всё это будет потом, а пока мы с Табенкиным уходим по утрам грузить и разбрасывать навоз. Повозка, запряжённая парой мулов, подкатывает к большой яме, что неподалёку от фермы. Извиняюсь: это не яма, а «навозная станция», так мы её называем. Мы стоим в яме и наполняем корзины. Ещё несколько ребят опрокидывают корзины в тележку. Я отчаянно стараюсь не отставать от бывалых, опытных работников. И вдруг сверху слышу на идише: «Не надрывайся так, сынок! Не торопись!». Это моя мама

⁶³ Кнессет – парламент государства Израиль.

приехала навестить меня и сидит возле ямы на каком-то ящике, внимательно за мной наблюдая. (Сколько анекдотов о пресловутой еврейской матери, аидише маме, что готова опекать своих чад до их седых волос! Уже во время Второй мировой войны мне рассказывали о матери, писавшей сыну на фронт, чтобы тот не кидался на два танка сразу).

Мы ужинаем. В столовую входит девушка из недавно прибывших и кричит:

– Моше! Коза не доится!

Моше Криткер, ответственный за коровник и овчарню, кидает в рот маслину, нехотя поднимается и идёт за девушкой. Минут через пять возвращается, держа за живот от смеха.

– Она козла доила!

Несчастную девушку прозвали Коза-Не-Доится. Впрочем, она на прозвище не обижалась.

...Охранник с забавной фамилией Шпатель, темнолицый парень с застенчивой улыбкой, усердный и наивный. Однажды ночью мальчишка-араб из соседней деревни полез к нам воровать кооперативных кур. Шпатель схватил его. Мальчишка не отбивался и покорно пошёл за стражем к мазанкам охранников, где Шпатель собирался запереть его до утра, дабы преподать ему урок. Для пущей важности Шпатель решил связать пленника и повёл его сначала в каптёрку – за верёвкой. Внутрь заводить не стал: ещё свистнет что-нибудь. Велел подождать снаружи и очень удивился, когда, выйдя с верёвкой, не обнаружил своего пленника.

Я работал на огороде, когда тишину посёлка разорвали звуки выстрелов. Все прекратили работу и замерли. Скоро всё стихло – и люди двинулись к водонапорной башне, откуда слышали стрельбу. Да ведь это наш охранник Марк! Только что прискакал откуда-то, забрался на башню и выпустил в воздух целую обойму.

– Освободили! Его освободили!

Сияющий Марк спускается к нам.

...Это произошло несколько месяцев назад, когда меня ещё не было в Стране. В древнем арабском селении Сулам, что и сейчас стоит в двух километрах к востоку от Мерхавии, верховодил Хасан, сын шейха. Его шайка наводила страх на округу. Доставалось от разбойников и арабам, и евреям: вжимали мзду с соплеменников, промышленляли набегами и грабежами.

Охранниками Мерхавии руководил Мордехай Игаль. Он был одним из первых в организации Ха-Шомер. Как-то раз отряд Ига-

ля застал Хасана и двух его приятелей в тот момент, когда те пытались увести нескольких овец из отары Блюменфельда. Отряд подскочил к похитителям.

– Эй! – закричал Мордехай. – Оставьте овец и валите отсюда.

– А ты кто такой? – прищурился Хасан.

– Я начальник охраны.

Хасан быстро оценил обстановку и понял, что силы неравны.

– Ладно, москоби⁶⁴, я тебя запомню.

И сделал знак своим приятелям. Все трое развернулись и ускакали по направлению к Суламу.

На следующий день, когда мы обедали в столовой, снаружи раздался выстрел. Мы повскакали со скамеек. Через минуту в столовую с вытаращенными глазами влетел Шпатель.

– Столыпина убили!

Мы сразу поняли, что случилось. Разумеется, речь шла не о российском министре: того убили ещё года два тому назад. Выбежали во двор. У забора лежал наш любимый тёмно-каштановой масти пёс. Он уже давно жил в кооперативе и был прозван именем покойного министра. В отличие от однофамильца, наш Столыпин не отличался суровостью, обычно присущей сторожевым собакам, был ласков. Рина склонилась над окровавленным телом Столыпина, потом подняла голову и спросила, глотая слёзы:

– Кто это сделал?

Шпатель рассказал, что всего несколько минут назад пришёл с поля, и Столыпин встретил его у калитки, радостно мотая хвостом. Шпатель двинулся в сторону столовой, а пёс остался у забора. И тут охранник услышал стук копыт, а затем выстрел. Выскочил на дорогу и увидел араба с винтовкой, быстро удалявшегося верхом на хорошем скакуне...

Подобные стычки случались ещё не раз. Банда Хасана выезжала на дело – и натыкалась на отряд нашей охраны.

– Слушай, Мордехай! – сказал во время очередного столкновения Хасан. – Нам двоим нет места в долине. Хочешь жить – уезжай отсюда. Я тебя предупредил в последний раз.

Разумеется, Игаль и не подумал никуда уезжать. А несколько дней спустя он поздней ночью объезжал поля. Кругом тихо, даже собаки спят. Он и сам потом не мог точно сказать, откуда появи-

⁶⁴ Москоби (русские) – так арабы называли еврейских охранников, членов организации Ха-Шомер.

лись всадники. Они возникли из тьмы и мгновенно окружили Мордехая.

– Давай сюда винтовку и слезай с коня, – приказал Хасан.

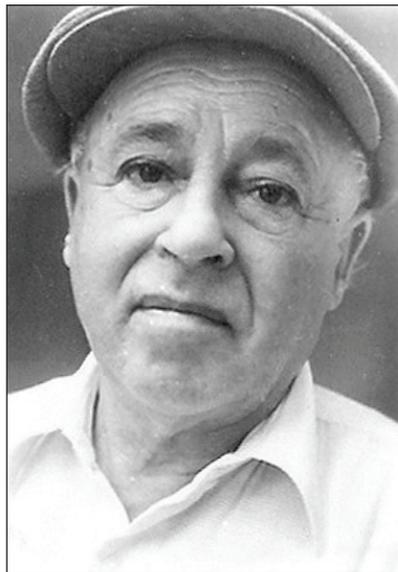
Мордехай кинул ему винтовку и наклонился, перебрасывая ногу через круп лошади, чтобы спешиться. Выхватил из-за голенища маузер и разрядил его в сына шейха. Бандиты на мгновение окаменели, а Мордехай молниеносно развернул коня, прискакал в Мерхавию и поднял людей. Но погони за ним не было: головорезы Хасана поняли, что Игаля им не догнать, да и расцвет уже занимался.

Мы, однако, стали готовиться к обороне.

– Придётся тебе пока уехать из Галилеи, – сказал Мордехаю Табенкин. – Давай-ка, езжай в Гедеру. Там наши ребята тебе помогут.

Игаль стал собираться – и тут нагрянула полиция. Мы так и не узнали, кто её вызвал. Бандитам Хасана это было не с руки. Возможно, люди с фермы Блюменфельда: они видели, что делается на нашей стороне вади. Полицейские тут же арестовали Мордехая.

В то время в ишув⁶⁵ уже существовало нечто вроде системы защиты от турецких судебных властей. (Эта система обороны вырастет и окрепнет во времена британцев). Были свои адвокаты. Были «прикормленные» чиновники в полиции и суде. Надо сказать, что власти гибнущей империи были продажные, на непредвзятое и справедливое решение дела рассчитывать не приходилось. Освобождение Мордехая Игаля потребовало усилий многих людей, но закончилось нашей победой.

**Ицхак Табенкин,
один из основателей Гистадрута
(1888 – 1971)**

⁶⁵ Ишув (буквально «население») – система еврейских поселений в Стране до создания государства.

ГОРОД НА ДЮНАХ

Отец мой был по тогдашним понятиям уже немолодым человеком, но хотел жить своим трудом. В Кфар-Таворе слесарным делом и гравировкой не заработаешь. Вот бы найти такое место, где и город рядом, и недорогой домик можно приобрести!

Как хорош древний город Яффо на морском побережье! И славен он не только своими апельсинами, что продаются по всей Европе. Здесь процветают ремёсла, здесь строят. Народу много: тысяч тридцать, наверное. Евреев и арабов примерно поровну. Последняя война была тут больше ста лет назад, когда город после осады сдался Наполеону и тот приказал расстрелять всех его защитников. Патроны у солдат скоро закончились, и они убивали пленных штыками [12].

Сколько лет порту? Этого никто не скажет, даже археологи. О нём сообщают египетские папирусы, которым три с половиной тысячи лет. Надо признать, что и на вид порт очень старый. На вдающемся в море широком мысу стоит маяк, построенный французами полвека назад. Смотритель маяка, старый армянин, зажигает прожектор уже сорок лет, из ночи в ночь. Напротив маяка поднимается из моря скала, едва заметная над поверхностью воды. Согласно легенде, именно к ней была прикована красавица Андромеда, которую освободил Персей, победив морское чудовище.

Жизнь в Яффо не дешёвая. И земля, и дома приличных денег стоят. Но за несколько лет до нашего приезда в Страну случилось одно не слишком заметное событие, изменившее в дальнейшем судьбу еврейского ишува. Восьмой Сионистский конгресс постановил выделить фонды для нового еврейского посёлка, и на дюнах севернее Яффо началось строительство. Сюда съезжались те, кто не желал крестьянствовать. И не от лени, не от презрения к сельскому труду! Многим мешали их социалистические убеждения. Ведь стать крестьянином – значит завести собственное хозяйство и нанимать работников. Превратиться в эксплуататора, подумать только!

Создавались рабочие кооперативы: для расчистки дюн, для прокладки дорог, для подвозки стройматериалов, для возведения домов.

Вначале у посёлка вообще не было имени, но через год оно появилось. Да ещё какое!.. В 1902 году Теодор Герцль опубликовал утопический роман о будущем еврейском государстве. Книга

называлась «Alteuland» («Старая новая земля»). Это название не понравилось переводчику романа на иврит, известному журналисту и деятелю сионизма Нахуму Соколову. Он назвал свой перевод книги именем древнего иудейского города, упоминаемого в Танахе: תל אביב (Тель-Авив – Холм Весны).

Много лет спустя мой тель-авивский сосед Нахум Гутман⁶⁶ рассказывал мне:

– Кругом песок. Несколько домишек, только здание гимназии выделяется. Рабочие делом заняты, а мы, ребяташки, трёмся вокруг них. Вот сидят они в тенёчке, обедают. Как сейчас помню, один из них солит свой помидор и рассуждает: «Да я лучше буду жить в своём занюханном переулке в Яффо, зато в человеческом месте, чем посреди этой пустыни». А спустя несколько месяцев сижу я, уроки делаю. Стук в дверь. Открываю – тот самый рабочий.

– Папа дома?

– Проходите, садитесь.

– Да я только на минутку. Хотел узнать, не сдают ли здесь где-нибудь комнату. Я хочу жить на вашей улице.

Вот так я узнал, что у нас уже есть улица...

Не знаю, кто посоветовал моим родителям поселиться в Тель-Авиве, только они об этом никогда потом не жалели. Их домик был одним из самых маленьких в посёлке, где уже стояло около сотни домов. Иностранному подданному не разрешалось приобретать землю, поэтому участок был записан на имя турка с аристократическим именем Муаль-Бей. И вот отец с гордостью показывает мне новый дом, в котором только одно помещение: большая комната.

– Вот, смотри. Здесь у нас гостиная: стол, стулья... А за этой стенкой – наша спальня. Видишь, кровать стоит?

– Погоди, за какой стенкой?

– Не видишь стен? Не видишь перегородок? Да у нас комнат – как у Ротшильда! Таки да, перегородки воображаемые, ну и что с того? А вот здесь – наша кухня.

⁶⁶ Нахум Гутман (1898 – 1980) – выдающийся израильский художник, скульптор и детский писатель, автор замечательной книги о становлении Тель-Авива:

[13] 1959 נהום גוטמן. עיר קטנה ואנשים בה מעט. תל-אביב,

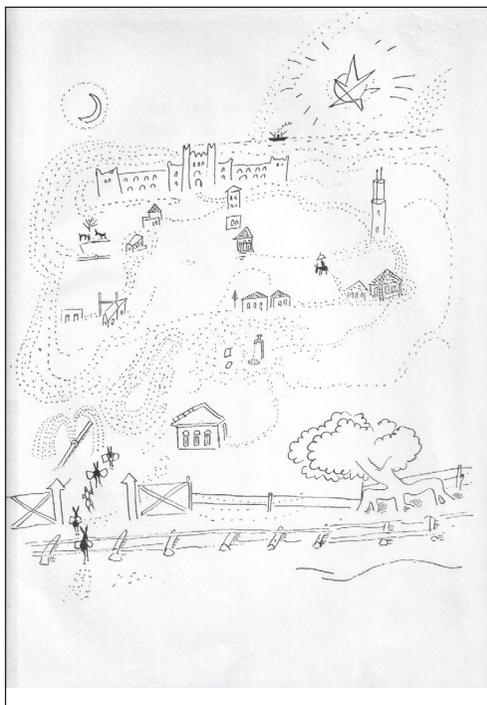
(Нахум Гутман. Город маленький, и народу в нём не много. Тель-Авив, 1959).

И показывает малюсенькую пристройку, в которой мама готовит еду.

– Ванна, водопровод и прочие удобства у нас отделены от дома.

Это верно, во дворе я вижу дощатую будку уборной, а в отдалении нечто вроде водоразборной колонки: ручной насос возле ямы для сбора подпочвенных вод. Вода оказалась на удивление прозрачной и вкусной, только её приходилось фильтровать, так как она кишела крохотными червячками. Матерчатый фильтр цепляли к крану колонки.

Со временем родители возвели на участке каменное строение с двумя комнатами. Эти комнаты сдавали жильцам, и доход составлял иногда почти лиру в месяц. На эти деньги уже можно было жить.

Тель-Авив. 1910.
Рисунок Н. Гутмана

КИНЕРЕТ

Теперь, когда я начал работать, у меня появились собственные деньги, и мне стало скучно в Мерхавии. Захотелось побывать и в других местах, поглядеть на новых людей. Моему бригадиру и покровителю Табенкину тоже стало тесно в посёлке. Он решил податься на берега озера Кинерет, где, как брызги озёрной воды, возникали новые еврейские поселения. Именно там зарождалось кибуцное движение. Места легендарные, воспетые и в нашем Танахе, и в христианском Евангелии. Христиане называли озеро морем Галилейским. Там творил свои чудеса их бог, которого наша традиция называет просто Ха-Ноцри, Назаретянин.

Мы с Табенкиным решили податься в мошав⁶⁷ Кинерет. Мой отец обнаружил там земляка – Ицхака Коэна из Иркутска. Коэн жил в мошаве со своим сыном, моим вильнюсским одноклассником Лазарем.

Назвать поселение именем лежащего рядом озера предложил молодой литератор Шмил-Йосэф Чачкец за несколько лет до моего приезда в Страну. Чачкец тогда только что опубликовал свою первую повесть «Агунот» («Брошенные жёны»). Вскоре он возьмёт себе псевдоним Агнон, а потом сделает его своей фамилией, под которой и войдёт в историю мировой литературы, получит Нобелевскую премию.

С холма открывается вид на озеро. Оно совсем непохоже на Балтийское море, которое я видел в Кронштадте, но не менее красиво: просторная водная гладь, свежий ветер – как обещание новой, прекрасной жизни.

*Кинерет, Кинерет, к тебе я
Привязан всем сердцем с тех пор⁶⁸.*

Это строки из стихотворения Александра Пэнна⁶⁹ говорят и обо мне.

⁶⁷ Мошав – сельскохозяйственная община, основанная на кооперативном труде, но сохраняющая индивидуальную структуру хозяйства, нечто вроде советского колхоза.

⁶⁸ Перевод мой.

⁶⁹ Александр Пэнн (1906 – 1972) – израильский поэт, друг и переводчик Маяковского, Пастернака, Есенина.

На самой вершине холма – большое здание из тёмного базальта, окна не окна – отверстия в стенах. Его называли «хан», караван-сарай. Когда-то это строение было конюшней могущественного шейха Исы, потом его вместе с прилегающей землёй выкупила Всемирная сионистская организация, и оно стало приютом первых рабочих фермы «Кинерет».

Посёлок небольшой, но районов в нём несколько, как в крупном городе. Во-первых, сам мошав, что стоит на землях, купленных бароном Ротшильдом. Во-вторых, ферма «Кинерет». После конфликтов между начальством фермы и рабочими (здесь и забастовки бывали) от неё отпочковались «Девичья ферма» (учебное хозяйство для женщин) и кибуцы Квудат-Кинерет и Дгания⁷⁰.

Я живу и работаю в самом мошаве. Несколько барачков на берегу, на одном из них деревянная доска – масляной краской написано по-русски: «Обжорка». Это, разумеется, столовая. Впрочем, обжираться там нечем: баклажаны, хлеб собственной выпечки, немного маслин.

По склонам холма поселенцы сажают деревья. Здесь будет лес имени Теодора Герцля. Надо поливать нежные саженцы. Наполняешь два ведра озёрной водой и тащишь их на гору, это метров триста, и так целый день. С нами трудятся несколько ишаков. Замечательные животные: сильные, работающие. Навесишь по два бака с каждого его бока, заведёшь по грудь в воду – плюх! Баки наполняются, и ведёшь ослика наверх.

В первый же день я обратил внимание на одного из рабочих. Он был заметно старше других, лет под шестьдесят, наверное. И вылитый Лев Толстой: исполинский лысый лоб, густая седая борода лопатой, мощные баки, поднимающиеся к волосам. Выразительные грустные глаза словно постоянно вглядываются – не только в собеседника, но и во всё сущее вокруг. Даже его холщовая рубаха покромом напоминала толстовку. Он не носил воду, а рыхлил землю вокруг деревьев прошлогодней посадки. Во время перекура я спросил Лазаря, кто это такой.

– Это же Гордон!

Имя мне ни о чём не говорило.

– А кто он такой?

– Ну Гордон – он и есть Гордон. Да ладно, вечером его увидишь...

⁷⁰ Об истории фермы и расколе среди поселенцев см., напр. [14].

После ужина поселенцы почему-то не спешили уходить из обжорки, а устраивались поудобнее лицом к кухне.

Вошёл Гордон и встал возле плиты. Борода и усы расчёсаны, рубаха выглажена.

– Сегодня я хочу поговорить с вами о роли труда в нашем национальном возрождении. Вы скажете, что евреи в подавляющем большинстве своём всегда много работали. Это так. Но два тысячелетия рассеяния исказили наше отношение к труду. Еврейский народ был оторван от природы и заперт внутри городских стен. У нас отсутствует традиция плодотворного труда. Не того, что совершается по внешнему принуждению, а того, в котором люди участвуют естественно и органично. Только такой труд связывает человека с его национальными корнями, с культурой его народа.

Лекции Гордона повторялись из вечера в вечер. Позднее я узнал, что он недавно вернулся с сионистского конгресса в Вене, а его сходство с Толстым не было случайным. Философия Аарона Давида Гордона взяла многое из толстовства и учения народников. Вероятно, он и наружно сознательно подражал одному из своих духовных учителей.

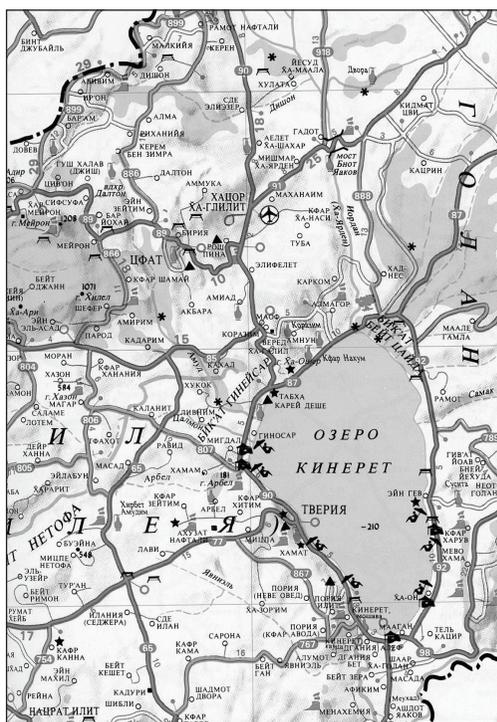
Он так и останется в этих прибрежных местах до конца жизни, а умрёт семь лет спустя в соседней Дгании – там теперь его музей. Приходившие к иссушённому раком Гордону не слышали ни слова жалобы – он вновь и вновь говорил о своей «религии труда», которая должна сделать евреев Страны новой нацией.

Ещё до моего приезда в Страну пионеры, вдохновлённые идеями Гордона, создали – в противовес рабочей партии Поалей Цион – движение Ха-Поэль ха-Цаир («Молодые рабочие»), отвергавшее классовую борьбу. Фигурально говоря, они заменили на своём знамени образ бородача Маркса образом бородача Гордона. В год смерти духовного лидера их движение провело свой международ-

**Аарон Давид Гордон,
философ и публицист
(1856 – 1922)**

ный съезд в Праге. Немного позднее оформилась сионистская молодёжная организация «Гордония», вышло пятитомное собрание сочинений А. В. Гордона.

Моя Галилея. Карта 1990 года

Моя работа в мошаве Кинерет закончилась довольно скоро: я переехал в поселение Мицпа, к своей сестре Цвие, которая работала там фельдшером и акушеркой. Однако моё пребывание в мошаве могло закончиться менее прозаично.

Прихожу во время обеденного перерыва к своему школьному приятелю Лазарю – а он забавляется револьвером. Обычный такой револьвер, с барабаном, и Лазарь этот барабан медленно поворачивает.

- Откуда у тебя револьвер?
- Да он ни фи́га не стреляет. Сломан.

Наставляет на меня револьвер и нажимает на спуск. Раздаётся тихий щелчок. Проворачивает барабан, наставляет револьвер мне в голову и снова спускает курок. Опять щелчок. Беру револьвер из

его рук, направляю в пол – и... Оглушительный выстрел. Плитка пола разлетается вдребезги. Лазарь стоит белый, как штукатурка. Я тоже обалдел, потом выдохнул, положил револьвер в карман и медленно вышел. Лазарь против конфискации не возражал.

Этот револьвер служил мне больше года, а потом я приобрёл браунинг, но об этом позже.

Озеро Кинерет. 2010

МИЦПА И ТВЕРИЯ

В поселении Мицпа десять домиков, стоящих по две стороны длинного глубокого водоёма. В каждом по две комнаты, в восьми домиках живут крестьянские семьи, а два остальных – это, выражаясь современным языком, инфраструктура: медпункт и детский сад. В комнате при медпункте живёт фельдшер, моя систра Цвия, а при детском саде – воспитательница Тamar. Эти две девушки – единственные незамужние в поселении.

Сидишь у водоёма к нему лицом – и ты в центре, там, где кипит жизнь, а сядешь с торца да повернёшься к воде спиной – и ты уже невесть в каком краю, покинутый и одинокий. Вот так я и сидел в одну из зимних ночей, когда была моя очередь нести охрану. После утомительного обхода привалился спиной к большому камню да и задремал. Проснулся от шороха и увидел в нескольких шагах от себя тёмную фигуру. Ох, вовремя проснулся: кто-то подкрадывался ко мне. Заметив, что я поворачиваюсь, человек сделал прыжок и схватил меня за шею. Я изо всех сил вцепился в его правую руку своей левой. Нападавший, видимо, не был хорошим борцом. Мы повалились на землю – и тут я увидел в его руке нож. Я успел быстро просунуть руку в карман, выхватил револьвер, и, не задумываясь, выстрелил. (Вероятно, я всё-таки чувствовал, что ствол направлен в сторону). Звук выстрела словно подбросил злоумышленника. Он вскочил на ноги, стряхнул меня и бросился бежать. Повыскакивали из домов сонные поселенцы.

– Что случилось? Кто стрелял?

– Да я, я стрелял.

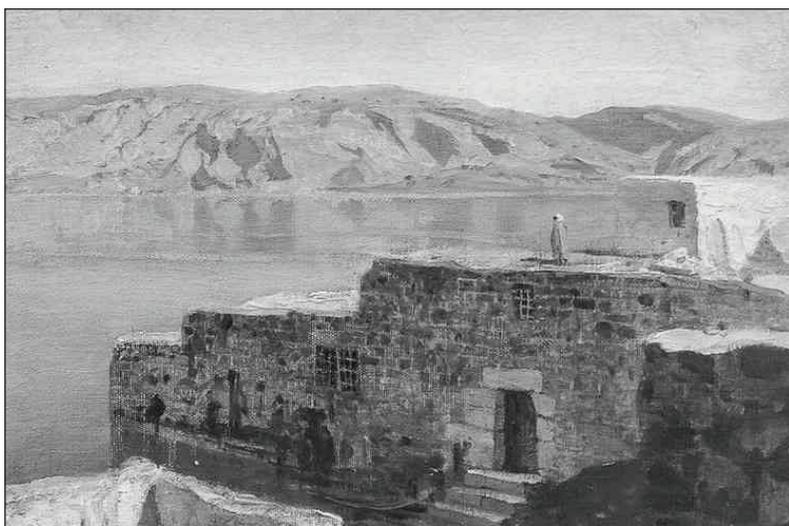
Ощупываю дырку на штанине, понемногу прихожу в себя.

Километрах двух к востоку расположена Тверия, один из четырёх священных еврейских городов и вот уж без малого три тысячи лет главный город побережья Кинерета. Само озеро христиане часто называют Тивериадским. В евангельские времена повелитель Галилеи Ирод Антипа (сын пресловутого царя Ирода) основал новую столицу и назвал её в честь римского императора Тиберия: никогда не помешает подольститься к верховной власти. Полвека спустя, во время Иудейской войны, когда Иерусалим был полностью разрушен, сюда переместился центр еврейской жизни: Тверия была в стороне от войны и почти не пострадала. В Тверии заседал *Сангедрин*, верховный еврейский суд. Дальнейшее

тысячелетие также не подвергло город катаклизмам, и он процветал, становясь христианским, затем мусульманским, но сохраняя в большинстве еврейское население. Здесь жил и писал великий еврейский философ Рамбам, которого мусульмане называли просто Абу Имран Муса ибн Маймун ибн Абд-Алла аль-Куртуби аль-Яхуди. Его гробница (впрочем, вряд ли подлинная) – место паломничества. В одиннадцатом веке Тверию захватили крестоносцы, а к концу двенадцатого их изгнали воины Саладина. Заодно разрушили город. Он стал возрождаться только четыреста лет спустя.

Мы застали старую мечеть, крепостные стены, построенные турками, несколько улочек, составленных небольшими строениями с плоскими крышами с вкраплениями старых домов из чёрного базальта.

Шейх Тверии обладал властью над всей округой и слыл человеком умным, честным и открытым.

Василий Поленов. Тивериада. 1881

Я нашёл работу в Мицпе у крестьянина Товьи Сапира. Он обучал меня крестьянскому труду, и я, похоже, был неплохим учеником. Товья стал поручать мне всё больше полевых работ, а сам навещался в поля всё реже: предпочитал оставаться дома и заниматься своим хозяйством.

И вот едем мы с Сапиром вдоль поля в телеге. Благодать кругом. День солнечный, трава блестит после ночного дождя. Крестьяне поднимаются с ведрами воды от родника, что на дне вади, отара пасётся неподалёку, а мы движемся в сторону горы. И вдруг оттуда звучат выстрелы: один, второй, третий. Свист пули над моей головой! Я услышал его впервые в жизни и ужасно испугался. А Сапир только причмокнул на мулов да двинул вожжами, чтоб шли себе дальше. Тут мы видим, что навстречу нам скачут наши охранники Вольф и Ицхак: удирают с поля битвы. Вольф кричит мне:

– Ерушалаим, с меня бурка свалилась. Сбегай, подними, пока бедуины не подобрали!

Ничего себе просьба! Он смывается, а я – лезь под пули!

– Давай быстрее! Некогда раздумывать.

Прыгаю с телеги, бегу, пригибаясь, туда, откуда прискакали охранники, и успеваю схватить бурку буквально в трёх метрах от молодого бедуина, бегущего к ней с пистолетом в руке. Мчусь назад, кидаю бурку в телегу. Два выстрела доносятся сзади. Вижу: это тот молодой бедуин – пальнул в овцу и машет из стороны в сторону своим широким бурнусом.

– Знак подаёт, – говорит Сапир. – Вон тем верховым, что на горе.

– Какой знак?

– Чтоб скакали в Тверию и подали жалобу. У них ведь так: кто первым пожаловался, тот и прав.

– А на что жалобу?

– Ну как же? Скажут, что стреляли в них еврейские охранники, но аллах отвёл пули от правоверных и поразил овцу. Сейчас скажем нашим, чтоб тоже подали жалобу: бедуины ведь отару привели, чтобы потравить наши поля.

Ребята тут же отправились к шейху, прихватив меня как свидетеля. Тот принимал просителей во дворе большого дома с плоской крышей. Выслушал нас, выслушал бедуинов. Потом сказал им что-то (я ещё плохо понимал арабский). «Просит принести овцу», – перевели мне наши охранники.

Два бедуина вышли и скоро вернулись с овечьей тушей. Шейх позвал кого-то из своих людей и велел извлечь пули. Тот подошёл к окровавленному овечьему трупу и вскрыл его большим кинжалом. Две пули, одна за другой, стукнули о дно миски: крупные, от пистолета «карадах», что был в ходу у бедуинов. Наши охранники были вооружены европейскими моделями меньшего калибра – на-

ганом, маузером или браунингом. Шейх пристально посмотрел на меня и что-то спросил.

– Так ты своими глазами видел, как этот человек стрелял в овцу? – перевёл мне Вольф.

– Нам, лакад раейта⁷¹, – подтвердил я.

Шейх встал и, повернувшись к бедуинам, сдвинул брови. Сверкнул своими чёрными глазами и заговорил громко, воздевая правую руку, сжатую в кулак. Бедуины подхватили овцу, стали пятиться, а затем бросились прочь со двора. Так на некоторое время в долине воцарилось спокойствие.

⁷¹ Да, я видел (арабск.).

СВАДЬБЫ

Итак, в поселении имеются две вполне самостоятельных и образованных девушки. Понятно, что долго такое продолжаться не могло.

Моше Трифон, красивый двадцатилетний парень – и ростом больше двух метров. Мы с ним дружили, вечерами вместе бродили по посёлку. Цвия и Тamar тоже гуляли или шушукались, сидя на чёрных камнях. Развлечений в посёлке не было.

– Давай напугаем девчонок! – говорит Моше.

– Да чем? Разве петарду кинуть.

– Нет, разыграем классический вариант...

В тот же вечер я пристраиваюсь к девушкам. Вокруг тишина, воздух напоён ароматами трав, месяц молодой светит. Сидим, болтаем о том о сём.

– Ой, что это? – восклицаю я, вскакивая с камня.

Медленно и бесшумно движется к нам белая тень – гигантская мумия. В смятении подаюсь назад (только б не засмеяться).

Девушки оцепенели, затем с визгом кинулись прочь, а «привидение» мчит за ними, сбрасывая на ходу простыни.

– Не бойтесь, это я!

Моше не рассчитывал на такой успех.

Девушки останавливаются и, тяжело дыша, оборачиваются к преследователю. Тamar – воплощённое негодование, в глазах бездна оскорблённого достоинства.

– Как ты мог?!

Привстаёт на цыпочки и закатывает Моше пощёчину.

– Ты что? Это же шутка!

– Идиотские шутки!

Девушки удаляются, словно обиженные кошки. Даже в напряжённой спине Тamar мне видится нечто кошачье.

Моше стоит, обескураженный и расстроенный.

– Да ладно тебе! – говорю. – Не расстраивайся. Пусть подуется день-другой.

Моше и Тamar поженились через месяц. Брак регистрировали в Тверии. Цвия была свидетельницей со стороны невесты, я – со стороны жениха. Там же, в Тверии, и хупу организовали. Приехали почти все жители посёлка. Под хупой Тamar совсем не походила на ту строгую и подтянутую воспитательницу, какой её привыкли видеть поселенцы. Только сейчас я заметил, какая она маленькая и хрупкая.

Комната при детском садике теперь свободна: Тамар переехала к Моше. Его холостяцкое жилище преобразилось – стало чистеньким, пополнилось мебелью и выглядело теперь вполне прилично. Рано утром Моше уходил в поле, а Тамар сочитала свои обязанности в детском саду с работой по дому. Ещё и к Цвие успевала забегать. Как-то пришла растерянная.

– Не знаю что и делать. Моше ушёл на работу и ключ от кухни унёс! Придёт к вечеру голодный, а у меня и обеда нет.

– Да у меня стоговь! – говорит Цвия.

– Так и посуда на этой чёртовой кухне, и часть продуктов.

– Чего не хватит – у меня возьмёшь.

Когда Моше вернулся после трудового дня, жена тут же на него набросилась:

– Ты зачем ключ унёс?

– Не брал я ключа, – отвечает добродушно Моше, – вот же он, лежит себе на шкафу.

Подходит к шкафу, что высотой чуть ниже его самого, берёт ключ и подаёт его Тамар.

– Чего ради ты его туда положил?

– Куда пришлось, туда и положил...

Сегодня бы сказали, что поселенцы жили ниже черты бедности, но мы ни про какую такую черту не знали. Зимой, когда от обильных дождей разрастались травы, сберегали корма, по ночам выгоняя мулов пастись на склоне холма, а уж потом приступали к полевым работам. Выпас мулов был поважней нашего отдыха. Привяжешь скотинку на длинную верёвку и время от времени переводишь туда, где трава гуще. Если сеется дождик, сам закутаешься в рогожу и сидишь на склоне. Разумеется, все мы были вооружены на случай нападения грабителей. А поспать часиков пять-шесть в сутки всё равно успевали: ложились рано.

Моя сестра Цвия была девушкой общительной и гостеприимной. Днём поселенцы приходили к ней со всяческими медицинскими проблемами (слава богу, их было не слишком много), а к вечеру забегали просто поболтать. Расходились обычно рано: вставать-то затемно. Наши brave охранники из организации Ха-Шомер наперебой старались понравиться Цвие. Они ей рассказывали о подпольной работе в России, о забавных случаях в галилейских поселениях, о стычках с грабителями. Интересную тактику уха-

живания избрал кудрявый черноглазый Гирш Штаркер. Он приходил немного позднее остальных, а уходил последним, потом стал у неё задерживаться и наконец предложил Цвие пройтись перед сном по посёлку... Словом, вскоре мы отправились в Тверию на новую свадьбу.

БАРОН РОТШИЛЬД

История семейства Ротшильдов восходит к шестнадцатому веку, когда некий Исаак Ельханан Бахарах купил дом во Франкфурте. В то время дома ещё не нумеровали, а различали по значкам на фасадах. На доме, купленном Исааком, был изображён красный щит, по-немецки – Rothen (Rot) Schild. Отсюда – фамилия Ротшильд. К восемнадцатому веку семья разбогатела, а в девятнадцатом Ротшильды стали самым богатым семейством Европы. Они открывали банки в крупнейших городах, их услугами пользовались монархи, в том числе британская королева Виктория. Ротшильды стали баронами, их фамилия превратилась в имя нарицательное и стала синонимом слова «богач».

«Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых – я хвалю и умиляюсь», – писал русский классик Иван Тургенев.

Авраам Биньямин Джеймс де Ротшильд, больше известный под именем Эдмон Ротшильд, был представителем французской ветви фамилии. Надо сказать, что он, как и другие Ротшильды, никогда не помышлял о переезде на историческую родину, да и вообще был далёк от идеи воссоздания еврейского очага в Палестине. Баронам и в Европе было неплохо, они были гражданами тех стран, в которых жили, и Эдмон честно исполнял свой патриотический долг во время франко-прусской войны. Когда в конце семидесятых годов общество Ховевей Цион⁷² стало организовывать первые поселения в Палестине, Ротшильды отказались его субсидировать⁷³.

Судьбы Эдмона Ротшильда и еврейского народа сблизились после того, как в парижской квартире барона появился раввин Шмуэль Моливер⁷⁴. Возможно, на Ротшильда сильно повлияли стиль и дух речи его собеседника. Раввин не просил денег на какие-то конкретные нужды – он повёл речь о двух тысячелетиях еврейского изгнания, о вековой духовной связи евреев со своей землёй, Эрец Исраэль, и о возвращении евреев на эту землю. Раввин сумел затеплить искру национального сознания в душе барона. Нет, не

⁷² Ховевей Цион – одна из ранних организаций сионистского типа. Занималась переселением евреев в Землю Израиля, строительством и поддержкой поселений.

⁷³ См. Напр. [5], р.30.

⁷⁴ Эта встреча замечательно описана в книге М. Штереншиса [15].

то чтобы Эдмон Ротшильд начал думать о своём переселении на родину предков, но идея его тронула.

А вскоре появился Иосиф Фейнберг, один из основателей Ришон-ле-Циона⁷⁵. Дела в поселении шли совсем плохо: воды не хватает, урожаи не покрывают издержек, поселенцы голодают. Под влиянием рассказа Фейнберга Ротшильд (вероятно, уже подготовленный Моливером) тут же выписал чек на тридцать тысяч франков для строительства колодца. Так начался полувековой роман Эдмона Ротшильда с поселенческим движением. Это, как говорится, была история, достойная пера романиста. Чтобы рассказать обо всём, что сделал барон Ротшильд для становления ишува, мне пришлось бы завершить своё повествование этой главой и начать новую книгу. (Достаточно сказать, что однажды он выписал Еврейскому колонизационному обществу чек на пятнадцать миллионов франков). Уже в конце своей жизни, в тридцатые годы, он написал: «Без меня сионисты мало чего бы достигли, но без сионистов моё собственное дело погубило бы». Ротшильд навещал Страну пять раз, – не задерживаясь в ней надолго, и лишь после смерти остался здесь навсегда: он похоронен в Зихрон-Яков, неподалёку от Хайфы.

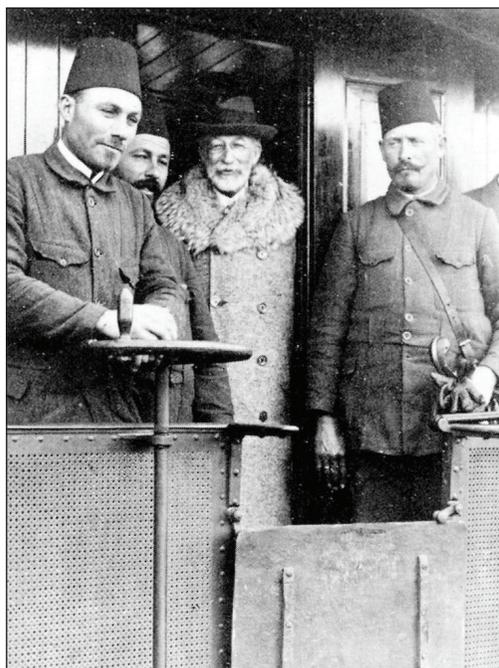
Хотя сам я никогда не видал барона, он, по всей вероятности, видел меня – пусть не дольше одной-двух минут. Это было в его четвёртый приезд, как раз перед войной. Наши поля примыкали к дороге, по которой должен был проехать главный спонсор Страны. Конечно, руководству ишува хотелось представить наши хозяйства в лучшем виде, но потёмкинских деревень строить не стали, да и не было на это ни времени, ни средств. Главное было показать, как преуспели еврейские поселенцы в сельскохозяйственном труде. Даже с косой умеют управляться! (В галуте еврейских косарей не было.)

Нас с Моше Трифоном с утра пораньше отрядили на косьбу. Выделили нам средних размеров участок, где травка позеленее. Пришли мы, окинули взглядом луг. Работы двоим от силы на полчаса, а когда Ротшильд придет – бог весть. Покосили немного и уселись поджидать высоких гостей. И вот показались на дороге

⁷⁵ Ришон-ле-Цион («Первый к Сиону») – одно из первых сионистских поселений Израиля. Основано в 1882 г. Ныне один из самых крупных и быстро растущих городов Израиля.

несколько всадников, скакавших лёгким галопом, за ними катила пролётка, а за нею ещё верховые. Мы тут же принялись усердно косить, словно бы не замечая ничего вокруг. Вот сейчас из пролётки спросят: «Чьи это луга?». А мы заорём: «Маркиза Карабаса! Маркиза Карабаса! Нет-нет! Барона Ротшильда!». Когда процессия поравнялась с нами, мы с Моше на минуту остановились, по всем правилам поточили косы, утёрли со лба пот и «заметили» проезжающих. Весело помахали им в знак приветствия – и вновь принялись за работу. Кто-нибудь из сидевших с бароном наверняка позаботился о том, чтобы он обратил на нас внимание. А мы их лиц толком не разглядели, хотя пролётка была открытая по случаю весеннего тёплого дня.

На этой очень известной фотографии 1914 года барона сопровождают три бравых турка. Мало кто знает, что задумчивый мужчина в феске, слева от барона, – наш еврейский охранник Авраам Шапиро из организации Ха-Шомер.

Визит барона Ротшильда. 1914

ИКТАН, ЗЕРЕШ И ДРУГИЕ

Иктан (Малыш) – это невысокий гнедой мерин, сильный и спокойный, как Боксёр из романа Оруэлла. Вот только характером был упрям и подолгу не прощал обиды. Как-то раз упёрся и никак не хотел пахать. Я разозлился и пару раз довольно чувствительно огрел его кнутом. Теперь я бы не сделал такого, но тогда был молод, горяч и не понимал, что передо мной существо, заслуживающее понимания и сострадания не меньше, чем человек. Конь заржал и метнулся в сторону. Одумавшись, я отошёл от него. Потом получилось так, что мы несколько дней не виделись, и я, не помня о прежней ссоре, стал запрягать Иктана. И тут он встал на дыбы и отвесил мне оплеуху. Слава богу, это не был прямой удар копытом, а боковой – голенью: соображал всё-таки. А я сразу вспомнил о своём недостойном поступке.

Зереш – светлая буланая кобылка. До того, как попала к нам, и запряжки-то, наверное, не знала: была под седлом. А тут пахать приходится! Не думаю, что Зереш читала Маркса или других социалистов, но её принципом был четырёхчасовой рабочий день. Поработает четыре часа – остановится, спутает упряжь, обернётся ко мне и не двигается с места. Понуждать бесполезно: лягается и норовит укусить – потому её и назвали именем злобной жены Амана. Это ведь Зереш присоветовала повесить праведника Мордехая. Хорошо, что правда восторжествовала и повешен был сам Аман⁷⁶. Оклеветали кобылку, скажу я вам. Наша Зереш была по натуре совсем не злобной – просто свободолюбивой, и я нашёл-таки способ с нею договориться. После четырёх часов работы устраивал для лошадки часовой обеденный перерыв. Поест, попьёт, отдохнёт – и спокойно возвращается к работе.

Под вечер возвращаюсь с поля верхом на Зереш, без седла. На главной, и единственной, улице Мицпы оживление: состязаются всадники, именитые бедуины. Красавцы-кони, украшенные сёдла, белые бурнусы. Гарцует на вороном арабском скакуне сын шейха. У дороги лежит голубой шёлковый платок. Сын шейха натягивает уздечку, конь отступает на несколько шагов – и вот уже летит, как арбалетная стрела, проносится мимо куска голубой ткани на рыжей пожухлой траве. В том-то и дело, что слишком скор конёк.

⁷⁶ См. часть 1, глава «Праздники».

Сын шейха наклонился, но рука его скользнула мимо платка. Собравшиеся загудели. Всадник делает круг, чтоб повторить попытку. А я-то уже на дороге!

– Ну что, Зереш, тряхнёшь стариной?.. Давай!

Отпустил узду и ударил пятками по бокам. Зереш идёт аллюром, разгоняется, переходит в галоп – и вытягивается, распластывается над дорогой. Сползаю немного на круп (может, и хорошо, что седла нет?), цепляю платок! Зереш распрямилась, проскакала ещё метров двадцать и перешла на шаг. Возвращаюсь, отдаю платок бедуинам. Что это? На их лицах тревога. Размахивая шашкой, ко мне несётся на своём вороном сын шейха. Орёт, глаза вытаращил, бурнус треплется на скаку, куфия развевается. Увёртываюсь от удара, а он снова летит на меня. Бедуины удерживают коня, увещевают всадника. Он вырывается, шашкой машет... Лучше не искушать судьбу. Скачу к конюшне, ставлю Зереш в стойло, глажу по гладкой блестящей шёрстке: «Спасибо, лошадка!». И отправляюсь домой отдыхать, чтобы назавтра снова отправиться в поле на Зереш.

Охранник Цви Надав из кавказцев. Видный, высокий, мужественный. Его светлая лошадь Ацила – чистых арабских кровей. Когда он проезжает мимо, кажется, что это сказочный принц на волшебном коне. Сердце его не принадлежит ни одной из окрестных женщин: волен, как горный орёл. Однажды Ацила спасла ему жизнь. В одну из темных ночей Цви галопом преследовал грабителя. Внезапно лошадь встала как вкопанная. Не будь Цви великолепным наездником, непременно перелетел бы через её голову. Когда спешился, увидел что лошадь стоит на краю глубокой пропасти...

Много камней на полях Галилеи. Прежде чем распахать новый участок, надо его расчистить – работа нелёгкая. Когда Цви не занят, он присоединяется к нам. Ростом он почти с Моше Трифона да и в плечах не узок. Берётся только за большие камни, приговаривает на идише:

– Эх, камни святые, камешки мои дорогие, какие же вы тяжёлые да острые!

Прямо как Достопочтенный Беда⁷⁷. Я не слышал, чтобы камни ему отвечали, да и откуда им знать идиш? А вот иврит или арамейский ещё могли бы помнить.

⁷⁷ Беда Достопочтенный – бенедиктинский монах 7-8 в. По преданию, проповедовал камням, и камни отвечали ему.

ВОЙНА, КОМПОТ И РАБОТА

Первого августа 1914 года Германия объявила войну России. Через два дня Османская империя заявила о своём нейтралитете, но уже был заключён тайный германо-турецкий договор. Началась мобилизация. Становилось ясно, что вступление турецкого государства во всеобщую бойню – дело недалёкого будущего. В октябре османские войска вторглись на территорию России, а в начале ноября Турция официально выступила на стороне Австро-Венгрии и Германии.

Для нас мало что изменилось. Мы продолжали работать в поле. Мобилизационные чиновники пока нас не трогали: мы обитали на задворках империи. Тою же осенью заговорили об убийствах, депортации и ограблениях армян. Российская кампания складывалась крайне неудачно для турок, и «неверных» тут же обвинили в измене.

Ещё одно лицо войны – пустеющие полки лавочек и магазинов. Люди кинулись запасаться провизией, поднимались цены, – впрочем, не сразу и не везде. Был в Тверии замечательный магазин «Коль-Бо», который держал пожилой весёлый еврей Шломо Гурвиц. Вся наша округа покупала у него продукты. Каждого входящего Шломо сердечно приветствовал: «Шалом!» – и, получив ответ: «Шалом у враха⁷⁸!», радовался. – «О, у меня уже сто процентов чистой прибыли». Он не торопился повышать цены на свои товары; поговаривали, что продаёт себе в убыток. «Как люди не поймут! – возмущался Шломо. – Сегодня покупаю задорого, а завтра продам за любую цену – и никто не скажет, что я жлоб».

Той осенью Цвия купила у Шломо три килограмма урюка: варить компот по субботам. Положила в кладовочку большой жёлтый кулёк да и забыла про него. Только несколько недель спустя решила сварить компот к своему дню рождения. Сунулась в кладовку – и глазам своим не поверила:

- Ерушалаим! Куда урюк делся? Тут и на один раз не хватит.
- Ну как тебе сказать... Я только по одной урючине брал.
- И сколько раз это было? Сто?
- Да ладно, не расстраивайся! Я сейчас с тобой расплачусь.
- Не надо мне твоих денег!

⁷⁸ Шалом у враха – Мир и благословение! (иврит), один из возможных ответов на приветствие.

– Кто говорит о деньгах?!

И я притащил ей большую жестяную банку дамасских маслин, которую недавно купил. Маслины были просто гигантскими: двух штук хватало на завтрак. Прошло несколько месяцев, прежде чем жестянка опустела.

Всегда найдутся охотники нажиться на чужом горе... Объявился в Мицпе богатый крестьянин по фамилии Пайс. Начал с того, что приобрёл у Палестинского колониционного общества участок земли, потом прикупил у турок по случаю большое стадо, отобранное ими у армян. От стада мало осталось: почти все овцы перемёрли от недостатка корма и воды во время перегона в Галилею, добрались только лошади и мулы.

Сам Пайс в нашем посёлке не жил, а нанял у нас двух работников. Первым был старший брат Моше Трифона – Иона. Великан, ростом чуть ниже своего младшего брата, он разбирался во всех премудростях сельского хозяйства. Его помощником стал ваш покорный слуга. Пайс предложил мне в полтора раза больше, чем платил предыдущий наниматель, и я не устоял, хотя хозяин, и особенно его супруга, мне сильно не нравились.

Работать с Ионой Трифоном было приятно. Он старался обучить меня всему, что знал сам. Спустя недолгое время я умел пахать, сеять, жать серпом, косой и жнейкой, нагружать и везти тележку с зерном так, чтобы она не перевернулась, молотить и веять – освоил многое из того, что делает обыкновенного батрака желанным повсюду работником.

Иногда Пайс появлялся у нас в Мицпе вместе с семьёй. Важно разгуливали по посёлку его сын, нагловатый парнишка, и жена, толстая крикливая баба. Ко мне обращалась: «Эй, мальчик!». Немного южнее, в Пории, жили их родственники – богатая американская семья. Вздумали супруги Пайс их навестить. Запряг я коляску парой лошадей.

– Эй, мальчик, ну, шо ты возишься? Ставь-ка сумку в шарабан! Ося, где ты есть? Ша бакланить⁷⁹! Бэкицер⁸⁰, залезай!

Устроился я впереди на скамеечке, господа уселись сзади на мягком сиденье – и мы двинулись в путь.

– Эй, мальчик, шо они так тащатся, твои мерины? Они отдыхают?

⁷⁹ Бакланить (жарг.) – болтать.

⁸⁰ Бэкицер (жарг.) – быстрее.

«Ну ладно, – думаю, – сейчас я тебе устрою гонку с препятствиями!»

Трогаю вожжи. Впереди на дороге очень подходящая рытвина. Подстёгиваю лошадей, направляя напрямик на неё. Сработало! Мадам Пайс едва не вылетает из коляски, визжит, плюхается объёмистым задом на сидение, таращит глаза. А впереди уже виднеется замечательный ухаб: ещё прыжок, шлёп на сидение – вопль.

– Ося! Почему ты не остановишь этого гоныфа⁸¹? Он меня убивает.

Пайс вздыхает и укоризненно смотрит на меня, не говоря ни слова. Теперь мне понятно, что я стал его невольным союзником: мой босс был под башмаком у жены и сам никогда бы не решился на сопротивление.

Наконец достигаем Пории, и позеленевшая от злобы и тряски мадам Пайс вываливается из коляски.

– Биндюжник! Чтоб я ещё с тобой поехала! – орёт она мне.

⁸¹ Гоныф (жарг.) – бандит.

ГАЛИЛЕЙСКИЕ БУДНИ

В самом начале жатвы на нас напал бархаш: так называли малюсеньких чёрных мошек. Они атаковали тысячами, кусали все открытые места. На теле возникали маленькие гноящиеся ранки, которые потом до того разрастались, что от боли и зуда невозможно было лежать. Харара – так называли эту болезнь. Эти чёртовы мошки ещё и малярию разносили. Когда дошло до того, что я уже не мог работать, Иона решил что-нибудь предпринять. Посадил меня перед собой на коня, и поскакали мы к горячим источникам Тверии.

Пейзажи вокруг потрясающие. Внизу под нами – синяя впадина огромного озера, окружённого холмами, на севере поднимаются Голанские высоты. Но мне не до красот природы – глаза б ни на что не глядели!

Наши мудрецы писали, что вода источников Тверии проходит через врата ада, потому она так горяча. Они, я думаю, были недалеки от истины. Вода идёт с глубины двух километров и по пути насыщается минеральными солями. Про целебную силу этих источников писал Иосиф Флавий⁸², теперь мне предстояло испытать её на себе.

Курортов Хамей Тверия, которые так популярны теперь, в ту пору ещё не было. Прямо в источниках, как известно, купаться невозможно: температура воды на выходе – 60 градусов. Устроили специальный резервуар, где воду остужали три дня перед тем, как слить в большой бассейн, – и всё равно она оставалась довольно горячей. Садись на краю бассейна, а потом медленно-медленно сползаешь в воду. Вначале погружаешь подошвы ног, потом голени, наконец пахучая солёная вода доходит до пояса – и тогда можно с удовольствием окунуться. Иона раздел меня, подтолкнул к воде и простился:

– Пока!

– А как я вернусь?

– Пешком.

А на мне же места живого нет. И в таком-то состоянии топать три с лишним километра!

Отлежавшись в бассейне, одеваюсь и не сразу понимаю, что

⁸² Иосиф Флавий (1-й век н. э.) – еврейский и римский историк, автор книги «Иудейская война».

нет ни боли, ни зуда. Ещё и до Мицпы дойти не успел, как заметил, что и ранки почти затянулись, а на следующий день был уже как огурчик. Увы, ненадолго...

Наступили дни жатвы. В три часа утра поднимались и шли вверх по склону к полю Пайса. Добирали упавшие ячменные колосья, которые не успели собрать накануне, и вкатывали на гумно одну-две телеги, прежде чем солнце поднимало с нивы росу и можно было начинать жатву.

В тот раз мы работали очень усердно. В шесть утра Иона пошёл завтракать, а я остался на гумне разгружать снопы. В девять часов сменились: я отправился завтракать, а Иона пошёл приготовить жнейку. Хлопец шестнадцати лет после шести часов тяжёлой работы не страдает отсутствием аппетита. Я умял полкаравая хлеба, много маслин и закусил абрикосами, купленными сестрой накануне. Всё это запивал прохладной родниковой водой из большого кувшина. Двигаюсь вверх к полю – и вдруг всё поплыло перед глазами. Уж и не помню, как дошёл до поля, как свалился в тень, под телегу. Меня вырвало.

Голова всё кружится... Надо Ионе сказать. Плохо слышу. И звон в ушах, или то ли жнейка гремит... Да, это жнейка. Вон она движется, оставляя за собой ровный валок скошенного ячменя. «Иона!» – кричу я и не слышу своего голоса. Мой напарник тоже не слышит, он бросает взгляд на телегу и на меня под нею и проезжает мимо. Откидываюсь на спину. Сколько времени прошло?.. Опять громыхание приближающейся жнейки, уже с другой стороны. Неожиданно звук стихает: неполадки в механизме – или дошло до Ионы, что со мной неладно? Глядит на меня, отходит. Потом возвращается, швыряет в телегу охапку соломы, запрягает лошадей. Поднимает меня и опускает в телегу. Трясёмся, спускаясь по склону. Голова всё кружится. Вот и медпункт.

– Цвия! – кричит Иона.

Чувствую, как сестра поворачивает меня, встряхивает. Сквозь гул в ушах различаю: «Быстро в Тверию! Привези врача. Нужна инъекция...».

Это был приступ холерины, болезни сродни холере, только менее опасной. Часа через три приступ прошёл, рвота прекратилась, но я ещё неделю пролежал в постели. Единственной моей пищей была простокваша, которую покупали у окрестных бедуинов. А к абрикосам я потом ещё очень долго не притрагивался.

Следующей весной в Мицпу приехал мой брат Элиягу и тоже нанялся работником. Участок его хозяина примыкал к полю Пайса, так что мы с братом работали рядом.

– Смотри, Ерушалаим, кто это к нам скачет?

– Да это же Цви Надав! Ты его что, ещё не видел?

Цви осаживает свою Ацилу и оглядывает нас сверху.

– Ну что, братья? Кто из вас старший? Э, да вы, как я погляжу, оба старшие... Вот что, ребята. Я еду в Тель-Авив. Хотите передать привет родителям – давайте, пишите!

Мы, конечно, были рады воспользоваться оказией.

Через неделю Цви снова появляется на поле.

– Ребята, я вам привёз горячий привет от вашей матери.

– Спасибо, Цви, спасибо! – благодарим мы и снова принимаемся за работу.

Цви пристально посмотрел на нас, погарцевал на лошади перед нами, подкрутил по своему обыкновению усы и произнёс:

– Всё, раз и навсегда! От детей родителям буду передавать приветы, а от родителей детям – никогда! Да вы бы видели, как приняла меня ваша мать, когда я привёз ей весточку от сыновей! А вы: «спасибо» – и всё!

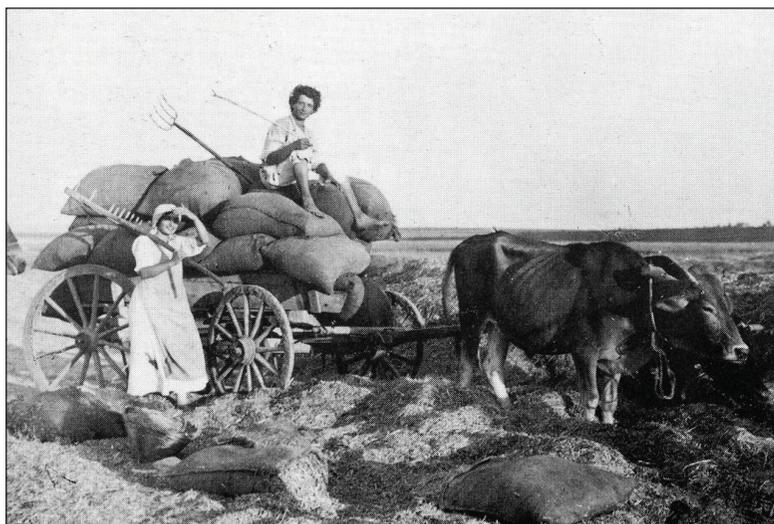
В Галилее часто бывает так, что дождевое облако проходит над небольшой территорией и под ним идёт дождь, тогда как вокруг светит солнце. В ясный солнечный день мы пашем поле под яровые. Внезапно вижу густую чёрную тучу, она быстро приближается и вскоре закрывает солнце. На участке брата совсем темно, а на моём ещё свет.

– Элиягу, давай под крышу! – кричу брату.

Но укрыться на гумне под кровлей не успеваем: раздаётся густой шум, но это не шум дождя. Он идёт прямо из тучи. Вот и вокруг меня всё темнеет, и на нас обрушивается ливень из миллионов насекомых: саранча! Вся земля вокруг ожила и наполнилась движением. Раньше больше двух-трёх за раз не видали, а теперь стоим в изумлении, и невозможно двинуться, не наступив на слой этих тварей. Всё, что было зелёным, побелело за несколько минут, не осталось даже травы. Мгновенно съедены листья на деревцах. Человек так же беспомощен перед этим явлением природы, как перед землетрясением или цунами. Турецкие власти предписывали в подобных случаях выходить всем народом и стучать в жестяную посуду, чтобы спугнуть насекомых. Толку от этого, разуме-

ется, не было никакого: в лучшем случае саранча поднималась и перелетала на другое место.

Саранча была всюду: ею кишела земля, она покрывала стены домов не только снаружи, но изнутри. Мир окрасился в золотисто-коричневый цвет. Через несколько дней эта летучая напасть исчезла, оставив на вспаханной земле миллионы яиц, и вскоре земля вновь кишела саранчой, которая стала распространяться. Пришло указание рыть канавы и, по мере их наполнения саранчой, засыпать землёй. Естественно, и это не сработало, ведь насекомые были неисчислимы. Ничто не помогало, пока в один прекрасный день саранча не исчезла сама, нанеся очень большой урон. Рассказывали, что в Иудее, где много апельсиновых рощ (пардёсов), зрелище было ещё ужаснее: саранча пожрала не только листья, но и кору деревьев, и больно было смотреть на белые, обглоданные стволы.

Возвращение с поля

СТЫЧКИ

Самое главное в Стране – это вода. Без родника нет поселения. Но ненадёжны здешние родники: то один иссякнет, то другой. Вот у нас такое случилось. Жарким летом осталась Мицпа без своего родника. Пришлось возить воду из ключей, что били внизу, в вади Хамам. За водой ездили только группой – и при оружии.

Случилось мне задремать на гумне после обеда. И вижу сон, будто ввязался я в какую-то стычку с арабами и за мной гонятся. Бегу, отстреливаясь. Добежал до посёлка, бросаюсь на крыльцо, отворяю дверь – и тут в спину мне ударяет пуля. Проснулся – вот те на: хотел вздремнуть часок, а проспал почти до вечера. Выскакиваю из дома и вижу, что ребята уже возвращаются с родника. Конечно, нам уделят кувшин свежей воды, но что делать с мулами? Их со мной два: пожилой серьёзный Аспор и молодая норовистая Ципора. Бранюсь про себя: могли бы и разбудить, между прочим! Вскокиваю на Аспора и тяну Ципору за собой на уздечке. Когда подъехал к роднику, солнце уже скрылось за вершинами гор, но сумерки в Галилее длинные, света ещё хватает, видно далеко. У родника молодая большеглазая бедуинка Хадиджа поит отцовских овец. Я её знаю: приносила простоквашу, когда я болел. Хадиджа кивнула мне, потом подняла голову, поглядела вдаль. Я проследил за её взглядом и увидел вдали группу арабов, идущих по тропе, пересекающей дорогу к посёлку. Было их человек шесть-семь. Девушка равнодушно поднялась и пошла от родника со своими овцами, а я стал поить мулов, поглядывая на тропу. Оценил расстояние. Если они не замышляют дурного и будут идти в том же темпе, то я миную пересечение намного раньше их. Как назло, мулы пили много и медленно. Вот, кажется, напился, и ещё успею избежать встречи. Увы!.. Арабы заметили меня на дне вади и ускорили шаг, так что я опередил их совсем ненамного. Когда подошёл к тропе, они были всего метрах в сорока... Выстрел.

– Тауакаф я ражую! (Стой, парень!)

Ципора, испугавшись резкого звука, отпрянула и упёрлась. Бегут ко мне. Тот, что с ружьём, – впереди, уже в десятке метров. Выхватываю револьвер.

– Коф!

Араб приостановился, но тут же снова пошёл на меня. Я знал, что убивать нельзя, – нужно напугать. Приподнял ствол и выпу-

стил две пули поверх его головы. Он отступил и сильно пнул оказавшуюся рядом с ним Ципору. Та рванулась вперёд – мы миновали тропу.

На моё счастье, женщина, жившая в крайнем доме посёлка, видела, что я в одиночку спускался с мулами по склону вади. Услыхав выстрелы, подняла тревогу, и через минуту ко мне уже спешила подмога. Арабы скрылись. Так состоялось моё боевое крещение.

На пахоте

Мы, молодёжь, не упускали возможность немного развлечься.

Организация Ха-Шомер проводила свой съезд в посёлке Менахемия, южнее озера. На съезд пригласили охранников из всех поселений. А нас, работавших в мошавах ребят, привлекала вечеринка, которая, конечно же, будет после заседаний. Поехали в телеге, запряжённой парой мулов (её как раз надо было вернуть одному из крестьян Менахемии). Заехали в Порию, прихватили там приятелей, и кто-то предложил сократить путь и спуститься прямо с горы в поселение Кинерет, где я когда-то работал. Сказано – сделано. Что снизу, что сверху – склоны гор кажутся куда более гладкими, чем они есть на самом деле. Очень скоро мы в этом убедились. Спуск изобилдовал уступами, иные высотой в несколько метров. Вот впереди как будто гладкая тропа, но проезжаем сотню метров – и снова каменный обрыв.

– Вот идиоты! – ворчит Иона. – И какого чёрта сюда полезли? Идём рядом с телегой, ведя мулов под уздцы... Ох! Задние ноги мулов ещё на уступе, а передние скользят вниз.

– Распрягаем, быстро! – кричит Иона.

Мулы благополучно спускаются без упряжки, а телегу мы спускаем на руках.

Измочаленные, оказываемся наконец внизу. Оправляем одежду, жадно пьём и клянёмся, что больше никогда не совершим подобной глупости.

Вечеринка закончилась в одиннадцатом часу. Назад отправились уже без телеги. Стояла дивная галилейская ночь, светила полная луна. Миновали поселение Кинерет, идём окраиной Тверии. Навстречу нам движется довольно большая группа людей. Когда до них остаётся метров триста, понимаем: это турецкая полиция. Это облава: ищут оружие. По законам военного времени, за оружие могут и расстрелять. Нас уже заметили, если побежим – погонятся.

Первым опять нашёлся Иона.

– Все пистолеты – мне и Ерушалаиму. Быстро! Мы, двое, возвращаемся в Кинерет, а вы идите спокойно, закрывайте нас.

Мы с Ионой быстро рассовываем пистолеты по карманам. Тяжёлые, мешают идти, но благополучно достигаем посёлка и скрываемся в переулочек, а там добираемся и до Кинерета. В здании «караван-сарая» никого нет, выгружаем оружие.

– Смотри-ка, Иона! Вот этот на предохранителе не стоит.

– Нам повезло, – откликается мой спутник.

ВОДА ИЗ РОДНИКА КАДУРИ

Мы с Элиягу и Ионой уже заканчивали жатву, когда неожиданно появилась моя сестра Фаня из Месхи, грустная и озабоченная: турки мобилизовали её мужа Авраама-Моше на «шукру». Так называлась трудовая повинность в пользу турецкой армии, без всякой оплаты. Крестьян мобилизовали с мулами и повозками. Авраама-Моше забрали уже три недели назад, в самую страду. Соседи помогли сжать пшеницу и свезти её на гумно. Всё село уже заканчивает молотьбу, а муж всё не возвращается. Надо спасти урожай. Если она останется на гумне последней, разворуют зерно: сторожить его некому. Делать нечего, я отправился с Фаней в Мицпу.

– А как молотить будем? Как в амбар свозить? Мулов-то нет.

– В Тель-Адашим, говорят, продают дёшево лошадь. Я подзаглянула немного...

И пошёл я в соседнее поселение Тель-Адашим, до которого было чуть меньше десяти километров. Владельцы лошади встретили меня с нескрываемой радостью. Взглянул я на этого мерина, и сразу мне стало ясно, почему его продают так дёшево. Худущая кляча неопределённой масти, лет двадцати от роду, наподобие той, что была у д'Артаньяна, когда он впервые приехал в Париж. Все кости можно пересчитать. А уж хребет этого мерина я запомнил на всю жизнь: пришлось проехать на нём до Месхи без седла. Потом дня три не мог нормально ходить.

На гумне внушительная скирда нашей пшеницы, а у соседей уже немного осталось. Надо закончить молотьбу, пока там есть ещё люди: одному оставаться опасно. Если распределить работу так, чтобы в жару трудиться в тени, а утром и вечером на солнце, то можно успеть. Работаю в одиночку от темна до темна, по девятнадцать часов. Через две недели догнал кое-кого из крестьян, но большинство уже свозило намолот по домам. Надо ещё поднажать. Ночую на гумне, чтобы под утро сразу приняться за работу. Устраиваюсь на ночлег, соседи расходятся.

Начал уже засыпать – и слышу тихие голоса как раз за стенкой, у которой я лёг. Прислушиваюсь.

– Не сейчас, ближе к утру...

Это голос Семёна Элейзона, который живёт на противоположном от нас углу улицы.

– Нароботался небось – не услышит, хоть всё зерно увези.

– Мы заходить не будем. Сам набери пару мешков, а мы оттащим.

Это кто-то из работавших с ним парней.

Голоса смолкли, злоумышленники удаляются. Лежу, боюсь сомкнуть глаза, но временами проваливаясь в забытьё. Первые лучи проглядывают сквозь щели, но внутри ещё темно. Вот незванный гость приближается, наклоняется надо мной, чтоб убедиться, что я сплю, – и натывается на ствол револьвера. Револьвер, конечно, не был заряжен, но Элейзон не мог об этом знать.

– Ой, Ерушалаим! Это я, Семён! Убери пушку! Ты думал, бедуины?

– Мало ли кто забрести может! Много воров здесь шастает. А что ты сегодня так рано?

– Так ведь только мы с тобой и остались. Заканчивать надо да отвозить зерно.

Действительно, вскоре всё зерно сестры благополучно перекочевало в её амбар.

В то жаркое лето с родником Кфар-Тавор случилось то же, что с родником в Мицпе: он пересох, оставшись лишь реперной точкой на карте. Говорили: «у родника», «за родником» – воду же привозили из родника Кадури, что в километре от поселения.

Вечереет. Я еду за водой в повозке с двумя порожними бочками. Вот и Кадури, но придётся ждать: взвод турецких солдат во главе с молодым офицером набирает воду для своих мулов. Источник – это нечто вроде небольшого колодца метра в полтора глубиной. Офицер (он в чине кучук-завата, младшего лейтенанта) зорко следит за тем, как солдаты вытаскивают ведро за ведром и выливают в бочку. Вода при этом неизбежно расплещивается, земля возле колодца мокрая, но родник остаётся незамутнённым: вероятно, почва действует как фильтр.

Пока солдаты заканчивают работу, разворачиваю повозку в сторону посёлка, чтоб не делать это потом с полными бочками. Турки как раз выливают последнее ведро и начинают собираться. Подхожу к роднику, зачерпываю воду, выливаю в бочку... И тут на меня обрушивается затрещина.

– Ты что делаешь! – орёт офицер по-турецки. – Куда воду льёшь, дурак? Родник портишь, скотина!

Я не раздумывая двинул ему в морду. Он начал балансировать – не устоял и рухнул рядом с источником. Солдаты застыли воз-

ле своих мулов с изумлёнными физиономиями, и я не стал ждать, пока они опомнятся: прыгнул в повозку и погнал лошадь в посёлок. Потом только понял, как рисковал. Старики ещё помнят, как разделявались турецкие жандармы с деревенскими старостами, которые не справлялись со снабжением провиантом солдат и фуражом – их лошадей. А уж о том, чтобы потребовать от турка платы, в ту пору никто и не заикался.

Вернувшись в Кфар-Тавор, подлетаю к дому старосты Гольдмана и рассказываю, что произошло. Он встревожился.

– Вот что, Ерушалаим. Быстро собирайся и дуй в Мерхавию. Отсидишься пока там. Мы их задержим, сколько сможем.

В пять минут собираю свои нехитрые пожитки, прощаюсь с сестрой и скачу к месту своей бывшей работы. Там у меня друзья, пропасть не дадут.

Уже позднее узнал от родных, что турецкие солдаты нагрянули-таки в поселение. Гольдману пришлось дать офицеру бакшиш, чтобы отвести беду.

Наутро приходит в голову простая мысль: а зачем мне вообще возвращаться в Кфар-Тавор? Отправил лошадку с приятелем, который как раз туда собирался, а сам пошёл назад в Мицпу.

Впрочем, в Кфар-Тавор я всё-таки вернулся – пятнадцать лет спустя. Я приехал туда по случаю праздника: в посёлок провели электричество! А я привёз кино. Подобрал хороший фильм, доставил проектор. Если бы ещё и помещение для показа нашлось, было бы вообще прекрасно. Но подходящего помещения не было, и сеанс состоялся под открытым небом, на площади в центре посёлка, которую окружают теперь общественные здания. Каждый зритель пришёл со скамеечкой или табуреткой. Вокруг площади – грузовики, приехавшие из посёлков, селений, кибуцев Нижней Галилеи. Первый сеанс встретили овациями, он положил начало еженедельным показам.

ТРУМПЕЛЬДОР И ДРУГИЕ

Организация барона Ротшильда продолжала покупать земли в районе озера Кинерет. Появлялись новые люди, и к нам в Мицпу приехала группа молодых ребят. Поселились они в одном из домов и начали возделывать равнину, что раскинулась под горой напротив мошава. Местные арабы считали эту равнину своей и сопротивлялись, иногда происходили серьёзные стычки между ребятами из новой группы и арабскими громилами.

Возвращаемся как-то из Тверии во втором часу дня (ездили за покупками). Ещё на подъезде к посёлку чувствую: что-то неладно – непонятный шум, крики. На улице толпятся жители, ходят турецкие полицейские.

– Проезжайте, как будто вы здесь не живёте! – крикнули нам из толпы.

Но один из полицейских окликает нас по-арабски:

– Стой! Куда едете?

Делаю вид, что не понимаю арабского, и пытаюсь проехать.

– Этот осел по-арабски не понимает! – орёт полицейский и загораживает нам дорогу.

Делать нечего, заворачиваем в посёлок. Я поставил телегу во дворе и вышел поглядеть, что же всё-таки происходит. А случилось вот что. Этим утром один из новых поселенцев по фамилии Шапиро пахал на том самом участке, что напротив мошава. Внезапно налетела большая группа арабов. Шапиро выхватил пистолет, завязалась перестрелка. Он убил одного из нападавших, но и сам получил пулю в ногу. На звуки стрельбы примчались наши ребята. Отнесли раненого Шапиро в посёлок, Цвия сделала ему перевязку. Только успели спрятать его в амбаре, как из Тверии прискакала полиция. Пять жандармов во главе с молодым сержантом Ахмедом Шавишем расположились во дворе у старосты Товьи Сапира. Ему пришлось хорошо накормить нежеланных гостей и задать корму их лошадям. Набив животы, жандармы захотели вздремнуть.

Уже смеркалось. Неслышно вышла из дому Цвия и прошла туда, где жили ребята из Ха-Шомер. Вернулась с нашим бравым охранником Цви Надавом. Подозвали меня, и мы прошли к дальнему амбару, где лежал раненый Шапиро. У него был жар, губы пересохли. С заднего двора подъехал на телеге ещё один охранник. Мы уложили Шапиро на солому, и в сгущающейся тьме повозка в сопровождении верхового Цви двинулась окольным путём в Порию.

Мы с братом заглянули во двор старосты. Там было тихо. Жандармы похрапывали, не было ни самого Товьи, ни кого-либо другого из поселенцев. Мы переглянулись, вышли тихонько на улицу, прошлись вдоль посёлка: никого из мужчин – только дети и женщины.

– Ну что делать будем? – спросил Элиягу.

– Да мы вроде ни при чём, это все видели.

– Ты думаешь, им важно, кто виноват? Им надо арестовать кого-нибудь и привезти в Тверию. Вот мы и попадём под горячую руку, – возразил рассудительный Элиягу.

Элиягу был прав. В турецкой тюрьме за каждым значится день поступления, а срока освобождения не знает никто.

– Пошли винтовки спрячем.

Осторожно, чтоб не разбудить жандармов, вырыли яму за амбаром, уложили оружие в плотный мешок и закопали. Ещё не занялась заря, когда мы подходили к Тверии. Шли мы не тем извилистым путём, по которому ездят в подводах, а напрямик, по тропе. Если б за нами погнались, мы легко могли бы наблюдать за верховыми, а им до нас было бы не добраться.

В Тверии уже знали о случившемся. Руководство ишува сразу связалось с местным адвокатом господином Струмза. Он был родом из турецких евреев и занимался всеми делами, касающимися галилейских поселенцев. Струмза прекрасно знал, как повлиять на продажных турецких судебных чиновников. Дело удалось замять, и через неделю мы смогли вернуться в поселение, но пока ситуация оставалась напряжённой, всех нас, беглецов из Мицпы, направляют в кибуц Дгания. За неделю до нас туда приехала группа новых поселенцев во главе с молодым, но уже заслуженным сионистом. Его имя нам ни о чём не говорило, однако о нём рассказывали столько удивительного, что и поверить трудно. Мы вольёмся в его группу, и тогда никто нас не отличит от вновь прибывших.

И вот Дгания, первая коммуна Страны. Нас встречает небольшая группа ребят. Впереди – высокий худой мужчина средних лет. Вытянутое лицо, длинный подбородок, огромные выразительные глаза. Весь он словно растянут по вертикали и от этого кажется ещё выше. На голове холщовая фуражка, левый рукав заправлен в карман куртки. В верхней части рукава угадывается култыга – руки нет. Ему тридцать пять. Перед нами Иосиф Трумпельдор.

Я не стану много писать о Трумпельдоре. Во-первых, о нём уже столько написано, что вряд ли можно добавить что-то новое⁸³. К тому же я не историк, а для того чтобы отделить правду о национальном герое еврейского народа от легенд, требуется очень серьёзное исследование. Во-вторых, я близко общался с ним всего одну неделю.

Сын кантониста⁸⁴, зубной врач из Ростова уходит в армию, служит фельдшером, добивается отправки на японский фронт, в Порт-Артур. Там снова хлопочет о переводе – на этот раз из лазарета на передовую. За спасение полкового знамени получает Георгиевский крест. А вскоре, во время ночной вылазки в тыл противника, рядом с ним взрывается граната. Левая рука раздроблена. Говорят, что не хватило морфия для наркоза, а Трумпельдор во время операции ещё и помогал советами не слишком опытному молодому врачу. Не знаю, возможно ли такое. Руку отняли выше локтя. Из госпиталя двадцатичетырёхлетний унтер-офицер пишет новое прошение. Ведь ноги целы, правая рука тоже цела. Почему бы не взять вместо винтовки пашку и револьвер? Положение в Порт-Артуре отчаянное. Просьбу Трумпельдора удовлетворяют, награждают его ещё одним Георгиевским крестом и дают ему под командование взвод. Их рота отличается в боях, сверху «спускают разнарядку» на несколько орденов, и полковое начальство выносит распределение наград на голосование: солдаты сами должны решить, кто достоин. За Трумпельдора голосуют почти единогласно.

Но Порт-Артур всё-таки сдан, Трумпельдор и его товарищи в японском плену. И вот здесь-то и разворачивается в полную силу его организаторский талант. Японцы, восхищённые мужеством защитников крепости, создают для них вполне сносные условия и расселяют в бараки по национальностям. Евреев среди них около двух тысяч. Трумпельдор безусловный лидер – сначала в еврейской общине, а затем и во всём лагере. По его инициативе открываются школа, сапожная мастерская, фотография, парикмахерская, касса взаимопомощи, библиотека и даже театр. Он мобилизует друзей на организацию курсов ликвидации неграмотности среди солдат, выпускает газету. Лагерь посещает японский император Муцухито и встречается с одним из лидеров русских военнопленных, о героизме которого уже наслышан. Император удивлён, что это всего

⁸³ См., напр., роман Александра Ласкина «Мой друг Трумпельдор» [16].

⁸⁴ О кантонистах см.: ч. 1, глава «Каникулы».

лишь фельдфебель: почему столь храброго солдата не произвели в офицеры? Что? В России евреям не присваивают офицерские звания? Странно... Он награждает Трумпельдора медалью за работу среди пленных и заказывает для него протез с надписью: «Подарок храброму в бою и справедливому в мирной жизни».

Обмен пленными. Перед отплытием Иосифу вручают пакет для передачи российскому командующему генералу Линевичу. Оказалось, в письме японский генерал просил командование русской армии отметить подвиг героя и его образцовые действия в плену. Трумпельдор получает четвёртую боевую награду, становится полным георгиевским кавалером. И вот уже другой император, Николай II, надевает на него офицерские погоны – в качестве исключения. За особые заслуги. Он третий по счёту еврейский офицер российской армии, не считая выкрестов, конечно. Николай даже предлагает ему продолжить образование в Военно-медицинской академии, куда евреи не допускались. Но Трумпельдор просит ему разрешить учиться на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета.

Кажется, что ему удавалось всё задуманное. Успешно учился, а когда исключили из университета за революционную работу, сдал экзамены экстерном и уехал в Страну.

Об этом и о многом другом рассказывают мне новые поселенцы Дгании. После ужина Трумпельдор усаживается на скамейке, что на площадке возле столовой, а мы устраиваемся вокруг него. Пока не все собрались, просто беседуем. О чём? Да обо всём. О сионизме, конечно, но также делимся впечатлениями дня, воспоминаниями и анекдотами. Спорим о людях, о политике, о войне, о том, каким путём идти, чтобы завоевать свою Страну. Наговорившись, распределяем работу на завтрашний день.

- Ерушалаим, завтра надо дальний конец поля вспахать.
- Ладно. А с кем?
- Со мной и поедешь.

Трумпельдор всегда подтянут, аккуратен, немногословен.

- Слушай, а кто ему шнурки завязывает? – спрашиваю я у Шимона, парнишки, который работает с Трумпельдором с первого дня.
- Как кто? Сам и завязывает.
- Одной рукой?
- Да он одной рукой управляется лучше, чем мы с тобой двумя!

Иосиф Трумпельдор. 1904

И вот мы с Трумпельдором едем в телеге, запряжённой парой мулов. Он правит, зажав вожжи подмышкой культёй левой руки. В правой у него кнут, и ею он тоже придерживает вожжи. Вдруг прямо над головой – вжик-вжик-вжик! Сработал инстинкт: я упал на дно телеги и тут – свист пули с противоположной стороны. Трумпельдор и ухом не повёл – продолжал так же невозмутимо править мулами. Потом слегка повернул ко мне голову:

– Не бойся! У каждой пули есть свой адрес.

– Может, оно и так, – говорю я, – но откуда ты знаешь, что пуля его прочитает правильно?

Мой спутник только усмехнулся.

Как выяснилось, мы угодили как раз между двумя группами арабов, затеявших перестрелку.

В эту минуту я понял (или мне показалось, что понял) природу героизма Трумпельдора. Вернувшись в кибуц, говорю ребятам:

– Говорите, Трумпельдор герой? Никакой он не герой.

И, взглянув на их изумлённые лица, добавляю:

– У него просто атрофировано чувство страха.

Действительно, герой – это тот, кто преодолевает страх, но отсутствие чувства страха у нашего старшего друга определялось, как я думаю, его врождёнными особенностями. (Что, конечно, несколько не умаляет его заслуг и подвигов.)

Через несколько дней мы покидали Дганию. Трумпельдор пожал каждому руку:

– Не забывайте нас, ребята! Может, ещё поработаем вместе.

Пройдя несколько шагов, я обернулся. Он, как всегда, спокойный, прямой, как пика, шёл по улице посёлка – навстречу новым подвигам, без которых не обходился ни один год его жизни. Он ещё будет сражаться в рядах британской армии в звании капитана, создаст Еврейский легион, поедет в революционную Россию, будет организовывать базы сионистов в Крыму и уплывёт оттуда с одним из последних пароходов. Он вернётся в Страну, организует новые отряды самообороны, и так до последнего подвига – героической обороны поселений Галилеи во время арабского восстания. А я всё думаю: неужели та, роковая пуля была предназначена именно ему, выходявшему из стольких переделок? Или она неверно прочитала адрес?

Учебник истории утверждает, что смертельно раненный Иосиф Трумпельдор просветлел лицом и произнёс: «Какое счастье умереть за родину!». Таковы будто были его последние слова. Это всегда казалось мне сомнительным, ведь Трумпельдор был бойцом и героем, а не мастером агитации. Настоящие герои красивых слов не любят. А что на самом деле мог сказать офицер российской армии, когда понял, что дело швах? Вот то-то. Мне кажется, я даже слышу этот возглас с растянутым первым «ё». А дешёвку с пышной предсмертной фразой и просветлённым ликом я бы оставил вралям-идеологам: они таковы всюду и во все времена⁸⁵.

⁸⁵ О последней фразе Трумпельдора говорил мне внук человека, присутствовавшего при его смерти. Того же мнения придерживается и А. Ласкин: «Есть легенда, что перед смертью Иосиф сказал: “Хорошо умереть за Израиль”. Хотите моё мнение? Не верю. Последние слова не бывают такими пафосными».

ПОДДАННЫЕ ВРАЖДЕБНОЙ ДЕРЖАВЫ

Война разгоралась, и росла подозрительность турецких властей, опасавшихся диверсий в тылу. Российские евреи оказались в разряде «подданных противника». Шесть тысяч евреев Яффо депортированы. Многие из них, в том числе Трумпельдор, переехали в Египет и временно осели в Александрии. Оттуда Трумпельдор и его друг, журналист и писатель Владимир Жаботинский, связываются с британским командованием, пытаются убедить англичан создать отдельный Еврейский легион, который будет сражаться на стороне Антанты. Британцы не отказывают, но и не торопятся с организацией еврейских частей.

Чтобы избежать высылки, надо принять турецкое подданство, а это означает призыв в турецкую армию. Мой отец схитрил: зарегистрировал меня в Тель-Авиве, при этом убавил мой возраст. Пока я свободен от призыва. Надолго ли?

Ужесточают наказание за незаконное ношение оружия: теперь за это смертная казнь. А как нам, поселенцам, обойтись без пистолетов и винтовок? Хотя бы против грабителей.

Спускаюсь как-то в вади – выскакивает из кустов лохматый грязный парень (видно, подстерегал меня) и просит по-арабски сигарету. Это обычный предлог, чтобы остановить прохожего, пугнуть и проверить, можно ли с него что-нибудь поиметь. Я ответил «не курю» и потянулся к кобуре. Он вполне удовлетворился моим ответом – исчез.

Элиягу поначалу воспринял турецкий запрет серьезно. Собираемся как-то в Порию – он настаивает, чтобы я оставил пистолет дома.

– Ты что, – говорю, – с ума сошёл? А нападут?

– Да ничего с нами не сделают! А вот если полиция зацапает – каюк! Хочешь идти с пистолетом – иди без меня.

Я прошёл в комнату, переложил пистолет в карман, повесил на бок пустую кобуру – и мы отправились... В Пории пробыли долго, возвращались уже в темноте. Брат шёл метра на три впереди, когда из зарослей кукурузы выскочили два араба и преградили нам дорогу. Вот тут-то я и выступил вперёд с направленным на них стволом пистолета.

– Эй, ты что, азизи? Мы просто мимо идём!

С той поры Элиягу уже не возражал против того, чтобы брать в дорогу оружие.

Были и грабители рангом повыше.

Я выехал пахать поле в восьми сотнях метров от мошава. Тихий весенний день. Иду себе за плугом, слышно только пение птиц. Внезапно топот копыт вдоль соседней борозды. Поднимаю глаза и вижу всадника-бедуина. Лицо прикрыто, поперёк седла винтовка. Расписные мешки висят под богатым седлом. Стало быть, он из племени Схар-аль-Рор, которое кочует по ту сторону Иордана. На меня почти не глядит. Через минуту появляются ещё двое важных всадников, осматриваются, удаляются. Свет дня словно померк для меня, омрачённый нехорошим предчувствием. Вскоре послышались крики: так пастухи созывают своих животных. А вслед за тем раздались выстрелы, и я увидел стадо верблюдов – его гнали прямо на меня те самые трое всадников. А до нашего поселения восемьсот метров. Поскорей распряг мулов, хлестнул, помчался в мошав и поднял тревогу.

Похитители верблюдов повернули в сторону Назарета. Скоро войдут в Явниэльскую долину, а дальше – вдоль вадии Пиджам и на ту сторону Иордана, ищи-свищи этих верблюдов!

Через несколько минут в поселении появляются два арабских всадника. Это наши соседи из бедуинского племени Араб-аль-Далейкия, что обитают на горе, по дороге на Порию. Они готовы пуститься в погоню за грабителями, а наши ребята уже бегут от участков и из домов. Всадники останавливаются.

– Эй! Помогите кто-нибудь стадо вернуть!

– Погодите минутку, мы сейчас! – отзывается великан Моше Трифон. – Кто ещё с нами?

Моше с Ионой и ещё двое поселенцев забегают домой, хватают оружие – и вот они уже скачут с арабами по дороге к Назарету.

Возвращаются часа через два, утомлённые.

– Ну как, догнали?

– А куда они денутся? Сперва развернулись: драться хотели, но сразу поняли, что лучше не связываться. Бросили стадо – и дёру.

Нас и раньше уважительно принимали в бедуинских шатрах на горе, а с той поры дружба с бедуинами этого племени стала особенно сердечной.

Здесь, как и в России, суровость законов смягчалась необязательностью их исполнения. Цви Надав, наш охранник, отзывает меня в сторону и говорит негромко со своим кавказским акцентом:

– Слушай, пистолет хочешь? Браунинг есть.

– Ух ты! А кто продаёт?
– Большой человек продаёт: губернатор. Шестьдесят франков⁸⁶.

– Где? Когда?

– Приготовишь надёжный тайник. Завтра в четыре подъезжай к Сараю. С другой стороны, сзади. С коня не слезай. Сразу спрячь и пока не доставай: скажу, когда будет можно.

Сараем называли резиденцию губернатора. Назавтра в назначенный час я уже был там поблизости. Появился Цви на своей Ациле, огляделся, сунул мне свёрток.

– Давай! И сразу спрячь.

Я уже знаю, что в подобных делах надо следить, чтобы не было «хвостов». Выехав из Тверии, поворачиваю коня и вглядываюсь в даль. На приличном расстоянии вижу двух всадников – скачут за мной. «Это вы меня-то хотите догнать?!» Страх нет – азарт. Пускаю коня в галоп и через пару сотен метров резко уожу в сторону, в заросли, и за ближний холм. В Мицпу въезжаю позднее и совсем с другой стороны. Надёжно прячу новый пистолет.

Достал его из тайника недели три спустя, когда страсти вокруг новых указов поулеглись и бдительность полиции ослабла. Ношение оружия становилось для нас привычным. Копаю как-то раз погреб на горе. Пистолет на плетёном шнурке, надетом на шею: так носят оружие наши охранники. Неожиданно возникает Ахмед Шамиш, тот самый сержант, что некоторое время назад вместе со своими солдатами имитировал служебное усердие после трагической стычки с арабами. С тех пор он несколько раз заезжал в Мицпу, и мне приходилось кормить его и его лошадь. Теперь-то я думаю, что он сочувствовал еврейским поселенцам, но тогда я струхнул, ведь чёрт его знает, как далеко простирается благосклонность турецкого полицейского.

Ахмед устался на кобуру:

– Это что?

– Пистолет, – ответил я, – вот погляди.

Вытащил оружие из кобуры, вынул магазин и протянул пистолет Ахмеду.

Он внимательно осмотрел браунинг.

⁸⁶ Французская валюта имела широкое хождение в провинции Сирия-Палестина. В частности, благодаря денежным поступлениям от Ротшильда и других европейских бизнесменов.

– Где взял?

– Купил у губернатора.

Ахмед подумал немного, вернул мне пистолет и ускакал.

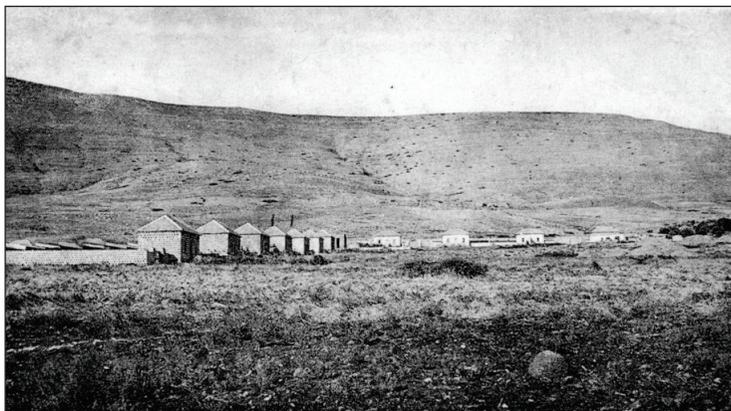
– Ма-а салем⁸⁷! – крикнул я ему вслед, и он махнул мне рукой.

⁸⁷ До свидания! (Турецк.)

ФЕРМА В БЕЙТ-ГАНЕ

Ветер Второй алии всё носил меня по Галилее. Элиягу нашёл работу в Бейт-Гане, и я поехал вслед за ним.

Посёлок основали в начале века, в то же время, что и Мицпу, Кинерет, Кфар-Тавор. Дела у тамошних поселенцев не ладились, урожаи были плохими, и народ разъехался. Посёлок несколько лет стоял заброшенным, потом о нём снова вспомнили, и на землях, выделенных Еврейским колонизационным обществом, поселились новые люди. Особенно развернулась семья Маклер. К выделенному им участку они сумели прикупить ещё один, получилась приличных размеров ферма. Да ведь и то сказать: пятеро детей в семье, из них три дочки; один из сыновей ещё подросток, а сам господин Маклер уже немолод, в поле работать не может. Кроме поля – ещё коровы, куры, огород. Всё это требует рук и хорошей организации. Два двора и два дома. В большом дворе дом просторный, с пристройками. В нём живёт семья. Ещё в этом дворе коровник, курятник, большая печь, весь инвентарь молочной фермы и кладовая. В малом дворе обычный крестьянский дом, в котором живут работники, хлев с шестью мулами, плуги, телеги, амбар для зерна.

Бейт-Ган перед Первой мировой войной

Работников было шестеро, и все молодцы, все мастера своего дела. Видно, умели Маклеры подбирать людей и делали это не так, как мой земляк, иркутчанин Левандовский. О нём я слышал ещё в детские годы. В нашем доме рассказывали, бывало, о богатом купце, который все сделки совершал за наличные. Сам не брал ничего

в кредит и другим в долг не давал, похлопывал себя по карману и приговаривал: «Что моё, то моё!». Он делал поставки для русской армии, а в один прекрасный день наострил лыжи и оказался в Стране. Купил большую ферму в Гедере. Хозяйство обширное и разнообразное, а сыновей не было, и он опекал зятьёв, как родных детей. Был он незлобив, энергичен, деловит. Бывало, придёт к нему кто-нибудь наниматься на работу – Левандовский первым делом сажает его за стол и говорит жене на идише:

– Дава, дай ему поесть!

Если работник ел с аппетитом, как следует, – брал его на работу. А если тот поклёвывал, как птичка, – выпроваживал, говоря:

– Ты, видать, и работаешь, как ешь. Мне такие не нужны.

Госпожа Маклер – прилежная хозяйка. Ей помогают три дочери: Соня, Хана и Сара. Две из них почти одновременно вышли замуж.

Глядя на дочерей Маклера и их мужей, я вспоминал услышанную когда-то от Штерны скороговорку:

Жили-были три японца:

Як, Як-Цидрак, Як-Цидрак-Цидрон-Цидрони.

Жили были три японки:

Цыпа, Цыпа-Дрипа, Цыпа-Дрипа-Дримпомпони.

Вот они переженились:

Як на Цыпе, Як-Цидрак на Цыпе-Дрипе,

Як-Цидрак-Цидрон-Цидрони на Цыпе-Дрипе-Дримпомпони...

Да, умел господин Маклер подбирать работников. Соня вышла замуж за Ицхака, Хана – за Пинхаса. Возможно, мой брат Элиягу предназначался Саре, только что-то у них не сложилось. Сам Элиягу не торопился обзаводиться семьёй и женился только через пару лет после войны.

Госпожу Маклер мы считали страшной скрягой. Теперь, по прошествии многих лет, я её понимаю: идёт война – как прокормить такую ватагу здоровых и много работающих парней и девушек без маленьких хитростей? Хлеб пекли каждый день и закладывали в ларь сверху, а дверца была внизу. Так что на стол попадали «пожилые» буханки, выпеченные три, а то и четыре дня назад. А подчерствешего хлеба уходит вдвое меньше, чем свежего! Изобретательный Элиягу нашёл способ кормить нас свежим хлебом.

Благодаря своей находчивости в решении разных мелких проблем он стал другом всей семьи и часто помогал девушкам на кухне, познавая кулинарные хитрости. Все ели за одним столом. Обычно хозяева садились с одного конца, работники – с другого. Иногда Элиягу успевал подменить нашу буханку свежей – вынутой из верхней части короба. А если это не удавалось, то он ничтоже сумняшеся менял местами нашу и хозяйскую буханки: знал, что Маклеры частенько себе свеженькую подкладывают. Хозяева, конечно, сразу же обнаруживали подмену, но не возмущались и спокойно продолжали трапезу. А ещё Элиягу разведывал, когда хозяева собирались поставить на свою половину стола что-нибудь повкуснее. Тогда он подавал нам сигнал рассредоточиться, и мы, работники, рассаживались с обоих концов стола. Одной половине удавалось полакомиться, а другая внедрялась в хозяйскую часть стола в следующий раз.

Молочные продукты тоже готовили ежедневно. Молока хватало, ведь продавать его было почти некому. Вечером, закончив дойку, девушки вносили в кухню полные вкусно пахнущие подойники. Начиналось приготовление сливок с помощью нового устройства: сепаратора. Элиягу или кто-нибудь из девушек бойко крутит ручку. Устройство жужжит, а если крутить достаточно быстро, то и поёт. Из одной трубки льются простынно-белые сливки, из другой – светло-жёлтая сыворотка. Потом из сливок сбивали нежное ароматное масло и разливали его по формам размером с кирпич. Делали творог и особый «сухой сыр», который мог храниться много дней. Не было ведь ни льда, ни, тем более, холодильников. Единственным средством охлаждения оставались постоянные галилейские ветры. Замечательно, что культура приготовления молочных продуктов сохранилась до наших дней. Нынешние знаменитые израильские йогурты, сливки, творожки и сыры – они ведь не вдруг возникли.

Как-то во время жатвы Элиягу меня попросил:

– Если попадутся длинные соломины без узлов – тащи мне, только ровные и чистые.

Шут его знает, что ещё замыслил мой находчивый братец! (О коктейлях я не подумал по той причине, что мы о них и не слышали.) Принёс я ему десятка три ровных и длинных соломин, и как-то вечером, заглянув на кухню, понял, для чего они понадобились брату. В бидоне после приготовления сливок оставалось парное молоко, которое ставили на примус и кипятили. Элиягу всегда вызывался следить, чтобы молоко не убежало. Стоит, бывало, на пороге

кухни и судачит с нами, то и дело вертя головой. А из бидона торчит соломина длиной, наверно, в метр. Но случилось то, что должно было случиться. Однажды молоко поставили на примус раньше обычного, и Элиягу просчитался: не заметил, что оно уже вот-вот закипит, и потянул со свистом. Потом сутки ел одну простоквашу, как я после холерины. Думаете, оставил свои проделки? Ничуть не бывало. Стал осторожней, но продолжал подносить сюрпризы.

Вот сели хозяева завтракать пораньше, вместе с работниками. Кирпичик масла лежит на большой тарелке. Но как только госпожа Маклер погружает в него нож, кирпичик оседает и сплющивается. Подивилась хозяйка, пожалала плечами, принесла ещё масла. Я сразу понял, что здесь без Элиягу не обошлось. В поле за обедом стали мы нарезать хлеб и обнаружили в мякише одной из буханок дыру, а в ней – порядочный шматок масла. Это Элиягу заранее вырезал из кирпичика изрядный кусок и засунул его в одну из приготовленных буханок, масло же перевернул, и незаметно было, что кирпичик внутри полый.

Скучно было в Бейт-Гане. Летом-то, в дни страды, скучать некогда, а в межсезонье, когда работы меньше, только изредка жизнь оживлялась. Вот пастушья бригада пожаловала в Явниель, по соседству. Я уже говорил о главной задаче сионистов в ту пору: надо было вовлечь вновь прибывших в такую работу, которую традиционно выполняли арабы. Только так, став самостоятельным, еврейский ишув сможет перерасти в государство. Вот еврейские парни и девушки и решили пасти скот. Рано поутру выходили со стадом, а возвращались к вечеру. Издалека слышалось сытое мычание коров, идущих домой. Коровы знали дворы своих хозяев, пастухам не надо было об этом заботиться: стадо двигалось по деревне и постепенно редело.

Бригадиром пастухов был Иосиф Харит. Я удивлялся тому, как схожи наши с ним истории. На год с лишним старше меня, а выглядит почти подростком. Как и я, из семьи убеждённых сионистов. Родился недалеко от Ковно и учился в этом городе почти в одно время со мной, да и в Страну мы приехали чуть ли не одновременно. Судьба потом часто сводила нас. Года через три встретились в Еврейском легионе как старые приятели, словно и не было тех трёх лет. Да и позднее приходилось встречаться по делам и даже снова вместе воевать⁸⁸.

⁸⁸ См. в продолжении.

Появление бригады внесло оживление в наш скучный быт. Явниель был в трёх километрах от нас. Накануне субботы пастухи вместе с явниельскими ребятами приходили к нам и устраивали вечеринку с танцами. Мы до самого рассвета отплясывали хору⁸⁹, польку и краковяк, после нескольких часов пляски отжимали пропитанные потом рубашки – и продолжали.

А вот ещё событие (по крайней мере, для мужской части коллектива): приезд Бат-Шевы, племянницы нашего соседа Харлафа. У нас в посёлке, кроме Сары Маклер, девушек не было. Бат-Шева – настоящая иерусалимская скромница, всё как положено: кудряшки надо лбом, большие чёрные глаза, смотрит застенчиво, добрая улыбка, которой она одаривала каждого, никого не выделяя. Теперь чуть не каждый вечер мы, молодые парни Бейт-Гана, пропадали у Харлафов. Вели себя пристойно: болтали, пели, притом что каждый, конечно же, хотел покрасоваться перед девушкой. В один из таких вечеров к нам присоединился наш работодатель, пожилой Маклер. Пришёл разузнать, чем мы занимаемся так поздно, и, похоже, сам засмотрелся на Бат-Шеву. Оживился, разболтался, как будто вина выпил, и завладел разговором. Вспоминал молодость, свой городок в Белоруссии, забавные случаи из жизни. «Старый хрыч! – думал я. – Ишь каким павлином ходит! Даже физиономия порозовела». Постепенно гости разошлись, рядом с Бат-Шевой остались только я да Маклер. «А вот фигушки! Не уйду!» – решил я в сердцах. В полночь Маклер поднялся, хмуро бросил мне: «Тебя не пересидишь!» – и отправился домой. Я ликовал, но Бат-Шева явно хотела спать. Я чувствовал, что для душевных разговоров сейчас не время, да и кто я для неё? Поболтали с полчаса о том о сём, и я должен был распрощаться с очаровательной собеседницей. Ворота фермы оказались запертыми. Вот ты как, старый Маклер! Перемахнул через забор. Проходя мимо хозяйского дома услышал, как старший сын Маклеров, Шимон, говорит кому-то:

– Ерушалаим всё ещё не вернулся. Теперь не выспится, а завтра в поле напортачит. Ну я ему задам!

Не дал я ему этого повода: утром вовремя вышел в поле и работал как обычно.

⁸⁹ Хора – народный круговой танец балканского происхождения, широко распространившийся среди евреев Восточной Европы.

МЕНЯ ОХРАНЯЕТ ЦВИ

Отношения с окрестными бедуинами у нас не очень ладились. Причин для раздоров хватало, и главными были, конечно, земля и вода. Еврейское колонизационное общество активно покупало у турок земли вокруг Кинерета. Бедуинам, конечно, трудно было смириться с тем, что земля, по которой они свободно кочевали много лет, теперь кому-то принадлежит. То же и с водой. Поселенцам надо было поливать огороды, поить рабочий скот. Помню настоящую битву возле явниельских родников. Бедуины пришли уже готовые к драке и пригнали на водопой много овец. Пока стадо пило, явниельцы старались урезонить пастухов, пытаюсь втолковать, что земля куплена вместе с родниками, что воды не хватает им самим. Поднялся шум. Крики были слышны с нашей стороны, на полях Бейт-Гана, – и мы ринулись на помощь. Когда подоспели, драка была в разгаре. Арабы начали пускать в ход приготовленные заранее дубинки. Кое-кто из наших хватал колья. Мы влетели в толпу дерущихся, и это решило исход дела. Противник отступил, а мы занялись зализыванием ран, то есть умыванием расквашенных носов и побитых физиономий.

Ещё одна такая драка случилась, когда мы распахивали недавно купленное большое поле. Понимали, что хозяйствовать мирно вряд ли получится: объявили «всеобщую мобилизацию» для пахоты и для охраны. Выехали в поле с двадцатью парами мулов. Палками запаслись, притом получили строгое указание не ввязываться в драку без крайней необходимости, а вспахать как можно больше, сколько получится. Пашем час-другой – и тут видим приближение вражеской армии. Их тоже много: конные и пешие, вооружены длинными дубинками. Наша охрана приготовилась к бою. А мы, пахари, работаем как ни в чём не бывало. И началось. Вначале, как водится, перебранка – громче и громче. Вот переходят к делу. Гарцуют всадники, пытаются лупить пеших, сталкиваются конные. Дерутся уже над нашими головами. Тут Элиягу не выдерживает:

– Ребята! Хватай палки!

Пахари – два с половиной десятка крепких парней – вступают в драку. Враг отходит...

В тот день мы вспахали почти всё поле, остался небольшой участок – я с ним за день справлюсь.

На следующее утро выезжаю один. Тихо лежит пашня, ровно дышат мулы. Иду за плугом, глядя, как отваливается и ложится

сбоку от лемеха толстая стружка тёмно-коричневой земли. Как это часто бывает, я недооценил объём работы, но не ехать же завтра в такую даль из-за одного-двух часов пахоты. В полдень присел, закурил чем бог послал, отдохнул немного – и подстегнул мулов. Браунинг на боку в кобуре, винтовка висит на хомуте мула. Чего мне бояться? Иду наперегонки с солнцем, но оно вышло победителем и скоро укатилось за гребни гор. Сумерки в Галилее долгие, однако свет постепенно меркнет. Передо мною высокий холм, внизу широкая ложбина, на другой её стороне арабы. Снимаю с мула винтовку и вешаю её на плечо: в темноте могут незаметно подкрасться.

**Бедуинка
в национальной одежде**

И тут из-за холма вылетает всадник с криком «Андак и валад!» (Примерно соответствует нашему «Жизнь или кошелёк!») Выхватываю браунинг и засылаю патрон в ствол.

– Ерушалаим, не стреляй! Это я!

– Цви?! Ты откуда здесь?

Да, Цви Надав собственной персоной. Подскакал и не слезая с коня бранится:

– Дрянной мальчишка! Сколько ты ещё собираешься здесь торчать? Я битых полтора часа тебя стерегу.

Я уже оправился от испуга.

– Но как ты оказался в Бейт-Гане?

– Надо же стеречь таких, как ты. Буду теперь с вашими охранниками работать. Ха-Шомер – везде, понял?

– Ну дай хоть закончить участок! Не тащиться же мне сюда завтра.

– Ладно, только давай живо.

Я пахал ещё с полчаса и вернулся в посёлок, сопровождаемый заботливым Цви.

Кончается осень, работы стало куда меньше. Надо бы навестить Цвию в Мицпе, я её так давно не видел! Только путь неблиз-

кий, идти одному туда и обратно, да ещё, того гляди, под дождём.

– Ерушалаим, ты говорил, в Мицпу хочешь сбежать? Я завтра туда иду.

– Так пошли вместе!

– Вот и я о том, – отзывается Цви. – У нас собрание Ха-Шомер.

Шагаем вдоль пологих холмов, мимо выкошенных, колючих лугов и сжатых серых полей. Какой дождь: жарко, как летом не часто бывает! Взобрались на гору, в Порию, сворачиваем к Мицпе. Вот и стоянка наших друзей-бедуинов из племени Аль-Далейкия. Это им мы когда-то помогли вернуть угнанное верблюжье стадо.

– Пить хочешь? – спрашивает Цви.

– Ещё как.

Цви повернул к шатру. Две светло-рыжие замурзанные ханаанские собаки выскочили из тени палатки и побежали к нам. Остановились рядом и, видимо, убедившись, что мы не представляем опасности, отошли в сторону и прилегли на песке, воздев загнутые хвосты и внимательно за нами приглядывая.

Вышла молодая бедуинка в тёмно-серой джалабии⁹⁰ и плотном головном платке, косы до пояса, серебряные монисты позвякивают на шее.

– Вам воды или молока?

– Молока, – попросил Цви.

Девушка подняла бурдюк из козьей шкуры и налила ему в жестяную кружку. Я заглянул – изумился: чёрное молоко! Но тут же понял, что это кишмя кишат в молоке малюсенькие тёмные мошки. Цви спокойно выпил.

– А мне воды.

Господи, и в воде та же чёрная живность!

– Ой, налей лучше молока!

Цедя сквозь зубы, через силу делаю пару глотков. Цви хохочет:

– Ишь ты, какой аристократ!

С тех пор и до сего дня я стараюсь не пить и не есть в бедуинских шатрах.

⁹⁰ Джалабия – арабское одеяние, род длинной свободной рубашки или платья.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Война была ещё далеко от нас, но всё чаще то в одно, то в другое поселение входили турецкие солдаты, требовали еды для себя и корма для лошадей и забирали всё, что приглянется. Если староста отказывался выполнять их требования, его избивали до смерти, поэтому старались как-нибудь сторговаться. Требуют трёх мулов – с трудом находят двух, запрашивают корм – находят немного овса, остальное дают сеном. Но когда туркам нужны люди для военного строительства, тут уж не отвертись. В тот год, когда прокладывали шоссе от Дамаска до Беэр-Шевы, мне пришлось трижды побывать на шукре (принудительных работах). В Бейт-Гане взяли шесть пар мулов с телегой и возчиком на каждую пару. Потом заявили к нам на ферму и забрали две пары мулов и меня с Элиягу.

Работа тяжёлая. Весь длинный и жаркий день мы, подобно египетским рабам, возили к шоссе камень из каменоломен, которые были в горах. Сотни феллахов – жителей окрестных деревень – дробили их в щебень. Им приходилось ещё тяжелее, чем нам. Вместо платы – побои. (Надзирали за работавшими младшие офицеры турецкой армии.) Обеденный перерыв у феллахов был очень коротким. Нам хотя бы позволяли отдохнуть, пока отдыхают наши мулы. Питались мы тем, что прихватили с фермы. По крайней мере, не той баландой, которой кормили феллахов. Мы даже «прикормили» нашего прораба по имени Парахат. Тыловые солдаты питались ненамного лучше, чем рабочие, довольствие их было мизерным. Если бы мы не делили с Парахатом своих скудных трапез, он страдал бы от голода. Но мы были для него источником не только пропитания, но и гордости: мы с нашими мулами перевозили куда больше камня, чем арабские погонщики ослов. (Их забирали на работу вместе с ишаками). По субботам мы не работали: турки уважали нашу религию. А вот несчастных феллахов заставляли вкалывать и в мусульманскую пятницу.

Так прошла одна неделя, заканчивалась вторая.

– Ну что, – спрашивает Элиягу, – удержим завтра?

– А не пристрелят?

– Думаешь, это им надо? Они ещё работников наберут.

Вещей у нас было немного. В субботу, с утра пораньше, упаковали их, сложили в свои телеги и отправились к водопою, немно-

го обгоняя остальных. По влажной от дождя дороге растянулась цепочка погонщиков с ишаками и мулами. Парахат и охранники следуют рядом. Они должны оставаться у водооя, пока не будет напоён скот, а затем проследить, чтобы все вернулись на места. Мы и возвращаемся: по той же дороге идём назад, но через две сотни метров сворачиваем в придорожные кусты и быстро распрягаем мулов. На одного – тюк с вещами, на второго вскакиваю сам – и вперёд. Точнее, в сторону, прочь от этой чёртовой стройки. То же самое проделывает Элиягу. Телеги пусть здесь остаются, потом заберём. Некогда оглядываться и проверять, не гонятся ли за нами. Выстрелов не слышно – и ладно. Через два часа мы уже дома.

Но прошёл месяц, и к нам снова нагрянули турецкие военные. На этот раз не какие-нибудь нижние чины, а офицеры в высоких званиях.

Тут самое время сказать о Джемаль-паше. Был он настоящим политиком и, как и полагается восточному лидеру, хитрым интриганом, бессовестным и жестоким. С 90-х годов девятнадцатого века он занимал высокие посты в турецкой военной администрации, при этом прекрасно чувствовал, куда ветер дует, и примкнул к тайной организации младотурок. В 1909 году младотурки свергли султана Абдул-Хамида, и Джемаль оказался во властной верхушке. Когда дело пошло к большой войне, он начал ратовать за союз с Францией. Соратники его не послушались – и зря, между прочим! Пришлось ему уступить, а вскоре вся власть в Османской империи перешла к «триумвирату пашей»: Энвер-паше, Талаат-паше и Джемаль-паше. Все трое были отменно усаты, деспотичны и беспринципны. С началом войны Джемаль стал администратором провинции Сирия и командующим фронтом, от него зависела жизнь каждого человека в Сирии и Палестине. Военачальником он был неважным, его наступление на Суэц провалилось, зато когда дело касалось расправ с населением, он пощады не знал. Смертные приговоры выносились направо и налево, была уничтожена большая часть сирийской интеллигенции. Джемаль-паша – один из главных организаторов геноцида армян, участвовал в массовых убийствах арабов, которые прозвали его Ас-Саффах, кровавый мясник. В семнадцатом году, после того как англичане разбили его армию, Джемаль спешно вернулся в Стамбул и в Палестину больше не совался.

**Ахмед Джемаль-паша,
администратоор Сирии
(1872 – 1922)**

Правосудие свершилось. 1922

Все три диктатора кончили бесславно. После поражения в войне они бежали из Турции. В июле 1919 года все трое были заочно приговорены к смертной казни турецким трибуналом. Приговор помогли привести в исполнение армянские активисты. Талаат-паша окопался в Берлине, где был застрелен в 1921 году. Берлинский суд оправдал исполнителя приговора. Энвер-паша и Джемаль-паша решили укрыться под крылом Москвы. Энвер стал полпредом большевистского правительства в Бухаре. Но находиться на вторых ролях ему не хотелось – и он перешёл к басмачам, у которых рассчитывал занять самое высокое положение. Не получилось. В 1922 году Энвер погиб в бою с отрядами Красной армии. Джемаль сделался большевиком и даже пышно отпраздновал в Москве своё пятидесятилетие в кругу членов ЦК и чекистов высокого ранга. А потом отправился в Тифлис, где был застрелен участниками операции по исполнению приговора. Исполнителей не нашли, и они дожили до... 1937 года.

Но всё это будет потом.

...Завидя турецких офицеров, народ попрятался по домам, я тоже скрылся в доме, но меня заметили. Даже стучаться не стали. Дверь резко отворилась, хозяйской походкой вошли двое. Они пристально оглядели нас, четверых работников. Мы тоже внимательно их рассматривали. На одном погоны каймакама, полковника. За ним стоит юзбаши, капитан. Ого, важные птицы! Каймакам прищурился и, встретившись со мной взглядом, мотнул головой. Юзбаши кивнул и сказал мне по-турецки:

– Бери двух мулов, упряжь и верёвки. Пойдёшь с нами.

Потом ткнул пальцем в сидевшего рядом со мной Марка Грозмана:

– И ты пойдёшь.

Взяв мулов, мы пошли за ними к дороге. Ещё издали увидели автомобиль, что стоял, наклонившись вперёд, в колдобину, и упершись колёсами в нашу галилейскую грязь. Видимо, высокие чины переоценили проходимость галилейских осенних дорог. С заднего сиденья слез насупленный бородач в кителе, со стеклом в руке. Невысокий, сутулый, на кителе погоны золотого шитья, на голове каракулевая феска. Красивое лицо, концы острых загнутых кверху усов торчат, как кинжалы. Стоит, похлопывает стеклом по высокому сапогу. Я тут же узнал его по портретам в турецких лавках.

Мы бросились впрягать мулов в автомобиль. Джемаль-паша

стоял в стороне, равнодушно поглядывая на нас. Один раз, когда он повернул к нам лицо, я поразился его несколько романтическому выражению: он словно задумался о чём-то далёком и недоступном нашему пониманию. Это удивлённо-нежное, юное выражение больше пристало бы поэту.

Я подхлестнул мулов. Автомобиль чавкнул в грязи и не спеша выкатился на ровный и относительно сухой участок дороги. Подхожу к машине, распутываю верёвку. Интересно, скажет ли Джамаль спасибо или так, с непроницаемым лицом, и сядет в авто? Вот он приблизился, а я ещё вожусь с узлами. И тут на мою спину падает удар стека: командующий фронтом разгневан.

– Сколько ты ещё будешь возиться, дурак!

От прежнего романтического выражения на лице ни следа: глаза выпучены, рот искривлён. Снова замахивается, но опускает стек, потому что верёвка наконец освобождена и соскальзывает с передка машины. Джамаль поворачивается ко мне спиной и садится. Выскочил шофёр, крутанул ручку, опять влез на сиденье – и высвобожденный из объятий галилейской дороги экипаж укатил⁹¹.

⁹¹ В апреле 2010 года в Тбилиси на одном из зданий установили памятную доску «кровавому мяснику», но две недели спустя доска была снята под давлением армянской общественности.

ВТОРОЙ ВОЕННЫЙ ГОД

Меня потом ещё один раз забирали на шукру – возить дрова для паровозов. Турки рубили на дрова даже тысячелетние оливы. Мы ложились спать рядом с мулами в арабских мазанках. Только сильная усталость позволяла не обращать внимания на укусы блох, которые поедали нас с большим аппетитом. А тут как назло у меня страшно разболелись зубы. Даже болеутоляющих таблеток взять негде. Промучившись день и две ночи, я оставил мулов своему напарнику и пешком отправился в Хайфу, за пятнадцать километров. Ребята подсказали, в какую зубную клинику лучше всего обратиться.

Просидев с полчаса в маленькой приёмной, где не было ничего, кроме нескольких стульев, я вошёл в кабинет. Мне улыбнулась худенькая большеглазая женщина. Так часто бывает: заходишь к врачу – и боль тут же проходит, даже неловко: и с чего припёрся?

– Ну-ка посмотри, что там у тебя, – говорит она по-русски.

Устрашающее жужжание бормашины – и ловкие, ласковые руки. Женщину звали Мина Вейцман, и я уже немного слышал о её брате, Хаиме Вейцмане, который был известным профессором в Великобритании. Кто мог тогда знать, что он станет организатором производства ацетона для новых видов взрывчатых веществ и тем самым сыграет важную роль в победе Антанты в Первой мировой войне! И как раз в те месяцы в его квартире живёт один из лидеров сионизма Владимир Жаботинский, и Вейцман, используя своё влияние в британском правительстве, помогает ему в создании еврейских военных частей. Мог ли я знать, что брат этой женщины станет первым президентом государства Израиль и добьётся его признания мировыми державами!

– Ну вот. Два часа не есть, да и то: когда ещё до своего места доберёшься!

– Сколько я должен?

– Нисколько не должен. Иди и не болей больше.

Мы в Галилее собрали в тот год хороший урожай. А вот Тель-Авив к исходу зимы остался без хлеба, люди там голодали. Глава тель-авивского поселкового совета Меир Дизенгоф обратился к руководству ишува с просьбой о помощи. (Когда Тель-Авив получит статус города, Меир станет его первым мэром.)

Установили продрозвёрстку: каждое хозяйство должно было сдать часть своего зерна. Мы, молодёжь, в этом не участвовали, зато понадобились, когда надо было отвозить хлеб.

Путь до Тель-Авива неблизкий и небезопасный, добираться на подводах два дня, с ночёвкой, а еврейских поселений по дороге практически нет. Поэтому будем ездить не поодиночке, а караванами. В пятницу приготовили телеги, и поселенцы загрузили их пшеницей: каждое хозяйство – свою норму. Заготовили фураж для скота на неделю, сами запаслись недельным рационом. Воду – набирать по дороге, из родников, где они есть.

В воскресенье с рассветом крестьяне из Мицпы со своими подводами прибывают в Кинерет, оттуда берут курс на Мерхавию. По дороге к ним присоединяются жители Пории, Явниеля, Бейт-Гана, Кфар-Тавора. Караван удлиняется, растягивается череда телег. В каждой подводе сидят двое возчиков, а мы шагаем рядом. Подолгу отдыхать некогда: вздремнёшь полчасика на остановке – и вперёд, под скрип тележных колёс. Едим и пьём на ходу, а вот с тем чтобы облегчиться, сложнее: ждать не будут. Элиягу, хитроумный, как Одиссей, находит решение: раздобыл пилу, кусок доски, сделал с краю вырез, ведро под доской – и всё это приспособил на задней телеге. Вот вам все удобства на ходу.

Отдыхаем несколько часов в Мерхавии, а потом, через Дженин и Калькилию, двигаемся в сторону моря, на Петах-Тикву. В караване уже семьдесят подвод. Труднее всего приходится на горной дороге в районе Шхема. Мулы не справляются. Впрягаем в каждую подводу дополнительную пару и проводим их по одной через перевал. Дальше уже легче. Всё чаще попадаются еврейские поселения, и наконец въезжаем в Петах-Тикву, самый большой еврейский посёлок в этих местах. Приехали. Отсюда до Тель-Авива рукой подать. Дальше зерно будут развозить и распределять местные жители. Разгружаемся и отдыхаем целые сутки. Возвращаемся домой, а через несколько дней снова в дорогу, а потом ещё и ещё, и так больше месяца.

Из первых двух поездок мы возвращались налегке, но тут как раз созрели апельсины в пардесах⁹² Гуш-Дана⁹³. Апельсины

⁹² Пардес – апельсиновая роща.

⁹³ Гуш-Дан – центральная часть Израиля, прилегающая к морю. Согласно Библии, некогда была выделена колону Дана.

из Яффо – ноздреватые, тонкокорые, крупные. Молодец тот парень, который договорился с тель-авивцами о бартере! Сейчас это кажется странным, но галилейцы в ту пору апельсинов почти не видели: трудно подвозить из приморских районов. Доверху загружаем подводы ароматными упругими мячиками. Путь наш до Кинерета устан апельсиновыми корками. На иврите этот дивный фрукт называется тапуах-захав – «золотое яблоко». Лет десять спустя мне пришло в голову, что это название можно сократить, следуя правилам языка: придумал забавное слово «тапуз». Сказал об этом своему другу, известному поэту Александру Пэнну. Тот засмеялся, слово ему понравилось, и, видимо, с его лёгкой руки оно пошло в народ, вытеснив старое название, о котором вспоминают нечасто.

Вот и последний рейс. Измотали меня эти поездки! Оставляю мулов ребятам в Петах-Тикве и шагаю в Тель-Авив к родителям. Я их давно не видел. Стучусь среди ночи. Они, конечно, очень рады, мама тут же собирает на стол. Заваливаюсь спать и просыпаюсь лишь во втором часу дня. Пробуждаюсь не сразу, слышу сперва шаги матери и звяканье посуды в пристройке, которая служит кухней. Нехотя открываю глаза... Что за притча? Рядом с кроватью сидит красивая девушка моих лет. Смотрит на меня и смеётся.

– Наконец-то! Сколько можно спать?

– Привет! А ты кто?

– Меня зовут Эстер. Я твоя троюродная племянница, внучка твоего дяди Менахема. Я иногда к твоим захожу. Ну вставай, хватит валяться!

Отходит, чтобы я мог встать и одеться.

Мама уже приготовила вкусный обед, даже штрудель испекла. Хорошо дома! И почему я не знал об этих дальних родственниках? Хотя... Неужели в самом деле не знал? Почему-то мне кажется, что мы с Эстер знакомы не полчаса, а лет десять по крайней мере. Сидим за столом, болтаем, судачим о том, как быстро меняется их посёлок: он уже становится настоящим городом.

– Хочешь, покажу тебе Тель-Авив? – спрашивает Эстер перед уходом. – Наверняка не узнаешь.

Вечером мы бродим с ней вдоль свежесажённых деревьев, мимо аккуратных домиков и строящихся зданий. В кафейне пьём крепкий турецкий кофе, закусываем пирожными. Уже и фонари вдоль улиц горят, уже и скверы появились!..

Я узнаю, что Эстер сирота. Она живёт у бабушки и дедушки, который приходится моему отцу двоюродным братом.

На следующий день не без сожаления уезжаю в свою галилейскую глушь: мне уже хочется жить в этом городе.

НЕУДАВШИЙСЯ РОМАН

При всём при том я, конечно, люблю Галилею. Там всё немного не так, как в Гуш-Дане или Иерусалиме, особенно климат. Вот, например, все знают про хамсины. Это настоящий бич Израиля. Изнуряющий знойный ветер, что приходит с юго-запада вскоре после равноденствия и продолжается, как говорят, пятьдесят дней. Само слово и означает по-арабски «пятьдесят». Парадоксально, что этот ветер приносит нам, израильтянам, безветрие. Застыл без движения раскалённый воздух – и никуда не деться от этой всепроникающей жары. Но только галилеяне знакомы с холодным западным ветром (опять же с арабским названием: шаракия), что иногда приходит зимой. Пальцы коченеют на этом ветру, трудно держать в руках вожжи.

Косьба. (В центре – Е. Сегал)

И к дождям здесь отношение особое. Что, по-вашему, хуже: затяжной мелкий дождь или ливень? И я отвечу: мелкий дождь много хуже. Под ливнем в Галилее можно спокойно ездить на телеге. Да, грязи много, но она очень мягкая из-за обилия воды, и колёса её легко разрезают. Если же в дороге вас застал мелкий дождь, грунт превращается в клейкую массу, которая всё больше налипает на колёса при каждом их обороте, и в конце концов мулам уже не под силу тащить телегу.

Я про дожди не зря вспомнил: мне от них крепко доставалось, потому что той зимой мне месяца два приходилось еженедельно ездить в Мерхавию. Хозяйство моих нанимателей Маклеров раз-

расталось, они взяли в аренду ферму того самого Блюменфельда, который уехал сражаться за кайзеровскую Германию. Недвижимость германского патриота турки не трогали. Вот я и таскался из Бейт-Гана в Мерхавию и обратно – пять часов в каждую сторону. Уезжал обычно на исходе субботы, а в пятницу возвращался за припасами и оборудованием. Выедешь, бывало, из Мерхавии после обеда, а тут зарядит мелкий дождь. Приходится ночевать в пути и ждать, пока он не усилится или пока земля не подсохнет немного. Если донимала жажда, не оставалось ничего иного, как пить дождевую воду из ямки, оставленной копытом мула. Я процеживал эту воду через носовой платок.

Добавьте ещё постоянную опасность нападений на одинокого путника. Когда я собирался в Мерхавию первый раз, Шимон Ма-клер, старший из сыновей хозяина, осведомился:

– Оружие у тебя есть?

Я с гордостью показал свой браунинг.

– Спрячь ты эту игрушку – вот тебе маузер.

Он дал мне пистолет и патроны. А я к тому же наган свой прихватил на всякий случай и патроны к нему, словом, вооружился до зубов.

Ближе к полуночи я уже миновал бóльшую часть пути и оказался возле арабской деревни Аин-Дор. Ночь была ясная, светил молодой месяц. Под монотонный скрип колёс я задремал и пробудился оттого, что моя повозка резко остановилась. Неизвестный в длинном балахоне-кандуре торопливо выпрягал одного из моих мулов.

– Эй, кто здесь? – закричал я по-арабски и дослал патрон в ствол маузера. Человек тут же скрылся.

Приехав глубокой ночью в Мерхавию, я первым делом принялся извлекать из ствола маузера патрон. Не вынимается, что за чертовщина? Провозившись минут десять, всё-таки вытащил, и тут всё понял: то был патрон от нагана. Перепутал. Хорошо, что не нажал на спуск: мог бы и без руки остаться.

На следующий вечер, закончив дела на ферме, иду повидаться со старыми приятелями из посёлка. Тут и Мозес, что из робкого греческого паренька превратился в загорелого сильного парня, – теперь он член правления; и решительная, вездесущая Рина; и Мирька Шохат, младший брат Исраэля Шохата, основателя организации Ха-Шомер.

Мы с Мирькой идём в сторону фермы Блюменфельда. Ах, какая картина: у забора стоит смиренная с виду гнедая кобылка, на которую пытается вскочить худенькая миловидная девушка. Каждый раз, когда она заносит ногу, кобылка немного отходит, нипочём не пуская наездницу в седло. Выглядят эти упражнения уморительно, мы оба хохочем. Девушка оборачивается.

– Чего смеётесь? Помогли бы лучше.

Подходим поближе.

– Привет, Рахель! – говорит Мирька.

Рахель отвечает: «Привет!». Она сдувает со вспотевшего лба прядь каштановых волос. Я придерживаю лошадь, и девушка наконец плюхается в седло.

– Спасибо!

Усмирённая кобылка послушно двинулась вперёд. Рахель, хоть и видно, что начинающая, твёрдо удерживается в седле. Ну и слава богу.

Мирька сообщает мне, что фамилия девушки Шварц и что её родители снимают второй этаж в доме Блюменфельда, приехали на время из голодного Тель-Авива. Рахель года два назад закончила гимназию «Герцлия».

Тем же вечером я встречаю Рахель возле фермы. Случайность нашей встречи можно, конечно, поставить под сомнение. Во всяком случае, я сам не могу сказать ничего определённого на этот счёт.

– Привет! Ну, как покаталась? Не сбросила она тебя?

– Шула? Да нет, она смиренная, просто капризничает иногда.

– А завтра поедешь?

– Поеду, надо же учиться.

– Хочешь, поедем вместе? Помогу, если что.

– Поучишь?

Назавтра, когда над Галилеей повисают сумерки, я показываю Рахель, как правильно садиться на лошадь, и мы не спеша едем вдоль фермы и дальше по дороге, к полям. Ложится на дорогу лунный свет, колышутся лошадиные гривы. Словом, романтика – дальше некуда. Но романтических разговоров мы не заводим. Я со всею серьёзностью учу девушку правильной посадке и управлению лошадью. (Рысь, галоп, иноходь – этим мы займёмся позднее.) Лишь на обратном пути отвлекаемся от обсуждения верховой езды, и я спрашиваю Рахель о гимназии, в которой так хотел учиться. Она рассказывает об уроках, подругах, учителях.

– Так вы там французский учили?

– А как же? У меня с ним проблем не было.

– Знаешь, я давно мечтал научиться французскому. Вообще-то я неплохо языки усваиваю, с детства русский и идиш знал одинаково. Потом ещё иврит учил, а когда сюда приехал, занялся турецким и арабским. Но я хочу знать европейские языки.

На следующий день, до верховой прогулки, сидим у Шварцев в одной из комнат, и Рахель учит меня французскому. Обстановка в доме – не чета тому, что я встречал на прочих фермах. Видно, что владелец был человеком зажиточным: мягкие кресла в чехлах, канопе, хороший письменный стол, венские стулья.

– Слушай, ну что за ерунда с этими неправильными глаголами? Инфинитив – *aller*. Во множественном: *nous allons, vous allez*. Но чего ради в единственном – *va*? Совсем ведь непохоже. В иврите таких причуд нет.

– Ага! А в русском как? «Я иду», но «я шёл». Похоже?

– Ну тут хоть времена разные, – возражаю я.

Теперь приходит мой черёд быть учителем – и вот уже Рахель наловчилась запрыгивать на лошадь без посторонней помощи.

– Молодец! Опустить немного уздечку. Поехали!

И тут появляется Мирька Шохат на своём жеребце. Вот злодей! Видно, специально поджидал, пока мы выйдем. Впрочем, вдвоём обучать девушку искусству езды даже сподручнее: я справа, Мирька слева, Рахель посередине. Все романтические атрибуты на месте: и галилейская ночь, и луна, – но мы с Мирькой ведём дискуссию о войне, о положении на фронтах, о перспективах боёв... Стоп, а где Рахель? Видно, ей наскучили наши разговоры и она решила приотстать. Оглядываемся – Рахели нет! Поворачиваем назад, вглядываемся в темноту – как сквозь землю провалилась! Проходим ещё сотню метров и в неярком лунном свете видим нечто – в наше время сказали бы: сюрреалистическое. Торчит из земли лошадиная голова, фыркает, раздувает ноздри. За головой покачивается над землёй торс всадницы: туда-сюда.

– Рахель, ты как сюда заехала?

– Не знаю. Как-то само получилось.

Спешиваемся, подбегаем. Здесь, в стороне от дороги, неглубокая яма для приготовления извести. Вытаскиваем Рахель, а с лошадью труднее – ей руки не протянешь. Прыгаем в яму, поднимаем передние копыта Шулы на край ямы, тащим изо всех сил. Наконец

лошадь напряглась, оттолкнулась задними ногами от стенки и выскочила на волю.

Этот случай не отбил у Рахели желания заниматься верховой ездой. Через несколько недель она уверенно пускает Шулу и в рысь, и в галоп, я же читаю простые французские тексты и даже могу чуточку объясниться. Мирька иногда сопровождает нас в поездках. В первые дни он старается делать это почаще: возможно, ему не нравится, что я провожу много времени наедине с Рахелью. Притом норовит надо мной поиздеваться.

– Ну как, всё занимаетесь по-французски? А по-другому не пробовали?

(Французской любовью называли в ту пору фелляцию.)

Потом Мирька вроде бы становится безразличным к моим отношениям с Рахелью, во всяком случае, не подкалывает меня, да и в наших прогулках участвует всё реже. Напрасно, кстати, подкалывал: мы даже не поцеловались ни разу, общаемся как хорошие друзья. Грустно. Я-то надеялся, что наши отношения изменятся, перерастут в нечто большее, а они прервались, и так неожиданно.

Я на целую неделю уехал в Бейт-Ган: там было много дел на ферме у Маклеров. Вернувшись в Мерхавию, первым делом захожу к Шварцам. Сейчас, думаю, увижу Рахель. Поболтаем, позанимаемся немного языком, а потом проедемся по ночной дороге. Стучусь негромко – ответа нет. Толкаю дверь, миную прихожую – и уже чувствую: что-то нехорошо изменилось. Турецкие ковры на полу, и сидят на них три молодые турчанки. Все три в ярких лёгких платьях, лица закрыты от подбородка до носа. Тысяча и одна ночь, гарем Гаруна Аль-Рашида! Стою в изумлении. Турчанки, видно, тоже слегка удивлены явлением молодого человека, но в эту самую минуту вылетает из той комнаты, в которой мы занимались с Рахелью, турецкий офицер со стеклом в руке и бросается на меня, как сумасшедший. И что это они все так любят стеклом махать? В памяти, однако, сразу всплыли плоды просвещения, результат наших с Рахелью уроков.

– Excuse-moi... Je voudrais voir Monsieur Chvarts⁹⁴.

Лицо офицера переменялось, он вдруг успокоился и небрежно бросил:

⁹⁴ Извините... Я хотел бы видеть господина Шварца (фр.)

– Сиктар⁹⁵!

Я не стал дожидаться дополнительного приглашения и слетел по ступеням на улицу. Пошёл разыскивать Мирьку.

– Явился наконец? – горько усмехнувшись, сказал он. – Долго ж тебя не было. Видел, какие перемены?

– А где Шварцы? Где Рахель?

– А кто знает? Квартиру конфисковали, а их увезли вместе с вещичками. У нас турецкую часть расквартировали. Теперь их командир тут живёт.

– А куда Шварцев увезли?

– Переселили куда-то. Кто теперь разберёт?

– А может, они в Тель-Авив вернулись?

– В Тель-Авив? Ты что, ничего не знаешь?

– Нет, а что?

– Ни фиги себе! У нас второй день только о том и говорят...

⁹⁵ Пошел вон! (тур.)

ИЗГНАНИЕ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА

Популярная Тель-Авивская легенда о причинах изгнания гласит, что всё началось с дома Альконины на улице Лилиенблюм. Это было единственное трёхэтажное здание городка. Верхний его этаж служил синагогой. В канун субботы там зажигали свечи, продолжавшие гореть и по окончании молитвы.

...Тепло, окна распахнуты. Ветерок играет с пламенем свечей, которое то опадает, то разгорается ярче. Этот огонёк замечают в турецкой контрразведке, и в это же время в море, буквально в нескольких километрах от берега, появляются корабли Антанты. Обстреливают германские предприятия, что позади района Ноа-Цедек. Не посылают ли евреи сигналы кораблям? И турки принимают простое решение: выселить всех жителей Тель-Авива на расстояние не менее десяти километров от моря.

История со свечой – это, разумеется легенда, ведь выслали не только тель-авивских евреев, но и яффских арабов. (Тем позднее разрешили вернуться, а вот евреям пришлось более года дожидаться прихода британцев.) Турки не церемонились с национальными меньшинствами империи, что ужасней всего сказалось на армянах. Военная ситуация в Сирии и Палестине становилась всё хуже, особенно плохо шли дела на турецко-египетском фронте. Вот начальство и засуетилось, стало срочно «принимать меры». Вначале за сорок восемь часов выселили жителей Газы, а потом и за Гуш-Дан принялись. По арабам это выселение в целом ударило больней, чем по евреям. У нас-то уже был прообраз будущего государства: наш ишув, были взаимопомощь и взаимовыручка, мы не оставляли своих в беде.

Наспех сдаю дела и мчусь в Кфар-Тавор. Там семья сестры, они должны знать, где наши родители. Давненько я здесь не был, но в посёлке мало что изменилось за годы войны. Тороплюсь по той же плохо мощённой улочке к дому Фани. Женщина в тёмной одежде с платком на голове выходит из калитки.

– Мама! Ты как здесь?

– Ох, сынок!

Мама, конечно, плачет, у неё вообще глаза на мокром месте.

– Только сегодня приехали. Пока тут поживём, а там видно будет.

Захожу в дом. Фаня, разумеется, рада: семья вместе. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Вот только мой зять Авраам-

Моше занят сборами.

– Ты куда?

– В Тель-Авив, конечно.

– Я с тобой.

Утром запрягли телегу с фуражом и запасом еды на неделю – и отправились. Путь неблизкий, но добрались без приключений и тут же явились в окружной Совет. Там круглосуточно дежурили ребята из штаба по переселению. Возглавлял штаб всё тот же Меир Дизенгоф.

Получаем список с адресами жителей: нам поручено перевезти их в Петах-Тикву.

– Строго следовать списку, никакой отсебятины, – предупреждает суровый мужчина из штаба Дизенгофа.

У меня-то были другие планы: рассчитывал заехать к дяде Менахему, заодно и с Эстер встретиться. Видно, не судьба.

Едем по рассветным улицам, ловя взглядом лазоревые проблески моря между тихими переулками. Навстречу катит такая же подвода, гружённая домашним скарбом, возница идёт рядом с лошадьми. За подводой бредут дядя Менахем, его жена Хана... и Эстер!

Мы спрыгиваем на землю. Только тут узнаю возчика: это же мой родной брат!

– Элиягу! Ты здесь!

– Как узнал про эвакуацию, так и приехал.

– А ты сам по себе или тоже от Совета?

– От Совета, конечно.

– Так ведь они не разрешают посторонних перевозить – только по списку.

– Всё чин-чинарём: они у меня в списке... Ну подсуетился малость. У кого-то убрали, мне добавили. Делов-то!

Обнявшись, поговорив немного (сумбурно и эмоционально, как обычно бывает в подобных случаях), разъезжаемся.

Восьмикилометровый путь до Петах-Тиквы занимает почти три часа. В телеге едут только больные да старики, остальные, включая возницу, идут пешком. Иногда им даже толкать телегу приходится. В Петах-Тикве разгрузка и погрузка. На обратный путь пары часов хватает, но всё равно больше двух рейсов в день не сделаешь. Элиягу рассказал, что семью дяди Менахема удалось устроить в Петах-Тикве в помещении при водонапорной башне.

– Знаешь, меня что-то в Галилею не тянет, – говорю ему. – Я

бы лучше в Гуш-Дане остался. Может, кому-нибудь из здешних нужен работник?

– А ты с Чернявским из Гедеры⁹⁶ поговори. Он сейчас тоже народ в Петах-Тикву перевозит.

И всех-то Элиягу знает!

Чернявский оказался крепким мужчиной лет сорока пяти. Обычно он нанимал арабов, но теперь решил поддержать новую тенденцию: еврейский труд в сельском хозяйстве.

– Хочешь, значит, у меня работать? А что делать умеешь?

– Пахать, сеять, боронить, жать, молотить. Косить ещё. За скотиной ухаживать: мулы, лошади, коровы. Доить умею.

– Ишь ты, даже доить. Я смотрю, ты и приврать умеешь.

– Да вы проверьте.

– А сколько тебе в твоей Галилее платили?

– Двадцать франков в месяц плюс содержание.

Чернявский присвистнул.

– Я же и говорю, что хорошо заливаешь. Я своим работникам десять плачу.

– Меньше чем за пятнадцать не пойду.

– Ладно, как развезёшь людей, приезжай ко мне. Я в самом конце улицы живу, не заблудишься. Да там и негде.

И вот уже без малого неделя прошла. Перевезены последние изгнанники. Утром зять возвращается к себе в Кфар-Тавор, а я направляюсь в Гедеру.

Тель-Авив превратился в город-призрак: кроме военных охранников – ни души. Жалюзи на окнах опущены, от густой непроницаемой тишины, нависшей над городом, становится жутко. Подхватываю свой узелок и ухожу не оглядываясь. Эхо шагов отзывается в пустых улицах.

⁹⁶ Гедера – посёлок в 30 км от Тель-Авива. Основан в 1884 г. группой из десяти активистов движения Билу, выходцев из России.

В ГУШ-ДАН

В тот день я добрался только до Реховота⁹⁷, и уже это было для меня большим достижением. Идти ночью опасно. Являюсь в бюро еврейской охраны, всё тот же Ха-Шомер, что был тогда одной из самых важных организаций ишува. Охранники – самая мобильная часть населения, скачут по всей Стране, всегда оказываясь там, где они нужнее. Вглядываюсь в лица, два из них мне знакомы.

– Ерушалаим, привет! Ты откуда здесь?

Надо же, помнят, – да и как не запомнить такое имя? За ужином, разумеется, толкуем о главном: об изгнании евреев из Тель-Авива, о будущем ишува, о войне. Мы уже не сомневаемся в том, что турецкие фронты долго не продержатся, вот только никто не знает, сколько продлится агония. Пока что турки стараются мобилизовать всех, кого можно поставить под ружьё. Мне и советов надавали, как лучше прятаться от полиции, чтобы не попасть на фронт. С тем и отправили меня спать.

Просьпаюсь утром – брюк не нахожу. Не идти же в Гедеру без штанов!

– Эй, ребята, верните брюки!

Мне объясняют, что один из их товарищей отправился в Ришон-ле-Цион⁹⁸, а его штаны никак не гармонировали бы с этим прекрасным городом. Вот он и надел мои.

Пришлось дожидаться, прогуливаясь по Реховоту в чьих-то худых портках. Посёлок был уже большим по тогдашним меркам: в нём жило больше тысячи человек. Мне он, правда, не особенно понравился: грязновато и мало зелени, кривые улицы. (Кроме центральной, которая, конечно же, носит имя Теодора Герцля.) Польские поселенцы, приехавшие сюда четверть века назад, решили обойтись своими силами, без помощи барона Ротшильда. Сажали миндаль, виноград, цитрусовые. Растения плохо приживались, урожаи были низкими, да и сбывать орехи и фрукты было особо некому. Посёлок, однако, выстоял, и уже заметно было, что годы неурожаев, нищеты и непрерывных стычек со здешними арабами уходят в прошлое. Мне показали пардес недавно скончавшегося

⁹⁷ Реховот – город в восьми километрах от Гедеры. Основан в 1890 году. В настоящее время широко известен тем, что там расположен Институт естественных наук имени Вейцмана.

⁹⁸ Ришон-ле-Цион – город в 7 км к югу от Тель-Авива, одно из первых сионистских поселений, основан в 1882.

Залмана Минкова (о котором всё ещё говорили в настоящем времени, как о живом). За высокой стеной из скреплённых цементом камней блестели листья апельсиновых и лимонных деревьев. Сразу за воротами – дом охранников, которых Минков нанимал сам, не обращаясь в Ха-Шомер.

– Вон там у него конюшни, – показывает Яков, один из моих новых знакомых. – А знаешь, какой у него колодец? Глубиной шестьдесят аяков⁹⁹, диаметром – пятнадцать¹⁰⁰.

– Да брось ты! Разве бывают такие колодцы? Это что, нефтяная скважина?

– Тут вода глубоко, а пардес у него вон какой огромный. Воду качают насосом, потом по трубам гонят в водохранилище, а уж от туда по канавкам – прямо к деревьям. Пойдём, я тебе ещё синагогу здешнюю покажу.

– Хорошо, только в этих штанах я внутрь заходить не буду.

В конце концов мои брюки вернулись, и можно было отправляться в Гедеру. Я пришёл туда только к вечеру. Здесь тоже были уже и миндальные рощи, и виноградники, только не у Чернявско-го: у него – участок пахотной земли, две лошади да две дойных коровы. И был у него работник Ахмед, которого он очень ценил. Мне этот Ахмед сразу не приглянулся. Может, потому, что это я ему не понравился? Он смерил меня недобрым взглядом и отошёл.

Двоюродный брат Ахмеда жил в соседней деревне, и уже на другой день я с ним столкнулся. Единственная дорога к полям вела через эту деревню. Возвращаюсь с пахоты – стоит посреди дороги молодой араб и не пропускает меня. Другой дороги нет, говорю.

– Не пущу! Убирайся!

Я замахнулся кнутом – он отпрянул. Так я проехал.

Узнав об этой стычке, Чернявский захохотал:

– Ты связался с двоюродным братом Ахмеда! Он же известный разбойник, его все боятся!

В другой раз родственник Ахмеда подготовился ко встрече со мной более основательно: канава, вырытая поперёк дороги, преградила путь моей телеге с мулами. Неподалёку стояли несколько мужчин, покуривали, смотрели. Я достал из телеги лопату (она у меня всегда была с собой) и быстро засыпал канаву. Никто из них ко мне не приблизился. Вернувшись в Гедеру, пошёл в поселковый

⁹⁹ Около 23 метров.

¹⁰⁰ Около 6 метров.

совет. Не знаю, как ребята из совета договорились с жителями деревни, но их вылазки прекратились.

А вскоре пришла пора сеять пшеницу, и тут мне пришлось работать вместе с Ахмедом. Чернявский всё не верил, что я умею сеять:

– Пусть в этот раз Ахмед сеет, а ты заравнивай.

Поле широкое, одним краем оно примыкает к вади. И отчего-то всегда получается так, что когда я на одной стороне, Ахмед со своим коробом оказывается на противоположной. И каждый раз ненадолго спускается вниз, в пересохшее русло: может, справить нужду? Со мной поравнялся поселенец, пахавший соседний участок, и, указав в сторону вади, куда в эту минуту спустился Ахмед, сказал:

– А ты хоть знаешь, что там сын твоего напарника прячется? Отец ему отсыпает пшеницы.

Я стал следить за Ахмедом. Когда он опять спустился по склону, я подбежал и застал обоих на месте преступления: и напарника своего, и мальчишку с мешком зерна. Мальчишка кинулся в сторону, но я вцепился в мешок, а бросить его он не сообразил.

– Пошли вон! Оба!

Мешок на спину – и наверх. Ахмед с сыном побрели в сторону своей деревни.

Оставшуюся половину поля я засеял сам. Рассказал Чернявскому – он за голову схватился:

– Что ты наделал! И семена загубил, и половину поля.

– Почему загубил?

– Так ведь не взойдёт у тебя ничего! Где это видано, чтобы еврей умел сеять? Это ж не как попало зёрна раскидывать!

Но вскоре поле зазеленело, а ещё через пару дней к Чернявскому зашёл сосед:

– Шимон, ты купил сеялку?

– Какую сеялку? Ты её видел?

– А почему у тебя всходы такие ровные? Вручную так не засеешь.

– Ты везучий, – говорит мне потом Чернявский, – сеять не умеешь, а зёрна вон как ровно легли!

Я только рукой махнул.

И в этот день, и на следующий Ахмед не появлялся. На третий день вечером я пошёл доить коров. Притащил надой: полное до краёв ведро. Чернявский взглянул – не поверил:

– Где надоил?

– Да от наших коров.

– Это как? Ахмед больше половины ведра ни разу не приносил.

– Ну, значит, брал за свою верность натурой.

Пора сеять бобовые – Ахмеда нет как нет.

– Я же сказал, что умею сеять! – говорю я Чернявскому.

Тот покачал головой:

– Ладно, попробуй.

На следующий день Ахмед пришёл за расчётом, он нашёл работу у кого-то из поселенцев поблизости. А вскоре взошли наши бобы.

ПОВЕШЕНЫ В ДАМАСКЕ

Я уже писал в предисловии, что хочу говорить только правду и не собираюсь изображать всех поселенцев тех лет рыцарями без страха и упрёка. Израильское общество с самого начала не было однородным; между людьми и отдельными группами всегда было много противоречий. Сефарды и ашкеназы, светские и религиозные, социалисты и капиталисты, левые и правые... Все эти противоречия существуют и по сей день¹⁰¹. Откровенно говоря, меня поражает не их наличие (было бы странно ожидать иного в обществе, состоящем из представителей разных стран и всех социальных групп), а то, как наш народ устоял перед угрозой гражданской войны, на грани которой оказывался не раз.

Это было вечером в конце лета. К нам постучались, Чернявский открыл дверь. Вошли двое и попросили отвезти их в Рухалу – это самое южное поселение в Стране, в пустыне Негев. Чернявский позвал меня. Я взгляделся в лица пришедших: парни лет двадцати пяти. Одного я узнал. Это был охранник Йосеф Лишанский, служил в Ха-Шомер. Второго я видел впервые. Как потом оказалось – Нааман Белкинд, из местных поселенцев, он и родился в Гедере.

Я прикинул: пять-шесть часов в каждую сторону. Ближе к полудню можно быть дома, однако почти весь маршрут проходит по арабским территориям, а ехать в ночь... Спросил, сколько готовы заплатить. Они назвали цифру и – явно вопреки их ожиданиям – я понял, что надо отказаться. Откуда у них такие деньги? Почему едут ночью? Почему только вдвоём? И я отказался, сославшись на то, что на завтра меня ждёт срочная и тяжёлая работа в поле, надо выйти пораньше, а потому не могу. Лишанский и Белкинд ушли. Наняли кого-то другого и отправились – навстречу своей ужасной смерти...И вот опять. Если я возьмусь подробно излагать всю историю, стоящую за этим визитом, мне придётся написать отдельный большой роман. Посему ограничусь главным¹⁰².

¹⁰¹ Более подробно противоречия израильского общества рассмотрены, например, в [17].

¹⁰² Эта история описана во множестве источников, в том числе в книгах. Самые главные из них: [18], [19], [20].

Место основных событий этой жестокой драмы – поселение Зихрон-Яков, одно из первых, поддержанных бароном Ротшильдом, родина израильского виноделия. Основанное выходцами из Румынии, оно с первых дней было светским, аккуратным и зажиточным посёлком. Зихрон-Яков – Памяти Якова, отца барона.

Главные герои драмы – семья Ааронсон. Отец семейства – один из основателей поселения, мудрый, хозяйственный и заботливый Эфраим, овдовевший перед самой войной. Его семья держится немного особняком, её недолюбливают в посёлке. В семье шестеро детей, среди которых выделяются двое: Аарон и Сара.

Аарон – учёный, он агроном и ботаник, основатель экспериментальной сельскохозяйственной станции «Атлит» на морском берегу, чуть севернее Зихрон-Якова. Учился во Франции на деньги того же Ротшильда. Уже в молодые годы Аарон считался главным экспертом по геологии, гидрографии и флоре Страны.

Сара Ааронсон – высокая по меркам того времени, крепко сложенная девушка. Я никогда не встречался с нею, а по фотографиям трудно понять, была ли она хороша собой, но в ней было то, что сегодня называют харизмой. Молодые люди влюблялись в неё сразу и бесповоротно. Сара владела несколькими диалектами арабского, турецким, немецким и французским языками. Разумеется, ивритом и идишем. В двенадцатилетнем возрасте она уговорила отца купить ей небольшую лошадку и скакала на ней в окрестностях поселения с братьями, а то и одна. Прекрасно стреляла. Она стала верным и толковым секретарём старшего брата на агрономической станции. Брат и сестра довольно много путешествовали: Сара – по Европе, Аарон – по Соединённым Штатам, где он встречался с учёными и бизнесменами. Там он добился серьёзной финансовой поддержки своих агрономических исследований. В поселении Атлит появились теплицы, экспериментальные полянки, хорошая библиотека, гербарий. Работники станции (в основном арабы) получали достойную зарплату. Ещё одним хорошим помощником в делах Аарона была младшая сестра Ривка, застенчивая и внешне неяркая девушка.

А потом в жизни Ааронсонов появился Авшалом Фейнберг. Он жил и работал в соседней Хадере. (Не путать с моей Гедерой, в которой он, кстати, родился.) Настоящий молодой революционер с решительным лицом. Авшалом знал жизнь местных арабов, их культуру и религию, и они его уважали, называя иногда шейхом (возможно, за его арабскую одежду и хорошего скакуна). Пять лет

он прожил в Париже. Там писал стихи, был вхож в те самые круги, в которых вращались Аполлинер, Сутин, Пикассо. Словом, видел деятелей европейской культуры на самом пике её расцвета. Авшалом ненавидел тиранию и готов был идти до конца в деле освобождения всех жителей Палестины – евреев, арабов, армян – от османского гнёта.

Сара Ааронсон и Авшалом Фейнберг

Он и Сара были прекрасной парой. Они, безусловно, любили друг друга. Что помешало им быть счастливыми вместе и надолго? – Этого никто никогда не узнает.

Авшалом, несколько церемонно, как положено по еврейскому обычаю, просил у Эфраима руки его дочери. Тот отнёсся к предложению благосклонно и, как и подобает любящему отцу, отправил молодого человека к Саре за её согласием... Сара отказала. Быть может, супружество означало для неё подчинение, несовместимое с вольным характером? Или просто не решилась связать жизнь с резким, вспыльчивым и самоуверенным молодым человеком? Фейнберг был озадачен и оскорблён таким поворотом и... начал ухаживать за Ривкой. Если раньше он посвящал стихи Саре, то теперь появились шуточные вирши, адресованные обеим, а затем – исключительно младшей сестре. Та была проще Сары, но, может, это его и привлекало?

Дело шло к свадьбе. Но не пристало младшей сестре выходить замуж прежде старшей. Неожиданно Саре сделал предложение давний знакомый её старшего брата, тридцатипятилетний Хаим,

купец из Константинополя. Сара тут же дала согласие. Поторговавшись с Эфраимом о приданом, Хаим женился на Саре и увёз её в столицу. Пожертвовала своим счастьем ради сестры? Или сделала это назло Авшалому? Или просто прельстилась столичной жизнью? Этого мы тоже никогда не узнаем.

Как и следовало ожидать, Саре очень скоро опротивела жизнь в скучном доме скаредного купца. Между тем – Авшалом не женился на Ривке. Он посылал своей бывшей возлюбленной нежные письма. Он ведь был поэтом¹⁰³.

Затем началась война. Поселенцы голодали. Многих призвали в армию или отправили на тяжёлые работы по строительству дорог и укреплений. На одной из таких работ, фактически в заключении, оказался и Авшалом.

Аарон продолжал следить, чтобы источники денежной помощи еврейским поселениям не иссякли. Особенно из Соединённых Штатов, которые пока в войне не участвовали. Нельзя сказать, чтобы руководство ишува было в восторге от деятельности Аарона. Да, то была существенная помощь в тяжёлой ситуации. Но с самого начала Ааронсон занимался не только добыванием, но и распределением средств, в обход сионистского руководства. Кому понравится такая самодеятельность? Отношения с руководством особенно обострились после того как Ааронсон создал собственные отряды охраны поселений. Наши ребята из Ха-Шомер видели в них соперников. Опять же: что это за партизанщина? Вообще поселенцы первой алии (к которой принадлежали Ааронсоны) и второй (практически всё руководство ишува) сильно различались и зачастую относились друг к другу с недоверием¹⁰⁴.

Аарон отчаянно боролся за вызволение Авшалом и своего брата Александра, работавшего в том же лагере. Добился приёма у Джемаль-паши.

– Что ты скажешь, если я прикажу тебя повесить? – осведомился тот.

– Ваше превосходительство, сук, на котором меня повесят, непременно сломается, и его треск услышат в Америке.

Паша засмеялся: Ааронсон был очень массивен.

¹⁰³ Текст одного из писем Фейнберга лёг в основу популярной израильской песни «Элеф нэшикот» («Тысяча поцелуев»).

¹⁰⁴ Об этом см. напр. [20], p.52, 54.

Неожиданно помогла та самая саранча, которая так напугала нас с братом. Джемалю надо было снабжать свою армию, а урожай оказался под угрозой: тучи зловредных насекомых опустошали поля. Лучшей кандидатуры для борьбы с этой напастью, чем известный учёный, было не найти...

Вскоре Авшалом, Сара и Фейнберг уже ездили по провинции, определяя места скопления саранчи и способы борьбы с ней. Но не только это...

В Египте стояли британские войска. Армия Джемаль-паши дважды пыталась отбить у них Суэцкий канал – и отступала с большими потерями. В свою очередь прямая атака британцев на Газу также захлебнулась¹⁰⁵. В отличие от деятелей второй алии, Аарон понял, что победа Германии и Турции станет бедствием для евреев Страны. О своём государстве придётся забыть очень надолго. Фейнберг и Ааронсоны начали действовать. Они собирали подробные сведения о турецких укреплениях, расположении войск, о наиболее уязвимых местах турецкой обороны. Втроём, конечно, такую работу не потянешь. Вовлекли друзей из отрядов самообороны, стали вербовать новых разведчиков. Число агентов быстро росло, их сеть охватила всю провинцию, от Галилеи на севере до пустыни Негев на юге. Как им удалось привлечь внимание английского командования в Каире и Лондоне – это отдельная история, но Ааронсон и Фейнберг сумели наладить связь с англичанами. Моторная яхта «Манагем» совершала рейсы в Атлит, доставляя инструкции и деньги и принимая донесения разведчиков.

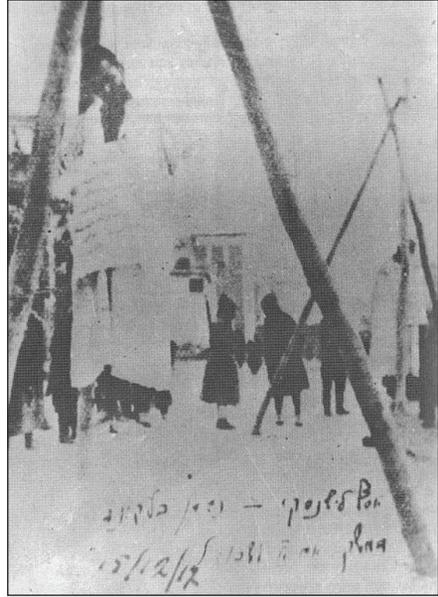
Сара сбежала из Константинополя в конце 1915 года. До Зихрон-Якова добиралась долго и с пересадками: железные дороги были забиты войсками. Кое-где пришлось ехать на лошадях. Сара проезжала мимо разрушенных и сожжённых армянских деревень, мимо штабелей из трупов возле железнодорожных путей. Иногда солдаты останавливали поезд, врывались в вагоны, вытаскивали прячущихся армян и расстреливали на глазах у пассажиров. Именно тогда в душе Сары зародилось неведомое ей раньше чувство: ненависть. В борьбе она решила идти до конца¹⁰⁶.

¹⁰⁵ См. главу «Генерал Авнер» в первой части.

¹⁰⁶ По крайней мере, так считал бывший президент Израиля Хаим Герцог. См. [21].

Йосеф Лишанский

Казнь Белкинда и Лишанского

Авшалома в Зихрон-Якове не оказалось. Пытаясь восстановить случайно прерванную связь с англичанами, он, переодетый в турецкую военную форму, добрался верхом на верблюде почти до самых британских аванпостов, но был схвачен бедуинами и передан туркам. Успел проглотить донесение, которое вез англичанам.

– Повесьте его, – предложил германский офицер-советник.

– Погодите! – возразил турецкий офицер. – Его бумаги, похоже, подлинны.

Документы свидетельствовали о том, что Фейнберг выполняет миссию по борьбе с саранчой. Почему далеко в пустыне? Аллах его знает! Повесишь – потом неприятностей не оберёшься. Начались допросы и пытки.

Двоюродный брат Авшалома, Нааман Белкинд, работал на винодельческом заводе в Ришон-ле-Ционе. Подкупив охранника, Авшалом отправил брату записку. Но гораздо ближе, в Рухаме, жил Йосеф Лишанский, возглавлявший южный отряд самообороны. К нему эта записка и попала. В коррумпированной империи деньги отпирали многие замки. Лишанский тут же связался и с Белкиндом, и с Ааронсоном, навестил в тюрьме избитого, но не сломленного Авшалома и стал его подкармливать. Аарон тут же принялся действовать и добился новой аудиенции у главнокомандующего.

– Ваше превосходительство, для борьбы с саранчой мне нужны помощники, а мой лучший секретарь Фейнберг брошен в тюрьму по какому-то нелепому подозрению.

Скоро перед Сарой предстал её давний возлюбленный – прихрамывающий, с тёмным от побоев лицом, но с весёлыми, как прежде, глазами.

Я не был близко знаком с Лишанским – встречал его несколько раз среди наших охранников. За всё время и десятка слов друг другу не сказали. Я знал, что в Ха-Шомер его недолюбливают за слишком уж своевольный нрав и упрямство. Бывали у него конфликты и прямые стычки с Израэлем Шохатом. Случилось так, что в одном из рейдов Йосеф застрелил араба. Не знаю, насколько был виноват Лишанский, но в организации его после этого держать не стали – проще говоря, просто выгнали из охраны. Тогда он ушёл на юг и создал свой отряд. Теперь и он сам, и Белкинд решительно включились в работу по сбору информации.

К делу восстановления связи с подпольщиками подключился лейтенант Чарлз Вулли, будущий великий учёный, отец современной археологии. Но на обратном пути из Атлита он попал в плен к туркам и оставался пленником до конца войны. Аарон отправил брата Александра и сестру Ривку в Америку, а сам поехал в Европу, пытаясь вновь связаться с британской разведкой и выяснить, почему не приходит их корабль. (В конце концов эта попытка увенчается успехом.)

Во главе разведывательной сети теперь стоят Сара и Авшалом. Всё стало на свои места, они не скрывают своей любви и живут вместе на агростанции в Атлите, в верхнем её этаже.

Как назвать подпольную организацию?.. В те времена во всём иудео-христианском мире была популярна давняя забава. В затруднительных ситуациях открывали Библию на любой странице и читали первый попавшийся стих. Может быть, он подскажет решение? Кто-то из подпольщиков на агростанции поступил таким образом и нашёл: «Нецах Исраэль Ло Ишакер» («Вечность Израиля не обманет»). По первым буквам изречения и назвали разведывательную сеть: НИЛИ. Британцы в своих документах называли её просто «А Organization».

История порой горько шутит. Аарон практически восстановил связь с британцами и был уже в Каире, когда пылкие, деятельные

и не желающие больше ждать Авшалом и Йосеф отправились через линию фронта к англичанам. Саре не удалось отговорить их. Собрала в дорогу, дала провизии. Пакетик с финиками положила Авшалому в карман...

Аарону сообщили, что в одну из больниц Порт-Саида привезли его раненого сподвижника. Взволнованный Ааронсон поспешил туда и обнаружил бледного от потери крови Лишанского, из тела которого извлекли три пули. Тот рассказал, что их предал проводник. Они с Фейнбергом уже миновали аванпосты, когда наткнулись на засаду бедуинов, решивших выдать их туркам за вознаграждение. В перестрелке Авшалом Фейнберг был убит, а Йосефу Лишанскому удалось добраться до англичан.

Выздоровление шло быстро. Скоро «Манагем» причалил в Атлите, и Аарон с Йосефом вышли на берег. Выслушав рассказ Лишанского, Сара прошептала:

– Тебе не в чем себя упрекнуть. Ты сделал всё, что мог.

Потом побежала вверх и закрылась в своей спальне.

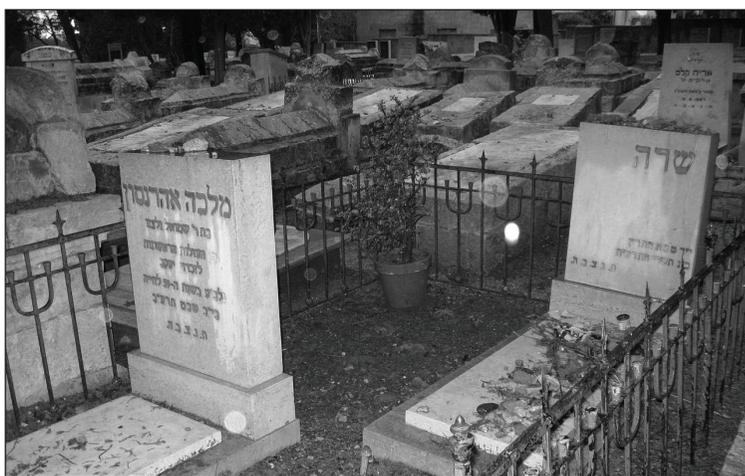
Аарон вернулся в Египет, чтобы поддерживать постоянные контакты с британцами. Разведывательная сеть продолжала работу. А работы было много. Генерал Эдмонд Алленби, сменивший на посту командующего корпусом неудачливого Арчибальда Мюррея, решительно взялся за подготовку наступления. Он пообещал, что к рождеству 1917 года Иерусалим будет взят. Генерал выполнил своё обещание, но ни Сара, ни Лишанский с Белкиндо́м этого уже не увидели.

Снабжение наступающих войск водой было одной из главных проблем англичан. Австралийские кони-тяжеловозы, основная тяговая сила армии, пили много. Британцы тянули трубы, устанавливали насосы. НИЛИ передала штабу Алленби подробную гидрографическую карту района с указанием мощности всех водяных источников на юге. Это сильно облегчило подготовку к наступлению. Все сведения о перемещении турецких войск тоже немедленно попадали к англичанам. В одну из поездок за свежей информацией к своим южным агентам Лишанский с Белкиндо́м оказались на нашей ферме.

Тем временем над организацией сгущались тучи. Скрыть её работу от жителей Зихрон-Якова было невозможно, а тем вовсе

Сара Ааронсон незадолго до гибели

Могила Сары (справа)

не улыбалась перспектива уничтожения посёлка из-за окопавшихся у них шпионов. Поселковый совет предупредил Сару, что если работа на англичан не будет прекращена, они выдадут британских агентов туркам. Руководство ишува и даже Всемирной сионистской организации тоже относились к деятельности НИЛИ, мягко говоря, неодобрительно. Сам её глава Хаим Вейцман, будущий президент Израиля, требовал, чтобы сионисты оставались нейтральными в этой войне. Это теперь, особенно после Второй

мировой, мы сочувствуем странам Антанты. Но в те годы было совершенно не очевидно, что владычество Британской империи будет благоприятнее для нашего дела, чем власть Османской. А ребята из Ха-Шомер вообще относились враждебно к Лишанскому и его сподвижникам.

Для передачи донесений бойцы НИЛИ использовали почтовых голубей. Это древнее средство связи сильно ускоряло доставку сведений, им пользовались даже тридцать лет спустя, в следующей войне¹⁰⁷. Но оно же оказалось роковым для организации. Один из голубей с донесением случайно залетел на голубятню начальника турецкой полиции в Кейсариин. Турецкие спецслужбы тут же занялись расшифровкой. Впрочем, они уже догадывались о существовании подпольной группы. В провинции обнаружались французские монеты свежей чеканки – откуда они? (Разумеется, эти монеты были среди тех денег, что привозил «Манагем».)

Словно для того, чтобы придать больше накала драме, к ней примешалась ревность Наамана Белкинда. Ему уже давно не давала покоя история с братом. Почему Лишанский почти ничего не говорит о том, что произошло с ними в пустыне? Никаких подробностей! (На самом деле приказ молчать отдал Аарон.) Йосеф что-то скрывает... Белкинду уже кажется, что у Лишанского и Сары роман. Может быть, Лишанский сам убил Авшалома, чтобы завладеть Сарой? Белкинд в одиночку пробирается на Синайский полуостров, чтобы выяснить на месте, что же произошло в пустыне. Но турки, со дня на день ожидающие атаки англичан, резко повысили бдительность. Белкинда хватают и после допросов отправляют в Дамаск.

В день праздника Суккот люди шефа полиции Азиз Бека окружили Зихрон-Яков. Лишанскому удалось скрыться. Сару, её отца и ещё нескольких жителей посёлка хватают и начинают допрашивать в здании местной полиции. Вначале на глазах Сары жестоко избивают её отца. Эфраим уверяет, что знать не знает ни о каких шпионах. Видимо, поняв, что старик и в самом деле не слишком осведомлён, заплечных дел мастера принимаются за Сару. Её изощрённо пытаются четверо суток, с небольшими пере-

¹⁰⁷ Об использовании голубей во время войны см., напр., роман М. Шалева «Голубь и мальчик» [22].

рываами. Она плюёт в лицо своим истязателям. Ничего, кроме проклятий, не слетает с её уст. Азиз Беку надоело ждать. Приходит приказ перевести непокорную пленницу в Дамаск: там ей развяжут язык.

– Мне надо умыться и переодеться, – заявляет она мучителям.

Действительно, решают они, не годится передавать её начальству в таком виде. Сару ведут к её дому по главной улице поселения. За ней следуют четыре местные жительницы, проклинаящие еврейскую Жанну д'Арк, которая навлекла беду на посёлок. (Популярная легенда сообщает, что все четыре скоро умрут от непонятной болезни.) Сара запирается в ванной и пишет прощальную записку. Она просит родных выплатить последнюю зарплату рабочим сельхозстанции, раскрывает имена предателей, услышанные от полицейских во время допросов. «Скоро придёт весть о победе [...] Расскажите моим братьям, как мы погибали. Передайте, что Сара просила воздать полной мерой за пролитую кровь... Не жалейте их, как они не жалели нас¹⁰⁸». Сара сложила записку и бросила её за окно. Затем достала из шкафчика в ванной браунинг и выстрелила себе в рот. Пуля раздробила позвоночник, не задев мозг. Она мучилась ещё три дня. Морфий помогал плохо. Потом попросила присутствовавших у постели позаботиться об отце и скончалась. Через три недели англичане взяли Беэр-Шеву, а затем Газу.

...За голову Лишанского была назначена награда. К погоне за ним подключился и Ха-Шомер. Охранники схватили своего бывшего соратника и решили расстрелять его. Что было дальше, неизвестно, только Лишанский остался жив и бежал в Петах-Тикву. Никто там не приютил его. Тогда Йосеф стащил верблюда и верхом отправился на Синай, надеясь пробиться к англичанам. Это было ошибкой. Его схватили турки и, как ранее Белкинда, отправили в Дамаск. Меир Дизенгоф, к которому поступили просьбы о содействии в освобождении Лишанского (разумеется, обычным путём: через подкуп), решительно отказался. Он не желает подвергать ишув риску из-за отщепенца, который постоянно мешает его усилиям защитить еврейских поселенцев путём компромиссов и договорённостей с властями¹⁰⁹. 16 декабря 1917 года Лишанский и Белкинд были повешены на площади в Дамаске.

¹⁰⁸ Цит. по [20], р. 174.

¹⁰⁹ См. напр. [23].

Начальник британской военной разведки генерал Джордж Макдоноу говорил в одном из выступлений:

– Вы, возможно, удивлены смелостью действий генерала Алленби в Палестине. Человек, смотрящий со стороны и не располагающий знанием ситуации, может подумать, что риск Алленби был неоправданным. Это неправда, потому что Алленби с точностью знал от своей разведки в Палестине обо всех приготовлениях и движениях противника. Все карты врага были для него открыты, и поэтому он мог действовать с полной уверенностью. В таких условиях победа была предreshена до того, как он начал действовать¹¹⁰.

Финики, которые дала Авшалому Сара, проросли. На его могиле выросла красивая пальма. По ней и нашли место его захоронения, после того как израильские солдаты взяли Синайский полуостров в ходе Шестидневной войны 1967 года. Останки Авшаломы Фейнберга были с почестями перезахоронены на горе Герцль в Иерусалиме. Ещё через двенадцать лет рядом с его могилой появилась могила Йосефа Лишанского.

¹¹⁰ Перевод цит. по: [24].

ЖИЗНЬ В ГЕДЕРЕ

Наши арабские соседи

Рядом с Гедерой других еврейских поселений не было. Нас окружали многочисленные арабские деревни: одни сравнительно дружелюбные, другие – откровенно враждебные. Чтобы проехать мимо деревни Марар, нужна хорошая охрана. Поселковый совет договорился с людьми Лишанского. Он как раз тогда организовал свой отряд «Ха-Маген» («Щит») из охранников, которых не взяли в Ха-Шомер. В сезон сбора миндаля и винограда этой охраны не хватало, и к ней присоединялись поселенцы. Однажды наш сосед Лейбович наткнулся в миндальной роще на воровскую шайку и вступил с нею в бой. Услышав выстрелы, охранники поспешили на помощь и увидели, как лошадь Лейбовича, благородная арабская кобылица, встала на дыбы, прикрывая собою седока. Пуля одного из разбойников попала ей в шею. Вора тут же схватили, и кто-то из охраны узнал его: это был брат местного шейха. Его заперли и начали переговоры с шейхом и его окружением. Договорились. Пока кобылица выздоравливала, Лейбович продолжал объезжать хозяйство на другом арабском скакуне. Это был конь того самого разбойника, что ранил лошадь.

Как видим, даже такие кровавые столкновения порой разрешались мирно. Вообще переговоры с арабскими предводителями были обычным делом, и чаще всего они касались воровства.

Созрела наша кукуруза сорта с красивым названием «дора». Сладкая, сахарная, большие початки, блестящие зёрна – загляденье! Дору, кстати, и сейчас всю выращивают. Когда бедуины по своему обыкновению кочевали из засушливого Негева на север, они положили глаз и на нашу красавицу дору. Подошла страда, охрану усилили ещё несколькими бойцами во главе с великаном Давидом Прайсом. Меня тоже призвали в отряд. Всё шло к тому, что в ближайшую ночь бедуины устроят налёт на нашу кукурузу.

Ночь была светлая, звёздная. Видно далеко. Полная тишина. Я стою с восточной стороны поля и вдруг слышу откуда-то с юга звуки выстрелов. Оказывается, вору были так искусны, что успели набрать порядочно кукурузы, прежде чем охрана их заметила. Вижу скачущего мимо Давида, устремляюсь за ним. И тут его лошадь спотыкается, падает. Острый задник арабского седла ударил

Давида в спину. Подбегаю к нему: он лежит, корчась от боли.

– Со мной всё нормально. Беги за бедуинами – у них полные бурнусы.

Тут и другие охранники появляются. Бежим, стреляя на ходу вслед грабителям. (Конечно, поверх голов.) Они отстреливаются, но вскоре понимают, что с грузом им не уйти, и бросают награбленное.

Назавтра договариваемся с бедуинами о денежном возмещении за набег (у нас ведь из-за него снизились темпы работ) и возвращаем им их бурнусы. Обычное дело.

Гедера (ок. 1899)

Перст судьбы

Гедера в то время была уже большим поселением. Среди её обитателей встречались и весьма богатые люди. Вот взять хоть господина Гальперина, моего иркутского земляка. Приехав в страну, он записался Френкелем. Честно говоря, не знаю, чем одна из этих фамилий лучше другой. Когда я не слишком занят, помогаю ему кое в чём. Иногда хлопотно получается. Вот поехали раз в Газу ячмень покупать. Пять часов в одну сторону. Возвращаемся тяжело гружённые, а на пути – одно вади, другое, третье... И вот попалось слишком узкое и глубокое. Я проехал, а господин Френкель перевернулся. Пришлось разгружать телегу, вытаскивать вместе с лошадьми, а потом нагружать снова, мешок за мешком. Порядочно намаялись.

Зато в следующей поездке мне повезло с самого начала. В этот раз господин Френкель попросил съездить с ним в Петах-Тикву за каким-то товаром. Те же пять часов езды, только в противоположную от Газы сторону. А я был доволен: в Петах-Тикве в это время как раз работала фельдшерницей моя сестра Цвия. Удобный случай повидаться.

Приехали в город и, договорившись встретиться через полтора часа, разошлись: я – к Цвие, Френкель – по своим делам. Посидевши у сестры, я не торопясь двинулся к месту условленной встречи. Вижу – навстречу шагает Яков Горький, наш сосед и приятель из Кфар-Тавора. Тот самый, которого надули цыгане.

– Ерушалаим, ты здесь! Вот удача!

– Почему удача?

– Так у меня записка для тебя есть.

– От кого?

– От родственницы твоей, Эстер, что живёт у водонапорной башни.

– Погоди, а как она могла знать, что ты меня встретишь? Я ведь в Гедере.

– Да не знала она ничего! Просто дала записку и говорит: «Если вдруг встретишь Ерушалаима, передай ему».

«Дорогой Ерушалаим! Извини, что обращаюсь к тебе. Мы тут голодаем. Не мог бы ты как-нибудь помочь?» – читаю я.

– Яков, ты здесь ещё долго будешь?

– Ближе к вечеру поеду.

– Подожди меня, я через полчаса вернусь, ответ передам.

Бегу к Френкелю.

– Господин Френкель, мне нужны деньги. Один меджиди.

Меджиди – это серебряная монета довольно высокого достоинства. Я решил, что её будет проще всего передать. Она и надёжнее, чем быстро обесценивающиеся купюры. Френкель усталился на меня так, словно я сморозил несусветную глупость.

– Да ты что? Зачем тебе, и ни с того ни с сего?

– Очень нужно. Я скоро отдам.

– Как отдашь? Откуда у тебя такие деньги?

– Кое-что дома есть и ещё заработаю. Не хватит – под займу.

– Да у меня у самого не больно-то много. Ты что думаешь, я Ротшильд?

– Ну тогда я назад с вами не поеду. Везите свои мешки с кем хотите, я здесь остаюсь.

Через несколько минут я передал Якову монету для Эстер. Потом узнал, что мой немедленный отклик её поразил: она написала мне в минуту отчаяния, почти без всякой надежды, что записка меня найдёт. Это был перст судьбы: мы с Эстер прожили в мире и согласии больше шестидесяти лет.

Лисы в винограднике

Наступило время сбора винограда. С зарёй выходили к лозам, увешанным крупными полупрозрачными гроздьями, влажными от росы. Наш рабочий день длился 14 часов. Мы не знали удержу, поедая свежие, прямо с лозы, ягоды. Старожилы наставляли нас: перед тем как налегать на виноград, надо съесть кусочек хлеба, чтобы не получить расстройство желудка.

– Сегодня собираем статистику, – говорит мне Чернявский. – Ешь, пожалуйста, только из этой корзины.

И ставит в стороне большую корзину свежесрезанного винограда. В ней явно больше десяти килограммов. Всё понятно: господин Чернявский хочет знать, сколько мы все вместе съедаем за день. А день длинный, и корзина постепенно пустеет. Наступает вечер. Чернявский смеётся:

– Молодец Ерушалаим, вон сколько съел!

– Это что, всё я один?

– А то! Из этой корзины только ты и ел. И на здоровье! Работаете хорошо – и ешь хорошо.

Мало того, что поедали в таких количествах свежий виноград, – разводили во дворе огонь и варили ягоды в огромном котле несколько часов кряду, пока не получалось густое и сладкое виноградное варенье. Ведь сахара совсем не было, а сладкого хотелось.

С тех пор прошло много десятилетий. Я по-прежнему работаю и на здоровье не жалею. Наверное, мои жизненные силы – от того винограда.

Проказы

Приезжали новые рабочие, и молодёжи в поселении прибавлялось. В будни мы были заняты работой и охраной, зато в субботний вечер собирались на гумне – болтали и пели до рассвета. Всё взрослое население мошавы пребывало в объятиях Морфея...

Конечно, после нескольких часов ночных посиделок разыгрывается аппетит.

– У нас дома хлеб есть. Может, и масло найдётся, – говорит Шуламит, бойкая девушка с двумя тугими косичками. Она вскакивает с брёвнышка: – Кто со мной?

Я, конечно, вызвался быть фуражиром.

Дверь дома заперта.

– Полезем в окно, – говорит Шуламит.

– А что за комната?

– Спальня. Там родители спят.

– Неудобно как-то.

– Да ладно тебе! Выйдешь из спальни – и слева, с другой стороны коридорчика, будет выход на веранду.

Лезу в окно под звуки негромкого храпа отца Шуламит. Хорошо ещё, что родители спят на разных кроватях, а между ними широкий проход. Только бы не запнуться! Мужчина перестаёт храпеть и поворачивается на бок. Тусклый свет молодого месяца льётся в окно. Нет, не проснулся... Выскакиваю на веранду.

Конечно, о холодильниках в ту пору не было и речи. Продукты держали в подвешенных на верандах и балконах продуваемых ящиках из планок. Чёрт! Прямо под ящиком на низкой кровати спит Шауль, работник их хозяйства. Умаялся бедный, даже на посиделки с нами не пошёл. Вглядываюсь в его лицо: ну точно, крепко спит. Потихоньку встаю на край кровати, рядом с его ногами, достаю из ящика краюху и брикет масла. Не проснулся! Да и проснулся бы – вряд ли бы стал поднимать тревогу. Торопливо возвращаюсь в спальню – и, конечно, задеваю ногой табуретку. Тут уж хозяин не мог не проснуться. Хорошо, что Шуламит поджидает прямо под окном. Кидаю ей хлеб и масло. Её отец вскакивает с криком «Эй! Кто здесь?», – но я успеваю прыгнуть на подоконник и дать дёру.

После первой успешной кражи продуктов мы осмелели, стали повторять этот опыт то в одном доме, то в другом. Конечно, крестьяне сразу поняли, что происходит, и наверняка частенько при-

творялись спящими, чтоб не мешать ночным гостям. Вот только с Барским у нас не получилось.

Господин Барский был богатым, серьезным, основательным, тучным человеком. Засиделись мы как-то до очень позднего (скорее, даже раннего) часа. Кто-то вспомнил, что на верхней площадке у Барского стоит огромный (как и полагается у состоятельного человека) ларь. Мы с моим приятелем Зеэвом Палером вызвались проверить, нет ли в нём чего вкусенького. Поднялись на площадку. Да, вот он, ларь. Но какое разочарование: на нём висит огромный замок.

– Может, взломаем?

– Ага! Проснётся, примет нас за грабителей, а у него наверняка пистолет есть.

– Жалко к ребятам ни с чем возвращаться.

– А давай унесём ларь. Там откроем, вытащим что-нибудь по-есть, а остальное назад притащим.

Волочим этот чёртов ящик, спускаемся на один лестничный пролёт – и слышим выстрелы со стороны виноградника. Тут уж не до шалостей: бросаем ларь – и галопом на звуки выстрелов. Вся наша компания уже несётся туда.

Когда прогнали воров, уже совсем рассвело. Да и голод утих. Отправились спать. Представляю, как удивился господин Барский, увидав, что его ларь спустился по лестнице. И ведь как повезло ему: всё осталось в сохранности! Верно говорят, что кто богат, тот и удачлив.

Дезертиры

Турки всё больше нуждались в пушечном мясе. Участились их налёты на еврейские поселения: искали дезертиров и уклоняющихся от призыва.

На нашем сеновале в Гедере я приготовил себе убежище: пещерку в соломе с тщательно замаскированным отверстием для вентиляции. Вход можно было быстро завалить изнутри. Но случилось так, что тревога застала меня не в Гедере, а в соседней Хульде, куда я поехал на неделю, чтобы вспахать большое поле. В тот день я работал на участке, где бурьян был особенно высок: скрывал и пахаря, и мулов. Это меня и спасло.

Со двора местной фермы донеслись удары колокола. Мы умели различать, когда звонят к обеду, когда сигналият тревогу, а когда извещают о прибытии турецких солдат. В тот раз прозвучал именно такой сигнал. Я распряг мулов и помчался прочь от Хульды, в Гедеру. Но на другой день турки нагрянули и туда. Заслышав колокол, я бросился в своё убежище. В спешке зацепил ногой жердь – и упавшая солома закупорила отдушину. Того воздуха, что оставался внутри, надолго не хватит. Слышу, как турки вошли на сеновал. Разговаривают громко, всюду роются... А дышать становится всё трудней, воздух тяжёлый, спёртый. Солдаты продолжают тщательно обшаривать сеновал. Один из них тычет штыком в солому – проверяет, не прячется ли кто внутри. Я чувствую, как остриё протыкает мою штанину, ощущаю прикосновение металла к лодыжке. Штык пошёл вверх. Весь сжимаюсь: куда он ударит сейчас? Штык не вернулся, но я начинаю задыхаться. Не всё ли равно – умереть от удушья или пропасть в плену у турок? Вылезаю – и... Голоса стихли... Скидываю солому, делаю жадный вдох. Слышу затихающие шаги солдат.

В ЖЕНСКОМ ПЛАТЬЕ

На этом мои приключения не закончились. Снова мне захотелось навестить сестру Цвию, что жила в посёлке на окраине Петах-Тиквы. Добрался, заночевал у сестры, а наутро тревога: тот же сигнал колокола. Поселенцы того района, где Цвия работала фельдшерницей, хорошо подготовились к турецким обловам. Они построили укрытия в большой эвкалиптовой роще и тщательно их замаскировали. С наблюдательных пунктов, скрытых деревьями, просматривались весь район и дорога. Услышав сигнал, все мужчины укрылись в роще. Я, конечно, присоединился к ним.

И всё бы ничего, но турки оцепили посёлок надолго. Проходит день, другой, а они всё не уходят. Правда, и такую ситуацию ребята предусмотрели. Одна из девушек каждый вечер приносила нам еду – женщин солдаты не трогали. Точнее, не задерживали и не арестовывали. В остальном... Мы видим, как Ривка идёт по дороге, уже предвкушаем ужин... Два турецких солдата выходят ей навстречу, преспокойно отбирают корзины, выгребают из них содержимое, возвращают владелице: иди, красавица! Обидно. И есть хочется. Жую ароматные листья эвкалипта, чтобы приглушить голод.

Наконец осаду сняли, и мы тут же возвратились в посёлок.

Наш бывший охранник, здоровяк Давид Прайс, скрывался от призыва неподалёку, в глубоком подвале. Он хорошо знал ситуацию.

– В Гедеру хочешь вернуться? А как из Петах-Тиквы выйдешь? Там у турков стоят заслоны, хватают всех мужчин подряд.

– Что же мне так и торчать здесь?

– Ну если мужчин хватают, надо стать женщиной. Переоденешься. Батья тебя проводит.

Батья – двоюродная сестра Давида, у неё в подвале он и скрывался. Две девушки могут выйти из посёлка и пересечь кордоны, не вызывая подозрений.

К вечеру я как следует побрился и надел одно из платьев сестры. Ой как неудобно! И как только женщины в этом ходят? Ещё хорошо, что я порядочно выше сестры, – подол не достаёт до колен. (Мини-юбки не успели ещё войти в моду, даже миди в ту пору не носили.) А рукава? Из них прямо-таки торчат мои мускулистые руки.

Только успел переодеться – стук в дверь. Можете представить, как я изумился, увидев верхового жандарма. Слезать с коня ему было неохота, и он стучал в дверь лошадиной сбруей. Завидев меня, сказал по-турецки:

– Дай напиток, девушка!

Я подал ему кувшин с водой. Он напился, сказал спасибо и ускакал. Что ж, начало неплохое. Если он не узнал во мне мужчину при свете дня, значит, наверняка можно идти в таком наряде ночью.

В назначенный час Батья ждала меня в том месте, которое сейчас называется Кикар-га-Месадим – Площадь Основателей. Я дважды продефилировал перед нею – никакой реакции! Прохожу рядом, задевая рукавом.

– Привет, Батья!

Она вскрикнула и разразилась истерическим хохотом. С ума сошла, люди же ходят. Не хватало только того, чтобы нас разоблачили! Обнимаю её, как подружка, и делаю вид, что рассказываю нечто ужасно смешное. Ах, какие мы славные хохотушки!

– Ерушалаим, ты в этом платье просто клоун! Другого не мог найти?

– А где я другое возьму?

– Пошли к Рахель Арбер. Она почти с тебя ростом, хоть колени прикроешь.

Выяснилось, что Рахель больна и лежит в постели. Её мать провела «двух девушек» в спальню. Мы отодвинули занавеску, и скупой свет проник в комнату.

– Ерушалаим! Ты что, рехнулся? Или сегодня Пурим¹¹¹? – воскликнула Рахель.

Вот ведь незадача: сразу узнала! Услышав о цели нашего прихода, немного расстроилась.

– Да я бы с радостью, только у меня всего одно платье. И что я надену?

Мы пошли назад, обогнули угол какого-то дома, прошли мимо бочки с керосином и увидели стоящую на огне кастрюлю, из которой уже убегало варево. Но разве может уважающая себя девушка пройти мимо выкипающего супа? Кидаюсь снимать кастрюлю с огня – кипящий суп расплёскивается на пожухлую траву. Хоро-

¹¹¹ В праздник Пурим (см. часть 1) принято устраивать веселые карнавальные шествия.

шо, что Батья отскочить успела. Видно, я всё-таки немного неправильная девушка. И вдруг – какие-то крики, громкие рыдания. Торопливо ставлю кастрюлю на траву, и мы бежим узнать, что же происходит. Оказывается, из Кфар-Сабы¹¹² пришла печальная весть: несколько поселенцев арестованы за ношение оружия. Турки сделали всё квалифицированно: тихонько вошли в Кфар-Сабу, пробрались к сигнальному колоколу и подняли трезвон. Ребята бросились туда с оружием – и были тотчас схвачены. Женщина, узнавшая, что её муж среди попавших в руки военных властей, не может сдерживать рыданий. Какая-то старушка кладёт руку мне на плечо и всё спрашивает:

– Что случилось, детка? Что случилось?

Мы выбрались из толпы поселенцев, слушавших подробности печальной истории, и двинулись в сторону Гедеры.

Окрик «Стой!». Впереди, прямо у изгиба дороги, двое турецких стражей. Может, издавела заметили мою странную фигуру, а может, просто хотели проверить, нет ли у нас с собой чего вкусно-го. Прыгаю с дороги в кусты, скатываюсь в вади, бегу, подхватив подол, понизу, потом выбираюсь в заросли на другой стороне и затаиваюсь. Да, трудно бежать в юбке. Ну его к чёрту, этот маскарад! Лежу, прислушиваюсь... Через полчаса на другом краю оврага появляется тоненькая фигурка Батьи. Машу ей. Похоже, всё нормально.

– Что ты им сказала?

– А что я могла сказать? Что ты моя подруга, что немного чокнутая, ужасно боишься солдат и так теперь спряталась, что тебя до вечера не сыщешь. Они уже далеко ушли...

– Знаешь что, Батья? Иди-ка ты домой. Заслоны-то мы уже наверняка прошли, теперь я уж как-нибудь сам.

Как только Батья скрывается за поворотом дороги, срываю с себя надоевшее платье и достаю из узелка свою одежду. Как всё-таки удобно!

И тут же – стук копыт по дороге, ржание лошадей. Может, я всё-таки поторопился переодеться? Снова прячусь в придорожной роще. Всадники проезжают мимо. Видно, торопятся в Петах-Тикву на облаву...

¹¹² Кфар-Саба – город в пятнадцати километрах от Тель-Авива. Основан на месте города времён Второго Храма. В описываемое время в этом поселении было всего несколько десятков домов.

Спускается ночь, всё стихает, теперь каждый звук далеко слышен. Иду, стараясь ступать тихонько, но наступаю на какую-то жестянку, что валяется на дороге. Сколько же шума может случиться от небольшого кусочка металла! Замираю на месте, озираюсь. Нет, всё спокойно. Не слишком решительно поначалу, но всё более уверенно продвигаюсь вперёд. Иду час, другой. В полукилометре впереди показалась арабская деревня Даджун¹¹³. Давид предупреждал, чтобы я сторонился арабских деревень: в них полно турецких солдат и полицейских. Обойти, что ли? Так это ж вёрсты немалые, да и не видно никого. Вхожу в узкую улочку, двигаюсь вдоль тёмных домов...

– Дурмак¹¹⁴!

На меня наставлена винтовка часового: он появился из-за стены дома. Бежать поздно. Ведёт в комендатуру. Надо ж было так вляпаться! И что теперь со мной будет? Посадят? Отправят на фронт или на строительные работы? Но тут затеплился огонёк надежды.

– Эх, жизнь тяжёлая! – вздыхает часовой.

– Понимаешь, я к матери иду... Мать одна, старая уже. Ждёт меня, помочь ей надо, – говорю я и вытаскиваю свой не слишком тугой кошелёк. Начинаю пересчитывать монеты.

– Давай что есть, – вцепился в кошелёк часовой.

– Сейчас тебе всё отдам – и что буду делать, если ещё на кого наткнусь?

– Не бойся, такую дорогу покажу, что до самого Ришона никого не встретишь.

Кроме монет в кошельке лежали записки от жителей Петах-Тиквы к их близким в Гедере и Ришоне. Часовой вытащил записки и деловито вытряхнул в ладонь монеты, затем положил записки назад и вернул мне кошелёк. Показал, как выйти из деревни, чтобы не наткнуться на охрану, и я зашагал в сторону Ришон-ле-Циона. К рассвету был уже в Гедере.

¹¹³ Теперь на месте деревни Даджун – посёлок Бейт-Даган, знаменитый своим институтом сельского хозяйства (институт Вулкани).

¹¹⁴ Стой! (Турецк.)

ФРОНТ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Наступила осень 1917 года. Турки знали, что британцы планируют новое наступление. Напряжение нарастало. Охота за дезертирами прекратилась: видимо, власти решили, что дело не стоит свеч. Однако теперь у нас в мошаве поселили турецких офицеров. В нашем доме, в одной из комнат, выходявших окнами на улицу, поселился настоящий красавец – родовитый араб Маджид из Дамаска. При видной стати и знатном происхождении, он был не спесив, вёл себя учтиво, жильцов не беспокоил. Впрочем, начальство его тоже не особо беспокоило. Дважды за ночь являлась войсковая поверка: нашему жильцу стучали в окно, он вставал, отзывался и снова ложился спать.

Кресс фон Крессенштейн, начальник штаба армии Джемаль-паши. 1916

А вскоре нас опять забрали на принудительные работы. Турецкое командование (оно было теперь в Газе) приказало мобилизовать всех жителей окрестных поселений на строительство железной дороги до Беэр-Шевы: по ней собирались перебрасывать подкрепления на южный фронт.

Я хорошо помню эту свою последнюю шукру. Просторный двор в одной из деревень, большой навес, под которым мы спим ночами, колодец рядом с двором. Утром расходимся на работы, а несколько человек остаются: охраняют наши немудрёные пожитки, заботятся о еде для людей и скотины. Ворота нет, вход во двор на ночь загораживаем телегой, на которую взгромождаем большую бочку, – получается баррикада. Каждую ночь два человека по очереди несут дежурство: один – с вечера до полуночи, второй – с полуночи до утра. Временами с юга доносится приглушённый гул канонады.

Однажды наш прораб-турок с досадой сказал:

– Эх, вся работа – псу под хвост! Англичане подходят.

Мы переглянулись, с трудом скрывая ликование.

Передавая полномочия генералу Алленби, его предшественник Арчибалд Мюррей предупредил: «Газу взять нельзя». Действительно, город был прекрасно защищён и с суши, и с моря. Южным фронтом турок фактически командовали германские советники под руководством начальника штаба полковника Кресс фон Крессенштейна. За успешную оборону Газы он получил прусский орден Verdienstorden, учреждённый ещё Фридрихом Вторым.

В штабе Алленби решили вначале взять Беэр-Шеву, городок на восточном фланге фронта. Британская разведка сумела подбросить турецкому штабу в Газе дезинформацию о том, что будто британцы в третий раз готовят лобовую атаку на город. Англичане даже построили бутафорские военные лагеря и сконцентрировали корабли у берегов Газы, чтобы всё походило на подготовку наступления. И турки перебросили к Газе войска из Беэр-Шевы. Тем временем британцам доставили подкрепление из Австралии и Новой Зеландии: на прекрасных австралийских лошадях.

И тогда британская кавалерия, оснащённая подробнейшими картами, полученными от НИЛИ, выступила в поход на Беэр-Шеву. «Пыль была чудовищной. Мы не видели дальше конских ушей и часто спешили, чтобы лошадям было легче. На них было 120 килограммов поклажи, но они выдержали переход в 36 миль», – записал в своём дневнике рядовой Хантер из австралийско-новозеландского корпуса¹¹⁵. 31 октября британцы взяли Беэр-Шеву, откуда пошли на Газу, а вскоре овладели всем югом Страны, включая наш Гуш-Дан.

¹¹⁵ Материалы об этом походе, включая фотографии, см. [25].

В одну из ночей турки покинули Газу. Тысячи измождённых солдат шли на север, оставляя пушки и амуницию. Жалкое зрелище являл собой этот бесконечный ночной парад.

Моя смена была с полуночи. Я влез на телегу и дивился необычному шествию. Солдаты иногда подходили к нашему двору, но, наткнувшись на охранника, возвращались назад.

На рассвете я увидел четверых всадников. Осанка выдавала в них офицеров. Завидев меня, один из них, мужчина лет сорока пяти, с волевым удлинённым лицом, большим носом и тонкими ниточками крепко сжатых губ, подскакал ко мне и спросил по-немецки:

– Нет ли у вас воды?

Воду у нас обычно выдавали по норме раз в неделю, но новая неделя только что началась. Я посоветовался с ребятами, и мы решили впустить военных во двор. Трое европейской наружности и один турок, все четверо – в высоких званиях. Мы дали каждому по кувшину воды. Немцы принялись пить, а турок сполоснул руки и стал молиться. Следующий вопрос (опять по-немецки):

– Может быть, у вас найдётся что-нибудь поесть?

У нас были маслины, хлеб и джем. Гости ели без торопливости, но с откровенным удовольствием. Потом они немного передохнули, поблагодарили нас за гостеприимство, и командир спросил:

– А что вы здесь делаете?

Мы рассказали, что сами из Гедеры, а здесь на принудительных работах. Офицер подумал немного.

– Поезжайте домой, не надо здесь оставаться.

– Мы не можем вернуться: сразу арестуют, мы же мобилизованы.

– Я дам вам разрешение, никто не посмеет вас тронуть.

Он достал из планшета листок бумаги, написал несколько фраз, расписался и протянул его нам. Офицеры вскочили на коней и ускакали, а мы внимательно прочитали записку. Под ней стояла подпись командующего штабом Кресс фон Крессенштейна. Мы собрали пожитки и двинулись домой.

В дальнейшем фон Крессенштейн не запятнал себя сотрудничеством с нацистами. В годы их власти он просто сидел у себя дома и писал мемуары о Первой мировой войне.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

В Гедере всё ещё стояли турки. Наш квартирант Маджид, как и положено турецкому офицеру, выехал поутру на рекогносцировку местности. Вскоре он вернулся страшно взволнованный. Рассказал, что присел отдохнуть под деревом – и вдруг увидел австралийских разведчиков, скакавших прямо к нему на огромных своих лошадях. Еле унёс ноги, а то был бы уже в английском плену.

Во двор забрели два бедуина с осликом, нагружённым мешками с углём. Бедуины, торговавшие углём, были в то время обычным явлением. Керосина не было, готовили на плите, сработанной из пустой керосиновой бочки. В верхней части делали отверстие, туда насыпали уголь, вставляли железную решётку и ставили на неё кастрюли. Мы с Чернявским вышли к бедуинам, посмотрели уголь. Понравился он нам: настоящий антрацит. Как водится, начали торговаться – с одним из них. Второй, высокий, безбородый, почти не вмешивался. Он вызвал у меня какое-то странное чувство, что-то в нём было не так, и я сказал Чернявскому на иврите:

– Ох, не нравится мне этот высокий!

Молчаливый бедуин, словно только этой реплики и ждал, вдруг заявил, что не уступит ни метлика, и оба тут же удалились.

По ночам турецкие солдаты рыскали по посёлку – искали съестное. В одну из таких ночей мы услышали, как они пытаются взломать двери погреба, и разбудили Маджид.

– Там ваши солдаты ломаются, сейчас весь погреб разнесут.

– А что я с ними могу поделать?

– Вы офицер или нет?

– Что мне, стрелять в них, что ли?

– Да не бойтесь, мы с вами пойдём!

Мы шли немного позади. Солдаты, похоже, уже успели где-то поживиться вином, а теперь их интересовала хорошая закуска. Увидев офицера, направлявшегося к ним с решительным видом, солдаты захохотали.

– Что, Маджид, помогать пришёл? Давай, давай, ломай дверь, и тебе достанется!

Офицер сделал шаг вперёд и потребовал, чтобы мародёры разошлись. Солдаты захохотали ещё громче и стали осыпать Маджид ругательствами. Тот попятился, вид у него был растерянный.

И тут, поняв, что офицер уже не имеет на своих солдат никакого влияния, выдвинулись вперёд мы, хозяин и двое дюжих работников с пистолетами в руках. Солдаты осеклись и поглядели на нас с изумлением: такого оборота они не ожидали. Потом выругались и с мрачным видом удалились. Я подумал, что если армия в таком состоянии, то её конец совсем близок. Я заблуждался. Фон Крессенштайн успешно отвёл основные силы южного фронта, и турки, отдав британцам весь юг, удерживали нашу Галилею ещё без малого год.

Третьего ноября мы проснулись поздно после долгого ночного дежурства. Девятый час, а в поселении тишина, словно перед солнечным затмением. Выхожу во двор – даже птицы не поют. Один из наших работников уже возится в сарае. Спросил его, где Чернявский, где остальные.

– Наверно, спят ещё.

– А Маджид?

– С час назад собрался и уехал.

Я вошёл в комнату Маджида. Кровать заправлена, а вещей постояльца что-то не видно, только в дальнем углу висит полевой бинокль. Забыл или рассчитывает вернуться? Я взял бинокль и поднялся с ним на сеновал. Где-то километрах в полутора от нас – множество чётко различимых фигурок в военной форме. Солдаты окапываются на холмах к западу от посёлка. Значит, англичане хотят взять Гедеру со стороны моря, и турки создают линию обороны.

Я вижу в бинокль, как с востока въезжают в посёлок два всадника. У первого на погоне серебряная звезда. Ого, каймакам (полковник)! Второй – колагасы (капитан). И тут буквально рядом с ними взлетает огромный фонтан песка и глины. Мне закладывает уши от грохота: это разорвался первый снаряд. Я вижу, как падает раненная лошадь полковника. Он соскакивает с неё и бежит назад, на восток. Второй всадник уже ускакал в ту же сторону. Было ровно девять двадцать.

Снова опустилась тишина. Прислушиваюсь – всё то же гнетущее молчание. И вдруг воздух со всех сторон задрожал от раскатистого грохота и воя: англичане обрушили на холмы за посёлком ливень снарядов. Впервые мы оказались в самом сердце войны.

Я спустился в дом, где уже сгрудились ошарашенные домочадцы. Тут же стали прибывать соседи. Видимо, выбрали наш дом

потому, что под спальней был подпол, обычный деревенский погреб, в котором хранилась всяческая рухлядь. Совещаемся под рёв снарядов. Поспешно выгребаем всё старье наверх, тащим матрацы и одеяла – все, какие нашлись в доме – и покрываем ими пол в спальне. Господин Чернявский посмеивается:

– Это ещё зачем?

– А вдруг снаряд попадёт?

Чернявский фыркает:

– Ну-ну, давайте!

Народ кидается к люку.

– А ты в подпол не полезешь? – спрашиваем Чернявского.

– Оно мне надо? Если, не дай бог, накроет... – и только рукой махнул.

Откуда столько народу набежало? И какая сила так расширила помещение под полом, что в него набилось несколько десятков человек? Я потом промерил: четыре на четыре метра. Не могли же все поместиться, но... поместились.

Только влезли в подвал – раздался такой взрыв, что вся округа задрожала. А минуту спустя крышка люка приоткрылась и сверху закричали:

– Врача! Есть здесь врач?

Врач был: наша незаменимая Лиора со своей медицинской сумкой. Тут же схватила сумку и удалилась под грохот разрывов. Потом оказалось, что снаряд угодил в дом напротив и нескольких человек задело осколками. Ещё повезло: ранения оказались не тяжёлыми. А Лиора, после того как оказала первую помощь, нашла убежище в другом месте.

Артиллерия иногда прекращала огонь, но стрекотание пулемётов не затихало ни на минуту. Приближался полдень, накаtywала жара. В подвале стало нечем дышать, несмотря на открытый люк. Было решено, что мужчины выйдут из укрытия.

– Я своего мужа никуда не отпущу, – решительно заявила Мирьям. Они с моим приятелем Амосом поженились две недели назад.

Другие женщины отозвались:

– И я! И я!

Ох уж эти еврейские жёны! В результате во двор из укрытия вышли только мы, неженатые. Взрывы на некоторое время прекратились, но после полудня сильный обстрел возобновился. В комнату ворвался турецкий сержант и потребовал посудину для воды:

у него пулемёт перегрелся. Мы молчали: никто не хотел помогать туркам. Сержант снял с плеча винтовку и заорал:

– Быстро!

Кто-то в подвале взял с полки жестянку из-под керосина и подал ему. Сержант мотнул головой в мою сторону:

– Выходи! Покажешь, где кран.

– Да он у забора, с правой стороны.

Сержант передёрнул затвор винтовки и заорал по-арабски:

– Выходи немедленно!

Чёрт его знает, может и пристрелить в запале. Я вышел под испуганные возгласы оставшихся. Пулемётчик шёл впереди, я за ним. Внезапно в соседнем дворе, в десятке метров от нас, разорвался снаряд. Я пригнулся почти до земли, а сержант слегка повернул голову:

– Не бойся, аллах един!

Весь мой страх мгновенно улетучился, и аллах тут был ни при чем. Мы подошли к крану, пулемётчик наполнил жестянку и убежал к своему пулемёту, а я встал у открытой двери дома. Когда при очередном взрыве из подвала раздавался испуганный вскрик женщин, я важно изрекал:

– Да вы не бойтесь! Это далеко.

Мне нравилось быть храбрым. Поддавшись завораживающему соблазну риска, из дома вышли ещё несколько ребят, и мы проторчали у входа почти до вечера.

Английский самолёт подлетел к синагоге и выпустил вертикально вниз струю дыма, а через одну-две минуты снаряд ударил прямо в лестницу эйзор-нашим¹¹⁶. Там на площадке стоял пулемёт и препятствовал наступлению британской пехоты. Стрекотание пулемёта прекратилось, и довольно долго в поселении стояла полная тишина.

Наш сосед Ханкин вдруг вспомнил, что оставил все деньги дома в шкафу, и решил забрать их. Мы забеспокоились – и не зря, потому что вскоре обстрел возобновился. Но довольный Ханкин уже возвращался с карманами, полными денег. А вечером мы пошли по домам соседей осмотреть повреждения и обнаружили в доме Ханкина аж два неразорвавшихся снаряда. Один лежал на террасе, а второй расколотил в щепки тот самый шкафчик, в котором были

¹¹⁶ Эйзор-нашим – верхний этаж (галерея) синагоги, где молятся женщины.

деньги. Похоже, случилось это вскоре после того, как Ханкин вышел из дома. Везёт же людям!

Перед заходом солнца артобстрел прекратился. Мы увидели колонну турецких солдат, шагающих на запад, на передовую: это шло подкрепление. Но тут рядом с ними ударил снаряд, затем второй. Колонна развернулась и побежала назад.

И снова полная тишина, всё живое затаило дыхание. Мы вчетвером стоим у ворот, вслушиваясь и всматриваясь в нечто неведомое. На главной улице, метрах в тридцати от нас, появляются тени трёх всадников. Они быстро приближаются, и один спрашивает по-французски:

– Есть здесь кто-нибудь?

Амос довольно сносно знает французский, он подходит к всадникам, мы следом за ним.

– Турки здесь есть? – вновь спрашивает офицер.

– Последние ушли полчаса назад, – отвечает Амос.

Всадники отъехали, послышался весёлый свист – и в считанные секунды мошаву заполнили британские солдаты. Десятками входили в каждый дом, тысячи покатались дальше: на восток, к Иерусалиму, и на север, в сторону Галилеи.

Я побегал доить корову: у наших с утра крошки во рту не было. Возвращаюсь в дом – там полно англичан. Какой странный у них язык, никогда такого не слышал! Радостные поселенцы высыпали на улицы. Улыбаются, достают из погребков вино, угощают солдат. Вот только хлеба нет. Бегу к Ханкину – он человек богатый и запасливый, и неразорвавшиеся снаряды уже убраны. Откуда у него в доме такой яркий свет? В гостиной полно офицеров, горят привезённые британцами газовые фонари. Узнав о цели моего прихода, собравшиеся хохочут:

– Турки побывали здесь раньше нас. Всё забрали, даже сырой хлеб из печей.

У некоторых наших крестьян хорошо развита коммерческая жилка. Заморские гости отдали должное бренди местного производства, пожелали и с собой прихватить, и тут же началась торговля спиртным: фунт за бутылку. На улице появились пьяные, и для военной полиции нашлось достаточно работы. Импровизированную торговлю, впрочем, запрещать не стали.

В тот вечер я выучил свои первые английские слова: water, brandy, girls. Три этих слова постоянно звучали в речи солдат. Воду им давали в изобилии, бренди – за плату, а вот с девочками у них

ничего не получилось: здесь вам не Ливерпуль.

Наступила ночь, и бог войны умиротворился. На улицах обычная и совсем не гнетущая тишина. Я заскочил к своим приятельницам: Шуламит, с которой мы так удачно «ходили на дело», и её сестре Ямиме. Сидим, попиваем жидкий чаёк, обсуждаем события прошедшего дня. Вдруг дверь распаивается и вваливается пьяный солдат лет сорока. Показывает пальцем на застывших от страха девушек и бормочет: «гёрлз, гёрлз». Отослал я девушек в другую комнату, а сам объяснил пришельцу знаками, что отведу его к «гёрлз». Вышли на улицу – ни души, дошли до дороги. Помощи ждать неоткуда. Остался лишь один способ избавиться от непрошенного гостя. Крепко стукнул его по затылку – и тот растянулся на шоссе. «Вот и пусть отдохнёт и помечтает о девочках», – решил я и смотался домой. Так я в первый раз бил англичан. Как покажет жизнь, далеко не в последний.

Назавтра я вышел разведать окрестности мошавы. За забором на носилках лежал раненый турок: обе ноги оторваны, раны открыты. Он был в полном сознании, попросил закурить. Пока курил, рассказал, что он из Анатолии, там у него жена и две дочки. Он знал, что больше к ним не вернётся. Так я впервые лицом к лицу столкнулся с ужасами войны. Продолжая свою разведку, забрёл на каменоломню. Изумился, увидев турецкого офицера, сидящего у перегородки с пистолетом в руке, он однако не двигался. Приблизившись, я заметил небольшое отверстие в его каске. Пуля угодила ему в голову...

Через несколько дней к нам зашёл высокий молодой английский лейтенант. Он показался мне удивительно знакомым. Увидев, как я внимательно в него вглядываюсь, спросил по-арабски:

– Не помнишь меня? А ведь я приходил к вам уголь продавать. Оказалось, что он служит в британской контрразведке.

АНГЛИЧАНЕ В ГЕДЕРЕ

Английское командование решило отблагодарить жителей Гедеры за тёплый приём и пригласило всех на вечер в зале гостиницы. Еда, напитки, музыка, танцы... И волыньщики. Представляете: стоит здоровый мужик в юбке, на плече висит пустой надутый воздухом мешок с трубочками. Музыкант поддувает в мешок – и из трубок невидимой змеей выползает тягучая мелодия. А как шотландцы танцуют с саблями!

Но самое главное – две новости, что тут же стали нашим общим достоянием. Первая вызывает замешательство: в России переворот, ещё одна революция. Похоже, наша родина скоро выйдет из войны. И что тогда будет? Удержится ли Антанта? И куда теперь пойдёт Россия? Вторая новость воодушевляет: опубликована Декларация Бальфура, официальное письмо министра иностранных дел Великобритании, адресованное сионистам. *«Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели»*. Неужели не дети и не внуки, а мы сами увидим наше, собственное государство?..

Незадолго до наступления британцев турки конфисковали всех лошадей в посёлке. Крутись как знаешь, хоть сам впрягайся. Что весной будет, когда пахать надо? А на виноградниках и осенью без лошади не управиться. Купил господин Чернявский старую конягу. Был этот мерин той неопределённой породы, которую называют «пегая падла», годился только для лёгкой работы. И вот – о радость: руководство ишува договорилось с новыми английскими властями, и армия снабдила нас австралийскими лошадьми! Что за кони! Слоноверблюды: ростом – верблюд, в толщину – слон. Гора мышц на четырёх ногах-колоннах, блестящая коричневая шерсть. Веер золотистого хвоста, колени передних ног величиной с арбузы – и умные глаза, не омрачаемые ни гневом, ни недовольством.

Я подхожу к нашему новому коню – и он послушно пригибает голову. Взбираюсь на шею, он поднимает голову – и я соскальзываю на круп.

Теперь можно и продать нашего старичка росинанта. Каждый четверг в Лоде¹¹⁷ устраивали ярмарку, на которую съезжались арабы со всей округи. Чернявский упросил меня сбыть конягу.

– Может, продашь лиры за четыре. А не найдёшь покупателя – домой не приводи, оставь кому-нибудь.

Одному ехать на ярмарку несподручно. Сговорился я со знакомым арабом Махмудом, чтобы он выехал на нашем мерине затемно, а я догоню его по дороге на своём австралийце. Переоценил я способности нашей лошадки. Нагнал Махмуда неподалёку от Гедеры, и мы тащились ещё часа три. Когда приехали на рынок, уже всю шла торговля. Но слезть с коня я не успел. Ко мне подъехали двое всадников из военной полиции и приказали следовать за ними. Ведь я восседал на великолепном коне, принадлежавшем военному ведомству, да ещё был в турецкой одежде. (Другой у меня просто не было.)

Камера большая, но не сказать чтоб просторная, ибо народу в неё было напихано много. Все – арабы. Приняли они нового постояльца с нескрываемой радостью и тут же постелили мне «красную дорожку» – циновку, кишашую клопами. Я попробовал устроиться вместе с этими ребятами – и тут же понял, что дышать не смогу. Как они выживают в этом зловонии? Отклонив оказанную мне честь, я встал у открытой двери, неподалёку от часового. А тут и смена стражи. Уходивший охранник сказал сменщику по-французски, кивнув в мою сторону:

– За этим приглядывай. Он шпион.

Неисповедимы пути рассуждений полицейской бюрократии: ну конечно, любой турецкий шпион начнёт с того, что напялит на себя национальную одежду, украдёт армейского коня и отправится на нём на рыночную площадь, чтобы уж точно попасть в лапы врага!

Новый часовой отнёсся к делу серьёзно. Попросил меня отойти от порога и запер дверь. Прошла вечность (возможно, целый час)... Наконец кто-то подошёл к двери и назвал моё имя. Сейчас меня вызовут и дадут возможность всё объяснить, но... Я услышал удаляющиеся шаги. Миновал второй час. И хотя я ещё не был кинематографистом, уже прокручивал мысленно приключенческий фильм о своей дальнейшей судьбе.

¹¹⁷ Лод – один из древнейших городов Израиля (упоминается в египетских источниках 15 в. до н. э.). Находится примерно в 18 км от Гедеры. Неподалёку расположен международный аэропорт им. Бен-Гуриона.

Время приближается к полудню. В камере трудно дышать. Вот уж и третья вечность моего заключения подходит к концу. Наконец вызывают в кабинет коменданта. Там меня напористо допрашивают о Гедере: сколько в посёлке жителей? Назови имена. Я выдержал этот экзамен. Мне сообщают, что уже связались с властями Гедеры, возвращают коня и разрешают ехать.

Вернулся на площадь. Махмуд всё ещё там, но нашего пожилого конька с ним нет.

– Где конь, Махмуд?

– Продал, хорошо продал, – отвечает он, весело сверкая чёрными глазами. – За семь лир продал!

Понятное дело, времени на торговлю у него было достаточно, вот и исхитрился взвинтить цену. Чернявский своим глазам не поверил, когда я выложил на стол эти деньги.

Иметь большого коня – не всегда благо. Как-то выгнал я нашего австралийца погнаться на лугу, на воле. Без седла и уздечки, конечно. Часа через три пришёл за ним, держа в руках маленький прутик, влез на круп и слегка шлёпнул коня по спине. Он понёсся к поселению, решительно набирая скорость. Остановить его не было никакой возможности, оставалось лишь уповать на то, что ворота конюшни закрыты и мой буцефал сам остановится перед ними. К своему ужасу, я увидел, что ворота распахнуты. Пригнаться бесполезно: конь ростом почти достаёт до потолка. Я очень живо представил себе, как ударяюсь о крышу, как хрустят, ломаюсь, мои рёбра... В такие мгновения мозг устраивает аврал. Когда до конюшни оставалось метра три, я упёрся обеими руками в конскую спину, приподнялся и оттолкнулся. Конь влетел в стойло, я же взлетел на крышу, ударился животом и свалился на землю. Кряхтя поднялся и поплёлся в дом, больной и несчастный. Особых травм, правда, не получил, но мышцы живота болели ещё несколько дней.

Пока не пришла весна с её бесконечной работой, я осваиваю английский. Меня учит пожилой австралийский солдат, уполномоченный администрации. Поселенцы выделили ему хорошую комнату, а я к нему как-то зашёл в гости с бутылочкой бренди. Совместная выпивка не только развязывает языки, но и способствует их освоению. Я довольно скоро прибавил к своему словарному запасу из трёх слов ещё несколько сотен и уже мог немного объясняться.

БОЛЬШАЯ ДРАКА

Зима прошла, кончились дожди, наступил первый солнечный и тёплый день. К нам в гости приехал писатель Моше Ставский¹¹⁸. Должен признаться: я смотрел не столько на известного писателя и журналиста, сколько на его коня. В лошадях я тогда разбирался лучше, чем в литературе, а это был такой скакун! Короче говоря, Ставский разрешил мне прокатиться. Гарцую, наслаждаюсь поступью жеребца, как в наши дни автомобилисты наслаждаются ходом хорошей машины. Выезжаю на бобовое поле и вижу трёх молодых арабов, снимающих наши бобы. Ну я вам сейчас задам! Вот уж настиг воров, но пока спешился, они отбежали. Снова вскакиваю на жеребца. Такая игра продолжается несколько минут. Ладно, хотя бы огрею кого-нибудь из них кнутом – и поверну. Только тут до меня дошло, что мы уже на порядочном расстоянии от посёлка. Поодаль сидела на земле группа арабов, человек десять. Воры бросились к ним. Тут поднялся высокий широкоплечий араб с палкой в руке. Видно, что он здесь верховодит. Пожалуюсь, он отругает воров, и дело с концом...

Меня узнали.

– Ерушалаим, – говорит высокий араб, подходит к коню и дружелюбно протягивает мне руку. Я подал ему свою – и тут же сообразил, что совершил большую глупость. Он вцепился в мою кисть и изрёк с торжеством:

– Сказали мне, что ты ударил мою жену. А у нас так: кто поднял руку на женщину, тот должен умереть.

И неожиданно со всей силы ударил меня своей палкой. Невроятным усилием я сумел вырвать руку и ударил его кулаком в лицо. Удар пришёлся по зубам, я разбил руку, и его кровь смешалась с моей. Увы! Это был единственный удар, который я смог нанести. На меня тут же обрушилась дюжина палок, не удавалось даже прикрыть руками голову. Под градом ударов я попытался дотянуться до узды, чтоб ускакать, но двое нападавших, перехватив мой взгляд, вцепились в уздечку. Высокий вырвал из моих рук кнут и сильно стегнул меня. Одним движением я вырвал обе ноги из стремян, оттолкнул двух бросившихся на меня арабов и побежал в сторону ближайшей деревни. Они на мгновение оторопели,

¹¹⁸ Моше Ставский (Стави, 1884 – 1964) – израильский писатель и публицист. См., напр. [26].

но тут же один из бандитов вспрыгнул на моего коня и пустился в погоню. Прыгаю в вади и выбираюсь по противоположному склону. То была довольно гладкая и почти вертикальная стена, но ведь известно, что страх творит чудеса. Преследователю надо было найти пологий проход через высохшее русло. Я уже успел отбежать довольно далеко. На моё несчастье, откуда-то выскочил пастух, охранявший стадо, и вцепился в меня, как спрут. Он держал меня, невзирая на тумаки, которыми я его щедро награждал. Преследователи настигли, вновь посыпались удары палок. Видно, был я тогда сильным парнем. Пытаются ухватить за руки, чтобы затащить в вади, потому что боятся английских патрульных, шныряющих кругом. Умудряюсь уворачиваться. Наконец главарь банды скомандовал:

– Хватит! Всем сесть.

– Герои великие! – сплюнул я. – Двенадцать на одного. Да будь со мной хоть мальчишка маленький – тут же бы разбежались.

– Ударивший женщину может заплатить выкуп, – важно произнёс высокий. – Потому налагаю на тебя штраф в двадцать лир.

– Откуда у меня с собой такие деньги? Пойдём в мошаву, там и получишь.

Я понимал, конечно, что он не такой дурак.

– Напишешь записку господину Шпаку (он был известен и весьма уважаем среди арабов). Пошлём мальчика, получим деньги – тогда и отпустим тебя.

Он подошёл ко мне почти вплотную, всё более распаяясь, брызгая слюной.

– Ты знаешь, кто я такой? Я здесь и шейх, и король. Я никого не боюсь, это меня все боятся. Это я убил вашего Фейнберга, я и тебя могу прихлопнуть.

В доказательство он вытащил кинжал и рванул на мне рубашку. Я почувствовал, как он проводит остриём по моей груди, и увидел капли крови, стекавшие на живот. Кажется, он и себя убедил в своей значительности. В том, что всё вокруг совершается по его слову.

– Поедешь сейчас в Марар – и жди меня там.

– И сколько же тебя ждать в деревне?

– До полуночи, собачий сын!

Скачу, разумеется, не в Марар, а в Гедеру, чтобы снарядить погоню за шайкой. Навстречу идут наши поселенцы.

– Ерушалаим! Что с тобой? Что случилось?

– Потом расскажу. Где ребята?

Влетел в Гедеру, поднял тревогу. Некоторые ещё гуляли по окрестностям вместе со Ставским, остальные уже вернулись. Вскочил на коня мой австралийский приятель, его примеру последовали ещё несколько человек. Подробности своего столкновения с шайкой я рассказывал уже по дороге.

Первым, на кого мы наткнулись, был тот самый пастух. Пришлось припугнуть его как следует, чтобы показал, в какую сторону убежали нападавшие. Там на фоне облаков виднелась чёрная точка.

– Привяжи пастуха к своему мулу, – сказал я одному из ребят.

Пришлось пособнику бандитов бежать за нами. Чёрная точка обратилась группой людей, и стало ясно, что это именно те, кого мы преследуем. Вскоре мы их нагнали. Я скакал впереди отряда. Подъехав поближе, закричал высокому:

– Я не стал ждать тебя до полуночи, сам приехал!

Араб размахнулся своей длинной палкой.

– Клянусь аллахом: подъедешь – убью!

Я придержал коня и правильно сделал. Моше Свердлов выскокил сбоку и получил удар, который чуть не вышиб его из седла. Если бы тот удар пришёлся по мне, некому было бы рассказывать эту историю. Мы с Моше соскочили с коней и навалились на предводителя. Он вырывался с неослабевающей энергией, словно наши удары не причиняли ему боли. А у меня сил уже почти не осталось. Австралиец пришёл на помощь: схватил бандита за грудки, уложил одним ударом, поставил ногу ему на грудь и замахнулся своей сапёрной лопаткой. Я схватил солдата за руку:

– Ты что?! Убьёшь ведь!

Связали бандиту руки за спиной, а другие ребята тем временем схватили остальных членов шайки. Что с ними делать? Отвезти всех в Гедеру нам не по силам, это ясно. Решили взять главаря и одного из молодых воришек. Пастуху и остальным сказали, чтобы убирались восвояси. А они стоят как вкопанные и двинуться боятся. У Изхакеля был длинный хлыст циркового укротителя. Говорю ему:

– Изхакель, хлестни их по ногам, а то они намёков не понимают!

Он так и сделал – и злоумышленники убежали. Двух связанных пленников усадили на лошадей впереди всадников. Главарь повернулся ко мне:

– Ай, господин! За что вы нас схватили? Я тебя сроду не видел и знать не знаю!

Он был так жалок, что стало просто противно. Поколотил бы, не будь он связан.

Когда были уже недалеко от Гедеры, заметили вдаль, в полях, множество людей.

– Моше, на нас поднялась их деревня!

– Да нет, – сказал Моше, – это деревенские нам щавель сажают.

– Столько народу?

– Да мы договорились с подрядчиками, чтобы побольше людей прислали.

И тут мы увидели ползущего по земле человека. Вид его был ужасен. На лице и шее – корка пыли, перемешанной с запёкшейся кровью, одежда грязна и разодрана. Это был один из охранников. Он рассказал, что на них с напарником внезапно налетело множество арабов. Избили до полусмерти. Напарника увели с собой, а ему удалось ускользнуть. Теперь, истекая кровью, он пробирался к мошаве, чтобы оповестить людей. Мы посадили охранника на мула и продолжали путь.

Все наши уже вернулись с прогулки. Узнав о нападении в поле, вскочили на коней, вооружились палками и помчались, чтобы перехватить нападавших. Двое конных английских патрульных, оказавшихся в мошаве, воспользовались возможностью покрасоваться перед девушками: обнажили сабли и присоединились к отряду. Я чувствовал себя неважно, но тоже хотел скакать в погоню вместе с остальными.

– А ты куда? – закричали мне.

– Я с ними.

Не говоря ни слова, двое наших ребят подошли и стащили меня с лошади.

– Иди ложись, на тебе живого места нет.

Голова кружилась. Я вошёл в дом и прилёг на скамье в полузабытьи. Очнулся оттого, что раздался истошный крик предводителя шайки, привязанного к дереву во дворе. Он вопил дурным голосом и требовал, чтобы я немедленно вышел. Я подошёл к окну и не смог сдержать улыбки. Картина была преуморительная. Высокий араб стоял, привязанный к дереву, а на безопасном от него расстоянии важно вышагивал пятилетний Ашаель Цукерман. (Впоследствии он станет директором Центрального управления недвижимостью.) В руках Ашаель сжимал палку, что была длиннее его

самого, и бдительно стерёг пленников. Он был страшно доволен, что ему поручили столь серьёзное дело.

Я вышел, и араб заорал:

– Слушай, можешь убить меня своей рукой, но, ради аллаха, забери мальчишку!

Его нежная душа не могла перенести такого унижения: его охраняет ребёнок.

– Потерпи немного, – отвечал я, – скоро за вами приедут.

Мы с тревогой ожидали возвращения ребят с поля боя. Первыми вернулись два английских всадника. На наши вопросы отвечали коротко (да и какого рассказа можно было ожидать при наших познаниях в английском?): всё в порядке, остальные уже едут домой. Потом наши ребята рассказали, что англичане вступили в схватку вместе с ними, но, получив по нескольку ударов палками, поспешили убраться, крича: «Алеарабу мушквайс!»¹¹⁹. Видно, успели немного поднахвататься арабского за время службы в Египте. Арабов было значительно больше, и неизвестно, как бы всё кончилось. Но тут Моше увидел среди толпы нападавших старосту деревни Марар. А ведь буквально за день до этого между этой арабской деревней и Гедерой была заключена сульха¹²⁰. Моше подъехал к старосте.

– Так вот оно какое твоё слово!

Опасаясь последствий драки, староста велел своим односельчанам отступить, и два лагеря – восемь евреев и сотня арабов – разъехались по своим поселениям. Двое наших тут же отправились в Реховот известить военную полицию и подать официальную жалобу. Остальные вместе с охранником, которого мы освободили, вернулись в Гедеру.

Вечером заявила военная полиция с военврачом. наших пленников забрали, а меня позвали в дом, где врач осматривал избитых. велел мне раздеться и при виде моего распухшего тела покачал головой. Лекарства почему-то никакого не дал: видно, понадеялся на нашу Лиору. Я к ней не пошёл: а зачем? вроде бы болей почти нет. И напрасно!

На следующий день я выехал на пахоту. В полдень в поле приехал Чернявский. Ещё издали приметил, что мои мулы стоят в запряжке, а меня не видно. Спросил пахавшего рядом работника, не

¹¹⁹ Арабы – плохо! (Искажённое арабск.).

¹²⁰ Сульха – арабский обряд примирения.

знает ли тот, куда я подевался.

– Наверно, отдохнуть прилёт, – сказал сосед.

– Ерушалаим не ляжет отдыхать посреди работы, – отвечал Чернявский.

Они оба подошли поближе и увидели, что я лежу на земле...

Обо всём этом мне рассказали некоторое время спустя. Я очнулся в больнице одного из соседних поселений. Никогда ещё за мною так нежно не ухаживали. Окунали во всевозможные ванны, натирали мазями и давали какую-то гадость внутрь. Через несколько недель я вернулся в Гедеру, к своей работе.

Двумя годами позже я прочёл в газете «Хадашот мегаарец» («Новости из Земли Израиля»), что в Гедере, на мельнице, куда окрестные арабы приезжали молоть зерно, произошёл несчастный случай. В заметке говорилось: «Один из арабов, приехавших из селения Марар, по неосторожности попал в большое колесо мельницы». Это был тот самый главарь шайки, что так безжалостно избивал меня и докучал многим и многим, включая самих арабов. Потом до меня дошёл слух, что это был не совсем несчастный случай: ему помогли угодить в колесо.

ВСТУПАЮ В ЕВРЕЙСКИЙ ЛЕГИОН

Мы уже знали, что в Британии создают полк, состоящий из одних евреев. Нам сказали об этом ещё осенью, однако эта новость затерялась в мелочах ежедневных забот. И вот в один из весенних дней 1918 года мы увидели в окрестностях Ришон-ле-Циона палаточный лагерь: это и был тот самый прибывший из Англии еврейский полк. Гедерских поселенцев охватило воодушевление. Шутка ли – наш собственный полк! С еврейскими офицерами и солдатами, со всеми его службами и даже со своим языком. Молодые ребята по всей Стране оставили поля, мастерские, школьные скамьи и пошли записываться добровольцами.

Быстренько выяснили, где штаб полка.

«Как записаться?» – «Приходите на собрание в Реховот».

Полный зал, торжественные речи, радостные лица. Уж теперь-то врагу несдобровать! После речей толкаемся в очереди, чтобы записаться. «И что дальше?» – «Ваши адреса у нас есть. С вами свяжутся».

Проходит неделя, вторая. Вот уж и праздник Пейсах миновал... И наконец – долгожданное письмо из Тель-Авива. «Явиться для прохождения призыва и отправки в действующую армию».

Нас, шестерых молодых парней, провожает вся Гедера. С песнями, вином прошлогоднего урожая и непременно хорой. Едем на войну как на праздник.

Конец второй части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЕВРЕЙСКИЙ ЛЕГИОН

ОТРЯД ПОГОНЩИКОВ МУЛОВ

О событиях, приведших к созданию Еврейского легиона, я уже немного писал во второй части книги¹²¹. События эти начались за-долго до 1918 года, ещё в начале войны. Вступив в неё, Османская империя потребовала от всех своих жителей, чтобы они стали турецкими подданными. Каждый должен был получить документы о гражданстве. Те, кто отказывались, подлежали высылке из империи. Однажды жандармы устроили настоящую облаву, стали проверять документы у всех подряд. У кого не оказалось документов, тех арестовали и, даже не позволив зайти домой, повезли на корабли. И поплыли изгнанники в Александрию, в Египет. С них-то всё и началось.

Под горячую турецкую руку попал мой старый знакомый Иосиф Трумпельдор. В Александрии он встретился с корреспондентом «Русских ведомостей» Зеэвом Жаботинским¹²², и они вдвоём стали убеждать британское командование создать отдельные еврейские части. (Лидеры мирового сионистского движения предпочитали сохранять нейтралитет и не ввязываться во всеобщую драку.)

Жаботинский и Трумпельдор видели в еврейских частях ту силу, которая поможет сокрушить турецкие войска в Палестине. Однако британское военное ведомство не спешило принимать их предложение. Пишут о неких «политических причинах». Всё ещё действовал запрет на призыв иностранцев в британскую армию (его отменят два года спустя). Пишут и о том, что противодействие проекту шло со стороны британских евреев. Да и захотят ли евреи всего мира воевать за главного союзника Британии, ненавистного им русского царя? Пока что командование предложило образовать из депортированных палестинских поселенцев Сионистский отряд погонщиков мулов (Zion Mule Corps).

Жаботинский был вне себя. Погонщики мулов! Пастухи вместо солдат! Более сведущий в военных делах Трумпельдор убеждал его: «Думаешь, в транспорте безопаснее, чем в траншеях? Любой фронт ведёт в Сион. Начнём с этого». Жаботинский отказался.

¹²¹ См. главу «Вражеские подданные».

¹²² Владимир (Зеэв) Жаботинский (1880 – 1940) – один из самых прославленных лидеров сионизма, поэт, драматург, переводчик, основатель Всемирного союза сионистов-ревизионистов. Описал создание Еврейского легиона в книге «Слово о полку».

...Полуостров Галлиполи навис над Дарданеллами, как исполинский пистолет, направленный в сторону Турции. Выстрелить из него по Османской империи было давней мечтой всех российских правителей. Теперь та же идея овладела английским командованием и лично первым лордом Адмиралтейства Уинстоном Черчиллем. План его был многообещающим: английские корабли, подавляя форты противника, входят в узкий Дарданелльский пролив, рассекают турецкую территорию, и войска занимают полуостров. Затем корабли входят в Мраморное море, уничтожают турецкий флот и совместно с русскими войсками атакуют Стамбул. Турция сокрушена. Германия и Австро-Венгрия оказываются в окружении и капитулируют.

План Черчилля приняли, но, как водится, всё пошло не так, как предполагали его авторы. обороной Галлиполи занялись немцы. Они не хуже англичан понимали, как важно удержать пролив. Укрепили форты, поставили минные заграждения, создали подвижные береговые батареи. Английский флот потерял несколько кораблей, а подавить береговые укрепления так и не смог. В конце апреля 1915 года союзники – с огромными потерями – высадили морской десант на мысе Геллес. Удалось даже захватить небольшие плацдармы и пойти в наступление, но оно быстро захлебнулось.

Транспортный отряд погонщиков мулов доставлял на линию фронта продукты, воду и боеприпасы. Их было 650 человек. То было первое, начиная со второго века нашей эры, еврейское военное формирование. Во время высадки английского десанта погонщики выстроились цепочкой и передавали с кораблей бочки с водой. Затем спустили на берег мулов и начали транспортировку боеприпасов. Ночью, под проливным холодным дождём. Отрядом командовал лейтенант-полковник Джон Генри Паттерсон, писатель, охотник и боец. Он был известен не только военными подвигами во время англо-бурской войны, но и тем, что убил двух огромных львов-людоедов, терроризировавших деревни в Уганде. Его книга «Людоеды из Цаво» была очень популярна в начале века. Ирландец, воспитанный в протестантской семье, он стал решительным сторонником сионизма и многое совершил для нашего общего дела. Позднее Паттерсон написал книгу «С сионистами в Галлиполи», где рассказал об участии отряда погонщиков мулов в тяжёлой и кровавой кампании [27].

Как и большинство ирландцев, Паттерсон не расставался с Библией. Один из моих приятелей-погонщиков рассказывал про такой забавный эпизод.

– Стою я на часах возле палатки полковника. И вдруг замечаю: свет в ней горит. А времени уже – почти полночь. Тут командир выскакивает и кричит во весь голос: «Старший сержант!». Вижу: в палатке на столе стоит зажжённый фонарь и лежит большая Библия. На английском, конечно. Сержант появляется. Паттерсон спрашивает: «Скажите, сержант, где сказано “Время разбрасывать камни, время собирать камни”?» – «Не могу знать, сэр!» – отвечает сержант. Да и откуда ему знать? Он же должность старшего сержанта не за знания получил, а за то, что хорошо лошадей подковывал. В общем, покачал полковник головой и ушёл в палатку, очень разочарованный.

– А ты почему ему не сказал? Знал ведь, небось.

– Конечно, знал. Мы в Тель-Авиве в гимназии Тору изучали. А кто меня спрашивал? Я же на посту был.

(Надо заметить, что в британской армии старший сержант обязан знать всё. *Sergeant major* – это не звание, а должность.)

Душой отряда был заместитель командира капитан Иосиф Трумпельдор. Паттерсон нашёл в Трумпельдоре как раз ту черту, которую приметил и я за несколько лет до того: полное отсутствие чувства страха. «Он преображался под огнём противника, и чем жарче становилось, тем больше ему это нравилось. “Вот теперь веселее!” – говаривал он¹²³». Офицеров он распекал за азартные игры (не пристало еврейскому воину заниматься таким позорным делом), требовал, чтобы все бойцы отряда брились хотя бы через день, и вообще старался быть повсюду одновременно.

Но время шло, и безнадёжность кампании становилась всё более очевидной. Поступил приказ об эвакуации. Паттерсон в эти несколько месяцев серьёзно заболел, его отозвали и переправили в Англию. Отходом отряда командовал раненный в плечо Трумпельдор. Эвакуация погонщиков мулов прошла без потерь. За время кампании шестеро из шестисот пятидесяти погибли в боях, двое умерли от ран, ещё пятьдесят пять были ранены, один умер от болезни. Несмотря на протесты Трумпельдора, отряд вскоре расформировали.

¹²³ [27], p.110.

«Они работали со своими мулами спокойно под сильным огнём, проявляя при этом ещё более высокую форму храбрости, чем та, которая нужна солдатам в передовых окопах, – потому что тем ведь помогает возбуждение боевой обстановки...»¹²⁴ – писал командующий операцией генерал Ян Гамильтон.

В 1965 году отмечали пятидесятилетний юбилей боёв в Галлиполи. Туда приехала делегация австралийских солдат, участников операций на полуострове и в Палестине. Турки встречали своих бывших противников букетами цветов. Заехали бывшие бойцы и к нам в Тель-Авив. Мы приняли их, как и подобает принимать братьев по оружию.

– А ведь приятнее, наверно, получать цветы вот так, а не на могилу, – задумчиво предположил один из гостей.

¹²⁴ Цит. по [28].

БАТАЛЬОНЫ

Это были батальоны Королевских стрелков. С тридцать восьмого по сорок второй¹²⁵. Королевские стрелки были одним из самых привилегированных подразделений в британской армии. За что нам выпала такая честь? Возможно, не хотели выделять нас в отдельную бригаду и тем подчёркивать нашу сионистскую принадлежность?

Кто поведёт батальоны в бой? Не думаю, чтобы у англичан были большие разногласия при выборе кандидата. Конечно же, тот самый лейтенант-полковник Паттерсон, что отличился в Галлиполи. Потом, когда мы шли через пустыню, мне приходилось слышать, как солдаты и офицеры называли его вторым Моисеем.

Палаточный лагерь, на который мы наткнулись в конце весны, принадлежал тридцать восьмому батальону. Скоро его солдатам предстояло вступить в бой с турками на севере Страны. Батальон формировали в Англии. В него включили, кроме британских добровольцев, остатки отряда Погонщиков мулов и российских подданных еврейского происхождения. По договору между Британией и Временным правительством россиянам предлагался выбор: вступить в армию Великобритании либо вернуться в Россию и быть призванными там.

Тридцать девятый батальон состоял из граждан США, Канады и Аргентины. Его тоже уже успели перебросить в Страну из Форта Эдвард, что на востоке Канады. В составе батальона прибыл капрал Давид Бен-Гурион, которому через три десятилетия выпадет честь объявить миру о создании Еврейского государства.

Сорок второй батальон оставался в Плимуте, а сорок первый так фактически и не был набран.

В преддверии тяжёлых боев на севере командующий Алленби согласился на призыв в легион жителей Страны, бывших турецких подданных. Так образовался наш сороковой батальон. Среди офицеров, посланных британцами набирать добровольцев, был сын барона Эдмонда Ротшильда майор Джеймс Арман Ротшильд. Он потом остался служить в тридцать девятом батальоне. Много позднее Джеймс Ротшильд станет политиком (от либеральной

¹²⁵ Подробнее об организации и действиях Еврейского легиона можно прочесть в книге [2]. Там же – воспоминания бойцов легиона (в основном из США, Канады, Аргентины и Великобритании).

партии) и филантропом. Здание Кнессета в Иерусалиме будет построено на его деньги.

В батальоне было 1500 бойцов. (Это при общей численности ишува в 50000 человек!) Наш сороковой вообще был уникальной воинской частью. Не было воровства, было полное единство и строгая сознательная дисциплина. Этим не может похвастать даже ЦАХАЛ, считающаяся одной из самых дисциплинированных армий мира¹²⁶. Это и понятно: нас объединяла общая идея, мы все были пионерами Страны и все вступили в легион исключительно по велению души.

Впрочем, остальные полки легиона тоже отличались высоким боевым духом. Ведь после декларации Бальфура борьба за освобождение турецкой провинции превратилась в борьбу за свой, еврейский дом, за возвращение народа в Иерусалим. Над бойцами легиона развевалось, вместе с английским, и знамя сионистов: белое с двумя синими полосами. На левом рукаве у каждого бойца – звезда Давида: красная – в тридцать восьмом батальоне, синяя – в тридцать девятом и фиолетовая – в нашем, сороковом.

А ведь люди с фиолетовыми и красными звёздами были самыми разными. Были воры из бруклинской шайки – они очень уважали своего главаря Микки. Если кто-то оскорблял евреев, Микки тут же вступал в бой и всегда выходил победителем. Когда он предложил: «Ребята, пошли драться за евреев», – «ребята» тут же записались в полк. А вот этого, с типично славянским лицом, называли «русский сержант». Его отец, русский дворянин, полковник, погиб в начале войны в Галиции, а мать с сыном отправились к её родственникам в Америку, где парень и узнал, что его мать еврейка.

Раньше евреев почему-то считали плохими солдатами. Я думаю, что это объясняется не только тем, что у нас без малого две тысячи лет не было собственного войска, но и предвзятостью – обыкновенным антисемитизмом¹²⁷. (Ведь верили же так называемым кровавым наветам и прочей чуши.) Теперь они гордо маршировали по улицам американских и европейских городов, направляясь к месту назначения. Их флаги и нарукавные нашивки вызывали уважение не только у еврейского населения. Множество людей

¹²⁶ ЦАХАЛ – Армия обороны Израиля.

¹²⁷ Рассказням о «трусости евреев» удивлялся ещё Максим Горький, чей жизненный опыт говорил как раз об обратном.

аплодировало воинам в Галифаксе. Их приветствовали в портах и на железнодорожных станциях. Они шли на войну за место под солнцем для своего народа.

БЕН-ЦВИ И ДРУГИЕ

Пятьсот будущих бойцов сорокового батальона приехали в Тель-Авив. Устроились кто где: у родных, у друзей, у друзей друзей. Но парням нужен не только кров – им ещё хочется есть, а кто накормит такую ораву?

За дело взялась молодая женщина со строгим лицом учительницы, Рахель Янаит Бен-Цви. Вот кто был настоящим лидером! Рахель и её подруги организовали столовую для новобранцев. Голодным никто не оставался.

Рассказ о Рахели и Ицхаке Бен-Цви – сюжет для романа. Это история политической борьбы и перипетий того времени. И ещё одна история любви.

Голда Лишанская (так её звали) родилась в городке Малин, что неподалёку от Житомира. Училась в гимназии, подрабатывала уроками иврита. Ещё девчонкой вступила в рабочую партию Поалей Цион, о которой я уже писал в предыдущей части. В восемнадцать лет – арест и несколько месяцев в киевской тюрьме. Потом учёба во Франции, участие в Седьмом сионистском конгрессе в Базеле и наконец приезд в Страну. Здесь она и превратилась в Рахель Янаит. Тогда (как и теперь) новые репатрианты часто меняли имя или фамилию, или то и другое, на традиционно еврейские. Биографы считают, что второе имя она взяла в честь иудейского царя Александра Янная из династии Хасмонеев. Немного странно для члена марксистской партии? Не думаю. (Известно, например, что один из лидеров российских большевиков взял фамилию в честь персидского царя Кира.) Тем более что вскоре после приезда Голда начала преподавать историю в еврейской гимназии Иерусалима. Основатель гимназии, Ицхок Шимшелевич, тоже был из Украины и тоже сменил имя и фамилию: он стал Ицхаком Бен-Цви¹²⁸. В свои двадцать четыре года он уже многое успел повидать. Редактировал партийную газету «Пролетарская идея», дважды был арестован, бежал из-под надзора полиции по поддельным документам. Приехал в Страну и тут же включился в борьбу. Объединил разрозненные и захиревшие остатки партийных групп, занялся изданием газеты на идише, а вскоре был избран в Центральный комитет

¹²⁸ Фамилия Бен-Цви (сын Цви) взята им в честь отца, Цви Шимши, одного из лидеров сионистского движения, сподвижника Теодора Герцля.

Рахель Янаит и Ицхак Бен-Цви. 1913

Президент Бен-Цви с супругой. Начало 1960-х. Реховот

партии и вместе с Израэлем Шохатом¹²⁹ делегирован на Восьмой сионистский конгресс в Гаагу. Кто кого больше любил: сионисты – приключения или приключения – сионистов? Денег, чтобы вернуться в Страну, у этих двух делегатов конгресса не было. Добрались до Триеста, а там нанялись портовыми грузчиками. Через месяц были дома.

¹²⁹ О И. Шохате см. 2-ю часть, главы «Маня Шохат» и «Босяк».

Бен-Цви добился включения в программу партии статьи о пролетарской солидарности с арабскими рабочими. К сожалению, это положение пришлось довольно скоро отменить: пролетарской солидарности не получилось.

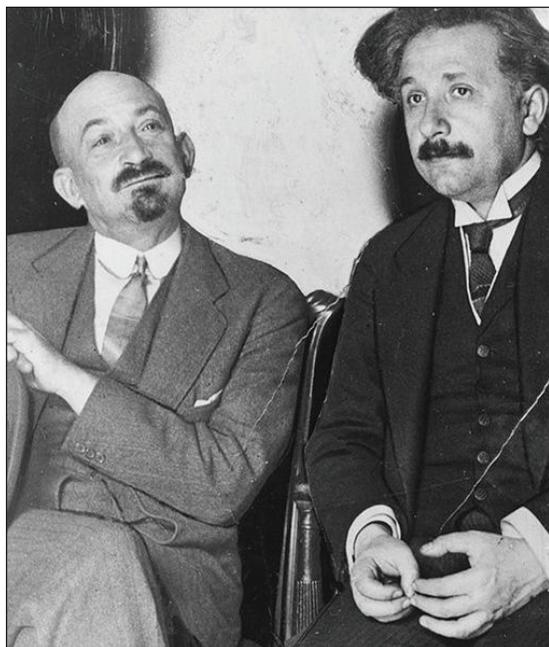
В квартире Бен-Цви в Яффо собирались первые еврейские охранники во главе с Шохатом. Теперь они решили создать военизированную организацию, о которой я рассказал в предыдущей части. В Кфар-Тавор на первое собрание Ха-Шомер приехало несколько человек. В их числе Израэль Шохат со своей будущей женой Маней и Бен-Цви... с Рахель Янаит. Вот так и начался роман профессионального революционера и молодой учительницы, тоже мечтавшей о революции.

Медаль
«Освобожденная Иудея»

Что вообще отличает первых сионистов, начиная с Теодора Герцля? – Они были людьми дела и умели воплощать в действительность совершенно невероятные планы. Вскоре организация Ха-Шомер стала своего рода поселенческой кавалерийской армией. Первым сел на коня Йезекель Хенкин (он умрёт от малярии во время Первой мировой войны) и быстро обучил остальных. Привлекли черкесов, знающих толк в верховой езде, раздобыли оружие. Эта невероятная целеустремлённость и привела в итоге к созданию еврейского государства. От Ха-Шомер путь идёт к организации Хагана и дальше – к ЦАХАЛ.

Еще через несколько месяцев Бен-Цви предложил сподвижникам отправиться в Константинополь изучать юриспруденцию. Набралась целая группа: Израэль Шохат и его будущая жена Маня, Ицхак Бен-Цви и его будущая жена Голда (она сменит имя немного позже), Бен-Гурион, Иосиф Трумпельдор (уже дипломированный юрист). Голда однако вскоре решила закончить своё агрономическое образование и уехала во Францию.

**Хаим Вейцман с
Альбертом Эйнштейном. 1921**

Перед Первой мировой войной все участники группы вернулись в Страну. Кто раньше, кто позже, и почти все – ненадолго. Израэль Шохат был депортирован вглубь Турции, Бен-Гурион и Бен-Цви нашли временное прибежище в Египте, а потом уехали в Соединённые Штаты. Из всего руководства партии в Стране осталась только Рахель Янаит. Она ждала...

И дождалась. Бен-Гурион и Бен-Цви вернулись из США – через Канаду, бойцами Еврейского легиона. Рахель Янаит и Ицхак Бен-Цви поженились сразу после его приезда.

А теперь у Янаит дел по горло с будущим Палестинским полком (он же – сороковой батальон). И мы все крутимся в импровизированной столовой, изо всех сил стараясь быть полезными. Подтаскиваем мешки с крупой, выносим отходы, разжигаем примусы, чистим овощи.

Как-то в конце пятидесятых мы с женой были в гостях у президента Израиля Ицхака Бен-Цви и его супруги. Обоим было уже за семьдесят, немного в их облике напоминало тех счастливых молодожёнов. Но оставалась добрая улыбка Янаит, всё та же прямая спина и гордая посадка головы Ицхака. Вспоминали прошлое, конечно.

– А мы тебя живчиком прозвали, помнишь? – смеётся Янаит.

– Зарйз¹³⁰? Разве?

– Ничего ты не помнишь! Ицик, ты ведь вообще был за то, чтобы идиш стал государственным языком. А тогда мы разговаривали на смеси идиша с русским. И звали тебя по-русски – Живчик! «Живчик, вскипяти воду! Живчик, принеси, пожалуйста, мешок муки!»

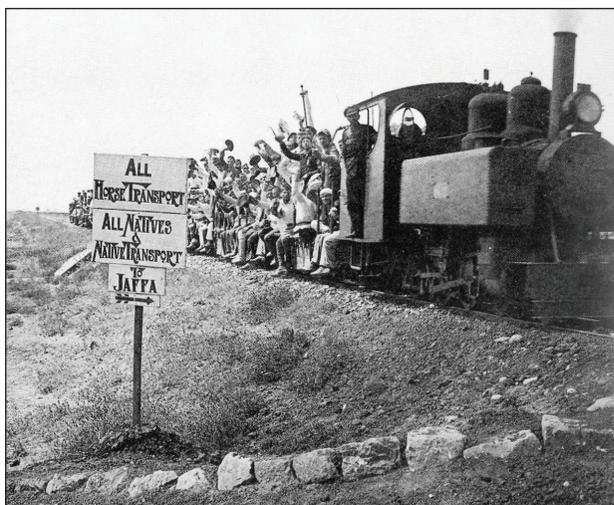
Да где ж всё упомянуть? Мы жили тогда в непрерывном эйфорическом возбуждении.

¹³⁰ Зарйз (זרז) – живой, расторопный (ивр.).

ПОЛК ВЫСТУПАЕТ В ЕГИПЕТ

Дальше всё как обычно: организационная беседа, медицинское обследование. И нашивка на рукав. Я теперь J-25. Что означает эта иностранная буква? «Jewish» (еврейский)? А может, «Jaffa» (Яффо)?

Сержанты из 38-го батальона занимаются с нами строевой подготовкой. На второй день занятий инструктор приказывает мне выйти из строя и принять командование отделением. Теперь я должен обучать остальных ружейным приёмам. «Зачем это мне?» – подумал я. И на своём весьма несовершенном английском стал объяснять, что ещё сам не шибко усвоил всю эту военную премудрость, что ещё не готов командовать, что...

Отъезд добровольцев на фронт. 1918

Сержант прервал меня:

– Рядовой Сигалов, вы в британской армии. Здесь приказы не обсуждаются. Примите отделение.

Два дня я командировал под присмотром сержанта. В начале третьего он объявил, что меня направляют в подразделение подготовки сержантского состава. Не скажу, чтобы это известие сильно меня обрадовало. Подготовка сержантов – это многочасовые изнурительные тренировки. Но что поделаешь, если в британской армии приказы не обсуждаются.

Так продолжалось три недели. Первого июля в зале кинематографа «Эдем» состоялся прощальный вечер. Я помню обилие букетов и обилие девушек. Многоцветие простых, но нарядных платьев, милое разнообразие девичьих лиц и скромных причёсок (косы, стрижки до плеч или чуть прикрывающие шею).

Британское командование ещё не доросло до женской эмансипации. Здесь мы, евреи, были и остаёмся далеко впереди. (Представляю, какой был бы шок для тогдашних британских командиров, если бы они увидели наших сегодняшних защитниц Страны, женщин в звании генералов и полковников, наших лётчиц, артиллеристок и пограничниц). Многие девушки подали заявления, но только нескольким из них дали возможность записаться в легион медсёстрами.

Пели, танцевали и угощались до ночи, а потом гуляли по городу, заходя в дома новобранцев, отмечая отъезд прощальными вечеринками, переходящими одна в другую.

На следующий день доктор Хаим Вейцман вручил батальону знамя с вышитым на нём лозунгом «За народ и веру». Было и знамя организации Ха-Шомер, а на нём: «В крови и пламени Иудея пала, в крови и пламени она восстанет».

Те чувства, что окрыляли нас тогда, не угасали в людях и во все последующие годы. Надеюсь, что они живы и по сей день.

«Следующим призванным – просьба остаться». И секретарь прочитал сотню фамилий. Была и моя в этом списке первых палестинских новобранцев.

И всё тот же Хаим Вейцман, подтянутый, лысый, большеголовый (ни у кого не видывал такого огромного лба), приколот каждому из нас медаль «Освобождённая Иудея». На одной стороне медали – девушка, олицетворяющая народ Израиля, стоит в цепях под охраной римского легионера. На другой стороне та же девушка разорвала цепи, а римский страж спасается бегством. Это был мой первый знак отличия, полученный из рук того, кому суждено было стать первым президентом нашего зарождающегося государства.

Третьего июля грузовой состав подкатил к тому месту, которое станет скоро улицей Алленби¹³¹. Вагоны черны и внутри и снаружи:

¹³¹ Алленби – одна из главных улиц Тель-Авива, названная в честь генерала, руководившего освобождением Палестины (см. часть 2).

в них недавно перевозили уголь. Видимо, у британского командования других не нашлось. Никого из нас это не смущает: подумаешь, запачкаемся немного.

Сколько народу пришло проводить полк! Сколько милых девушек! (Они и теперь – главное богатство Страны.) «Парад поцелуев» – так потом прозвали мы эту сладко-горькую процедуру прощания. А как выросли мы в собственных глазах! Мужчины, воины, защитники.

Дают свисток. Рассаживаемся на полу. Сержант приносит сигареты и спички, по числу людей в вагоне, – и поезд трогается. Через полчаса нас уже не узнать: африканский корпус! Только белки глаз сверкают на тёмных лицах.

– А это чьи спички?

Никто не отзывается – лишний коробок.

– Разыграем?

– А давайте с аукциона продадим.

– Да ну! Кому охота деньги тратить?

– Да не простой аукцион – «Американка» называется. Каждый вносит столько, насколько он поднял цену. Ещё раз поднимешь – ещё вносишь, и все деньги идут в наш общий банк. Будет свой загашник.

Невероятно, но через четверть часа в нашем фонде было две с половиной лиры. Таких денег ни у кого из нас сроду не водилось.

В ПУСТЫНЕ

После томительного жаркого путешествия высаживаемся в Кангаре, недалеко от Суэцкого канала. Он совсем не широкий, вода в нём тёмно-лазорева. Кругом ровный песок, на фоне которого выделяются наши круглые брезентовые палатки. Их поставили к нашему приезду египетские рабочие, которых командование нанимало тысячами. Сразу же начинаем устраиваться по четыре человека в палатке, а на следующий день после утренней поверки нас разбивают на роты, взводы, отделения. Назначают командиров отделений, одним из которых становится ваш покорный слуга. Должность скорее условная: по-настоящему отделением занимается сержант из англичан или евреев тридцать восьмого батальона.

А вот и пополнение прибыло. Бог ты мой, это кто ж такие? Почему так одеты? А говорят на иврите. Не сразу понимаем, что это коренные жители Страны, наши иерусалимские соплеменники. Капитан Редли Сальман описывает их так: «Прибыли семьсот палестинцев весьма странного вида. По команде они мгновенно выстроились в образцовую шеренгу. Невозможно было без смеха смотреть на эту компанию. Одеты в какие-то немыслимые халаты поверх штанов, вплоть до рваной простыни, обёрнутой вокруг тела. Шляпы, кипы, сомбреро, женские соломенные шляпки. Большинство без всякой обуви. Правда, новобранцы из Яффо (Тель-Авива) – те евреи другого сорта. Это люди с настоящей кровью в жилах, энергичные, целеустремлённые, готовые сражаться и умереть за свои идеалы»¹³².

Через два дня – переполох: будет смотр, приедет генерал. Естественно, для нас это обернулось дополнительными интенсивными занятиями: выполнение пехотных манёвров, стрельба. Не мог же наш командир батальона опозориться перед высоким начальством. Так ведь и мы, поселенцы, – народ боевой и сообразительный. Всё прошло как нельзя лучше. После смотра генерал подошёл к нашему командиру взвода, младшему лейтенанту Спарлингу, изящному лондонцу.

– Молодцы! Когда они успели всему этому научиться?

– Заочно, господин генерал, – бодро отрапортовал командир.

¹³² Цит. по [2], 116 ‘7.

На следующий день после смотра мы покидаем Кантару и выступаем в лагерь Аль-Майя, что расположился возле восточных пригородов Каира. Здесь, в огромном палаточном лагере, мы присоединяемся к тридцать девятому американскому батальону. Получаем обмундирование: китель цвета хаки, такого же цвета шорты, нижнее бельё, фуражку, солдатские ботинки. А ещё мыло, зубную щётку и пасту плюс средство для чистки пуговиц. Будем сиять в лучах могучего африканского солнца.

И пошла обычная солдатская служба: утренняя гимнастика, строевая подготовка, упражнения с винтовками, стрельбы. Жара, пылающий песок, на который нельзя опуститься голыми коленями: можно здорово обжечься.

Жить можно, только хлеба мало. Норма – одна буханка на человека в день, выдают по одной трети на каждую трапезу. И правильно делают, иначе мы умяли бы весь дневной хлеб за завтраком. Конечно, есть и каша по утрам, и мясо на обед. Это хорошо, но какая же еда без здоровенной краюхи? Подбираем крошки и выходим из-за стола голодными, жалуемся начальству. Но вот прошёл день, другой, третий – и на столах начинают оставаться корки. Оказывается, не хлебом единым жив человек, но и мясом, и рыбой, и многими другими продуктами.

Обстановка в лагере весьма демократичная. У нас даже есть свой совет, и какие люди его составляют! Все они оставили след в нашей истории, с их именами мы сталкиваемся каждый день – ведь это теперь названия посёлков и улиц. Председательствовал Бен-Цви, будущий президент Израиля, с ним работали Дов Хоз¹³³, Элияху Голомб¹³⁴, Берл Кацнельсон¹³⁵, Леви Эшколь¹³⁶.

Моше Смилянский уже в годах – хорошо известен как пионер сельского хозяйства, основатель профсоюза фермеров, журналист и писатель. Во время еврейско-арабских столкновений, что нач-

¹³³ Дов Хоз – один из основателей Хаганы; будучи офицером турецкой армии, вёл активную антитурецкую деятельность. Был арестован, бежал, заочно приговорён к смерти. После изгнания турок вернулся в Палестину.

¹³⁴ Элияху Голомб – один из создателей Хаганы и Армии обороны Израиля. Вместе с Д. Хозом организовал «Яффскую группу», ставшую ядром еврейской самообороны.

¹³⁵ Берл Кацнельсон (1887 – 1944) – писатель, видный общественный деятель, социал-демократ, один из основателей Гистадрута (профсоюзов Израиля).

¹³⁶ Леви Эшколь (1895 – 1969) – премьер-министр Израиля с 1963 по 1969 г.

нутя через два года, он встанет во главе отрядов Хаганы в Реховоте.

Доктор Меир Вейник тоже не юноша. Он известный в Стране химик и агроном, основатель агрономических и метеорологических станций, исследователь процессов брожения, автор работ по удобрениям, преподаватель гимназии «Герцлия».

А вот и сегодняшний дневальный. Это я, двадцатилетний рабочий, ефрейтор, только что начавший армейскую службу. В обязанности дневального входит утреннее распределение работ. Выкрикиваю фамилии и смотрю в расписание, определяя, что им полагается делать.

– Вейник, Смилянский!

Делают шаг вперед. О ужас, сегодня их очередь выносить парашу, а менять распорядок уже поздно. В обеденный перерыв бегу к ним извиняться, объясняю, что так получилось... Смилянский хмурится:

– Предупреждаю вас, молодой человек: будете давать нам поблажку – пеняйте на себя!

Английский язык преподавал наш старшина, на гражданке он был учителем. Обучал, развлекал: нарисует на доске плачущего котёнка – “crying cat”, а потом одним росчерком превратит его в весельчака – “smiling cat”. Ещё одна линия – и котёнок снова плачет. Хороший учитель – большая удача. Скоро мы уже вполне сносно понимали английскую речь.

В увольнение едем в Каир, большой, орущий, звенящий трамваями. Несмотря на грязь и убогость бедных районов, город ошеломляет своей огромностью даже меня, бывавшего и в российской столице, и в шумной Одессе. А ведь многие из моих товарищей по легиону большого города в жизни не видели.

Прыгаю в трамвай, что идёт в Гизу. Выежаем за ряды плотной городской застройки – и вот она, пирамида Хеопса, розовая в лучах предвечернего солнца: гигантский яркий треугольник то появится в трамвайном окне, то исчезнет за деревьями. Конечная остановка – прямо посреди песчаной равнины без конца и края. Ленивые верблюды дремлют у подножия двух пирамид рядом со своими хозяевами-бедуинами. Третья пирамида, размерами поменьше, стоит поодаль. Желающих прокатиться на верблюде сегодня мало. Я точно не вхожу в их число: что я, на верблюде не ездил? Медленно

обхожу вокруг исполинских сооружений, разглядывая тесно пригнанные друг к другу блоки. Сорок пять веков! Трудно представить такую бездну времени. Выхожу к ушастому сфинксу с разбитым носом. Говорят, он был мишенью французских солдат, когда они упражнялись в стрельбе из пушек. Прохожу от одной лапы до другой, обхожу скульптуру кругом. Нагулявшись, возвращаюсь в Каир и, погуляв по вечерним улицам, иду в часть. Не позднее полуночи надо быть на месте.

Лейтенант Спарлинг и два
ефрейтора его взвода
(справа – Е. Сегал). 1918

Мы делимся впечатлениями, рассказываем, кто где успел побывать.

– Я на представление ходил, – хвастается один из приятелей.

– А где?

– В районе красных фонарей. Там сутенёры крутятся, чуть ли не силком заманивают. Я поглядел: вроде недорого. Дай, думаю, зайду.

– И что показывают?

– Ну выходит женщина, совершенно голая...

– Что, совсем-совсем голая?

– Совсем-совсем.

– Ух ты!

– Потом заводят осла. Она его начинает завлекать. И так, и эдак... А осел и без того уже готов: видно, перед этим к нему ослицу подводили. Потом женщина встаёт на четвереньки...

– Тьфу, гадость какая! Неужели люди это смотрят?

– Ещё как смотрят! наших там не было, зато англичан и австралийцев чуть ли не полный зал. Там и женщины сидели.

– Нет уж, – говорю я. – Пусть кто другой на это глядит, а я не пойду.

Тёплые отношения сложились у нас с командиром взвода лейтенантом Спарлингом, тем самым, что так бойко рапортовал генералу на смотре. Видимо, происходил он из сионистской семьи: его привлекала наша одержимость идеей освобождения Страны. Он явно выделял меня и моего приятеля Авраама, тоже ефрейтора. Подходил в перерывах между занятиями, чтобы поговорить, и, на диво, мы говорили по-английски, и с каждым днём свободнее. В один прекрасный день Спарлинг пригласил нас с Авраамом в хороший каирский ресторан. То было моё первое посещение ресторана. Ровный неяркий свет, музыка, богатая обивка кресел, женщины в вечерних платьях с дорогими украшениями, их солидные кавалеры в костюмах-тройках. Взглянул на возвышение, откуда звучала музыка, и уже не мог отвести глаз: две восточные красавицы в длинных светлых платьях покачиваются ей в такт (впрочем, не очень синхронно), вскидывая и опуская обнажённые руки. Бёдра опоясаны большими цветными платками, подчёркивающими объём и округлость форм. И ткань платьев на животе совсем тонкая, угадывается (или просвечивает?) тёмный пупок. Хорошо, что танца живота в то время ещё не существовало, – я бы так и стоял с разинутым ртом. Но лейтенант ведёт нас в кабинет, и самое интересное на этом заканчивается. В британской армии офицерам запрещено развлекаться в обществе нижних чинов. Так что набиваем животы, постепенно соловая от обильной пищи, и наслаждаемся разговором в меру наших познаний в языке. В часть возвращаемся до полуночи, успев по дороге сфотографироваться втроём в одной из многочисленных каирских фотостудий.

ПРОБЛЕМЫ И КОНФЛИКТЫ

Но далеко не всегда в полку царит идиллия. Отношения между солдатами и их командирами-сержантами не бывают безмятежными.

Подразделения тридцать девятого американского батальона ушли на фронт биться с турками на севере Страны. Уже одно это приводит нас в уныние: они сражаются за нашу землю, а мы сидим на раскалённом песке вдали от настоящей войны. Нашими командирами стали теперь британские евреи, мобилизованные против воли. Им непонятно и чуждо наше желание идти воевать.

Утро. Я вернулся в свою палатку из ночного караула и, страшно уставший, свалился на койку. Однако проспал недолго: в палатку ввалился раздражённый сержант.

– Ефрейтор Сигалов! Вы почему не на занятиях?

– Я только что из караула. Согласно уставу, имею право на отдых.

– Вы мне уставом не тычьте. Подаю на вас рапорт за уклонение от утренних занятий.

Вызывают меня к командиру роты.

– Почему вы находились в палатке во время занятий?

– Я только что вернулся с караульного поста.

– Можете быть свободны.

Отхожу в сторону, занимаю наблюдательную позицию возле штаба и жду, чем дело кончится. Минут через пять выходит мой сержант. Лицо красное, злое, чуть ли не слёзы на глазах. Ещё бы не обидно: он, старослужащий из Лондона, получил нагоняй за какого-то новоиспечённого палестинского ефрейтора!

«Разделяй и властвуй» – эта традиционная унтер-офицерская стратегия не работала в нашем батальоне. Молодые еврейские поселенцы – народ сплочённый...

Полночь. Из сержантской палатки несутся отчаянные вопли. Сержант Сальсидо, который любил поиздеваться над солдатами, лежит на земле, стонет и зовёт на помощь. Голова его закутана в одеяло. Сержанта утаскивают в лазарет и выясняют, кому это одеяло принадлежит. Понятно, что самому Сальсидо, – мы же не дураки.

Тренировки и учения продолжают. Особенно достаётся нам, четырём десяткам бойцов, которые проходят курсы сержантов:

из нас торопятся сделать командиров. К удивлению курсового начальства, мы не жалуемся. Старательно выполняем все упражнения, занимаемся на плацу, выходим на стрельбы и марш-броски, изучаем тактику. Скорее уйти на фронт!

Подходит суббота. Наш «главный», Дов Хоз, выяснил у начальства: конечно же, занятий у нас не будет. А в воскресенье англичане отдыхают. Но жалко два дня терять. «Не годится вынуждать их работать по воскресеньям», – говорит Хоз и отправляется в штаб. Возвращается довольный: наши учителя-англичане согласились отдыхать в субботу вместо воскресенья.

Но на фронт нас не отправили, а переместили в другой лагерь, Таль-Кабир. Там раньше стояли австралийцы со своими лошадьми, их наследство – кучи лошадиного навоза и полчища блох. Сколько карболки мы извели, очищая территорию, вообразить невозможно.

Вот уж и ребята из тридцать девятого батальона вернулись с победой. Вместе со своим командиром полковником Марголиным они форсировали Иордан. А мы пропадем в пустыне. Поговаривали, что причиной этому какие-то полковые неувязки и распри внутри начальства, – не могут решить, кого поставить командиром бригады. Нам от этого не легче. По ночам в отдалении от лагеря наши проводят митинги. Участники выставляют охрану вокруг места сбора и обсуждают ситуацию. Мы знаем, что там верховодят Давид Бен-Гурион и Ицхак Бен-Цви, и наш Дов Хоз там бывает. Англичане пока ничего не подозревают или делают вид, что не подозревают, однако на этих митингах зарождается антибританское подполье, которое отпразднует свою победу тридцать лет спустя.

Сперва яблоком раздора стал иврит, наш древний язык, к которому мы относились с большим почтением. Ведь он объединял нас, приехавших из разных уголков мира. Началось с отдельных случаев неповиновения. Запретит нам английский сержант отдавать команды на иврите, а мы словно и не слышали запрета. Сержант возмущён: «Почему не подчиняетесь приказу?» – «Виноват, я не понял». И поди знай: то ли сознательное неповиновение, то ли с английским у него плоховато.

Потом пошли столкновения посерьёзнее. Упрямый английский сержант попался: «Команды на построение к обеду – только на английском». Это обращено к нам, израильским сержантам. Прекрасно. Командуем: «Смирно!» – все стоят по стойке «вольно».

Повторяем команду – никакого результата. Сержант зеленеет от злости. Тут же вызывает непосредственного начальника, сержант-майора, и объявляет, что рота взбунтовалась. Тот командует – и вся рота как один человек выполняет команду. Отчитал он английского сержанта и удалился. Но гласит английская поговорка: «Можно подвести лошадь к воде, но невозможно заставить её пить». Подходим к столовой – и рассредоточиваемся, внутрь не заходим. Вот это уже настоящее восстание в глазах начальства. Офицеры засуетились. Обязанности командира нашей роты выполнял в то время лейтенант Самуэль, не слишком бравый вояка, трусы вечно торчат из-под шортов, – но человек неплохой. (После демобилизации он останется в Стране и будет работать судьёй в Тверии.) Самуэль как раз ожидал повышения в звании, и проблемы в роте были ему совсем не с руки. Созвал он нас, израильских сержантов, и стал убеждать прекратить эту забастовку.

– Да мы не против. Мы вообще готовы выполнять все приказы, только вот солдаты не хотят подчиняться.

– Так повлияйте на своих товарищей! Кому и что вы хотите доказать? Никто вам здесь ничего плохого не желает. Спокойно и дружно идите на ужин – вот и всё.

Жалко было несчастного Самуэля, но не отказываться же от добытого с таким трудом права на собственный язык!

Срочно организовали сбор средств для тех, у кого не было денег, чтобы ходить в кантину¹³⁷. Весь батальон участвовал, восхищённый упорством ребят из нашей роты. Так мы и питались ещё два дня, а на третий день командир батальона полковник Марголин подписал приказ о том, что все основные команды должны отдаваться на иврите.

Ещё одна напасть на наши головы – это александрийцы. Пришло пополнение: египетские евреи, преимущественно из Александрии и окрестностей. Выходцы из неимущих слоёв, не имеющие профессии, ничего не знающие о сионизме, они вступили в полк, прельщённые посулами сытой и безбедной жизни в легионе. Они оказались удобным инструментом в руках офицеров и сержантов, ополчившихся против иврита. Воинских команд, казалось бы, не так и много, ничего не стоит выучить, как они звучат на иврите. Так ведь нет, кричат, что ничего не понимают. Да и вообще учатся

¹³⁷ Кантина – войсковой буфет.

спустя рукава. А самое неприятное: в батальоне начались кражи. Не было никакой надежды сделать из александрийцев путных солдат.

Поздний вечер. Я поставлен начальником караула. Подхожу к большой палатке, что служит гауптвахтой. В ней сидят под арестом шесть-семь александрийцев. Уже давно был отбой, и в лагере тихо, только из гауптвахты доносятся голоса. «Вот нахалы, даже голоса не понижают!» Навострил уши. Оказалось, недооценил я их нахальство: они не просто болтают, а сговариваются о побеге – в полной уверенности, что никто в лагере не понимает по-арабски. Решают так: вскоре после полуночи один будет приглядывать за часовым, а остальные приподнимут заднюю часть палатки и разбегутся. Потом все встретятся в условленном месте и двинут прямо в Каир. Вызываю дежурного офицера. У арестантов конфискуют брюки и ботинки, выставляют дополнительную охрану. Да, очень часто люди малокультурные считают других дураками.

В лагере Легиона. 1918

Когда александрийцев демобилизовали, мы вздохнули с облегчением: теперь не надо прятать имущество от воров, да и некому поддержать английских командиров в противодействии ивриту. Впрочем, английские офицеры и сержанты находили другие способы третировать нас.

Идёт концерт – из тех, что устраивали силами бойцов батальона. У нас много талантов, как и в любом большом коллективе. Есть и полковой оркестр под управлением британского музыканта, нашего несравненного Цви Сильвера. Я в это время торчу снаружи:

мне выпало командовать караулом. Прислушиваюсь и присматриваюсь к тому, что происходит в клубе. Вот концерт заканчивается, следует исполнение гимнов: вначале «Ха-Тиква»¹³⁸, за ней «Боже, храни короля». Солдаты поднимаются с мест, встают по стойке «смирно» и поют об окрыляющей нас надежде двух тысячелетий: быть свободным народом на своей земле. Командиры-британцы и ухом не ведут – сидят себе, расслабляются... Заканчивается пение нашего гимна. Теперь встают англичане: «God save great George our king»¹³⁹. А наши солдаты... начинают спокойно выходить из зала. Выскакивает возбуждённый английский лейтенант, поднимаются ещё двое командиров из тех, что сидят возле выхода. Всех не арестуешь, конечно, но человек пять-шесть им удаётся схватить. «Немедленно отправить под арест», – приказывает один из старших командиров. Спешу к своим, поднимаю караул (все – с примкнутыми штыками), инструктирую. А дальше всё по уставу. Кто служил, тот знает: если к караульному помещению приближается отряд, превосходящий караул по численности, его надо остановить на надлежащем расстоянии. При неподчинении – два предупреждения, а потом – по обстоятельствам. Можно и стрелять. И вот ведут наших ребят под арест. Командую: «Командир – ко мне, остальные – на месте!». Группа останавливается. Молодой лейтенант подходит ко мне и объясняет происходящее. Я выслушиваю и киваю: «Хорошо. Можете проходить». Лейтенант поворачивается и... Арестованные исчезли! Только два растерянных сержанта стоят, даже не понимая, что произошло. Они и пикнуть не успели, когда из темноты выскочили мои караульные и мгновенно окружили группу. А в следующее мгновение уже разбежались во все стороны вместе с пленниками. На том всё и закончилось. Начальство, разумеется, не захотело предавать инцидент огласке.

¹³⁸ Ха-Тиква («Надежда») – национальный гимн еврейского народа, с 2004 года – гимн Израиля.

¹³⁹ Боже, храни нашего короля Георга (англ.)

СВИРЕПЫЙ АРЕСТАНТ

Начальство, похоже, всё ещё не может или не хочет найти нам достойное применение. Возмущение в батальоне нарастает. Объявлена «забастовка настроения». Никаких улыбок, никаких бравых песен или иных проявлений рвения. Ходим спокойные и мрачные. Получаем приказ – холодно отвечаем: «Yes, sir» – и молча выполняем задание. Англичан это сильно раздражает.

Чтобы немного нас замирить, устраивают трёхдневные стрельбы: как-никак развлечение. Неожиданно я становлюсь знаменитостью. Честное слово, не знал, что так метко стреляю. Может, наследственное? Отец мой, когда служил в русской армии, был снайпером, и его даже наградили большими серебряными часами. В последний день соревнований заявили офицеры во главе с самим полковником Марголиным. Волнуюсь, конечно, однако четыре пули – в яблочко. А пятая... Ощущая на себе взгляды всего нашего штаба, нечаянно нажимаю на спуск, не успев толком прицелиться. Вижу, как пуля взрыхляет землю в нескольких десятках метров передо мной. Маркировщик показывает попадание в центр. Что за притча? Я в замешательстве, а командиры решают, что в землю вошла пуля моего соседа слева. Он, наверно, и на курок-то ещё не успел нажать, но начальству всегда виднее. Вот что значит репутация!

Дня через два после состязаний в стрельбе меня вызвал старшина.

– Поедешь в Каир, заберёшь арестованного. Подбери четырёх надёжных ребят, возьмите винтовки и патроны: парень сильный и опасный – избил сержанта. Если попробует бежать, можете менять оружие.

Вот уж забота на мою голову! Вместо того чтобы с турками драться, своих должен конвоировать. Отобрал четырёх солдат, на которых можно положиться, и с тяжёлым сердцем стал собираться в дорогу.

Узнав, что я еду в Каир, ребята завалили меня заказами. Каждому надо было что-то купить: деликатесы, шоколад, бритвенные принадлежности и чёрт знает что ещё. Так что в тюрьму, где содержался арестованный, попали только к вечеру, а до того по магазинам рыскали. Преступника нам не выдали, велели прийти утром. Откровенно говоря, мы на это и надеялись. Ночью пере-

мещать арестантов не положено да, и не хочется. Любопытно, однако, было взглянуть на этого хулигана, чтоб знать, к чему быть готовыми завтра. Инструкция гласила: если придётся надеть на конвоируемого наручники, то пешком не вести, а нанять извозчика. Не должны люди видеть британского солдата в кандалах!

Оставив ребят подождать, иду к начальнику тюрьмы. Тот колебался немного, но разрешил-таки поглядеть, предупредив, что заключённый весьма свиреп. Вхожу в тёмный барак. Освещения нет, поскольку с наступлением вечера арестантам полагается лежать на нарах. Начальник тюрьмы выкликает: «Моше». Парень соскакивает с нар. Я зажигаю спичку, чтоб разглядеть его лицо.

– Сигалов! – бросается ко мне арестант.

Охранники кидаются на него – думали, что парень хочет меня убить. Я их останавливаю, потому что тут же узнаю того, кто передо мной.

– Криткер! Моше!

Я, признаться, не смотрел на фамилию в бумагах: какая, в конце концов, разница?

– Ну да, Мерхавия. Помнишь?

– «Она козла доила!»

Интересно, что думают о нас начальник тюрьмы и охранники? Двое сумасшедших на их голову?

– За что они тебя?

– Хорошо врезал одному антисемиту. Американец. «Какие из вас солдаты! Вы, кайки¹⁴⁰, только обжуливать умеете». После первого раза он не заткнулся, пришлось добавить.

– Погоди, а как ты к американцам попал?

– Обыкновенно. Ещё в начале войны повязали. Выслали в Александрию. Оттуда в Америку ушёл, там и в легион вступил.

На следующее утро мы с нашим арестантом отправились в путь.

– Ерушалаим, – говорит Моше, – у меня тётка в Каире, я её столько лет не видел! Может, отпустишь повидаться? Приду к поезду, честное слово!

И что прикажете делать? Отказать парню, с которым жил и работал бок о бок? Но... Всякое ведь бывает.

– Извини, мне надо с ребятами посоветоваться. Постой пока здесь.

¹⁴⁰ Кайк (Kike) – оскорбительная кличка евреев в США.

Отошли на несколько шагов, посовещались.

– Знаете что, – сказал вдруг один из них. – Если что, просто симулируем побег. Пара выстрелов в воздух, пробежка. Извините, мол, виноваты: слишком ловкий арестант попался. Обманул нашу бдительность, кинулся бежать, а стрелять опасно: народ кругом.

С тем мы его и отпустили.

В назначенный час стоим на перроне. До отхода поезда ещё пятнадцать минут. Десять, пять, четыре... И, как назло, кругом полно военной полиции. Удастся ли разыграть сцену так, чтобы поверили?

– Давайте! – говорю ребятам.

Двое остаются на месте, а мы втроём начинаем бег вдоль поезда.

– Стой! – громко кричу я. – Стой! Стреляю!

Двое полицейских оборачиваются.

И тут мы видим, что нам навстречу на всех парах несётся наш «разбойник». В руках большой свёрток. Разворачиваемся, бежим назад и все вместе прыгаем в вагон. Полицейские бегут в нашу сторону, пытаюсь определить, в какой вагон мы вскочили. На наше счастье, поезд тут же трогается.

В свёртке, разумеется, были пироги и прочие вкусности от доброй тётушки, что несколько лет не видела племянника. До самого Таль-Кабира жуём и ведём задушевные беседы.

Я встретил Моше через несколько лет в Тель-Авиве. В той ситуации его могли бы и в штрафную роту отправить, но скоро война закончилась. Амнистировали, потом демобилизовали.

В ОХРАНЕ

Очередная передислокация. Нас перемещают в Рафиях, что неподалёку от Газы. Это вселяет надежду: мы приближаемся к ишуву, мы уже почти в Стране. Скоро надежда сменяется разочарованием. Нас и здесь используют для охраны британских военных объектов – складов трофейного оружия и боеприпасов.

Учений с нами не проводят, так что самая утомительная для нас процедура – купание в море, отделённом от лагеря широкой полосой дюн. Дорога к морю трудна, зато мы вознаграждены погружением в прохладные солёные воды. А возвращаемся уставшими и злыми. Весь кайф от купания пропадает за время обратного пути.

И вот я снова дежурный сержант и вместе с дежурным офицером обхожу караулы. Приближаемся к складу боеприпасов. Издалека замечаю сидящего часового. Спит! Это преступление. Хоть и стоим мы в пустыне, хоть и нет вокруг никого, кроме нас, а склад с оружием – это серьёзно. Начинаю нарочно громко говорить, со звоном натываюсь на каждую консервную банку – парень не шевелится. Подходим ближе и ближе.

– Вам не кажется, что этот часовой просто спит? – спрашивает офицер.

– Нет, – отвечаю я, – с такого расстояния не определить.

Говорю очень громко – проснись же ты наконец!

Этот часовой неплохо соображает: не вскакивает сразу, а приподнимается медленно-медленно, чтобы было незаметно, как он меняет позу.

– Стой! Кто идёт?

Мы представляемся.

– Какой низенький! – говорит офицер. – Мне показалось, что он сидит.

Часовой в самом деле был весьма невысок ростом.

Наконец начальство нашло нам более серьёзное применение. Уж лучше бы не находило.

На Кипре вспыхнуло восстание против британского владычества. Поступил приказ направить батальон на его подавление. Наши товарищи из внутренней (еврейской) администрации легиона выразили решительный протест. Мы заявили, что записались

добровольцами для того, чтобы сражаться за освобождение Страны Израиля, а не воевать с населением британских колоний. Приказ, тем не менее, оставался в силе, и однажды утром возле нашего лагеря остановился грузовой состав.

Звук сигнальной трубы созвал всех на общее построение, и мы по команде зашагали к поезду. По цепочке передали распоряжение внутреннего руководства: в поезд не садиться. Раздаётся команда «По вагонам!» – стоим, словно не слышим, ни один человек не двигается с места. Среди британских офицеров замешательство, выскакивает один из них и кричит, что это мятеж, что если мы немедленно не подчинимся, всех ждёт трибунал. Мы понимаем: стоит кому-то дрогнуть, податься – и наше дело проиграно. Но таких, к счастью, не нашлось, и батальон продолжает стоять. Офицеры засуетились, побежали созваниваться с высшим начальством. Наконец нас разворачивают и ведут обратно в лагерь.

Скоро мы узнали, что поступил приказ разоружить полк. Взводные офицеры с сержантами идут собирать винтовки. Взвод построен. Все уже знают приказ нашего руководства: оружия не сдавать. Я подхожу к бойцу и приказываю на иврите:

– Сдать винтовку! Не сдавай!

Поворачиваюсь к не понимающему иврита офицеру.

– Солдат отказывается сдать оружие, сэр.

Процедура повторяется со следующим бойцом – и так со всеми остальными. И мы снова расходимся по палаткам.

О дальнейших событиях мы узнали позднее от друзей из стоявшего неподалёку полка австралийцев. Их командиры получили распоряжение снарядить пулемёты, окружить еврейский лагерь и ждать приказа к выступлению. Посовещавшись и поговорив с солдатами и младшими командирами, австралийские офицеры сообщили командованию, что их полк отказывается выполнять приказ.

– Еврейские солдаты – отличные ребята и наши друзья. Мы против них не выступим.

Британскому командованию пришлось отказаться от своих планов: пойти на риск одновременного бунта в австралийском полку и еврейском легионе они не могли. Но и оставить инцидент без последствий было тоже несолидно. Наверху было решено, что, поскольку солдаты отказались выступить на Кипр, они считаются служащими по месту жительства, а потому им положена только половина армейского жалования. Мы страшно возмутились несправедливостью такого решения. Ничего себе «по месту

жительства»! И батальон отказался получать жалование – до тех пор, пока нам не вернут прежнего оклада. После долгих разборок и препирательств (вмешались руководители сионистских организаций) командование уступило и выплатило нам полную сумму: рядовым – по четыре лиры в месяц, а сержантам – аж по двенадцать с половиной.

А меня скоро опять перебросили в Кантару, на берег Суэцкого канала. Не хотелось уезжать из Рафияха, где друзья, где всё привычно, но что поделаешь, служба есть служба. Сержантов вообще часто меняли, чтобы сгладить конфликты. В этот раз проблема возникла с сыновьями писателя Рувима Брайнина¹⁴¹, ньюйоркцами, служившими в Кантаре. Они жаловались на проявления антисемитизма. Начальство решило, что проще всего будет поменять нескольких тамошних сержантов на наших.

Моя группа охраняла центральные армейские склады. Никогда в жизни таких грандиозных складов не видел. Это же сколько всего требуется британской армии на Ближнем Востоке! Территория в два квадратных километра окружена заграждениями из колючей проволоки. Склады находятся прямо на берегу канала, в доступности для грузовых судов. Товаров – на многие миллионы фунтов стерлингов. Главный наблюдательный пункт размещается на горе из мешков, что занимает несколько акров и возвышается на шестнадцать метров. Рис, овсянка, шоколад, сгущённое молоко – британский солдат не должен быть голодным. Рассказывали, что приостановка наступления перед прорывом на север Страны была связана не со стратегическими соображениями. Генерала, командующего операцией, якобы спросили о причинах задержки, и тот отвечал:

– Нам не хватает шоколада. Ожидаем прибытия новой партии.

Скоро я понял, в чём заключался антисемитизм по отношению к братьям Брайнин. Грубая солдатская атмосфера, грязные анекдоты во время карточной игры. Возможно, попадались и «еврейские», – для братьев это было непереносимо.

¹⁴¹ Рувим (Рубен) Брайнин (1862 – 1939) – видный еврейский публицист, писатель, деятель сионизма. Жил в России, Европе, Канаде и США. Писал на иврите и идише.

Мы охраняли склады ночью, а при свете дня с них не сводили глаз англичане: начальник базы в звании капитана, старшина, десяток сержантов и множество рядовых. Днём в лагере царила суета. Сотни рабочих подвозили припасы и амуницию, повсюду толклись приёмщики. Однако в пятом часу пополудни воцарялась тишина. Англичане запирали ворота, осматривали территорию, после чего власть переходила в мои руки. Единственный проход на территорию базы – рядом с моей комнатой. Дальше – коридор шириною метра в полтора. В течение пятнадцати часов по нему курсируют часовые, проходят дозорные. Весь лагерь под нашей ответственностью. Я запретил брать что-либо на складе, но когда солдат уходил в отпуск, мы снабжали его сахаром, сгущённым молоком, шоколадом. Дома все это было в огромном дефиците, а то, что мы изъяли за все месяцы нашего дежурства, было каплей в море складских запасов.

По ночам я на правах босса заходил в кабинет капитана и читал бумаги, поступившие из штаба. Дела о кражах, злоупотреблениях – словом, летопись армейской жизни. Попадались и довольно занятные истории. Вот суровый приговор солдату, которого поставили охранять военнопленных, а он так их боялся, что открыл по ним огонь и всех перестрелял. А вот приказ: всем командирам частей предоставить военным-евреям отпуск, с тем чтобы они могли к Дням трепета добраться до ближайшей синагоги. Само собой, приказ до нас не дошёл. Да это и не имело значения: в пустыне не было «ближайшей синагоги».

РАЗВЛЕЧЕНИЯ НА БЕРЕГУ КАНАЛА

Скучно было в лагере. Днём времени свободного много, а деть его особенно некуда. Скуку немного развеивают суда, проходящие по Суэцкому каналу. Жаль, что слишком быстро проходят: только успеем помахать людям на палубе, только успеют они нам ответить – и ушёл уже корабль на юг, в заморские страны, либо на север: к нам в Яффо и дальше – в Турцию, Грецию.

Купание в канале – отрада для души и тела. Одно плохо: плавать я практически не умею, не пришлось как-то. А это ведь канал, а не речка, глубина – сразу восемь метров. Страшно завидую приятелям, что сигают прямо в зеленоватую воду и несутся саженками чуть ли не до середины. В одном месте по бетонной стене опускается в воду металлическая лестница. Осторожно спускаюсь по ней и, не отпуская перекладин, погружаюсь в воды двух морей. И вот во время одного из таких погружений получаю сильный толчок сзади, и вода смыкается надо мной. Мыслей нет, только бесконечный ужас: дальше уже не будет ничего! Потом чувствую, как меня подхватывают и тащат наверх, к свету. Лежу на песке и ничего не вижу, кроме серых песчинок возле самых глаз. Дышать трудно, кажется, вся грудь заполнена водой, и из неё вылетает только тихий сипящий кашель. Постепенно окружающая картина наводится на фокус. Вижу уходящую вдаль пустыню и стоящих рядом ребят.

Казалось бы, этот случай должен был отбить у меня охоту даже приближаться к воде, но всё получилось ровно наоборот. Отлежавшись, подхожу к лестнице, провожаемый встревоженными взглядами приятелей. Спускаюсь в воду, выпускаю из рук перекладины – вода меня держит. На следующий день решаюсь отплыть на метр-другой от лестницы, а через неделю уже стараюсь поспеть за однополчанами, быстро отмахивающимися саженками в сторону Синайского полуострова.

Такие эпизоды, когда доводится поверить в свои силы и возможности, меняют человека к лучшему. Как-то после обеда обнаружил, что у меня не осталось ни одной сигареты. А закурить так хочется! Ближайший киоск – на том берегу канала, в трёх километрах от лагеря. Делать нечего, поплёлся к переправе: не оставаться же на ночь без сигарет. Купил шесть пачек дорогих «Флайерз». Иду домой, с наслаждением вдыхая ароматный дым. И вдруг поднимается в душе протест. «Шесть километров по жаре ради

какой-то сигаретки! Это что ж такое? Рабство, просто сигаретное рабство!»

Захожу к себе в комнату, зову ребят:

– Кому нужны сигареты?

Раздал все и не курил несколько месяцев. Потом, правда, ненадолго закурил снова, но затем бросил совсем.

Чем ещё скрасить жизнь? Захожу как-то к своему приятелю Якову. Сидит за книгой. Но за какой! От скуки взялся изучать право. И что вы думаете? Втянулся-таки! Со временем он станет известным адвокатом по политическим и уголовным делам, многим поможет. Выхожу от него и натыкаюсь на новый листок на доске объявлений: открываются курсы английского языка. Тут же бегу записываться. Посещал их до самого отъезда из лагеря и не жалею. Курсы вели бойцы – в гражданской жизни преподаватели, так что на качество обучения грех жаловаться.

Как-то приехал к нам из штаба дивизии генерал с проверкой. Покрутился по лагерю, осмотрел сооружения, зашёл в буфет, а затем в библиотеку. В буфете было совсем немного народу, все – англичане, в библиотеке же сидели десятки людей. Генерал прошёл между столами, поглядел, а потом сказал полковнику Марголину:

– Полагаю, у вас нет проблем с пьянством, зато есть настоящий университет!

Приближался Йом-кипур. Я пришёл к заведующему столовой и сказал:

– Сегодня мы ужинаем в пять, как обычно, а завтра у нас пост. Сможем поесть только поздно вечером. Оставьте нам чего-нибудь? Не важно, чего.

– Сделаю, – отвечал он.

На следующий вечер захожу в нашу столовую... Куда я попал? В центре помещения – большой стол для пинг-понга, вокруг него – маленькие столики для игры в карты. Возле них толкуются какие-то типы, что-то продают. Выскакиваю наружу – всё верно: сержантская столовая. Снова вхожу. Тут же примечаю заведующего.

– У вас найдётся что-нибудь поесть?

– Конечно, сэр! Присаживайтесь вон там, – и указал на столик в углу, покрытый чистой белой скатертью. Возле стола возвышался полнотелый усатый египетский официант в белом халате, подвя-

занном широким красным кушаком. Закуски, хумус, люля-кебаб. Пришлось заплатить пять грошей, зарплату целого дня. Встаю из-за стола – заведующий раскланивается.

– Недёшево у вас, – говорю.

– Сэр, мы очень уважаем тех, кто сам себя уважает.

ОТНОШЕНИЯ ОБОСТРЯЮТСЯ

– Сержант, вы не хотите пойти в отпуск на два-три дня? – спросил меня капитан.

– Денег нет, сэр. Жалованье-то ещё не выдали.

Капитан молча открыл свой бумажник, достал все купюры, что там были, и вручил мне.

– Я думаю, на короткий отпуск вам хватит.

И я поехал в Александрию. Остановился в доме госпожи Вейсман, сестры Чернявского, того самого, у которого работал в Гедере. Семья их неплохо устроилась в Египте, были у них даже слуга и повар. Вот уж к чему я не привык! А ещё была кровать – высокая, широченная и отменно мягкая, как это принято в Египте. К этому я тоже не привык: лёг и долго не мог заснуть. Многие месяцы я спал на жёсткой солдатской койке, а то и просто на песке, и теперь мне был неудобен слишком мягкий матрац. В конце концов вылез из кровати, растянулся на медвежьей шкуре, что лежала рядом с нею, и тут же заснул.

Поутру господин Вейсман послал слугу узнать, почему я не встаю к завтраку. Слуга постучал, но ответа не получил. Тихонько приоткрыл дверь и заглянул: никого. Поспешил к хозяину и объявил, что гость исчез. Встревоженный хозяин сам пошёл в мою комнату поглядеть, что же произошло, – и чуть не наступил на меня. Мы оба перепугались.

– Что случилось? Ты упал?

– Да нет, мне на полу удобнее.

Завтракаем. Мне подадут стакан холодной воды и маленькую чашечку с тёмной жидкостью, напоминающей чернила. Смотрю на неё с опаской: черт его знает, какую отраву они тут пьют.

– Ерушалаим, а кофе ты пить не собираешься?

– Это кофе?

– А что же по-твоему?

– Такой чёрный?

– Так вот же молоко, сахар.

Добавляю молока, кладу пару ложек сахара. Действительно, можно пить. Вот уж не знал, что кофе можно сварить таким чёрным.

В Александрии есть чем заняться. И море там красивое, спокойное и величавое, и цитадель Кейт-Бей на дальнем мысу такая же величавая, как это море. Ещё совсем недавно она лежала в раз-

валинах – теперь её отстроили. Лет пятьсот назад на её месте стоял Александрийский маяк, одно из семи чудес света. Он простоял здесь чуть ли не со времён Александра Македонского, больше полутора тысяч лет.

Хожу вдоль моря, люблюсь. Гуляю по восточным улочкам, заглядываю на большие базары и в маленькие лавки древностей. Но беспечная жизнь, как и всё приятное в этом мире, скоро заканчивается.

Старшему сыну Вейсманов как раз надо было ехать по каким-то своим делам, и наши пути до Кантары совпадали. Только у него был билет первого класса, а у меня – третьего. Естественно, я пристроился на свободном месте в его купе. Сидим себе, болтаем. Тут дверь купе отворилась, и в проёме возник британский генерал. Я вскочил, чтобы уступить место высокопоставленному спутнику Вейсмана.

– Нет-нет, – остановил меня генерал. – Сидите с вашим другом!

И вышел в коридор. Вот ситуация! Я сижу на генеральском месте, а тот в коридоре примостился. Выскочил, подхожу к генералу.

– Sir, enter the compartment, please! I'll pass to my car¹⁴².

– Sergeant, take your place in the compartment. This is the order¹⁴³.

Пришлось вернуться и сесть на мягкий диван. Ясное дело: ни мне, ни Вайсману никакого удовольствия от такого сидения.

– У тебя сигарета найдётся? – спрашивает Вайсман.

– Я не курю, бросил.

Мы посидели часок молча, а потом мой спутник встал, сходил в вагон-ресторан и вернулся с пачкой сигарет.

– Будешь?

Я вытащил из пачки сигарету и с наслаждением затянулся.

Вернулся в лагерь. Ребята доложили, как обстоят дела: обе ночи, пока меня не было, приходил караван верблюдов, и под наблюдением капитана со склада вывезли много сахара, чая, кофе, шоколада, мыла и дорогой амуниции. Так вот почему он так настойчиво спрашивал меня в отпуск! Днём воровать не решался: слишком много посторонних глаз; при мне тоже не мог, а когда вместо меня остался лишь младший сержант, – это уже совсем

¹⁴² Сэр, войдите, пожалуйста, в купе. Я пройду в свой вагон (англ.)

¹⁴³ Сержант, займите своё место в купе. Это приказ.

другое дело. Я понимал, что поднимать шум бесполезно, тем более что запасы нашему учёту не подлежали.

Через неделю-другую капитан вновь предложил мне съездить в увольнение. Вот в Каир, например. «Не дождёшься», – подумал я. Снова сослался на отсутствие средств – и он, как и в прошлый раз, тут же предложил мне аванс в счёт будущего жалованья.

– В тот раз вы уже давали мне аванс, но эти деньги почему-то не вычли из зарплаты. И в расчётном листке они не фигурируют.

– Все расчёты проходят через Лондон. Вычтут позднее.

– Извините, я пока никак не могу.

Теперь, выставляя караулы, я строго предупреждал: не подпускать к ограде ни одного человека. И никаких отклонений от устава!

В полночь я просыпаюсь от яркого света, направленного мне в лицо. В моей комнате капитан, старший сержант и ещё кто-то из персонала. Капитан орёт:

– По чьему приказу в нас стрелял часовой?!

– Капитан, часовой действовал согласно уставу и моим указаниям: окрик, потом предупредительный выстрел в воздух. Если нет ответа – стрельба на поражение. Вы хотели проверить охрану? Тогда надо было договориться со мной.

– Да ваш часовой просто спал на посту! А когда мы подошли, так перепугался, что открыл огонь. Немедленно снять с поста, арестовать, а завтра утром – ко мне.

Часовой был сыном известного раввина Маркуса из Хайфы.

– Стою на посту. Вижу – идут в мою сторону. Крикнул: «Стой, кто идет?». Не отвечают. Снова крикнул – опять молчат. Ну и выстрелил в воздух.

Я снял его с поста и отправил спать, а утром предупредил: «Запомни: ты английского не знаешь. Я буду переводить». С этим мы явились к капитану на суд.

– Ефрейтор Маркус, вы, будучи в карауле, спали на посту.

Часовой отвечает на иврите, что не спал.

– Что вы, господин капитан! Я могу подробно рассказать о каждой минуте, прямо с заступления в наряд, – «перевожу» я. – Докладывать?

– Не стоит, – морщится капитан. – А когда вы увидели подходящий наряд?

– Да я скрип шагов услышал! – говорит Маркус.

Мой «перевод»:

– Я увидел идущих в свете фонаря за пятьдесят метров от поста, но лиц разобрать не мог. Когда определил, что идут в сторону склада, сделал предупреждение.

Капитан снова морщится.

– Ефрейтор Маркус, я приговариваю вас к штрафу в одну лиру. Можете идти.

Мы вышли, и я быстро свистнул ребят.

– Надо заплатить лиру. Скидываемся по десять грошей?

Через несколько минут я в сопровождении Маркуса вошёл к капитану и, не скрывая презрения, выложил на стол лиру мелочью. Капитан понял, но не стал осложнять ситуацию. Брать на себя ответственность за охрану склада – это в его планы не входило.

Один из наших охранников, Шломо Ройзман, нашёл двойной кожаный ремень с потайным отделением. Мы отнесли находку старшему сержанту. В отделении лежали деньги: полторы лиры. Владелец ремня нашёлся, деньги ему вернули. Да вот незадача: как мы узнали, в ремне оказалось только пол-лиры. Нам было ясно, кто прикарманил деньги, но по лагерю прошёл слух, что евреи (а кто же ещё!) украли.

Время обеда. Принимаюсь за еду – и тут в сержантскую столовую влетает один из ребят: «Наших бьют!». Бросаю ложку, и мы бежим к солдатской столовой, благо это рядом. У входа крики, свара готова перерасти в драку. На группку моих охранников насаждают солдаты-англичане, размахивая кулаками и отчаянно ругаясь. Быть может, братья Брайнин были всё-таки правы, говоря об антисемитизме в части? Отстраняю Шломо, уже готового засветить в физиономию одному из обидчиков, и кричу:

– Silence¹⁴⁴!

Беру его за руку и громко объявляю:

– Мы передали старшему сержанту ремень, и в нем было полторы лиры. Не верите – спросите у него самого.

В тот же день солдата, потерявшего ремень, вызвали в офис, и старший сержант объявил ему, что деньги нашлись, и вручил пропавшую лиру.

Но отношения с англичанами продолжали обостряться.

– Сержант Сигалов, сегодня ночью вы заступаете в караул.

¹⁴⁴ Тихо! (анг.)

– Мы каждую ночь выходим, господин капитан.

– Нет, вы лично будете стоять в наряде, а командовать караулом будет капрал Вильсон из дневной охраны.

– Yes, sir.

Назавтра я явился к капитану.

– Сэр, я пришёл, чтобы подать рапорт.

– На кого?

– На вас, сэр. Вы назначили меня в наряд в нарушение всех уставов.

– Да бросьте вы, сержант! Этого требовали интересы дела.

– Ночная охрана склада поручена моему подразделению, и я лично за неё отвечаю.

Мы ещё немного попрепирались, но в конце концов мрачный и злой капитан принял у меня бумагу и скомандовал:

– Можете идти.

Следующий инцидент произошёл в сержантской столовой. Я уже давно замечал косые взгляды сержантов-англичан. Видно, им было маловато того, что успевали натаскать днём, а ночью они теперь воровать не могли. Вскоре начались открытые издёвки. Вот и сейчас принуждаю себя держаться, не отвечать, и спокойно беседую со старшиной.

В этот раз оказавшийся рядом интендант встретил меня ехидной репликой:

– Ну что, сержант, хорошо тебе у нас живётся? Целый день ничего делать не надо – и всё к твоим услугам.

– А чего ж ты хочешь? – отозвался второй. – Евреи умеют устраиваться.

Этого я уже не мог стерпеть: вскочил и стукнул кулаком по столу.

– Ах вы мерзавцы! Да я бы хоть сейчас уехал от вашей сладкой жизни, потому что мне стыдно быть в одной компании с такими негодьями. Кстати, интендант, может, ты скажешь, где увольнительные пособия моих ребят? В увольнение ходят, а увольнительных не получают.

Повернулся и вышел из столовой.

В тот же день я подал рапорт с просьбой вернуть в батальон меня и всех моих ребят. Вскоре я был уже в Рафияхе. Поговорил с командиром полка Марголиным – и ребят тоже вернули. Мы опять были вместе.

ТУРЕЦКИЕ ПЛЕННЫЕ

Война закончена. Это не прибавляет нам энтузиазма: с мечтами о подвигах придётся расстаться. Что с нами будет дальше, никто не знает.

Моё отделение вернулось с канала в полк как раз тогда, когда подходила к концу экономическая забастовка. Начальство по-прежнему не шло на уступки, а мы упорно отказывались получать урезанное жалованье. Пикантным дополнением к экономической забастовке стал так называемый «саботаж внешнего вида»: на построение мы выходили небритыми, в нечищенных ботинках, с ненадраенными пуговицами и пряжками.

Командиром нашего подразделения назначили одного желторотого, из только что окончивших офицерские курсы. Новая метла по-новому метёт. На первом же построении он приказал мне записать фамилии тех, кто не был должным образом выбрит. Сказано – сделано, подхожу к офицеру с листочком. Берет его из моих рук, и я слышу изумлённый шёпот:

– Сержант, вы тоже не побриты!

Интересно, почему он не заметил этого сразу? Говорит шёпотом, чтоб не делать мне замечания в присутствии рядовых. Отвечаю, что я, как и все остальные, не получаю зарплаты и покупать принадлежности для бритья мне не на что. Тем всё и закончилось, разумеется.

Охраняем лагерь пленных турок. Нам откровенно жаль этих людей, бродящих за проволочным ограждением. В первый же вечер устраиваем концерт прямо напротив их лагеря. Концерт как концерт, обычная самодеятельность: гитара, песни соло и дуэтами, несколько забавных сценок из тех, что мы уже разыгрывали прежде. Эти люди так давно не слышали музыки, не видели ничего радостного! Каждый номер они принимают с такими аплодисментами, какие нечасто достаются настоящим артистам.

На следующее утро всё тот же молоденький командир устраивает нам разнос за панибратские отношения с пленными. Никакого неформального общения! А они подолгу стоят за проволокой и улыбаются. Когда кто-нибудь из наших проходит мимо, знаками просят сигарету, и мы наловчились: проходя мимо ограждения, достаёшь из пачки одну сигарету и закуливаешь, а пачку с остальными выбрасываешь, будто она пустая. Естественно, приземляется

она не где-нибудь, а на охраняемой территории. У пленных, конечно, хватает ума не бросаться на подарок сразу, а немного выждать.

Лагерь военнопленных раскинулся на большой территории. Проверка постов – дело довольно долгое и утомительное. В тот раз дежурным офицером был Эдвин Самуэль, сын будущего верховного комиссара Палестины. Ему не хотелось обходить весь лагерь, и он поехал на ослике. Я сопровождаю его пешком, мне не привыкать. По дороге беседуем о том о сём, даже спорим. Самуэль, будучи офицером, очень недоволен нашим саботажем внешнего вида. «Что это за метод! Вы на солдат не похожи – заросшие, неопрятные. Кому это надо?» Я говорю, что это форма протеста, один из способов обратить внимание начальства на нужды солдат. Мы приближаемся к сторожевой вышке. Окрик:

– Стой! Кто идёт?

Согласно уставу, к часовому может подойти только один человек. Откликаемся, и Самуэль продолжает двигаться на своём ослике к вышке. Снова окрик часового:

– Стой! Подходит только один.

Я узнал голос Нотмана из Реховота, улыбнулся его нахальству и громко крикнул:

– Нотман, прекрати!

Мы подошли втроём: Самуэль, я и ослик.

Нотман был очень доволен своей выходкой, а Эдвин не стал возмущаться.

По утрам из лагеря неспешно выдвигается серая колонна невесёлых людей: пленные идут на работу. Погрузка-разгрузка, строительство и ремонт помещений, расчистка территории. Мы, охрана, двигаемся рядом. Впрочем, куда им бежать в этой бесконечной пустыне? Молодой парнишка из моей команды немного ускоряет шаг и оказывается ближе к голове колонны. Один пленный, ничем не выделяющийся (средних лет, щетина на впалых щеках и подбородке, линялая гимнастёрка), вдруг тоже ускоряет шаг, наталкиваясь на идущих впереди. Потом приостанавливается, так что вокруг него возникает небольшая толчея, и окликает охранника, сперва вполголоса, потом уже громко: «Ицхак!». Останавливается колонна, и, словно по команде, останавливается охрана. Стражник бросается к пленному: «Папа!..» Никто им не препятствует. Все – и англичане, и евреи, и турки – с удивлением смотрят, как обнимаются эти два человека, торопливо говоря между собой на идише...

Вскоре в батальоне появилось пополнение. Полковник Марголин добился, чтобы пленных евреев, служивших в турецкой армии, расконвоировали и зачислили в полк. Кстати, прекрасные получились солдаты, ни про кого из них плохого слова не скажу.

КОМАНДИР ЭЛИЭЗЕР МАРГОЛИН

Он не то чтобы скрывал, но, как теперь говорят, не афишировал своё прошлое. У него были для того основания. Нет-нет, ничего позорного или неприглядного в его прошлой жизни не было. Но на посту командира батальона (а потом и всего легиона) он должен был выглядеть обычным английским офицером, служакой и храбрым командиром. Марголин понимал: незачем его подчинённым, еврейским поселенцам-сионистам, знать, что он – один из них. Тем более не стоит знать об этом офицерам-англичанам. Мы до поры до времени и не знали ничего, хотя его русский акцент был заметен. И на иврите он хорошо говорил. Кто бы мог подумать, что бравого нашего командира звали когда-то Лазарь Маркович, а родом он из Белгорода¹⁴⁵? Приехал в Страну в девяностые годы вместе с родителями. Поселились они в Реховоте, завели ферму. «Сидит на коне, как бедуин, и стреляет, как англичанин», – говорили о юноше окрестные арабы¹⁴⁶. А он, кстати, не только на коне хорошо ездил. Когда в Реховот приехал сам Теодор Герцль, молодые поселенцы устроили ему восторженную встречу. Впереди встречающих лихо мчался на велосипеде Элиэзер Марголин. А через восемь лет почти одновременно умерли родители, да и дела на ферме пошли плохо. Марголин подался в Австралию. Без языка и почти без денег. Там было проще получить вид на жительство. Пока не выучил английский, работал землекопом, разнорабочим, погонщиком. Потом занялся бизнесом. А в 1911 году вступил в британскую армию. Служба очень подходила его характеру. Все отмечали, что он справедлив, вежлив, педантичен, молчалив и смел. «Его порция красноречия – десять слов в сутки», – писал позднее Жаботинский.

На войне его командирский талант был оценён, и Марголин быстро продвигался по службе. Во время тяжёлых боев в Галлиполи командовал ротой, получил своё первое ранение. Потом воевал во Франции, снова был ранен. В лондонском госпитале его навестил Жаботинский, который ещё по журналистской работе в Петербурге был хорошо знаком со старшим братом Элиэзера Моисеем. Тот служил в редакции энциклопедического словаря Брок-

¹⁴⁵ Личность Марголина хорошо представлена в двух книгах Зеева Жаботинского: «Повесть моих дней» и «Слово о полку». См., напр., сборник [30].

¹⁴⁶ [30], с. 204.

гауза и Ефрона и возглавлял газету «Еврейская жизнь». В госпитале Жаботинский убедил Марголина возглавить один из еврейских батальонов.

Крупный, широкоплечий человек, молчаливый, солдат с головы до ног, у себя в батальоне и царь, и отец, и брат для своих boys; притом изумительный хозяин и организатор.

– Идём к нам, Лазарь Маркович.

– Боюсь. Евреев боюсь: с ними нужно разговаривать...

[...] Генерал-адъютант помог уладить формальные трудности с переводом из австралийской армии в английскую (это, кстати, связано было с значительным понижением жалованья), и Марголин с чином подполковника стал начальником нашего второго батальона, на официальном языке – 39-го¹⁴⁷.

Так Марголин появился в нашем лагере. И пока мы, жители страны, маялись в пустыне, он со своими ребятами участвовал в боях. Они пересекли Иордан и взяли город Эс-Сальт.

После войны наши батальоны объединили в одно подразделение. Мы уже не королевские стрелки, теперь Еврейский легион называется «Первые в Иудее». Наш флаг развевается рядом с британским. Правда, слегка пониже. Командиром объединённого полка стал Марголин.

Как я говорил, он производил впечатление образцового британского офицера, верного присяге и короне, безоговорочного исполнителя приказов командования. А ведь не это было его сутью. Да, служака. Да, верен присяге. И при том – независимость суждений, готовность спорить с начальством, если приказы противоречат его принципам и его долгу. Самостоятельность и смелость решений едва не довели его до трибунала и были причиной того, что ему пришлось оставить службу.

Теперь, много лет спустя, мы видим, что заветной мечтой нашего командира было создание полноценной еврейской армии для защиты будущего государства. Он ведь тоже был сионистом. Кстати, именно Марголин добился разрешения назначать сержантов из числа поселенцев, жителей Страны. Без этого не видать бы мне сержантского звания.

Был у полковника такой конёк: из соображений гигиены он запрещал солдатам носить длинные волосы. Выходит, бывало, полк

¹⁴⁷ [30], с. 204.

на смотр – выезжает Марголин на коне и приказывает снять головные уборы. Поглядит немного и скажет:

– Я вижу перед собой густые заросли. Кто знает, сколько живности в них прячется? Я полковник, у меня удобств побольше, чем у вас, и то мне нелегко соблюдать гигиену. Поэтому попрошу всех, кому пора постричься, сделать это сразу же после смотра.

Среди уже немолодых легионеров, прибывших из США, был сержант Мельников, известный скульптор. Абсолютно лысый, ни волоска на голове. Однажды, когда полковник вынес свою резолюцию, язвительный и острый на язык старшина Томми Найт крикнул:

**Командир полка
«Первые в Иудее»
Элизер Марголин
(1875 – 1944)**

Могила Э. Марголина в Реховоте

– Сержант Мельников! Немедленно пойти и постричься!
Мы захохотали, полковник смешался, но сделал вид, что не понял шутки.

Весной 1920 года начались массовые антиеврейские выступления арабов. Громили поселения в моей Галилее, напали на кибуц Дгания, где я работал когда-то вместе с Трумпельдором. (Свидетелем этого нападения стал пятилетний Моше Китайгородский, который в будущем возглавит Армию обороны Израиля и войдёт в историю под именем Моше Даяна.) Сам Трумпельдор находился в это время во французской части Страны, в поселении Тель-Хай, и возглавил отпор бандам погромщиков. Там настигла его та самая роковая пуля...

Было ясно, что, если не принять немедленных мер, арабские погромы перекинутся на всю Страну. Британские власти фактически бездействовали, но наша внутренняя администрация и сам Марголин отреагировали быстро. Солдат легиона разместили по арабским селениям, и теперь их жители уже не могли выступить против евреев. Моему подразделению выпало нести охрану в Уахат-ас-Салам, что по дороге в Иерусалим (сейчас там новый посёлок Неве-Шалом). Многие еврейские семьи снимали там жильё у арабов. Ночь за ночью мы несли охрану. Надо было мозолить глаза арабским жителям, но при этом прятаться от сновавших в округе английских патрулей.

Главный очаг беспорядков – Иерусалим. Британцы словно специально вывели из города войска как раз перед праздником в честь пророка Мусы. Толпа, подстрекаемая фанатичным Амином аль-Хусейни, двинулась на Еврейский квартал. Зеэв Жаботинский со своими бойцами встал во главе еврейской самообороны. (Марголин предусмотрительно отправил в Иерусалим «в отпуск с разрешением на ношение оружия» отряд бойцов нашей роты.) Силы были неравными, и бесчинства продолжались четыре дня, пока наконец не вмешалась британская армия. Начались аресты. Аль-Хусейни бежал и был заочно приговорён к десяти годам тюрьмы. (Примечательно, что через год британцы его помилуют и назначают муфтием¹⁴⁸ Иерусалима. На этом посту он станет известен как главный деятель ближневосточного фашизма.) наших защитников

¹⁴⁸ Муфтий – высшее духовное лицо у мусульман. Наделён правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам.

тоже арестовали. Жаботинского обвинили в создании подпольной антибританской организации и приговорили к пятнадцати годам тюрьмы. Началась трудная борьба за его освобождение.

...Спустя три месяца мы ждали возвращения Жаботинского из тюрьмы Акко. Дов Хоз и ещё несколько товарищей поехали, чтобы встретить его и привезти в полк. Из-за каких-то дорожных неурядиц ребята задерживались. Обычно офицеры ужинали в семь вечера, но на этот раз Марголин решил: без Жаботинского за стол не садиться. Офицеры терпеливо ждали. Все, кроме одного лейтенанта, оказавшегося в полку недавно. Он начал громко возмущаться:

– Из-за какого-то еврейского арестанта мы должны оставаться голодными!

Полковник страшно рассердился.

– Мистер (имярек), немедленно покиньте столовую и извольте явиться ко мне завтра утром!

Назавтра мы увидели, как лейтенант, подавленный и злой, выходит из штаба. Собрал вещи и уехал из лагеря.

Арабские беспорядки снова вспыхнули год спустя. На этот раз в их центре оказались город Яффо и находящийся рядом с ним Тель-Авив. Погибло сорок семь евреев и сорок восемь арабов. Жертв могло быть больше, но Марголин распорядился раздать отрядам еврейской самообороны оружие из британских арсеналов. С точки зрения командования, это было военным преступлением. (Я к тому времени уже демобилизовался и работал в Египте.) «Он в самый разгар яффского погрома, не спрашивая позволения, привёл своих солдат с винтовками в Тель-Авив. За это прегрешение пришлось ему выйти в отставку; и теперь снова живёт он в Австралии и тоскует по Палестине, где когда-то пахал землю в Реховоте, воевал в Иорданской долине, правил Эс-Сальтом в земле Галаадской», – написал о Марголине Жаботинский¹⁴⁹.

До этих событий британцы планировали создать в подмандатной Палестине военные части: арабскую и еврейскую. После бунтов и погромов они всполошились и просто распустили Еврейский легион.

¹⁴⁹ [30], с. 262.

На военную службу Марголин больше не возвращался, занимался бизнесом, способности к которому у него тоже были неплохими. Умер он в 1944 году, завещав похоронить себя в Стране.

Завещание нашего командира было исполнено шесть лет спустя, уже в молодом Государстве Израиль. Вдову Марголина Хильду встречал в Хайфе почётный караул Армии обороны Израиля. Мы, его бывшие подчинённые, встречали прах покойного в Тель-Авиве. Там и состоялась прощальная церемония. С нами был и тогдашний премьер-министр Давид Бен-Гурион. А потом прах перевезли в Реховот, и теперь могила Елиэзера Марголина – рядом с могилами его матери Латы-Рахель и отца Мордехая-Йосефа.

САМОВОЛКИ

С окончанием войны наш лагерь перемещается в центр Страны, в Гуш-Дан. Сначала в Лод, где теперь международный аэропорт имени Бен-Гуриона, а затем на один из холмов в районе Рамле¹⁵⁰. Жизнь пошла интереснее. Тель-Авив всего в двух с половиной часах ходьбы. Сходить туда и обратно – пустяковая плата за проведённый дома вечер. В первое же увольнение, навестив родителей, я помчался к Эстер. Она завидела меня издалека, и встреча наша была тёплой и трогательной, как и подобает родственникам, пусть и таким неблизким. (Ну, может быть, немного более тёплой, чем подобает.) Потом Эстер получила выговор от бабушки: «Не пристало еврейской девушке взасос целоваться с солдатом!».

Если увольнительную дали до утра, то можно и заночевать дома. А если увольнительной вообще нет, то приходится прятаться от патрулей и рассчитывать только на однополчан, которые скроют твоё отсутствие.

Вот мой друг Моше Куперман. У него в Тель-Авиве любимая девушка. И кто? – Рахель Шварц! Та самая, что учила меня французскому, та самая, с которой мы так славно катались верхом на ферме Блюменфельда. Только в легионе, подружившись с Моше, я узнал, что они любят друг друга ещё с гимназии. Куперман постоянно уходит в самоволку, и каждый раз я докладываю, что всё отделение в сборе. А что поделаешь? Друг всё-таки. Да и к Рахели у меня ещё остаются романтические чувства. Стараюсь не думать о том, чем они там занимаются в Тель-Авиве, не рисовать никаких картин в воображении. И всё же есть оно, лёгкое чувство горечи. Как-то раз Моше ушёл в Тель-Авив и пропадал там дней на пять. Я, конечно, терпел. Не доносить же на него начальству! Первые дня три ребята не роптали, а потом им это надоело.

– Слушай, Ерушалаим, с чего ради мы должны за него вкалывать? Он там прохлаждается со своей зазнобой, а мы тут его работу делаем?

Прождав ещё день-другой, я отправил двоих ребят в Тель-Авив.

¹⁵⁰ Рамле – город в 20 км от Тель-Авива. До Войны за независимость его население было преимущественно арабским (ок. 5800 человек) и христианским (ок. 1400 человек).

– Он или у своих родителей, или у Шварцев. Хватайте и ведите в полк.

Они вернулись к вечерней поверке. Моше выглядел смущённым, но рассказывать о том, что делал эти пять дней, не пожелал.

– Где вы его нашли?

Ребята немного замялись.

– Понятно: у Шварцев.

В будни мы были заняты, но по субботам лагерь вымирал. Не меньше половины ребят рассеивалось по окрестным поселениям – без увольнительных. Многодневная оторванность от дома побуждала даже дисциплинированных солдат пускаться в бега. Но иногда были и другие причины для самовольных отлучек.

В одну из ночей я был начальником охраны. Вскоре после полуночи мне сообщили, что поймали солдат, пытавшихся пролезть на территорию через дыру в заборе. Я поспешил на место происшествия и увидел троих солдат. Мог ли я вообразить тогда, кем станут эти трое? Передо мной стояли основатель государства, его первый премьер-министр Бен-Гурион, президент Бен-Цви и основатель рабочей партии МАПАЙ Кацнельсон. Все – в будущем, конечно. Надо сказать, что лагерное начальство уже развернуло борьбу с самовольщиками. Приказ гласил: каждого опоздавшего запереть в помещении для арестованных, а утром привести для разбирательства. Но я-то понимал, что эти трое ходили не с девушками гулять: наверняка были на каком-нибудь собрании в Ришон-ле-Ционе. Записал я все нужные данные и отправил солдат спать в их палатки, а утром – «забыл» об этом деле. Мои товарищи по охране не задавали лишних вопросов.

Сорок лет спустя я приехал к Бен-Гуриону, чтобы пригласить его на открытие Дома Еврейского легиона. Представьте себе, он помнил эту историю! И я тогда верно угадал: он выступал в тот вечер на рабочем собрании в Ришон-ле-Ционе.

Я и сам однажды попался, только было это уже поздней, в двадцатом году. Как-то под вечер в лагерь пришла группа девушек, среди них была и моя Эстер. Встреча была короткой: их ждала повозка, ехавшая в Тель-Авив. В сущности, не составляло особого труда получить у командира роты увольнение на один вечер. Но где его сейчас будешь разыскивать? И я, чуть поколебавшись, запрыгнул в повозку вместе с девушками.

Всё шло прекрасно. Мама накормила меня ужином, а потом мы встретились с друзьями и пошли шататься по улицам. Но что за суматоха на углу Герцль и Лиlienблум? Подходим ближе. Да это же Шломо Перельман, солдат из нашей роты! Ухватился обеими руками за металлический забор, а патрульные из британской военной полиции, солдат и ефрейтор, пытаются его от этого забора отодрать. Спасать надо парня. Подхожу с серьёзным видом и сурово так (всё-таки старший по званию) говорю:

– Что здесь происходит?

– Сержант, мы хотим проверить его документы, но он не даёт.

– Шломо, в чём дело?

– Ну где я им возьму увольнительную? – огрызается солдат.

Поворачиваюсь к полицейским.

– Отпустите его. Я сам им займусь.

И тут ефрейтор спрашивает меня:

– Сержант, а у вас есть увольнительная?

Надо же, сообразил!

– Конечно.

– Предъявите.

– Не здесь же – вон народу сколько. Пойдёмте на ту сторону, там и покажу.

Надо сказать, что как раз в это время завязывалась долгая вражда между нашим полком и английской военной полицией (Military Police). При каждом удобном случае эти МР старались устроить нам какую-нибудь пакость, а наши ребята не упускали возможности надавать им как следует.

Патрульные побоялись идти с нами в тёмное место, и ефрейтор бросил:

– Скажи своим парням, чтобы они исчезли.

– Я же не полицейский, – говорю. – Это твоя работа.

Тем временем несколько гуляющих оказалось между мной и патрульными. Я улучил мгновение и шепнул Эстер:

– Бежим!

Мы юркнули на улицу Лиlienблум и через пару минут уже были в доме приятелей Эстер. В этот миг со стороны улицы Герцля раздался радостный рёв. Видимо, публика поняла нашу уловку и втиснулась между патрулём и задержанным Перельманом. Шломо мгновенно удрал, это и вызвало восторг освободителей.

Рано утром я примчался на станцию. Развод в полку – в восемь ноль-ноль. В шесть утра уходил товарный поезд в Лод. Кроме

меня возле узкоколейки болталось ещё трое самовольщиков. Запрыгнули на товарную платформу, поезд тронулся... и через минуту остановился. Перед нами возник усатый араб-кондуктор и велел убираться. Делать нечего. Соскочили с платформы, кондуктор ушёл, поезд тронулся. Запрыгнули снова – поезд остановился опять, ожидая, пока мы сойдём.

– Нет, – сказал один из моих спутников, – этот антисемит всё равно не даст нам уехать.

И тут мы заметили повозку, что двигалась по дороге в нужном нам направлении. Подбежали, договорились с возницей: он ехал в Рамле, откуда до лагеря рукой подать. Но повозка – это ведь не поезд, тащатся коняги медленно.

Словом, когда добрались до лагеря, я увидел, что наша рота уже построена, утренняя поверка закончена, и я, значит, записан отсутствующим.

– Давай быстро в строй! – говорит мне Дов Хоз (он был старшим сержантом). – Запишут пятиминутное опоздание.

К моему несчастью, внезапно явился генерал с проверкой. И, видно, в этот день он не с той ноги встал – напустился на Марголина: и то ему не так, и это не эдак. И вообще у нас не полк, а сборище бродяг! Марголин переменялся в лице:

– Генерал, королевское постановление запрещает делать выговор офицеру в присутствии младших по званию. Если у вас есть замечания, пройдёте в контору и там всё обсудим.

Генерал что-то буркнул и тут же уехал. А Марголин (понятно, в каком настроении) принялся наводить порядок. Раздался сигнал трубы, созывающий командиров рот к полковнику. Вслед за этим командиры взводов побежали по вызову к ротным командирам, затем созвали сержантов. Словом, в такой паршивой ситуации я и предстал перед ротным командиром капитаном Леви. В других обстоятельствах наплёл бы чего-нибудь, на том бы и дело кончилось. Но в этот раз Леви не стал меня слушать:

– К командиру полка!

Это означало, что сам он не может наложить на меня достаточно сурового взыскания.

Назавтра в восемь утра я стоял, начищенный до блеска, перед штабом полка вместе с другими провинившимися. Каждого заводили в штабную палатку двое бойцов того же звания. Перед тем с него снимали головной убор: это считалось унижительной процедурой. Вот и моя очередь подошла. Поставили между двумя сер-

жантами, повели. Старшина подошёл сзади и снял с меня пилотку – уже внутри, чтобы не подвергать дополнительному унижению. В центре палатки за большим складным столом восседал полковник Марголин, рядом с ним сидели четверо ротных командиров. Зачитали рапорт, полковник спросил:

– Чем вы можете оправдать своё поведение?

– Солдату не пристало искать отговорок, – отвечаю. – Я признаю обвинение.

– Каков он, этот солдат? – обратился полковник к капитану Леви.

– Это один из самых лучших и старательных сержантов в моей роте.

Полковник заглянул в моё личное дело:

– Предупреждение.

Старшина скомандовал: «Кругом!» – и мы вышли. Потом мне рассказывали, что Марголин сделал капитану Леви внушение: зачем привёл к нему на разборательство хорошего солдата из-за такой мелочи?

ДОВ ХОЗ И ДРУГИЕ

Новости: меня определяют заведовать офицерской столовой. Тоже мне должность для бойца легиона! Мало того что кастрюлями заниматься, так ведь от товарищей оторвали. Поставили для меня отдельную палатку. Поспешили, правда, успокоить.

– Это ненадолго, – сказал капитан Леви. – Наведёте там порядок – и вернётесь в роту. А товарищи смогут навещать вас в свободное время.

Я довольно ретиво взялся за дело. Установил порядок работ для повара, его помощника и работников кухни. Разобрался с содержимым кладовых, стал приглядывать за закладкой продуктов. Было видно, что офицеры довольны.

Самодельная открытка от солдат Еврейского легиона на Рош-а-Шана. 1919

Я заметил, что офицеры – не слишком усердные едоки, особенно по части хлеба. Каждое утро я принимал свежий белый хлеб: по одной буханке на офицера, – а к вечеру его оставалось ещё порядочно. Скапливались банки с вареньем и стущённым молоком. Приятели частенько заглядывали вечером ко мне в палатку, и мы отводили душу за чаем с молочком и вареньем, а то и с бисквитами. Но что делать с хлебом? Пожаловался Дову Хозу.

– Ладно, – ответил он, – что-нибудь придумаем. И поговорил с Марголиным.

Через несколько дней мне сообщили, что по пятницам будет приходить повозка из близлежащей коммуны и забирать излишки. Мы с Довом были очень довольны, что удалось английскими продуктами пополнить голодный рацион еврейских земледельцев.

Решительность Дова помогла мне овладеть новым для меня средством транспорта. (Разумеется, он был человеком крайне решительным, а иначе как бы сумел удрать буквально из-под виселицы?) Дело в том, что я с юности мечтал обучиться трём вещам: французскому языку, танцам (хромые уже знакомых мне хоры и польки) и езде на велосипеде. Все три желания удалось осуществить. Не сразу, конечно. Французский после расставания с Ракелью Шварц я подзабыл, но сумел наверстать упущенное сразу после демобилизации, пока работал в Египте. Танцевать научился позднее, когда жил в Тель-Авиве. У нас часто собирались друзья, и под руководством одного из них, учителя бальных танцев, мы танцевали под звуки патефона. А велосипед...

Я увидел, как Дов вихрем несётся на велосипеде по лагерю, и попросил научить меня этому искусству. Он усадил меня на сиденье, подвёз к довольно высокому и в меру крутому склону – и неожиданно отпустил. Я полетел вниз по грунтовой дороге шириною в два метра. По одну сторону – проволочный забор, по другую – глубокий обрыв. Разбиваться насмерть мне как-то не хотелось, и я изо всех сил старался удержать равновесие. Отмахал весь спуск и взлетел на противоположный склон. Колёса сделали последний оборот – и я опрокинулся. Вернулся к исходной точке и накинулся на Дова:

– Ты что, с ума сошёл? Я чуть не разбился!

– Главное – результат, – засмеялся он. – Ты же поехал! А подрутому и не выучился бы.

И действительно, с этого дня я уже мог кататься самостоятельно. Собственный велик приобрёл в Александрии, вскоре после демобилизации. Сел на него и поехал с холма, вспоминая науку Дова. Но тут выяснилось, что тормоза у моего железного коня отсутствуют: не предусмотрены конструкцией. Я летел прямо на проходящий внизу трамвай. По счастью, водитель сразу увидел, в чём дело, и ускорил ход. К великому ужасу пассажиров, я пронёсся в полуметре позади вагона и, проскочив рельсы, перевернулся. Если бы не тот водитель...

Дов Хоз и Элияху Голомб ведали добычей оружия, применяя множество уловок.

Среди военных объектов, которые мы охраняли, была железнодорожная станция Лод, стоявшая на главной артерии, соединявшей Египет с Палестиной, а через неё – со всем Ближним Востоком. Однажды вечером в Лоде остановился грузовой состав с вооружением, возвращавшимся в Египет. Перед нашим выходом в наряд Дов отозвал меня в сторону.

– Значит так, с двенадцати ночи держитесь ближе к голове состава. Услышишь мой свисток – начинайте драку. И погромче, пошумнее.

– Что, и мне драться?

– Тебе лучше не стоит: и так могут обвинить, что допустил драку, не удержал солдат. Да ты сориентируешься, я в тебе не сомневаюсь.

Я проинструктировал ребят.

Вскоре после полуночи раздался свист. Моше Куперман схватил за грудки Шломо Ройзмана и заорал ему что-то в лицо, Шломо в долгу не остался и осыпал Моше ругательствами. Потом они стали размахивать руками, толкаясь и тузя друг друга. Тут вмешался третий охранник и с криками кинулся их разнимать. Скоро мы услышали топот башмаков по перрону: к нам сбегалась военная полиция. Подравшиеся ещё осыпали друг друга угрозами, когда вслед за полицией появился я и быстро утихомирил забияк. Начальник британского караула начал было задавать вопросы, но я горячо заверил его, что немедленно разберусь со своими подчинёнными и больше такое не повторится. Вся сцена продолжалась несколько минут. За это время Дов со своими ребятами успел реквизировать часть оружия из последнего вагона, и ещё до рассвета оно ушло в Тель-Авив и Тель-Хай.

Тяжёлое вооружение полка включало двадцать пулемётов Льюиса¹⁵¹, уложенных по одному в деревянные ящики. Как только полк перевели в страну, Дов и Элияху решили, что надо «взыскать десятину». Мы вынули два пулемёта и переправили их в Тель-Авив, оставив ящики пустыми. При каждой смене охраны заступивший сержант расписывался в том, что принял от сменяемого вооружение, включая двадцать пулемётов. В операцию было вовлече-

¹⁵¹ Британский ручной пулемёт образца 1913 года.

но несколько человек. Мы с тревогой ждали проверки. Однако на протяжении нескольких месяцев обходилось, и в конце концов нас выручил заведённый в британской армии порядок: за предметы, утерянные при передислокации, никто персональной ответственности не несёт. Когда переезжали в Лод, два пустых ящика выкинули: так произошла «усушка оружия». А те два пулемёта стали потом ценным прибавлением в арсенале Хаганы.

Я ухожу в увольнение и еду в Тель-Авив. Повозка уже отъезжает от лагеря, когда подбегает запыхавшийся Дов.

– Ерушалаим, зайдёшь к моей маме? Я у неё оставил зарплату для солдат, а забрать не успел.

– А сколько там?

– Восемьсот фунтов.

– Ого!

– Они в мешочке. Ты только с ним никуда не таскайся, прямо перед отъездом заberi.

Незадолго до возвращения в полк прихожу к маме Дова, симпатичной и ещё не старой полноватой женщине. Это центр Тель-Авива, угол Ротшильда и Алленби. Сообщаю, зачем пришёл.

– А записка от Дова у вас есть? – осторожно спрашивает госпожа Хоз.

– Нету. Дов был очень занят, сказал, что вы мне их и так доверите.

Госпожа Хоз колебалась... Я видел, что она в замешательстве... Потом внимательно в меня взгляделась. Видимо, я произвёл должное впечатление. Вышла в другую комнату и вынесла оттуда полотняный мешочек, набитый деньгами.

Когда я поведал об этом Дову, он улыбнулся, а после очередного посещения Тель-Авива рассказал мне, что мать вовсе не беспокоилась: не водилось жуликов и мошенников среди бойцов легиона.

После демобилизации мне иногда случалось общаться с Довом. И не только по делам Хаганы, которую он основал ещё во время службы в легионе. Хоз одно время был заместителем мэра Тель-Авива, примерно тогда же он стал директором авиационной компании «Авирон». Компания организовала собственную лётную школу в том самом киббуце Дгания, где я работал перед войной. Первые лётчики Страны начали регулярные пассажирские

рейсы на маленьких самолётах, которые компании удалось раздобыть. Дов создавал компанию «Авирон» с дальним прицелом: он рассчитывал, что она положит начало военно-воздушным силам Страны. Так оно в конце концов и произошло, но Дов этого уже не увидел. Зимой 1940 года он торопился на заседание совета компании. С ним в машине были жена (сестра будущего премьер-министра Моше Шарета) и две дочери. В автокатастрофе уцелела только одна из дочерей...

Теперь Дов Хоз – это бульвар в Тель-Авиве, улицы его имени в других городах, тель-авивский аэропорт¹⁵², паром, киббуцы.

¹⁵² Аэропорт Дов Хоз теперь закрыт. На его месте строят жилые дома. Автор был одним из последних его пассажиров в 2019 году.

НЕДОСЯГАЕМЫЕ

Наконец-то я перестал заведовать столовой: начальство снизошло к моим рапортам. А может, решили, что порядок в столовой налажен и моё управление больше не требуется. Прощайте, чаепития в своей палатке, обеды с высокопоставленными посетителями, разговоры накоротке с офицерами! Ничего этого мне не нужно.

На моё место назначили младшего сержанта из американских добровольцев, тут же произведя его в сержанты. Ушлый оказался парень. Ребята-коммунары, приехавшие из кибуца за излишками продуктов, вернулись домой с пустыми руками. Новый заведующий нашёл свои пути реализации остатков. В подобных ситуациях аппетиты нечистого на руку быстро растут. Сержант уже не удовлетворялся излишками и потянулся к офицерским пайкам. Вскоре его арестовали.

Мне приказано взять группу солдат и сменить охрану на пункте забора воды. Описание местности было лаконичным: оливковая роща в районе Лода. Приближаемся к городку. Вот она, роща. Но никаких следов военного лагеря. Людей вообще не видно. Ага! Два молодых араба возятся с мотыгами под деревьями.

– Вы здесь солдат не видели?

– Каких солдат?

– Ну британских. Вроде нас.

Парни оглядывают нас с удивлением.

– Нет здесь солдат. Что им здесь делать? Вот в городе есть.

Выходим из рощи, плетёмся по пыльной дороге вдоль окраин городка.

– Смотрите! Вон ещё роща!

Так прочесали мы несколько оливковых посадок. Через три часа блужданий стало ясно, что дело безнадежное. Вернулись в лагерь и доложили, что пункта не нашли.

– Sergeant Sigalov, you are a bloody fool!¹⁵³ – орал полковой адъютант капитан Джекобс.

– Yes, sir? – ответил я под общий хохот ребят.

Капитан смутился и поспешил укрыться в кабинете.

Назавтра группу возглавил лейтенант Шапиро. Они вышли в половине девятого и вернулись в двенадцать с сообщением, что

¹⁵³ Сержант Сигалов, вы круглый дурак! (Англ.)

пункт не найден. Нам стало любопытно, что же последует теперь. Все собрались возле командирской палатки. Когда офицер доложил, что охраняемая зона не найдена, я громко провозгласил:

– Mr. Shapiro, you are a bloody fool!

Адъютант со старшиной выскочили из палатки и бросились разыскивать наглеца, но мы уже с невозмутимым видом стояли поодаль, делая вид, что очень заняты подготовкой к ночному дежурству.

На третий день вызвали из штаба дивизии офицера, знавшего дорогу, и поручили ему привести ребят к месту дежурства. С ними послали моего соседа по палатке Егошуа Айзека. (В дальнейшем Егошуа станет полковником Армии обороны Израиля, одним из создателей израильских ВВС.) Через десять дней Айзек вернулся и попросил сменить караул: ребята сидят голодные. Оказалось, что транспорт с провизией тоже не нашёл караула. Ребята каждый день посылали одного из охранников в нашу полковую столовую, и тот приносил в их лагерь что-нибудь из остатков обеда. Основной их пищей все эти дни был хлеб. Накануне появления Айзека транспорт сумел-таки добраться до водозабора. Ребятам выдали немного сырого мяса, картошки, лука и крупы. К несчастью, никто из них не умел готовить. Поджарили мясо на костре, каждому досталось совсем немного. С тем и улеглись спать.

Ротный командир снова отправил на пост меня. Разумеется, с сопровождающим. Пост был так упрятан среди деревьев, что его действительно было невозможно найти. Если бы специально захотели спрятать его от посторонних глаз, всё равно не смогли бы так надёжно замаскировать. Я обнаружил десятерых ребят, голодных и злых, и большой пустой котёл, которым давно не пользовались. Первым делом я велел хорошенько отмыть этот котёл. Слава богу, чего-чего, а воды у нас хватало: её и охраняли. Хворост для костра тоже был в изобилии. Назавтра привезли мясо. Один солдат начистил картошки, второй – лука, я налил в котёл воды... Словом, через пару часов мы уминали великолепный обед. Настроение улучшилось, мир обрёл краски. И – чёрт побери! – мы поняли, что нам просто повезло. Офицеры с проверкой не сунутся по той простой причине, что не найдут поста. Поэтому все, кто не занят непосредственно охраной, ходят раздетыми. Отстоял на посту два часа из каждых шести – и загорай себе. Очень удобно. Даже бриться не надо.

Но однажды утром прибегают часовой и объявляет, что заявился сам ротный командир, капитан Леви. А у меня уж и борода курчавиться начала. Что делать? Схватил полотенце, обвязал вокруг физиономии и вышел к командиру с видом страдающего от зубной боли.

Капитан посочувствовал мне и спросил:

– А почему вы не обратились к зубному врачу?

– Я не мог покинуть пост и отлучиться на целый день.

Капитан заверил, что пришлёт мне замену, и стал расспрашивать, как идёт служба, как несём охрану... Поговорил так со мной минут десять и сказал, садясь на коня:

– Сержант Сигалов, побрейтесь – и зубы перестанут болеть!

Мы обменялись улыбками, я снял повязку, а когда капитан уехал, сделал, как он советовал: побрился.

МИСТЕР ХАЙКС И ДРУГИЕ ФИЗКУЛЬТУРНИКИ

Старший лейтенант Хайкс был ответственным за физическую подготовку. Занимался больше с сержантами. Поднимет нас утром ещё затемно и заставляет бежать. И сам бежит впереди с очень серьёзным видом: дело-то ответственное. Скоро ему надоело бегать, и он решил просто контролировать занятия. Стоит в сторонке и подаёт команды. И кому такое понравится? Договорились: в следующий раз просто игнорируем команды. Хайкс посылает нас сделать круг по площадке, а мы бежим себе и бежим. Он кричит что-то нам вслед, а мы уже и в самом деле не слышим. Когда устали бежать, спокойно, почти вразвалочку, вернулись. Возмущённый Хайкс принимается нас отчитывать.

– Простите, лейтенант, – говорю, – но сейчас сильный встречный ветер. Ваших команд было совершенно не слышно.

Лейтенант посмотрел на меня подозрительно, потом усмехнулся: кажется, понял. Перестал проявлять рвение.

Каждую среду после обеда – общие спортивные занятия. Начинаются они с игры в кошки-мышки: рядовые и сержанты стараются где-нибудь укрыться, а офицеры выходят на облаву. Всех, кого им удаётся схватить, отправляют на спортивную площадку.

В тот раз мистер Хайкс перехватил меня по пути в душ. Объясняю ему:

– Я же на строевых занятиях был. Там пыли полно, мне помыться надо!

– После состязаний помоешься.

– Каких ещё состязаний?

– Там увидите.

Приплёлся на поле – а там уже всё офицерство во главе с командиром полка и, разумеется, те, кого удалось поймать. На сегодня, оказывается, намечены состязания по боксу между солдатами и офицерами. Понятное дело: какой же это английский полк без бокса? Солдаты приглашают офицеров на мордобой, как девушки на белый танец. Я вызвал мистера Хайкса. Он, похоже, испугался.

– А вы не профессиональный боксёр?

Стал убеждать его, что боксом никогда не занимался, но он, похоже, не очень поверил. Вышел на площадку осторожно. Натянули мы перчатки, и бой начался. Хайкс был долговязый. Ему бы не боксом, а баскетболом заниматься. Кулаки – на уровне моей головы, попробуй подберись. Приближаюсь – тут же приходится

отскакивать, чтоб не получить прямой в челюсть. А Хайкс лупит сверху прямо по голове. Знаете, когда вам всё время норовят врезать по башке, это как-то раздражает. Нет, так не пойдёт! Тут хорошенько смотреть надо. Не лезу на рожон, отступаю, держусь на расстоянии. Ребята орут, предчувствуя скорую победу Хайкса. И наконец – подходящий момент. Офицер на миг перестал закрываться. Скачок навстречу и хук справа. Угодил ему повыше челюсти, задел нос. Из ноздри закапала кровь. Бой прекратили.

– Ну вот, – раздражённо сказал я Хайксу, – теперь оба мыться пойдём.

Так мы и сделали: разошлись по разным душевым.

Посмотрев на эти неумелые поединки, начальство решило, что нас надо серьёзно обучать боксу. Выделили тренера, сержанта Шварца. Мы его знали с самого начала службы. Высокий мужественный британец, чемпион Ближневосточной армии в среднем весе. Дважды в неделю, разбив нас на пары, показывал приёмы и вообще руководил нашими боями. Тренером он был хорошим. Учил не просто правильно двигаться, но и головой думать, – что важно в любом виде спорта. Через месяц мы уже достигли некоторого уровня. Тогда Шварц спросил, кто хочет померяться силами с ним самим. Смотрю: никто не двигается. Что ж, значит, придётся мне. Надо же как-то себя проявить. Делаю шаг вперёд. Встали в стойку – начали. Вижу, что тренер и не пытается меня достать, просто хочет посмотреть, каков я в нападении. Оно и понятно: сражайся он серьёзно – бой закончился бы не позднее, чем на пятой секунде. Несколько минут я думаю только о том, как бы улучшить мгновение, когда мой противник откроется, и хотя бы разочек нанести удар. Тщетно! И тут Шварц переходит к атакам. Успешно демонстрирую несколько приёмов защиты, но внезапно получаю прямой в лицо, теряю ориентацию и поднимаю руки.

– Молодец, – говорит Шварц. – Главное – решительность.

Вообще мы, поселенцы, относились к спорту куда с меньшим почтением, чем англичане. Вот хоть в том забеге на пять миль.

А дело было так. Нас с сержантом Прайманом послали в Александрию на офицерские курсы. Офицерами мы не стали (и слава богу), но попотеть пришлось изрядно. Здорово мучили нас занятиями по преодолению препятствий. Траншеи разной глубины и стенка высотой три метра. Стенка деревянная, гладкая. Надо под-

бежать, подпрыгнуть, подтянуться и перемахнуть. Без ложной скромности скажу, что только двоим – Прайману и мне – удавалось перебраться через неё без помощи товарищей. (Кстати, евреев на курсах тоже было только двое, но это я так, к слову.) Когда объявили, что школу посетит генерал из штаба командования, наш начальник, невысокий мускулистый майор, тщательно составил программу пускания пыли в глаза. Нас с Прайманом поставили первыми в демонстрации упражнений. Мой друг быстренько одолел стенку, я за ним, а потом майор скомандовал: «Переходим к следующему упражнению». Генерал остался доволен. У него сложилось впечатление, что и остальные делают это не хуже нас. Разыгрывать перед генералом штыковой бой тоже поставили нас с Прайманом. Это, между прочим, нелегко. Штыки пристроены на пружинках и при ударе не входят в тело, а вдвигаются в ствол винтовки. Пораниться, однако, можно запросто. Но мы, хоть и не майоры, а тоже не дураки. Условились между собой, кто станет победителем в каждой из схваток, и разыгрывали минут пять классические упражнения со штыком, сопровождая их воинственным рёвом. Удостоились бурных оваций зрителей и похвалы командиров.

Так вот, о забеге. Сто метров я пробегая за... Нет, не за десять секунд, врать не буду. Но достаточно быстро. А пять миль – это ведь восемь километров! Что я, рехнулся? Этак ведь можно и богу душу отдать. А куда денешься?..

Каждому выдали номер. Вдоль маршрута (он проходил через город) стояли контролёры, отмечали пробегавших. Я миновал два контрольных пункта и оказался возле главной линии городского трамвая. В меня вселился проказливый бесёнок (англичане называют его Imp) и стал подбивать на шалости. Я погнался за проходившим трамваем, настиг его и вскочил на подножку. Полные сочувствия пассажиры, наблюдавшие за моими усилиями, помогли забраться в трамвай. Так проехал я километров пять и соскочил неподалёку от конечной точки маршрута. Увидав, что я завершил пробег за столь короткое время, стоявшие там невероятно изумились.

– Don't be amazed, I have taken a tram¹⁵⁴!

В тот момент англичане наверняка презрели меня за отсутствие спортивного духа, но простили, принимая во внимание чистосердечное признание. Примерно через четверть часа один из

¹⁵⁴ Не удивляйтесь, я сел в трамвай! (Англ.)

участников преодолел финишную прямую и свалился без чувств. А ведь был он изрядным спортсменом, не мне чета...

Мы с Прайманом жили довольно вольготно, почти каждый вечер выходили в город. Как-то захотелось нам арбуза. Завернули в ларёк. Продавец, увидав двух английских солдат, засуетился:

– Сейчас я вам лучший из лучших выберу.

И выбрал. Подал. В самом деле, что могут англичане понимать в арбузах? Но мы-то не англичане и кое-что соображаем. Прайман превосходил меня в этой науке. Отличал зрелый арбуз по одному только виду, лишь бросив беглый взгляд. Мы отвергли предложенный нам плод (явно белый внутри), и Прайман указал на один из лежавших вдалеке:

– Нам вот этот.

Удивлённый продавец сказал помощнику по-арабски:

– А этот парень понимает!

Делать нечего, подал нам просимое, но цену заломил – четыре гроша вместо двух!

В трамвае двое египетских студентов стали над нами посмеиваться:

– Арбуз-то у вас белый!

Но Прайман был уверен в своей арбузной квалификации.

– Хотите пари на пять грошей? Если белый, мы вам платим, если красный – вы нам.

Вскрыли арбуз, а он внутри красный, как мундир гвардейца, и, как выяснилось, сладкий. Так что арбуз достался нам даром, да ещё и с прибылью. Разумеется, тут же уничтожили его в компании со студентами.

РАНЕН В ТУЛЬКАРМЕ

Неподалёку от арабского городка Тулькарм, что расположен между горами Самарии и равниной Шарон, к востоку от Нетании, произошла одна из последних битв Первой мировой войны. Англичане захватили много пленных и огромное количество турецкого оружия и боеприпасов. Оружие, патроны и взрывчатку сосредоточили в большом складе, собираясь перебросить на фронт. Но тут война закончилась, Османская империя капитулировала, и британские власти стали раздумывать, что со всем этим хозяйством делать. А пока что нашу роту отправили на охрану склада. Лагерь стоит на возвышенности, рядом с нами – индийская часть, а пониже, метрах в четырёхстах, расположился египетский батальон. У индийцев большой и богатый буфет. Продавцами в нём работают англичане.

Разбили мы палатки – и бегом в буфет. То был как раз тот период, когда я опять закурил (к счастью, ненадолго). Купил сигарет на шесть грошей. Подал одну лиру – и продавец выдал мне сдачу: четыре лиры и девяносто четыре гроша. Взял я деньги, пересчитал, удивился и говорю продавцу:

– Вы обсчитались.

– Я никогда не ошибаюсь! – сердито бросил лавочник, продолжая обслуживать следующего покупателя.

Я потребовал заведующего и заявил, что мне неправильно дали сдачу.

– Надо было сразу проверять. Сейчас ничем не можем помочь.

– Я сразу проверил и тут же сказал продавцу, но он не хочет меня слушать!

– А в чём, собственно, дело?

Я выложил на прилавок сдачу.

– А вы сами поглядите. К этим деньгам я ещё не притрагивался. Дал одну лиру – и вот что он мне сдал.

Заведующий, старый солдат-сверхсрочник, поглядел на деньги и широко раскрыл глаза. По его изумлению было видно, что такое случилось с ним впервые. Я поймал себя на том, что испытываю злорадное удовольствие, наблюдая такую реакцию. «Бедняга! Похоже, никогда в жизни честных людей не встречал». Заведующий суетливо извинился, поблагодарил, убрал четыре лиры и наверняка подумал: «Свет ещё не видал таких дураков, как этот».

Буфетчики были, похоже, вообще не слишком сильны в арифметике. Прибавьте к этому тупую самоуверенность, характерную для людей невысокого интеллекта, – и станет ясно, что ошибались они с неотвратимой неизбежностью. В следующие несколько дней наши ребята не раз возвращали неправильно насчитанную сдачу – и слух о порядочности бойцов еврейской роты распространился по индийскому лагерю.

А вот с египетскими солдатами у нас как-то не сложилось. Однажды среди дня раздался крик: «Египтяне Давида бьют!». Мы похватили всё, что могло сгодиться как оружие (главным образом – деревянные молотки для забивания палаточных кольшков), и кинулись к египетскому лагерю. Никогда не забуду открывшуюся нам картину. Стоит наш замечательный спортсмен Давид Кваша (в будущем он возглавит спортивное общество «Маккаби») с трёхметровым шестом от палатки и отбивается от египтян, которые пытаются сомкнуть круг и подобраться ближе. Несколько человек лежат на земле и стонут... Прорвали мы египетскую осаду, и бой продолжился. Вот один из наших приятелей, бывший пленный турок, мчится с деревянным молотком. Перед ним возникает египетский офицер, кричит:

– I am an officer¹⁵⁵!

– Офицер? – деловито переспрашивает солдат. И тут же тюкает его по голове.

Бой длился уже с полчаса, когда прибежали два десятка индийских солдат, вооружённых винтовками со штыками. Наставили штыки на египтян.

– Евреи – хорошие ребята. Нельзя их бить!

Два стана разделились и разошлись по палаткам.

Просыпаемся на следующее утро – территория, где стоял египетский лагерь, пуста и покинута. Видно, у нас были хорошие заступники.

Сегодня мой черёд выходить на охрану склада. Сторожить вооружение нетрудно. Труднее другое. Еврейский ишув нуждается в оружии, сильно нуждается. Мы уже понимаем, что британцы готовы забыть о своих обещаниях, заявленных в декларации Бальфура. Ишув не только остаётся один на один с враждебным арабским населением. Зачастую власти фактически становятся пособниками

¹⁵⁵ Я офицер! (Англ.)

экстремистов. У нас начинается война на два фронта.

Перед выходом получаю задание от Дова Хоза: столько-то патронов, столько-то взрывчатки. Всё это тут же уйдёт в поселения.

Глубокой ночью я подтаскиваю боеприпасы к выходу из склада. Подходят по очереди ребята, уносят ящики и распределяют экспроприированное по палаткам. Задание почти выполнено. Осталось взять последнюю порцию взрывчатки. Тяну на себя ящик, лезу внутрь рукой...

Помню, как полыхнуло перед глазами, как бросило на пол. Грохот? – Да, был, наверно, но описать его я не смог бы. Словно тяжёлым по голове ударили. И темнота...

В ГОСПИТАЛЯХ

Чувствую покачивание. Открываю глаза. Серый полупрозрачный сумрак кругом. Надо мной – фиолетовое небо с розовой светлой полосой вдали. Меня поташнивает. Боли нет. Я словно обложен толстым слоем войлока и оттого ничего не слышу. Наконец внимание начинает концентрироваться на том, что видят глаза. Впереди маячат две спины в солдатской форме. Меня несут на носилках. Палатка. Это лазарет. Начинаю ощущать ноющую боль в руке. Голова кружится. Женщина делает мне перевязку. Потом укол. Через некоторое время – снова укол. Видно, один был от столбняка, а второй... Боль притупляется. Возможно, морфий? Погружаюсь ненадолго в мутную тьму беспамятства и вынырываю снова. Опять несут. Поднимают в вагон. Другая женщина рядом. Кровь просачивается через повязку. Женщина накладывает новые слои бинта. Через некоторое время – ещё и ещё... Опять палатка. Вносят и кладут на стол. Приближаются несколько весёлых мужчин в халатах.

– Доктор, почему вам так смешно?

Видимо, просто анекдоты травили, а тут и я появился.

– Всё в порядке парень, считай до ста!

Накладывают маску... Сильный шум, словно разбегаются во все стороны десятки поездов...

Ночь. Где я? Обе руки по локоть в бинтах, рядом с кроватью сидит медбрат.

– Что со мной?

– Всё нормально, спи!

Я снова проваливаюсь в дрёму и лишь после следующего пробуждения задумываюсь о том, насколько серьёзна травма. Пробую пошевелить пальцами рук – там, под повязками. Большой, указательный... Вроде бы все на месте. Или мне это только кажется? Я знаю про фантомные боли. Может, пальцев и нет, а я их всё ещё ощущаю?

Я лежу в огромной армейской палатке: семь кроватей с одной стороны и семь с другой. За мной ухаживают милые шотландские медсёстры, но я пока ни о чём у них не спрашиваю. Так проходят два или три дня. Наконец-то сестричка принимается менять мне повязки. Разматывает большой бинт на левой руке – и я вижу свои пальцы, аккуратно упакованные в потемневшую от крови марлю. Слава богу, их пять. Пытаюсь определить на глаз длину каждо-

го, но это трудно сделать из-за бинтов. Вот пальцы наконец обнажились. Опасения мои подтверждаются. Мизинец, безымянный, средний... вижу аккуратно зашитые кончики фаланг. Похоже, это средние фаланги, а конечных нет вообще. Кажется, и указательный пострадал. С правой рукой вроде бы получше. Явно повреждены большой и мизинец, а на указательном даже остатки ногтя видны. Первая мысль: «Ну вот, теперь я Эстер не нужен!». Потом мне рассказали, что она сильно плакала, узнав о случившемся. А когда много времени спустя я всё-таки спросил её и намекнул, что, возможно, она думала о том, чтобы... То Эстер вначале не поняла, а потом обиделась.

– Как ты мог подумать?! Мне и в голову такое не приходило.

Сестрички-шотландки занимались моей персоной обычно дважды в день: меняли повязки, водили на анализы, обсуждали что-то с главврачом. Дней через десять одна из них прибежала со счастливыми слезами на глазах:

– Я спасла тебе руку! Ампутации не будет! Врачи хотели отнять, очень опасались гангрены. А я обещала, что буду сама за тобой ухаживать, что буду внимательно следить, и вот...

Наступили дни, когда она стала снимать швы. По одному за утро. Больше всего их было на кончиках пальцев. Это очень больно. Иногда сестра говорила:

– Sorry, I'll make you cry¹⁵⁶.

Я сдерживался. Сжимал зубы, покрывался испариной от боли и напряжения. Острая боль постепенно переходила в ноющую, и палец болел весь день. А ночью я не мог заснуть в ожидании за-втрашной пытки.

На соседней койке лежит тяжело раненный молодой ирландец. Медсестра перевязывает его перед тем, как подойти ко мне. Что заставляет меня следить за её действиями? Простое любопытство? Сочувствие? Она снимает окровавленную повязку – и я вижу кровоточащую рану в боку солдата. Сестра поправляет марлю, и её ладонь свободно входит в эту рану.

Пришёл тревожный для нас день: на завтра назначена операция, которая должна решить его судьбу. После полудня в нашу палату заходит католический священник. Огораживает мою кровать ширмами и начинает говорить мне что-то о человеческой участи. Видимо, начинается обряд соборования.

¹⁵⁶ Извини, я заставляю тебя кричать. (Англ.)

– Святой отец, вы, наверно, ошиблись койкой.

Он сильно смутился, стал усиленно извиняться, потом пере- ставил ширмы к соседней кровати и пробыл за ними битый час. Сквозь щель в углу ширмы я видел, как он положил что-то в рот раненому и молится вместе с ним.

Мы волновались и ждали исхода, словно решалась судьба близкого нам человека. В ту ночь почти не спали, изредка переговариваясь. Утром солдата увезли на операцию, а часам к двум его, ещё спящего, вернули на койку. Мы все разом поворотились к медсёстрам с немым вопросом «Ну как?». Те устало улыбнулись и сказали нам, что операция прошла успешно, что ещё нельзя быть полностью уверенными, но скорее всего ирландец будет жить.

В палате наступило весёлое оживление. В тот вечер мы все были счастливы и всю следующую неделю радостно наблюдали, как медленно, но верно солдат возвращается к жизни.

После того «соборования» священник, видимо, ощутил некую мистическую связь и со мной. Начал заходить, приносил шоколад или сигареты, беседовал о жизни. Узнав, что я еврей, стал склонять меня к длинным философским беседам о смысле жизни. Затем стал переходить к разговорам о служении Богу, о том, как надлежит это делать. Говорил об искупительной роли Иисуса с пространными разъяснениями сути католического понимания его божественной сущности.

«Как хорошо, что у нас, иудеев, нет миссионерства и что возбраняется склонять к переходу в нашу веру», – подумал я.

– Видите ли, святой отец... Вы полагаете, что я предан одной вере и хотите обратить меня в другую. То есть чтобы я поклонялся Богу не так, как это принято у нас, а так, как сложилось у вас. На деле же вера тут не главное. Я вообще человек светский. Мои убеждения выражаются в том, что я придерживаюсь обычаев моих предков. Я предан нашему языку, нашей истории и нашей культуре. А такие вещи, как спасение души, меня не волнуют. Чего ради я стану перенимать веру, которая ещё более далека от меня, чем наша собственная?

Фактически я объяснил священнику то, что в сегодняшнем Израиле обозначается термином «масоратим»¹⁵⁷. Я и теперь масоратим.

¹⁵⁷ Масоратим (от слова מסורת «масорет» – традиция) – неверующий, который однако следует основным еврейским традициям.

ОБЩАЯ БОЛЬНИЦА № 19

Я снова в Александрии. Только разгуливать по городу и покупать арбузы уже не могу. Теперь я лежу в огромной больнице. Два здания: в одном четыре этажа, во втором – шесть, а вокруг палаточный город, в нём раненые со всего Ближнего Востока.

Мой сосед справа – немолодой мужчина, ему явно за сорок. Образованный, интеллигентный. Нам обоим ещё не разрешают подниматься с кровати. Мы иногда беседуем о жизни, а иногда просто играем в шашки, поставив доску на пол между кроватями. Только вот обыграть его мне не удаётся: так просчитывает ходы, что остаётся только восхищаться и безропотно принимать поражение.

Зато сосед слева – его полная противоположность: простой мужик, пьяница и сквернослов. Ему разрешили вставать с кровати, и в тот же вечер он исчез. Персонал больницы встревожился. Медсестры с ног сбились, разыскивая его по всей территории. Под утро парня привела военная полиция. Наша медсестра сильно на него рассердилась и в наказание забрала его форму. Решила, что в пижаме далеко не убежит. Убежал-таки! На этот раз в моей форме. Я недоглядел. Вернулся парень под утро, вдрызг пьяный. Попросил я ходячих раненых, чтоб положили мою форму мне под матрац. Слава богу, этого неприятного соседа скоро выписали.

Мне ежедневно меняют повязки. За то, что я спокойный и послушный больной, моя пожилая почтенная медсестра каждый раз приносит мне какой-нибудь подарок: плитку шоколада, сигареты, носки, мыло или носовой платок. Вскоре она разрешает мне садиться на постели. Бинты теперь остаются только на повреждённых пальцах, остальные вновь начинают мне служить. Медсестра даёт мне набор цветных ниток, несколько картинок, наклеенных на картон, и учит делать для них рамки. От скуки занимаюсь рукоделием, подбираю цвета. Очень красиво получается. А вскоре уже начинаю потихоньку вставать с постели.

В соседней палатке лежит ещё один еврей, английский военнослужащий. Что произошло между ним и медсестрой в то утро, бог знает. Да это и не важно. Моя славная опекушка влетела в нашу палату страшно разозлённая.

– Ох уж эти жидаы! Сколько их развелось! Никуда от них не денешься. Всюду лезут своим длинным носом. И что за племя!

Взяла что-то из аптечки и вышла. Я встал и быстро двинулся за ней.

– Ну и чем же вам евреи не угодили? Или завидуете нам?

Она опешила, но тут же всё поняла, резко повернулась и пошла от палатки. Я вернулся на свою койку, чтобы немного остыть от гнева и продолжить партию с моим добрым интеллигентным соседом справа. Неожиданно он спросил:

– А вы что, любите евреев?

Я удивлённо воззрился на него, а он продолжал:

– Проклятая богом нация, но посмотрите, как они опутали земной шар! Всюду протаскивают своих. Никогда не упустят возможности нажиться. Это у них в крови. Как могло случиться, что они так преуспели?

Я словно увидел перед собой совершенно другого человека.

– А как могло случиться, что вы, образованный человек, приверженец прогрессивных идей, высказываете взгляды, которые вообще не пристало иметь мыслящему существу?

В ходе краткой беседы выяснилось, что был у него сосед еврей, всячески его обижавший.

– Из-за одного такого человека, каких полным-полно в любой нации, вы так обозлены на весь еврейский народ? А ведь здесь, в нашей палате, вы выбрали именно меня. Как вы это объясните?

– Так вы еврей?

– Ну да.

Он задумался...

– А ведь вы правы. У меня есть приятели евреи. Все – замечательные люди. Только я никогда не ассоциировал их с еврейским народом. Для меня мои друзья – сами по себе, а евреи как нация – отдельно от них.

– Так не бывает. Народ состоит из отдельных людей. Самых разных по характеру.

Он вынужден был согласиться. Наши отношения даже не испортились. Зато поток подношений от медсестры тут же прервался. Впрочем, меня это мало волновало. Я уже мог передвигаться самостоятельно. Через день-другой добрался до офицерского отделения. А там суматоха: приехала большая начальница, аж в генеральском звании, и все медицинские работники стараются обратить на себя её внимание, понравиться генеральше. Вон она стоит возле лестницы с кем-то ещё. И этот кто-то вдруг окликает меня. Оборачиваюсь. Да это же моя медсестра! Может, решила проде-

монстрировать начальству успешно выздоравливающего? Скользнул по ней взглядом – и дальше. Иду себе.

– Come here, boy¹⁵⁸!

Ишь ты! Это сама начальница. Подхожу, отдаю честь.

– Почему вы не отреагировали, когда вас позвала медсестра?

– Я еврей, мэм, а она ненавидит евреев.

Гляжу на медсестру – она заметно побледнела.

– Можете идти.

А ещё через несколько дней мне разрешено даже прогуляться по территории и вдохнуть воздух свободы, ограниченной больничным забором. Прохожу мимо того здания, что пониже. На первом его этаже стоит возле зарешённого окна красивый лицом изящный парень и кивает мне:

– Good morning!

Отвечаю на приветствие и иду дальше. С другой стороны здания небольшой двор, огороженный двойным забором. За этим забором и снаружи от него стоит охрана. Солдаты – кто в форме, кто в больничной одежде – стоят группками и беседуют. Не усмотрев в том ничего необычного, возвращаюсь к себе в палату.

Дня через два я вновь прошёл мимо этого закрытого отделения. Тот же парень всё так же стоял у окна. Сделал знак, чтобы я подошёл. Я приблизился, мы поздоровались, начали разговор, но успели обменяться только несколькими словами. Появился охранник и закричал, чтобы я не подходил близко к окну. Я удивился, но отошёл. А назавтра пришёл снова и приблизился к окну, выбрав момент, когда охрана была далеко.

– Охранник не велел тебе подходить к окну из-за того, что я сумасшедший?

Я смутился. Только тут обратил внимание, что обстановка в его помещении отличается от интерьера других больничных палат. Почти нет мебели, столик приделан в углу, на кровати нет простыни.

– Здесь действительно отделение для душевнобольных. Все, кого ты видишь во дворе, – они отсюда. Есть контуженные, есть такие, что не вынесли какого-нибудь сильного потрясения. А моя история совсем другая.

¹⁵⁸ Пойдите сюда, молодой человек! (Англ.)

– Я еврей, как и ты, наверно, – продолжал молодой человек.

Я кивнул.

– Меня зовут Даниель... Даниель Вотерман. Родился я в Египте, мой отец известный адвокат. Когда началась война, записался в британскую авиацию. Знаю языки, поэтому служил переводчиком в командовании базы.

Меня слегка завораживал этот его суховатый и чуточку официальный тон. Словно уже не раз рассказывал свою историю и успел выучить её наизусть.

– Всё шло хорошо, пока меня из служащего военной авиации не перевели в служащие королевских воздушных войск. Они срезали мне зарплату под тем предлогом, что я такой же солдат, как и все прочие. Я сказал: «Ах так? Тогда я, как и прочие солдаты, знаю один язык: английский». Пошли споры-раздоры. Командиры требовали, чтобы я продолжал работать как переводчик. Я не уступал. Естественно, надо мной стали издеваться. Мучили нарядами, заставляли делать самую чёрную работу. Я стоял на своём. Приехал к нам генерал с инспекцией. Я заготовил письмо, и, когда генерал проходил мимо меня, вручил ему. Теперь-то понимаю, что командиры только того и ждали. Буквально через несколько часов пришла санитарная машина. С тех пор я здесь.

– А тебя разве потом не обследовали? – спросил я.

– Конечно, обследовали. Никаких признаков душевного заболевания. Я знал, что меня постараются довести до безумия. Собрал все силы и терпел. Спал без простыни. Не давали ложки, вилки и, разумеется, ножа – ел руками. Умывался раз в неделю под присмотром охранников. Терпел и ждал, пока война закончится и им придётся меня освободить. Теперь, наверно, уже скоро. Так что не бойся меня. Единственное, о чём прошу: приходи иногда, если сможешь. Поговоришь со мной, хоть немного развеешь эту ужасную тоску. Я ведь здесь один. Ни книг, ни газет не дают. Но им меня не сломать.

Я разволновался. Рассказ звучал вполне правдоподобно. Речь парня была совершенно связной, незаметно было никаких признаков умственного расстройства. Я стал каждый день подходить к его окну и стоял, пока не прогоняли охранники. Он рассказывал о своей жизни в Египте, о доме, семье и, разумеется, всё время возвращался к последним месяцам службы и к той несправедливости, которую с ним сотворили.

– Знаешь, меня вчера снова обследовали! – сказал он во время очередной встречи, и я впервые увидел весёлый блеск в его глазах.

Мы встречались ещё два дня, а на третий я не застал Даниеля. Заглянул в его комнату – пусто. Обхожу здание, заглядываю во дворик... Ба! Это же Арье из нашего батальона! Охранники, похоже, уже привыкли ко мне и сделали вид, что не замечают, как я его окликнул.

– Арье! А ты как сюда попал?

– Да так...

Смотрит в сторону, смущён. Ясно: я проявил бестактность.

– Слушай, тут у вас на первом этаже был такой пациент, высокий, симпатичный, зовут Даниель...

– А, этот... Его вчера выписали. Уехал.

Потом я расспросил ребят из той роты, где служил Арье. Оказалось, был у него неудачный роман. Решил застрелиться из-за несчастной любви. Сделать это при помощи винтовки не так-то просто. Пуля пробила плечо. Чтоб спасти парня от трибунала, решили считать это несчастным случаем, вызванным депрессией.

Через два года, работая в Египте после демобилизации, я опять проездом попал в Александрию и (бывают же такие случайности!) купил в киоске одну из тамошних газет. Небольшая заметка о недавно закончившемся судебном разбирательстве. Из неё и узнал, что Вотерман возбудил процесс против британского правительства о незаконном заключении в психиатрическую лечебницу, а теперь выиграл его, и ему полагается солидная компенсация.

ШАРЛОТТА И КОММУНИЗМ

По воскресеньям выздоравливающих отпускают в город. Гуляю по Александрии, наслаждаясь полной свободой. Дышу морским ветром, вглядываюсь в гребешки волн в отдалении возле мыса, где стоял некогда тот знаменитый маяк, люблюсь мечетями...

Однако первая же моя вылазка была драматичной. Захожу в армейский буфет поглядеть, что там есть вкусенького. Обе руки всё ещё перевязаны, на свободе лишь несколько пальцев. Сразу у входа натываюсь на группу солдат, явно не принадлежащих к юдофилам. Распознав по нашивкам на гимнастёрке, что я еврей, они тут же приступают к делу. Становится ясно, что бинты на руках не избавят меня от побоев. В гневе и печали ретируюсь, выхожу на улицу. Эх, были бы руки целы!..

Но кто это идёт навстречу? – Мой бывший тренер по боксу сержант Шварц! Давненько не виделись. Тесен мир.

– Ты чего такой расстроенный?

Рассказываю о стычке.

– Ну-ка пошли в буфет! – говорит Шварц.

Заходим. Он тут же достаёт свисток (тренер как-никак). Резкий свист. Все оборачиваются.

– Кто его обижал? Встать!

Солдаты, так нагло меня задиравшие ещё несколько минут назад, растерянно переглядываются. Шварц повторяет вопрос и для верности грохает кулачищем по столу. Звоном отзывается посуда за стойкой.

– Подлые трусы!

Шварц обращается к солдатам с краткой, но выразительной речью, потом кладёт мне руку на плечо, и мы выходим.

Следующая прогулка проходит без эксцессов. И всё-таки переоценил я свои силёнки. Думал весь город обойти, а уже устал. Присесть бы. Вот и городской сад. Пальмы, клумбы, теневые узоры листьев по аллеям. А главное: прохладнее, чем на улицах. С наслаждением опускаюсь на скамью. Уходит ноющая боль из левой кисти, стихает звон в ушах... Поднимаю голову. Ого, какая фифочка! Нет, «фифочка» – не то слово. И вообще, никакие уменьшительные к ней не подходят. Высокая, серьёзная. Читает французскую книжку. Кажется, если бы плечи не поддерживали мощную

волну тёмных волос, то голова запрокинулась бы под их тяжестью. А вот пудель – тот полная противоположность хозяйке. Весь каштановый, кучерявый и элегантный, в хорошо обработанных носочках на конце лап, но такой легкомысленный: тут же подбежал и понюхал мои армейские башмаки. Остался доволен запахом, но, поразмыслив немного, решил вернуться к хозяйке. Поскучал возле её ног и снова подошёл ко мне. Я потрепал его по шёрстке, почесал за ушком. Пёсику это понравилось, но изменять хозяйке он не собирался и вновь вернулся к её скамье. Да, никто не сближает людей сильнее, чем наши четвероногие друзья. Вижу, что она не столько читает, сколько поглядывает в мою сторону. Может, заговорить с ней по-французски? Нет, с моим-то знанием языка – опозорюсь. Читаю вроде неплохо, а вот произношение...

Тут девушка встала, пересекла аллею и спокойненько уселась рядом со мной. Повернула пухленькое личико, взмахнула длинными ресницами над миндалинками карих глаз и спросила по-английски:

– Вы здесь служите? В Александрии?

И началась милая, ни к чему не обязывающая беседа. Рассказал ей, что наш полк стоит не здесь, что долечиваюсь в Александрии после ранения. Она сообщила, что родилась в этом городе и любит его. Разумеется, поболтали про море, климат и погоду. А потом она сказала, что ей уже пора идти, и я проводил её до выхода из сада. Интересно, она заметила, что английский – не мой родной язык? Говорят, что избавиться от русского акцента невозможно. Но при такой-то «интеллектуальной беседе» могла и не заметить...

В следующее воскресенье в тот же час я вхожу в сад с надеждой снова повстречать милую незнакомку. Неприятно ёкает сердце, когда убеждаюсь, что скамейка пуста. И с чего бы такое разочарование? Может, в прошлый раз надо было просто назначить свидание? Но не умею я вот так, сразу. Конфужусь. Говорю всё не о том... Отчего мне так трудно теперь уйти? Делаю большой круг по аллеям, потом второй... Ура! Сидит себе на той же скамейке. И пуделёк при ней. Узнал, бежит навстречу. А может, она меня и ждала? Теперь уже я сам подсаживаюсь к девушке и завожу беседу, словно мы всегда были если не друзьями, то, по крайней мере, добрыми знакомыми. На этот раз разговор поинтереснее, но по-прежнему на локальные темы: госпиталь, раненые, уход – и мы снова расстаёмся безмянными, со смутной надеждой на следующую встречу.

Еврейская община Александрии организовала субботние чаепития для бойцов-евреев. Так что в следующий раз я появляюсь в городе не в воскресенье, а в субботу. Располагаюсь за столиком в ожидании чая. Дамы из общества и прелестные девушки разносят угощение. Вот одна из активисток подходит сзади к моему столику, расставляет чашки, поднимает на меня глаза – и застывает на месте.

– Это вы?.. Вы еврей?

– Да. Меня зовут Ерушалаим.

– Ой! А я Шарлотта!

Её личико по-девичьи вспыхивает. Она теперь совсем непохожа на серьёзную молодую даму с парковой скамейки.

Когда чай уже выпит, окончен импровизированный концерт и начинает стихать шум вечеринки, Шарлотта присаживается ко мне. Ей хочется знать, кто я и откуда. Я и сам не мог бы определённо сказать, почему во время предыдущих встреч не говорил о том, что я – житель Палестины и боец Еврейского легиона. Подсознательно опасался антисемитской реакции? Возможно. Но теперь, буквально в одночасье, наши отношения меняются. Мы уже близкие друзья.

– Знаешь что? Приходи завтра к нам! Тебя ведь отпустят из больницы?

Назавтра в назначенный час я стою возле дома, в котором, судя по адресу, живёт моя новая знакомая. Ого, солидное здание! Вывеска над первым этажом извещает, что здесь находится магазин золотых и серебряных изделий Иосифа Розенталя. Швейцар проводит меня наверх, в квартиру. Анфилада комнат, роскошная мебель, персидские ковры от стены до стены, несколько слуг. Из дальнего конца анфилады выпархивает Шарлотта, берёт меня за руку и приводит в салон. Ступаю нерешительно, боясь нарушить чистоту полов своими грубыми ботинками. Знакомлюсь с родителями. Сам Иосиф Розенталь похож на аккуратного английского клерка: брюки со стрелкой, белая рубашка с накрахмаленным воротником, галстук и пиджачок. Он занят: возле рояля идёт бурный спор о политике с довольно большой группой британских военных самых разных званий. Они все заметно старше меня. Розенталь рассеянно протягивает мне руку, представляется и вновь поворачивается к наседающим на него оппонентам. Доносятся знакомые слова: «Ленин», «Троцкий», «Антанта». Мать, обладательница выдающегося

ся бюста, хлопчет об угощении. Раздаёт указания слугам, сама подносит гостям. Выглядит неприветливо, губы поджаты. Ясное дело: терпит всех этих «шлёперим»¹⁵⁹ только ради мужа. Ей, небось, хочется видеть других посетителей – богатых коммерсантов, чтобы удачно пристроить дочь.

А спорщики у рояля кипятятся, жестикулируют... Ну их! Мы с Шарлоттой пристраиваемся на уютной софе и заводим беседу о вещах более интересных. В музыке я не особенно разбираюсь, зато о литературе вполне даже могу поговорить.

Гости уходят все вместе.

– О чём это вы так жарко спорили? – спрашиваю военных.

Мне поведали, что отец Шарлотты принадлежит к тем, кого называют «салонными коммунистами». Очень богат, но одержим идеями равенства и социальной справедливости. Читал Маркса. Сочувствует Советской России и надеется, что там сумеют построить новое общество, свободное от угнетения.

Я был в гостях у Розенталей ещё несколько раз. Странная девушка была Шарлотта. Она сочетала в себе раскрепощённость и свободу от предрассудков с несколько показным благонаравием. Типичная образованная девушка «из приличной семьи». Вон хоть тот анекдот, что я ей рассказал. Что в нём непристойного? Вполне себе безобидный.

– Приезжает муж из командировки и застаёт жену в постели с любовником. Естественно, начинает кричать и возмущаться: «Пока я работаю, ты вон чем занимаешься!» А жена ему говорит: «Ты вместо того, чтоб ругаться, лучше бы посмотрел да поучился!»

Тут Шарлотта встаёт, отвешивает мне звонкую пощёчину, а потом идёт к роялю и начинает играть что-то очень решительное и мощное. (Оказалось, что это был «Революционный этюд» Шопена). Чёрт его знает. Может, я действительно переборщил? А она спокойно поднимается из-за рояля, снова присаживается ко мне и просит:

– Расскажи что-нибудь ещё.

Я чисто символически шлёпаю её по щеке и тут же рассказываю ещё один анекдот, уже не имеющий никакого отношения к сексу.

¹⁵⁹ Шлепер (идиш) – босяк, бродяга.

– Слушай, научи меня русскому! А я поработаю над твоим французским.

– Да зачем тебе русский? С чего вдруг?

Она опускает глаза и, почему-то понизив голос, произносит:

– Мне надо.

И тут меня обжигает неприятная мысль. Точнее, осознание ситуации.

– Я бы с радостью, но... Понимаешь... Скоро медкомиссия. Меня...

Она тут же грустнеет.

– Я понимаю...

А вскоре после того мы прощались с нею в сумраке одной из небольших комнат. Помолчали, обменялись фотографиями... Надо было сказать что-то значительное, что продлило бы наши отношения. Но я был в смятении. Неловко обнял Шарлотту и быстро вышел...

Прошло два года. Я был уже женат и жил в Тель-Авиве. Однажды в моём доме появился мой приятель Аарон (он служил в британской полиции), и вид у него был весьма озабоченный. Извлекает из кармана бумажник и вытаскивает из него... мою фотографию.

– Откуда у тебя?

– Ты лучше расскажи, как она попала к Шарлотте Розенталь.

Я рассказал. Аарон улыбнулся загадочно. Ему понравилась эта романтическая история. Потом с явным облегчением произнёс:

– Ну и хорошо. Так ты не знал, что она коммунистка? В общем, обвинения там довольно серьёзные. Мы делали обыск у неё в квартире. Смотрю – там твоя карточка! Представляешь, как я удивился? Изъял, чтоб к тебе лишних вопросов не было.

– Спасибо, Аарон... А где она сейчас?

– Пока в тюрьме. Её муж тоже коммунист.

Сообщение о муже меня немного задело, хотя почему бы ей и не выйти замуж? Через некоторое время я спросил Аарона, не знает ли он о судьбе Шарлотты.

– Депортировали в Египет, – коротко ответил он.

Не могу сказать, что меня совсем не интересовала дальнейшая жизнь Шарлотты. И всё-таки я не делал никаких попыток разуз-

нать о ней. Лишь совсем недавно, через семьдесят лет после нашего знакомства, мне попало на глаза её имя. В Советском Союзе началась так называемая перестройка. Раскрыли архивы. Кое-что из материалов попало в печать¹⁶⁰.

Во-первых, ребята, встреченные мною у Иосифа Розенталя, совершенно несправедливо назвали его «салонным коммунистом». Как утверждалось в одном из докладов британской полиции, «коммунизм в Египте – это шоу одного актёра, [...] и этот актёр – Розенталь»¹⁶¹. Полиция ошибалась. Розенталь, один из основателей Социалистической партии Египта и нескольких марксистских кружков в Александрии, завоёвывал всё новых сторонников. Вскоре после моего отъезда он наладил отношения с исполкомом Коминтерна. Тогда-то и появился в его доме Иехиэль Косой (товарищ Авигдор), прибывший по заданию Третьего Интернационала для того, чтобы организовать работу компартии Египта. Тремя годами старше меня, тоже боец Легиона (фамилия была мне знакома, но в лицо я его не помню), он тут же очаровал Шарлотту. Она ведь кое-что от меня скрывала, представляясь далёкой от политики салонной барышней. «Она не просто моя дочь, плоть от плоти моей, она – моя душа, мои мысли, мой характер»,¹⁶² – писал её отец. Шарлотта действительно разделяла его коммунистические убеждения. Распространяла марксистскую литературу, участвовала в политических кружках, а в 1921 году занималась сбором средств для голодающих Поволжья. Авигдор и Шарлотта поженились через несколько месяцев после знакомства, незадолго до того их приезда в Страну, который закончился арестом и депортацией. (Здесь она успела вступить в сионистскую рабочую партию Поалей Цион¹⁶³. Позднее ей ещё припомнят эту «связь с сионистами».)

А потом была Москва. Шарлотта поступила в недавно созданный Коммунистический университет трудящихся Востока. У неё были замечательные способности к языкам (прекрасно знала английский, французский, немецкий), и всё-таки начинать учёбу с нулевым знанием русского было трудновато. Шарлотта сама относилась с иронией к своим достижениям первых двух семестров.

¹⁶⁰ О Шарлотте Розенталь см. [31]. Автор выражает глубокую признательность историку New York University Маше Кирасировой (Masha Kirasirova) за её исследование и предоставленные материалы.

¹⁶¹ Цит. по [31], p.310.

¹⁶² Цит. по [31], p.312.

¹⁶³ О партии Поалей Цион см. во второй части.

Летом, на стажировке в Ташкенте, подхватила тиф и вернулась в столицу только весной, как раз после смерти Ленина. Исполком направляет супругов в Сирию, но зоркое око «старшего брата» внимательно следит за ними с самого отъезда из Москвы. Начальство недовольно. В Париже «товарищ Шарлотта... наделала кучу глупостей». Другими словами, слишком много болтала и, возможно, раскрыла истинную миссию Авигодора. Супруги вернулись в Египет. Скоро их брак распался. Тем не менее, в конце двадцатых годов оба вновь оказались в Москве. Шарлотта восстановилась в университете. Но то были уже иные времена. Романтика закончилась. Начинаются партийные чистки. Теперь она вынуждена оправдываться и писать объяснительные записки. Выясняется, что она «дочь купца», что «была связана с сионистскими кругами», что Авигодор «протащил её в ВКП(б) с ложным стажем». Шарлотту отчисляют как «случайный элемент». В приснопамятном тридцать седьмом обоих арестовывают. Авигодора вскоре расстреляют, а Шарлотту отправят на Колыму, где она проведёт семнадцать лет в сталинских лагерях. После реабилитации моя александрийская подруга ещё успела обратиться к Хрущёву с просьбой помочь её престарелому отцу вернуться в Европу и воссоединиться с родными. (Тогда как раз начался нежный роман между Египтом и СССР.) Ещё я узнал, что умерла она в Москве, в доме престарелых для партийных работников, но дату её смерти мне выяснить не удалось.

РАЗГОН ДЕМОНСТРАЦИИ

Дело идёт к выписке. Меня вызывают на военную комиссию. Её вердикт: годен к несению всех видов военной службы. Это меня несколько удивляет: всё-таки без нескольких кончиков пальцев остался. Иногда по привычке хочу взять что-нибудь со стола левой рукой – а предмет лежит как лежал. Оказывается, я до него даже не дотронулся. Ну годен так годен.

Меня переводят в лагерь для выздоравливающих. В тысячах палаток – военнослужащие на разных стадиях выздоровления. И это при том, что война уже полгода как закончилась! Официально мы называемся «распределительный лагерь». Нас постепенно отправляют в части. Ожидающие отправки раз в три дня несут охранную службу. Ежедневно на доске объявлений появляется график дежурств с именами тех, кто должен в эту ночь охранять лагерь. В пять пополудни – построение, рапорты ротных командиров, инструктаж для сержантов: куда двигаться и что охранять, затем команда «Шагом марш!» и гром оркестра.

Первые две недели меня не трогали. Делай что хочешь, лишь бы вернулся в лагерь до полуночи. Вот я и болтался в городе. Наконец увидел в списке своё имя и приказ явиться на завтра для получения снаряжения, то бишь винтовки и всего прочего, чего так не хватало солдату на больничной койке. Как раз в то время много говорили о кражах оружия. Некоторые солдаты просто продавали винтовки египтянам, дабы заплатить за пиво. У меня не было ни малейшего желания денно и нощно стеречь свою винтовку в этом чужом мне лагере. Попытался вообще от неё отказаться – не вышло. «Врачи лучше знают». Чёрт с вами. Выхожу на построение. Раздалась команда «На плечо!» – и моя винтовка взвилась к физиономии изумлённого командира. Объяснил ему, что моя раненая рука не позволяет вскидывать винтовку как положено. Он попросил меня повторить аттракцион, убедился и велел отправить мою защитницу на склад. А мне выдали солдатский нож.

Однажды утром мне велели командовать отрядом, посланным на разгон египетской демонстрации. Нас было шестьдесят два человека. Приказано во что бы то ни стало воспрепятствовать проходу демонстрантов через одну из улиц.

Подходим к перекрёстку. Всё вокруг спокойно. Идут себе прохожие, трамваи позванивают, солнышко светит. А мы стоим и ждём.

Противное какое-то ощущение. И на душе муторно. Час проходит, второй... Затеplилась надежда: может, и не появятся? Но нет! На исходе второго часа покaтился по улице неразборчивый гул, потом становятся слышны отдельные выкрики. Строимся в две шеренги, перекрывая проход. Вот и толпа. Шагают на нас, вздымают руки, выкрикивают лозунги. Выхожу немного вперёд и громко кричу им по-арабски: «Стой! Разойтись!» Снова и снова. Толпа продолжает надвигаться. Я, уже как автомат, подаю очередную команду. Первая шеренга опускается на колено, и ребята направляют винтовки на демонстрантов. И тут я чувствую, как онемело горло, окаменел язык. Мысли несутся, обрываясь, наползая одна на другую. «Всё идут... Сколько их? В одно мгновение я стану убийцей – не одного, а может, десятков. И ребята... Кому это надо? На чьей свадьбе играю?» Нет, я не смогу крикнуть «Огонь!»

Из толпы громкий крик: «Расходись! Стреляют!» Толпа сразу рассыпается. Люди бегут в стороны, уходят в соседние переулки. Ко мне возвращается дар речи.

Вечером в столовой, всё ещё немного возбуждённые, пришедшие с задания сержанты делятся впечатлениями. Оказывается, почти все ощущали примерно то же, что и я. Слава богу, никто из нас не докатился до того, чтобы открыть огонь.

Через несколько дней я получил приказ вернуться в свой полк.

СНОВА В ПОЛКУ

И опять охрана сооружений, учения, тренировки, сопровождение грузов. Наш участок простирался далеко на север, в Сирию. С той поры, как товарные воинские эшелоны были поручены Еврейскому легиону, пропажа грузов в пути практически прекратилась. Это сильно удивило командование. Они уже привыкли к тому, что вагоны приходят к месту назначения порядком обворованные, и относились к этому как к неизбежной данности. Разумеется, и мы постепенно наловчились «снимать десятину», но делали это так аккуратно, что транспортные пропажи оставались практически незамеченными. К тому же мы ведь делали это не для себя. После бездарного турецкого управления провинцией и четырёх лет войны стояла страшная разруха, поселенцам не хватало самого необходимого. Зимой мы перевозили шапки, свитеры, носки, одежды, обувь. Проезжая мимо молодых кибуцев, не упускали случая сбросить для них несколько тюков одежды.

Нам, кстати, тоже делали подарки. Практически во всех армиях мира существует традиция «подарок солдату». Вот и я получил от какой-то английской девушки пару тёплых носков и письмо, в котором она рассказывала о своей жизни и приглашала в гости, если вдруг окажусь в городе Шеффилде. Надо сказать, посылка немного запоздала: провалялась где-то почти два года. Но не ответить было бы невежливо. Я и ответил, поблагодарил за подарок. Через месяц-другой получил ответное послание. Моя благодетельница писала, что успела за это время выйти замуж, родить ребёнка, и пожелала мне всего хорошего. Не сказать чтобы меня это письмо разочаровало, в этот самый Шеффилд я всё равно не собирался.

А ещё я узнал, что мой давний приятель Иосиф Харит, руководитель пастушьей бригады в Галилее, буквально повторил мой «подвиг»: подорвался при экспроприации взрывчатки, только не в Тулькарме, а в Сарфанде, там тоже был огромный склад. Сейчас Иосиф лежал в больнице. Параллельность наших с ним судеб казалась мне иногда мистической.

Всё-таки здорово, что я освобождён от ношения винтовки. Теперь я могу свободно переправлять оружие куда угодно. Уходя в увольнение, беру какую-нибудь из «сэкономленных» винтовок. Солдат, идущий в увольнение с оружием, – вполне обычное явление. Возвращаюсь без него – тоже нормально, ведь я не обязан

носить винтовку. Таким путём я переправил изрядное количество оружия в Гедеру и другие окрестные поселения.

А вот и наш полковой старшина Томми Найт. Он нас очень любит. Одна из причин его любви заключается в том, то мы, евреи, – не большие мастера по части выпивки. А посему, когда распределяют ром, львиная доля уходит в его палатку. Наш старшина всегда пребывает в одном из трёх состояний: когда пьян (а таков он большую часть суток), нет в мире человека милее его. Когда только слегка под мухой, становится придирчивым и педантичным. Если же случается ему быть «сухим», делается жёстким и злым. В каждом из трёх состояний умудряется соблюдать полный порядок во всём, что касается дисциплины, внешнего вида и лагерного быта. Наше внутреннее командование извлекало из его характера пользу для национальных интересов: если надо было отправить кого-нибудь с поручением, касавшимся ишува, то не было проблемой получить увольнительную на несколько дней.

Месячной зарплаты старшины Томми хватало на десять дней питания. Был он щедр и каждого приглашал на рюмочку. Затем его состояние (а следовательно и наше) начинало резко ухудшаться. Вот мы, сержанты, и порешили поддерживать его, чтобы не давать просохнуть: каждый сержант – один день в месяц, согласно очереди. В конце концов, это ведь было в наших интересах. К чести старшины следует заметить, что он не особенно злоупотреблял выпивками за счёт «почитателей». Расход каждого сержанта, в соответствии с ценами того времени, составлял около одной лиры.

Наш весёлый старшина, будучи парнем открытым и общительным, подружился с австралийцами, чей лагерь был по соседству. Чуть ли не каждые сутки возвращался от них за полночь и здорово нализавшись. Пребывая в игривом настроении, взял моду подбираться к какой-нибудь сержантской палатке, протискиваться в неё и наваливаться на спящего. Приятного мало: только уснёшь – как вдруг небольшое землетрясение, и на тебя падает туша массой более восьмидесяти килограммов. Это длилось пару недель, пока ребята не отучили его от нелепой забавы. В одну из ночей, разбудив кого-то и вдоволь насмеявшись, Томми пошёл досыпать в свою палатку – и мы услышали грохот и вопль. Во всю ширину палатки, сантиметрах в десяти от пола, была натянута верёвка, а кругом валялись самые разные железяки. Томми даже не обиделся и прекратил свои ночные проказы.

Ещё одним выпивохой был командир нашего взвода лейтенант Мароти, но в его случае дело было серьёзнее. То были последствия контузии, полученной во Франции, на Сомме. Он пьянел от одной рюмки виски и становился совершенно невменяемым. Это приводило в отчаяние его молодую и красивую жену. (У нас в лагере были помещения для женатых офицеров.) И вот неожиданно нашего лейтенанта назначают комендантом города Рамле. За какие заслуги на него свалилось такое высокое назначение, бог весть. Скорее всего, не было под рукой подходящего человека, вот и решили временно поставить Мароти, пока не подберут другую кандидатуру. А потом ко мне прибежала его встревоженная жена.

– Ерушалаим, я уговорила мужа, и он добился, что вас отправляют в Рамле вместе с ним.

– Но почему? Для чего я там?

– С ним должен быть сильный человек. Пожалуйста, не давайте ему пить!

– Я попробую, но обещать не могу. Всё-таки он мой командир, а не наоборот.

Увы! Отвратить лейтенанта Мароти от питья мне не удалось. Зато я смог другое. Оказалось, что выполнять обязанности коменданта города не так уж и сложно. Вот я и работал за своего вечно пьяного командира. Вообще я потом частенько задумывался: а мог бы я стать какой-нибудь важной шишкой? Министром, например, или ещё каким функционером. Может, и мог бы, да не особо хотел. Во-первых, мне всегда претило заниматься политикой, хотя по убеждениям я был (да и сейчас остаюсь) близок к социал-демократам. Было бы странно, если бы я, общаясь с Израэлем Шохатом, Бен-Гурионом, Довом Хозом и другими деятелями Второй алии, живя и работая среди своих друзей, сионистов-социалистов, стал придерживаться иных взглядов. Но политика... Здесь от человека требуются особые качества. Дипломатичность, умение вести подковёрные игры, вербовать сторонников, изолировать противников. Нет, это не для меня. Во-вторых, позднее у меня появилось настоящее увлечение, ставшее профессией. Оно неплохо меня кормило, и я не променял бы его ни на какую административную работу.

Обязанности коменданта Рамле я исполнял две недели. Потом, видимо, нашли замену лейтенанту, и нас вернули в полк.

НА СТРЕЛЬБАХ

Наша рота на стрельбах под Тель-Авивом. Возможно, есть в том стратегический замысел: время беспокойное, выступления арабов против ишува не затихают. (Они будут продолжаться весь двадцатый год, а в двадцать первом вспыхнут с новой силой.) По ночам патрулируем в арабских сёлах, чтобы предотвратить нападения на евреев.

Командует лагерем капитан Леви, а во всех делах, касающихся безопасности ишува, власть безраздельно принадлежит Дову. (Именно там случился инцидент с мишенями, когда едва не погиб мой приятель детства Зеликович. Я рассказал об этом в первой части. Кстати, капитан Леви не сообщил начальству о происшествии.) Дов Хоз и Элияху Голомб всё время были заняты «на воле»: создавалась Хагана. Так что лагерь оставался на моём попечении.

Главная задача, поставленная Довом, – это отнюдь не безупречное поражение мишеней, а экономия патронов. Всё, что мы берегли, уходило в поселения, прежде всего изолированные, те, что не могли получить экстренную помощь от соседей. Разнарядку на передачу боеприпасов я получал от Дова в письменном виде. Всё честь по чести: гвоздей – 3000, бочек – 25, спичек – 50 коробков. («Гвозди» – патроны, «бочки» – ручные гранаты, «спички» – взрыватели.)

Ротный командир, разумеется, не был посвящён в наши манипуляции с оружием. Как-то утром вызвали меня к нему. Капитан тут же яростно на меня накинулся:

– Не хватает десяти тысяч патронов!

(Ну было дело. Вдобавок к сэкономленным решили экспроприировать ещё немного.)

Пожимаю плечами: дескать, понятия не имею. (Прекрасно зная, что эти десять тысяч уже отправлены.)

– Если патроны немедленно не будут возвращены, я передам дело наверх, и вы, как ротный казначей, будете отвечать по всей строгости.

– Господин капитан, кто, в сущности, отвечает за всё, что происходит в роте: я или вы?

Леви процедил сквозь зубы: «Можете идти» – и отвернулся. А патроны остались в руках защитников ишува как стратегический запас.

Капитан Виктор Леви, английский еврей, был благовоспитанным и порядочным молодым человеком. Между нами шёл вечный спор. Он считал себя прежде всего британским солдатом, а уже потом евреем, я же полагал, что дело должно обстоять как раз наоборот. Теперь понимаю истоки этих разногласий. Для меня, воспитанного в сионистской среде, сионизм был делом жизни. Для Леви необходимость сионизма и собственного государства вовсе не была очевидной. (Об этом я уже писал в самой первой главе книги.) Несмотря на мои хорошие отношения с командиром, у нас вскоре произошло новое столкновение.

В то утро Дов Хоз и Элияху Голомб отправлялись в Тель-Авив, и по их напряжённым лицам я понял, что там их ждёт серьёзное дело.

– Если капитан Леви вознамерится ехать в штаб командования, надо будет его задержать, – сказал мне Дов.

– А как?

– Как хочешь, но в штаб он попасть не должен.

После обеда я заметил, что капитан собирается ехать в Яффо. Вошёл в его палатку.

– Простите, капитан, вы должны оставаться здесь.

– Что? Вы смеете мне приказывать? – вскинулся тот.

– Нет, сэр. Я только прошу вас...

– Я командир лагеря! – закричал капитан и направился к выходу из палатки. Но здесь он увидел двух вооружённых часовых и все понял. Помрачнел, вернулся.

Через час появился Дов Хоз и тут же прошёл в палатку командира. Я слышал их разговор, но слов не мог разобрать. Вначале говорили на повышенных тонах, затем – всё спокойнее и спокойнее. Дов вышел и подмигнул мне. Капитан, конечно, догадывался о наших подпольных делах и, даже не будучи сионистом, сочувствовал борьбе еврейского ишува.

А вот ещё интересная личность: рядовой по прозвищу Муса Яфой. Так прозвали его арабы, потому что он был уроженцем Яффо и происходил из еврейской семьи, жившей там не одно столетие. Мне он казался старым: ему было уже за тридцать. Несмотря на возраст, был он самым драчливым в полку. Ничего не поделаешь – восточный темперамент. Чуть ли не в каждом увольнении умудрялся схватиться с кем-нибудь, но всегда успевал смыться и избежать наказания. Задирал чаще всего арабов. В конце концов я

просто перестал давать ему увольнительные. Но в одну из суббот, во время наших тель-авивских стрельб, увольнительные выдали всем бойцам роты, кроме тех, что были в нарядах. Я тоже пошёл в увольнение. Иду по улице Нахалат Беньямин, предвкушаю встречу с родными – и тут меня догоняет запыхавшийся капитан Леви.

– Срочно возвращайтесь в лагерь! Говорят, что солдаты нашей роты зарезали арабов в Яффо.

Я примчался в полк. Мне рассказали, что Муса Яфой с его приятелем Шимоном уже успели где-то хорошо набраться, потом прибежали в лагерь, схватили свои винтовки и помчались в Яффо «убивать арабов». Я взял винтовку, и мы бросились в погоню. Настигли их неподалёку. Ну слава богу. Если и была резня, то Муса с Шимоном ни при чём. Теперь остаётся разоружить их. С Шимоном быстро справились: скрутили, отобрали винтовку. А вот Мусу так просто не возьмёшь. Увидав, что мы решительно бежим к нему, щёлкнул затвором и заорал:

– Сержант, дорогой, не подходи! Я же тебя застрелю. Пусти к арабам, я их всех перебью!

Пришлось вступить в переговоры.

– Перестань, – говорю. – Ну что ты дурачишься? Успокойся, положи оружие.

Подхожу потихоньку, чтобы ухватиться за его винтовку, а Муса пятится с наставленным на меня стволом и кричит:

– Сержант, дружище, я тебя очень люблю, только не подходи! Не хочу тебя убивать, но придётся. Отпусти лучше в Яффо!

Я знаю, что Муса очень уважает Хоза и готов за него в огонь и воду. Отблеск этого уважения падает и на меня. Взываю к имени любимого командира, говорю, как расстроится Хоз, когда узнает, что Муса злоупотребил его доверием и так позорно его подвёл. Он слегка растерялся и отвёл взгляд. Тут же опомнился, но было поздно. Я сделал прыжок и вцепился в винтовку. Мы стали бороться, катаясь по песку.

Я был здорово уставшим: десять дней непрерывных дежурств в арабских деревнях. Даже спал не раздеваясь, иногда и башмаков не снимал. А Муса – здоровяк, хоть и пьяный. Ребята стояли во круг, ошеломлённые происходящим, и взирали на нас в каком-то оцепенении. Я всё-таки сумел дотянуться до спускового крючка его винтовки. Сильно рванул ложе вниз, к земле, и нажал на спуск. Выстрел согнал с ребят этот непонятный столбняк. Опомнились,

**На стрельбах. Сержант Ерушалаим
Сегал, капитан Леви, Дов Хоз, Иона
Трифон, сержант Горбан. 1920**

**Элияху Гломб
(1893 – 1945), один из
основателей «Хаганы»,
на посту. 1920**

навалились на Мусу, отобрали оружие, связали. Я велел посадить обоих арестованных в ров, что на полосе препятствий, и приставил к ним часового.

Меж тем пришла пора отправлять охрану в арабско-еврейские районы. Только начали распределять патроны – прибегают солдат из внешней охраны. Прибыл командующий Яффским округом полковник Стирлинг, а часовой держит его на кончике штыка и не даёт приближаться к воротам, «пока не придёт начальник лагеря».

Выйдя за лагерные ворота, я увидел картину, которая насмешила бы меня, если бы не серьёзность ситуации. Полковник Стирлинг (он был ростом под два метра) восседает на австралийской лошади не меньшего роста, чем он сам, а перед ним стоит с примкнутым штыком маленький тщедушный йеменец и не даёт двинуться. Я извинился перед командующим и проводил его к дежурному офицеру.

Наша схватка с Мусой и Шимоном разрешилась так незаметно, что заместитель командира роты, лейтенант-ирландец, даже выстрела не услышал. А если услышал, то не обратил на него внимания. Он сидел спокойно в своей палатке, ни о чём не ведая, и был весьма изумлён, узнав, что командующий округом хочет его видеть.

– Ваши люди зарезали арабов в Яффо! – кричит взбешённый командующий.

– Полегче, сэр! – возражает разозлённый лейтенант. – Вам действительно известно, что это наши люди?

Полковник немного успокоился, но, будучи в дурном расположении духа после приёма, оказанного ему у лагерных ворот, приказал тут же провести поверку и всех отсутствующих прислать завтра в комендатуру Яффо для опознания.

После полуночи меня разбудили. Оказывается, Муса Яфой развязал верёвки и удрал. Я вскочил и тут же обнаружил, что моей винтовки нет на месте. Стало быть, Муса успел ко мне наведаться. Пришлось срочно разбудить Дова Хоза: только он один знал, где обитает Муса.

Мы с Довом и ещё несколькими ребятами подошли к его дому в Яффо ровно в три часа пополуночи и постучали в дверь. Послышался шелчок затвора винтовки и голос Мусы:

– Кто там?

Минут двадцать простояли мы перед закрытой дверью, пока Дов не убедил Мусу впустить его и сдать оружие. Вот что значит настоящий командир! В лагерь вернулись все вместе. Мусу скоро демобилизовали, чтоб снять с полка ответственность за его теперешние и будущие выкрутасы.

На следующий день в Яффо отправились Дов Хоз, Элияху Голломб и Яков Галеви (будущий председатель еврейского профсоюза Великобритании). Разумеется, у всех оказалось железное алиби. Так мы и не узнали, кто устроил ту поножовщину. Да для нас это было и не важно: главное, что наши тут ни при чём.

Назавтра лейтенант произнёс перед нами воодушевляющую сионистскую речь.

– Ребята! Я понимаю ваше душевное состояние. Вы в постоянной тревоге за своих близких, которых арабы угрожают уничтожить в любой момент. Заверяю вас, что если они попытаются исполнить свои замыслы и ополчатся на Тель-Авив, то я, ирландец, сам встану во главе роты, и они пожнут бурю. В эти дни мои братья-ирландцы сражаются с британцами на моей родине. Будь я сейчас дома, я стоял бы рядом с ними. А здесь мы все – и вы, и я – британские солдаты. Мы должны соблюдать дисциплину, без шума ликвидировать угрозу и быть уверенными в тех, кто стоит на страже безопасности наших родителей, братьев и сестёр.

НАЧАЛЬНИК СВЯЗИ

После того как стало ясно, что арабы не пойдут громить Тель-Авив, начальство решило закончить стрельбы и отозвать нас в прежний лагерь. Формальным поводом были жалобы жителей Яффо и окрестностей: наша-де стрельба не даёт им покоя. Внутреннее руководство полка заявило командованию, что мы не станем уходить из Тель-Авива при свете дня: это может плохо повлиять на моральное состояние евреев и воодушевить арабов. Мы выступили в два часа пополудни. Шли в тишине, окольными дорогами, чтобы не привлекать внимания.

Район Тель-Авива и Яффо был объявлен запретной зоной для бойцов Легиона. Тем не менее, я очень скоро туда вернулся.

Руководство ишува потребовало, чтобы британская армия обеспечила охрану еврейских городов и посёлков. Британское командование уступило и направило отряды в горячие точки. К каждому отряду прикрепили начальника связи, отвечавшего за взаимодействие командира с руководством ишува. В Тель-Авив вошёл кавалерийский эскадрон: шестьдесят бойцов из полка Его Величества. Начальником связи эскадрона был ваш покорный слуга. И, кстати, «слуга двух господ». Двое начальников было у меня: один – командир эскадрона, второй – глава Совета обороны Тель-Авива Шмуэль Тольковский. Неприятно, но не так плохо, как мне показалось вначале. Командир эскадрона сидел с кем-то из своих подчинённых в Немецком квартале и, что называется, не просыхал. С эскадронными сержантами я сразу же подружился. А от Совета мне выделили комнату в самом центре и хорошую скаковую лошадь, чтобы моя мобильность была не ниже, чем у английских кавалеристов. Тольковский предложил мне пять лир на расходы, но я простодушно отказался:

– Я у родителей питаюсь, а на пиво с сержантами у меня есть: мне перед отправкой зарплату выдали.

Гарцую по городу с пропуском, написанным красными чернилами и подписанным самим командиром района, британским генералом.

В одну из ночей меня разбудил встревоженный Тольковский. По своим каналам он узнал, что в Яффо готовят бомбы. Их собираются бросить на Тель-Авив с поезда, проходящего через улицу Герцля. Теракт должен произойти утром, когда тысячи арабов по-

едут в Рамле на празднества в честь пророка Салиха. Тольковскому передали и адреса предполагаемых террористов.

Я поднял звено кавалеристов, и мы поскакали в Яффо. Заходим по списку в каждый из домов, быстро, но тщательно проводим обыск – и ничего подозрительного. Бог его знает, то ли действительно ложная тревога, то ли адреса не те. Утром на всякий случай выставили охрану вдоль всего участка железной дороги, пересекающего Тель-Авив. Поезда спокойно ушли в Рамле. А может быть, именно наши ночные рейды заставили террористов поменять планы?

Но этим дело не закончилось. Вновь прискакал Тольковский. Из тех же источников он узнал, что при возвращении с праздника арабы собираются напасть на Неве-Шалом¹⁶⁴. Возле станции был пустырь, отделявший еврейский Неве-Шалом от арабского Яффо. Разведка Тольковского сообщила, что тысячи арабов должны сойти с поездов из Рамле и собраться на этом пустыре, чтобы двинуться затем на еврейское поселение.

Я поднял уже не звено, а весь эскадрон. И вот подходит первый поезд. Ого! Столько народу выходит и двигается в сторону пустыря! А там уже выстроилась шеренга конных британцев, перекрывая подходы. Как и договаривались, начинают теснить толпу, направляя её в сторону Яффо. Но где им сладить с таким количеством народа! Самые бойкие проскакивают между лошадьми и выходят на пустырь. Конников это не очень волнует: с равнодушными лицами сидят на своих жеребцах. Не умеют они! Тем временем уж и следующий поезд подходит.

И тут появляется сам полковник Стирлинг верхом на своём австралийце, а с ним – ещё один всадник. Я его знаю: это же Давид из нашего полкового транспорта. Теперь он служит конюхом у командующего Яффо. Подъезжаю к нему.

– Поможешь, Давид? Надо их разогнать, а то пойдут сейчас на Неве-Шалом.

– Нет проблем, если полковник не возражает.

Полковник не возражал, и я подскакал к командиру эскадрона.

– Господин майор, надо поставить троих верховых на входах в поселение, а остальных пока оставить здесь.

¹⁶⁴ Неве-Шалом – еврейское поселение, основанное в 1890 г., находилось между Тель-Авивом и Яффо. В настоящее время – один из исторических районов Тель-Авива.

– Действуйте, сержант!

Переулков, ведущих в Неве-Шалом, всего три. Ставлю возле них всадников – и этого достаточно, чтобы не впустить толпу в посёлок, а сам скачу к Давиду. Мы врезаемся в толпу сошедших с поезда, направляя коней в сторону Яффо. Толпа разбивается на отдельные островки, люди уходят в город. Сзади нас – шеренга верховых, мешающая выйти на пустырь. Тем, кто успел туда проскочить, преграждают дорогу к поселению трое верховых охранников. Вскоре народ рассосался, никого из арабов не видно.

**Глава Совета Оборона Тель-Авива
Шмуэль Тольковский (в штатском)
с начальником связи**

Всю следующую неделю жили спокойно, никаких беспорядков.

Вскоре после окончания моей миссии Тольковский предотвратил покушение на Верховного комиссара Палестины Герберта Самуэля. Десять заговорщиков прибыли из Сирии в Яффо, чтобы уничтожить «пособника евреев», каковым они считали Самуэля. Тольковский получил информацию всё из тех же источников и немедленно связался с лидерами ишува. Оказалось, что наше руководство тоже знает о заговоре. Но как убедить в серьёзности ситуации нерасторопные британские власти? Пришлось пригрозить оглаской одному из высокопоставленных полицейских чиновников в Иерусалиме, и тот связался с британским Министерством иностранных дел. Машина завертелась, полицейской администрации Яффо пришлось сотрудничать с Тольковским. Тот договорился

со своим старым знакомцем, майором Джуном из администрации Яффо. Джун сочувствовал нашей борьбе. Вместе с Тальковским они решили разбавить полицейских, охранявших Самуэля (это подразделение состояло преимущественно из арабов), ребятами из Легиона. Джун раздобыл двенадцать комплектов полицейской формы для наших солдат, а двенадцать своих подчинённых отправил на какое-то придуманное «особое задание». Двенадцать наших бойцов во главе с лейтенантом Шапиро охраняли Верховного комиссара во время его визита в Яффо. Да так, что никто подозрительный и на выстрел приблизиться не мог¹⁶⁵.

Вскоре у Тольковского родится сын Дан, который станет генералом Армии обороны Израиля и одним из основателей израильских военно-воздушных сил.

¹⁶⁵ Подробнее об этой истории можно прочесть в публикации Бориса Брестовицкого [32].

ТАКТИКИ И СТРАТЕГИ

После окончания беспорядков наша лагерная жизнь идёт спокойно и размеренно. Кругом английские лагеря, британские военные. Отношения с ними настолько дружественные, что на Йомкипур они присылают нам своих караульных, чтобы мы могли спокойно молиться и соблюдать пост. На Рождество мы воздали им тем же: вызвались дежурить в британском лагере и избавили англичан от работы в праздник. Вот только с шестнадцатой бригадой, мягко говоря, крупно повздорили. Первая стычка произошла в воинском кинотеатре. Случилось так, что наших там было несколько человек, зато ребят из той бригады – две сотни. Кто там к кому прицепился – поди разберись, но нашим здорово навтыкали. Гневу нашему не было предела. Только с обидчиками не так-то просто справиться: бригада большая, и держатся они вместе. И тогда мы, сержанты, превратились в стратегов, разрабатывающих план крупной баталии. Несколько человек войдут в кинотеатр, остальные разделятся на три отряда: группа «А» занимает позицию напротив входа, группа «В» под моим командованием расположится между кинотеатром и лагерем шестнадцатой бригады, группа «С» остаётся в резерве...

Наши парни вошли в кинотеатр – и драка не заставила себя ждать. Имитируя отступление, бросились в сторону нашего лагеря, – англичане пустились в погоню. Тут в бой вступил группа, засевавшая напротив кинотеатра. Поднадавали англичанам, повернули в сторону лагеря шестнадцатой бригады и скрылись во тьме. В их лагере услышали крики и бросились на подмогу товарищам. Выскочила наша группа «В», что притаилась между кинотеатром и английским станом, поколотила их малость и смоталась. И вот тут-то столкнулись в темноте преследователи-англичане и те, кто шёл им на помощь. Мы стояли в отдалении, прислушивались к шуму потасовки и посмеивались. Нам даже не пришлось пускать в ход резерв. А ведь нас было всего шестьдесят против четырёх сотен.

История эта быстро разошлась по окрестным лагерям, и английские солдаты, представляясь, добавляли:

– Я не из шестнадцатой бригады.

Скоро меня вновь послали в Египет. Надо было отправить на перезахоронение тела евреев, павших в боях и временно погре-

бённых в пустыне. Прибыли в Суэц: офицер, сержант и десять рядовых. Здесь в 1915 и 1916 годах проходили тяжёлые бои между британской и турецкой армиями. Несмотря на отчаянные атаки, туркам так и не удалось завладеть Суэцким каналом.

Крестики на карте – места могил. Их шесть. Копаем, и абстрактные крестики обретают печальную реальность человеческих останков. Это уже скелеты в истлевших клочьях военной формы – по крайней мере, в пяти первых могилах. Заворачиваем каждый в солдатское одеяло, прикрепляем бирку с именем. В шестой могиле дощатый гроб. Откидываем сухие доски. Внутри – тело молодого человека в форме капитана британской армии. Оно почти не тронуту тлением, словно умер только вчера. Только плоть усохла, да кожа немного потемнела. Кажется, это называется естественной мумификацией: сухая почва, тёплый песок...

Наша скорбная работа в Суэце окончена. У нас остаётся один свободный день. Чем будем заниматься посреди пустыни? Совсем близко, буквально в получасе хода, дымят нефтеперерабатывающие заводы. Интересно, как перегоняют нефть?

– А давайте сходим на завод, поглядим!

Подхожу к проходной. Ясное дело, охранник стоит.

– Без пропуска нельзя.

– А где можно пропуск получить?

– В конторе, на заводе.

Порочный круг. И что делать?

Возвращаюсь в лагерь, выстраиваю своих ребят в колонну. Бодрым маршевым шагом отряд вступает во двор предприятия. Желаящих нас остановить почему-то не находится. (А кстати, интересно, не могут ли какие-нибудь диверсанты проделать тот же трюк?) Гигантские печи полыхают огнём. Нефть и огонь – как возможен такой симбиоз? Жар печей чувствуем уже метрах в сорока. Возле самой печи стоит мускулистый обнажённый до пояса чёрный парень. Прямо картинка из какого-нибудь американского журнала. Стоит невозмутимо, словно и нет этого всепроникающего жара. С почтением обходим печи и удаляемся восвояси.

На другой день сопровождаем тела в Каир. Здесь мы проводим несколько дней в гостинице «Цезарь на Ниле», пока наш офицер оформляет бумаги, касающиеся «груза». Утром накануне отъезда направляюсь из гостиницы к центру. Приближаюсь к районной комендатуре, а там у тротуара шеренга офицеров, человек восемьдесят, не меньше. И чего их тут выстроили с утра пораньше? И

всем честь отдавать? Но не обходить же стороной! Приближаюсь к шеренге, подношу руку к виску ладонью вперёд. Так и идти вдоль всей шеренги, подобно генералу на параде? Быстро опускаю руку. Отдаю честь второму, третьему, четвёртому, пятому... По шеренге прокатывается гул смешков, постепенно переходящий в громовой хохот. Да ну их к лешему! Уже и сам смеюсь. Опускаю руку и двигаюсь вдоль шеренги, не забываясь о правилах субординации.

Когда мы проходили подготовку, нас учили отдавать честь в соответствии с процедурой, принятой в британской армии: если офицер приближается к тебе с правой стороны, отдавай честь левой рукой, а если с левой, то козыряй правой. Если два офицера подходят с разных сторон, отдавай честь старшему по званию. Благодаря нам этот порядок отменили во всей британской армии. Мы ведь были ребята простые, в тонкости козыряния вникать не хотели, да и в званиях плохо разбирались. Бывало, отдавали честь двумя руками сразу, получалось очень смешно.

Один раз в Александрии, уже бывалым воякой, подошёл я к чистильщику обуви. В руках свёрток из магазина, во рту сигарета. Стою так на одной ноге, и тут появляется какой-то капитан. Выпрямляюсь, поднимаю руку, чтобы отдать честь, – и вспоминаю про сигарету во рту. Пока вынимаю её, капитан успевает ответить на приветствие. Получается, что офицер отдал мне честь, а я ему – нет. Останавливается, внимательно смотрит на меня, кивает и удаляется: понял, в чём дело.

Кстати, есть такая байка. Повстречал новобранец генерала и почему-то не отдал ему честь.

– Твоё счастье, что я генерал! – сказал тот. – Нарвался бы на сержанта – на всю бы жизнь запомнил.

Ещё один случай произошёл со мной в Египте. Едучи на велосипеде, натыкаюсь на группу офицеров, идущих выкупаться в канале. Полураздеты, никаких знаков различия. Выделяются лишь офицерские ремни. Еду, не обращая на них внимания. Один из этой группы кричит:

– Сержант, вы что же, не отдаёте чести офицерам?

– Всегда отдаю. А вы что, офицеры?

– А ремни вы разве не видите?

– У нашего старшего сержанта такой же ремень, а я ему честь отдавать не обязан.

– Take it from me. We are officers¹⁶⁶.

– О'кей!

Вскакиваю на велосипед, чтобы продолжать путь, но он снова останавливает меня.

– Вы из какого подразделения?

Называю ему свои данные и уезжаю, так и не отдав чести. Ведь, согласно уставу, честь отдаётся не человеку, а его званию, присвоенному королём.

¹⁶⁶ Можете мне поверить. Мы офицеры. (Анг.)

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

Шёл 1920-й год. И Жаботинский, и Марголин ещё надеялись, что им удастся сохранить легион, и тогда у евреев Страны появится собственная армия. Но чем дальше, тем яснее становилось, что британским властям этого не нужно. Новый призыв всё откладывался. И что будет с нами, бойцами легиона? Определённости хотелось и мне, и в не меньшей степени Эстер. Девушки не любят долгих ожиданий с неопределённым исходом. И их можно понять. Мне ещё повезло: я служил неподалёку от дома, и мы с моей невестой могли часто видеться. А каково было невестам тех, кто служил за тысячи километров? Более тридцати лет спустя появился такой анекдот. Во время войны в Корее американский резервный полк был отправлен в Австралию. Один солдат написал своей девушке в Нью-Йорк, что влюбился в австралийку. Рассерженная девушка спросила в ответном письме: «Что же в ней есть такого, чего нет у меня?» Парень отвечал: «Ты, конечно, права, дорогая. Но у тебя всё там, а у неё – здесь».

Короче говоря, нам обоим надоело ждать, пока обозначатся контуры моей будущей судьбы. Начались предсвадебные хлопоты. Обговорили всё с моими родителями, с дедом и бабушкой Эстер. Отец энергично взялся за организацию хупы (у него были знакомые раввины) и свадебного ужина.

Мы поженились в Тель-Авиве, в запретной для наших военнослужащих зоне, где я ещё недавно гарцевал на лихом жеребце, вооружённый пропуском, написанным ярко-красными чернилами. Теперь у меня такого пропуска не было. Схватит военная полиция по дороге в синагогу – вот тебе и хупа. Пришлось на всякий случай идти быстрым шагом. Интересная получилась картина: Эстер чинно шествует к раввину в сопровождении приёмных родителей, а я быстрым шагом удаляюсь от процессии, словно вознамерился сбежать. Впрочем, всё обошлось благополучно. Еврейский обряд длится недолго, а свадьбу справляли уже вне запретной зоны, в бывшем доме арабского шейха на Дерех Яффо. Из полка в тот вечер пришли все, кто не был занят на дежурстве, включая офицеров. Полковые друзья поднесли нам сюрприз: притащили невероятное количество выпивки и всевозможной снеди. После десяти вечера к гостям подошло подкрепление: зрители, расходившиеся из кинотеатра «Эден», услышали весёлое пение и без всяких церемоний присоединились к нам. В ту пору это было абсолютно

нормальным. По моим оценкам, на свадьбе нашей побывало никак не меньше тысячи человек.

Через несколько дней я вернулся в полк, а жена – в свою маленькую комнатку у дедушки с бабушкой. А некоторое время спустя мы сняли комнату в Петах-Тикве, рядом с квартирой моего брата Элиягу и его молодой жены Авигель. Нашу мебель составляли простой стол, пара стульев, импровизированная кровать – доски, настеленные на ящики из-под керосиновых жестянок, «кухонный шкаф» из таких же ящиков, поставленных друг на друга, и кресло с красивой пёстрой обивкой. В шкафу – «каждой твари по паре»: две чашки с блюдцами, две тарелки, две вилки, две ложки и два ножа. Небогатая одежда Эстер висела на гвоздиках, вбитых в стену. А у меня штатской одежды вообще не было. Ходил в форме, как и остальные легионеры. Перед возвращением в лагерь из одно- или двухдневного отпуска оставлял жене немного денег, банку сардин, буханку хлеба. И радовался, что семья брата рядом: всегда поможет, если что.

Тем временем миновала очень холодная зима, когда и в лагере, и в самом Тель-Авиве по ночам подмерзали лужи. Легионеров в полку становилось всё меньше. Надо было серьёзно думать о будущем. Страна, согласно решению Лиги Наций, уже официально находилась под управлением Великобритании как часть территории Подмандатная Палестина. Создавалась палестинская полиция. Одним из её организаторов был полковник Артур Маврогордато (отец его был греком, а мать – англичанкой). Он и обратился к нам, еврейским сержантам, с предложением поступить в полицию и образовать ядро её командного состава. Мы посоветовались и договорились между собой, что примем предложение, если нас возьмут целой группой и если будет письменно оговорено, что мы получим офицерские звания. Маврогордато заверял, что все мы будем офицерами, но оформлять коллективный договор отказался. Мы снова посоветовались, подумали и отвергли предложение. Подпишем – и мы уже под его властью. А дальше, глядишь, придётся подчиняться какому-нибудь арабскому начальнику, и будет он с нами обходиться, как его левая нога захочет. Разумеется, мы не собирались перекрывать дорогу тем, кто был готов вступить в полицию. Вот хоть наш Обри Сильвер, музыкант из Лондона. Мы звали его Цви. Он организовал в полку самостоятельный оркестр – и получилось очень неплохо. Мы устраивали концерты в мошавах,

а на вечерах молодёжь с огромным удовольствием отплясывала под звуки молодого тогда американского джаза.

– Давай, Цви! – напутствовали мы его. – Будешь дирижировать оркестром – над тобой точно начальников не будет.

И Цви предложил Артуру Маврогордато создать при полиции настоящий профессиональный оркестр. Посовещавшись с высшим британским начальством, Артур велел Сильверу набирать музыкантов. Тот начал прослушивания. Словом, в том же году заиграл в Стране Palestine Police Orchestra. Я встречал потом Цви уже в тридцатые годы. Он был тогда в звании капитана полиции. К сожалению, Обри Сильвер очень рано умер. А его оркестр и сейчас существует. Разумеется, сменив первое слово названия с Palestine на Israel.

Тою же холодной зимой я подал заявление об увольнении из армии. К весне пришёл приказ прибыть на демобилизационную базу. Выдали мне гражданскую одежду, отпускные на месяц вперёд и пропуск. А ещё я мог целый месяц после того носить военную форму и бесплатно ездить в поездах по Египту и Стране. За месяц до того списался с Вейсманами, египетскими родственниками Чернявского, у которого работал когда-то в Гедере. Они как раз купили ферму в Эль-Марге, неподалёку от Каира, и им был нужен управляющий. Теперь я съездил к ним, договорился об условиях, осмотрел место будущей работы – и вернулся в нашу с Эстер комнату в Петах-Тикве, чтобы организовать переезд.

Дом Еврейского легиона в Авихаиле

В том же году Еврейский легион расформировали...

Британские власти обещали выделить демобилизованным легионерам земельные участки и даже выполнили своё обещание. Вот только земли оказались совершенно непригодными для сельского хозяйства. Тогда шестьдесят наших ребят организовали на севере Гуш-Дана, неподалёку от моря, мошав Авихаил. В мае 1961 года премьер-министр Бен-Гурион торжественно открыл в мошаве Дом Легиона (музей Еврейских легионов). Дом создан усилиями немногих и при таких затратах сил и времени, которые сильно превосходят денежные затраты (их тоже не стоит сбрасывать со счетов). Первым его директором стал ваш покорный слуга. Чтобы дело наше было продолжено, мы передали Дом Министерству обороны. Теперь он входит в систему военных музеев Израиля. К нам приезжает много людей. Самых разных. Не говоря уж о том, что у нас побывали все президенты и премьер-министры Израиля и государственные деятели со всего света¹⁶⁷.

*Наш Дом – это память, свидетель времён
Величия и славы, когда Легион
Собрал добровольцев со всех берегов,
Чтоб нашу страну отобрать у врагов.*

Конец третьей части

¹⁶⁷ Сайт Дома Легиона: <https://shimur.org/sites/%D7%91%D7%99%D7%AA-%D7%94%D7%92%D7%93%D7%95%D7%93%D7%99%D7%9D-%D7%9E%D7%95%D7%A9%D7%91-%D7%90%D7%91%D7%99%D7%97%D7%99%D7%9C/?lang=en>

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

КИНЕМАТОГРАФ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Чуть дольше года я служил управляющим фермой под Каиром. Работа хорошо оплачивалась и была даже интересной, но мы с Эстер прекрасно понимали: для нас Египет – это временно, а наша Страна – навсегда.

Уезжали в Египет вдвоём, а возвращались в Тель-Авив трое: я, Эстер и наш полугодовалый сын Магиния¹⁶⁸, а попросту – Маги.

Мы снимаем одну комнату двухкомнатной квартиры. Прямо с порога – дощатая перегородка, что разделяет проход внутрь жилья на две половины. Во второй половине живёт чета Виленских со своим молодым сыном Вольфом. Очень усердный и целеустремлённый молодой человек. Иногда мы видим, как он занимается далеко за полночь при свете керосиновой лампы. Пройдёт не так много времени, и Вольф станет известен под именем Зеэв Вильнаи¹⁶⁹.

Наше обиталище – это комнатка размерами три на три с половиной метра и примыкающая к ней снаружи кухонька, где могут поместиться двое: Эстер и примус¹⁷⁰. Комната наша блестит белой кафельной плиткой, впрочем, не очень новой. Песок подступает к порогу, угрожая поглотить дом, но сил забраться дальше у него нет. Песок – наш союзник: остаётся белым и чистым, несмотря на то, что мы частенько выливаем на него грязную воду. Дело в том, что сливная труба раковины обрывается в полуметре над полом, и мы ставим под неё ведро. Водопровод есть, канализации – нет. И на том спасибо.

Из мебели куплены только кровати (наша и малыша). Так что комната – царство плохо оструганных досок. Я всё-таки не столяр. Стол, две полки, пара табуреток и импровизированный шкаф, скрытый за занавесками, висящими на тонкой верёвке, – всё это сработано мною в меру способностей и умения. К плодам моих стараний можно добавить дверь в кухоньку. Эстер запирает её на крючок – от наших всегдашних спутниц кошек.

¹⁶⁸ Магиния – буквально: «защитник» (ивр.).

¹⁶⁹ Зеэв Вильнаи (1900 – 1988) – известный израильский географ, писатель и общественный деятель.

¹⁷⁰ Примус – нагревательное устройство, работающее на керосине, разжигается с помощью спирта. Под воздействием тепла керосин выделяет горючий газ. Чтобы усилить горение, использовали присоединённый к устройству воздушный насос.

В ПОИСКАХ РАБОТЫ

Город разросся. Раньше я всех знал, и меня все знали. Теперь я вижу множество новых людей. Вон их сколько, а с работой – просто беда. Деньги, заработанные в Египте, постепенно тают.

Наконец немного повезло. Введено палестинское гражданство, и каждый житель может его получить через городской совет. Вот и наняли дюжину таких, как я, грамотных безработных для заполнения анкет. Не доверять же столь серьёзное дело самим будущим гражданам. Пачка бланков, очередь заявителей перед комнатой. За одну заполненную анкету платят два гроша. Исправления вносить нельзя: ошибся – бери свежий бланк и пиши наново. После первого дня работы сформулировал для себя несколько простых правил опроса. Некоторые очевидны: не переходить к следующему вопросу, не расправившись до конца с предыдущим. А главное – задавать вопросы так, чтобы у клиента не было возможности пускаться в рассуждения да разъяснения. Есть вопрос – есть однозначный ответ. Для этого нужны только подходящие формулировки. Работа моя пошла споро. За пять часов успеваю заполнить до сорока анкет. Это ж бешеные деньги! На них моя маленькая семья может кормиться неделю. Если не роскошествовать, конечно.

Но вот появляется круглолицый немолодой человек. Мужчина как мужчина. Одет бедно, на голове кипа. Морщинки возле глаз и полных губ. Выбрит плохо, глаза уже без блеска, но живо ощупывают меня и обстановку комнаты. Записываю имя, фамилию, дату рождения, место рождения (местечко в Польше). Всё чётко. Но вот дело доходит до семейного положения.

– Сколько у вас детей?

– Семнадцать.

– Сколько?

– Семнадцать, – не очень уверенно повторяет он.

– Но вы дали сведения только об одной жене...

– Так и есть одна! У меня других и не было.

Ну что ж... Семнадцать так семнадцать. Записываю.

– Ох, нет, – вдруг вскидывается собеседник. – Я ж Ривку забыл, младшенькую. Это у меня раньше семнадцать было, а теперь восемнадцать.

Беру новый бланк, переписываю данные, рву старый, кидаю в корзину.

– Так. Восемнадцать детей. Давайте со старшего ребёнка.

Фамилия, имя, год рождения.

Посетитель послушно перечисляет. Один ребёнок, второй, третий, десятый...

– Что? Я сказал: Давид тысяча девятьсот девятого? Нет, это ж у меня Натан с тысяча девятьсот девятого, а Давид – он с одиннадцатого.

Опять беру новый бланк, переписываю данные, рву старый, кидаю в корзину. Повторяю имена записанных детей с годами рождения. Вроде бы всё нормально, идём дальше.

На этот раз удалось добраться аж до пятнадцатого отпрыска.

– Дальше, значит, у меня Анна. Так... Анна... Эх! Анна – это ведь сестры дочка. А у меня не Анна, а Анания...

Остальные переписчики уже закончили работу. Стоят возле меня и откровенно ржут. В тот день не получилось у меня сорока анкет.

Всё хорошее быстро заканчивается. Через месяц практически все желающие получили гражданство, и заполнители анкет стали не нужны.

По утрам прихожу в порт Яффо. Там собираются мрачные неразговорчивые мужчины. Евреи и арабы. Сидят на серых досках, смотрят на серое небо и на такое же серое море с грязными ошмётками пены у низкого берега. Покуривают в ожидании случайного заработка. Иногда им везёт: приходит откуда-нибудь из Румынии пароход, гружённый пустыми ящиками для цитрусовых, или неожиданно появляется судно с досками. Тогда руководство порта комплекзует дополнительные бригады. Вялая тишина сменяется сутолокой и оживлением. И вот уже бегут по мосткам дюжие мужики с грузом. Наверх, на холм, к портовым пакгаузам. Сбрасывают ношу – и опять вниз, к плеску серых волн. Мне почему-то за несколько дней так и не удалось влиться в какую-нибудь временную бригаду. Как обычно бывает, помог случай...

Услышал я от приятеля, что одному торговому объединению требуется служащий. Приятель водил шапочное знакомство с управляющим и замолвил за меня словечко. Словом, через несколько дней я робко входил в контору объединения, где восседало некое важное лицо, ведающее набором.

– Организация у нас крупная. Мы открываем несколько филиалов за границей.

Он даже слегка приподнялся на стуле, чтобы подчеркнуть громадность фирмы и мою по сравнению с нею ничтожность. Я только кивнул.

– Нам говорили, что вы знаете языки. Присядьте, пожалуйста, вон там и напишите заявление о приёме – на иврите, английском и французском.

– На турецком не нужно? – нагло спросил я.

С моей стороны это было нахальством. Я уже основательно подзабыл язык и вряд ли сумел бы нацарапать что-либо путное.

Важное лицо не уловило моей иронии и спокойно ответствовало, что трёх заявлений будет достаточно. Провозившись минут пятнадцать-двадцать, я выложил на стол три листка. Чиновник быстро проглядел их, брови его поднялись, даже головой помотал удовлетворённо. Поглядел на меня почти человеческим взглядом и предложил зайти через неделю.

Когда я стоял в том же кабинете неделю спустя, взгляд у служащего был уже вполне человеческий и немного растерянный.

– Видите ли, при нашем объединении есть торговое училище. Как выяснилось, на подобные должности берут только наших выпускников...

Я не торопился уходить. Сглотнул слюну...

– Господин Гурвиц, мне надо как-то кормить семью. Я согласен на любую работу.

Он подумал немного.

– Есть тут у нас... Я понимаю, что эта работа не соответствует вашей квалификации, вашим возможностям... В общем, пока могу предложить только место грузчика в порту. Мы как раз формируем бригаду.

Шломо, весёлый парнишка в застиранной клетчатой рубашке, вытаскивает из штабеля пару досок и взваливает мне на плечо.

– Пошёл!

– Ты же остальным по три кладёшь.

– Хватит с тебя и двух. Ты у нас шибко грамотный. Таких беречь надо. А спустишься – отметь, сколько затащили. И все ходки считай. К вечеру подобьём бабки...

Ближе к полудню доски становятся заметно тяжелее, и широкая дорожка дощатого настила кажется узкой и скользкой. К тому же её плохо видно: пот заливает глаза. Обедаем... Снедь у всех примерно одинакова: крутые яйца, краюха хлеба, помидоры,

маслины. Валяемся под деревьями, запивая обед водопроводной водой. Закрываю глаза, и в пульсирующую темноту под веками всплывает цифра 30. Тридцать грошей в день. Если продержусь здесь неделю, то денег хватит почти на месяц.

Кажется, открывается второе дыхание. Позади шесть с лишним часов работы. Ещё полтора часа – и конец всем мучениям, можно будет идти домой. Всё. Отбой... Не иду, плетусь по тель-авивским приморским улочкам. Дома принимаю душ, машинально съедаю приготовленный женою ужин и почти сразу же валюсь спать.

Так продолжалось три долгих дня. На четвёртый день, в девятом часу, в порту появился сам господин Гурвиц. Постоял минут пять, глядя на антропоморфных насекомых, ползущих по склону холма, потолковал с бригадиром. Мне даже показалось, что кивнул в мою сторону. Может, недоволен, что ташу только две доски?

Едва расселись обедать, подошёл бригадир и отозвал меня в сторонку.

– Иди домой, переоденься, а к пяти приходи в контору к господину Гурвицу.

Увидав мой вопрошающий взгляд, добавил:

– Не волнуйся, получишь за полный день.

Господин Гурвиц был краток:

– Открывается арабско-еврейский синдикат. Им нужен заместитель управляющего. Зарботки пониже, чем на разгрузке (он даже не улыбнулся: видно, чувство иронии было ему и в самом деле чуждо), но работа вам больше подойдёт. Если согласны, можете приступать завтра.

ДЕЛАЮ КАРЬЕРУ

Я и приступил. Выяснилось, что «заместитель управляющего» – всего лишь красивое обозначение скромной должности инспектора.

Дело в том, что в ту пору апельсины отправляли морем в деревянных ящиках, ввозимых из Румынии. Здешние торговцы древесиной, евреи и арабы, снабжавшие пардесы тарой, решили так: вместо того, чтобы конкурировать друг с другом, лучше установить недельные квоты продаж для каждого поставщика – и объединились в синдикат. Мне тут же вручили список складов, которые надлежало инспектировать. Их было восемь. Иду на каждый склад, записываю, сколько ящиков ушло, и раз в неделю представляю отчёт на заседании синдиката.

Мои натруженные плечи могут расслабиться, а вот ноги – наоборот, постоянно заняты. (Только теперь понимаю, какие замечательные были в то время сапожники. Наденешь, бывало, туфли и бегаешь в них целый день, не чувствуя усталости. А что теперь, семь десятков лет спустя? Даже в самых роскошных и дорогих туфлях прохожу километр – и ноги уже отказывают.) Вот и занимаюсь «челночной политикой», бегаю от склада к складу. Подбегаю к первому. Там как раз начинают загружать караван. Прикидываю, сколько примерно ящиков они могут нагрузить на верблюдов, ожидаюсь перекура. Завожу разговор с кладовщиком, предлагаю хорошую сигарету. Скоро мне всё ясно. Бегу ко второму складу. Там загрузка в самом разгаре. Повторяю процедуру – и тороплюсь к следующему. А вот на этот склад, кажется, уже не успеваю. Ничего, перехватим караван по дороге. Вот и верблюды показались. Снова идут в ход сигареты. Выясняю у погонщиков все подробности.

К концу недели – заседание. Заслушивают отчёты поставщиков тары. Разумеется, кое-кто пытается «зажать» караван-другой. Но тут выхожу я и выкладываю свои данные: кто, когда, сколько и кому именно. Хожу страшно гордый: обманы прекратились.

Через четыре месяца сезон цитрусовых закончился вместе с моей должностью. Но я ведь не только с караванщиками перекуривал. Пока работал, завязал отношения с еврейскими портовыми торговцами, что скупали по дешёвке товары на публичных торгах, организуемых таможей. Перепродавать самим – это ниже их до-

стоинства. А мы – люди не гордые.

Приходит, скажем, ящик итальянской женской обуви. Открывают его – а там все туфли исключительно на левую ногу. Кто ж захочет эту обувь выкупать? Так и валяется на складе таможни, а потом уходит за гроши к тем самым ушлым скупщикам. Они-то понимают, в чём там дело. Недальновидный отправитель опасался, что разворуют эту партию, вот и отправил добро – отдельно на левую ногу, отдельно на правую. Через некоторое время приходит ящик с правыми туфлями, и история повторяется. Осталось только разобрать оба ящика, «спарить» содержимое и продать в магазины. После разборки и воссоединения мне отдают обувь по пятнадцать грошей за пару. Вечером, прихвативши образцы, хожу по магазинам и собираю заказы: двадцать грошей за пару. Можете себе представить: приходит женщина в магазин – а там красивые и современные итальянские туфли, и купить их можно за каких-нибудь тридцать грошей! И это при том, что собственной обувной промышленности в Стране не существовало.

Занимался я не одной только обувью. Обёрточная бумага для апельсинов, забракованная покупателями, шла в аптеки, туда же – мелкие стеклянные пузырьки. Да мало ли что ещё можно было скупить по дешёвке а потом продать с моею помощью!

Поначалу я катался в порт на велосипеде через тот самый Уахат-ас-Салам (нынешний Неве-Шалом), где по одну сторону дороги жили евреи, а по другую – арабы. После событий 1920 и 1921 годов всё ещё ощущалось напряжение в отношениях.

Уж и не знаю, как получилось, что я слегка задел колесом здорового широкоплечего араба, шедшего впереди. Слез с велосипеда, начал извиняться – и вдруг получил сильный удар по лицу. Даже не понял, чем именно он меня треснул. Стою ошарашенный, соображаю, не дать ли сдачи, а с обеих сторон дороги подтягиваются его приятели. Тут до меня дошло: у него же рук нет! Вот культей он меня и ударил. Вскакиваю на велосипед и даю дёру. Кажется, Наполеон говорил, что хорошо организованное отступление – это тоже род победы. После этого случая стал ходить на работу – до порта и обратно – пешком.

Появились деньги – можно и обустройством жилья заняться. Купил я досок, гвоздей, облицовку – и начал возводить вдоль комнаты пристройку шириной аж в два метра. Представляете, как сра-

зу увеличилась площадь?! Я плотничаю, Эстер помогает, и даже Маги участвует, тоже пытается что-то строить из своих кубиков. Вот уж и крыша покрыта рубероидом, только пол настелить осталось. Но денег на доски для пола и на краску уже нет. Пришлось довольствоваться хорошо утрамбованным песком. Красивый получился пол, только не слишком прочный. Он всё время пытался увязаться за нами. Даже в постель забирался назойливыми жёлтыми песчинками. Нет, так дальше жить нельзя! Намесили мы с женой немного цементного раствора и покрыли пространство пристройки твёрдой серой корочкой. Я заказал стол, не слишком роскошный, но всё-таки настоящий и очень прочный. Он пережил все переезды и войны и всё ещё стоит в моей лаборатории. Немного позже купили четыре венских стула. Стало не стыдно и гостей пригласить. Два из этих стульев красуются в гостиных моих внуков как живые осколки истории.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В КИНЕМАТОГРАФИИ

В те годы столица Египта была кинематографическим центром всего Ближнего Востока. В Каире находились представительства крупнейших кинокомпаний Европы и США. В Палестине поставщиков фильмов было мало, репертуар кинотеатров был небогатым.

И вот появился в Тель-Авиве молодой человек по фамилии Карчевский. Родился он здесь, в Стране, но ещё мальчиком уехал в Египет. За несколько лет сумел установить обширные и прочные связи со всеми крупными тамошними кинокомпаниями. Он мог бы стать в Палестине королём проката, если бы не один его недостаток: господин Карчевский обожал судиться. В каждом договоре (он их оформлял по-французски) был какой-нибудь невинный с виду пункт, который клиент не мог выполнить. Почти каждый договор заканчивался судебным процессом, который Карчевский выигрывал. В конце концов владельцы кинотеатров отказались иметь с ним дело и бойкотировали даже самые лучшие из привозимых им картин.

Он подошёл ко мне в кафе на улице Лилиенблюм, где мы частенько сживали с приятелями. Поднялся от столика, за которым беседовал с несколькими мужчинами. И его самого, и его собеседников я уже не раз видел и даже знал, чем они занимаются. Не у каждого киноторговца был свой постоянный офис, вот и договаривались в кафе. А откуда он про меня узнал – ума не приложу. Наверно, услышал что-нибудь об энергичном и прямодушном пареньке и решил его использовать. Дела-то у него, как я уже сказал, шли не больно-то хорошо. Одним словом, мы назначили встречу, и он тут же предложил мне быть его агентом и получать пятнадцать процентов от сделок с кинотеатрами.

Я полюбил кинематограф с того довоенного вечера в Вильнюсе, когда потратил на билет целый пятак и был очарован сентиментальной историей, разыгранной актёрами в белом светящемся прямоугольнике. В тот же вечер я впервые услышал язык, на котором буду говорить в дальнейшем: живой иврит. Так совпало.

Разумеется, тут же ухватился за возможность «просунуть ногу» в эту сферу, как говорят англичане. Но, зная о фокусах Карчевского, потребовал, чтобы соглашение между нами было написано на иврите.

Первым фильмом, который передал мне Карчевский, оказалась великая лента Чарли Чаплина «Малыш» («The Kid»). Я не особенно надеялся на быстрый успех в карьере киноторговца. Через приятеля связался с владельцем кинотеатра «Эден» господином Абарбанелем. Неожиданно тот, почти не торгуясь, выложил за фильм тридцать лир. Оказалось, что уже слышал о шедевре Чаплина. Трогательная история о брошенном мальчишке, усыновлённом бродягой. Мальчик (его играл шестилетний Джекки Куган) очаровал зрителей. В те времена фильмы не демонстрировали подолгу. «Малыш» шёл неделю, и этого времени вполне хватило, чтобы все желающие тельавивцы смогли его посмотреть. Думаю, мне повезло. Не только получил четыре с половиной лиры, но и приобрёл некоторую известность в узких кругах киноторговцев и киновладельцев.

Из тель-авивского «Эдена» я двинулся в хайфский. С моим первым клиентом его роднило только название. Хайфский «Эден» стоял в Нижнем городе, под горой Кармель, недалеко от моря, которое в Хайфе ярче и синее, чем в моём Тель-Авиве. По крайней мере, мне всегда так казалось. Кинотеатром заправляла небольшая компания: несколько партнёров. Одним из них был Моше Левин, солидный господин лет за тридцать. Я смотрел на него снизу вверх. Говорил он веско, и речи его были для меня откровением. Подробности сделок, оценка качества фильмов, тонкости переговоров. И где он всего этого нахватался? Прямо юрист! Составили договор по всем правилам: между кинотеатром «Эден» с одной стороны и кинопродавцем Сигаловым с другой стороны.

– Знаешь, – говорит Левин, – надо бы нам теперь с Карчевским поговорить. Я как раз в Ришон-ле-Цион собираюсь, он ведь там бывает. Организуешь?

Я организовал. Карчевский внимательно прочитал договор, и заметно было, что от иврита он успел отвыкнуть: обращался к Левину за разъяснениями. Потом предложил внести в договор пару изменений (с моей точки зрения, несущественных). Тут же отщёлкали новый вариант, и я с плохо скрываемым торжеством размашисто подписал его. Но Левин не спешил ставить свою подпись. Ещё раз пробежал глазами договор и обратился к Карчевскому:

– Завизируйте, пожалуйста, вот здесь.

Я вспыхнул. Как это? Договор со мной, а Левин от Карчевского подписи требует! Он что, мне не доверяет? Хотел возражать,

уж и рот открыл, но стушевался под многозначительным взглядом Левина. Карчевский расписался, за ним поставил подпись и сам Моше. Мы вышли. Я всё ещё продолжал дуться.

– Дурачок! – в голосе Левина прозвучала насмешливая нежность старшего брата. – Ты раньше какие фильмы продавал? – Те, что уже от Карчевского получил. А сейчас мы подписали договор на картины, которых ещё и в Палестине-то нет. И нет у тебя на них никаких прав. А если Карчевский их зажмёт, не захочет через тебя работать? Или цену повысит? Что, прикажешь мне на тебя в суд подавать?

Кажется, в тот день я стал немного мудрее.

Скоро жизнь преподала мне ещё один урок осторожности в торговых делах.

За чертой Тель-Авива, буквально на границе с Яффо, открылся летний кинотеатр «Битан» («Павильон»). Большой, на тысячу мест, с красивыми деревянными галереями, он вскоре составил конкуренцию «Эдену». Началась война кинофильмов, и, в отличие от настоящих войн, она была людям на пользу. Оба кинотеатра старались раздобыть ленты получше.

И вот «Битан» куплен одним энергичным йекке¹⁷¹. В киношных делах он вроде бы дока, ещё в Германии владел кинотеатрами, но на здешней почве новичок. А у Карчевского завелись три небольших фильма, из тех, что впоследствии станут обозначать словом «смаргут» («тряпьё»). Поняв, что всучить их многоопытному Абарбанелю не удастся, Карчевский стал подыскивать другую жертву. Попросил меня предложить ленты новому кинотеатру, то бишь этому самому йекке. Карчевский, по крайней мере, не скрывал, что продаёт далеко не лучший товар. Сказал, что удовлетворится восемью лирами за фильм. Я и продал по восемь вместо обычных пятнадцати. Взял из этих двадцати четырёх лир свою долю, остальное отдал Карчевскому. Владелец «Битана» посмотрел ленты и удостоверился, что названия картин куда занимательнее их содержания. (На то и был расчёт у производителей.) К тому же в одном из фильмов не хватало конца, а в другом были непонятные вставки, не имевшие отношения к содержанию. Оказалось, просто напутали при монтаже: в середину одного фильма вставили концовку другого.

¹⁷¹ Йёкке – так в Израиле называли выходцев из Германии. Слово не имеет уничижительного оттенка, скорее наоборот.

Короче говоря, йекке потребовал немедленно расторгнуть договор и вернуть деньги. Угрожал взыскать сумму через суд. Я понимал, что получить деньги от Карчевского у меня нет никаких шансов. Чувствовал себя паршиво. Получается, что я и в самом деле надул заказчика. И даже то обстоятельство, что он заплатил смехотворную по его меркам сумму, не слишком меня утешало. Я предложил свой вариант. Владелец «Битана» подаёт в суд на Карчевского, а я выступаю свидетелем в пользу кинотеатра. В ответ получил категоричное:

– Я платил тебе, вот ты и возвращай!

– Если вы потащите меня в суд, то мне ведь защищаться придётся. И там уж как суд решит. А так я буду на вашей стороне, вот и заставим Карчевского вернуть деньги.

Но мой клиент был непреклонен. Вскоре я получил судебную повестку.

**Чарли Чаплин и Джекки Куган
в фильме «Мальш»**

Мы в зале суда. Адвокат владельца кинотеатра дотошно изложил суть иска и потребовал расторжения договора и возврата денег. Раньше мне казалось, что адвокаты всегда вкладывают в свои выступления эмоции, доказывают и убеждают. Ничего такого

в этой речи не было. Я даже был слегка разочарован и, когда пришёл мой черёд отвечать, набрался наглости и заявил:

– Я не вправе давать здесь оценку профессиональным качествам адвоката. Что же касается понимания сущности торговых операций, то его выступление говорит само за себя.

Вызвали моего свидетеля, владельца кинотеатра «Эден» господин Абарбанеля. Тот, довольный подвернувшейся возможностью уесть конкурента, сказал:

– Я в своём кинотеатре демонстрирую фильмы только самого высокого качества и плачу за них соответственно. До тридцати лир за киноленту. А тот, кто берёт фильмы за восемь лир, должен понимать, что он покупает. И жаловаться задним числом у него нет никаких оснований.

К огромному неудовольствию моего оппонента, иск был отклонён. Я видел, как тот расстроен, мне даже было его жалко. Но, в конце концов, он сам был виноват. Ведь обманщиком-то был не я, а мой наниматель.

По счастью, этот инцидент не повредил моей репутации. Ведь не дураки подвизались в киноторговле.

КАЗИНО ГАЛЕЙ-АВИВ

В самом конце улицы Алленби, прямо возле моря, построили необычное здание. Стояло оно на массивных колоннах, между которыми резвились морские волны. И надо же как случилось! Я вдруг узнал, что владелец кинотеатра «Эден» и мой свидетель на недавнем процессе господин Абарбанель берёт здание в аренду и хочет устроить в нём... казино. А самое главное: новому заведению нужен управляющий. Разумеется, я тут же связался с Абарбанелем. Во-первых, оказалось, что «казино» – это вовсе не казино, а кафе, которое будет называться этим красивым словом. Во-вторых, Абарбанель совсем не был уверен, что я справлюсь с новыми обязанностями. Долго расспрашивал о том, как я работал в Египте, как преодолевал проблемы, как налаживал связи. Я был красноречив, и вскоре, ещё до окончания стройки, я вступил в должность управляющего с окладом восемь лир в месяц. (Особой щедростью господин Абарбанель не отличался.)

Заведение решили назвать «Галей-Авив». Этот каламбур можно трактовать не только как «Весенние волны», но и как «Волны Тель-Авива». Оно, как я уже сказал, представляло собой не более чем хорошо оборудованное кафе. Но меблировка и внешний вид сделали бы честь любому подобному заведению той поры. Стойки, столы и вся прочая мебель сработаны из превосходного дерева. Ведёрки для охлаждения шампанского – под серебро. Да и обслуживание на высоте. Подтянутые официанты, изысканные напитки. Посетители входят с улицы Алленби и спускаются на несколько ступенек вниз, на площадку, что в метре над берегом. Отсюда лестница ведёт в верхний зал и к большой террасе, выступающей в море. С левой стороны террасы – приподнятая раковина эстрады. С пяти пополудни и до одиннадцати вечера в ней играет ансамбль: скрипка, альт, виолончель и рояль. На исходе субботы и по воскресеньям танцы под музыку этого оркестра продолжаются до полуночи. Много публики: евреи, арабы, британские офицеры.

Мой стол стоит справа от выхода на террасу. Во всю его длину – касса с ячейками. В ней счета официантов (у каждого своя ячейка, в конце рабочего дня расчёт). В те часы, когда посетителей особенно много, я верчусь как заведённый, разбираясь со счетами проходящих мимо меня официантов. Вон плывёт от буфетной Барух, легко неся в сторону террасы уставленный мороженым и напитками поднос. За то время, что он покрывает четыре метра до

моего стола, я гляжу, что там у него, и прикидываю сумму. Счёт уже у меня в руках. Сходится. Делаю Баруху знак, чтобы шёл дальше, не останавливаясь. За Барухом семенит Иосиф со своим подносом. Стоп!

– Иосиф, давай пересчитаем!

Дотошно суммируем цены всех блюд, что на подносе.

– Погоди, а откуда появились лишних восемь грошей? Давай-ка исправим счёт. Принеси клиенту и извинись.

Разумеется, такие задержки отражались на чаевых.

Вообще-то наши официанты – неплохие ребята. Но... Может, решили, что профессия обязывает? Были поначалу попытки надуть меня и клиента. Про одного расторопного парнишку говорили, что он включает в итоговую сумму ещё и дату с бланка заказа. Особенно если клиент в подпитии или с симпатичной девушкой. Смышлёный был малый, впоследствии он заправлял крупной транспортной компанией. Вот что значат природные склонности! Впрочем, со мною такие фокусы не проходили.

Однажды к нам пришёл новый репатриант из Польши по фамилии Гданьский и предложил свои услуги. На родине он делал мороженое. Господин Абарбанель попросил образец – и ему понравилось. Мы давали Гданьскому все нужные ингредиенты: молоко, сливки, сахар, пряности, лёд, – а он сидел у нас часами и по мере необходимости готовил всё новые и новые кастрюльки холодной ароматной массы. Так у нас появилось собственное мороженое. Гданьский неплохо заработал, быстро освоился в Стране и позднее открыл собственное кафе на улице Явне. Оно так и называлось: «Кафе Гданьского». Кроме мороженого в нём продавали вкусные и дешёвые пирожки. На всей посуде – тарелках, блюдах, чашках, вилках и ложечках выгравирована надпись: «Украдено из кафе Гданьского». Благодаря этой новинке посуду из кафе можно было потом обнаружить во многих домах.

Словом, дела в кафе шли неплохо, у меня появились кое-какие деньги, и мы сняли нормальную квартиру, небольшую, но уютную. Даже с приличной ванной. Воду грели дровами с помощью титана. Те, кто постарше, наверняка помнят такие водогревы. Дрова не всегда можно было раздобыть, поэтому я соорудил устройство из параллельных медных трубок. На один конец этого устройства надевали резиновый шланг, соединённый с краном, другой конец опускали в ванну и разводили под трубками большой примус. Теперь горячей воды у нас всегда хватало.

БРИТАНСКИЕ ОФИЦЕРЫ В ЕВРЕЙСКОМ КАФЕ

Английские офицеры вовсе не были образцами британского аристократизма, какими их иногда представляют. Обыкновенные представители оккупационных войск, часто заносчивые, самоуверенные. Да и с чего им быть другими? Придёт, бывало, такой в кафе, кинет официанту лиру:

– Скажешь, когда закончится.

И потягивает себе коньяк, пристаёт к девушкам, задирается. А надо сказать, что даже при наших высоких ценах можно было получить на лиру двадцать рюмок коньяка. Слыхивал я, что в других заведениях англичан здорово надувают. Где-нибудь после восьмого стаканчика официант объявляет, что лира закончилась, – и британский офицер выкладывает следующую. Я старался по мере возможности следить, чтобы у нас такого не было. Хоть и с трудом представляю, как можно влить в себя два десятка рюмок коньяка зараз.

Казино «Галей-Авив». 1920-е годы

А вот во время танцевального вечера какая-то парочка выскальзывает из кафе. Гданьский сочувственно смотрит им вслед.

– Звёздами пошли полюбоваться... Любители астрономии...

Когда через полчаса они возвращаются, Гданьский лёгким поворотом головы и движением глаз показывает мне:

– Видал? У неё песок сзади на платье, а у него – на коленях. Наверно, не только астрономией занимались.

Случались и неприятные инциденты. Помню большую вечеринку, на которую понаехало много офицеров с тель-авивскими девушками. Ближе к её завершению, когда англичане уже порядочно набрались, ко мне неожиданно подлетел один из них, капитан.

– Come on fight¹⁷²!

– В час ночи я могу найти занятие поинтереснее, чем избивание британского офицера.

– Что? Ты меня побьёшь?! – взъярился капитан.

– Вообще-то не собираюсь, но если вы настаиваете...

Я не успел закончить фразы. Он ударил меня по лицу, и я почти инстинктивно сделал хук правой и вмазал ему по физиономии. Потекла кровь, и капитан побежал умываться. Через несколько минут вернулся и как ни в чём не бывало предложил выпить стаканчик за его счёт. Вот ещё напасть! Не согласишься, опять в драку полезет, а пить с ним – никакого желания. Выручил мой босс, господин Абарбанель. Взялся быть моим заместителем в этом символическом обряде примирения. Увёл капитана подальше, к столикам. А уж пил ли с ним – бог весть.

Странная и вполне себе интернациональная вещь – этот пьяный кураж.

Зашли как-то два английских сержанта. Официант, принимавший их заказ, прибежал ко мне сконфуженный.

– С ума сошли. Один требует смешать виски с пивом. Это же опасно! Что делать?

– Подай ему виски и пиво в отдельных бокалах. Пусть сам смешивает.

Так и сделали. А немного погодя оба сержанта явились ко мне с жалобой (тот, что заказывал виски с пивом, был очень пьян).

– Ваш официант хотел меня отравить: он налил пива в виски.

– Неправда. Он принёс вам заказ в двух отдельных бокалах.

– Ты хочешь сказать, что я вру? – вскипел сержант и с угрожающим видом двинулся на меня.

Я попятился, а он продолжал надвигаться, изрыгая брань. Так я отступал, пока не упёрся в стенку. Атакующий замахнулся, чтобы ударить в лицо. Я успел увернуться. Его кулак скользнул вдоль шеи. Как и в инциденте с капитаном, я полуинстинктивно вlepил ему по физиономии. Он перекатился через стоящий рядом стол,

¹⁷² Пошли подерёмся! (Англ.)

свалился на пол, с трудом поднялся и, к моему несказанному удивлению, пустился наутёк. Его приятель последовал за ним. Надо отдать должное этому приятелю: во время всей этой сцены он, как и подобает настоящему английскому джентльмену, стоял в стороне и ни во что не вмешивался.

Летняя пора миновала. Стало ветрено и дождливо. Опустела наша веранда, да и кому охота выходить на злой ветер с моря, солёный и влажный? Оркестр играл теперь только на исходе субботы и по воскресеньям. Официантов из четырёх осталось двое. Дело надо было продолжать ради грядущих весны и лета. Как-то подошёл Абарбанель. Сказал, что дохода нет совсем. Предложил пять лир в месяц, чтобы я остался до будущего сезона. Я задумался.

– Господин Абарбанель, я ведь за квартиру четыре плачу. И как мне семью кормить?

– Ну не обязательно за всё деньгами платить. Хочешь ящик сигарет в придачу? Есть такие люди, что сигареты возьмут охотнее, чем деньги.

Я согласился. Сигареты так сигареты.

На работе мы теперь развлекаемся чем можем. Кто в шашки играет, кто в нарды. Я много читаю. В Берлине вышел новый роман: Эрих Мария Ремарк, «На Западном фронте без перемен». Книга произвела сенсацию, её читали по всей Европе. Вначале я прочёл немецкое издание. Потом решил поупражняться в других языках, ведь переводы появились сразу же: их делали прямо с газетной публикации, не дожидаясь выхода книги. Прочёл английский вариант, затем одолел французский. Надо сказать, что больше всего мне понравилась русская версия романа. Она вышла ещё раньше немецкой в берлинском издательстве Захара Ганского, и на книге даже не стояло имени переводчика.

Но восемь часов кряду читать не будешь. Мы начали регулярно состязаться в армеслинге. Садятся два человека по обе стороны стола, обопрутся локтем о столешницу – и вперёд к победе. Я почти всегда выходил победителем. Может, военная выучка сказалась. Но зашёл к нам однажды какой-то парнишка с улицы, поглядел, как мы соревнуемся, и сказал:

– Вы руку в локте гнёте. А давайте сделаем не так. Я протяну руку в сантиметре над столом. Кто прижмёт её к столу, тому ставлю выпивку.

Так он и сделал: протянул руку над столом. Я изо всех сил упёрся в тыльную сторону его ладони двумя руками, но не смог сдвинуть ни на миллиметр, словно под нею лежала стальная плита. Мои сослуживцы тоже не добились успеха. А парень выпил рюмочку, расплатился и вышел, даже не сказав, кто он. А у меня потом до конца дня было чрезвычайно хорошее настроение. Бывают же такие богатыри!

Бывали «развлечения» иного рода. Вот в довольно поздний час распаивается входная дверь и в зал вваливается с десятков подвыпивших солдат. Идущий впереди со всей силы швыряет горсть монет. Звон по всему залу, но дорогие зеркала каким-то чудом остаются целы. Требуют выпивки. Быстро прихожу в себя от шока и объясняю, что мы закрываемся и напитков больше не подаём. «Лидер» хватается за грудки и резко встряхивает. Событьельники его плотно сгрудились вокруг нас. Пока солдат меня удерживает, успеваю взглянуть на его лычки и прочесть номер части. Пытаюсь стряхнуть цепкие руки забулдыги и ору:

– Ну вот что, солдаты части (называю номер), если вы сейчас же отсюда не уберётесь, то завтра утром вас арестуют!

Откровенно говоря, не верил, что это подействует, но ведь подобный пьяный кураж – только прикрытие трусости. Ушли, изрыгая ругательства. Работники кафе, ошеломлённо наблюдавшие происходящее, вздохнули с облегчением.

Наступила цветущая и ароматная тель-авивская весна. Народу в кафе стало прибавляться. В один из вечеров мимо моего стола важно продефилировал кичливый и заносчивый адвокат господин Измозчик, мой давний недруг. Узнал меня, конечно, но сделал вид, что и не заметил. Ещё во время моей службы в Легионе человек, продавший домик моим родителям, вознамерился содрать с них дополнительную сумму. Видно, показалось ему, что продешевил. Обратился к Измозчику. Тот быстро сообразил, что процесс ему не выиграть, и решил прибегнуть к шантажу. Как-то раз, приехав в отпуск, я нашёл маму взволнованной и перепуганной. Отца дома не было. Мама рассказала, что только что приходил адвокат, показал ей на стоящего снаружи полицейского и пригрозил, что если не заплатят немедленно, то отца арестуют. Подхожу к полицейскому.

– Скажите, у вас есть ордер на арест?

– Какой арест? Вы о чём?

– Сейчас из нашего дома вышел человек. Он сказал, что вы к нам.

– Это адвокат, что ли? Измозчик? Знаю я его. Я тут патрулирую. Он подошёл, попросил подождать: есть, мол, дело ко мне. А когда вышел, сказал, что как-нибудь в другой раз подойдёт.

Я тут же побежал в контору адвоката. У него как раз сидел посетитель. Секретарша в приёмной вскочила, попробовала загородить дорогу. Отодвинул её, зашёл в кабинет. Надвинулся на адвоката.

– Вы сейчас пытались шантажировать мою мать. Ещё раз продаете что-либо подобное – будете иметь дело со мной.

Для вящей убедительности треснул кулаком по его роскошному столу. Бронзовый письменный прибор подскочил и плюхнул большую кляксу на лежавший рядом лист. Покатились по полу и посыпались на пол ручки и карандаши. Лицо Измозчика перекосилось, выпучились глаза... Я строевым шагом вышел из кабинета и с тех пор не видел адвоката.

И вот он опять передо мной, такой же нахальный. Ну и чёрт с ним!

Но господин Измозчик зачастил в наше кафе! Видно, понравилось. Проходя мимо меня, отворачивается или смотрит как будто насквозь, словно меня и нет. Я обратил внимание: когда приходит с женой, заказывает лимонад и мороженое, а заявится со своей пассией – подавай ему шампанское. Пришёл один раз в сопровождении какой-то новой девицы. Поравнялся с моим столом и, ни слова ни говоря, презрительным движением швырнул на него скомканные обрывки бумаги: выбросил мусор. Я взбесился. Первым побуждением было врезать ему хорошенько, однако сдержался. Немного успокоился, затем разгладил и склеил обрывки. Видимо, его жена передала в офис записку (телефоны ещё не везде были). В записке значилось: «Не забудь селёдку. Зайди в прачечную, там мои чулки. Пожалуйста, не задерживайся, я очень устала с больным ребёнком».

Адвокат по своему обыкновению заказал шампанского и закуски и сидел теперь, поглощённый интимной беседой. Я позвал официанта.

– Положи записку на поднос и поднеси вон той девице.

Молодая женщина прочла записку, расхохоталась и передала её своему спутнику. Я видел, как тот смутился, забормотал что-то и сунул бумажку в карман. Для меня было совершенной нежи-

данностью, когда в следующий приход он, проходя мимо моего стола, почтительно поздоровался. Таковы эти люди.

В свой черёд настало лето. Все больше и больше народу заглядывало в наше «казино». Начинаясь новый сезон.

– Лето пришло, – сказал господин Абарбанель. – Вернёмся к восьми лирам в месяц.

– Четырнадцать, – ответил я.

– Что – четырнадцать?

– Четырнадцать лир в месяц.

– Экий ты! – крикнул мой босс. – Ну ладно. Бог тебе судья.

МОИ ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Той ненастной зимой мои связи с кинематографией ещё больше укрепились. Иногда мы закрывали кафе пораньше (посетителей всё равно не было), и господин Абарбанель приглашал нас в свой кинотеатр «Эден». Фильмы, которые крутили в ту пору, сильно скрашивали жизнь. На комедиях тогда смеялись, на трагедиях – плакали, и никак не наоборот. Нашим кумиром был Бастер Китон¹⁷³. Он никогда не улыбался – не только в фильмах, но и на фотографиях, при этом комедии его были невероятно смешными. Это непроницаемое лицо с тонким большим ртом и огромными грустными глазами, его канотье, его невозмутимую походку знали кинозрители всего мира. «Каскадёры не смеются», – говорил Китон. Он сам выполнял свои невероятные трюки. В «Трёх эпохах», например, его герой пытался перепрыгнуть с крыши одного небоскрёба на крышу другого, но ударился о стену и долго летел вниз, цепляясь за козырьки над окнами. Мы понимали, конечно, что внизу натянута сетка, но дух всё равно захватывало. А очкастый Гарольд Ллойд¹⁷⁴, несущийся по Бродвею на трамвае, запряжённом парой светлых лошадей! А Макс Линдер¹⁷⁵ с его бурлескной пародией на «Трёх мушкетёров»! Драмы были ну очень душещипательными, и в каждой непременно присутствовала мораль.

Все знают, что фильмы в ту пору были немymi. Кинематограф называли Великий немой. Для того чтобы зритель мог понимать фабулу, действие перемежалось поясняющими надписями. Во весь экран высвечивались реплики героев. Надпись оставалась на экране некоторое время, а затем вновь сменялась действием – до следующего поясняющего кадра. Практически все фильмы поступали в Страну через Египет, где господствовал французский язык, поэтому и надписи были на французском.

Нельзя сказать, что не было никаких попыток делать переводы пояснений и диалогов. В Каире была лаборатория, которой руко-

¹⁷³ Бастер (Джозеф Френсис) Китон (1895 – 1966) – американский актёр и режиссёр, наиболее одарённый и влиятельный комик немого кино после Чарли Чаплина.

¹⁷⁴ Гарольд Клейтон Ллойд (1893 – 1971) – один из наиболее популярных и влиятельных режиссёров и актёров немого кино. Его фильм “Speedy” («Гонщик») имел триумфальный успех.

¹⁷⁵ Макс Линдер (Габриэль-Максимилиан Лёввель, 1883 – 1925) – французский комический актёр, сценарист и режиссёр.

водил итальянский инженер Фиорилло. Там наносили текст перевода на отдельную плёнку, потом эту плёнку нужно было прокручивать через второй проектор и демонстрировать надписи на дополнительном экране или прямо на стене, рядом с экраном. Текст печатался на пишущей машинке и неплохо читался. Но были и проблемы. Во-первых, качество перевода, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Автор его, по всей видимости, считал себя знатоком иврита, но... Во-вторых, перевод посылали из Египта по почте, и он приходил в понедельник, через два дня после начала демонстрации фильма. Поэтому по субботам и воскресеньям рядом с кассой кинотеатра висела предупреждающая табличка: «Перевод не получен» – словом, ответственности не несём. Люди всё равно шли в кино. Актёры в то время выражали свои чувства очень демонстративно и преувеличенно жестикулировали. К тому же сюжеты были незамысловатыми, чтоб не сказать примитивными. Самое главное можно было понять и так.

Эстер не знала французского, и я переводил ей надписи. Постепенно стал замечать, что головы сидящих вокруг зрителей поворачиваются и наклоняются в нашу сторону. Более того, моя аудитория от недели к неделе расширялась. Однажды Эстер сказала:

– Говори громче, люди не слышат!

Недели две я напрягал голос, а потом подумал: «А почему бы не попробовать делать переводы самому?». Поговорил с моим боссом Абарбанелем. Тот сразу же согласился. В самом деле, о деньгах речь не шла, он ничем не рисковал. А выгоды, если эксперимент удастся, – вот они, налицо.

Босс выдал мне рулоны старой киноплёнки (этого добра у него хватало), и я приступил к работе. Труднее всего был первый этап: снятие эмульсионного слоя. Скребёшь, скребёшь эту чёртову плёнку, а результаты почти незаметны. А хуже всего то, что плёнка становилась не такой уж прозрачной, и надписи (я наносил их тушью) было трудно читать. Переводом я занимался поздно ночью, после работы в кафе. Фильмы получал за неделю до начала демонстрации. Купил я специальное устройство, чтобы прокручивать плёнку перед настольной лампой. Надписи читал с помощью лупы, печатал перевод на бумаге, а уж потом переносил его на целлулоид.

Прихожу как-то поздно вечером домой, а Эстер не спит, меня дожидается. Выскочила навстречу.

– Я поняла, как чистить старую плёнку! Я попробовала – и получилось!

Действительно, чего уж проще: опускаешь плёнку на полчасика в горячую воду – и она становится почти совсем чистой. Потом подсушишь её – и готово. Даже тушь стала лучше ложиться. Теперь Эстер сама занималась очисткой и делала это с охотой и прилежанием.

МАЛЕНЬКИЙ ТЕЛЬ-АВИВ ДВАДЦАТЫХ

Несмотря на тяготы послевоенной жизни, наш город рос и развивался на глазах. В нём жило уже шестнадцать тысяч человек. Строились новые дома, множились конторы, магазины и рестораны. Появились электрические фонари на улицах. Мы уже и официально считались городом (правда, внутри Большого Яффо). Кипела кругом цветастая и шумная жизнь. И вместе с этой новой жизнью пришло то прискорбное, о чём писал Бен-Гурион: собственные преступники...

На углу Алленби и Яркон стоял киоск. Главной его достопримечательностью была сама киоскёрша, молодая и на редкость красивая женщина лет двадцати с небольшим. Вполне могла бы соперничать с теми голливудскими красотками, которых мы изо дня в день с восторгом встречали на экране. Возле киоска всегда были люди, ибо каждый проходивший мимо (не важно, мужчина или женщина) останавливался на минутку, чтобы ею полюбоваться. Однажды утром вижу: киоск закрыт, возвращаюсь с работы – закрыт. А ведь всегда работал с раннего утра до позднего вечера. На завтра стало известно, что женщина погибла, возвращаясь ночью домой. И не от руки какого-нибудь ночного разбойника, а от ножа собственного мужа, страдавшего припадками ревности. Это было первое убийство в Тель-Авиве.

Появились и воры. А ведь люди в то время ещё не имели привычки запирают входную дверь, уходя из дому. В крайнем случае накидывали крючок, чтобы кошки не шастали. Но однажды утром на доске объявлений, что на углу улицы Герцля и бульвара Ротшильда, появилось прочувствованное обращение:

«Уважаемые воры! Вчера вы вошли ко мне через открытое окно и украли брюки, в которых были ключи, документы и деньги. Оставьте деньги себе, но, пожалуйста, верните ключи и документы. Они вам всё равно не нужны». И подпись: «Саддай Шошани, владелец Первой тель-авивской типографии».

Воры оказались милосердными: назавтра втихаря вернули документы и ключи.

Иногда воры действовали с изяществом и остроумием. Вот что произошло вскоре после того, как в Тель-Авиве учредили местную еврейскую полицию. Во втором этаже одного из домов на улице Алленби жил врач, известный собиратель редких растений. На

балконе у него стояли дорогие вазоны, на которые и польстились преступники. Проходит как-то мимо дома ночной полицейский и видит прислонённую к стене лесенку, слышит подозрительный шёпот. Находит под лестницей парня с двумя большими цветочными горшками.

– Ты что здесь делаешь среди ночи?

– Тс-с-с!.. Завтра у доктора день рождения. Хотим ему сюрприз сделать. Принесли вот дорогие горшки.

– Это ещё что за фокусы?! – говорит полицейский. – Я запрещаю. Хотите сделать подарок – принесите днём, по-человечески.

Парень в явном смущении и замешательстве окликает того, кто наверху:

– Хаим! Спускай горшки! Охранник не разрешает.

Ещё два горшка спускаются сверху.

Вот так, под присмотром полицейского, уволокли у врача четыре дорогих цветочных горшка. Назавтра эту историю знал уже весь Тель-Авив.

Мы не ведали, что такое электрический холодильник. Их просто не существовало. Вот ледовые охладители (теплоизолированные шкафчики с камерами для льда) были. Но стоило такое устройство дорого, да и льда не напасёшься. Так что в городе царствовал «арон авир» – ветряной шкаф. Его сбивали из планок, со всех сторон – густая сетка. Мухи проникнуть не могут, а ветер свободно продувает. Устройство подвешивали в прохладном месте, чаще всего на балконе. Разумеется, продукты покупали каждый день и готовили не больше чем на день. Молочник ежедневно приносил свежее молоко. Его наливали из большого сосуда в жестяную мерку, а из неё в посуду покупателя. Платили обычно вперёд: за неделю или за месяц, как договоришься. Поговаривали, что в тяжёлые времена молочники, ополаскивая сосуд, не всегда выливали воду перед тем, как налить свежего молока. А времена были действительно тяжёлыми. Безработица, многие семьи буквально голодали. В нашем «казино» этого не ощущалось: к нам приходили те, у кого водились деньжата. У нас был великолепный повар – господин Адлер. Даже обычный обед ценою в пятнадцать грошей был великолепен. Фирменный обед стоил двадцать пять. О нашей кухне шла добрая слава. Однажды появился большой чиновник из Иерусалима – управляющий почтой Палестины в чине генерала. Обед заказал заранее и явился в назначенный час вместе с женой, дабы вкусить от трудов

и таланта нашего замечательного повара. Видно было, что и он сам, и жена его очень довольны нашим меню. Но благодушное настроение генерала сохранялось лишь до того момента, когда он увидел счёт. Возник передо мною – усатый, тяжёлый телом и краснолицый.

– Что это такое? Двадцать пять грошей за обыкновенный обед!

– Но это наша обычная цена.

– Да знаю я ваши «обычные цены»! Все вы стараетесь содрать с англичан три шкуры.

Я обиделся.

– Вон за тем столиком только что сидела еврейская пара. Они заплатили такую же сумму. И не возражали.

Но генерал уже завёлся.

– Считаете себя избранным народом, нос задираете! Я же вижу. У меня и англичане, и евреи служат. Евреи вечно насмеваются над англичанами.

Тут я окончательно разозлился.

– Генерал, можно мне говорить с вами откровенно?

– Да ради бога! Почему нет?

– Я тоже постоянно вижу англичан. Не обижайтесь, но по своему личному опыту знаю: англичанин остаётся джентльменом, пока не выпьет. Стоит ему хватить лишнего – тут же превращается в свинью.

– Ну... С этим трудно не согласиться, – признал генерал.

Наш жаркий спор продолжался минут сорок, пока оба не выдохлись. Наконец генерал буркнул: «Вас не переспоришь!» – и удалился.

Нам приходилось потом случайно встречаться ещё несколько раз. Даже спустя много лет он при встрече приподнимал фуражку и говорил мне «шалом!».

Однажды поутру мы с Эстер обнаружили, что из ветряного шкафа исчезли кое-какие продукты: часть хлеба, сыра, овощей. История повторилась и назавтра, и в следующие дни. Пропадало не всё, а как раз столько, сколько могло утолить голод одного человека.

– Знаешь, – говорит Эстер, – похоже, это его единственная еда за целые сутки. Надо бы побольше положить, а то он стесняется.

Она стала каждый вечер собирать для «посетителя» нечто вроде небольшой продуктовой посылки и укладывала её в уголок шкафа. Незнакомец сразу же всё понял: он забирал только этот пакет.

Тем временем положение улучшалось. Стало больше работы, начали приезжать репатрианты из Польши и других стран Европы. Однажды утром мы обнаружили, что этот «инкогнито» не навестил наш шкаф. То же и на следующий день. Нам стало ясно: нашёл работу.

В то лето нам наконец удалось расплатиться с долгами, и у нас даже осталось четыре лиры. Теперь можно было подумать и о собственном доме. Разумеется, о том, чтобы купить приличное жилище где-нибудь в центре города, и разговора не было. Но ещё за два года до того мы приобрели участок для застройки в посёлке Монтефиоре. Тогда давали ссуду на очень хороших условиях, причём строить можно было ещё до её полной выплаты. Так что земля и разрешение на строительство у нас уже были. И «что нам стоит дом построить»!

Имя Моше (Мозеса) Монтефиоре обычно связывают с Иерусалимом. Это он вывел иерусалимских евреев за пределы Старого города, купив в 1855 году земельный участок и начав там строительство нового еврейского квартала. Мельница Монтефиоре стала фактически символом еврейского Иерусалима, хоть никогда и не работала. Монтефиоре был романтиком, далеко не всегда ему удавалось задуманное. Его младший родственник, барон Ротшильд, был куда более практичным. Но ведь именно романтика и была одной из главных движущих сил сионизма. Монтефиоре помнят как борца за справедливость, свободу, права угнетённых и обездоленных. Его борьбой восхищались Чарльз Диккенс и Джордж Элиот. Будучи шерифом графства Мидлсекс, сэр Мозес фактически упразднил смертную казнь. Он много сделал для отмены рабства в британских колониях, а затем (совместно с семьёй Ротшильдов) дал большой заём английскому правительству для компенсации убытков владельцам плантаций, чтобы отмена рабовладения прошла без излишних эксцессов. И, разумеется, всю жизнь боролся за еврейское равноправие. Дважды посетил Россию, убеждая российских императоров упразднить антиеврейские законы. Монтефиоре защищал евреев от наветов, пытался предотвратить или остановить погромы. Он жертвовал большие суммы еврейским общинам, строил синагоги и еврейские больницы. Кстати, это Монтефиоре основал первое общество страхования жизни и осветил улицы британских городов первыми газовыми фонарями. Словом, много чего успел за свою столетнюю жизнь.

Сэру Мозесу принадлежит идея выращивания цитрусов в

Стране. Для этого он и купил участок немного севернее Яффо, где уже росли фруктовые деревья. Несколько раз энтузиасты пытались создать там настоящий пардес, но каждый раз он силой обстоятельств оказывался заброшенным. Вот на этом-то участке и начали застройку.

Посёлок Монтефиоре стоял немного на отшибе, к юго-востоку от города. Нужна была большая самоуверенность, чтобы приниматься за строительство дома с четырьмя лирами в кармане, но, как говорили наши мудрецы, «доброе имя врата отворяет». Мои многочисленные друзья самых разных профессий были готовы прийти на помощь. После всевозможных консультаций я купил на четыре лиры цемента, и мы начали формировать блоки. Никакого особого оборудования не требовалось: металлическая опалубка, гравий, цемент да вода. С формовщиком договорились, что заплачу ему, когда будут деньги. Наделали блоков, залили фундамент. По неопытности отгрохали такой, что его хватило бы на пятиэтажное здание. Денег на архитектора и инженера-строителя не было. Проектировал сам, с помощью того парня, что делал блоки. Вскоре стены начали подниматься. Потом один из моих друзей – замечательный плотник – поставил мне всю деревянную опалубку, кровельщики помогли сделать крышу, сантехники провели канализацию. И всё это на простом условии: «будут деньги – отдашь». Таким был тогда наш ишув.

И вот новоселье. По нынешним меркам – очень скромный домик, но для нас, после тесных квартир с кроватями, поставленными вплотную, – просто хоромы. Две больших комнаты, прохладная веранда, кухня, душевая, ватерклозет и даже чуланчик. На жалюзи денег не хватило, так что желающие могли созерцать детали нашего уюта. Впрочем, такие желающие вряд ли находились, тем более что соседей напротив не было: наш дом стоял последним, рядом с оврагом. За ним простирались поля немецких колонистов. Теперь на месте посёлка обычный городской район, и не вспомнить уже, где что было.

Просторному жилью нужна большая семья. Через две недели после новоселья в нашем доме появился новый жилец: маленькая Дебора.

«Казино Галей-Авив» к этому времени окончательно закрылось, и я теперь уже официально работал в кинотеатре «Эден»: переводил фильмы и редактировал рекламный листок, своего рода небольшую газету.

ФРИДА

— Человек этот выглядел лет на сорок. Выбрит гладко, до синевы на щеках. Глаза не карие, как у большинства брюнетов, а бледно-голубые. Смотрит прямо, даже слишком прямо, и так, словно ему всё равно, на что смотреть: на тебя или на щербатый булыжник улицы Алленби. На иврите говорит на европейский манер: вместо «т» на конце слова произносит «с», придыханий на немых согласных не делает. Видно, что учил язык по священным книгам и сюда приехал не так давно.

— Мне говорил о вас Шломо.

— Да-да, я вас слушаю.

— Возьмите девочку... Старшую мою, Фриду. Четверо у меня. Совсем пропадаем, есть нечего... Она всю домашнюю работу будет делать. Платить ей не надо, только кормите. Она всё умеет.

Я опешил: уж больно это было неожиданно. Стал бормотать, что мы живём тесновато, что у нас двое малышей, что жена справляется сама.

Если бы он начал уговаривать, я бы, наверно, продолжал отбиваться, но он только повторял, как заученный урок, устало глядя перед собой:

— Возьмите девочку.

Я сам себе удивился, сказав: «Сегодня я заканчиваю в семь. Приводите». Как будто и не я это сказал, как будто всё это вообще происходило помимо меня.

Когда без пяти семь они вошли в мой закуток, я снова опешил. Ожидал увидеть девушку лет пятнадцати-шестнадцати, а тут... Две косички, ямочка на подбородке, заплаканные глазки... Лет девять, не больше. Тихо, почти шёпотом, сказала «Шалом!», как, видимо, велел ей отец. А здороваться ей не хотелось, и уходить со мной в незнакомый дом тоже ой как не хотелось!

Отец поспешно и неуклюже обнял её, а потом быстро-быстро вышел из кабинета. Может, боялся, что передумаю. А мы стояли и смотрели друг на друга. Фрида, вероятно, проплакала всю дорогу до нашей конторы, а теперь ей было уже всё равно.

— Ну пошли, — сказал я.

И мы пошли...

— Вы давно в Палестине? — спросил я девочку.

Она подняла глазки и впервые посмотрела на меня с интере-

сом. Словно только сейчас увидела.

– Восемь месяцев. Папа раньше работал на верфи в Ростове.

– А иврит откуда знаешь?

– Я там в еврейскую школу ходила. И здесь у нас кружок был. С нами добровольцы занимались. И в синагогу мы с мамой ходим. Я почти всё понимаю, что рабби читает.

– Вы и там бедно жили?

– Нет, нормально. Только когда нацисты появились, папа сказал: надо ехать. Нас отговаривали. А он говорит: «Эти молодцы всё равно возьмут власть, и тогда всем нам крышка».

Эстер вышла из кухни и, увидев незнакомую девочку, вопросительно посмотрела на меня.

– Вот. Привёл тебе помощницу... Новые репатрианты из Германии. Её отец попросил, чтобы пожила у нас, пока он работу найдёт.

Глаза у Эстер расширились, и она быстро заговорила по-русски:

– С ума сошёл! Я не знаю, как со своими двумя управиться, а ты мне третьего ребёнка привёл! Ну и что, по-твоему, я должна теперь делать?

Я только плечами пожал. Фрида понимала, конечно, о чём речь, но молчала.

– Ну что с вами поделаешь?.. – вздохнула Эстер и добавила уже на иврите:

– Идите руки мыть. Будем ужинать!

В тот вечер мы даже посуду не помыли. Маги был болен. Он ныл, капризничал, не хотел пить лекарство. И Эстер плохо себя чувствовала – видно, подхватила инфекцию от сына. С семимесячной Деборой тоже было полно хлопот. Когда наконец уложили малышей, Эстер, изморённая хлопотным днём, постелила Фриде на диванчике в гостиной и тоже пошла спать. Я же пристроился в отгороженном занавеской закутке, служившем мне кабинетом, и стал просматривать кое-какие бумаги, прихваченные с работы. Ближе к двенадцати лёг и я.

Проснулся первым. В квартире было тихо. Прошёл на кухню и увидел Фриду, спокойно завершающую уборку. Она как раз сметала в совок остатки мусора. Посуда была тщательно вымыта, вытерта и уставлена на самолично сколоченные мною когда-то полки. Алюминиевые кастрюли сияли невиданной доселе чистотой.

Проследив за моим взглядом, Фрида сообщила:

– Я их песочком. Я его со двора принесла.

– Ты что же, и примус разводила?

– Я умею. А холодной ведь не вымоешь.

«Крепко же мы спали!» – подумал я.

Поднялась Эстер... Она тоже немало удивилась невиданному доселе порядку на кухне и в гостиной, где Фрида тоже успела поработать. А когда Дебора проснулась и заплакала, Фрида тут же вызвалась сменить пелёнки. Её самому младшему братишке, Дани, не было ещё и двух лет, так что обязанности няньки были ей хорошо знакомы. («Дани, он такой бойкий! Уже разговаривает, всюду лезет. На прошлой неделе забрался во дворе в какую-то большую трубу, насилиу вытащили. А уж как отмывали потом!»)

Так и потекли наши дни. Я с утра уходил на работу, а Эстер с Фридой оставались заниматься малышами и хозяйством. Впрочем, хозяйством занималась Эстер, стараясь не загружать девочку домашней работой. Теперь мы с женой могли даже иногда выбраться в кино, обычно происходило это в субботу вечером. Фрида исправно приглядывала за малышами. А её самоё Эстер отправляла на дневные киносеансы. Однажды девочка пришла из кино страшно довольная и с огромным четырёхцветным мячом. Оказалось, в тот день кинотеатр разыгрывал лотерею по номерам входных билетов, и номер Фриды оказался счастливым.

Фрида хорошо читала по-немецки. У нас были кое-какие книжки на немецком, и вечерами она частенько в них утыкалась. Однажды, придя с работы, увидел у неё в руках «На Западном фронте без перемен».

– Надо же! Тебе что, нравится эта книга?

Она пожала плечами:

– Не знаю...

– Возьми-ка тогда лучше эту.

И подсунил ей «Петера Шлемиля» Шамиссо.

С ивритом было похуже, чем с немецким. Разговаривала Фрида бойко, а вот читала ещё довольно медленно и с запинками, особенно если текст шёл без огласовок. В иврите почти нет букв для передачи гласных, но в священных книгах под буквами стоят маленькие значки, обозначающие гласные звуки. В большинстве светских текстов до такой мелочи не снисходят. Эстер занималась с девочкой довольно регулярно. Через пару-тройку месяцев та уже

могла сравнительно бегло читать газетные статьи.

– Осенью пойдёшь в школу, – говорил я. – Давай-ка определим тебя в гимназию «Герцлия».

– А меня примут?

– А почему нет? Чем ты хуже других? Ты лучше!

Отец навестил Фриду всего раз или два. Взгляд его остался таким же неопределённо-равнодушным. Они прошлись несколько раз вокруг дома, тихо беседуя, потом расстались. Из сбивчивых объяснений Фриды мы поняли, что её брат и сёстры тоже живут по чужим семьям.

Так прошло семь месяцев. Вернувшись домой однажды вечером, застал только подавленную, заплаканную Эстер с детьми.

– А где Фрида?

– Отец забрал.

– Как забрал?

Я совершенно забыл о том, что это когда-то должно случиться. Просто в голову не приходило, что с Фридой придётся расстаться.

– Обыкновенно: пришёл и забрал. Он нашёл работу в каком-то поселении. Теперь собирает всех детей под одной крышей.

– И что ещё сказал?

– Сказал спасибо.

– Но так же нельзя. Надо их найти, как-то связаться...

– Где искать? Ты хоть фамилию её знаешь?

И правда: и в голову не приходило поинтересоваться.

– А сама что же не спросила?

– Я как-то растерялась...

Так Фрида исчезла с нашего горизонта.

Какой-нибудь романист в этом месте поставил бы отточие и продолжил так: «Прошло двадцать лет...» Но я не романист, и рассказ этот абсолютно правдив. Потому мой эпилог начнётся по-другому.

...Прошло пятьдесят пять лет. В один из дождливых зимних вечеров телевидение передавало интервью с почётным гражданином Тель-Авива кинодокументалистом Ерушалаимом Сигаловым. У вашего покорного слуги то было далеко не первое публичное выступление.

Старики могут подолгу пережёвывать события своей молодости, приукрашивая и привирая, безудержно хвастаясь собственными заслугами, восполняя провалы памяти эмоциями. В этом отношении я не исключение. В тот раз беседа вертелась вокруг истории города. Разумеется, я пустился рассказывать, как трудно приходилось нам в ту пору. («Вы, нынешняя молодёжь, и представить не можете!..») Говорил о тогдашней безработице, о голодных и обездоленных, мельком упомянул о жившей у нас девочке.

Я сидел в мягком кресле, попивал чаёк и любовался самим собою на голубом экране. Передача закончилась, пошли титры – и в ту же минуту зазвонил телефон.

– Здравствуйте! Вы ведь Ерушалаим, да? – голос ни о чём мне не говорил. Разве лишь о том, что звонит не очень молодая, но и не очень старая женщина. Я мысленно нарисовал себе начинающую полнеть интеллигентную дамочку лет пятидесяти с небольшим.

– Да, я Ерушалаим.

– А я Фрида. Вы ведь меня помните? Только что посмотрела передачу – и вот решила позвонить. Я вас так часто вспоминала все эти годы.

– Фрида! Ну где ты скрывалась? Почему не звонила?

– Я не знала, где вы и что с вами...

– Бог с тобой! Кто в Израиле не знает Ерушалаима Сигалова?

– Да я ведь и фамилии вашей не знала. И имя звучит – сами знаете как. Ну откуда мне было догадаться, что это вы? Портреты как-то не попадались... Вы не могли бы приехать к нам в гости? Мы с мужем живём в Раанане.

– Давай сделаем проще, чтобы не откладывать в долгий ящик. Я завтра вечером буду у дочери, у Деборы. Она ведь тоже, кстати, в Раанане живёт. Вот и приходите вместе с мужем. Заодно и Дебору повидашь.

– А вы вместе с Эстер будете?

– Эстер умерла... Три года назад.

Фрида сдавленно охнула и на минутку подавленно замолчала. Потом спросила адрес...

Я узнал её по ямочке на подбородке. Косичек давно не было – обыкновенная причёска, седина в некрашенных волосах. Мы обнялись.

– Фрида, – засмеялся я, – да ты и не изменилась совсем!

– Конечно, нет! Вот только успела пенсионеркой стать, скоро

шестьдесят пять стукнет.

– Заходите, Дебора сейчас придёт.

Муж – высокий, седой, с открытым лицом кибуцника. Заведует отделом на заводе электронной техники. Фотографии внуков, сестёр, внучатых племянников. Фрида стала учительницей. Преподавала еврейскую и мировую литературу, иврит. Одна сестра всё ещё работает инженером на том же самом заводе, что и муж Фриды, вторая сестра служит где-то в кооперации.

– А ваш Дани, как он?

– Дани погиб в сорок восьмом, во время Войны за независимость. Он служил в восьмой бригаде, той самой, которая разгромила египтян на Синае. Мне потом его приятели рассказали, как было дело. Они стояли возле кибуца Маген и понятия не имели, что у египтян есть танки. И вдруг – ползут, целый десяток! Наши сперва просто опешили, а Дани тут же схватил гранатомёт – и вперёд. Выполз из укрытия и пальнул. И представляете – тут же подбил! Потом второй так же. Но тут танки начали стрелять, и Дани сразу накрыло осколками. Там тогда много ребят полегло, но танки они так и не пропустили. В пустыне его и похоронили, нашего Дани.

Тут пришла Дебора – и они с Фридой бросились обниматься, как старые приятельницы. Я слегка обалдел: не могли же они помнить друг друга!

– Так, значит, ты и есть та самая Дебора, которую я нянчила в детстве! Да у меня и в мыслях не было!.. Только когда Ерушалаим сказал, что ты в Раанане, сразу заподозрила, но ещё сомневалась. Со времён пророчицы столько Дебор – счёту нет! Я ж тебя сто раз в гости звала.

– Папа, мы с Фридой сколько раз на преподавательских семинарах встречались! И в один кантри-клуб ходим. А её младший внук в моём классе учится.

– Да, тесен мир...

– Мир, может, и тесен, а Израиль, как видите, просторен, – медленно произнесла успокоившаяся Фрида.

ПОСЕЛКОВЫЕ БУДНИ

Электричества пока нет. Ждём, когда нас подключат к городской сети. Вечерами сидим при свете керосиновых ламп. Собщение с Тель-Авивом преимущественно пешее. Это не так уж страшно: до города километра полтора. Страшнее другое: чувство одиночества и оторванности от большого мира, которое тяжёлой депрессией навалилось на мою жену. Я работал допоздна и даже не подозревал, как боится Эстер сидеть одна в доме без жалюзи, возле оврага, открытая всем взглядам. После того как уложит детей, гасила свет и шла в кровать, но обычно не могла сомкнуть глаз до моего прихода.

Напротив посёлка чистенькая немецкая колония Шарона. Евреев в ней недолюбливали. Терпеть не могли, когда те приходили покупать лекарства в немецкой аптеке, даже потенциальные убытки не смущали её хозяев. (Уже после войны появилась легенда, будто бы в той колонии жил молоденький Адольф Эйхман. Это, разумеется, выдумки.) Из Шароны в Яффо ходил дилижанс, но евреев старались в него не пускать. Все сельскохозяйственные работы выполняли исключительно арабы под руководством немецких служащих. Это создавало нам дополнительные проблемы с безопасностью. Поселковые жители работали главным образом в Тель-Авиве, часто возвращались в темноте, а по ночам – никакой связи с городом. На весь посёлок один автомобиль. Принадлежал он Ариелю и Авиве, супружеской паре нашего возраста, с которой мы подружились через замечательного поселкового врача, господина Палера. Ариель, как и я, много работал. Утром уезжал в город на своём автомобиле, а возвращался поздно. В субботние вечера, а иногда и в будни, когда удавалось закончить работу немного пораньше, мы вместе ездили в кино. Билеты приносил я, Ариель садился за руль – и вперёд к развлечениям. Обычай этот несколько скрашивал скуку женщин, вынужденных весь день торчать в посёлке.

Через несколько месяцев наши весёлые поездки трагически оборвались. Возвращаюсь с работы – и слышу неясный шум возле дома Ариеля и Авивы. Возле него стоит санитарная машина, а на крыльце – странно неподвижная фигура доктора Палера. Затем он медленно спускается с крыльца. Медицинский чемоданчик в руке, а сам словно немного задумывается, делая каждый шаг. Потом на крыльце появляется растерянный, непохожий на себя Ариель, а за

ним – двое санитаров с носилками, накрытыми простынёй. Я, кажется, понимаю, в чём дело. Подхожу к Ариелю и тяну за руку.

– Пойдём! Сегодня у нас переночуешь.

Авива выпила смертельную дозу снотворного. Видно, и её токсичная жизнь в заброшенном посёлке привела к тяжелейшей депрессии.

Примерно месяц спустя, вернувшись с работы, я обнаружил, что дом мой пуст. Ни жены, ни детей нигде не видно. Кинулся к соседке. Да, она видела, как Эстер с Деборой на руках вышла вместе с Маги из дома и направилась в сторону города. Я тут же побежал к родителям. Конечно же, моя семья была там в полном составе.

– Эстер, ты что? В чём дело?

– Я туда больше не вернусь, – прошептала Эстер и разрыдалась.

Я обнял её.

– Ну не хочешь – поживём пока здесь. Найдём что-нибудь.

На следующий день я снял себе офис, средних размеров комнату, на улице Лилиенблум. Там даже телефона не было, да и клиентов не много, но иметь собственный офис – это солидно. А местом общих встреч для представителей кинобизнеса оставалось всё то же кафе Братьев Шор, где меня когда-то познакомили с Карчевским. Теперь мой офис был в том же здании. Очень удобно.

Этот кабинет, снятый временно и второпях, прослужил мне много лет. Скоро я с ним сроднился. И дети мои любили там меня навещать. Помню, как непедагогично повёл себя однажды с Деборой. До сих пор стыдно. Она тогда уже ходила в детский садик. Как-то заявила ко мне и радостно протянула небольшую коробку.

– Папа, я тебе подарок принесла!

Я был занят срочным переводом, времени совсем не было. Торопливо открыл коробку – и на стол выпрыгнул мокрый зелёный лягушонок. Двое его маленьких собратьев оставались внутри. Я отшатнулся.

– Какая гадость!

Личико Деборы скривилось, но она не заревела, а просто повернулась и молча ушла. Придя домой, рассказала маме о том, как отец принял её подарок. Естественно, вернувшись к вечеру домой, получил от Эстер заслуженную взбучку.

А вскоре мы сняли и квартиру. Почти в центре, на улице Атик-ва¹⁷⁶. Звучало это так красиво: улица Надежды! Мы действительно, как и все молодые люди, жили тогда надеждами на счастливое будущее для нас и для наших детей. Многие из этих надежд осуществились, хоть и не без борьбы и горьких потерь.

На радостях накопили мебели. Солидная, недешёвая. И – поставьте себе – до сих пор служит. Теперь это уже «антик», предмет зависти друзей и знакомых.

Вошли в нашу новую кухню, открыли шкафчики – и из них тысячами ринулись тараканы и прочие членистоногие. Помянули предыдущих жильцов недобрым словом и начали битву с этой напастью. Война шла с переменным успехом, но закончилась нашей полной победой.

¹⁷⁶ «Атиква» (התקווה – «Надежда») – гимн сионистов, ныне национальный гимн Израиля. Выражает чаяние евреев «быть свободным народом в своей стране».

СТУДИЯ «МОЛЕДЕТ»¹⁷⁷

Летом 1927 года в мой офис вошёл молодой человек, недавно прибывший из России, – Натан Аксельрод¹⁷⁸. Представился родственником Эстер, сказал, что живёт в Реховоте. Он мне понравился. Заметно моложе меня, лет двадцати с небольшим. Не красавец, но хорош собой. Волнистые рыжеватые волосы, забавные оттопыренные уши, открытое лицо, сразу вызывающее доверие.

Натан родился в Белоруссии, но скоро семья переехала в Полтаву. Отец его до революции держал фармацевтическое производство. В детстве Натан был вундеркиндом, в школе серьёзно увлёкся химией. В шестнадцать лет уже вовсю помогал отцу в приготовлении лекарств. Это дело у них было поставлено на широкую ногу. По всей Полтаве продавались медикаменты Аксельродов. Затем парнишка увлёкся фотографией. Снимал, готовил растворы, обрабатывал фотоснимки. А потом организовал вполне приличный драматический кружок. И решил записывать постановки кружка на киноплёнку, то бишь снимать игровое кино. Это были золотые годы раннего советского кинематографа. Первые документальные шедевры Дзиги Вертова, эксперименты Сергея Эйзенштейна, вылившиеся в гениальный «Броненосец Потёмкин», первые комедии Всеволода Пудовкина, расцвет творчества Якова Протазанова... Возможно, талант Аксельрода развернулся бы в Советской России, но его ненасытная душа стремится раздвинуть пределы занятий и увлечений. Его многое увлекает. Натан вступает в сионистскую организацию «Гехалуц». Её организовал Иосиф Трумпельдор, и она продолжала работать и после гибели основателя. Советская власть меж тем всё более рьяно боролась с сионизмом. В 1925 году Натан попадает в тюрьму. В тот раз вроде бы обошлось. Но меньше чем через год ОГПУ арестовывает всё руководство организации и многих членов локальных ячеек. Аксельрода приговаривают к ссылке в Сибирь и трём годам принудительных работ, и он объявляет голодовку. До Большого террора было ещё далеко. Ему смягчают приговор: просто высылают из СССР. Так Натан оказался в Стране.

¹⁷⁷ О студии – см. документальный фильм «יופי של מולדת». Режиссёр Яков Грос. Израиль, 2001.

¹⁷⁸ О Натане Аксельроде и его деятельности см. [33].

– У меня есть сценарий фильма, – сказал мне Натан. – Сценарий есть, название есть, а денег на съёмку нет.

И изложил мне фабулу. Фильм будет называться «Гахалуц» («Первопроходец»). Главный герой бродит по Тель-Авиву, голодный и безработный. Добрые люди советуют ему перебраться в поселение: там он всегда сможет найти какую-нибудь работу в сельском хозяйстве, и у него будет что поесть. Так он и делает: переезжает в поселение, работает у фермера. Дочь фермера – прекрасная наездница, и это не единственное её достоинство. Между ними завязываются отношения. Разумеется, happy end. Герой осуществляет свою мечту трудиться на израильской земле.

Идея фильма мне понравилась. Теперь эта фабула может выглядеть детски наивной. Но не забывайте, что в ту пору слово «сионизм» не было затёртым или пропагандистским лозунгом. Мы многое вкладывали в это понятие. Я согласился попробовать. Чтобы осуществить замысел, нам требовалось несколько десятков лир.

Купили небольшую камеру, плёнку, реактивы для обработки. Натан снял кое-что для пробы. Плёнку проявили в большом корыте и развесили для просушки на бельевой верёвке.

Сейчас трудно представить, что от вида собственной персоны, двигающейся на экране, можно получить такое сильное впечатление. Люди той эпохи обычно видели себя только в зеркале да на фотографических портретах. Но это совсем не то! А тут смотришь – и диву даёшься: это что, в самом деле я?

Итак, в ближайшую пятницу, сразу после работы, я отправился к Натану в Реховот, чтобы обсудить наши планы. Решил ехать на автобусе. Он ходил из Яффо два или три раза в день, притом точно по расписанию, чего не скажешь о теперешних автобусах. Кстати, поездка до Реховота занимала в ту пору не больше времени, чем сейчас. Дороги были, разумеется, хуже нынешних, зато не было такого бедствия, как дорожные пробки. Среди женщин бытовало выражение «поехала в Реховот», что означало: «у тебя нижняя юбка торчит из-под платья». Происхождение этого эвфемизма, как мне рассказывали, таково. Одна профсоюзная активистка торопилась на автобус, отходящий в Реховот. Подруга заметила непорядок в её одежде и закричала:

– Эй, у тебя юбка вылезла!

Та на бегу ответила:

– Я в Реховот поехала!

Некогда, мол, останавливаться и заправлять – автобус уйдёт.

И вот вскочил я на свой мотоцикл (один из двух, оглашавших рёвом тихие тель-авивские улицы) и помчался в Яффо. Оставил мотоцикл у знакомых, прибежал на автостанцию... Опоздал всего на пару минут, но от этого не легче. Другого автобуса сегодня уже не будет. Вернулся за мотоциклом – и вперёд. Прекрасно доехал до Нес-Ционы¹⁷⁹, но там шоссе закончилось. Дальше – песок просёлочной дороги. Мотор трудился изо всех сил, сражаясь с песком, кряхтел, ругался, рычал, но схватка оказалась неравной: мотоцикл заглох. И вот уже не он меня везёт, а я волочу его по песку. Возле дороги сидит старый араб и наблюдает за моей борьбой с передовой техникой. Потом качает головой и говорит по-арабски:

– Ай, господин! Мой-то лучше!

И показывает на стоящего рядом маленького ишачка.

Жгучее летнее солнце ещё высоко, пот заливает глаза. Подхожу к дому, где снимают квартиру Натан и его сестра... И вслед за тем обнаруживаю, что лежу на диване, закутанный в мокрые простыни. Первый (и, надеюсь, последний) обморок в моей жизни. А от мотоцикла, оказывается, был толк: когда он упал на камни, в доме услышали.

Скоро я окончательно пришёл в себя, и за чаем мы с энтузиазмом рассуждали о том, что будем делать дальше. Сестра Натана смотрела на нас и улыбалась: вот мальчишки! Обоим нам понятно: сразу приступать к съёмкам художественного фильма – пустой номер. Денег нет, их ещё предстоит как-то добыть. Но снимать хочется. Вот съёмками и добудем! Во-первых, кинохроника, киножурналы. Будем снимать картины местной жизни, знаменательные события. Конкуренция здесь невелика, кинотеатры с радостью купят наши короткометражки. Тем более что у меня уже есть связи и с владельцами кинотеатров, и с киноторговцами. Во-вторых – реклама. Это ж просто золотое дно! Не одна торговая фирма (а их теперь появляется всё больше) будет готова заплатить за приличную кинорекламу. А мы ведь будем работать с юмором и выдумкой! Прямая выгода и нам, и кинотеатрам.

Остаётся только подумать о помещении. Но и здесь всё складывается как нельзя лучше. Помещение у нас уже есть: это наш дом в посёлке Монтефиоре! После нашего отъезда в доме посе-

¹⁷⁹ Нес-Циона – посёлок в нескольких километрах от Реховота.

лился один из новоприбывших жителей Страны. Денег я с него не брал, только попросил поливать деревья в саду. Через несколько месяцев всё закончилось: деревья засохли, а жилец нашёл работу в каком-то поселении и уехал туда.

В тот же вечер родилось и название нашего предприятия: киностудия «Моледет» («Родина»).

СНИМАЕМ РЕКЛАМУ

Скоро Натан переехал в Монтефиоре и начал обустраивать студию. Площадей хватало, а вот со светом проблема: электричества в посёлке всё ещё не было. Решили снимать на открытой террасе. Лето, солнца много. Аксельрод попробовал, повозился с камерой и вынес вердикт: света не хватает. Я приуныл, а Натан слегка призадумался, потом улыбнулся:

– Сделаем. У тебя лира найдётся?

У него были золотые руки и голова, всегда полная идей. К тому же Натан хорошо знал оптику. Буквально за несколько дней он соорудил систему из больших вращающихся зеркал. Первое из них стояло снаружи, улавливало солнечный свет, передавало следующим, в конце концов ярко освещая комнату. Правда, когда на солнце находило облако, приходилось прерывать съёмку.

К нам присоединился наш сосед Моше, парнишка лет четырнадцати. Его очень заинтересовала студия. Мы посадили его снаружи: предупреждать о приближении облака. Моше вбегал – мы прекращали съёмку и ждали, пока облако уйдёт.

Ванную приспособили для проявления плёнки. В просторной нашей кухне поставили кюветы для прополаскивания проявленного материала и специальное массивное устройство для просушки.

Но проявлением, прополаскиванием и сушкой дело не заканчивалось. Надо было ещё напечатать материал, то есть сделать

Натан Аксельрод, один из основателей израильского кинематографа (1905 – 1987)

Улица Аксельрода. Тель-Авив

из негатива позитив. В нашем случае – без электросети в доме! Помог обыкновенный электрический фонарик. Натан надел на него специальный раструб, так, чтобы при включении освещался ровнёхонько один кадр. А их были тысячи. Мы часами протягивали плёнку, кадр за кадром, включая и выключая фонарик. Но и это было не всё. Нужно было добавлять титры. Здесь уже я проявил себя рационализатором. Заказал несколько наборов шрифтов разных размеров, мы наклеили буквы на картон, аккуратно разрезали, потом Натан размещал надписи на дощечке и снимал их сверху.

Как ни странно, дело пошло. Первой кинозвездой студии стала моя четырёхлетняя дочь. Она снялась в рекламе какао «Батка». Пришлось чуточку подержать её на диете: не давали завтракать до девяти утра. Для съёмок накрыли семейный стол, усадили за него Дебору и поднесли ей миндальное какао без сахара. Проголодавшаяся девочка жадно схватила чашку, отпила глоток, но тут же скривилась и выплюнула. Затем ей поднесли чашку сладкого какао «Батка». Трудно было убедить Дебору взять его в рот, но когда всё-таки уговорили, она попробовала – и улыбнулась до ушей. А потом с большим удовольствием допила чашку.

Неудивительно, что эта реклама очень убеждала публику. Благодаря нашей очаровательной актрисе ролик шёл в кинотеатре «Офир» шесть недель кряду, а мы получили приличную сумму и от заказчиков рекламы, и от кинотеатра.

В рекламных роликах Натан был неистощим на выдумки. Рекламу магазина готового платья открывало длинное пальто без владельца внутри, затем сверху прилетала шляпа, а к правому рукаву подбегала тросточка и повисала на нём. В рекламе вин для крупнейшей виноторговой фирмы «Кармель Мизрахи» некто наливал стакан какого-то ординарного вина, но оно тут же убегало назад в бутылку. И только вино с завода «Кармель» вело себя достойно, как и подобает настоящему вину.

Когда кинотеатр «Офир» заказал нам анонс нового фильма «Волга в огне», мы решили поместить великую русскую реку в корыто. Вначале показали виды её берегов (отснятые неподалёку – на речке Яркон). Потом на экране появлялась спокойная поверхность воды, над которой медленно поднималось название фильма. Тут мы поджигали горячую жидкость, разлитую по поверхности,

и «реку» охватывало пламя. Это здорово впечатляло, и кассовость фильму была обеспечена.

Большой мануфактурный магазин на улице Нахалат-Биньямин тоже заказал нам рекламу. В рекламе должен был предстать сам магазин с его роскошной витриной. Киносъёмки на улицах были тогда делом новым и непривычным для жителей. Пришли с утра пораньше, чтобы не привлекать лишнего внимания. Начали с общего плана. Потом перешли на другую сторону и стали снимать с тротуара. Между тем на улицах появились первые прохожие. Как всегда бывает в подобных случаях, нашёлся один умник, готовый помешать нам работать. Встал прямо у витрины. Просим его отойти, увещеваем – ни в какую. Корчит гримасы, делает не очень приятные жесты. Я разозлился и крикнул Натану:

– Снимай!

Он меня сразу понял и принялся крутить ручку камеры.

Кривляющийся малый стал украшением нашей рекламы – и посмешищем для всего города. (Тель-Авив всё ещё был просто большим посёлком, и люди знали друг друга в лицо.) Потом этот парень пришёл к нам на студию и стал умолять, чтобы мы вырезали этот кусок, даже деньги предлагал. Я был непреклонен.

– Хотели сняться в кино – вот и снялись. Мы вас не приглашали.

Полагаю, что с того времени он, завидев съёмки, спешил перейти на другую сторону улицы.

Реклама – дело увлекательное и притом доходное, но хотелось отснять что-нибудь и для души. Показать жизнь. Вот тот дирижабль, например. Смотрю: летит в синем весеннем небе над нашим городом этакая здоровенная рыбина. Бегу к Аксельроду.

– Натан, гляди, там цеппелин!

Он выскочил на веранду и взглянул наверх. Дирижабль летел низко, и можно было даже разглядеть людей в его корзине.

– Точно, это Фридман летит. Мне сегодня утром говорили, что он собирается.

– Так что ж ты не сказал? Мы бы засняли.

– Я как-то не подумал.

– А сейчас уже не успеем?

– Где там! Пока плёнку зарядим... Видишь, пролетел уже.

Жалко было, что упустили такую редкую возможность. И кто бы тогда мог подумать, что мне суждено встретиться с храбрым

австрийским авиатором Фридманом! (Об этом – в следующей части.)

Чтобы возместить пропущенные бесценные кадры, мы засняли пурымский карнавал.

Хоть и невелик город, а шествие на славу: оркестры, песни, хохот. Перед нами проходят все герои Книги Эстер и не только они. Просто – весёлые клоуны, маски, ребяташки с размалёванными лицами. Инициатором карнавалов в Тель-Авиве был Авраам Эйзенштейн (такая вот кинематографическая фамилия, которую он затем поменял на Альдема). Он преподавал музыку и рисование в гимназии «Герцлия». Сколько раз собирались мы в его доме и славно проводили там вечера! Пели песни в сопровождении пианино, на котором играл сам Авраам. Ещё один застрельщик карнавалов, Барух Агадати, придумал «нафшей-пурым» – пурымские балы с выборами царицы Эсфирь года. Не обошлось без подкупа: организаторы распространяли бесплатные билеты в обмен на голосование за свою кандидатуру. Впрочем, не знаю, насколько это повлияло на результаты. Первой «царицей», принявшей корону из рук мэра Дизенгофа, была йеменка Ципора Цабри. Эти балы шли всю пурымскую неделю на выставке (там потом сделали знаменитую *тахану мерказит* – центральную автобусную станцию) и в кинотеатре «Муграби». Играла на балу замечательная джаз-группа «Мататей» («Метла»). Не забыты были и «тёмные комнаты» – без мебели, с циновками и коврами на полу: организаторы сочувствовали влюблённым.

Во время самого первого пурымшпиля в кинотеатре мы стали свидетелями жуткой сцены. Вскоре после полуночи двое парней затеяли свару на галерее. Взгляды всех собравшихся обратились туда. Оркестр перестал играть, танцы остановились. И тут все услышали, как один из дерущихся, здоровенный верзила, закричал:

– Если не заткнёшься, сброшу тебя вниз!

Второй что-то крикнул – был схвачен соперником и полетел с шестиметровой высоты. Мы замерли, у меня внутри всё похолодело. Неужели разобьётся? Но падавший вдруг завис метрах в двух от пола, а потом отцепил от пояса верёвку, которой, как оказалось, он был привязан, опустился на ноги и весело раскланялся. Это, как выяснилось, была затея ансамбля «Мататей», и «дерущиеся» были участниками группы.

Мы снимали Пурым и в следующем году. А вот в тридцатом и тридцать первом карнавалов не было из-за кровавых событий в

Стране, о которых я расскажу в следующей части. Но уже в тридцать втором карнавалы возобновились, и мы продолжали их снимать. Жаль, не было ещё цветного кино, и яркость карнавальных картин осталась незапечатлённой.

Большая часть тех фильмов погибла при пожаре в моей квартире, но те, что сохранились, не уступают по качеству даже многим нынешним. А ведь пользовались мы самыми примитивными средствами. Это, разумеется, плоды мастерства моего товарища.

«ПОСЕЛЕНЕЦ»

Теперь у нас было достаточно денег для съёмок фильма по сценарию Аксельрода. Назвали его именно так, как с самого начала предложил Натан: «А-Халуц», что можно перевести и как «Поселенец», и как «Первопроходец».

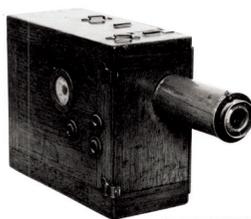

**Ансамбль «Мататей»
на съёмках пуримшипиля.
Третий справа во втором ряду – Натан
Аксельрод, четвертый – Барух Агадати,
пятый – Ерушалаим Сегал. 1929**

**Семейный пуримшипил.
1930**

Начали подыскивать исполнителей ролей. Напечатали карточки с приглашением на пробы. Завидим на улице парня и девушку, которые могли бы нам подойти, – даём карточку с нашим адресом. К моему удивлению, далеко не все девушки мечтали состязаться с голливудскими красавицами, очередь к нам не выстраивалась, притом что красотой многие из тель-авивских девушек не уступали знаменитым актрисам.

סימבול מנסחת הראינות הראשונה של
'מינולתי' אשר שימשה את נתן אקסלרוד
בכניסת הסרט 'חולע' (1927)
(האיטום של המלך נוצר - ניסים לויאן)

**Наша первая
кинокамера.
1927**

В самом начале работы над фильмом к нам присоединился молодой поэт Александр Пэнн. Происходил он из какой-то тьмутаракани (в Восточной Сибири), одно время был боксёром, что казалось совершенно невероятным при его поэтической внешности. Тем не менее, это было правдой, поскольку вскоре после приезда в Страну он уже подрабатывал тренером в каком-то из городских боксёрских клубов. Про детство своё он рассказывал такие истории, поверить в которые было просто невозможно, но говорил так убедительно, что верить хотелось. Дед его был якобы знатным шведом, осевшим на берегах Ледовитого океана и ставшим охотником на белых медведей. Малолетний внук помогал ему в охоте, а когда дед отлучался, ребёнка охранял верный пёс, сенбернар. Затем следовала романтическая история о том, как дед был смертельно ранен на охоте и, умирая на руках внука, шептал что-то про льды и айсберги. Мальчишка отправился в скитания по России и прошёл её от Якутии до Кавказа. Беспризорничал, попадал в воровские шайки, прятался от полиции. Словом, воображение у Сандера было богатое. Талантливый поэт, он был довольно известен в поэтических московских кругах, дружил с Есениным и Маяковским. Не так давно, уже после его смерти, появились сведения о том, что родители его жили не то в Мелитопольской, не то в Херсонской губернии, где он, возможно, и родился. Хотя воспитывался действительно у деда по матери. (Впрочем, и в этом нельзя быть уверенным.) Но вот интересная деталь. Старшая дочь Пэнна Зерубавела рассказывает, что, умирая, её немолодой уже отец звал своего деда и шептал что-то про льды и айсберги.

Александр сказал, что был в России кинорежиссёром, и мы поручили руководство съёмкой ему. Почему нет? Кстати, насколько я знаю, он действительно обучался кинорежиссуре в Москве.

Пробы, а потом и сцены самого фильма снимали на террасе, под ярким тель-авивским солнышком. Сердцеед и красавец, Пэнн выбирал девушку покрасивее и начинал обучать её целоваться перед камерой. Повторив репетицию не менее дюжины раз, разрешал наконец и исполнителю главной роли сыграть сцену с целуем.

Роль озорной и спортивной дочери фермера доверили очаровательной Тамаре Харлаф из Реховота. Отчего-то получилось так, что девушки в нашей студии происходили из очень зажиточных семей, а вот мужчины – наоборот. В съёмках участвовали несколько

безработных парней. Наезжая в Тель-Авив, они питались исключительно у Эстер. Пэнн глядел на это с удивлением. Вообще-то он очень уважал мою жену, но у него часто бывало что на уме, то и на языке.

– Эстер, – задумчиво произнёс он однажды, – ты либо чересчур сердобольная, либо круглая дура.

Действительно, кормить едва ли не десяток мужиков в столь нелёгкое время!

В тот раз мы должны были отснять эпизод в кафе-кондитерской на улице Герцля. Наш голодный герой бродит по городу, подходит к кондитерской, вдыхает запах свежего печенья – и падает в обморок.

Установили мы камеру под нужным углом. Мгновенно собралась толпа любопытных. Правда, в отличие от ситуации с мануфактурным магазином, зрители теперь расположились так, чтобы не мешать нам. Мы несколько раз прорепетировали сцену обморока и начали съёмку. Проходил мимо случайный полицейский. Завидел толпу и подошёл выяснять, в чём дело. Увидав на тротуаре молодого человека, лежащего без сознания, бросился было вызывать службу скорой помощи. Я крикнул Натану, чтобы он продолжал снимать, и эпизод вышел очень естественно. Толпа разразилась смехом и аплодисментами. Поднятый на смех полицейский просто глаза выпучил. Он схватил «пришедшего в себя» Натана и встряхнул его.

– Это что ещё за шуточки! Вы не понимаете, что нарушаете общественный порядок?! Хулиганство какое!

Я попробовал вмешаться и что-то объяснить, но полицейский здорово разошёлся. Ещё бы, его ведь выставили на посмешище.

– Пройдёмте в полицию! И эту штуку прихватите.

Забрал раздосадованного Натана вместе с камерой и штативом и отвёл в участок на Сдерот Ротшильд.

Я, разумеется, тут же бросился к своим друзьям из полицейского начальства. Натана освободили ещё до составления протокола. Однако на следующий день газеты писали: «Вчера на улице Герцль за съёмку пропагандистского фильма были арестованы коммунисты, желавшие продемонстрировать, что в Стране голод». Хорошо, что меня и мои «коммунистические» убеждения в городе прекрасно знали. Так что наша киностудия получила бесплатную рекламу. С другой стороны, этот инцидент заставил задуматься. Как воспримут жители Страны правду о нашей, совсем не радуж-

ной, ситуации? Не охладит ли этот фильм порыв тех, кто думает сюда приехать, но ещё не решается сделать решительный шаг? А ведь я, в отличие от Пэнна, с детства считал себя сионистом. А ещё не следовало забывать, что в Стране действует цензура. В цензурный комитет входили и представители британской администрации, и люди из наших органов самоуправления. Угроза запрещения киноленты была вполне реальной.

У меня становилось всё больше работы с переводами и хроникой. Времени на всё не хватало, и моё участие в «Поселенце» свелось к роли продюсера. Всё больше я чувствовал, что и другие испытывают охлаждение. Былой энтузиазм испарился. Как-то выдалось у меня несколько свободных часов, и я приехал на место съёмки. Там репетировала «фермерская дочь», озорная, спортивная, прекрасная наездница. Согласно сценарию, она скачет по полю на благородном жеребце с пистолетом у пояса. В ту пору это было обычным для девушек-поселенок. Но что я вижу? Вместо благородного арабского жеребца под нашей амазонкой с трудом передвигает ноги рабочая кобылка, готовая к тому же вот-вот ожеребиться.

- Что это? – с изумлением спросил я у Натана и Александра.
- Какую могли, такую и достали. Денег-то не густо.
- Кончайте издеваться над животным. Прекращаем съёмки.

Мы продолжали ещё некоторое время вместе работать над хроникой и рекламой, но наши пути стали расходиться. Натан, осознав, что с фабулой «Поселенца» вряд ли что получится, решил написать такой сценарий, который публика наверняка примет благосклонно. И тут у него появилась неплохая идея поставить короткометражную комедию по мотивам того самого пуримского фестиваля, который мы снимали из года в год. А кто знает это весёлое празднество лучше, чем участники ансамбля «Мататей»? И Натан обратился с предложением к руководителю ансамбля Хаиму Халахми. У того уже появились кое-какие деньги. Они основали киностудию с сокращённым названием ЭК⁷ («Фильмы Эрец-Исраэль»). В самом конце 1932 года короткометражку «И дело было во дни...» показали в кинотеатре «Эден», и публика действительно приняла её очень благожелательно. («И дело было во дни...» – это начало Свитка Эстер, сказания, которое лежит в основе праздника Пурим.) Окрылённый успехом, Натан тут же представил сценарий полнометражного фильма «Одед-Анодед» («Скиталец Одед») по новелле писателя Цви Ливне. Сценарий прочёл тесть Хаима Аарон Спивак. Вот

у кого были настоящие деньги! Не то что наши жалкие десятки лир, которые мы могли потратить на «Поселенца». «Скиталец Одед» с триумфом прошёл в кинотеатре «Эден» и оставался на его экране восемь недель подряд. Кинолента вышла в 1934 году. Она и считается первым израильским полнометражным игровым фильмом.

Дорога Александра Пэнна была куда более извилистой. Замечательный поэт, с этим не поспоришь. Песни на его стихи поют и теперь. Я считаю, что на иврите он писал лучше, чем на русском. Возможно, в стихах на русском сказывалось влияние Маяковского, а также Есенина (Пэнн входил в группу имажинистов.)

*Я не тот, я совсем не тот,
За кого ты меня принимаешь.
Повесть новых и старых забот
Ты в глазах моих карих читаешь.*

В стихах на иврите у него был собственный голос.

*Удушливого дыма след,
Как паутина, за плечами.
В плащ равнодушия одет,
Не весел Ното, не печален¹⁸⁰.*

Александр говорил, что выучил иврит только по приезду в Страну. Это, безусловно, один из его розыгрышей: язык он наверняка знал с детства. Есть сведения, что отец его был меламедом, то бишь учителем в хедере. И чтобы при этом его сын не знал иврита? К тому же за полгода выучить язык настолько, чтобы писать на нём хорошие стихи, на мой взгляд, невозможно.

Он всё чаще приходил на съёмки навеселе.

– Сандер, ты опять пьяный! Как только у тебя руки не дрожат?

Он воздевал руку, прищёлкивал длинными пальцами и выдавал какую-нибудь тираду вроде: «О вино – создатель веселья, учитель радостей, спутник счастливого времени, утеха в несчастье!..» Подобно своему покойному приятелю Есенину, он стал печально известен скандалами в ресторанах.

Ещё мне очень не нравилось его отношение к женщинам. Он очаровывал их сразу и бесповоротно. Ещё бы! Романтическая фи-

¹⁸⁰ Перевод Д. Самойлова.

гура: поэт, красавец, боксёр – и сионист с невероятной биографией. А сам он относился к своим связям довольно легкомысленно. Как раз в то время, когда мы снимали «Поселенца», у красавицы Бэллы Дон родилась от него дочь, но ролью отца он явно пренебрегал. Потом Бэлла родила ему сына, который вскоре умер. Затем, когда наши с ним отношения были уже на излёте, у него начался наделавший шума роман с популярной актрисой театра «Габима» Ханой Ровиной. Она потом едва не умерла от родильной горячки, но в итоге пережила Александра на восемь лет. Со второй дочерью у него практически не было никаких отношений.

И конечно же, мне страшно не нравилось его увлечение коммунизмом. Его вступление в компартию было для меня шоком. Мы ведь знали о том, что происходит в Советском Союзе. Там уже всюду шли гонения на культуру, начались первые политические процессы, Сталин стал диктатором. А главное: коммунисты – и в СССР, и в Стране – довольно решительно боролись с сионизмом. Видимо, Пэнну не давала покоя эта раздвоенность. Вот его программное «Новая родина». После яркого и несомненно искреннего признания в любви к Стране – такое:

*Без цели в даль твою
Гляжу я безотрадно,
Твой зной мне в горло льёт расплавленную медь.
Порывы все мои
Ты душишь беспощадно
И не даёшь дерзать и сметь!¹⁸¹*

*Только коммунистическая революция сможет уничтожить
эту его раздвоенность:*

*И зазвучит тогда
Победно, полнокровно
Посеянный в твоём песчаном сердце стих,
И перекликнутся
По-братски в нём любовно
Израиль,
СССР —
две родины моих.*

¹⁸¹ Перевод М. Зенкевича

«Если бы он не был в том лагере, где он есть, – сказал о Пэнне в день его 50-летия признанный лидер поэтического цеха Натан Альтерман, – его праздник стал бы праздником всей ивритской поэзии¹⁸²».

Но надо учесть и другое: Пэнн часто был в конфликте не только с сионистским израильским обществом, но и с так называемыми «товарищами по партии». Незадолго до провозглашения государства он стал редактором литературного приложения к органу коммунистов «Кол а-Ам» («Глас народа»). В феврале 1948 года, к 70-летию юбилею Сталина, «Кол а-Ам» вышел с юбилейными одами и многочисленными поздравлениями, подписанными практически всеми заметными деятелями израильского коммунистического движения. Пэнн демонстративно не поставил под ним своей подписи.

**Поэт Александр Пэнн
(1906 – 1972)**

¹⁸² Цит. по статье Михаэля Дорфмана [34].

БОРЬБА С ЦЕНЗУРОЙ

Мне посчастливилось достать замечательный фильм «Горбун из Нотр-Дама» с великолепным Лоном Чейни в роли Квазимодо. Актёр хотел потрясти зрителей своим обликом – и добился-таки эффекта. Он сам соорудил себе горб весом восемнадцать килограммов, а крепления и дополнительные накладки увеличили его ещё на тринадцать кило. Даже с таким бременем Чейни с невероятной ловкостью перемещался на фоне огромной декорации, изображавшей знаменитый фасад собора Нотр-Дам.

Этот фильм принёс мне один знакомый. Его сын занимался кинопрокатом в Швейцарии и прислал отцу несколько кинолент, чтобы тот немного заработал.

В цензурном комитете сидела одна англичанка, чопорная старая дева. Увидев Чейни, она даже глаза зажмурила от ужаса. Фильм немедленно запретили к показу. (Кстати, не так давно, в 1986 году, я вновь увидел его по израильскому телевидению.) Я пытался доказать чиновникам из цензурного комитета, что в фильме нет ничего такого, что могло бы напугать зрителя, а игра Лона Чейни замечательна! Мои доводы не помогли, и я направил письмо председателю цензурного комитета английскому губернатору Иерусалима сэру Рональду Сторсу. В ответ получил приглашение на личную встречу. Назначены были дата и время, перед подписью губернатора значилось обычное «your humble servant» («ваш покорный слуга»).

В указанный час я стоял перед дверью кабинета в Доме правительства. Путь мне преградил охранник.

– Входить нельзя. Губернатор очень занят.

Я подождал пять минут, десять, пятнадцать. Охранник твердил своё: входить нельзя, пока губернатор не вызовет. Мне это надоело. Подошёл к двери, чуточку потеснив возмущённого охранника, и постучал. Затем тут же отворил дверь и вошёл. Господин Сторс сидел себе и преспокойно читал газету. Он поднял на меня недоброжелательный взгляд, но я осведомился:

– Сэр, вы знаете, который час?

– Вы с кем так разговариваете? – сердито спросил губернатор.

– С моим покорным слугой.

И протянул ему письмо.

Любовью к евреям Сторс не отличался, но, будучи джентльменом, к тому же не лишённым чувства юмора, улыбнулся и пред-

ложил мне сесть. С четверть часа мы беседовали о кинофильмах вообще и об этом в частности. Наконец Сторс заверил, что разрешение на демонстрацию будет дано в ближайшие дни. Я получил его через неделю с пометкой: «Для лиц 16 лет и старше».

Цензура – вещь неприятная. Мало того, что какая-то группа не очень компетентных людей определяет, что людям можно смотреть, а что – ни-ни! Её можно использовать для борьбы с конкурентами.

Как-то попался мне фильм «Венецианский купец», снятый по пьесе Шекспира небольшой американской киностудией. Договорился я с «Эденом», получили цензурное разрешение, сделали анонс. И надо же: как раз в это время кинотеатр «Битан» купил другой фильм с тем же названием! Увидев мою рекламу, владелец «Битана» развернул жестокую порочащую кампанию. Мой фильм, дескать, антисемитский и низкопробный, и только принадлежащая ему лента заслуживает показа. Началась рекламная война. Мы решили начать показ до того, как «Битан» получит свою копию. Наш «Венецианский купец» имел огромный успех. Из вечера в вечер кинотеатр был полон. Тогда владелец «Битана» настроил донос в цензуру. И вот, как раз когда шёл последний сеанс, появляется в нашем кинотеатре полицейский. Цензура, мол, отзывает своё разрешение на показ. Предъявил соответствующую бумагу и потребовал немедленно прекратить сеанс.

– Погодите, – говорю, – пока разрешение у меня, я имею право показывать картину. Вот заберёте документ – тогда и прекращайте сеанс.

Дал знак киномеханику, чтобы тот продолжал крутить ленту, и позвал полицейского в свой небольшой офис. Серьёзно поглядел на полки, отягощённые жестяными коробками кинолент и картонными папками, открыл одну, тщательно пролистал бумаги...

– Интересно, куда же оно могло запропасться, это чёртово разрешение? Да вы присаживайтесь!

Полицейский попался терпеливый. Он спокойно следил, как я просматриваю папку за папкой, и только минут через сорок начал проявлять признаки недовольства.

– Погодите, погодите. Я, кажется, вспомнил. Оно должен быть у нас отдельно, в стопке со свежими документами.

Там, разумеется, разрешения тоже не нашлось. Наконец я вытащил требуемую бумагу из ящика письменного стола.

– Вот. Проверьте тщательно. Это именно тот фильм и то решение, что вам нужны?

Потом я внимательно и вдумчиво прочитал бумагу об отзыве разрешения и вздохнул:

– Ну что ж, пойдёмте в зал.

Мы прошли в кинозал. Публика расходилась после сеанса...

Вообще цензура доставляла нам много хлопот. Фильм могли запретить по настоянию как англичан, так и евреев. Один из нелепых предлогов – «пропаганда христианства». Как и всякое проявление нетерпимости, это стремление запрещать принимало иногда гротескные формы. (В некоторых старых поселениях улицы на перекрёстках немного смещены одна относительно другой, чтобы они не образовывали крест.)

Кинокомпания «Колумбия» получила в прокат фильм «Саломея». В нём было много сцен, относящихся ко временам раннего христианства. Показ киноленты решительно запретили. Г-н Метлон, представитель «Колумбии», подумал было, что цензурный комитет просто не понял сути фильма. Он попросил меня сделать перевод и поехать в Иерусалим на расширенное заседание комитета для повторной демонстрации. Но и это не помогло: фильм был окончательно запрещён к показу. Что было делать?

– Знаете что, господин Метлон? А что если я эту ленту немного обработаю? И снова пропустим через цензуру. Получится – заплатите мне за труды, нет – значит, не судьба.

Метлону терять было нечего. Я же решил подрезать фильм так, чтобы замаскировать «христианство» и не обнаруживать сам факт подрезки. Во всей Стране было только два хороших мастера подобных операций. Один – мой друг Яков Двидон, тоже кинопродюсер. Второго, думаю, нет нужды называть: я ведь с самого начала предупреждал, что излишне скромничать не буду.

Вместе с моим подростком сыном мы принялись за работу. Посмотрели фильм пару раз в офисе и приступили к операции. Протягиваем плёнку. Ага! Вот здесь Христос спускается по каменной лестнице, ведущей к Храму. Дальше следует сцена, которую и посчитали пропагандой христианства, а немного погодя, в следующей части, Иисус вновь на той же лестнице. Мы отсчитываем в первой части семь ступенек и следующий кусок начинаем с восьмой. Фильм продолжается, и кто теперь заметит, что минут пятнадцать сюжета ушли в никуда? В них-то и сконцентрированы

«неподходящие» сцены. Так мы сделали в нескольких местах.

По окончании «ремонта» я пригласил г-на Метлона к себе в офис на демонстрацию. Он позвал нескольких кинокритиков, осведомлённых об инциденте и желавших посмотреть, что же я сделал.

– Поступим так, – обратился я к собравшимся. – Как только кто-нибудь заподозрит, что вырезан кусок, просигнальте – и мы останавливаем показ. Потом все желающие идут к аппарату: смотрим плёнку и проверяем, есть ли в этом месте склейка.

Из всех гостей только сам господин Метлон видел фильм раньше. Он первым и закричал «Стоп!». Пошли, посмотрели – склейки нет. Обыкновенная смена кадра. Минут через десять кому-то из журналистов показалось, что опять чего-то не хватает между кадрами. Результат тот же. Честно говоря, я чуточку беспокоился, ведь иногда недоставало больших кусков. Так ни одной купюры и не обнаружили.

Новое письмо в цензурный комитет. В нём господин Метлон сообщал, что получил новую копию фильма, в которой отсутствуют сцены, послужившие причиной запрещения. Разрешение на демонстрацию было получено, и фильм с обаятельнейшей Ритой Хейворт в главной роли прошёл с большим успехом.

Эта история стала известной в кинематографических кругах, и на меня посыпались заказы. Перед подачей киноленты в цензурный комитет присылают её мне и просят вырезать сцены, которые могут отрицательно повлиять на решение цензуры. Разумеется, я никогда ничего не вырезал без согласия владельца. Иногда удалял отрезок продолжительностью в минуту, но, изредка, и на все двадцать. Обычно это были сцены чрезмерной жестокости, слишком откровенного секса или нападений на полицейских.

Скоро стали поступать жалобы: цензура вырезает слишком много. Тогдашнему председателю цензурного комитета пришла в голову замечательная идея. Он приказал склеить вместе множество вырезанных из фильмов кусков, оставшихся в комитете. Пригласил деятелей кинобизнеса и журналистов, дабы показать им, почему эти сцены были запрещены. В течение часа просмотра мы увидели десятки потрясающих сцен, убеждающих в справедливости их изъятия. Председатель был счастлив. Но тут раздался голос из публики (это, конечно, был я): «Господин председатель, а теперь я приглашаю вас посмотреть сцены, которые я вырезал до того, как они попали к вам». Присутствующие разразились бурными аплодисментами.

СНИМАЕМ ХРОНИКУ

Нетания. Теперь это большой и красивый город на живописном морском берегу в тридцати километрах к северу от Тель-Авива. А в конце двадцатых годов то были практически необжитые места: глубокие пески да редкие арабские деревушки. Город основали члены кооператива «Бней-Биньямин» из Зихрон-Яакова, что под Хайфой. Они купили эту землю у арабов. Местный шейх сказал им:

– За саму землю не возьму с вас ни гроша, но заплатите нам за хранение, за то, что мы берегли её для вас почти две тысячи лет.

Город был заложен после тяжёлых еврейско-арабских столкновений 1929 года¹⁸³ и должен был стать символом примирения двух народов. Первый взнос на его строительство сделал бизнесмен из Нью-Йорка Натан Штраус. Он пожертвовал две трети своего состояния на помощь жителям подмандатной Палестины, как евреям, так и арабам. В надежде на новые жертвования будущий город назвали Нетания (или Нетания в современном произношении), но таковых не последовало.

Мы добирались на праздник закладки первого камня на такси без малого два часа по совершенно невозможной дороге. На празднество прибыл шейх в белоснежном бурнусе и розовой куфие и все почтенные арабы из близлежащей деревни. Мы засняли и палаточный лагерь строителей, и фундаменты первых домов, и вспашку земли под пардес. Я бережно храню эту плёнку.

Популярность студии «Моледет» росла. Позвонили из хайфского отделения нефтяной компании Shell и попросили приехать на встречу с управляющим: хотят заказать ролик о новом трубопроводе, ведущем от порта к нефтеперегонным заводом. Через этот нефтепровод сырая нефть пойдёт с прибывающих из Ирана танкеров.

Знаете, я страшно не люблю, когда люди, особенно какие-нибудь начальники, опаздывают на встречу, которую сами назначили. Мне видится в этом подчёркивание собственной значимости, желание унижить, демонстративное пренебрежение к делам и времени приглашённых рангом пониже¹⁸⁴.

¹⁸³ См. Часть 5.

¹⁸⁴ Как известно, подобным обращением с нижестоящими отличается российский диктатор В. В. Путин.

Контора компании далеко за чертой города. Приезжаю в назначенный час и обнаруживаю только очень красивую черноглазую девушку, секретаршу управляющего. Сидит, печатает что-то. Сообщаю о цели приезда.

– Управляющий ещё не пришёл. Надо подождать.

Минут через сорок он появляется, бросает секретарше «Доброе утро» и проходит к себе в кабинет. Жду ещё минут пять – тишина.

– Он что, не заметил меня? Передайте, что я жду.

– Он знает. Надо подождать, пока вызовет.

Подхожу к двери босса. Секретарша, сверкая глазами, кидается мне наперерез. Поздно! Стучу, распахиваю дверь и захожу в кабинет. Представляюсь и добавляю:

– Вам известно, что вы опоздали больше, чем на полчаса?

Такие начальники при столкновении с вызовом их «достоинству» обычно тушуются. Этот не был исключением. Заморгал, предложил мне сесть. Поговорили. Обсудили, что будем снимать, где, когда и как. Не забыли и финансовую сторону, после чего я поднялся и спросил:

– Кто-нибудь сможет отвезти меня в город?

Он опять удивлённо заморгал, вздохнул и нажал кнопку звонка. Появился худой темнолицый служащий.

– Позаботьтесь о возвращении этого господина в Хайфу, – распорядился управляющий.

Мы вышли. Мой тщедушный спутник подвёл меня к окну и сказал по-арабски:

– Вот она, дорога на Хайфу.

– Я знаю, где дорога. Вы просто вызовите такси – оно и отвезёт.

Похоже, все в этом заведении какие-то удивлённые и напуганные. Служащий отпрянул.

– Не-нет, это невозможно... Я не имею права.

Возвращаюсь в кабинет. Служащий плетётся за мной. Выслушав моё требование вызвать такси, управляющий не выказал особого энтузиазма, задумался на минутку, потом вздохнул и кивнул своему подчинённому:

– Закажите такси... За счёт фирмы.

Через несколько дней мы с Натаном приехали осмотреть место съёмки. Длиннющая труба лежит на каталках. Вдоль неё десятки полуобнажённых рабочих: оборачивают железного змея слоем толстой просмолённой бумаги, укрепляют защитное покрытие

дранкой и прикручивают проволокой. Уже навешаны поплавки, которые должны удерживать трубу на водной поверхности. Её жерло будут соединять со сливным отверстием подходящих кораблей.

Раздаётся крик с дальней стороны трубы. Он усиливается, несётся на нас вместе с бегущими оттуда людьми. Бегут и рабочие, и наблюдавшие за процессом англичане. За россыпью улепётывающих мы видим длинную огненную струю, вырвавшуюся из баллона с ацетиленом для сварки. Рядом – ещё несколько баллонов. То-то сейчас грохнет!

И тут в поле зрения возникает стремительная фигурка паренька, рванувшего в другую сторону, к баллону. Видим, как он чуть ли не вскакивает верхом на объёмистый светлый цилиндр. Струя огня укорачивается, падает, исчезает совсем. Парень поднимается. Торопимся к нему. Стоит себе, улыбается.

– Как вас зовут?

– Хаим... Хаим Ройтман.

– Вы настоящий герой. Мы хотим вас снять. Вы будете на укладке?

– Наверно. Если не уволят до того, – смеётся он.

Подошёл день укладки трубы. Мы пришли пораньше, чтобы получить последние указания от начальства и успеть приготовить. Куда там! В конторе суматоха, а начальства и близко нет. Встречают некоего мистера Сворца, руководителя всех ближневосточных отделений фирмы. Большая шишка. Сидим во дворе офиса.

И вот появляется вереница автомобилей. Первые четыре заезжают во двор, пятая останавливается перед воротами. Народ повыскакивал, и мы подбегаем со своей камерой. Открывают дверцу с одной стороны автомобиля – из неё выходит здешний управляющий, открывают с другой – появляется сам господин Сворц. Я ожидал увидеть пожилого важного джентльмена с брюшком, но из машины ловко выскочил спортивного вида молодой человек. Встал, улыбнулся, раскланялся под бурные аплодисменты собравшихся. Хотел начать речь, но вдруг встретился со мною взглядом и закричал по-английски:

– Сигалов! Ты! Откуда? Как сюда попал?

– Шварц!

Сержант Шварц... Имя начальника во всех бумагах было записано в английской транслитерации: “Swartz”, вот его и произносили «Сворц».

Мы обнимались посреди толпы обалдевших от изумления людей.

– А помнишь, как ты нагнал тогда шороху на этих антисемитов, которые ко мне приставали?

– А помнишь, как я влепил тебе прямым на тренировке? Не обиделся?

Идём к месту главного сегодняшнего события. Указания от местного начальства я таки получил:

– Снимайте всё, что сочтёте нужным.

В нескольких сотнях метров от берега стоит на якоре танкер, готовый к выгрузке нефти. Сигнальщик с танкера подаёт команду семафорными флажками, и мы видим, как тележки, на которых лежала труба, покатались к воде по узким рельсам. Сотни рабочих с обеих сторон трубы спускают в воду многочисленные поплавки. Вот наша железная анаконда упёрлась в торчащий из воды знак “STOP”. Прекращаем съёмку, быстро садимся в лодку и плывём к танкеру. Теперь будем снимать уже оттуда. Прыгаем на палубу, проталкиваемся ближе к борту, мешая матросам, но на нас не обижаются. Успеваем заснять, как подсоединяют рукав нефтепровода. Нефть пошла!

Даже в наши дни люди любят сниматься, а уж тогда и подавно. Члены экипажа изо всех сил старались попасть в кадр исторического фильма о первом танкере, сгрузившем нефть на перегонные заводы Хайфы.

Через некоторое время, неожиданно для самого себя, я стал представителем американской газеты «Чикаго Дейли Ньюз». Дело в том, что её редакция, кроме газеты, (кстати, очень популярной) выпускала ещё и киножурнал. Прислали мне письмо с предложением снимать для них хронику, запросили фотографию, и вскоре я получил красиво оформленное удостоверение. Сделали мне открытый счёт в почтовых отделениях для отправки писем, телеграмм и посылок – и стали присылать запросы на киноматериалы.

Как-то утром получаю телеграмму с извещением о том, что некая царствующая особа посетит Палестину. Как вскоре выяснилось, особенно понравилась телеграфистам последняя фраза: «PLEASE SHOOT», которую они перевели как «Пожалуйста, застрелите!». (Как известно, “shoot” означает и стрелять, и снимать фильм, и фотографировать.) Короче говоря, вслед за телеграммой явился полицейский. И не просто полицейский, а сам начальник

тель-авивской полиции, британец. Конечно, он сразу всё понял. Поговорили, посмеялись, шеф полиции обещал всяческое содействие и удалился.

Навёл я справки. Выяснилось, что приезжает принцесса Мэри, дочь нашего короля Георга V. Прибудет в Лод специальным поездом вместе со своим мужем, графом Генри Ласеллсом. В следующую ночь я не успел толком поспать: надо было приготовить оборудование, плёнку, заказать такси и в шесть тридцать утра быть на станции.

И вот прибывает поезд из Египта. Мы с Аксельродом готовы снимать, уж и треногу поставили. Но занавески на всех окнах опущены. Тишина. Быстро нахожу кого-то из поездного начальства. Так и есть: станут вам царственные особы вставать в шесть утра! Выйдут в восемь в Иерусалиме. Сворачиваем оборудование, хватаем такси – и вперёд.

– Давай скорее! – кричим водителю.

Тот гонит – и на полном ходу врезается в корову. Хорошо ещё, что не в середину туши, так что никто из нас не пострадал. Но несчастная бурёнка, неосторожно вышедшая на шоссе, умерла мгновенно, получив удар в голову. Выскочили мы из такси, грустно её оглядели – и помчались дальше.

Приезжаем на вокзал. Кругом охрана, платформы оцеплены, офицеры британской полиции в невероятных количествах. Просим пустить нас на перрон заснять прибытие поезда. Естественно, нас не пропускают. Что делать? Тут я обращаю внимание на представительного господина, окружённого свитой чиновников и охраны. Ба, это же «мой покорный слуга», губернатор Сторс. Проталкиваюсь поближе, кричу: «Господин губернатор!» – и машу своим удостоверением. Тот поднял на меня глаза. Узнал. Махнул рукой начальнику охраны и крикнул: «Пропустите кинохронику!»

Снимаем, как подходит поезд, как губернатор приветствует гостей. Потом – общий план, но снять принцессу и графа не удаётся. Они всё время в окружении сопровождающих. Рассаживаются по машинам и отправляются в гостиницу «Царь Давид». Обращаюсь к кому-то из свиты:

– Как бы нам снять эту пару?

– Видите ли, граф избегает киносъёмки.

– Но почему?

– А вы не догадываетесь?

Всё понятно. Принцесса Мэри – красивая цветущая женщина

лет тридцати. Её муж – некрасивый худой мужчина с яйцевидным черепом и вытянутым лицом, к которому неаккуратно приклеены острые усики. Сходство с яйцом придают голове и прилизанные волосы с пробором, плотно прижатые к черепу. На вид ему лет под пятьдесят.

Снова берём такси и катим в гостиницу. Я стою на подножке и снимаю процессию. Высокие гости поднимаются в свои апартаменты. Мы ждём внизу, в вестибюле. Проходит час-полтора – и я вижу, как по ступенькам действительно царственной походкой спускается красавица-принцесса. (Кстати, неплохим она была человеком. Во время войны работала медсестрой, потом настойчиво и успешно занималась благотворительностью.) Подбираюсь к ней ближе.

– Ваше высочество! Мы хотели бы вас заснять...

– Мы скоро выйдем на балкон, он смотрит в сторону Старого города.

– Но ваш муж...

Она улыбнулась:

– Ничего. Он не заметит.

Действительно, не заметил. Сняли мы эту высокопоставленную чету на балконе. Но хотелось бы поснимать их и дальше. Чёрт его знает, куда они теперь направятся. Опять подхожу к свите губернатора и обращаюсь к его адъютанту.

– Куда это годится? Мы даже не знаем, куда они поедут дальше. Сколько работаю – никогда ещё не сталкивался с такими проблемами при съёмках.

– Держу пари, что тебе ещё никогда не приходилось бегать за королевской дочкой.

И протянул мне листок с программой встреч на ближайшие два часа.

В тот же день я отослал негативы в «Чикаго Дейли Ньюз».

Про сбитую корову мы в этой суматохе позабыли. А на следующее утро – звонок. К нашему таксисту явилась полиция. Оказалось, что его водительские права (в то время их подвешивали в рамке над капотом) от столкновения упали на дорогу, и полиция их обнаружила. Отмазали его, конечно, но пришлось заплатить часть стоимости коровы.

ЗВУКОВОЕ КИНО

Почти до самого конца двадцатых кинематограф называли Великим немой. Звуковые фильмы в том виде, в каком они делаются сейчас (со звуковой дорожкой)¹⁸⁵, появились не в одночасье. Идея записывать звук на граммофонные пластинки и прилагать их к фильму носилась в воздухе: это ведь самое простое, что можно было придумать. И вот появились первые фильмы со звуковыми приложениями. Раньше значительной фигурой в кинотеатре был тапёр, бренчавший во время сеанса на клавишах старенького пианино. В салуне на Диком Западе якобы висел плакат: «Не стреляйте в тапёра, он играет как умеет!». (Кстати, не всегда тапёр играл плохо. Известно, что сам Шостакович в юности подрабатывал игрой в кинотеатре.)

И вот из США стали приходиться пластинки. Ничего революционного в том не было. Фильмы сопровождались музыкой и песнями, но люди на ленте ещё молчали. Лишь некоторое время спустя Великий немой заговорил. Первым «частично говорящим» был фильм «Певец джаза». Главного героя, Джейки Рабиновича, сына кантора из синагоги, играл Эл Джолсон, звезда нью-йоркского джаза. (Ему приходилось работать с самим Джорджем Гершвином.) Герой фильма жаждет стать джазовым музыкантом, но не может преодолеть деспотизма своего религиозно ортодоксального отца, убегает из дома, скитается, наконец добивается исполнения своей мечты, однако главная коллизия (столкновение ветхих традиций и быстро меняющейся жизни) на этом не заканчивается.

Крутится диск патефона, звучит музыка. Длинная увертюра во время показа титров нас не сильно впечатляет. Ну патефон вместо тапёра – только и всего. Зато когда вдруг раздалось «You ain't heard nothin' yet!¹⁸⁶», мы вздрогнули. Не сразу поняли, что это голос героя с экрана. Продолжали слегка вздрагивать каждый раз, когда Эл Джолсон выкрикивал «Сони-Бой!» или «Мамми!».

Техника развивалась, и кинотеатрам пришлось менять оборудование. В каждом проекторе теперь было по два одинаковых мотора. Раньше все киноленты поставляли частями по 300 метров, теперь одна коробка вмещала уже 600 метров. Не стало перерывов

¹⁸⁵ Хочу напомнить, что мой герой не застал эпоху цифровых (дигитальных) фильмов.

¹⁸⁶ Вы ещё даже не слышали! (Англ.)

для смены плёнки: каждую следующую часть заранее загружали на освободившуюся лентопротяжку. Когда киномеханик видел на экране особый знак, отмечавший конец бобины, он тут же запустил второй мотор. А первый, докрутив плёнку до конца, отключался автоматически. Музыка и звуковые эффекты мы получали на гигантских пластинках пятидесяти сантиметров в диаметре. Их крутили на специальных патефонах: к каждому проектору – свой патефон, запускавшийся синхронно с фильмом.

Картинки на экране были в удивительной гармонии со звуком патефонов. Движение губ актёров соответствовало тому, что мы слышали. И всё шло прекрасно, пока фильм был новым. Но как только изнашивался кусок плёнки, его приходилось вырезать, и синхронизация с пластинкой пропадала. Бывало так, что на экране разыгрывается сцена страстной любви, а слышна бурная ссора между героем и героиней. Или вдруг ни к селу ни к городу раздаются выстрелы. Однако киномеханики быстро нашли средство от этой напасти: стали клеивать кусок тёмной плёнки, совпадающий по длине с вырезанным. И бывало, что посреди действия вся сцена, к изумлению зрителей, погружалась во тьму. Но не успевали они рассердиться, как на экране вновь появлялось изображение, и сюжет катился дальше.

Не все кинотеатры могли себе позволить роскошь перехода на новое оборудование. Поступали проще: создавали звуковые эффекты сами. Если, к примеру, в фильме поёт хор, то расставляют настоящий небольшой хор за занавесом. Если по ходу действия гремит гром, ударяют в металлический таз. Много чего можно изобразить: и хлопанье ставен, и вой ветра, и выстрелы.

Но уж если фильм был со звуком, то в рекламе писали крупными буквами: «Демонстрируется звуковое кино». И это решало дело. Народ валом валил посмотреть и послушать. Когда же фильмы заговорили по-настоящему, у нас объявили конкурс на лучшее название для нового изобретения. Много было вариантов. Вот «шманòа» («звукоподвижный») ¹⁸⁷. Я, по своей любви к древнееврейскому, предложил слово «нивнòа». Ведь в классическом иврите «нивà» означает «речь». Самый простой и самый звучный вариант предложил наш великий поэт Хаим Нахман Бялик: «кольнòа» ¹⁸⁸. Это название и приняла комиссия. Скоро нужда в подчёркивании

¹⁸⁷ От «шма» – слушать и «ноа» – движение.

¹⁸⁸ От «коль» – звук, голос и «ноа» – движение.

звукового характера фильмов отпала, ведь других практически и нет. Восторжествовало «сэрэт» – калька с английского «film». Но предложенное Бяликом слово тоже вошло в речь и стало обозначать кинотеатр.

Мне сильно прибавилось работы. Раньше я просто читал реплики на плёнке и переводил их на иврит. Теперь к каждому фильму присылали книжечку с диалогами актёров. Это даже удобнее, чем читать с ленты, хотя реплик стало больше. Но вот незадача: эта самая книжечка приходила не всегда, и тогда надо было внимательно прослушивать всю плёнку, записывать и переводить всё, что говорят актёры. А качество записи часто оставляло желать лучшего. Иногда было трудно расшифровать произносимое. Может, дело в аппаратуре, в этих чёртовых патефонах? Вот пришёл новый фильм, а что там говорят – поди разбери. Самим лезть и чинить технику категорически запрещалось поставщиками аппаратов. Вызвали мы с директором кинотеатра специалиста из Каира. Приехал молодой и очень самоуверенный инженер. С порога заявил:

– Наши аппараты всегда в порядке.

– Но у нас трудности с переводом реплик, диалоги очень неразборчивы, – говорит директор.

– Значит, господин Сигалов недостаточно знает английский.

Я не обиделся и предложил:

– Давайте сядем вместе перед экраном. Там, где я не пойму, вы мне подскажете.

Он согласился. Запустили фильм. А вот и первая реплика, которую не могу понять.

– Что он сказал?

– Извините, я не слышал, – отвечает инженер.

Вот ещё одна непонятная фраза. Повторяю вопрос. Инженер отвечает:

– Я не обратил внимания.

Словом, чего не понимал я, того не понимал и он. Поплёлся проверять аппаратуру, скрипя зубами от возмущения. (И чем было возмущаться?) Наконец изрёк приговор:

– Аппаратура в порядке, проблема в звукозаписи.

Пришлось нам прогнать фильм восемнадцать раз, пока удалось сделать полный перевод.

Ещё одна проблема – лентопротяжка для перевода. В немом кино реплик сравнительно немного, лента с переводом короткая, можно прокручивать её вручную. Теперь следовало подумать о синхронизации перевода с диалогами на экране. Я начал работать над устройством для демонстрации синхронного перевода на основе обычного кинопроектора, а пока что продолжал крутить переводы с помощью моей старой привычной техники.

НОВЫЕ КИНОТЕАТРЫ

В тридцатые годы новые кинотеатры в моём городе стали появляться как одуванчики по весне. Росло и число киноторговцев. Конкуренция меня не пугала: я теперь зарабатывал и хроникой, и переводами фильмов, на хлеб с маслом вполне хватало. Впрочем, конкурент появился. И не в киноторговле, а как раз в переводах.

Кинотеатр «Эден» неожиданно перестал заказывать мне переводы фильмов. Работу передали какому-то господину Адмони. Был он, насколько мне известно, родственником кого-то из городской администрации. Самого Адмони я никогда не видел, зато посмотрел несколько переведённых им фильмов. Они производили странное впечатление. Вероятно, переводить диалоги господину Адмони было сложновато, поэтому он пошёл по другому пути. Просматривал фильмы, делая заметки о том, что происходит на экране, а затем оформлял их в виде титров на иврите. Вот, например, зритель видит, как человек распахивает окно и перемахивает через подоконник наружу. Тут же появляется надпись: «Он открыл окно и выпрыгнул на улицу». Или героиня входит в комнату и подходит к вазе с цветами. Опять пояснение: «Она вошла в комнату и понюхала цветы». При этом остаётся непонятным, о чём же говорят герои, но это ведь детали, правда? Словом, через несколько недель под давлением зрителей дирекция кинотеатра вновь обратилась к моим услугам.

Многие предприимчивые ребята, почувствовав, что на показе фильмов можно сделать хорошие деньги, бросились открывать собственные кинотеатры. Были среди новых владельцев порядочные люди, а были и... разные. «Битан», первый летний кинотеатр в нашем городе, собирал много публики. В начале тридцатых неподалёку от него открылись два новых летних кинозала: «Эден-акаиц» («Летний рай») и «Кэсэм» («Очарование»). «Эден-акаиц» открыли мои давние работодатели, владельцы «Эдена» (добавили к своему внесезонному «раю» ещё и летний). А «Кэсэм» был детищем владельцев одного большого кафе, в которое любили заходить британские солдаты.

Владельцев-партнёров в «Кэсэм» было двое. Я не видел тех рисунков Гартмана, которые вдохновили Мусоргского на «Картинки с выставки», но, судя по музыке, владельцы кафе сошли с одной из них: «Самуэль Голдберг и Шмуyle». Первый, и главный, вла-

делец – дородный польский еврей. «Прожжённый», – говорят про таких. Степенная походка, припухшие веки, из-под которых стреляют постоянно бегающие глазки. Всё хозяйство, похоже, тянул второй – демобилизованный солдат, отравленный газами в битве на Ипре. Маленький, тщедушный, с дрожью в руках и тонким голосом. Не то чтоб он боялся своего партнёра или заискивал перед ним, но как-то тушевался на фоне «Голдберга». Однажды они оба появились у меня в офисе, чтобы поговорить об организации нового кинозала вообще и о поставках моих фильмов в частности. Беседой руководил солидный «Голдберг», но, когда надо было поговорить о деталях, он обращал свой взор на «Шмуyle». Я, ни на что пока не соглашаясь, съездил с ними поглядеть открытое помещение прямо над кафе, которое они уже сняли для будущего кинозала. Даже проектор в нём уже стоял. Я дал им несколько советов, и мы расстались.

Для меня главное было не в их финансовой состоятельности, а в том, что они за люди. Поэтому вечером я заглянул в их кафе. Хозяев не было, так что я, притворившись обычным посетителем, мог и с официантами поговорить, и на обслуживание поглядеть. Насмотрелся достаточно и вспомнил такую байку.

Встречаются два кабатчика: один гой, второй еврей. Гой и жалуетса еврею:

– Вот мы с тобой оба водку разбавляем одинаково. Почему же у тебя всегда полон кабак народу, а у меня – никого?

– Эх, голова твоя гойская! Я-то начинаю разбавлять после третьей рюмки, а ты – с первой. Клиенты чувствуют, что вкус не тот, – и уходят ко мне!

Одним словом, посмотрев, как обстоят дела в их заведении, я нашёл какой-то повод отказатьса от сотрудничества.

Вообще в нашем деле приходилось ухо остро держать. Моя работа в кинобизнесе позволяла лучше узнать людей. Вот хоть тот инцидент с Карчевским, о котором я рассказывал. Думаю, уже ясно, что я тут же прекратил с ним все дела. Карчевский теперь охотился на новых кинопрокатчиков. Приехал некто Вейсман из Галиции и занялся показом фильмов. Карчевский ловко составил с ним договор и полагал, что репатриант уже у него в кармане. Потирал руки в предвкушении суда, уже подсчитывая, сколько на этом заработает. Обломилось. Адвокат внимательно посмотрел договор и удивлённо спросил:

- А где же его подпись?
 - А это разве не подпись?
 - Здесь написано «Не согласен». И всё.
- И поделом Карчевскому: приехал в Страну – учи иврит.

Вейсман вообще был человеком с большим чувством юмора. (Может быть потому, что следовал девизу любого по-настоящему остроумного человека: не бойся быть смешным.) Привёз он однажды фильм «Эпизод». Не бог весть какое привлекательное название – пойдут ли зрители? Придумал рекламный трюк. Гулял по улицам, подходил к людям и вместо «шалом» говорил «эпизод». Люди, конечно, удивлялись: чужак какой-то или просто помешанный? Так он много дней ходил по улицам и приветствовал прохожих своим «эпизодом». Когда фильм появился на экране, в городе не было человека, который не слышал бы об «Эпизоде», и успех был потрясающим.

Мы тоже были не лыком шиты по части рекламы. Вот пришла аннотация к фильму «Доктор Мавоз»: «Фильм выпущен в Германии и рассказывает об известном враче, специалисте по многим заболеваниям». Мы выпускаем анонс: «Готовьтесь к визиту доктора Мавоза!» И дальше – несколько слов о том, что он большой специалист, и названия нескольких заболеваний, по которым доктор специализируется. Вообще-то какая разница, от чего этот доктор лечит? Через некоторое время выпускаем новое объявление, перечисляя уже другие болезни. В конце концов весь город начинает говорить о докторе Мавозе.

И вот сидим мы как-то на скамейке у входа в кинотеатр с его владельцем и видим дряхлого старичка, что направляется прямо к нам. Двигается медленно, с трудом. Подходит и хрипло спрашивает:

– У вас тут было объявление насчёт доктора Мавоза. Когда можно прийти к нему на приём?

Усадили мы старика, дали ему водички, объяснили, в чём дело. Было нам совсем не смешно. Наверно, мы всё-таки переборщили с этой рекламой.

Ещё один летний кинотеатр, «Бейт-хаам» («Народный дом»). Вначале это был просто песчаный участок, обнесённый дощатым забором. Между планками забора зияли щели, а в самих досках – дырки от выпавших сучков. Это очень нравилось ребятишкам.

Прильнув глазом к дырочке, можно было посмотреть весь фильм, не платя за билет. И, уж конечно, плевать на возрастные ограничения. Вероятно, такое распространение летних кинотеатров объяснялось не только здешним климатом, но и тем, что капиталовложения в кинозал были куда меньше. В том же «Народном доме» зрители сидели на обычных скамейках, а доходы у заведения всё равно были.

Полной противоположностью этой летней площадке был кинотеатр «Муграби». Название происходило от фамилии владельца помещения, что приехал из Дамаска, а самим кинотеатром владел господин Вардемон, пренеприятная личность, как позднее выяснилось. Впрочем, при первой встрече в кафе я этого не заметил. Владелец нового кинотеатра вежливо спросил, не могу ли я делать переводы для фильмов, которые у него пойдут. Я с апломбом ответил, что занимаюсь переводами восемь лет и мне уже совершенно не важно, в каком кинотеатре их крутят. Так у меня появился ещё один клиент.

Вардемон был «человеком настроения»: хамил подчинённым, принимал как должное лесть, любил показать власть. Со мной он не мог позволить себе ничего подобного, поэтому наши отношения были корректными, но холодными. Как-то, вернувшись из заграничной деловой поездки, позвонил мне и попросил посмотреть новый фильм, нуждавшийся в переводе. Я приехал и сразу же прошёл в кинозал. Смотрю фильм, делаю пометки. Вдруг является посыльный от босса и передаёт, что господин Вардемон просит сразу же после сеанса зайти к нему в кабинет. Прихожу. Он поднимает на меня хмурый взгляд из-под очков в коричневой толстой оправе.

– Вы даже не зашли поздороваться со мной!

– Поговорка гласит: «Вначале дело, разговоры потом».

Вардемон откинулся в кресле и разразился своим коротким каркающим смехом. Такое между нами случалось редко...

В те годы в кинотеатрах бытовала традиция раздачи контрамарок. Их обычно давали «полезным людям»: тем, кто оказывал или мог оказать кинотеатру какие-нибудь услуги. В «Муграби» контрамарками занимался исключительно сам Вардемон. Но и здесь не обходилось без странностей. В нём ни с того ни с сего разыграли патриотические чувства.

– Ладно, я готов давать билеты бесплатно. Но это что же выходит? Билеты они получают, а налога правительству с них не платят!

Самое удивительное, что контрамарочники, хоть и сердились, пожимали плечами, недовольно хмыкали, но платили-таки Вардемону небольшие суммы в виде налога. Просить у него контрамарки мне и в голову не приходило. Конечно, если мы приходили на сеанс вдвоём с Эстер, контролёры и не думали требовать с нас билеты. Но если я хотел «угостить» кого-нибудь из друзей или родственников, покупал билеты за полную цену. Мои приглашённые пребывали в уверенности, что я беру контрамарки.

Одна выходка Вардемона меня особенно разозлила. Был у нас молодой парнишка, ученик киномеханика. Мать – вдова, и он её единственная опора. Прилежно осваивал профессию, сдружился с нашими киномеханиками. Когда один из них заболел, подменял его на всех сеансах. Наступил день получки, и господин Вардемон решил заплатить пареньку половину обычной платы. Молод, мол, ещё. Все работники кинотеатра страшно возмутились. Быстро образовался комитет активистов и начал борьбу за справедливость. Дело шло к забастовке. Меж тем парень, которому позарез нужны были деньги, согласился взять сколько дадут. Пришёл за платой – и Вардемон вручил ему сумму немного больше той, что требовал заплатить комитет. Зачем надо было упрямыться и доводить людей до забастовки? Именно об этом я и спросил Вардемона, когда вскоре после инцидента оказался в его кабинете. Он начал философствовать:

– Я должен оправдывать то, что обо мне говорят. Они считают, что я злой. А может, мне приятно быть злым?

– По-моему, вы не злой, а просто ненормальный.

Он переменялся в лице и замолчал.

Надо сказать, что, при всей несносности его характера, Вардемон неплохо разбирался в фильмах. Не боялся экспериментировать. Вот, например, музыкальная мелодрама «Белая роза». Кинокартина сделана в Египте, говорят в ней по-арабски. Кто поедет из Яффо в Тель-Авив, чтобы посмотреть арабский фильм, если в самом Яффо есть свой арабский кинотеатр? Терзаемый сомнениями, Вардемон решил рискнуть, но при этом принял некоторые меры предосторожности. Обычно хозяин кинотеатра и владелец фильма делили выручку в заранее оговорённой пропорции. На этот раз, чтобы не обременять себя заботами о продаже билетов, Вардемон просто договорился о цене, которую он возьмёт за прокат. И пролетел-таки! К его изумлению, на всех сеансах, дневных и вечерних,

зал был переполнен. Почти всё арабское население города Яффо и окрестностей пришло посмотреть хороший фильм на арабском. Приходили семьями и кланами, как на пикник. Несли в корзинках фрукты, овощи и прочую еду. Многие из пришедших на дневной сеанс оставались до вечера, чтобы посмотреть фильм ещё раз. К ночи являлись уборщицы и выгребали мусор: дело было летом, арбузных корок в зале – навалом. Через три недели показ закончился. В зале (даром что был он летним, без крыши) стоял густой запах гнили. Владелец даже опасался, что уже не сможет привлечь зрителей европейского происхождения. Много денег ушло у него на моющие средства и чистку по пятницам и субботам.

Я работал теперь на несколько кинотеатров сразу и потому всегда пребывал в цейтноте. Приходилось самому и переводить, и записывать перевод на плёнку. Выручила Циля, молодая красивая девушка с кондитерской фабрики «Либер», откуда я её попросту переманил к себе в помощницы. Дал зарплату повыше, чем она получала, делая конфеты. Циля и стала моим первым секретарём. У неё был хороший почерк, и она прекрасно выписывала тексты.

РАЗВЛЕКАЕМСЯ

Израильская опера родилась 28 июля 1923 года в нашем театре «Эден». Её основатель, дирижёр Мордехай Голинкин, приехал в Страну незадолго до этого. Уроженец Херсонщины, выпускник Варшавской консерватории, он был хорошим другом Фёдора Шаляпина. Тот, как известно, всегда скандалил с дирижёрами, а вот работу Голинкина принимал безоговорочно. Начал хлопотать о том, чтобы молодого дирижёра зачислили в штат Мариинского театра. Ответ дирекции был откровенным и категоричным: «Никакие рекомендации помочь не могут, евреи в императорских театрах работать не могут по закону». (Голинкин был, кстати, в неплохой компании. Сам Густав Малер вынужден был перейти в католицизм, чтобы стать дирижёром Венской оперы). Шаляпин был взбешён.

– Тебе здесь нечего делать. Уезжай за границу! – сказал он дирижёру.

Голинкин не уехал. Через некоторое время произошла революция, и он получил-таки предложение стать главным дирижёром Мариинки, но у него уже были другие планы. Вскоре начал собирать деньги на открытие оперы в Палестине. В апреле 1918 года в Петрограде состоялся благотворительный концерт, на котором сам Шаляпин пел «Ха-Тикву» на иврите и песни на идише. Через несколько лет, так и не собрав нужную сумму, Голинкин всё-таки приехал в Страну, сколотил труппу и начал концерты. Ставили оперы, выступали в кинотеатрах, давали представления в Хайфе и Иерусалиме. Оперное общество поддерживал Бялик, с которым Голинкин был знаком ещё по работе в Одессе. Замечательный поэт Шауль Черниховский переводил оперные либретто на иврит.

Первый спектакль в 1923 году (они ставили «Травиату») я не видел. Зато потом мы посмотрели у нас в «Эдене» и «Риголетто», и «Аиду», и «Кармен». Голинкин ввёл в свои спектакли потрясающее новшество (до него то же сделал в Вене Малер): спектакли начинались ровно в то время, которое было объявлено в афишах. Опоздавшие не допускались в зал до конца первого акта, им приходилось слушать оперу, стоя в коридоре. И знаете? – Приучились, так же, как до этого вёнцеы: стали приходиться вовремя.

Примерно в то же время Голинкин выпустил книгу «Храм искусств». Каккогда-то Герцль изобразил будущее еврейского государства, так он попробовал представить будущее искусства в Стране:

драматический театр, опера, балет, симфоническая музыка. И не только изобразил это будущее в своей книге, но поехал в США собирать деньги на театральное строительство. Кстати, и с другом Шаляпиным там встретился. На собранные деньги создал у нас Институт музыкальных наук, даже с симфоническим оркестром.

Многочисленные начинания Голинкина зачастую не имели продолжения. Дело здесь не в его профессиональных или деловых качествах – он был и виртуозным дирижёром, и хорошим организатором. Дело в том, что он всегда оказывался первым. Тель-Авив был небольшим городом, да и вся подмандатная Палестина не могла похвастать масштабами культурного развития: для этого нужно время. У нас, например, до сих пор нет достойного помещения для Израильской оперы. Но положение уже меняется. Почти прямо напротив дома, где я живу, строят новый Центр искусств. В нём будет и оперный театр¹⁸⁹.

Основатель израильской оперы
Мордехай Голинкин (1875 – 1963)

Афиша представления
«Травиаты». 1923

¹⁸⁹ Центр исполнительских искусств с оперным залом был открыт в 1994 году.

Настоящая симфоническая музыка явилась в Страну почти пятнадцать лет спустя – в лице знаменитого скрипача Бронислава Губермана. Он родился в Польше, прославился ещё в детстве: четырнадцатилетний виртуоз очаровал самого Иоганнеса Брамса. После войны жил в Австрии и с большим успехом гастролировал по Европе и Америке.

У нас в Стране просто не было музыкантов такого уровня, чтобы из них можно было составить хороший симфонический оркестр. Когда к власти в Германии пришли нацисты, Губерман обратился с воззванием к немецким интеллектуалам и призвал их отказаться от сотрудничества с новым режимом. А в тридцать шестом, когда стало совершенно ясно, куда всё идет, он приехал к нам. Да не один, а с сотнями музыкантов, которые спешили покинуть отвергнувшую их страну. Незадолго до этого с Губерманом случилось несчастье: во время концерта в нью-йоркском Карнеги Холле украли его любимый инструмент – замечательную скрипку Страдивари. Притом эту скрипку похитили уже второй раз. Но если после первой кражи её удалось найти через пять дней, то теперь Губерман уже никогда не увидел своей скрипки¹⁹⁰.

Музыканты решили начать работу на новой родине концертом для рабочих. В половине пятого зал кинотеатра «Муграби» был полон. Слушатели пришли прямо с работы. Многие были со своими орудиями труда: мотыгами, мастерками и прочими инструментами. Мэр города немного запоздал и пришёл, когда свободных мест уже не было. Я пытался усадить его на моё место – он решительно отказался и простоял весь концерт.

Приезжали ещё музыканты из других стран, которым угрожал Гитлер, и к осени Губерман создал из прибывших Палестинский симфонический оркестр. Помогали меценаты и энтузиасты. Альберт Эйнштейн, например¹⁹¹. Когда Губерман узнал, что великий Артуро Тосканини отказался дирижировать оркестром в фашистской Германии, то пригласил его к нам.

В декабре открылся концертный сезон, и я купил два абонеента: для себя и Эстер. Концерт симфонического оркестра под руководством маэстро Тосканини прошёл в одном из залов Восточной

¹⁹⁰ Инструмент нашёлся в 1985 году, и автору довелось его услышать.

¹⁹¹ История создания оркестра показана в документальной ленте Джоша Арносона Orchestra of Exiles.

ярмарки¹⁹². Было красиво и празднично. Лишь два обстоятельства помешали мне вполне насладиться прекрасной музыкой. (Отчего-то такие мелочи и запоминаются больше всего.) Во-первых, моё место оказалось почти напротив объёмистой колонны, что поддерживала потолок павильона. Понятно, что для того чтобы видеть великого дирижёра и наших музыкантов, мне приходилось вытягивать шею. Во-вторых, справа от меня разместилась пожилая сухопарая дамочка из Германии. Сразу видно, что большая поклонница классической музыки. Когда музыканты только сели и раздались беспорядочные стоны настраиваемых инструментов, я сказал что-то Эстер. Дама тут же поворотилась ко мне и яростно зашикала. Минут через десять после начала концерта я услышал справа тихий храп, и голова дамочки склонилась мне на плечо. Я осторожно подвинул её голову, и та упала на плечо соседа справа. Тот, особо не церемонясь, сделал то же, что и я – голова опять на моём плече. Так мы и перекидывали её, как мяч, всё первое отделение.

Теперь Израильский филармонический оркестр известен во всем мире.

На улице Герцля открылся магазин патефонов и грампластинок, и мы тут же приобрели новый патефон. Восхитительное изобретение! Мы привыкли к тому, что у граммофона есть раструб, из которого исходит звук. А в новом устройстве труба упрятана в чемоданчик. Открываешь крышку, крутишь ручку, запускаешь диск с пластинкой, опускаешь на пластинку мембрану с иглой – и звук идёт прямо из чемоданчика. Звучит ничуть не хуже, чем привычный граммофон. Сбоку вделана коробочка для патефонных иголок. Нажмёшь на красный прямоугольничек в углу аппарата – и коробок выдвигается, обнажая хранилище этих иголок. Но главное, что привлекало в том магазине, – прекрасный выбор пластинок. Они завораживающе крутились на диске, семьдесят восемь оборотов в минуту, услаждая слух песнями, ариями из опер, танцевальной и симфонической музыкой.

Раз в неделю я заходил в магазин и брал десяток пластинок. Их можно было возвращать, если, конечно, не поцарапал и не разбил (а разбивались пластинки запросто). Обычно я возвращал несколь-

¹⁹² Восточная ярмарка (Orient Fair) – международная торговая ярмарка, проводившаяся в Тель-Авиве в 20-е и 30-е годы прошлого века.

ко штук, а остальные покупал по пять грошей за штуку. Вскоре у меня собралась приличная коллекция грамзаписей. Среди прочих исполнителей довольно полно был представлен Александр Вертинский. И старые его песни («Джимми-пират», «Маленький креольчик»), и более поздние («Мадам, уже падают листья», «Пани Ирена»). Вообще Вертинский был у нас страшно популярен. Проникновенный голос, осознанная сентиментальность и лёгкая ирония делали его ни на кого не похожим. Наверно, женщины представляли его в образе прекрасного принца.

И вот приходит сообщение: Александр Вертинский собирается навестить Страну и дать несколько концертов в помещении театра «Муграби». Женские сердца забились. Все подружки Эстер осаждали меня просьбами раздобыть билеты. А было это нелегко. Почти все места в зале раскупили сразу же. Удалось-таки, используя все возможные связи, приобрести билеты для нашей ватаги. Наконец-то женщины увидят воочию своего кумира. Мне тоже хотелось его увидеть. Для этого и представления не надо было дожидаться. Заявился на репетицию. Она как раз заканчивалась. Я прошёл за кулисы. Услышал, как Вертинский попробовал последние несколько нот, что-то сказал музыканту. Послышались неровные шаги. Я отпрянул. Передо мной стоял пьяненький человечек, жалкий, с мутным взглядом. Посмотрел на меня без тени интереса и пошёл к себе в гримёрную. Мне показалось, что в этот момент у меня отняли что-то дорогое и нужное...

И вот концерт. Мои подружки в восторге. Нежные песни, голос, несравнимый ни с каким другим, – то жалобный, то ироничный, грассирование, изящные движения певца и поэта. Когда начали стихать заключительные аплодисменты, я вдруг обнаружил в себе злобного подзуживающего бесёнка: наверно, подсознательно хотелось отомстить за разочарование.

– Хотите посмотреть на него поближе?

Женщины были вне себя от такого счастья. Распорядители пропустили нас беспрепятственно. Пока мы пробирались по лабиринту, ведущему за кулисы, Вертинский успел хлебнуть изрядную дозу водки. Запах её мы почувствовали раньше, чем увидели самого певца. Подруги потом долго не могли простить мне этого разочарования.

Далеко не всегда наши развлечения были столь изысканными. Опера, музыка, концерты... А мы ведь, в сущности, были моло-

дыми людьми. Хотелось поохмить и просто повеселиться с друзьями. А друзья были замечательные. Вот Барух Агадати, тот, что придумал пуримские карнавалы с избранием царицы Эстер. В Одессе он был Борисом Хушанским, учился там в школе-студии при театре оперы и балета, а новую фамилию себе сочинил от слова «Агада»¹⁹³. Рассказывали, что под именем Барух его представили Бялику, так и закрепились за ним новые имя и фамилия.

Агадати был не только искромётным юмористом и организатором пуримшпилей, он был хорошим хореографом, руководил балетной труппой. Ещё до нашего знакомства поставил такое исполнение хоры, которое стали называть Хора Агадати.

Через Баруха мы подружились с его приятелем Ицхаком Кацем, тоже неординарным человеком. Сын раввина, он также был родом из Украины. Потом семья перебралась в Египет. И – как тесен мир! – швейная мастерская Каца-старшего размещалась как раз по соседству с ювелирным магазином и домом Розенталя, где завершился мой мимолётный роман с Шарлоттой. Ицхак закончил университет (ещё и живописи успел поучиться) и начал писать сценарии для постановок еврейского театра в Каире. Он переехал в Страну не из сионистских убеждений, а по любви. Встретил девушку из Реховота – и закрутилось. Женившись, Ицхак работал туристическим агентом, затем стал секретарём тель-авивской торговой палаты. Должности прозаические, но квартира Кацев стала местом собраний городской богемы: художников, актёров, писателей и издателей.

Оба – и Агадати, и Кац – сильно заинтересовались нашими киносъёмками. Они часто бывали у нас и советовали мне расширить дело: обзавестись большим офисом, выпускать фильмы. Я бы, наверно, и не прочь, да вот капиталов моих было маловато для такого размаха. А входить в долю ни тот, ни другой явно не собирались.

И вот мы в первый раз появляемся в салоне семьи Кац. Легко выплывает навстречу молодая красивая женщина, ласково нам улыбается.

– Моя жена, – представляет Ицхак.

– Бат-Шева, – произносит она, протягивая руку.

В груди у меня щёлкает скрытое реле. Вглядываюсь в её лицо...

¹⁹³ Агада (Аггада) – область иудейской литературы, содержащая исторические предания и легенды, а также поучения и афоризмы религиозно-этического характера, в более узком смысле – комментарии к библейской Книге Исхода.

Ну да: глаза, кудряшки на лбу...

– Бат-Шева! Бат-Шева Харлаф!

Она напряжённо вглядывается в моё лицо, силясь вспомнить.

– Я Ерушалаим! Помнишь, перед войной, в Реховоте, у Харлафов?

– Господи! Ерушалаим? Ох как изменился!

– А как мы с тобой сидели до поздней ночи! Я ведь, честное слово, был в тебя влюблён. Да и кто не был? Где ты пряталась всё это время?

– В Иерусалиме и жила. Потом в Каир ездила. Там с Ицхаком познакомилась.

И смеётся:

– Уж и не знаю... Может, он тоже влюбился? Приехал ко мне в Иерусалим, там и дочка родилась.

У нас, конечно, не Париж, а Бат-Шева – не мадам Рекамье, но и в Тель-Авиве живут замечательные творческие люди. И у нас можно отдохнуть душой в обществе ярких, остроумных и талантливых людей искусства. В который раз обречённо понимаю, что хотел бы, да не могу всё это описать. Ни места нет, ни времени. Расскажу разве что про «оргии». Нет-нет, о групповом сексе тогда и помыслить не могли. Всё было веселее. Гости сходились парами между десятью и одиннадцатью часами вечера. Прибывали в маскарадной одежде и с масками на лицах. В прихожей полумрак. Хозяин провожает каждого в маленькую «комнату опознания». Там новый гость должен узнать других под масками. Потом проходим по одному, с интервалом в минуту-другую, в абсолютно тёмный зал. Входящий или входящая должны отыскать место, куда можно сесть. Слева – места для женщин, справа – для мужчин. Прикол в том, что стульев в зале вдвое меньше, чем гостей. Если вошедший не находит (или предпочитает не находить) свободного стула, он садится на колени к кому-нибудь на противоположной стороне. Ровно в полночь включается яркий свет. Оглядываемся, снимаем маски. Жаль тех несчастных мужчин, у которых на колених оказалась законная супруга. Потом глаза привыкают к свету, подаётся угощение, и начинаются танцы до утра.

Агадати настойчиво вникал в технику киносъёмок. Скоро он приобрёл оборудование и начал выпускать собственный киножурнал. Позднее снял полнометражный фильм «Это Израиль». До самой старости работал в театрах. Был и режиссёром, и художником,

и хореографом. Он и умер на съёмках очередного фильма о Стране.

Кац продолжал работать в торговой палате, хотя был и довольно известным критиком: театральным, музыкальным, художественным. «Человек культуры, который вёл первую войну за современное искусство», – так писали о нём в недавнем некрологе.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

Была в стране очень активная организация – Легион защиты языка. Я бы сказал, даже чересчур активная. Настоящие борцы. А боролись они прежде всего с идишем, моим родным языком. Легион создали учащиеся гимназии «Герцлия», и к нему присоединилось много ревнителей языка, не терпевших многоязычия. Не могу сказать, чтобы эта борьба сильно возмущала меня в то время. Мы, деятели культуры, дружно стремились к распространению иврита. Ведь строили мы общество будущего, и возрождённый иврит был для нас языком этого будущего. Но и рвения гонителей идиша я не одобрял.

Вот и задумали мы с Вардемоном показать в кинотеатре «Муграби» фильм на идиш. Всё как положено: анонс, реклама. Тут же появились возмущённые заметки в газетах. Что-то вроде «Кому нужны фильмы на идише?» Мы не обратили на них особого внимания, ибо даже не представляли себе размаха работы «защитников». И вот день премьеры, зрителей полон зал. Но и на улице начинает собираться толпа. Неужели это всё те, кому не досталось билетов? Шумят, и шум всё усиливается. У многих плакаты в руках: «יהודי דבר עיברית!»¹⁹⁴ и прочие в том же духе. Ну чёрт с ними. Запускаем аппарат. Только пошли первые титры – началась вакханалия. Зрители повскакали со стульев и начали свистеть, кричать, улюлюкать, размахивать руками перед экраном. Оказывается, больше половины билетов было куплено теми самыми борцами с идишем. Между тем толпа перед зданием тоже распалась. В стены кинотеатра полетели камни. Прибежала полиция... Увы, и она ничего не смогла сделать. Вывели из зала нескольких хулиганов, попробовали немного утихомирить толпу на улице, но всё было бесполезно. Как ни печально, показать этот фильм нам так и не удалось.

Борьба с идишем продолжалась. Впрочем, Легион пропагандировал иврит не только призывами и лозунгами, но и распространением нравоучительных историй. Вот, например, такая. Сидели как-то на скамейке возле «Казино Галей-Авив» наш великий классик Хаим Нахман Бялик и его друг, бизнесмен Гольдберг. Как издавна повелось между ними, говорили по-русски. Тут появился мальчик лет двенадцати и стал искать что-то под скамейкой. Ото-

¹⁹⁴ יהודי דבר עיברית! – Еврей, говори на иврите! (Ивр.)

шёл, потом вернулся, зажѣг спичку, снова ищет, задевая их ноги. Наконец Бялик рассердился: «Мальчик, что ты там ищешь?» – «Ищу хоть одно ивритское слово». «Молодец!» – сказал Бялик и обнял мальчика. Они продолжили беседу уже на иврите.

Итамар Бен-Ави, сын Бен-Йегуды, был первым человеком на планете, для которого современный иврит стал родным языком. Ребѣнку предрекали слабоумие, якобы неизбежное в результате такого воспитания. Отец его, конечно, был немного фанатиком: он, например, сердился, когда жена пела мальчику русскую колыбельную. Но этот фанатизм и помог ему «переключить» на иврит население маленькой страны. Детство Итамара было действительно нелѣгким. Отец не хотел, чтобы он слышал другие языки, и Бен-Цион (так его тогда звали) играл не со сверстниками, а с любимой собакой. Когда ему было девять лет, мать умерла от туберкулѣза. (Отец потом женился на её младшей сестре, журналистке и писательнице.) Вскоре от дифтерии умерли трое маленьких сестѣр мальчика. Итамар вырос и стал известным журналистом.

В тех городах, где евреи жили в окружении других народов (а именно так обстояло дело в Иерусалиме), очень важна была постоянная связь с иудейской общиной. И здесь у семьи Бен-Йегуды возникли серьёзные проблемы. Еврейское население древнего города было практически полностью религиозным. Использование иврита, «святого языка», в повседневной жизни считали святотатством. Благочестивые соплеменники настроили на Бен-Йегуду донос (он якобы злоумышляет против турецких властей), и основателю современного иврита и его тестю пришлось провести некоторое время в тюрьме.

Юный Бен-Цион помогал отцу в распространении возрождѣнного иврита. Своѣ имя он сменил на Итамар (пальмовый остров). Кто в юности не мечтал о дальних странах и покрытых пальмами островах! А когда начал подписывать свои первые статьи, взял фамилию Бен-Ави. Ави (אָבִי) – это и «мой отец», и инициалы Бен-Йегуды. Так Итамар дважды подтвердил верность делу своего отца.

Однако делом своей жизни Итамар считал перевод иврита на латиницу. Эта его мечта не осуществилась. Видимо, возрождение такого языка, как иврит, было невозможно без использования его собственного алфавита и традиционного написания слов, принятого в Танахе. Лично я не вижу в латинизации ничего плохого. Возможно, Итамара вдохновлял пример Ататюрка, отца-основателя

новой Турции, которому удалось-таки перевести турецкий язык на латинский алфавит. И аргументация Бен-Ави была той же: латиница облегчит другим народам изучение иврита, и они станут лучше понимать нас. Но не сложилось: сионисты не приняли идеи. (Что греха таить, мы и сами над нею беззлобно подшучивали.)

Как-то едем втроём в автобусе: я и мои друзья по Легиону – издатель Мордехай Нейман и его партнёр по издательству Чичик. Сидим себе, болтаем. Чисто машинально перешли на идиш, даже сами этого не заметили. Родной язык как-никак. На одной остановке заходит в автобус Бен-Ави и садится через несколько сидений впереди нас. Потом вдруг встаёт и подходит к нам.

– Эй вы, трое добрых евреев! Вы же давным-давно в Стране. Чего ради разговариваете на идише?

Только тут мы заметили, на каком языке беседуем. Чичик (он был человеком весьма остроумным) тут же нашёлся:

– Зато мы разговаривали латинскими буквами!

Итамар засмеялся и отошёл.

В другой раз Итамар «купился» так. На пути из Тель-Авива в Галилею мы зашли в небольшой придорожный ресторанчик, в котором пассажиры и водители автобусов останавливались передохнуть и выпить кофе. Заходит Бен-Ави с компанией и располагается за соседним столиком. Посылаю ему записку: «Не знаете ли вы ITA MARA BENA VI?». Тот читает записку, глядит на нас, пожимает плечами и жестами показывает, что никто из собравшихся ему не знаком. Лишь когда мы расхохотались, он перечёл записку, разглядел своё имя и тоже засмеялся.

Мне тоже довелось внести свой вклад в иврит. Я, конечно, не Бен-Йегуда и придумал не тысячи слов, а всего одно, зато теперь это слово – из самых ходовых в нашем языке.

Я уже писал о кафе братьев Шор на углу Герцль и Лилиенблюм, рядом с моим офисом. Долгие годы оно было местом встречи кинематографистов. Братья делали собственную газировку и своё, фирменное, мороженое. Экспериментировали с наполнителями и ароматизаторами, создавали новые сорта. Я их охотно дегустировал. И вот однажды (дело было в самом начале тридцатых)...

– Ерушалаим, попробуй наше новое. Тебе должно понравиться.

Мне понравилось. И я спросил:

– ¹⁹⁵ מה זה תפוח זהב?

Сейчас в это трудно поверить, но в Стране, с её прекрасными апельсиновыми рощами, не существовало толкового названия для этого плода. Говорили «тапуах загав» – «золотое яблоко».

– А можешь придумать название?

– Для мороженого?

– Ну да. Чтобы был намёк на состав и аромат.

– Может, просто: «С ароматом золотого яблока»?

– Нет. Желательно одно слово. И что-нибудь уникальное, чтобы стало как бы знаком, именем.

Я перебрал несколько вариантов – все были какими-то неуклюжими. И тут я вспомнил о наклонности иврита к словообразованию из сокращений. У нас даже полные имена сокращают так, что получается нормальное слово, а не какой-нибудь уродец вроде «Райкрайгордорморремпромстройконтора».

Великого философа рабби Моше бен Маймона называют Рамбам. Наша главная книга Торà – Неевийм – Ктувйм уже тысячу лет называется Танах. Я начал вертеть на языке это самое «тапуах загав» – и тут вдруг словно само вырвалось: тапуз!

– Ура, то что надо! – сразу закричали братья.

– Вот и отлично, – сказал я и вернулся к себе на работу.

В ближайшую пятницу из кафе поднялся ко мне посыльный с термосом замечательного ароматного мороженого. В следующую пятницу визит повторился. Через месяц стало ясно, что с таким количеством мороженого моя семья не справится даже с помощью соседей, и я слёзно попросил братьев Шор остановить поток сладких подношений.

Новое слово подхватили посетители кафе, затем их друзья, потом друзья друзей. Оно стало таким привычным, что теперь и я, проходя по рынку и слыша со всех сторон громкое «тапузйм!¹⁹⁶», не испытываю особой гордости.

¹⁹⁵ Что это? Золотое яблоко? (Ивр.)

¹⁹⁶ Тапузйм (תפוזים) – апельсины. (Ивр.)

СЕАНСЫ, ФИЛЬМЫ, КИНОПЛЁНКА

Мир становился шире, а отдалённые края – ближе. Фильмы приходили отовсюду. Прибыл господин Масри, представитель фирмы «Парамаунт», привёз много хороших кинолент из Соединённых Штатов. Поступали фильмы из Германии, Италии и Советского Союза. Несколько человек приехало из Греции. Кстати, кинотеатр «Офир», что из первых моих заказчиков, построили два греческих еврея по фамилии Карсу. Очень своеобразной личностью был грек Токталидас из Иерусалима, остроумный и язвительный. «Я не еврей, зато я полтора еврея», – говорил он о себе, имея в виду присущую евреям сметливость. Однажды я остался ему должен семь милей¹⁹⁷. Но не посылать же перевод на такую пустяковую сумму в Иерусалим. Приедет в Тель-Авив – верну, решил я. Он и приехал через несколько месяцев, но за это время я успел получить от него четыре письма с напоминанием о долге. Почтовая марка внутри страны стоила тогда как раз семь милей, и я не мог взять в толк, зачем ему надо было тратить двадцать восемь милей на то, чтобы вернуть семь. Оказалось, дело в принципе.

– Ну как я мог прислать тебе семь милей? – говорю я.

– Да очень просто! Прислал бы марку в конверте – и были бы мы в расчёте.

– А зачем надо было тратиться на напоминания?

– Так ведь во всём порядок должен быть.

В сущности, он был прав. Как говорится, что грош, что сотня – всё долг.

Как-то распространял Токталидас картину «Хижина дяди Тома». Фильм старый, шёл третьим экраном, но в «Офире» собрал хорошую аудиторию. Тогда Токталидас предложил эту ленту кинотеатру «Муграби» для двухнедельной демонстрации. Но Вардемон не хотел рисковать. Заключил договор на одну неделю со стандартной оговоркой: «Фильм, внёсший в общий сбор за неделю сумму не ниже установленного минимума, демонстрируется в течение дополнительной недели». Всё-таки третий экран, кто его знает... В первые дни показа фильм собрал большую аудиторию, потом число зрителей поубавилось, и Токталидас прикинул, что если на сеансы не соберутся ещё по крайней мере три сотни чело-

¹⁹⁷ Миль – самая мелкая денежная единица подмандатной Палестины, тысячная доля лиры.

век, то картине нужной суммы не собрать. Тогда пошёл он в кассу, купил триста не самых дорогих билетов и стал раздавать их прохожим бесплатно. Можно представить себе удивление Вардемона и владельца кинотеатра, когда они узнали, что на оставшиеся сеансы – полный аншлаги. Этот трюк сослужил Токталидасу хорошую службу. Во-первых, часть потраченных денег вернулась к нему в виде доли со сбора за вторую неделю показа. Во-вторых, он получил хорошую рекламу, а фильм тут же стали покупать и другие кинотеатры.

Вечерний сеанс в кинотеатрах был один, девятичасовой. В том был резон: родители могли уложить детей и спокойно отправиться в кино. Но город разрастался, росло и число людей, для которых девять вечера – это поздно. Я начал давить на Абарбанеля, чтоб он добавил в своём «Эдене» семичасовой сеанс. Тот сомневался:

– Ну кто пойдёт так рано? В это время все с детьми заняты.

Всё-таки решил попробовать. Мы объявили о дополнительном сеансе в семь часов вечера. В первую неделю народу приходило мало. Затраты не окупались.

– Ну и кто теперь возместит мне убытки? – грустно спрашивал Абарбанель.

– Нельзя судить по одной неделе. Многие были очень довольны, сам слышал.

От недели к неделе число зрителей росло. Когда демонстрировали «Тараса Бульбу», зал был полон на обоих сеансах. Доходы владельцев прилично возросли. Разумеется, я из этой прибавки не получил ни копейки, да и не ждал вознаграждения: знаем мы этих акул кинематографа!

Политическая ситуация в мире влияла и на наш кинопрокат. В самом начале тридцатых в Страну приходило немало хороших фильмов из Германии: «Нибелунги» (ещё немой), «Голубой ангел» (с Марлен Дитрих)... Когда в 1933 году к власти в Германии пришли фашисты, общественность стала выступать против показа немецких фильмов. Случались стычки и демонстрации. В конце концов кинотеатры перестали крутить фильмы немецкого производства. Отсветы фашизма падали и на Австрию, хотя до аншлюса было ещё далеко.

– Мне тут один австрийский фильм предлагают, – сказал как-

то господин Вардемон. – Прокатчик уже третий год пытается его пристроить. Что-то не берут. Может, стоит посмотреть?

Фильм назывался «Песнь моя летит с мольбою» и рассказывал о жизни Франца Шуберта. (Другая его версия получила известность под названием «Неоконченная симфония».) Исполнительница главной роли, замечательная певица Марта Эггерт, в то время работала в Германии, – возможно, это было причиной непопулярности фильма у владельцев кинозалов. (Вскоре Эггерт уедет в США.)

– Да это же великолепный фильм, настоящая жемчужина кинематографа! – вскричал я, посмотрев фильм. – Не понимаю, почему его не хотят показывать!

Картина пошла в Тель-Авиве и не сходила с экранов несколько недель подряд¹⁹⁸.

В Страну приехал Даниель Перский¹⁹⁹, известный американский филолог и фельетонист. То ли от недостатка тем, то ли ещё по какой причине он написал разгромную статью о переводах фильмов в наших кинотеатрах. Упоминался и один из переведённых мною фильмов, который как раз шёл в кинотеатре «Муграби».

Я написал Перскому письмо следующего содержания: «Уважаемый господин Перский! Мне известно, что вы, в числе прочего, занимаетесь благотворительностью. Предлагаю вместе пойти на сеанс упомянутого вами фильма. За каждую обнаруженную в переводе ошибку я готов уплатить одну лиру в пользу любого выбранного вами учреждения». Перский позвонил мне на следующий день. Сказал, что приехал очень ненадолго, поэтому не может назначить точного времени для визита в кино, но непременно посмотрит этот фильм сам, как только у него появится свободное время. Я подумал, что это просто вежливый отказ. Но через несколько дней в газете появилась заметка за подписью Перского. Он признавал, что в моём переводе фильма ошибок нет и приносил мне извинения. А вскоре я получил по почте книгу Перского с дарственной надписью: «Ерушалаиму Сигалову, одному из немногих, кто делает замечательные переводы фильмов на иврит».

¹⁹⁸ В 1968 году в СССР был выпущен ремейк фильма «Неоконченная симфония».

¹⁹⁹ Даниель Перский (1887 – 1962) – американский гебраист, редактор и журналист. Родился в Минске. С 1906 г. жил и работал в США.

**Критик и журналист
Даниель Перский
(1887 – 1962). Рисунок из [35]**

Не пересказать, сколько хлопот и неприятностей доставляла тогдашним киношникам чрезвычайно горячая киноплёнка. Достаточно ей было застрять на десятую долю секунды – и она мгновенно вспыхивала от жара проекторной лампы.

Первый инцидент произошёл в кинотеатре «Эден». Сидим с Абарбанелем в кинозале, крутим фильм, присланный для перевода. Внезапно на экране возникает зловещая тёмная полоса, а в следующую секунду пламя горячей плёнки скачет по всему экрану. Мгновенно вырубая питание проектора и прихлопываю огонь ладонью. Руку слегка обжёг, но фильм спас. Оглядываюсь – го-

сподина Абарбанеля и близко нет. Он успел испариться с невероятной скоростью.

Мало того, что сами киношники рисковали, иногда и домашних подвергали риску. Оставил я однажды бобину на подоконнике – она и загорелась от солнечного тепла. От горячей плёнки занялась занавеска. Хорошо, что домработница (она была одна в доме) не растерялась: сорвала занавеску, затушила пламя и спасла дом от бедствия.

Более серьёзное происшествие случилось у нас в кинобудке. Два механика готовились к сеансу, в зале уже было полно людей. Не успел один из механиков толком заправить ленту киножурнала в аппарат, как второй включил проекционную лампу для проверки. Плёнка мгновенно вспыхнула, по всей поверхности аппарата заплясало пламя. Я схватил со стола киноленту и отскочил подальше. Фильм удалось спасти, а вот проектор – увы! – сгорел. Пришлось объявить зрителям, что сеанс не состоится.

Но подлинная катастрофа, вызванная возгоранием киноплёнки, произошла в моём офисе, примыкавшем к квартире, в 1965 году. Я был болен. Возможно, причиной болезни было переутомление. По случаю 50-летия битвы на полуострове Галлиполи (я

рассказал о ней в предыдущей части) мы принимали делегацию австралийских ветеранов. Я хлопотал с подготовкой приёма делегации семь дней кряду, с раннего утра до полуночи, и сразу после приёма слёг. Больше недели почти не заходил в офис и не отворял комнатку, в которой хранился мой киноархив. Стал постепенно выздоравливать, но ещё не вылезал из постели надолго.

Крики «Пожар!» со стороны лестничной площадки вырвали меня из полузабытья. Ощутил запах гари... Спасать фильмы! Вскочил, влетел в офис, схватил огнетушитель и отворил дверь в фильмотеку. Дальнейшие несколько минут помню смутно. Как только в кладовую попал свежий воздух, произошёл взрыв. Все окна и двери вылетели наружу. Помню, как рванулся из рук мой огнетушитель, взлетел и ударился в потолок. Ещё помню, как вся комната с фильмами – от пола до потолка – превратилась в огромный факел. Сам ли успел выскочить в окно, или меня просто выкинуло взрывом, – теперь сказать трудно. Лицо обгорело, на теле тоже были сильные ожоги. Жаром от взрыва опалило даже прохожих на улице, а учеников соседней школы тут же отправили в бомбоубежище. Большой кинопроектор, стоявший в фильмотеке, расплавился, словно был сделан из свинца. Прибывшее из Англии новое оборудование сгорело, так и не распакованное. Приехали пожарные, затем «скорая». Огонь потушили быстро, но вода причинила не меньший ущерб, чем пламя. Я провалялся в больнице почти три недели. Страховая компания оценила урон в восемьдесят тысяч лир. Но что эти деньги по сравнению с безвозвратно утраченными киноматериалами! Утешаться оставалось только тем, что даже в Голливуде с его оборудованием случались пожары, приносившие многомиллионные убытки.

В любом искусстве есть произведения разных уровней. Наряду с шедеврами существуют и просто хорошие вещи, и средние, ну и откровенно плохие. Шедевры не вырастают сами по себе, их питает почва – многочисленные, но менее успешные опусы. Иногда знакомство с ними бывает полезным.

Для записи переводов мне надо было много старой плёнки. Нашёл неплохой её источник – ту самую таможеню, где покупал когда-то невостребованный товар для перепродажи в магазины. Однажды удалось купить много предвоенных фильмов. В каждом из них – два сюжета продолжительностью около четверти часа каждый.

Вечером, когда все домашние уже спали, меня вдруг разобрало любопытство: что же я такое приобрёл? Выбрал фильм, в котором главную роль играла Пола Негри, одна из самых ярких кинозвёзд. По слухам, её матерью была польская принцесса, а отцом – словацкий жестянщик. Сама Пола была возлюбленной двух величайших актёров немого кино: Чарли Чаплина и Рудольфо Валентино.

Лента, которую я отобрал, называлась «Раба страстей, раба порока». Всё действие происходило в одной комнате, куда главный герой привёл свою возлюбленную. Её как раз и играла плоскогрудая Пола Негри – с подведёнными томными глазами, сверкающими из-под накрашенных век. Герой крепко прижал руки к сердцу, и во весь экран надпись: «Я люблю тебя!». Это повторилось четыре раза, пока он не обошёл все четыре угла комнаты. Тут я решил, что с меня достаточно, положил фильм на место и пошёл спать. Но мне не спалось. И вдруг неожиданная мысль: «Да ты что, в самом деле? Фильму больше двадцати лет. Вот и смотри его глазами тех зрителей». Встал, вновь поставил фильм и просмотрел его с удовольствием. Проанализировал изменения, происшедшие за два десятка лет в приёмах съёмок, подаче сюжета, игре актёров. Понимательная картина, скажу я вам!

В РОЛИ ДЕТЕКТИВА

Мухрам, Мухрам! На улицах целое представление: по всему городу и во всех направлениях – грузовички и подводы с мебелью и прочим скарбом. Идёт великое переселение. Дело в том, что жильё обычно снимают на год, «до Мухрама». Многие, ох многие, недовольны снятым жильём! Их можно понять: куча неудобств. Теперь квартиросъёмщики переедут, и неудобства станут другими, ещё не испытанными ранее. А возможно, теми же самыми. Но попробовать стоит.

Я не слишком люблю менять жильё. Завидую народам, что живут в тех странах, где люди обитают в одном и том же доме целыми поколениями: от отцов к сыновьям, от сыновей к внукам.

– Купи участок! – подзуживает жена. – Потом на нём дом построим.

– Да мы уже построили один. И что? Нет уж. Что мне какой-то несчастный участок, если вся Страна Израиля – моя!

Ответ наивный и глупый. Страна-то моя, а вот квартиру на съём ещё попробуй найди. Домовладельцы не горят желанием сдавать квартиры семьям с детьми, даже с такими хорошими, как наши: озорными, но воспитанными. Переезжали всего два раза за десятилетие. Честно говоря, была ещё одна, вполне тривиальная, причина не покупать своего жилья: денег мало, тяжело выплачивать ежемесячные платежи. Лишь ближе к середине тридцатых купили собственную квартиру на улице Варбург, и живу я в ней уже шестой десяток лет.

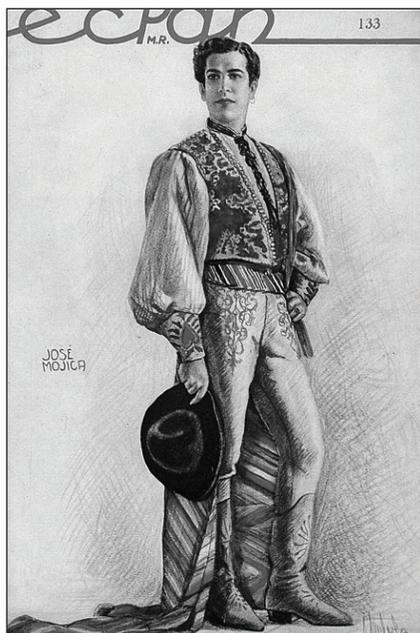
Растёт, растёт город. Открылась современная роскошная гостиница «Палатин». На первом этаже танцевальный зал с огромными окнами, возле них собираются на улице люди поглазеть на танцующие парочки, послушать все эти танго и фокстроты. Разочарованный горожанин замечает:

– Мы с женой тоже можем такое выделывать, только не знали, что это называется танго.

Вот стоит в задумчивости на тротуаре Хаим-Барух, владелец меблированных комнат, что рядом с отелем. Вид у него озадаченный.

– Хаим-Барух, о чём это ты задумался?

– Вот стою и не могу понять: где они наберут клопов на все их номера? Моих-то не хватит, у меня всего четыре комнаты.

**Киноактер и певец Хосе Мохика
(1895 – 1974). Афиша. 1933**

**Хосе Мохика с детсадовцами
Тель-Авива**

А вон афиша. В кинотеатре «Офир» выступает Хосе Мохика, оперный певец и звезда Голливуда. Теперь его мало кто помнит, а тогда слава его соперничала со славой самого Рудольфо Валентино, кумира едва ли не всех женщин мира. Мохика восхищались, с ним работали Энрико Карузо, Сергей Прокофьев, Фёдор Шаляпин. Мы с Аксельродом опекали его с самого приезда, буквально прилепились к нему – и снимали, снимали.

Зал полон. На сцене обаятельный, весёлый и такой сладкоголосый Мохика! Незадолго до завершения концерта поднимается Натан и просит исполнителя на минутку прерваться: сейчас он покажет новый короткий фильм с участием актёра. Тот в недоумении: откуда? Какой ещё фильм? Запускаем кинопроектор. На экране – Хосе на тель-авивских улицах. Идёт по городу, улыбается восхищённым прохожим. Вот он в детском саду танцует и поёт вместе с малышами. Вот поднимается на крышу нового здания. А вот встречается с отцами города... Это в наши дни обработать киноленту не бог весть какая задача, особенно на студийном оборудовании. А тогда надо было практически в домашних условиях успеть проявить, просушить, напечатать позитив. Мы успели всё сделать в тот же день. Мохика был поражён. Невероятно жаль, что плёнка эта погибла потом при пожаре.

Во время Второй мировой войны умерла мать Хосе. Он уехал в Перу, где стал францисканским монахом. После этого «брат Франсиско Хосе» участвовал только в благотворительных спектаклях и концертах²⁰⁰.

Кто не любит детективов! Я их тоже очень люблю и уже в первые годы работы в кино посмотрелся предостаточно. Раз-другой сам сыграл в сыщика. А было это так.

В посёлке Монтефиоре по соседству с нами жила супружеская пара: Сара и Шимон. Не то чтобы мы были близкими друзьями, но иногда сходились поболтать, обсудить фильмы. Они уехали из посёлка ещё раньше нас, даже не оставив своих новых координат. И вдруг встречаю я Сару на улице Бен-Йегуды. Бывает так, что при неожиданной встрече со старым знакомым заговариваешь не о чём-либо важном и насущном, а о вещах незначительных – словно

²⁰⁰ Хосе Мохико написал автобиографическую книгу «Yo, Pecador» («Я, грешный»), по которой был поставлен фильм.

продолжая давно начатый разговор. Вот и мы принялись обсуждать какой-то новый детективный фильм.

– Нет-нет, – говорит Сара. – Детективы – это вообще далёкий от жизни жанр. В этом фильме всё за уши притянуто, это же заметно. В действительности такого быть не могло, – только в кино.

– Ну почему же? – говорю. – В жизни бывают такие детективные ситуации, что куда там кинематографу! Кстати, а где вы теперь живёте?

– А вот угадайте сами, вы ведь такой поклонник детективных сюжетов. Найдёте нас за пять дней – получите приз.

Ну как я мог отказаться от такого пари? Только потом на три дня совершенно о нём забыл: работы много было. Остаётся два дня. А я, признаться, даже фамилии Сары и Шимона не знаю. Звоню одним поселковым знакомым, вторым – и они не знают фамилии. Зато один из этих знакомых тоже встречал Сару и сообщил, что живёт она сейчас на улице Геула или где-то рядом с нею. Это уже что-то.

Прикинулся почтальоном. Изготовил письмо, наклеил марку со штемпелем, написал на конверте адрес и имя, вот только «забыл» проставить номер дома и фамилию. Иду вдоль улицы. Дома маленькие, не пришла ещё эпоха индустриального строительства. Почтовых ящиков у жильцов нет, имён на входных дверях – тоже. К тому же улица не такая уж короткая, и далеко не всех хозяев застанешь дома. Полное фиаско – не нашёл. Поплакался жене, рассказал всю историю. Эстер возмутилась:

– И ты потратил столько времени на эти глупости!

– Предлагаешь бросить?

– Вот уж нет! Зря ты время потратил, что ли? Придётся теперь доводить это дело до конца.

Назавтра я сделался молочником. Попросил большой бидон у одного из представителей этой профессии – и вперёд. Ладно, думаю, писем они, может, и не получают, но уж в бакалейную лавку наверняка заглядывают. Захожу в один магазинчик. Не знают ли, мол, точный адрес? Должен, дескать, принести им молоко, а номер дома потерял. Короче, в третьей лавочке мне повезло: хозяйка любезно направила в нужную квартиру. Стучу. Открывает Сара и не узнаёт меня в человеке с бидоном.

– Я сегодня уже брала молоко.

Поднимаю на неё глаза.

– Ой! Это вы! Выиграли, выиграли пари!

– Вот видите! Кино – это зеркало реальной жизни.
Не стал требовать приза и убежал на работу.

История эта понравилась моей секретарше Циле. Была у неё подруга, скрывавшая свой адрес. С мужем она разошлась, жила со своим бойфрендом. Возможно, боялась провокаций со стороны бывшего мужа. Циле очень хотелось узнать, где живёт подруга. То ли обычное женское любопытство, то ли дискомфорт от отсутствия полной информации.

– Сможете за день узнать адрес?

Эстер присоединилась к меропрятию и стала подзуживать:

– Давай-давай, ты же у нас детектив!

На этот раз задача значительно облегчалась тем, что Циля знала и место работы своей подруги (галантерейный магазин на улице Герцля), и учреждение, где работал её друг. Имена тоже были известны, так что особых трудностей я не предвидел. В те времена во всех магазинах и учреждениях был большой перерыв на обед и сиесту. Люди уходили домой, отдыхали, а потом возвращались и работали до вечера. Зайду, думаю, в магазин, скажу ей «шалом», а как пойдёт на обед, проследую за ней и узнаю, где живёт. Заявляюсь в галантерею, спрашиваю, как увидеть такую-то. На меня глядят с явным подозрением и отвечают, что сегодня она на работу не пришла: видимо, больна. Стало быть, надо идти к её другу. Понятно, что просто так, за здорово живёшь, он адреса не даст. Захожу в соседнюю аптеку (я там частенько бывал) и беру несколько бланков с их штампом, из тех, что обычно наклеивают на лекарства. Потом смастерил небольшую посылочку, а приятели из таксопарка «Кадима» дали мне бланк расписки о получении. Налепили на посылочку имя адресата и пометки «срочно» и «вручить лично». На бланке аптеки написали название какого-то несуществующего лекарства, а в сведениях об отправителе проставили какой-то вымышленный иерусалимский адрес. Прихожу в учреждение, где работает тот самый друг. Он как раз на какое-то совещание торопится. Представляюсь почтальоном.

– Ваша подруга больна?

– Да, а что? – встревожился тот.

– Тут для неё лекарство прислали из Иерусалима. В Тель-Авиве такого не оказалось. Мне надо отвезти, а в аптеке не знают адреса...

Мужчина ещё больше перепугался:

– Давайте мне. Я передам.

– Извините, не могу. Посылка срочная и персональная. Я должен получить подпись с указанием времени вручения.

Видимо, я неплохо играл свою роль. Выдал он мне точный адрес, и в шесть часов вечера я постучал в нужную дверь. Мне открыла домовладелица. Самой квартиросъёмщицы дома не оказалось. Видно, не так уж сильно была больна. Хозяйка расписалась в получении посылки. На бланке доставки проставили время: 18:05.

Вернулся я к себе в контору (после перерыва мы работали до семи вечера) и передал Циле точный адрес. Разумеется, и за этот свой детективный подвиг я никакого приза не получил. Достаточно было того, что мои акции сильно выросли и в глазах Цили, и в глазах моей собственной жены.

НЕ СЛИШКОМ УДАЧНЫЙ БИЗНЕС

У казнённого в Дамаске Наамана Белкинда, члена подпольной организации НИЛИ (я рассказал о нём во второй части), был родной брат Эйтан. Он основал первый в поселении Ришон-ле-Цион кинотеатр и назвал его «Нааман» – в честь погибшего брата. Приезжая ко мне забирать переводы, он часто жаловался, что его заведение мало посещают.

– Представляешь, столько народу просило показать этот фильм, а пришло всего сто пятьдесят человек. А у меня ведь зал на девятьсот мест!

Я улыбнулся:

– Кто просил, тот и пришёл. Сколько народу тебя просило? Максимум человек сто. А тебе показалось, что вся мошава²⁰¹ просто жаждет этот фильм поглядеть. Надо как следует поставить рекламу. И вообще неплохо бы разобраться, почему мало народу приходит.

– А ты можешь помочь?

– А ты оплатишь мне пару-тройку поездок в Ришон и обратно?

Главная проблема с привлечением публики стала мне понятной с первого же визита. В афишах извещалось, что сеанс начнется в восемь вечера. Прихожу, сажусь, жду начала – не тут-то было: и не думают запускать аппарат, ждут, пока народ соберётся. А народ идёт очень вяло. Оно и понятно: сеанс заявлен на восемь, а теперь девятый час. Думают, что началось уже. Только ближе к девяти раскачались.

– Значит так, – говорю Эйтану, – ты отвечаешь за кинозал: уборка, порядок, продажа билетов. Я обеспечиваю фильмы и рекламу. Прибыль – пополам. Идёт?

Он тут же согласился.

– Только начинать теперь будем вовремя.

– Так ведь люди уже привыкли опаздывать. И потом, у всех дети...

– Ладно, будем начинать не в восемь, а в восемь тридцать. А перед фильмом запустим пару короткометражек.

Мы вышли с объявлениями о «новом курсе», заявили, что сеансы будут начинаться строго в указанное время. А для показа я выбрал «Шанхайский экспресс». Сам Эйтан его в жизни бы не

²⁰¹ Мошава – посёлок. (Ивр.)

получил: он уже многим поставщикам задолжал приличные суммы. Начали ровно в половине девятого. Те, что немного запоздали, пропустили часть первой короткометражки. А кто по привычке пришёл попозже, узнал, что основной фильм ещё не начинался, и покупал билет. Собралось семьсот человек. Опоздавшие потом жалели, что пропустили часть предваряющих фильмов, и в следующий раз число таких заметно уменьшилось. С каждой неделей число зрителей росло, а на исходе субботы всегда был аншлаг.

Наш успех обернулся против нас. Пока у кинотеатра не было доходов, кредиторы Эйтана сидели и помалкивали: что с него возьмёшь? Но как только им стало известно, что на счету «Наамана» завелись деньги, они подали иск и наложили арест на кассу. Прихожу однажды на исходе субботы в кинотеатр – здрасьте пожалуйста: судебный исполнитель! Сделали подсчёты, и он конфисковал все деньги в счёт долга Эйтана Белкинда.

– Позвольте, но половина этих денег принадлежит мне!

– А у вас есть соглашение о партнёрстве?

Соглашение-то было чисто джентльменским, никаких бумаг мы не составляли!

В будние дни доходы от сеансов не покрывали расходов на кинозал, кинофильм и рекламу. Прибыль давал субботний вечер. Однако на исходе следующей субботы опять появился судебный исполнитель. Его задачей было сидеть в сторонке, наблюдать за продажей билетов, а потом подсчитать в кассе наличные и забрать выручку. Знаете, как-то не очень приятно, когда приходят и забирают честно заработанные тобою деньги. Но нужда научит. Посадили на кассу своего человека, проинструктировали... Время от времени подходил кто-нибудь из наших, говорил пароль, затем покупал билет за три гроша, протягивал небольшую купюру и получал сдачу – четыре лиры и девяносто семь грошей. Судебный исполнитель не обращал внимания на «детали», и вообще его интересовало только одно: поскорее закончить работу и уехать домой. За несколько месяцев управились: Эйтана мы немного вытащили из долгов, а я возместил свои издержки. Дальше «Нааман» мог существовать и без моего участия, а у меня и без того дел хватало.

Взять хоть кинорекламу. Один из высокопоставленных чиновников тель-авивской мэрии получил право размещать рекламу на крыше здания, что на углу Алленби и Мелех Джордж. Он укрепил там большой экран и стал проецировать на него рекламные диапо-

зитивы. Мы теперь повсеместно встречаем нечто подобное в любом большом городе, только техника сейчас другая. А началось-то всё тогда, в тридцать четвёртом. В руках чиновников мэрии рекламное мероприятие быстро захирело, вот владелец щита и предложил мне купить лицензию за двадцать пять лир. Многовато показалось. Целых два дня раздумывал. Но, как говорят англичане, разница между мальчиком и мужчиной – в цене их игрушек. Представляете, как здорово? Город, конечно, небольшой, зато место – в самом центре. Здесь на небольшую площадь (которую теперь называют Маген-Давид) выходят улицы Алленби, Шенкин, Мелех Джордж, да ещё и рынок Кармель. А над зданиями будут картинки и надписи, придуманные мною. А ещё и оживить можно! Я же кинематографист – мне и карты в руки. Словом, подписали договор, и все права на «небесную рекламу» перешли ко мне.

Первым делом я выпустил маленькую красивую брошюрку о рекламе вообще и о моей в частности. Брошюрка так и называлась: «Пирсум» («Рекламирование»). Я распространил её среди потенциальных клиентов – и вскоре появились у меня первые заказчики. А ещё немного спустя наша «Моледет» превратилась в центр тель-авивской кинорекламы. Результаты впечатляли, и нам охотно платили. Там, где раньше стоял только диапроектор (на чердаке одного из противоположных зданий), теперь появился и киноаппарат. Естественно, большинство кинотеатров помещало у нас трейлеры «Скоро на экране». Я купил у торговцев много старых киножурналов, французских и американских. Запечатлённые в них события были уже неактуальны, но по-прежнему интересны. В каждом был занятный кусочек о спорте либо о международных событиях. Я вырезал такие фрагменты, а оставшуюся плёнку использовал как сырьё для переводов. Как только темнело, мы запускали нашу получасовую программу и повторяли её несколько раз. Реклама в программе перемежалась документальными сценами, и на следующий день мы меняли вставки. Каждый прохожий, заведя этот небесный сеанс, останавливался по крайней мере на несколько минут. От вечера к вечеру росло и число зрителей. Скоро стали собираться сотни, а потом и тысячи людей. Я, бывало, смешивался с толпой, чтобы поглядеть на их реакцию. В один из вечеров увидел там мэра города. Он стоял вместе со всеми и смотрел довольно долго.

Так продолжалось больше года. А потом снежный ком проблем и тревог стал быстро расти. Самое главное: транспорт. Автомоби-

лей и мотоциклов в городе становилось всё больше, а ведь прямо на дороге часто сидели дети, подняв глаза к нашему экрану. Я почти всё время крутился внизу, наблюдая, как бы чего не случилось.

Однажды вечером экран потух. Поднимаюсь на чердак к кино-механику, спрашиваю, в чём дело.

– Пришёл полицейский, велел прекратить.

– А бумаги предъявил какие-нибудь?

– Да нет. Прекращайте – и точка.

– Да пошёл он! Запускай!

И мы продолжили сеанс. Через несколько минут в нашей будке появились двое полицейских: британский и местный, тель-авивский.

– Немедленно прекратить сеанс! – завопил еврейский полицейский.

– А ты не распаяйся! – сказал я и обратился к британцу:

– В чём дело? Почему мы должны прервать показ?

– Есть приказ начальника полиции Тель-Авива. Ваши сеансы мешают движению.

– Можно посмотреть приказ?

– Это устное распоряжение.

– Принесите мне письменный приказ – и я тут же прекращу сеансы.

Полицейские удалились и в тот день больше не появлялись. Но на следующий вечер, когда я провожал отца домой, ко мне вдруг подошёл полицейский.

– Я получил приказ доставить вас к начальнику полиции.

Ростом он был пониже меня, так что я мог спокойно глядеть на него сверху вниз.

– Ясно. Ордер на арест, пожалуйста.

Он даже слегка попятился и несколько секунд обдумывал неожиданное требование. Видимо, раньше у него такого не спрашивали.

– Гм... Но начальник хочет вас видеть.

– Я зайду к нему в ближайшее время.

А на следующий день ко мне в офис пришёл Аарон, мой знакомый по Легиону, тот самый, что показал мне когда-то мою фотографию, найденную у Шарлотты при обыске. Теперь он был уже в чине капитана полиции.

– Ерушалаим, тут такое дело... В Шхеме беспокойно: выступления арабов. Мы боимся за Тель-Авив. Главное сейчас – чтобы

не было больших скоплений народа.

– Понятно. На сколько времени надо будет прикрыть рекламу?

– Недели за две должно рассосаться.

Через две недели мы возобновили сеансы. Но тут опять у меня в поле зрения возникло должностное лицо. На исходе одной из суббот появился полицейский и попросил спуститься вниз для разговора с лицом, облечённым властью. Начальник стоял на том возвышении, на котором обычно находился регулировщик.

– Вы мешаете уличному движению! – с места в карьер напустился он на меня.

– Уличное движение – ваша забота. А я должен выполнять обязательства перед клиентами. Хотите разогнать собравшихся – ради бога!

– А я вам приказываю немедленно прекратить показ.

Я ответил тем же, что и прежде:

– Дайте мне письменное распоряжение – и я немедленно прекращу сеансы.

У меня-то была подписанная мэром лицензия на рекламу, и начальник полиции не мог её отменить. Но своеобразное перетягивание каната повторялось снова и снова. Наконец однажды утром, переходя улицу Алленби, я взглянул наверх – и не обнаружил экрана. Он исчез вместе с металлическим каркасом, на который был натянута. Бегу в полицию. Там начинают врать: они, мол, ничего не знают, это наверняка сделала мэрия. Разумеется, мэрия валила всё на полицию.

– Ладно, – говорю, – если мэрия продала мне лицензию, но препятствует работе, подаю судебный иск на мэрию. А заодно и на полицию.

В итоге мэрия согласилась возместить мне затраты на кинорекламу, а лицензию отозвала. Так закончилась моя «небесная реклама» на городской площади. И ведь что занятно: теперь, когда движение куда интенсивнее, никто движущуюся световую рекламу не запрещает. Правда, и люди перед нею не останавливаются: привыкли уже.

ГЛАВНЫЙ ВРАГ В РОЛИ СПАСИТЕЛЯ

В предыдущей части я уже упоминал Амина-аль-Хусейни, главного организатора еврейских погромов 1920 года. Через четырнадцать лет после тех событий мне пришлось столкнуться с ним лицом к лицу. Вначале англичане посадили Амина, но потом, видимо, решили: может быть, он и сукин сын, но это – наш сукин сын. Выпустили и назначили муфтием Иерусалима. Муфтий продолжал организовывать еврейские погромы, а в 1931 году председательствовал на Всемирной исламской конференции. Наша с ним нечаянная встреча произошла незадолго до того, как Амин начал активно сотрудничать с нацистами.

Мои американские работодатели попросили заснять похороны родственника муфтия, Мусы Казим Паши, бывшего председателя исполкома Палестинского арабского конгресса. С самой войны Казим Паша пытался направить английскую политику к полному отказу от поддержки еврейского присутствия в подмандатной Палестине, требовал пересмотреть декларацию Бальфура, встречался и с Черчиллем, и с премьер-министром Макдональдом. Когда стало ясно, что дипломатические усилия Казим Паши не дают результатов, соратники по антиеврейской борьбе начали его сильно критиковать, и ему пришлось перейти от дипломатии к прямым антибританским выступлениям. В октябре 1933 года он возглавил демонстрации с требованием прекратить иммиграцию евреев. Стремясь предотвратить новые сильные беспорядки и неизбежные погромы, англичане бросали против демонстрантов крупные силы полиции. Во время одной из демонстраций от британских полицейских сильно досталось и самому Казим Паше. Через полгода он умер, и поговаривали что эта смерть – результат полученных им побоев. Кто его знает? Ему ведь был уже семьдесят один год.

Легко сказать: заснять похороны! Наверняка соберутся огромные толпы арабов. Поэтому взял портативную камеру. Приехал в Иерусалим, без всяких приключений отснял выход процессии, а потом смешался с толпой – и она понесла меня куда-то по переулкам Старого города. И вдруг увидел прямо перед собой сияющий купол мечети Омара. Значит, я в самом сердце города, на том месте, где стоял когда-то наш Храм. Евреям строго запрещено появляться на этой территории. Впрочем, кругом полно британских полицейских. Ладно. Заходить в мечеть я, конечно, не стал: не рисковать же отснятой плёнкой да и собственной жизнью! А внутрь

всё-таки заглянул, не удержался. Громадный совершенно пустой храм. Никакой мебели, только пол от стены до стены покрыт дорогими коврами.

Кстати, семнадцать лет спустя на этом самом месте пристрелят самого иорданского короля Абдаллу ибн Хусейна.

Похоже, меня приметили. Оглядываюсь – все полицейские куда-то исчезли. Я один, окружённый недружелюбной толпой. А неподалёку собирается группа молодых арабов. Переговариваются, кидают в мою сторону злые взгляды. Никакой возможности смяться... И тут народ расступился. Прямо на меня двигалась неторопливая процессия очень солидных мужчин с бородами разной длины и фактуры. Впереди выступал худой мужчина средних лет в высоком белом тюрбане. Я сразу узнал его по газетным портретам: главный зачинщик всех погромов и беспорядков муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни.

В такие мгновения мозг работает быстро. Я был одет по-европейски: костюм, галстук, на голове белая шляпа, какие носили в ту пору кинематографисты. Приблизился к Муфтию и обратился к нему по-английски. Представился как корреспондент «Чикаго Дейли Ньюз» и попросил «улыбнуться для многочисленных зрителей нашего киножурнала».

– У вас отделение в Иерусалиме? – спросил муфтий.

– Нет, в Тель-Авиве.

По моему указанию Амин отошёл от сопровождающих и встал в подходящую для съёмки позу. Когда злоумышлявшие против меня молодые арабы увидели, как муфтий, злейший враг евреев, улыбается и охотно позирует перед камерой, они тут же растворились в толпе. Я быстро покинул территорию мечети, достиг западной части города и облегчённо вздохнул.

НАША НЕДВИЖИМОСТЬ

Люди часто удивляются тому, как быстро развивалась Страна. Восхищаются темпами прогресса. Я смотрел на процесс изнутри, и потому скорость перемен была для меня не столь впечатляющей. Зато я мог наблюдать сотни небольших шажков в будущее, которые делала Страна. Ведь ежедневно прибывали новые люди, и новые силы вливались в наше общество.

Наверно, каждый гость Израиля знает, какой универсальный подарок можно привезти от нас родным и знакомым. Это обычная израильская скатерть. Переливчатая, с красивым нежным узором по всей поверхности. Влагодотталкивающая, почти не пачкается, легко стирается. А начиналось всё аж в тридцать третьем году.

С приходом Гитлера к власти алия заметно увеличилась. Из Германии ехали люди разных профессий, часто замечательные специалисты и новаторы. Один из таких как-то оказался в моём офисе. Рассказал, что начал выпускать скатерти особой механической вязки: меняешь угол зрения – и рисунок скатерти меняется. Нужна кинореклама.

– Извините, – говорю, – я теперь кинорекламой не занимаюсь. Этот бизнес у меня не пошёл. Переводы фильмов съедают всё время.

Посетитель ушёл разочарованным, но через месяц вновь появился в моей конторе. Настырным оказался. Сказал, что очень обижен отказом, но всё ещё надеется на моё содействие. И развернул передо мной образец своей продукции. «Действительно, – подумал я, – нехорошо обижать нового репатрианта».

– Ладно. Оставляйте. Попробую отснять что-нибудь.

Через неделю я прокрутил ему рекламный ролик. Текстильщику (я про себя называл его так) понравилось.

– Тогда я отпечатаю вам несколько экземпляров фильма. Позвоню в «Эден» и «Муграби», а вы уж с ними сами договоритесь.

– Сколько я вам должен?

– Понимаете, это не мой бизнес. Я же сразу сказал, что рекламной не занимаюсь. Просто мне было неудобно, что обидел человека, вот и сделал. Какая уж там плата!

Через несколько дней текстильщик принёс мне в подарок две замечательные скатерти. Хотите верьте, хотите нет, но они всё ещё служат.

Неожиданно начались проблемы с нашим домом в посёлке Монтефиори, который стал теперь частью Тель-Авива. После того как мы расстались с Аксельродом, дом, где была когда-то наша студия, опустел, и в него зачастили контролёры городского совета. Бюрократия работала, занимаясь своим главным делом: созданием проблем для граждан. Ни с того ни с сего получаю требование снести дом, поскольку он-де пострадал от землетрясения 1927 года и «представляет опасность для общества». Это притом, что дом на отшибе да ещё посреди двора. И дают семь дней на снос! Да за неделю не то что снести, крышу, окна и двери снять не успеешь! Но через день-другой – повестка в суд с явкой через три дня. Прихожу. Чиновник-истец во дворе крутится.

– Ну сегодня ты у меня получишь! – говорю ему. – Мало не покажется.

Тот встревожился. А может, просто любопытно стало.

– Ладно. Изложи мне свои аргументы – дам тебе отсрочку на месяц.

– Мне и без тебя дадут.

И прошёл в здание суда.

Судья зачитывает иск и спрашивает, что я могу сказать по существу дела.

– Господин судья, но ведь, согласно иску, у меня есть ещё два дня на выполнение требования. Для чего же потребовалось тратить ваше и моё время на этот, в сущности промежуточный, процесс?

Истец не растерялся:

– Я снова был на месте два дня назад. Здание должно быть снесено немедленно. Оно представляет опасность для людей, находящихся поблизости.

– Как же так, господин судья? – говорю я. – Всего полчаса назад истец заявил мне в присутствии свидетелей, что готов дать месячную отсрочку, если я изложу ему свои аргументы.

Судья очень неодобрительно посмотрел на истца, и тот явно смешался.

– Господин Сигалов, вам достаточно будет трёх месяцев для сноса дома?

– Да, достаточно, господин судья.

На этом заседание закончилось, и сидевшие в зале бодренько разошлись. Единственный, кто был в дурном расположении духа, – это истец. Кто-то вспомнил старый, но, видимо, вечный анекдот

о полицейском одной из европейских стран, задержавшем человека, который громко поносил правительство:

– Ну что за подлое государство! – взывал тот к прохожим.

Благонамеренный полицейский арестовал человека «за нанесение ущерба престижу государства», и они оба предстали перед судьёй.

– Это ваши слова? – спросил судья.

– Конечно, – соглашается обвиняемый. – Турция – очень подлое государство. И правительство у них такое же. Я так рад, что уехал оттуда!

Судья отчитал полицейского за причинение беспокойства мирным гражданам и оправдал обвиняемого. Оба вышли из зала суда, и бывший обвиняемый сказал разозлённому полицейскому:

– Теперь сам видишь, какое подлое это государство. Не зря я говорил.

В сущности, тот же самый приём применял ещё Лермонтов. Его стихотворение про родную страну, «где стонет человек от рабства и цепей», так и называлось: «Жалобы турка». Потом я много раз слышал подобный анекдот, говорили даже, что история произошла в Израиле вскоре после провозглашения государства.

Суд судом, а дом пришлось снести, а участок – продать. На вырученные деньги купил другой участок, ближе к центру, на улице Бен-Йегуда. Не оставляла мечта построить собственный хороший дом, удобный и функциональный. Даже проект заказал и несколько раз его правил.

– И что вы так настаиваете на этих изменениях? – спрашивал архитектор. – Строить всё равно не возьмётесь: это же не меньше двух тысяч лир.

Прав оказался, конечно. Такие дома – для серьёзных бизнесменов, а не для индивидуальных предпринимателей, живущих собственным трудом.

Новый участок продавали срочно, и он обошёлся мне всего в четыре сотни лир, что было тогда вполне приемлемой ценой. Вскоре городские земельные участки стали быстро расти в цене. А тут как раз появился первый в Тель-Авиве жилищный кооператив на улице Варбург. Мы быстренько подписали договор. Весь первый этаж – наш: четырёхкомнатная квартира для жилья и трёхкомнатная для офиса. В самом деле, что нам стоит дом построить? А стоило это ни много ни мало 1800 лир. наших сбережений и на

половину проекта с грехом пополам хватает. Надо продавать свой участок.

Тель-Авив, как я не устаю повторять, город маленький. Не успел рассказать знакомым, что собираюсь продать землю, как на меня буквально накинудись агенты по недвижимости. И как ещё торгуются! Я им говорю: 900 лир, и на меньшее я не согласен. «Да вы что? – удивляются. – Да столько вы никогда не получите. Да мы за такую сумму никогда не продавали». А я не уступаю. Даже ещё одно условие поставил: продаю не для перепродажи. Тот, кто купит, должен на этой земле строить. Это ведь теперь слово «сионизм» произносят с иронией, а мы жаждали строить – новые дома, города, поселения...

И вот как-то в пятницу утром сижу я у себя в офисе, работаю над переводом одного голливудского фильма. В субботу вечером – первый показ. И тут звонок из агентства. Брокеры просят приехать, у них есть потенциальный покупатель.

– Извините, мне сейчас очень некогда.

– Ну хотя бы на полчаса! Мы вас очень просим. Человек торопится. Может быть, сразу и договоритесь.

Словом, вскакиваю я на мотоцикл и лечу к ним в брокерскую контору. Там сидит симпатичный серьёзный мужчина. Брокеры снова стали на меня давить, чтобы сбавил цену, но быстро сникли. Попросили отсрочки до середины следующего рабочего дня. То бишь до двенадцати часов в воскресенье. Я согласился подождать.

Только вернулся к себе, только сел за работу – заявляется один агент, с которым я уже когда-то имел дело. Он сильнее всех тогда торговался.

– Я готов подписать договор. Мы заплатим вам девятьсот лир.

– Извините, не могу. Я обещал ждать до воскресенья.

– И за сколько продаёте, если не секрет?

– За девятьсот и продаю.

– А бумаги какие-нибудь подписали?

– Нет ещё.

– А задаток от них получили?

– Нет.

– Послушайте. Я даю вам тысячу двести. Сейчас подпишем договор – и я плачу половину. Вторую половину – при передаче участка.

– Приходите в воскресенье после двенадцати. Если этот покупатель откажется, то я готов договариваться с вами.

Агент вскипел:

– Я вам даю на триста лир больше, а вы отказываетесь?

– Я обещал ждать до воскресенья.

Тут он совсем рассвирепел.

– Вы что, дурак? Вы сумасшедший? Триста лир!

«Неужели, – думаю, – он в первый раз с честным человеком встречается? Вот бедняга!» Он бы ещё долго упражнялся в красноречии, да я пригрозил, что спущу его с лестницы. И он убрался, плюясь и ругаясь.

В субботу вечером только собрался в кинотеатр – проследить за демонстрацией перевода, заходит женщина из той конторы, где я был в пятницу. Просит отложить подписание договора до пяти часов вечера. Даёт мне сто лир.

– Это вознаграждение за отсрочку. При любом исходе дела вы не обязаны возвращать эти деньги.

Я сажусь, пишу расписку на сто лир. И приписочку: «Если сделка не состоится, обязуюсь деньги вернуть».

Одним словом, в воскресенье под вечер продал я этому симпатичному мужчине свой участок. Дали мне задаток. Брокер говорит:

– Напишите расписку.

И тут покупатель заявляет:

– За эти два дня я успел узнать господина Сигалова. Расписки не нужно.

Хорошо, наверно, жить в доме, построенном твоим прадедом, и знать, что и внуки твои будут обитать в нём же. Таких домов я потом видывал немало в Британии. А мы скитаемся, постоянно меняя квартиры. И вот – впервые отроду и чуть ли не к сорока годам – появилась у меня своя надёжная крыша над головой. Мы переехали в конце 1935 года. Здесь я живу и работаю пять с лишним десятков лет. Сейчас наша улица Варбург – тихий цветущий уголок практически в центре города. Совсем близко – театр «Габима», филармония, Центр искусств²⁰². А в тридцать пятом – только зыбучие пески кругом. Улицы ещё не проложены, и Эстер едва не рыдает, возвращаясь из города. Она даже дом наш с трудом находит, бредя через эти чёртовы дюны с разбросанными по песку одинокими зданиями.

²⁰² А теперь и Синематека Тель-Авива, детище первых израильских кинематографистов.

Вселение наше было на недельку задержано: я попросил расширить детскую за счёт гостиной. Это была не прихоть. Вскоре у нас родились мальчики-близнецы: Элизар и Адив. Роды оказались тяжёлыми, жизнь Эстер была в опасности. Когда наши двойняшки наконец появились на свет, я немного успокоился, и на ум стали приходить анекдоты о родах. О том, например, как однажды женщины возмутились и отправили к господу делегацию. «О вседержитель, восстанови справедливость! Мы должны и вынашивать плод, и вскармливать ребёнка много месяцев своим молоком. Пусть хотя бы родовые боли испытывает не мать, а отец». Всевышний внял их мольбам. А когда самая энергичная из тех женщин, глава делегации, начала рожать, муж её стоял возле кровати и ободряюще улыбался (в те времена рожали дома). Неожиданно раздались вопли соседа, что жил этажом выше. Тогда женщины отправили к господу новую делегацию с просьбой сделать всё, как было раньше.

Тут зашёл ненадолго профессор Ассерман, известный в городе акушер-гинеколог. Он как раз и занимался Эстер. Сказал мне несколько ободряющих слов, а я рассказал ему другой анекдот к случаю. У жены одного человека были тяжёлые роды. Она сильно кричала, а мужчина бегал туда-сюда по комнате ожидания, содрогаясь от каждого вопля жены. Наконец вопли стихли, и медсестра объявила, что у него родилась дочь. «Слава богу, что девочка! – вскричал тот. – По крайней мере, ей не придётся так мучиться, как мне». Ассерман засмеялся и тут же снова удалился: состояние Эстер ещё оставалось тяжёлым. Наконец – после интенсивной терапии – Эстер стало лучше, и Ассерман снова появился в комнате ожидания. Со смехом и воодушевлением рассказал мне анекдот, слышанный от меня же час назад: от волнения он даже не запомнил, кто и когда рассказал ему эту байку.

ОТПРАВЛЯЮСЬ В ЗАГРАНИЧНУЮ ПОЕЗДКУ

В Вене появилась отличная кинокомпания «Репаблик» во главе с господином Сатори. Я написал ему, и он ответил любезным и подробным письмом. Завязалась переписка, а вскоре его фирма переехала в Лондон. (Неужели предвидели будущий аншлюс?) Там я и задумал встретиться с Сатори. Путь неблизкий, но сколько впечатлений можно получить по дороге! Вначале поездом в Александрию, затем пароходом в Марсель, из него (опять же морем) – в Дувр, а оттуда поездом до Лондона. А Сатори уж и список фильмов мне прислал. Привезу домой, переведу, пристрою в кинотеатры.

В Александрии я поднялся на пароход «Ерушалаим». То была чистая случайность, но совпадение с моим именем вызвало явное ко мне почтение. На посадке проверяющий посмотрел в мой паспорт – и вскинул брови (такое со мной не раз бывало). Ещё раз внимательно посмотрел на меня, затем опять в паспорт и вслух прочитал название своего парохода. Улыбнулся и заверил, что в случае любой надобности могу сразу же обратиться к помощнику капитана. Так за своё имя я был произведён в VIP (Very Important Person). Вскоре меня спросили, какое меню я желаю: обычное или кошерное. Вообще-то я не особенно соблюдаю кашрут, но конечно же выбрал кошерную кухню, раз уж есть возможность следовать обычаям. Увы! За четверо суток пути я даже кошерную пищу мог есть далеко не всегда. Тарелка частенько норовила убежать от меня к едоку, сидящему напротив, а пищу хотелось не поглощать, а изрыгать.

В Марселе совершенно неожиданно пришлось уплатить таможенную пошлину: в Александрии я прихватил в подарок английским знакомым хороших, дорогих сигарет. Объясняю таможенникам:

- Я не ввожу сигареты во Францию. Я здесь проездом!
- Возврат сможете получить при выезде из Франции.

Даже квитанцию выдали. Но при выезде, на таможне в порту Кале, денег мне не дали. У них и не было этих семидесяти пяти франков. Обещали прислать в Лондон, но, конечно же, не прислали. Ох до чего не люблю, когда меня дурят чиновники! Приехав домой, написал раздражённое письмо французскому консулу в Тель-Авиве. Невероятно, но деньги вернули. Ещё и по более высокому курсу (франк за это время упал).

Четыре дня я гулял по Парижу. О его красотах говорить не буду: все и без меня наслышаны. Но кроме традиционных туристических точек я посещал маленькие парижские кинотеатры. Заходил к владельцам и администраторам, представлялся, беседовал. Меня встречали как собрата по профессии и приглашали на сеансы. Оказалось, что в Париже кинобизнес устроен не так, как у нас. Там, у себя, мы бьёмся за зрителей, очень недовольны, если зал не заполнен хотя бы наполовину, стараемся назначать сеансы только в удобное для большинства людей время. А в Париже... В будни залы маленьких кинотеатров почти пусты, фильмы крутят иногда для десятка зрителей. Весь доход – суббота и воскресенье, когда залы полны. Подобный кинотеатр – это обычно семейный бизнес. Субботней и воскресной выручки семье хватает, чтобы сводить концы с концами. А ещё я увидел кинотеатры таких размеров, о которых у нас и помыслить невозможно. Вот кинотеатр «Рекс» – на пять тысяч зрителей! Когда люди выходят после сеанса, кажется, что по городу движется большая демонстрация.

Плыву в Англию. Пролив Ла-Манш узок, но качка – почище средиземноморской. Путь займёт чуть больше полутора часов. Иногда удаётся держаться вертикально, но противостоять атакам морской болезни просто нет сил. Пассажиры один за другим скрываются в чреве корабля и валятся на скамейки. Стыдно! Надо быть героем. Выхожу на палубу. Здесь нас только двое: я и высокая сухопарая англичанка в платье со шлейфом двухметровой длины. Мы оба прохаживаемся с победным видом, гордясь своей стойкостью. Но отчего всё-таки такая сильная качка? Прохожу на корму – и моя отвага испаряется, как лужица от мороженого на асфальте. Передо мной разверзлась пропасть, и корабль начал соскальзывать в неё, как в рассказе Эдгара По «Низвержение в Мальстрем». Голова закружилась. И тут тощая фигура в длинном платье пронеслась мимо меня. Англичанка выскочила на корму и перегнулась через поручни, словно не замечая разверзшейся перед нею бездны. Через минуту-другую она повернулась, скользнула по мне взглядом, не выразив никаких чувств, и, утратив всякую величавость, поплелась к трапу. Я тоже побрёл вниз. Ну её к чёрту, эту пустую браваду! Попросил распорядителя разбудить меня, когда подойдём к Дувру, и свалился на скамью. Пролежал в полубезытии, видимо, больше часа. Когда распорядитель начал трясти меня за плечо, сильно захотелось оттолкнуть его подальше. Но что

делать? Сам просил. До берега оставалось ещё около километра. Выполз на палубу и понял, что не прогадал. Ради такого зрелища можно было и пострадать. Исполинская белая стена с ровной зелёной кровлей поднималась впереди. Вначале она казалась гладкой, почти полированной. По мере приближения на ней проступали вертикальные рёбра и округлые впадины. Постепенно стена заполнила почти всё пространство по курсу парохода. Стали видны отдельные живописные столбы, словно детёныши, оторвавшиеся от матери – гигантской белой зверюги...

Я прибыл в Англию вскоре после того, как король Эдуард VIII отрёкся от престола, чтобы сочетаться браком с разведённой американкой Уоллис Симпсон. В Дувре меня, как и положено, спросили о цели приезда.

– Вообще-то я приехал по делам бизнеса, – говорю им, – но, поскольку ваш престол пока свободен, я, возможно, выставлю свою кандидатуру.

По губам чиновника пробежала лёгкая улыбка:

– Возможно, у вас есть вещи, приобретённые за границей?

– Ну я ведь в Англии в первый раз, так что все мои вещи приобретены за границей.

Он опять улыбнулся, пометил мой чемодан и, даже не заглянув в него, выпустил меня в Англию. На этот раз проблем с сигаретами не возникло, хотя я их задекларировал: их было не так уж и много, к тому же я был в какой-то мере британцем. Два часа в поезде – и я в столице. Лондон был тогда самым большим городом Европы и таки поразил меня масштабами. Огромность его ощущалась во всём: разветвлённое метро, интенсивное уличное движение, просторность площадей, величие зданий. Даже отель “Regent Palace” на площади Пикадилли, в котором я остановился, был невиданно большим и роскошным. Шесть этажей, сотни номеров, зал ресторана на несколько сот мест. А к нему примыкают ещё и зал для кофе, зал для чая. При этом одноместные номера (а я, естественно, жил именно в таком) – чрезвычайно тесные. В номере за половину фунта стерлингов в день, включая завтрак, – только кровать, стул, малюсенький столик да раковина для умывания. Ванная – в другом крыле, и за неё надо платить отдельно. В туалет надо бегать по коридору. Спартанские привычки у этих англичан.

Служащие работали, как сказочные гномы. Табличек «Не беспокоить» и «Просьба прибрать» в ту пору ещё не знали. И при этом горничная никогда не заходила в номер, если я в нем находил-

ся, а полотенца умудрялись менять после каждого употребления. Вероятно, им помогали информацией те горничные, что сидели в коридоре возле выходов к лифтам и следили за порядком. Чаще всего я обедал и ужинал в том же гостиничном ресторане. Трапеза стоила недорого, только вот с оплатой я вечно путался. Фунты, шиллинги, пенсы – что за бред? Это не для среднего ума и не средним умом придумано. К ужину надо было спускаться в смокинге и непременно повязывать галстук. Повсюду таблички: «Просьба ничего не дарить. Работник, принявший подарок, будет немедленно уволен». Рассказывали, что тех, кого поймали с поличным, действительно публично выгоняли. Жестоко это. Там ведь работали в основном девчонки семнадцати-восемнадцати лет. (Ясно, что находились пути для передачи и получения «знаков внимания», но девочки при этом рисковали.)

В ЛОНДОНЕ

Моя лондонская командировка началась с разочарования. Приехал я в «Репаблик» – и молодая разговорчивая секретарша тут же сообщила, что отношения между фирмой и господином Сатори разорваны. В подробности вникать не стала, но щебетала о том, что служит здесь уже давно, и о том, как ей было хорошо работать с прежним начальником и какой он замечательный человек. Так что вместо Сатори, в дружелюбии и открытости которого я не сомневался, меня встретил какой-то мрачный брюзгливый старикашка. Таких можно увидеть повсюду: от лавочки в захолустном местечке до офиса крупного банка. Похоже, он страдал язвой. Настроенное моё было сильно испорчено, а у нового руководителя филиала оно, видимо, всегда было ниже среднего. Но я проделал немалый путь не для того, чтобы уехать ни с чем, да и ему не хотелось упустить клиента, готового скупить на корню почти весь их годовой урожай: 24 фильма. Для них эта сделка открывала новый регион: Ближний Восток. Чтобы отобрать эти две дюжины, мне придётся просмотреть несколько десятков кинолент. И я принялся за дело.

Была зима. Каждое утро город медленно и нехотя просыпался в сером тумане. Деловая жизнь начиналась не раньше девяти часов. Фильмы я принимал по расписанию, словно лекарство: просматривал три фильма до обеда и три фильма после. Через пару дней стало ясно, что такими темпами мне не уложиться в намеченное время. И я прописал себе повышенную дозу: восемь фильмов за день... От обилия кино впечатлений кружится голова. Закрываю глаза – и вижу мелькание чёрно-белых кадров. Подходит кинемеханик и говорит, что больше не может. Даю ему полфунта подкрепляющего (это десять шиллингов) – и мы продолжаем.

Зато уикенды полностью принадлежали мне, и я пытался взять всё, что может предложить большой город. Стандартный набор туриста: исторические места, музеи, магазины. И встречи, конечно. Кстати, о магазинах. Это сейчас в Израиле есть всё то же, что и за границей, а тогда было совсем не так. Взять хоть игрушки. Ну где вы найдёте в тель-авивских наших лавках такую куклу? Открывает и закрывает глаза, даже говорит «мама». Дебора будет довольна. А вот замечательные деревянные игрушки новой датской фирмы Lego для наших близнецов. Естественно, не забыл и Эстер, и уже подросткового Маги, и родителей.

Иду с покупками, приближаясь к отелю, и вижу шеренгу женщин всех возрастов, комплекций и рас. Великолепная получилась галерея. Есть среди них – ну очень красивые! Гляжу раскрывши рот. А они стоят себе вдоль стены или беседуют друг с другом, не обращая внимания на проходящих.

– Кто это такие? – спрашиваю стоящего рядом прохожего. (Он тоже разглядывал эту выставку.)

Тот весело засмеялся: сразу понял, что я иностранец из отеля. Оказалось, что это не выставка, а выставка-продажа. Стояли представительницы самой древней профессии. Закон запрещает им подходить к прохожим и предлагать себя даже намёком. Мужчина может подойти к той, что пришлась ему по вкусу, – и она пойдёт с ним. Я даже сам удивился своей наивности.

На следующий день отправился в Гайд-парк. Первое чувство – зависть. У нас нет ничего подобного. Наш славный и тихий сад Меир поместился бы в каком-нибудь дальнем уголке Гайд-Парка. Здесь не дорожки, а настоящие асфальтированные дороги, по которым ездят велосипеды, брочки и даже автомобили. Посреди парка дивное озеро, и плавают по нему белоснежные неторопливые лебеди. И народу совсем не много. А вот какой-то чудак вытащил ящик, забрался на него и начинает громко вещать. В его речь я не вслушиваюсь. Я гляжу, как невесть откуда появляются слушатели. Вот их уже с десятков, а вот и два... Иду дальше – и опять человек, призывающий к чему-то с деревянного ящика. И ещё один, и ещё. Свобода слова – или просто клапан для выпуска недовольства, чтобы дать людям выговориться?

Может быть, мне везло, но подавляющее большинство англичан, с которыми привелось встречаться в Лондоне, были порядочными людьми. Водители такси не были исключением. Однажды мой таксист заблудился, заехал не туда. Тут же выключил счётчик и не включал его, пока не доехал до места. А в другой раз водитель вообще здорово мне помог.

В один из понедельников я начал серию встреч в офисах пяти кинофирм. Выписал все адреса на отдельные листочки. Остановил такси, подал водителю первый адрес. Доехали в считанные минуты. Я заплатил, вышел.

– Вас подождать, сэр?

– Не знаю, сколько пробуду. Если найду вас, когда выйду, то поеду с вами.

Я действительно немного подзадержался: фирма большая, администраторов много. Не сразу до главного добрался. А когда вышел, увидел то самое такси. Водитель дождался меня, ничего не получая за это. Протянул ему следующий адрес. На этот раз ехали довольно долго. Выйдя из второй конторы, снова застал это такси на месте. Подаю третий листок.

– Как жаль, сэр! Мы ведь недавно там были. Этот офис – на соседней улице с первым. Может быть, дадите мне весь список, и я вас отвезу по этим адресам?

Действительно, все три офиса были не особенно далеко друг от друга, и водитель сразу выбрал оптимальный маршрут.

Были встречи забавные. Вон идёт парень и громко сквернословит по-французски, думая, вероятно, что его не понимают. Меня это рассердило. Говорю ему (тоже по-французски), что нехорошо так выражаться: дети, мол, ходят. Глаза его оживились, а по лицу расплылась улыбка. Он тут же выказал миролюбие. «Вы говорите по-французски?» – и вступил в беседу. Что-то в его произношении показалось мне знакомым, и я спросил по-русски:

– А где вы жили в России?

Разумеется, он вытаращил глаза. Оказался эмигрантом, ещё в ранней юности уехавшим из Санкт-Петербурга вместе с родителями. Узнав, откуда я, вновь воодушевился. Сам он русский, но в Стране у него несколько хороших знакомых. Разумеется, началось: «А такого вы знаете? Нет? А этого?..» У нас нашёлся-таки общий знакомый в Тель-Авиве. Я ведь очень многих знал в нашем городе. Он попросил передать привет, и мы расстались совершенно по-дружески.

Попадались и антисемиты, которых, к сожалению, везде хватает. Сажу в баре за столиком, пью чай. В те времена посетитель лондонского бара мог распорядиться только своим стулом, а столы были общими. Спрашивать позволения присесть за столик, за которым уже сидят, было совсем не обязательно. Подходит высокий широкоплечий парень с большим стаканом виски. К моему удивлению, просит разрешения подсесть ко мне. Ясно, что потрепаться захотелось, поскольку рядом – свободные столы. Я не возражал. Он глотнул пару раз из своего стакана и начал изливать душу, делиться тем, что наболело.

– Вам не кажется, что здесь чересчур много представителей избранного народа?

В первый момент я даже не сообразил, кого он так называет: Chosen People. А он продолжал:

– Нам нужен свой Гитлер, чтобы от них избавиться.

Я, разумеется, страшно разозлился.

– И как же вы различаете, кто здесь еврей, а кто нет? Я вот смотрю на людей – и не отличаю еврея от турка или от кого другого.

– Да я еврея за милю чую!

– В самом деле? За милю? Что же ты сидишь в двух футах от меня и не чувствуешь, что я еврей? Сильно же ты промазал, парень.

– А ты в самом деле еврей? – недоверчиво спросил он.

– Да. Смею считать себя порядочным евреем и горжусь своим народом.

Он схватил свой виски и поспешил убраться за другой столик – под мой громкий смех. А ведь обычно я тихо смеюсь.

ЛОНДОНСКИЕ ДЕВУШКИ

Не всегда приятно бродить в одиночестве по городским джунглям, и мне помогал скрасить одиночество в чужом городе Залман Сахаров, мой приятель ещё по Легиону. Теперь он служил секретарём Хаима Вейцмана в его лондонском офисе. (В государстве Израиль Залман станет генеральным инспектором полиции.)

Мы сидим с ним в просторном зале “Regent Palace” и разглядываем посетителей. В ресторане много наших соплеменников, вышедших поразвлечься в субботний вечер. Здесь есть на что посмотреть. Переливчатый блеск драгоценных камней на груди женщин, вон у той золотые кольца чуть не на каждом пальце, а у этой – по несколько браслетов разной толщины на обеих руках (ножных браслетов в то время ещё не носили). Ожерелья из жемчуга и драгоценных камней – в несколько рядов на каждой шее.

– Это богатые лондонские еврейки, – поясняет Залман. – Приходят сюда пускать пыль в глаза. Видишь, как соревнуются в роскоши? Говорят, что из-за них нашего брата здесь не любят.

– Наверно, из-за того, что англичанки не могут их перещеголять по части драгоценностей, – глубокомысленно замечаю я.

– А вот такие приходят сюда партнёров искать, – Залман кивком показывает на одинокую девушку за соседним столиком. И добавляет погромче и по-английски:

– Жаль, что она одна, а нас двое.

Девушка немного повернула голову в нашу сторону, равнодушно посмотрела на нас и снова отвернулась.

А у меня за многие вечера в ресторане сложилось совсем не такое впечатление об этих девушках. Видимо, приходят сюда вкусно поесть и провести часок в окружении светского общества. Потом разочаровываются и больше здесь не появляются.

Праздник Пурим мы с Залманом отмечали в большом зале спортивного общества «Маккаби», где собралось много молодых людей обоих полов.

– Пойдём вон к тем двоим, – сказал Залман и уверенно потянул меня в сторону двух симпатичных черноглазых подружек. Он вроде бы встречался с ними раньше.

– Учти: я английского не знаю, – предупреждаю Залмана. Он понимающе кивает.

Подходим, раскланиваемся. Залман представляет меня, затеваем следует разговор. Обе девушки вроде бы довольны, весело щебечут. Мой спутник «переводит» мне на иврит. Я тоже участвую в весёлой беседе. Говорю на иврите, Залман переводит. Красота! А потом он пошёл танцевать, да не с какой-нибудь из этих двух, а совсем с другими. На него был большой спрос: красавчик! А я остался с девицами наедине. Оставлять их было неудобно. Сидел рядышком и внимал. А что ещё делать?

– Тебе который из них больше нравится? – спросила одна.

– Не знаю. Залман симпатичнее, конечно. А у этого физиономия какая-то лошадиная. А уж какой серьёзный! И потом, как с ним общаться, если он совсем не рубит в английском?

– Между прочим, Залман – тот ещё плейбой. По-моему, он легкомысленный. Что это за мымра, с которой он так отплясывает? Ты её знаешь?

– Да видела раза два с Джорджем. Это она сейчас ему назло пробует крутить со всеми подряд. Кстати, а с Майком ты не помирилась?

– А с чего бы я тогда одна сюда пришла?

Так они продолжали судачить о парнях и подругах, о купленных недавно нейлоновых чулках, которые так трудно стирать, о духах и кремах. Мне было неловко, словно я подслушиваю у замочной скважины. Затем одна объявила подруге, что хочет есть. Я подождал несколько минут, чтобы они убедились, что я не понял, а потом пошёл в буфет и купил блюдо бутербродов канапе.

– Он читает мысли! – удивлённо воскликнула одна.

– Совпадение! – откликнулась вторая.

Я про себя улыбнулся, но остался невозмутим.

Вспотевший от танцев Залман присоединился к беседе, но скоро ему надоело переводить.

– Слушай, кончай выпендриваться!

Сквозь гомон танцевального зала девушки вдруг начали различать знакомые слова. Вначале они ничего не могли понять, потом до одной из них дошло. Но мы и помыслить не могли, что они так сильно обидятся.

– Вы говорите по-английски!

И они гордо удалились, страшно разгневанные. Вот те на! Мне-то всё равно уезжать, а перед Залманом неудобно.

В те далёкие времена практически единственным средством связи с живущими далеко родными была почта. Даже междугородние звонки были проблемой, а уж про международные и говорить нечего. Уезжаешь в далёкий город, где у кого-то из друзей есть родня, – будь уверен, что попросят передать живой привет. Так это называлось. Надо встретиться с родными приятеля, рассказать им о том, как у него дела, и вообще о здешнем житье-бытье. Отправляясь в Лондон, я получил задание передать несколько таких живых приветов. Конечно же, вестника, принёсшего привет, радостно привечали и зазывали в гости. Да и вообще родственники твоего знакомого тут же становились и твоими добрыми знакомыми.

Однажды утром я позвонил лондонским родителям моего друга Бенямина. Трубку взяла его сестра Абигаль – и мы тут же начали болтать словно старые друзья. Спросила, где я успел побывать, куда ещё собираюсь. Сказал, что хочу сходить в музей мадам Тюссо – и она вызвалась меня сопровождать.

– Где встретимся?

– Знаешь что, – говорю, – приезжай ко мне в отель. Ближе к вечеру. Посидим в ресторане, поболтаем, а потом и в музей поедем.

Когда она приехала, до открытия ресторана к обеду (нечто вроде нашего раннего ужина) оставался ещё почти час. Мы поднялись ко мне в номер. Я рассказал, как живёт её брат в Тель-Авиве, она прикидывала, не сможет ли сама устроиться в Стране. Внезапно раздался стук в дверь. Я открыл и увидел очень представительного мужчину. «С такой внешностью ему послом быть. Вот хоть у нас», – подумал я. Незнакомец попросил меня выйти и прикрыл за нами дверь. Представился офицером полиции нравов при отеле, потом спросил:

– У вас в номере дама?

– Да.

– Скажите ей, пожалуйста, чтобы спустилась в зал ожидания.

– И не подумаю. Я пригласил эту даму на ужин, а сейчас мы сидим и разговариваем. Если ваши законы это запрещают, скажите ей об этом сами.

– Но этого требует закон!

– Сожалею, но я воспитан в других правилах и не могу выставить женщину. У нас в Палестине так не принято. И вообще, если нет подозрений, то нет и подозреваемых.

Мы препирались так некоторое время, и я повторял одно:

– Можете войти и сказать ей, а я не стану.

Я же упрямый еврей, и он понял, что меня не переспорить.

– Хорошо, сэр. Возвращайтесь в номер, но оставьте дверь открытой.

Вот лицемеры!

Мы поболтали ещё, а потом спустились в ресторан. По широко раскрытым глазам Абигаль я понял, что в подобном заведении она впервые. Как выяснилось, в музее мадам Тюссо ей тоже бывать не приходилось, и всё в нём было ей не менее интересно, чем мне. Она вообще воспринимала окружающее с очаровательной непосредственностью.

Входим в музей и оказываемся прямо перед лестницей, ведущей наверх, к залам. Прямо посреди лестницы стоит, загораживая проход, невозмутимый полицейский, типичный английский бобби. Говорим ему: «Позвольте пройти!» – он ни с места. Тут до нас доходит, что этот полицейский и есть первый экспонат музея. Абигаль хохочет. Надо же, так обмануться! Обходим бобби с обеих сторон и поднимаемся в зал. Вот недавно умерший Георг V с Уинстоном Черчиллем, а рядом с ними наш Герберт Самуэль, верховный комиссар Палестины, отец одного из моих соратников-легионеров. Вот и более старые фигуры: принц Альберт с королевой Викторией (на ней пышное свадебное платье), вот сама мадам Тюссо, строгая чопорная старушка в круглых очках. А вон какая-то пожилая леди присела на скамью и задремала. Видно, устала от хождения по музею. Сумочка свалилась рядом со скамьёй. Как истый джентльмен, наклоняюсь, чтобы поднять сумочку и положить рядом со старушкой. Не тут-то было! «Потеря» приделана к полу. Чёрт! Второй раз попался на их шуточки. Вон там – ещё одна обманка из той же серии: господин средних лет сидит на скамье и дремлет, вытянув ногу так, что она загораживает проход. Нет! В третий раз они меня не проведут. Перешагиваю через ногу, слегка задевая эту скульптуру, – и нога тут же сгибается в колене! В ужасе отпрыгиваю, а шутник радостно смеётся.

Двигаемся к комнате ужасов, где должен быть Джека-потрошитель. Вход загорожен фигурой стражника. Растерянно оглядываемся: у кого бы спросить? Тут «кукла» повернулась к нам: «Что вы хотели узнать?». Снова попались! Но в итоге увидели и Джека-потрошителя, и кого-то из династии Тюдоров с кинжалом в груди, и много ещё подобных имитаций. И как же было приятно после этих кошмаров оказаться на тротуаре среди прохожих и вдохнуть свежего воздуха!

Остановили такси, доехали до моего отеля, я заплатил водителю за дальнейший маршрут моей гостыи... Иногда нескольких часов достаточно, чтобы почувствовать и узнать человека.

– Когда теперь снова увидимся? – грустно сказала она.

– Приезжай к нам, в Страну! Ты устроишься.

Она улыбнулась:

– Значит, в следующий раз – у вас.

И Абигаль, лёгкая, почти невесомая, запрыгнула в такси. Больше я её никогда не видел.

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Наконец-то я завершил нелёгкую работу отбора фильмов. Список готов и согласован с начальством кинокомпании «Републик». Можно глубоко вдохнуть и расслабиться.

Кинофильмы обычно приходили к нам в Страну вместе с их переводом на французский. Именно с французского я и делал ивритский текст на отдельной плёнке. Это сильно облегчало работу. Переводами занималась компания «Filmotechnic», что в Брюсселе. Фирма известная, переводили с английского на другие языки львиную долю всех фильмов, достойных перевода. Раз уж я в Европе, то почему бы самому с ними не поговорить? Попросил метрдотеля, чтоб заказал мне номер в бельгийской столице, а потом распрощался с Лондоном и двинулся в Брюссель. Схожу с поезда. Кругом полно таксистов, но как только назову свой отель, таксист тут же испаряется. Чёрт его знает, чем их отпугивал отель «Моцарт», один из самых фешенебельных и дорогих в городе. Возможно, мой скромный вид как-то не соответствовал представлению о постояльце подобных гостиниц. Тем не менее через несколько минут объявился солидный мужчина генеральского вида. Спросил, как меня зовут, затем посадил в солидный длиннорылый кадиллак и домчал до цели. Вошёл я – и остолбенел, до того роскошными были фойе, зал приёмов и ресторан. Стены, покрытые великолепными изразцами, кресла и диваны в стиле Людовиков, картины в невероятно больших золотых рамах. Поднимаюсь наверх в свой номер. К порогу его ведут несколько деревянных ступенек. Постель как постель, чистенькая. Остальная мебель, вероятно, помнит наполеоновские времена. Обычная раковина и большой ночной горшок под кроватью. Мне только его не хватало для счастья. Спустился в ресторан. Цены заоблачные, а еда – так себе. Отправился болтаться по улицам, посмотреть на Брюссель. Неожиданно увидел перед собой знаменитого Писающего мальчика (Manneken Pis) – он оказался в двух сотнях метров от отеля. Потом я долго бродил по городу, любуясь архитектурой. Наступил вечер, захотелось есть. И тут, как по волшебству, клуб «Маккаби», нашего спортивного общества, а при нём – еврейский ресторан. Прекрасное меню, замечательная еда, а заплатил втрое меньше, чем в «Моцарте».

Хорошо подкрепившись, двинулся дальше и наткнулся на танцевальный клуб. Вспомнил: что-то слышал о нём, но что именно?

Танцевать не тянет, но пройти мимо, не полюбопытствовав, никак невозможно. Вход свободный. Огромный зал. В центре площадка для танцев, а вокруг столики. Прямо напротив входной двери, у стены, – возвышение, а на нём шесть кресел. В каждом кресле – симпатичная девушка, а в кресло вделан счётчик, наподобие тех, что в такси. Приглашаешь девушку на танец – она запускает счётчик. Оплата через кассу. Я жестом подозвал одну из них. Она включила счётчик и присела за мой столик.

– Видите ли, – сказал я по-французски, – я не танцую. Просто хотел узнать побольше о вашем заведении, о здешних порядках.

– А что бы конкретно вы хотели узнать? – спросила она.

И снова, как в Лондоне, я услышал знакомый акцент.

– Вы из России?

– Ой! А вы? (Уже по-русски.)

– Я тоже родом оттуда. А сейчас из Палестины.

– У меня там нет знакомых...

Я заказал два коктейля. Она оказалась дочерью небогатого дворянина из Нижнего Новгорода. После революции жили в Париже. Семья бедствовала, и Марина (так её звали) отправилась попытать счастья в соседнюю Бельгию. Пока работает здесь. На скромную жизнь хватает, даже удаётся немножко переводить родителям, но, разумеется, она уйдёт отсюда, как только найдёт более подходящую работу. Условия? Не плохие и не хорошие.

– Знаете, ужасно неудобно, что во время работы нам вообще запрещено выходить из зала. Свежего воздуха вдохнуть – и то нельзя.

Через полчаса дружеской беседы мы расстались. Я заплатил в кассу сколько положено и удалился, очень довольный этой встречей.

На следующий день я приехал в «Filmotechnic», договорился о переводе купленных в Лондоне фильмов, а к вечеру сел на поезд, идущий в Цюрих.

Ехали всю ночь, пересекая европейские границы.

– Где мы? – спрашиваю проводника.

– В Люксем... Уже проехали. Мы во Франции.

Да, не успел я рассмотреть Люксембург!

На вокзале меня встречал господин Калман Кадиши, брат моей соседки по дому на улице Варбург. Он уже давно жил в Цюрихе и был почтенным членом еврейской общины. Тут же предложил

выступить в общинном центре, рассказать о жизни в Стране. Даже теперь, в эпоху спутников связи и массового телевидения, евреи в галуте всегда рады услышать живые свидетельства приезжающих к ним израильтян, а уж в те времена и подавно. Меня и на ночь устроили в этом центре, там у них были чистые и удобные комнаты для приезжих, не хуже, чем в гостинице. Вот только одно обстоятельство немного смущало: говорить надо было на идише. За последние годы я от него здорово отвык. Одно дело – короткие бытовые разговоры и совсем другое – лекция и ответы на вопросы. Я начал своё выступление бойко, а потом вдруг заметил, что перемешиваю идиш с английским. Потом вдруг перешёл на французский, время от времени переключаясь на иврит. Кошмар! Я запнулся и замолк. И тут поднялся один из слушателей:

– Давайте я вам помогу.

И стал переводить мою речь с иврита на идиш. Я говорил о нашей жизни, о Тель-Авиве, Иерусалиме и поселениях, о том, как мы живём, ощущая себя единой семьёй, потому что Страна – это наш общий дом. Вскоре я заметил, что мой помощник и от себя прибавляет немало подробностей. А дело было в том, что он не так давно гостил у нас. До позднего вечера я рассказывал и отвечал на вопросы.

Утром просыпаюсь, открываю окно – и такое ощущение, словно смотрю кино. Белое крошево сыплется с неба, земля внизу – сплошной белый ковёр. Даже не сразу дошло, что это идёт снег, как в детстве, больше двадцати лет назад. Я быстро оделся и выскочил наружу, в город. Снег не препятствовал солнцу совершать обычный путь по небосводу. Было прохладно, но не морозно. На снег, похоже, не обращали особого внимания. Я видел, как раздетые до пояса люди играют в теннис, как гуляют женщины с младенцами, улыбаются прохожие. Только для одного меня снегопад был чем-то экзотическим.

Вечером я уехал в Милан. Лёгкий снежок продолжал идти. На одной станции я не удержался: выпрыгнул из вагона, похрустел по снегу башмаками, зачерпнул ладонями, поднёс к лицу. Давненько не получал подобного удовольствия.

В Милане оглушил и поразил вокзал, построенный незадолго до того, уже во времена фашизма. Мегаломания – это вообще главная черта фашистских диктаторов. Всё должно быть сделано с размахом. Иногда у них неплохо получается. Фасад высотой в

двести метров, невероятное количество платформ и путей, огромный цилиндрический купол над ними. Ничего подобного в жизни не видел – ни в Санкт-Петербурге, ни в Париже, ни в Лондоне. Бросил в гостинице свои вещи, а потом сел в трамвай и поехал полюбоваться знаменитым собором. Народу в трамвае всё прибавлялось. Я уступил место какой-то пожилой женщине. Это было совершенно естественно и в России, и в Стране, но, вероятно, не особо принято в Милане. На кондуктора это произвело большое впечатление, он захотел, чтобы и другие молодые люди сделали то же самое, и призвал брать с меня пример. Его никто не слушал.

Каких-то особых примет фашизма я не увидел, и как увидишь за несколько часов? Ни манифестаций, ни митингов. Да и Муссолини мне не встретился. Скорее всего, в это время он был в Риме.

В Венецию приехал незадолго до полудня. Главная моя проблема – язык. Итальянского я тогда практически не знал, а венецианцы, напротив, знали только его. И как мне сдать чемоданы в камеру хранения? Не таскаться же с ними по Венеции. Но мир не без добрых людей. Случилась поблизости молодая женщина, толкавшая перед собой кресло на колёсах, в котором восседала морщинистая старая итальянка. Поравнявшись со мною и увидев мою растерянную физиономию, женщина (видимо, эмигрантка) спросила по-английски, чем может помочь. И всё устроилось. Я сдал чемоданы, прошёл по длинному мосту и направил стопы к площади Святого Марка. Было ветрено, шли тучи. Дорога оказалась длиннее и пустыннее, чем мне представлялось. Не сбился ли с пути? Прохожих почти не видно. Друзья предупреждали, чтобы в Венеции не обращался к женщинам: подумают что-нибудь не то, потом неприятностей не оберёшься. Всё-таки собрался с духом и обратился по-французски к двум женщинам средних лет, идущим навстречу. Они оживились, услышав французскую речь, и с огромным воодушевлением объяснили мне дорогу. Повезло.

Разинув рот смотрю на дома и дворцы, где вода каналов плещет о ступени, на купола собора, на каменные узоры дворца Дожей, на голубей, буквально покрывающих площадь. Стены зданий огораживают её с трёх сторон. Лёгкие фасады покоятся на изящных арках. За этими арками – рестораны. Захожу в один. По пятницам итальянцы не едят мясо, и я заказал рыбу с макаронами. Рыба неплохая, а вот макароны... Те, что варит моя Эстер, во сто раз лучше. Поднимаю голову от тарелки – и вижу за одним из со-

седних столиков тех двух женщин, что помогли мне отыскать дорогу. Прошу официанта спросить их от моего имени, чего бы они желали выпить. Дамы благосклонно приняли моё предложение, я подошёл к ним и услышал, как одна сказала другой по-русски: «Ну точно, он! Тот самый». Через минуту мы уже сидели вместе и весело болтали на родном языке. До чего же тесен мир, и как много повсюду нас, русскоязычных!

К вечеру следующего дня я уже был в Триесте. Через этот город в то время проходила почти вся алия. Приехал в гостиницу, спросил, в котором часу ужин. Консьерж чистосердечно предупредил:

– Господин, если хотите хорошо поесть, то не надо ужинать у нас!

И подробно объяснил, как пройти в замечательный рыбный ресторанчик в одном из соседних переулков. Я нашёл его сразу. Вход и стойка ярко освещены, а в самом зале – лёгкий полумрак. Скелеты акул, чучела скатов, а на блюдах вдоль стойки – разного вида свежие рыбины для демонстрации. Я показал на одну из них, давая понять, что хочу на ужин рыбу именно этого вида, и пристроился за столиком. Да, пора, пора мне изучать итальянский! Вот уж не подумал, что именно эту рыбину мне и принесут! Я, конечно, был голоден, но не до такой же степени! И как же грустно, когда не с кем разделить трапезу и поболтать по душам! Мужчины в конце зала играли в бильярд, разговаривая по-итальянски. Женщин не было вообще. Попросил вина – и скоро официант молча поставил передо мной литровую бутылку кьянти. Я ел медленно и старательно, но так и не смог одолеть эти полкилограмма рыбной плоти и весь этот дар виноградной лозы. И хорошо, что не одолел. По крайней мере без приключений добрался до гостиницы, хоть и немного извилистым путём...

В полдень сел на пароход, а через несколько дней сошёл с него в Александрии. Было начало апреля. Наступала весна.

Конец четвёртой части

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ

ХАГАНА

Я уже знал тогда, в 1920 году, что мои друзья Дов Хоз и Элиягу Голomb создают еврейскую военизированную организацию. Им не было смысла скрывать это от сподвижников. Знал, но и помыслить не мог, что со временем эта небольшая группа превратится в армию еврейского государства.

– И чем вы будете отличаться от Ха-Шомер? – спросил я Дова.

– Сам видишь, Ха-Шомера больше нет. Люди есть, а организации нет.

– Так вы станете вместо неё?

– Да нет, конечно. Мы же не собираемся только защищать поселения от арабов. И противник теперь посерьёзнее будет.

– Ты кого имеешь в виду?

– Британцев, конечно.

– Ого! Они же обязались нас поддерживать...

– Много они нас поддерживают! Без борьбы ничего не получится. Кстати, а почему ты всё время говоришь «вы», а не «мы»?

– А ты меня запишешь?

– Общего списка пока нет, но учёт членов уже ведём. А главное, – он пристально посмотрел на меня, – начинаем работать. Прямо здесь и сейчас. Готов?

И мы начали накапливать вооружение, экспроприруя его у британской армии. (Я рассказал об этом в третьей части.) Членский билет Хаганы²⁰³ (так мои друзья называли новую организацию) я получил позднее. Я не Джеймс Бонд, но на билете стоял номер 00007. (Впрочем, в ту пору этого героя ещё не существовало.) Этот билет я носил до тридцать второго года, когда затеяли обмен членских билетов. И не просто обмен, но и нечто вроде чистки. Фактически надо было снова пройти процедуру приёма. Я излил своё возмущение на Алимелеха Зеликовича, бывшего своего приятеля по ешиве в Лидо. Теперь он командовал Тель-Авивским округом Хаганы. Зеликович усмехнулся:

– А тебе не всё равно? Тебя и так все знают.

И выдали мне билет с чёрт-те каким номером. Справедливость восторжествовала недавно, уже в конце восьмидесятых. Помогли компьютерные технологии. Обработали множество документов,

²⁰³ Хагана – הגנה – «Оборона».

завели большие базы данных, восстановили информацию о боевой биографии каждого и первоначальные номера членских билетов.

Дов и Элиягу руководили экспроприациями оружия, а доставкой его в поселения занимались мобилизованные ими надёжные ребята. Йосеф Гехт был одним из самых активных. До вступления в Легион он работал на ферме в Хульде, недалеко от Реховота. Через Йосефа оружие переправляли в поселения Гуш-Дана. Он не был в числе моих близких друзей: служил в другой роте, да и общался не со мной, а с Хозом и Голомбом. После роспуска Легиона они и попросили его возглавить новую организацию. Йосеф Гехт руководил Хаганой почти десять лет. (Формально в те годы организация подчинялась нашим профсоюзам – Гистадруту – и была полуполюгальной.) Привыкший к конспирации, он требовал от подчинённых соблюдения секретности в работе. Иногда обнаруживались фотографии членов организации с оружием в руках – и это сильно возмущало Гехта. Такие фотографии тут же уничтожались. Во время арабских беспорядков 1929 года Гехт проявил себя при защите еврейских кварталов в Старом городе Иерусалима, но вскоре у него начались трения с руководством ишува. Йосеф сильно повздорил с Бен-Гурионом и его окружением. Были, наверно, и интриги, и взаимные обвинения. Я не вникал в детали тех разногласий, я ведь не входил в руководство Хаганы. Гехт ушёл в отставку и до конца жизни оставался частным лицом.

ВОССТАНИЕ 1929 ГОДА

По праздникам и в Йом-кипур сотни евреев собирались у Стены Плача для совместной молитвы. Так было и в Дни Трепета 5689 года от сотворения мира, 1928-го по христианскому летоисчислению. Евреи поставили стулья для молящихся, отгородили места молитвы деревянными перегородками. Арабские лидеры разгневались. Они объявили, что это нарушение того порядка, что существовал ещё со времён турок: никакого еврейского строительства в районе Стены Плача. Под давлением арабов британские власти потребовали снести перегородки, что и было исполнено. Уже известный нам муфтий Амин Аль-Хусейни развернул пропагандистскую кампанию: «Евреи хотят захватить мечеть Аль-Акса!», – что, конечно, было полной ерундой, но здорово разогрело страсти. В молящихся у Стены евреев постоянно летели камни. Почти год продолжались столкновения. 15 августа ребята из молодёжной организации «Бейтар» организовали шествие к Стене. Шли они, развернув наш флаг, с пением «Ха-Тиквы». Затем начали громко скандировать: «Стена наша!» И руководство ишува, и британские власти позаботились о том, чтобы не было никаких инцидентов. Всё закончилось мирно. Но на следующий день арабские лидеры призвали к насилию. И на этот раз британская полиция не была столь оперативной. После подстрекательской проповеди в Аль-Аксе толпа вышла к Стене Плача и принялась избивать евреев, сжигать свитки Торы и молитвенники. Один еврейский подросток был убит. Насилие распространялось по Стране, как пожар по полю пшеницы²⁰⁴...

Для меня события начались в пятницу 23 августа 1929 года. Я сидел в офисе и торопился закончить перевод фильма к показу на исходе субботы. Зазвонил телефон. Сообщили о кровавых событиях в Иерусалиме. После очередной подстрекательской проповеди Амина Аль-Хусейни толпа, вооружённая ножами и палками, вышла из стен Старого Города через Шхемские ворота и кинулась в еврейские районы. Итог того дня: девятнадцать убитых евреев, несколько разграбленных синагог. Я понял, что в такое время людям будет не до кино.

На следующий день мы узнали о страшной резне в Хевроне,

²⁰⁴ Подробнее о событиях см., напр. [36].

где арабы и евреи издавна жили рядом. Нельзя сказать, что наша организация проморгала атаку. Руководители Хаганы почти за неделю до этого предупредили хевронцев о возможных погромах, даже предложили эвакуироваться. Но те и помыслить не могли, что вчерашние соседи начнут их убивать. Однако именно это и случилось. В мгновение ока рухнуло добрососедство. Толпа врывается в дома к еврейским семьям, грабита и убивала. Жуткий итог этого дня – 67 погибших и 53 раненых. Жертв было бы куда больше, если бы не самоотверженность многих арабских жителей Хеврона. Рискую жизнью, укрывали они еврейских соседей. В некоторые арабские дома набивались десятки людей. Арабский врач, доктор Абдал Аал, укрыл в своём доме еврейскую семью, а сам отправился по городу, отыскивая раненых евреев и оказывая им первую помощь. Небольшие полицейские силы городка отогнали толпу от здания полицейской станции, где тоже укрылись евреи. (Она оставалась в осаде до прихода британских частей.) Полицейские в первый же день погромов вызвали армейские подкрепления, но в Хеврон они прибыли только три дня спустя.

Уже в субботу британцы перекрыли телефонную связь с главными центрами беспорядков – Иерусалимом, Хайфой, Хевроном, Цфатом и Газой, но у Хаганы были свои люди на телефонных станциях. Я вспоминаю добрым словом двух замечательных женщин: Ципору Марголину и Герцлию Яфа. Обе они состояли в Хагане. Ципора была хорошей подругой Эстер, она служила главным инспектором телефонной связи в Хайфе. Через неё по специальным телефонным номерам передавалась текущая информация, шли приказы руководства организации. Герцлия работала телефонисткой в Тель-Авиве и, тайком от своих сослуживиц-арабов, соединяла наших бойцов с «закрытыми» городами.

По телефону я и получил приказ. Мобилизовали практически всех тель-авивских членов Хаганы, и уже на следующее утро я оставил дом, чтобы вернуться только по окончании всех событий.

С пункта сбора меня сразу же направили в штаб Летучего эскадрона. Поднимаюсь вверх, вхожу в большую комнату. Там уже сидят ребята, человек десять. Практически всех знаю. И тут меня окликают из другого угла, где стоит старый письменный стол и громоздятся несколько ящиков:

– Ерушалаим, иди, получи оружие!

Да это же Иосиф Харит, мой добрый знакомый ещё с галилейских времён. Тот, что, как и я, подорвался, экспроприруя взрыв-

чатку. Вот и опять пересеклись наши дороги.

– Привет, Иосиф! А что за оружие? Неужто опять винтовка?

– Винтовок нет, возьми вон маузер.

– Ничего себе пушка! Почему такой большой?

– А ты открой. Видишь, кобура – это как бы приклад, ложе.

Прицепишь – вот тебе и винтовка.

– А бьёт далеко?

– Да на километр.

– Ого!

– Держи патроны. Здесь сорок две штуки.

– А не маловато?

– Больше нет и не будет. Береги, ни одного не выпускай понапрасну.

– Видно, мало мы с тобой наворовали, – засмеялся я.

В Летучем эскадроне Харита нас было восемнадцать человек включая командира. Разместились на ночёвку в том же помещении. Уже действовал комендантский час. Мы ещё не успели как следует расположиться – слышу с улицы шум. Подбегаю к окну и вижу внизу нашего капитана Саифа Виталья, размахивающего пистолетом перед носом несчастного пожилого еврея, не успевшего вовремя вернуться к родному очагу. Не люблю я подобного служебного рвения.

– Саиф, что ты делаешь? Перестань!

Саиф опустил пистолет и милостиво разрешил этому бедолаге убежать домой. Конечно, кричать мне не следовало, ведь и более серьёзные нарушители могли услышать и под шумок смяться.

Рано утром пришёл приказ передислоцироваться: от наших людей в британской полиции пришло сообщение, что там уже знают об эскадроне. С минуту на минуту могут нагрянуть полицейские. Мы быстро собрали манатки, поодиночке вышли из здания и перебазировались немного к востоку, на Сдерот Ротшильд. Снова обустройство, распределение обязанностей, назначение часовых, обсуждение тактики возможных боёв. Все в напряжении. Потом немного расслабились и обнаружили: есть хочется, всем без исключения. Со вчерашнего дня крошки во рту не было. По ресторанам не походишь, в любую минуту может прийти приказ о выступлении. Да и денег с собой не прихватили.

– Знаете, – говорю, – я тут недалеко живу. Сбегаю-ка домой, попрошу жену что-нибудь для нас сготовить.

Заскакиваю в квартиру и вижу, что народу у нас в доме прибавилось. Из Яффо бежали от угрозы погромов тётка жены и ещё кто-то из родни.

– Эстер, у нас продукты есть? Можешь нам сготовить что-нибудь?

– Ох... А сколько вас?

– Восемнадцать.

– О господи! Чем же я вас накормлю?

– Не волнуйся, Эстерка, – говорит тётка (она была искушённой хозяйкой), – сейчас что-нибудь придумаем. Картошка есть?

Нашли огромную кастрюлю. Собрали всю картошку, что была в доме, ещё и у соседей заняли. Тётушка натушила её с луком – получилось очень вкусно. Часа через полтора я появился с двумя ребятами из эскадрона, и мы отнесли картошку в наш новый штаб. Наелись до отвала. Наутро явился связной и вручил нам одну лиру «на обеспечение довольствием». Взял я мешок, прихватил двух приятелей – и отправились мы в булочную Голобова, что на улице Кинг Джордж. Набрали двадцать буханок хлеба. Протягиваю Голобову лиру – и наталкиваюсь на решительное сопротивление.

– Господь с вами! Какие деньги? Я же знаю, для кого этот хлеб. Берите, ешьте на здоровье.

Такой приём не мог не воодушевить. Значит, люди надеются на нас, видят в нас верных защитников. И мы продолжили наш рейд по магазинам. Накупили простокваши, маслин, лука и прочих овощей.

Буквально через час после возвращения мы услышали выстрелы. И снова – связной из штаба. На этот раз с приказом выбить арабов из квартала Неве-Шалом – оттуда и доносится стрельба. Двигаемся в сторону моря. Вот несколько параллельных улочек, тесно прижатых друг к другу. Главный очаг боя – улица Хеврат-Шас. Там уже сражаются наши ребята из районных сил обороны. Со всеми предосторожностями заходим на улочку и начинаем медленно продвигаться вперёд, время от времени отвечая на выстрелы. Завидев нас, группа арабов отходит в сторону моря. Ну вот, кажется, убежали... И неожиданно – выстрел с того угла, где мы только что были. Чёрт возьми! Они прошли по параллельной улице Барнет, что в сотне метров к югу, и теперь зашли к нам в тыл. Разворачиваемся, отстреливаемся, переходим в атаку, гоним их вниз по Ейн-Яков... и они снова оказываются у нас в тылу.

**Командир летучего эскадрона Иосиф Харит
(1896 – 1985) с женой Цвией. 1924**

Опять разворот, вытеснение противника. Что за кошки-мышки? И тут гроыхнуло прямо перед нами, да так, что никто не устоял на ногах. Поднялось облако дыма и пыли.

– Мать вашу! – выкрикнул Иосиф по-русски, а сам ещё и залечь не успел, как выпустил в это облако две пули из своего маузера.

Стало тихо: арабские боевики отступили. Приподнимаемся, оглядываемся. Невероятно, но никто из нас даже не ранен. Откуда у них взялись гранаты? Дым рассеивается. Посреди узкой улицы – два распростёртых на мостовой тела. Осторожно подходим к ним. Оба араба мертвы.

– Ну Иосиф! – у меня даже слов нет. – Ну Иосиф, ты снайпер! Как это ты сумел?

– А хрен его знает! – опять по-русски отзывается Харит. – Так получилось.

В тот же день мы узнали, что это за гранаты. Связной передал Хариту очередной приказ, и тот сразу обратился ко мне:

– Ерушалаим, ты лучше всех город знаешь. Надо забрать гранаты. Это дом Мининберга на улице Шинкин. Придёшь, скажешь пароль – тебе дадут десяток. Только, ради бога, осторожно! Гранаты самодельные. Если такая упадёт... Сам понимаешь.

Стало быть, гранаты можно изготавливать чуть ли не в домашних условиях, и этим занимаются и арабы, и наши.

В доме Мининберга мне выдали газетный свёрток с десятком гранат. Я получил ещё одно предостережение и взял свёрток с почтением и трепетом. Двое сопровождавших меня ребят шли поодаль. Один раз чуть не споткнулся от волнения – аж холодный пот выступил. И не вытрешь: гранаты в руках. Зато какое облегчение почувствовал, аккуратно положив свёрток в нашем маленьком арсенале!

Так что на следующий день, когда мы выбивали боевиков из небольшого посёлка на границе с арабскими территориями, нам уже было чем ответить на взрывы арабских гранат.

Затем был спиртзавод в окрестностях Яффо. Он стоял на отшибе и оказался в осаде, когда начались события. Рабочие застряли за стенами завода, есть им нечего уже третий день. Мы добрались до места, не встретив никакого сопротивления. Это нас насторожило: почему никого не видно? Только отдельные выстрелы раздаются где-то в стороне. Возле заводских ворот стоит автомобиль, рядом с ним – четверо мужчин. Все из наших, и я помню их по именам. Вот Йосеф Беркович, он работает на таможне в Яффо. Рядом с ним – Моше Харари, музыкант и актёр, не так давно приехавший из Латвии. Я встречал его статьи о театре в газете «Хаарец». Третий – уже пожилой. Это Ицхак Фейнгольд, один из директоров табачной фабрики. Я с ним почти незнаком. И наконец – полный и круглолицый Беньямин Гольдберг, младший сын видного сиониста и предпринимателя Ицхака Гольдберга, о котором я упоминал в предыдущей части. Гольдберг-старший был большим другом Хаима Нахмана Бялика, тот даже посвятил ему некоторые из своих стихов.

– Тоже запоздали? – весело спрашивает Беньямин (мы были хорошо знакомы).

– Почему?

– Англичане уже отогнали арабов. Слышите? Ушли через пардесы в сторону Абу-Кабира²⁰⁵. Можно выводить людей с завода.

В тот же день после обеда я решил забежать к родителям – беспокоятся небось. Отпросился у Харита и бегом. И вот мы пьём

²⁰⁵ Абу-Кабир – арабский сельскохозяйственный посёлок между Яффо и Тель-Авивом. Покинут жителями и разрушен в ходе Войны за независимость (1948). Ныне на его месте – район Тель-Авива Гиват Герцль.

чай, а я с видом бывалого вояки рассказываю о событиях этих дней. Хвалю британских солдат, что пришли нам на помощь, говорю о том, как мы вместе с ними сражаемся против боевиков. Мать настораживается, а на прощание говорит:

– Сынок, не доверяйте вы англичанам! Сегодня они с вами, а завтра будут в вас стрелять.

Простая, не слишком грамотная женщина, но жизненный опыт у неё был.

Возвращаюсь в штаб – там всего несколько человек.

– Где наше отделение? Где Харит?

– Срочно отправили в Абу-Кабир. Там расстреляли группу Гольдберга.

Позднее я узнал, что Гольдберг и его сподвижники возвращались со спиртзавода через Абу-Кабир. Машину окружила разъярённая толпа. Харари вынул из кармана белый платок, взмахнул им и крикнул: «Мы не причиним вам зла!». Но к машине бежали всё новые арабы. Пришлось остановиться. У нападающих было оружие. Пристрелили всех четверых...

Стало мне очень грустно. Мы ведь с ними несколько часов назад беседовали – и вот их нет. И потом, как же так? Ребята сейчас дерутся с боевиками, а я здесь сижу...

– Да ты не беспокойся. С минуты на минуту придёт ещё группа – с ними и выйдешь.

Вскоре мы были уже недалеко от дороги на Петах-Тикву. Теперь это место называется Бейт Хадар. Там дорога делает поворот, а прямо за нею – немецкий пардес. В нём и засела группа арабских боевиков. Они стреляли в каждого, кто проходил по дороге. Радиолокации в то время, сами понимаете, не было, но мы сразу определили, откуда стреляют, когда услышали свист пуль. Хорошо, что почти все мы прошли выучку в Легионе. Рассредоточились возле поворота, залегли, дали залп по команде... Выстрелы стихли, и скоро мы уже были в пардесе. Наткнулись на оставленный второпях бивак боевиков. Сами они были уже далеко.

Кибуц Хульда²⁰⁶ был атакован одним из первых. Многочисленные группы вооружённых арабов стягивались из окружающих поселения деревень. Отряд самообороны (им командовал Илан

²⁰⁶ Хульда – крупный промышленно-сельскохозяйственный кибуц в 12 километрах к востоку от Реховота.

Абрамсон) встретил нападающих выстрелами. Это была настоящая осада, кибуцники держали круговую оборону. Наш отряд срочно бросили на помощь осаждённым. Прыгнули в грузовичок, водитель заводит мотор – и тут появляется вестовой из штаба.

– Сигалов, слезай!

В растерянности спускаюсь с грузовика.

– Остаёшься здесь. Тебя сейчас заменят.

– Как здесь? За что? Я разве плохо дрался?

– Дурак! У тебя сколько детей?

– Двое.

– Пришёл приказ: в Хульду отправлять только бездетных. Желательно неженатых.

– А мне сидеть сложа руки?

– Не волнуйся, без дела не оставят. Нам ещё драться да драться.

Действительно, мы сражались с боевиками неделю подряд. Оставшихся в живых защитников Хульды удалось эвакуировать (нашим ребятам помогали британцы). Но поселение с его знаменитой фермой полностью разрушили. Только через год новые поселенцы начали возрождать хозяйство. Теперь Хульда – большой и процветающий кибуц.

Сразу по следам событий британцы провели расследование беспорядков. Опубликовали обширный отчёт, вошедший в историю как «Отчёт Шоу» (Shaw Commission Report [37])²⁰⁷. Приняли решения. Ничего хорошего нашему ишуву они не несли. То был чисто британский взгляд на события. Англичан интересовал основной вопрос: как управлять дальше? Главное заключение: истинная причина беспорядков – еврейская репатриация и приобретение евреями земель. Отсюда и выводы: ограничить еврейскую иммиграцию и полномочия Сионистской организации, прекратить практику покупки арабских земель евреями. Скоро появилась «Белая книга Пассфилда» – документ британского правительства, фактически аннулирующий декларацию Бальфура. Это вызвало такое негодование и среди сионистов, и внутри Лиги Наций, что документ был отменён. Но и следующие варианты Белой книги так или иначе сводились к ограничению еврейского присутствия в Стране.

²⁰⁷ Опубликован, в частности, на сайте: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015066430987&view=1up&seq=8>. Выводы и рекомендации – см. Chapter XIV и Chapter XV.

ФИЛЬМЫ КОМЕНДАНТСКОГО ЧАСА

Бои закончились, но комендантский час не отменяли ещё долго. В кино не пойдёшь. Зато у меня дома стоял кинопроектор и было в достатке хороших фильмов. А преодолеть ограничения комендантского часа нам помог Бехор-Шалом Шитрит. Интересный факт: когда почти двадцать лет спустя лидеры ишува подпишут Декларацию независимости, среди подписавших будет только один коренной израильтянин, уроженец страны – Бехор-Шалом. Я познакомился с ним ещё до войны, в поселении Кинерет. Мы вместе сажали деревья вокруг посёлка. Происходил он из сефардов²⁰⁸, родился в Галилее, там и работал, там и присоединился к группе почитателей и последователей философа Аарона Давида Гордона, о котором я рассказывал во второй части. Его уважали, несмотря на молодость (он был двумя годами старше меня). Так совпало, что когда я работал в кибуце Дгания с Трумпельдором, он тоже был там, и мы опять трудились вместе. В посёлке Кинерет Бехор-Шалом организовал отряды самообороны, нечто вроде местной полиции. К началу войны был уже старостой поселения (турки называли его «мухтар» – так величали лидеров мусульманских деревень). Как только пришли британцы, Бехор-Шалом тут же поступил к ним в полицию, потом закончил офицерские курсы, стал начальником полиции Нижней Галилеи, а затем Тель-Авива.

Раз или два в неделю Шитрит привозил к нам домой членов своеобразного «клуба любителей кино». То были приятные вечера в обществе друзей. (По выходным собирались и днём.) Мы вместе смотрели шедевры Великого немого, болтали, пили чай (с выпечкой, приготовленной Эстер) и даже танцевали. После весело проведённого вечера Шитрит развозил гостей по домам. Я даже немного завидовал ему: на моём мотоцикле друзей не повозишь. Мне тоже хотелось иметь машину. (Кстати, эту не столь уж крылатую мечту я воплотил довольно скоро.)

Как-то, ещё весной того года, моя секретарша Циля привела на одну из наших вечеринок свою племянницу, новую репатриантку из Польши. Симпатичная и немного смущённая девушка представилась: «Хана, племянница». Так мы её и прозвали: Хана-племянница.

²⁰⁸ Сефарды – потомки евреев, изгнанных из Испании и Португалии в конце 15 в., расселившиеся затем в южных и юго-восточных областях Османской империи.

И вот теперь, осенью, Хана не успела вовремя вернуться от подружки. Отправилась на свой страх и риск домой – и, конечно же, была схвачена. Её переправили в штаб полиции на Сдерот Ротшильд (на этом месте теперь бассейн). Суровый полицейский начал допрашивать Хану.

– По какой причине вы находились на улице в период действия комендантского часа?

– Сообщите, пожалуйста, обо мне господину Шитриту. Скажите, что Хана – здесь, у вас.

**Первый министр полиции Израиля
Бехор-Шалом Шитрит (1895 – 1967)**

Тот несказанно удивился, но... Шут его знает, как она связана с большим начальством. Бехор-Шалом как раз проводил на втором этаже вечернее совещание со своими офицерами. Полицейский всё-таки постучался в комнату совещаний, отозвал начальника и сообщил, что девушка Хана, задержанная во время комендантского часа, просит передать, что она в отделении.

– Кто? Хана-племянница? – воскликнул Шитрит.

Полицейский вытаращил глаза.

– Прикажете отвезти её домой?

– Конечно, – кивнул Шитрит.

Комендантский час в конце концов отменили, а наш друг Шитрит всё больше погружался в работу и всё выше продвигался по служебной лестнице. Он возглавил следственный отдел криминальной полиции, затем работал судьёй в нескольких округах. Занялся и политикой. В переходное правительство вошёл как лидер сефардской партии. В первом израильском кабинете занял должность министра полиции. Он был своего рода рекорсменом: оставался на этом посту в четырнадцати правительствах и ушёл в отставку за месяц до смерти, в 1967 году.

ПРОЦЕСС О СПИРТЗАВОДЕ

Итак, наступила тишина, арабские выступления на время прекратились. Но их последствия ощущались ещё долго. Самое ужасное – гибель многих наших товарищей в боях и мирных поселенцев при погромах в мошавах, кибуцах, городах. А сколько имущества было разграблено, сколько разорённых хозяйств, ферм, фабрик!

Спиртзавод, с которого мы вывезли осаждённых рабочих, тоже пострадал. Нет, оборудование по счастью осталось целым, а вот финансы... Дело в том, что ещё до событий владелец завода господин Пулер, переселенец из Венгрии и мой хороший знакомый, вёл долгую тяжбу с британскими властями. Что-то связанное с налогами на производство. Очень много денег было потрачено на адвокатов и оплату судебных издержек. В конце концов дело разрешилось в его пользу, но экономическое положение завода было подорвано. А когда разразились беспорядки, Пулеру вообще пришлось приостановить производство, и это его окончательно разорило. Звонит один раз:

– Ерушалаим, возьмёшь на время мой рояль?

– Рояль? Зачем? Может, лучше пианино? А то у нас места маловато.

– Да нет, у меня только рояль. Оформляю банкротство. Всё может с молотка пойти, а рояль жалко.

– Ну привози, – вздохнул я.

И он привёз мне свой роскошный «Стейнвей». Рояль занимал половину гостиной, но чего не сделаешь ради дружбы. Эстер и Дебора сразу начали брать уроки музыки, коли уж появилась такая возможность.

Оказалось, что судьба связала меня с этим заводом крепче, чем я того желал. Рабочие завода остались без работы, а их семьи – без средств к существованию. Друзья Пулера хлопотали в суде Яффо, чтобы разрешили запустить обанкротившийся завод и облегчить участь работников. Суд согласился, но при одном условии: должен найтись надёжный человек, готовый взять на себя положенную по закону ответственность.

Секретарём Тель-Авивского Рабочего совета был в ту пору активист гистадрута по фамилии Кицис. Его отчего-то прозвали Рабби. Вот этот Рабби Кицис и начал меня уламывать.

– Соглашайся. Будешь владельцем чисто формально. Реальной

ответственности – никакой. Всё будет делать Пулер, он там каждый винтик знает.

Я задумался. Становиться заводовладельцем сильно не хотелось.

– Понимаешь, – продолжал Кицис, – у многих из них дети малые. Что им, с голоду теперь помирать?

Мысль о том, что из-за моей несговорчивости будут голодать дети, прибавила мне решимости. А ещё я подумал о том, что и мой брат Элиягу тоже сидит сейчас без работы и что у него тоже дети.

– А для моего брата там должность найдётся?

– Так назначь его управляющим! А уж мы позаботимся, чтобы он справился.

На следующее утро я пришёл в суд вместе с Рабби Кицисом и двумя друзьями Палера. Они заплатили пошлину – и завод перешёл в мою собственность. Нам с Элиягу показали наши кабинеты, и мы приступили к исполнению обязанностей. Они вроде бы и формальные, но надо же производство хоть немного знать. Кое-какие бумаги подписывать придётся.

Ближе к концу рабочего дня в мой кабинет вошли твёрдой походкой два молодых человека. Прямо как революционные матросы в фильмах Эйзенштейна, только без морской формы.

– Мы представители заводского комитета и пришли, чтобы изложить вам свои требования.

Вот это оборот! Во что же мы с Элиягу влипли!

Вошедшие положили передо мной напечатанный на машинке текст и объявили, что это их условия относительно настоящего и будущего нашего завода.

– Это соглашение между заводским комитетом и администрацией.

– И вы хотите, чтобы я его подписал? – растерялся я.

– Не хотим, а требуем. Если вы отказываетесь заключить с нами соглашение, то мы немедленно объявляем забастовку.

– Позвольте, но ведь завод ещё не начал работать!

– Это не важно. Мы объявим забастовку раньше, чем возобновится производство.

Я чуточку оправился от шока и тут же позвонил Кицису. Тот появился в кабинете буквально через пять минут.

– Что это такое? – накинулся он на парней. – Без согласования с Рабочим советом города! Почему к господину Сигалову? Он здесь вообще первый день. Все подобные вопросы будем решать совместно.

Представители как-то сразу слегка осели, лица их потеряли прежнее решительное выражение.

– Идите, идите, – продолжал Кицис. – Завтра поговорим.

Ребята послушно вышли, а Кицис сказал мне:

– Ты не волнуйся, всё будет в порядке. Мы разберёмся.

Несколько месяцев всё было спокойно. Господин Пулер, как и прежде, занимался заводскими делами. Элиягу был у него на подхвате, но в организацию производства не лез. И вот однажды я получил повестку в суд. Мало мне судов с моими киношными и бытовыми делами! Теперь разбиралось дело о недопоставке товара какому-то винопромышленнику из Цфата. В деле фигурировала полученная им почтовая карточка с подписью «Сигалов». Видимо, это брат подмахнул, не разобравшись в деталях ситуации.

– Это ваша подпись? – спросил адвокат истца.

– Нет, не моя.

– Тогда чья же? – вскинулся тот.

– Да где ж мне знать? Это уж вы сами выясняйте, от кого получили открытку.

Суд собирался несколько раз. Я стоял как стена. А что мне оставалось делать, если я и понятия не имел, о чём идёт речь? Пулер всегда был в зале суда, но предпочитал помалкивать. Перед четвёртым по счёту заседанием я увидел, что он беседует с нашим адвокатом. Едва заседание началось, судья объявил, что собирается вызвать меня как свидетеля, и попросил ненадолго удалиться из зала. Через несколько минут вышел ко мне адвокат.

– Стороны практически договорились. Никаких компенсаций уже не требуют, но надо будет поставить в Цфат недостающее. Нужно только ваше формальное согласие.

Разумеется, я подписал всё, что требовалось. Нашли-таки способ договориться напрямую с Пулером, не впутывая меня в это дело. Вот и прекрасно.

Через несколько месяцев Пулер выплатил долги, к нему перешли права на завод, и я перестал быть «промышленником». Хлопотное это дело, ну его! А ещё через некоторое время пришлось расстаться и с роялем. Он перекочевал под родную крышу, а наша гостиная обрела прежний вид. Жена и дочь за этот год успели охладеть к занятиям музыкой.

ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА

Велосипед с мотором (мопед) в Израиле называют смешным словом «тустус». Оно вошло в обиход сравнительно недавно, где-то в шестидесятых. За сорок лет до того говорили просто «велосипед с мотором», а серьёзные ивритские словари дали этому незатейливому средству транспорта официальное название «кальноа», что звучало почти как «кольноа» – «кинотеатр». Я купил такой ещё в начале двадцатых, но через несколько лет он приказал долго жить, и я пересел на мотоцикл, напоминавший своим тарактением о пулемётных баталиях минувшей войны. Он служил мне много лет, и не потому, что я был сильно к нему привязан, а всего лишь потому, что на автомобиль денег не было. И всё-таки хотелось занять свою машину, чтоб и с семьёй иногда выехать, и друзей куда надо доставить. Приятели знали о моих чаяниях. Как-то один из них позвонил и сказал:

– Знаешь, тут один таксист продаёт «Форд». Очень дёшево: хочет сто двадцать лир. Машине год всего. Ты как?

– Я, наверно, только сотню смогу наскрести.

– А если занять?

– Надо попробовать. Давай его телефон.

Владелец «Форда» свозил меня в Хайфу и обратно. Путь неблизкий, но машина с ним справилась.

Эстер в это время лечилась в Париже. У неё были нелады со здоровьем, и друзья присоветовали хорошего специалиста во Франции. Денег на поездку едва хватило. Хорошо уже то, что один наш друг из управления порта устроил ей билет второго класса по цене третьего. Да, не имей сто рублей... Теперь наша приятельница Хана ссудила меня недостающей суммой на машину. Я стал автовладельцем. Жаль только, что права у меня были только на вождение мотоцикла, но никак не автомобиля. Как полагалось тогда и как положено теперь, я мог садиться за руль только в сопровождении обладателя автомобильных прав. Как теперь, так и тогда процедура получения прав была долгой и нелёгкой.

И вот сидим мы в кафе вдвоём с приятелем по фамилии Резник. Он работал в автобусной компании «Эгед». Она и сейчас – самая крупная транспортная компания Израила. Посетовал я на свою участь: вот, мол, права есть, а ездить не могу.

– Слушай, – говорит Резник. – Есть у меня приятель-англичанин. Работает в транспортном управлении экзаменатором. Устроит он тебе права на автомобиль без всякого экзамена.

– Взятку давать? Нет уж, увольте! Я лучше попробую сам сдать.

– Глупости, – говорит Резник. – Не нужна ему никакая взятка. Пригласим его на пиво, посидим, поболтаем. Сделает тебе права просто по дружбе.

Назавтра втроём встретились за пивом, и приятель Резника забрал мои мотоциклетные права. Вернее, не совсем мотоциклетные. Права на вождение тогда были общими с надписью: «Разрешается водить: мотоцикл, легковой автомобиль, грузовик (лишнее зачеркнуть)». У меня были зачёркнуты и «легковой автомобиль», и «грузовик». В тех правах, что он принёс мне через два дня, «забыли» зачеркнуть «легковой автомобиль». Только и всего.

Взял я один урок у Шитрита и решил, что дальше и сам справлюсь. Первым делом поехал в Яффо. Видимо, ездил ещё не слишком уверенно, и это было заметно. Едва успел въехать в город, как меня остановил арабский полицейский. Проверил мои права, убедился, что всё в порядке, и козырнул. Окрылённый первым успехом, я начал решительно набирать опыт самостоятельного вождения. Автомобилей в Стране было ещё не очень много, и риск был невелик.

Я ничего не написал Эстер о покупке, а через две недели радостно встречал её в порту. Мы очень соскучились друг по другу. Держали друг друга за руки и болтали, как влюблённые подростки. Со мною в порт приехал мой родственник Пинхас, шурин брата Элиягу. Сели в машину, Пинхас взялся за руль. Эстер ничего не подозревала. Она была уверена, что это чей-то автомобиль, на котором Пинхас привёз меня в порт. Подъехали к его дому, что стоял примерно в полукилometре от нашего.

– Ну дальше давайте сами, – сказал Пинхас. Распрощался и пошёл домой.

Я пересел за руль, и тут до моей жены дошло, что автомобиль – наш собственный.

– Ах ты обманщик! – закричала она. – Ты же лишил меня такого удовольствия!

– Какого ещё удовольствия?

– Первой поездки в собственном автомобиле! Я бы ехала из Яффо, как настоящая леди...

Так я гонял себе беззаботно по всей Стране, попевая и по своим кинематографическим делам, и на совещания Хаганы, и на

отдых с женой и детьми. Но буквально через год-полтора автомобиль начал барахлить. Серьёзная поломка застала меня в Цфате, и владельцу автомастерской пришлось даже сгонять в Хайфу за запчастями. Вернувшись в Тель-Авив, первым делом проверил историю моего автомобиля. Оказывается, когда машину сгружали в порту с корабля, она свалилась в море. Потому тот таксист и сумел купить её задёшево. Теперь у меня уже были кое-какие деньги, и с помощью своих незаменимых друзей в тель-авивской автомобильной торговле я купил в рассрочку «Шевроле» за 300 лир – с выплатой по десять лир в месяц. Тогда уже вовсе работало то, что мы сегодня называем trade-in. Фирма «Шевроле» взяла мою машинку за 130 лир, то есть дороже, чем я за неё заплатил. А на верном моем «Шевроле» я ездил не меньше десятка лет: и до войны, и во время неё, и после.

Я уж и думать забыл о том, что никогда не сдавал на права, но... Тайное, как известно, всегда становится явным. На этот раз разоблачение явилось в образе невысокого тщедушного махера²⁰⁹ с бегаящими глазками. Вначале я получил от него открытку: просит меня зайти в связи с моими правами. В них, мол, надо кое-что исправить. Я тут же сообразил, что это обычный шантаж. Бог знает, как этот человечиска проведал о моей ситуации. Подозреваю, что тот англичанин, приятель Резника, сделавший мне права, решил меня пошантажировать и нашёл сообщника-еврея, чтобы самому не светиться. Но я-то знал, как разговаривать с подобными типами. Самое главное – не проявлять слабость. Прихожу к махеру с его открыткой и спрашиваю с порога:

– Это вы писали?

– Да, я, – хорохорится шантажист, но уже слышится в его голосе некая неуверенность.

И тогда я забрасываю его вопросами.

– А кто вы вообще такой? Где вы работаете? Откуда вам известно, что происходит в отделе транспорта? От кого вы узнали моё имя и адрес?

Тот сразу стушевался, сказал, что ничего определённого не имел в виду, что это, возможно, ошибка.

²⁰⁹ Махер (от идишского «махен» – «делать») – в еврейской традиции посредник, делец, облегчающий коммуникацию с властями. За деньги назначает приём в госучреждениях, помогает дать взятку, дабы обойти закон, и т. п.

– Не возможно, а определённо. И в случае чего я использую эту открытку как доказательство ваших тёмных делишек.

Повернулся и вышел. Но решил всё-таки сдать на всякий случай этот чёртов экзамен: кто его знает, что могут ещё придумать шантажисты.

Приезжаю на экзаменационную площадку. Экзаменатор выставляет шесть вертикальных палок: по три с каждой стороны от машины, сантиметрах в пятнадцати от неё. Предлагает проехать между палками задним ходом, а потом вернуться в пространство между ними. Задним ходом я прошёл нормально, а вот на обратном пути не сумел удержать расстояние и свалил все шесть палок.

Тогда экзаменатор начал задавать мне «теоретические вопросы». По его тону и характеру вопросов я понял, что чувством юмора он не обижен, и стал отвечать в том же духе.

– Вы едете в Иерусалим, и у вас прокальвается шина. Ваши действия.

– Остановлю машину посреди дороги, положу под заднее колесо камень, чтобы машина не скатывалась, сменю колесо и поеду дальше. А камень останется лежать посреди дороги.

Он улыбнулся и продолжал:

– Вы едете по дороге и видите, что перед вами верблюды. Как вы себя поведёте в этой ситуации?

(В те времена верблюды ещё не привыкли к машинам и при виде их в ужасе разбегались.)

– Я стану гудеть изо всех сил. Верблюды от страха перебегут на встречную полосу и освободят мне дорогу.

Следующая ситуация была уже совсем драматической.

– Вы ехали по дороге и задавили араба. Что будете делать?

– Внимательно осмотрюсь, нет ли полиции. А потом быстренько смоюсь.

Экзаменатор опять улыбнулся.

– Ладно. Теоретический экзамен вы сдали. Но с вешками надо ещё потренироваться. Через две недели приезжайте на экзаменационную площадку возле вокзала. Там будет другой экзаменатор. Я передам ему ваши бумаги.

У меня ушло почти две недели на то, чтобы научиться проезжать между этими чёртовыми палками в любом направлении и чуть ли не с закрытыми глазами. Тренировался на нашей улице. Она была немощёная, так что на бетоне всё должно было полу-

читься гораздо легче. Я упражнялся день за днём: вперёд, назад, справа, слева, опять назад, вперёд. Неужели до вешек в самом деле всего пятнадцать сантиметров? Может, я их слишком далеко отставил? Придвигаю, снова повторяю упражнения.

Как и полагается, на площадку меня доставил один из друзей: приехать без сопровождающего я, естественно, уже не мог. Мой новый экзаменатор мистер Пайк представлял собой полную противоположность прежнему. Квадратное лицо с тонкими пиявками губ, над которыми пролегалась третья пиявка: усы. Массивное приземистое туловище, короткая шея. Вот уж у кого с чувством юмора было явно плохо, а точнее – никак. Мы вышли из машины, и я представился.

– Извините, – сказал мистер Пайк, – я забыл ваш бланк в конторе. Приезжайте в воскресенье.

– Но ведь в воскресенье у вас выходной.

– Нет, я отдыхаю по субботам, вместе с евреями. Так что приезжайте в воскресенье.

И дал мне записочку, написанную по-английски, где на десять английских слов о переносе экзамена приходилось четыре грамматических ошибки. Выбора не было. Мы уехали.

В воскресенье моим сопровождающим был сам Бехор-Шалом Шитрит, наш будущий министр полиции. Я рассчитывал, что уж в его-то присутствии мистер Пайк умерит свою наглость. Увы! Опять не сложилось.

– Извините, я снова забыл ваш бланк. Будьте любезны приехать через неделю.

Я возмутился:

– Вы же видите, кто должен терять из-за вас своё время? У него что, нет других забот, кроме как попусту ездить к вам?

– А мне наплевать, что вы приехали с капитаном Шитритом. Можете приехать хоть с мэром Дизенгофом.

Значит, сразу заметил, с кем я. А затем начал кипятиться и почему-то перешёл на немецкий. Говорю ему:

– Не надо говорить по-немецки. Я и английский неплохо понимаю. И уж всяко не пишу с такими ошибками, как вы.

– Ах так? – возмутился он. – Тогда придёте через месяц.

– Приду, когда захочу! – заявил я и ушёл.

Вернулся к себе в офис и, не стесняясь в выражениях, написал жалобу главному начальнику полиции в Иерусалиме, требуя сменить экзаменатора. Через неделю пришёл ответ: «Мы не видим

необходимости менять экзаменатора. Он получил распоряжение принять вас в любое удобное для вас время. Ваш бланк постоянно будет при нём».

Приехал я на экзамен и столкнулся с откровенно враждебным взглядом мистера Пайка. Когда подошла моя очередь, все, кто был на площадке, собрались вокруг нас. Ведь слухи о конфликте уже распространились. (Снова повторю слова моего бывшего соседа, художника и писателя Гутмана: «Тель-Авив – город маленький».) Многие полагали, что уж теперь-то я точно не сдам. С английской педантичностью экзаменатор установил шесть вешек ровно в пятнадцати сантиметрах от машины.

– Вы закончили? – спрашиваю его.

– Да, закончил.

Выхожу из автомобиля и демонстративно перемещаю вешки на десятисантиметровое расстояние. В окружающей нас толпе раздаётся хохот.

– С ума сошёл. Ты же не проедешь!

Залезаю назад в машину, прохожу между вешками задним ходом, поворачиваю, вхожу в проход с левой стороны, вновь проезжаю и завершаю представление проездом справа. В толпе раздаются аплодисменты.

Мистер Пайк без признаков каких-либо чувств в маленьких голубых глазках садится рядом и командует: «Поехали!» Катим по улице Дизенгоф на юг. Машин на улице мало. Почти миновали один из перекрёстков, когда экзаменатор неожиданно скомандовал:

– Поверните направо.

Я проигнорировал приказ и спокойно заметил:

– Если хотите свернуть направо или налево, предупредите, пожалуйста, за сто метров до поворота.

Он промолчал. Через некоторое время снова скомандовал:

– Поверните направо.

Продолжаю ехать дальше и так же спокойно, как и в прошлый раз, отвечаю:

– Там знак «въезд запрещён».

– Но я же вам приказываю.

– А вы что, выше закона?

Теперь надо быть предельно сосредоточенным. Понимаю, что завалит при малейшей оплошности. С улицы Дизенгоф сворачиваем на Мелех Джордж, а затем – на бульвар Бен-Цион и катим

вверх. На подъёме экзаменатор приказал остановиться. Я нажал на тормоз, и, лишь только машина замерла, услышал: «Поезжайте!» Если бы в этот момент машина откатилась чуточку назад, он бы непременно завалил меня. Но я поехал вперёд без всякого отката.

Мы вернулись на экзаменационную площадку, и опять вокруг нас собрался народ. А мистер Пайк решил устроить мне технический экзамен.

– Что такое дистрибьютор автомобиля? Какую роль он выполняет?

– Распределяет электрический ток к свечам зажигания, – говорю. – А вы что, английского не знаете? Термин определяет функции.

На четвёртом подобном вопросе я взорвался:

– Вообще-то мне нужны только водительские права. Если соберусь изучать автомеханику, то обращусь не к вам.

Все притихли от такой наглости, а помрачневший мистер Пайк, не проронив ни слова, подписал мне разрешение на получение прав. Через неделю его перевели в Хайфу.

РАСКОЛ

Есть поговорка: «Два еврея – три мнения». Иногда это свойство нашего народа приводит к печальным последствиям.

Раскол в Хагане возник в начале тридцатых, вскоре после событий 1929 года. Стратегией нашей организации с самого её основания была так называемая «хавлагà» – «политика сдержанности». Источником её были и прагматические интересы (нежелание подвергать организацию излишнему риску), и характерная для нашего тогдашнего руководства приверженность общечеловеческим моральным ценностям. Во-первых, главной целью провозглашалась оборона. Мы должны отражать атаки арабов и защищать евреев по всей Стране, но не должны нападать сами. Карательные операции против арабских деревень запрещались. Во-вторых, не допускались террористические акции. В отношениях с английскими властями тоже следовало проявлять сдержанность, избегая открытого неповиновения, а тем более вооружённых столкновений. Именно такой политики придерживалось руководство ишува (Еврейский национальный совет). В воззвании по случаю одной из трагедий в Иерусалиме (когда погибли и мирные арабы) Совет провозглашал: «Эти преступления подрывают основы иудаизма и сионизма, сеют ненависть между народами региона и могут привести к трагедии и для еврейского ишува, и для Страны в целом»²¹⁰.

Во главе течения, отвергавшего эту доктрину, встал наш друг по Легиону Зеэв Жаботинский. Он утверждал, что мир между арабами и евреями невозможен в принципе, поэтому собственное государство может быть завоёвано только «железной стеной из еврейских штыков»²¹¹. Так возник сионистский ревизионизм. Сам термин «ревизионизм» был введён не Жаботинским. В то время он уже присутствовал в европейской политике и означал движение за пересмотр тех международных соглашений, которые его адепты считали нарушающими национальные интересы. (В первую очередь речь шла, разумеется, о Версальском мирном договоре.) Сионистский ревизионизм провозглашал своей целью создание еврейского государства на всей территории подмандатной Палестины, то есть по обе стороны реки Иордан. (Восточный берег британцы отделили ещё в 1921 году, создав там эмират Трансиордания.) Ин-

²¹⁰ Цит. по [38].

²¹¹ Цит. по [39], р. 447.

тересы арабов при этом не принимались в расчёт:

«Необитаемых островов на свете больше нет. В какой оазис ни сунься – всюду сидит уже туземец, сидит с незапамятных времён и не хочет пришлого большинства или даже просто большого наплыва пришельцев²¹²».

Основанный Жаботинским Союз сионистов-ревизионистов не был сугубо палестинской организацией – он был всемирным. На его первый съезд 25 апреля 1925 года из Палестины приехал только один делегат – доктор Яков Вайнштал. Тогда его главным противником был Хаим Вейцман. Жаботинский разошёлся и со своим старым другом Бен-Гурионом, особенно там, где дело касалось роли рабочего класса. Основатель нового движения не был социалистом и указывал на Советский Союз, где преследуются все взгляды, не совпадающие со взглядами властей, в том числе и сионизм. Движение разрасталось и набирало силу. Молодёжь страны рвалась в бой. Её больше привлекали призывы к немедленным действиям, чем «полумеры» руководства ишува. Молодёжная организация «Бейтар» объединила тысячи юных ревизионистов. Строгая военная дисциплина, коричневая униформа, культ силы, факельные шествия. Это заставляло задуматься многих, даже самого основателя движения... Позднее Бен-Гурион прямо назвал своего бывшего друга фашистом. И не он один. «Человек, который действительно понимает [...], – это ваш фашист Жаботинский», – писал Муссолини одному из раввинов²¹³.

В начале тридцатых раскол пришёл и в Хагану. Те из наших сподвижников, кто отвергал стратегию хавлагй, вышли из Хаганы и образовали собственную военизированную организацию – *הגנה לאומית* (Иргун цваи леуми), Национальная военная организация, сокращённо – просто Иргун или, по первым буквам, – Эцель. Мы, оставшиеся, продолжали накапливать оружие, проводить учения и выходить на вооружённую защиту от арабских нападений. Члены Эцель пошли путём террора, направленного против арабов и англичан.

Между Хаганой и Эцель сразу возникла неприязнь, перешедшая затем в явную вражду. Она усиливалась и достигла состояния кипения ко времени Второй мировой войны и Войны за независимость. Много говорили и говорят о «военном чуде», позволившем

²¹² Из статьи З. Жаботинского «Этика железной стены». Цит. по [15], с. 82.

²¹³ Цит. по [5], р. 187.

новорождённому государству победить армии соседних стран. Ещё одним чудом, на мой взгляд, было то, что удалось предотвратить гражданскую войну в самый ответственный момент истории нашего государства. Бойцы и командиры обеих армий проявили благоразумие. Евреи отказались стрелять в евреев²¹⁴.

А первую стычку ревизионистов с рабочими мне даже удалось заснять. Было это в 1934 году. Организация «Бейтар» объявила, что пройдёт маршем по главным улицам Тель-Авива. Для тех, кто жил в Германии или следил за событиями в мире, это было настоящим оскорблением: подобие марша нацистских штурмовиков в самом сердце Страны. Рабочие решили помешать параду. Наше руководство попросило нас не участвовать в возможной схватке. Пусть полиция сама разбирается.

И вот стою я на крыше дома под номером шестьдесят четыре по улице Алленби (тогда это был самый высокий дом в городе) и кручу ручку камеры. Отсюда улица просматривается практически во всю длину. Слева – дюны и голубое пространство моря, справа – улицы Дизенгоф и Кинг Джордж, откуда и должны появиться демонстранты. Вижу колонну ещё до того, как услышал грохот барабана и характерный гул, сопровождающий подобные парады... Приближаются. Впереди знамя с изображением меноры. Шорты, гольфы, башмаки, коричневые рубашки. Идут и девушки. Они тоже в рубашках с большими клапанами на нагрудных карманах. Среди общего гула начинаю различать отдельные возгласы. Кажется, кричат «Смерть арабам!» Вдоль улицы много людей. Кучками, по одному, целыми небольшими толпами. Глазеют на шествие, лиц не разобрать.

С двух сторон кидаются на демонстрантов стоявшие на обочине люди. Колонна останавливается, расплзается, теряет форму. Её атакуют сразу в нескольких местах. Смолкает барабан. Скандирование лозунгов сменяется криками. Громче и громче. Потасовка ширится. Деталей схватки отсюда не видно. Быстро вниз!

Впервые прилюдно «восстал Йосеф на Йосефа». У многих палки в руках. Лупят по головам. Кровь на мостовой. А вот и полиция. Врезаются в толпу дерущихся, чтобы разбить её, разъединить враждующих. Но и полицейским крепко достаётся. Поснимал немного, бегу вдоль по улице. Навстречу – полицейский с длинной

²¹⁴ Этот конфликт отражён в известных произведениях литературы и кинематографа. См., напр., Leon Uris. Exodus [40].

дубинкой. Видно, получил приказ не пропускать людей к месту схватки. Поднимает дубинку, бросается на меня. Глаза мечут молнии. Чисто инстинктивно начинаю смачно ругаться по-английски. (Вы, нынешние, только одно слово и знаете, а мы, легионеры, получили хорошее образование в этой области.) Страж порядка опускает дубинку и удивлённо отступает. Бегу дальше, снимаю дерущихся. А вот и конная полиция начинает теснить воителей. Люди разбегаются, шум постепенно стихает.

ПОБЕГ ОТ ГЕСТАПО ПРИ СОДЕЙСТВИИ ГЕСТАПО

В Германии пришли к власти нацисты. Те из евреев, кто ненавидел фашизм, кому близки были идеи сионизма, покидали нацистское государство. Одним из первых уехал величайший физик двадцатого века Альберт Эйнштейн.

Алия резко выросла. В нашем городе появилось много новых людей. Завязывались знакомства, возникали новые друзья.

Вот мой приятель Фред Дункель, еврей-христианин, женатый на еврейке. Во время войны служил в германской армии, и его часть стояла в Стране. Так что мы воевали рядом, но по разные стороны фронта.

Когда Гитлер пришёл к власти и были приняты Нюрнбергские законы, ограничивающие права евреев, Дункель понял, что рано или поздно фашисты доберутся и до него с женой. И он решил уехать в Палестину. Какой-либо особой визы ему не требовалось: как теперь, так и тогда людей с капиталом охотно принимали во всех странах. В Стране человек с тысячью фунтов считался богатым, а у Дункеля было куда больше. Но выехать было уже непросто. И вот что он сам рассказал мне о своём побеге из нацистской Германии.

Жил он тогда где-то под Мюнхеном. В преддверии побега снял со своего счёта большую сумму наличными и стал дожидаться, когда за ним явятся из гестапо. Там получали все сведения о банковских счетах и значительных перемещениях денег. Они с женой накрыли отдельный стол, якобы к обеду, и не убирали с него, чтобы всё время создавалось впечатление, что они только что принялись за еду. И вот раздаётся стук в дверь. Заходят двое гестаповцев.

– Несколько дней назад вы сняли со своего счёта большую сумму. Зачем вам понадобились эти деньги?

– Я отдал кое-какие долги и купил кое-что для дома.

– У нас есть подозрение, что вы отправили эти деньги в Швейцарию.

– Да, – отвечает Дункель. – У меня есть небольшой счёт в Швейцарском банке, ещё с тех пор, когда я путешествовал там два года назад. Вообще-то мы тут обедаем, но готовы немедленно поехать с вами в Цюрих и попросить, чтобы вам предъявили все наши счета. Вы сможете сами убедиться, что новых поступлений не было.

Офицеры не преминули воспользоваться случаем, чтобы продемонстрировать начальству усердие и бдительность.

– Возьми, что тебе надо в дорогу, – сказал Дункель жене. – Много не набирай. Заночуем в Цюрихе, а утром вернёмся.

Сказал довольно громко, чтобы гестаповцы слышали. Жена взяла небольшой свёрток: пижама, зубная щётка и ещё кое-какие мелочи в дорогу. В свёртке была и солидная пачка снятых со счёта денег. Они даже со стола убирать не стали: оставили всё как было и вышли. Машина стояла в гараже, уже заправленная. Сели в неё и отправились в сторону швейцарской границы. Автомобиль гестапо следовал за ними. Пограничники не остановили ни их самих, ни сопровождающих.

Въехали в многолюдный предвечерний Цюрих. Остановились неподалёку от банка. Оба офицера вылезли из своей машины и подошли к автомобилю Дункеля. Тот немного приоткрыл окошечко, улыбнулся и продекламировал: «Так лобзай же меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина²¹⁵». Гестаповцы оторопели. А Дункель дал газ, свернул в боковую улицу и умчался. Карту Цюриха он перед этим хорошо изучил. Офицеры не решились преследовать машину и арестовать её пассажиров в нейтральной Швейцарии. Через несколько дней Фред Дункель и его жена были уже в Стране.

²¹⁵ Начало «Песни песней».

СНОВА АРАБСКОЕ ВОССТАНИЕ

События 1936 года разразились неожиданно. 15 апреля группа арабских бандитов напала на автобус и застрелила двух пассажиров. Радикалы из Эцель ответили на это убийством двух арабских рабочих. И полыхнуло... Вновь нападения на еврейские кварталы, погромы. На этот раз бунт обратился и против англичан. Антибританские выступления и забастовки начали последователи того самого Мусы Казим Паши, похороны которого я снимал за полгода до того. Ими двигало отнюдь не стремление к освобождению от иноземной власти. Главный их лозунг – прекращение алии. От британцев требовали остановить приток евреев в Палестину и запретить им покупать землю.

Бунт в среде арабского населения назревал уже давно. Причину его определил Бен-Гурион: страх перед растущей экономической мощью ишува. И для этого страха были основания. За годы мандата еврейское население увеличилось с 57 до 320 тысяч человек, причём особенно сильно – после прихода германских нацистов к власти²¹⁶.

Англичане, напуганные размахом волнений, решились выдать членам Хаганы оружие. Теперь мы работали легально и совместно с британцами, защищая ишув. Каждый из нас вышел на предназначенный ему пост. При мэрии организовали Совет обороны. Мой старый приятель Дов Хоз был его постоянным членом. Однажды позвонил:

– Можешь заменить меня на заседании совета? Мне срочно надо в Яффо.

Ишь ты, – думаю, а много ли от меня пользы? Я всё-таки человек со стороны. Но согласился. Как было отказать старому другу и соратнику, принимавшему меня в Хагану?

На заседании обсуждали, как распределить силы по всему городу, чтобы ни один квартал не остался без прикрытия. Куда какую группу поставить, как действовать в случае нападения. Командир городской организации стоял возле большой карты с указкой в руках и помечал цветными флажками места патрулирования. Я помалкивал и внимательно слушал. И только когда весь город

²¹⁶ Наиболее полно подробности столкновений сионистов с арабами изложены в книге израильского историка Бенни Морриса *Righteous Victims* [41].

покрылся флажками и дело шло к концу, подал голос:

– Погодите! А в этом квартале у нас же никого нет.

– В каком?

– Да вот здесь, восточнее посёлка Шапиро.

– Так ведь там пустырь. Никаких построек, никто не живёт.

– Сколько лет вашей карте? Уже давно всё застроено.

– Это точно?

– Да я там не раз проезжал. Можно просто сдвинуть немного к югу группы Рубинштейна и Штейнберга и поставить ещё один пост на въезде в этот район.

Я был ужасно горд, что и мне, человеку постороннему, удалось внести вклад в план обороны. Интересно, что неподалёку от этого района проходит теперь квиш Хагана – шоссе имени Хаганы.

Как и во время предыдущих волнений, тяжёлые столкновения не обошли Тель-Авив и Яффо. Раненых свозили в больницу «Хадасса-Бальфур». Их было много десятков. Нелегко приходилось сестричкам и врачам. И тут надо вспомнить добрым словом милых девушек из организации «Маген Давид Адом»²¹⁷. Их штаб-квартира была в единственном общественном здании на последнем отрезке Сдерот Ротшильд, недалеко от улицы Герцль. Оно странным образом разместилось поперёк бульвара. «Маген Давид Адом» – не просто скорая помощь. Все его члены были и членами Хаганы. Моя секретарша Циля вступила в организацию одной из первых. Поначалу, на заре тридцатых, оснащение у них было очень скудным. Члены общества по очереди выезжали на городские улицы на велосипедах и с аптечками первой помощи за спиной. В программу их подготовки входило и так называемое «привыкание к крови»: ассистирование в приёмных покоях больниц. Некоторые девушки действительно лишались там чувств. Кроме чисто медицинских, были у них и другие задачи. Им часто случалось перевозить добытое оружие из порта Яффо в Тель-Авив. Оружие прятали на теле, под платьем. А ведь за такие подвиги можно было и жизнью заплатить. Именно о таких девушках написана замечательная песня «Ку-ку и сарафан»²¹⁸. Теперь их всех мобилизовали для помощи раненым бойцам.

²¹⁷ Маген Давид Адом – «Красный Маген-Давид», еврейская организация с функциями, аналогичными функциям Красного Креста.

²¹⁸ «Ку-ку» – вид простой женской причёски. В песне – ностальгическая грусть о незатейливости быта и силе духа этих девушек.

Отдавая дань храбрым девушкам, было бы нечестным умолчать о героических парнях из этой организации. Вот отважный молодой человек Матитиягу Алони. Он не только один из основателей тель-авивского отделения «Маген Давид Адом», но и его главный автоводитель. Никогда не колеблется, если нужна его помощь, выезжает невзирая ни на какие опасности. А ведь санитарные машины тоже обстреливаются! Как-то подбегает в начале моего ночного дежурства.

– В Менашия была перестрелка. Надо забрать раненого. Поедешь со мной?

Менашия – арабский посёлок вблизи Яффо. Туда и днём-то соваться опасно...

И вот мы в самом сердце арабского поселения. Темно и тихо. Ни души на улицах. Остаюсь сторожить санитарную машину. Матитиягу осторожно идёт по узкой улице меж арабскими домиками, скрывается за углом. Жду. Минуты идут. Время растеклось, как на картине Дали. Даже шакалы примолкли. И тут с той стороны, куда ушёл Матитиягу, грохнул выстрел. Сам он стрелять не мог: нам категорически запретили пользоваться оружием без крайней нужды. Припадаю к глинобитной стене и быстро двигаюсь к повороту. Вот сейчас на выстрел повыскакивают из домов люди – и тогда нам несдобровать. К моему удивлению, ничего подобного не происходит. Только тихий шорох прошёл по тёмным домам: так шумит морская раковина, вбирая и перемалывающая окружающие звуки. Видимо, люди уже устали от дневных перестрелок, и снова подставлять себя под пули никому не охота. А вот и Матитиягу бежит вдоль стены. Тихонько окликаю его.

– Раненый там. Я его слышал. Только подойти не смог. У забора какой-то идиот засел и стреляет.

– Без шума тут не получится. Надо вызывать полицейских. В правлении телефон должен быть.

Матитиягу остаётся сторожить машину. Подбегаю к правлению, обычному арабскому домику, из которого пробивается тусклый свет. Видимо, дизельный генератор работает, давая ток для маленькой лампочки. Дёргаю дверь – не заперта. Повезло. Внутри почти никакой мебели, только простой стол, а на нём телефон. Хватаю трубку... Ура! Мне отзывается Хаим. Я прекрасно знаю этого телефониста. У него невероятный голос – чарующий, гипнотизирующий, нежный. Не потому, что выделяется, просто от природы такой. Женщины от этого голоса просто с ума сходили.

Как-то раз по настоятельной просьбе одной из подруг моей жены пригласили его к нам в гости. Пришёл молодой человек с довольно приятным лицом, однако... пузатый и коротышка. Подруга Эстер чуть в обморок не грохнулась, увидев его. Теперь я больше чем когда-либо рад его слышать.

– Хаим, соедини, пожалуйста, с полицией! Только поскорее!

Хаим всё понимает. После минутного разговора возвращаюсь к Матитиягу. Наряд британцев приезжает буквально через четверть часа. Полицейская машина медленно движется по улице посёлка, мы следуем в двух десятков метров позади. Никакой стрельбы не слышно. Кажется, в свете фар метнулась тень и скрылась в переулке. А может, показалось...

Британцы первыми обнаруживают раненого. Он в полузабытье, постанывает. Увидя нас, приоткрывает глаза. Бледен, левое бедро неуклюже перетянуто какой-то мокрой от крови марлей. Возможно, бинт из аптечки, которым сам пытался перевязать рану. Видимо, прикрывал отход наших и получил пулю, когда основная группа уже отошла. Осторожно перекладываем на носилки, грузим в машину, мчимся в «Хадассу» и сдаём парня медикам.

МЕЖДУ БОЯМИ

С самого начала беспорядков в городе действовал комендантский час. Для нас с женой это было серьёзной проблемой. Незадолго до событий у нас родились близнецы, Элизар и Адив. У Эстер не хватало молока для двух мальчиков, и нам посоветовали покупать грудное молоко у женщины, имевшей его в избытке. Дважды в день мы ходили за молоком к кормилице. Теперь вечерние «молочные походы» оказались под вопросом. Мне выдавали пропуск только при выходе на ночное дежурство. Как всегда, помогли друзья. На этот раз на помощь пришёл Йегуда Бар-Натан. Это был человек с деловой жилкой и неуёмной энергией. Несмотря на молодость (ему едва исполнилось тридцать), он уже был председателем совета директоров крупного производственного объединения МАИ. Этот союз крупнейших предпринимателей Страны координировал работу чуть ли не всей промышленности. После создания государства Йегуда вовлёк в «сферу влияния» этой организации Промышленный банк и ещё несколько крупных финансовых и промышленных институтов. Умер он не так давно, когда ему было уже за восемьдесят, а работал почти до самой смерти. Но главное в любом порядочном человеке – это не деловые качества, а душа. Коллеги называли его «тихий промышленник». Он всегда был спокоен, вежлив, а в отношениях с сильными мира сего всегда соблюдал кодекс чести. И умел быть настоящим другом. Разумеется, у Йегуды было разрешение на передвижение во время комендантского часа, и он сам вызвался быть нашим «молочником». Каждый вечер отправлялся к нашей «кормилице» и привозил молочко для мальчишек. Они стали хорошо набирать вес, хоть и родились слабенькими. Забавно: Йегуда вскоре женился, и у него тоже родились близнецы. Видимо, от нас заразился.

Меж тем столкновения продолжались, то усиливаясь, то замирая. Даже во время относительно спокойных периодов нужно было держать ухо востро. А уж в арабские районы лучше было совсем не заезжать. Так что честно скажу: получив новое предписание, особого воодушевления не испытал. Руководство Хаганы извещало, что завтра утром я должен быть готов к выезду в арабское отделение «Табу», управления земельной регистрации. Речь шла о вызволении земельного участка, купленного Хаганой за некоторое время до того. Его надо было срочно внести в земель-

ный кадастр, иначе организация теряла на него все права. Меня выбрали потому, что я знал иврит, английский и арабский. Особо оговорили, что выезжать следует без оружия. Хорошенькое дело: ехать в самое сердце Яффо без оружия! На душе было неспокойно. Добро бы в бой, а то из-за какого-то купленного клочка земли. Но с приказом не поспоришь. В нём, кстати, была приписка, что если найдут мне замену, то мой выезд отменяется. Допоздна ждал, не придёт ли известие, что замена найдена, да так и не дождался. Эстер ничего не сказал.

Утром приехало такси, и мы отправились. Кроме меня в такси сидело трое: водитель, юрист, который вёл дело в «Табу», и молодая девушка. Всю дорогу она улыбалась, мило щебетала, о чём-то нас спрашивала. Из четверых только она была совершенно спокойна. Ещё бы! Ведь она была в обществе трёх членов Хаганы. Вероятно, и не знала, что оружия при нас нет. Всю дорогу я пытался понять, кто она и какую роль играет в этой истории. Тайна сия так и осталась для меня тайной. Может быть, её посадили к нам в машину просто как талисман, на счастье?

Подкатили к конторе. Водитель был внешне совершенно спокоен. Договорились, что будет дожидаться со включённым мотором, и поднялись наверх. Нас встретил служащий офиса. Сказал, что все бумаги уже подготовлены и что процедура займёт не больше пяти минут. Наш юрист прошёл со служителем в соседний кабинет, а мы с девушкой остались в большой комнате, где кроме нас сидело ещё человек пятнадцать арабов. Когда кто-то из них запускал руку в карман, я весь напрягался: что он оттуда достанет? Время шло. Наш юрист не появлялся. Я подошёл к окну, чтобы поглядеть, как там наш шофёр. Ох! К автомобилю с разных сторон стекались люди. Машина на глазах обрастала плотным кольцом, которое всё утолщалось. Большинство составляли молодые арабские парни.

Прошло ещё минут десять. Наконец наш юрист и его собеседник вышли из кабинета и протянули мне документы, чтобы я подписал их от имени нашей организации. Я старался казаться спокойным, но рука моя дрожала.

Спустились вниз. Мы с юристом двинулись к машине, но арабы и не думали давать нам дорогу. Остановились. Главное – не показывать растерянности. Но что делать дальше? И тут из-за наших спин уверенно выходит девушка и, не замедляя шага, двигается прямо на толпу. Задевает стоящих с краю, и те отодвигаются,

изумлённо глядя на неё. Затем и другие отходят в сторону, давая дорогу. Мы шагаем за нашей спутницей по образовавшемуся проходу. Подходим к автомобилю. Лицо девушки серьёзно и непроницаемо. Она не смотрит ни на нас, ни на эту арабскую молодёжь. Открываем дверцу, влезаем внутрь. Шофёр сигналиит, и мы медленно отъезжаем. Никто не произносит ни слова. Так и едем молча. Проехав не более километра, слышим шум, топот ног, громкие выкрики. По одной из главных улиц движется огромная демонстрация. Разворачиваемся и едем параллельно демонстрантам. Вот, кажется, уже не слышно шума. Вновь продвигаемся в сторону Тель-Авива и снова вынуждены остановиться. Перед нами движется многочисленная демонстрация арабских женщин. Водитель чертыхается, снова разворачивает машину и пускается петлять по немощёным переулочкам. Надсадно ревет мотор... Наконец мы на шоссе Яффо – Иерусалим. Всё ещё храним молчание. Наконец пересекаем границу с Тель-Авивом. И тут словно кто отмашку дал: выдохнули разом и засмеялись. Девушка снова начала щебетать о каких-то пустяках...

КОМИССИЯ ПИЛЯ И НОВАЯ БЕЛАЯ КНИГА

Когда схлынула первая волна беспорядков, британцы направили в Страну комиссию лорда Уильяма Роберта Пиля, чтобы та разобралась в ситуации и выработала свои рекомендации. Главный вывод, к которому пришла комиссия: британский мандат перестал работать, и его необходимо отменить. В самом деле, кто ж думал тогда, в конце Первой мировой войны и сразу после неё, что политическая организация Европы так изменится, что в Германии победит нацизм и начнётся массовое изгнание евреев? Второй вывод: сосуществование арабов и евреев внутри одного государства невозможно, и Палестину придётся разделить. Появился и план раздела. Евреям доставалось семнадцать процентов территории (всего 4% земель, на которые Британия получила мандат Лиги наций), арабы получали семьдесят пять процентов, за британцами оставались Иерусалим, Назарет, Вифлеем и коридор, пересекающий еврейскую территорию. Разумеется, начались жестокие споры среди нас, сионистов. Особенно непримиримым был Жаботинский. (Британцы не разрешали ему въезд в Страну, и он вынужден был давать показания комиссии в Лондоне.) В итоге Сионистский конгресс в принципе согласился с разделом, хотя и отверг предлагаемые границы. Хаим Вейцман и Давид Бен-Гурион убедили делегатов, что необходимо создавать своё государство прямо сейчас, чтобы покончить с квотой на въезд и дать возможность спасения всем евреям Европы, но Высший арабский совет безоговорочно отверг план раздела. Как теперь, так и тогда арабские лидеры желали получить всю территорию целиком и не шли ни на какие уступки. Англичанам пришлось отказаться от плана, а радикально настроенные арабы раскрутили новый виток насилия²¹⁹.

Между прочим, сам Уинстон Черчилль был противником плана, но совсем по иной причине, нежели арабы. В беседе с Хаимом Вейцманом он сказал, что британский мандат предполагал создание еврейского государства на всей территории от Средиземного моря до реки Иордан, а не на узкой полоске прибрежной суши.

Кстати, однажды и мне случилось побеседовать с Черчиллем с глазу на глаз. Было это в Египте вскоре после Первой мировой войны. Я работал тогда управляющим фермой. Как-то после обеда,

²¹⁹ См. [5], p. 204-213.

совершая обычный обход хозяйства, я вдруг увидел множество полицейских, собравшихся вдоль роскошной пальмовой рощи, что между нашим домиком и главным зданием. Там же стоял офицер британской армии. Подхожу к нему, осведомляюсь, что происходит.

– Приехал министр колоний, сэр Уинстон Черчилль. Сейчас он сидит в роще и рисует.

Я вошёл в рощу. Высокий, немного грузный мужчина лет пятидесяти сидел перед мольбертом и запечатлевал пейзаж, время от времени утирая пот с обширной лысины. Я подошёл поближе и, когда он в очередной раз прервал работу, чтобы обтереть пот, я поздоровался. Он ответил на приветствие, а я сказал:

– Господин Черчилль, не зайдёте ли к нам на чашку чая?

Черчилль взглянул на небо и извинился: солнце идёт к закату, а он хочет успеть зарисовать сколько возможно. Затем добавил:

– Some other time²²⁰.

Я удовлетворился этим вежливым ответом, прекрасно понимая, что «другого раза» никогда не будет, и гордый тем, что продемонстрировал гостеприимство.

Итак, план раздела был положен под сукно на десять долгих лет. Арабское восстание продолжалось с перерывами ещё два года и завершилось драматическими для Страны событиями.

Германский фашизм набирал силу. Главный здешний ненавистник евреев, муфтий Амин Аль-Хусейни, удрал в Германию, где был благосклонно принят фюрером, и стал активно работать на благо Третьего Рейха. В преддверии грядущей войны британское правительство не слишком радело о еврейской поддержке, зато арабская нефть их сильно заботила. Это и определяло политику Чемберлена и его кабинета. Иммиграция в Страну сокращалась. В конце 1938 года ишув обратился к британским властям с призывом немедленно вывезти из Центральной Европы десять тысяч еврейских детей, которым угрожала гибель. (Было уже ясно, куда всё катится.) Британцы ответили отказом. Стремясь разрешить арабо-еврейские проблемы, они собрали в Лондоне конференцию представителей обоих враждующих лагерей. Впрочем, арабская делегация решительно отказалась садиться за стол переговоров вместе с евреями. Так что англичане встречались с теми и другими

²²⁰ Как-нибудь в другой раз. (Англ.)

поочерёдно, в разных залах Сент-Джеймского дворца. Секретарь колониальной администрации Макдональд не скрывал своей про-арабской позиции.

– Неужели вы в самом деле полагаете, что арабы согласятся на еврейскую иммиграцию в Палестину? – спросил он руководителя еврейской делегации Хаима Вейцмана.

– А вы, британцы, находитесь в Палестине с арабского согласия?²²¹ – парировал тот.

Конференция закончилась ничем, и вскоре правительство Чемберлена одобрило новую Белую книгу, провозглашавшую политику умиротворения арабов. Еврейскую иммиграцию ограничили семьюдесятью пятью тысячами человек на следующие пять лет. В дальнейшем квоту должны будут устанавливать арабские власти. Покупка земли евреями почти полностью приостанавливалась.

Ишув не мог остаться равнодушным. Нам всем стало ясно, что теперь предстоит серьёзная борьба против британской власти.

Летом 1939 года, вскоре после принятия Белой книги, тысячи евреев съехались в Тель-Авив на демонстрацию протеста. Всё руководство ишува было здесь. На экстренном совещании Хаганы меня назначили ответственным за порядок в городе. Мы очень опасались и провокаций (их теперь можно было ожидать не только от арабов, но и от ревизионистов), и возможного кровопролития. Чтобы предотвратить провокации, надо было расставить надёжных ребят вдоль всего пути демонстрации, а чтобы застраховаться от кровавых столкновений – нейтрализовать британских полицейских. И я попросил аудиенции у главы окружной полиции майора Харрингтона. (Тот не очень жаловал жителей Страны вообще и нашу организацию в частности.)

– Господин майор, вы знаете, что на послезавтра намечена демонстрация. Мы вас убедительно просим в этот день не посылать наряды полиции в Тель-Авив. Мы позаботимся о порядке.

Майор пришёл в ярость.

– Кто вас ко мне послал?

– Мэр города мистер Роках²²² просил довести до вашего сведения его просьбу.

²²¹ Цит. по: [5], р. 220.

²²² Исраэль Роках (1896 – 1959) возглавлял мэрию Тель-Авива с 1936 по 1953 год.

Мой ответ почему-то разгневал его ещё больше.

– Я знаю, кто вас послал! Никто не смеет указывать мне, что делать.

На этом встреча закончилась. Разумеется, он знал, что меня послала Хагана. Не дурак ведь. Как ни возмущался, а совет принял: в день демонстрации во всём городе никто не видел британских полицейских. Я получил в своё распоряжение большой автомобиль и хорошего водителя, Амнуэля Алиагона. Ранним утром мы расставили наших бойцов вдоль улиц Бен-Йегуда и Алленби. Когда шествие началось, мой автомобиль двинулся вдоль процессии. Время от времени Амнуэль останавливал машину, я выходил и проверял наши посты. Всё прошло на удивление мирно. Видимо, ни арабы, ни наши ревизионисты не желали новых столкновений. И те и другие понимали, что главные битвы ещё впереди.

АМНУЭЛЬ ПРЯЧЕТ ОРУЖИЕ

По-прежнему наша самая главная работа – добыча оружия и боеприпасов. Дело это опасное: англичане не церемонились с нарушителями запретов. Поймают – можно и жизнью поплатиться. У нашей организации были свои люди в системе британского правосудия. Эти замечательные юристы спасали людей, попавших под уголовное преследование²²³. Но всё-таки самое главное правило самозащиты – не попадаться.

Сижу я как-то в своём офисе. Как вы уже знаете, он был у меня в обычной квартире. Одна из дверей вела на балкон. Когда с балкона послышался шум и в мою комнату стремительно влетел некто, я привскочил. Вбежавший пересёк комнату, приблизился к моему столу, и я узнал Амнуэля Алиагона, нашего водителя и одного из ответственных за хранение вооружения. Он поставил мне на стол большую тёмную бутылку.

– Здесь гремучая ртуть. За мной гонятся англичане.

Выскочил через другую дверь и скрылся. С полминуты я сидел абсолютно обескураженный, потом пришёл в себя, завернул бутылку в газету, позаботившись, чтобы на ней не осталось отпечатков пальцев, и оставил стоять на столе. Минут через десять в квартиру постучали двое британских полицейских. Окинули глазами офис, прошли в кабинет, равнодушно глянули на стол, спросили, не видел ли я кого и не слышал ли чего подозрительного, и удалились. Во всё время визита я старался не смотреть в сторону стола, но внутри всё замерло и скорёжилось: что если заинтересуются предметом в газете? Хотя с чего бы им обращать внимание на торчащие на виду вещи? Амнуэля так и не поймали. На следующий день бутылка спокойно вернулась к нему.

Капитан Райгс был офицером окружной полиции. Я знал его ещё с армейских времён. Их часть стояла рядом с нашей, и Райгс подружился со многими еврейскими ребятами. После армейской службы перевёлся в полицию и остался в Стране. Много лет спустя Амнуэль рассказал мне такую историю.

Однажды наши ребята из полиции проведали, что к нему должны прийти с обыском. Узнали об этом буквально за полчаса

²²³ См., напр., «Адвокат Хаганы рассказывает» [42].

до прихода полиции. Когда предупредили Амнуэля, полицейские были уже на подходе. А у него в доме как раз оставалась винтовка, и перепрятать её времени не было. Что прикажете делать? Амнуэль быстренько закатал винтовку в ковёр и прислонил его к двери, словно собрался мыть полы. По счастью, обыском руководил капитан Райгс. Полицейские тщательно обследовали квартиру, но ничего не нашли. Некоторое время спустя Райгс рассказывал об этом обыске своим еврейским приятелям.

– Я там заметил свёрнутый ковёр, что стоял у двери. Он мне сразу показался очень подозрительным, вот я и старался его не замечать.

Как я писал в предыдущей части, у меня частенько возникали проблемы с полицией. Не из-за работы в Хагане, а из-за моего бизнеса по части рекламы, проката и демонстрации фильмов. Если была возможность, то обращался за помощью к Райгсу. Отделение окружной полиции, где он служил, располагалось в Яффо. Однажды (было это вскоре после того, как я получил законные права) подписал у него какое-то очередное разрешение и отправился к себе в Тель-Авив, очень довольный. Не успел ещё из Яффо выехать – машину останавливает арабский полицейский. Стал проверять права.

– Ваше имя.

– Ерушалаим.

Он разозлился:

– Я не спрашиваю, откуда вы! Я спросил, как вас зовут.

– Меня зовут Ерушалаим.

Моя невозмутимость его ещё больше разозлила.

– Нечего делать из меня посмешище. Поезжайте за мной в полицейский участок.

И приезжаем мы как раз в то здание окружной полиции, где сидит капитан Райгс. И словно специально, именно в этот момент он вышел из своего кабинета. Удивился, увидав меня под конвоем.

– В чём дело?

Полицейский объяснил ситуацию. Капитан тут же устроил ему разнос за то, что пристаёт к водителям не по делу, – и я снова отправился в Тель-Авив.

ВОЙНА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

После визита Чемберлена в Мюнхен и стовора западных держав с Гитлером стало ясно, что большая война не за горами. Городской совет Тель-Авива решил создать в городе организацию гражданской обороны. Британские власти не возражали. Новое учреждение внешне выглядело не только безобидным, но и полезным для администрации. Для неё наша организация была просто противоздушной обороной, наподобие той, что существовала в Лондоне. На самом деле это было не совсем так. Ведь ядро гражданской обороны составили командиры и рядовые члены Хаганы. Организация приобщила к военному делу много новых людей.

Командиром организации стал мой бывший соратник по Легиону Хаим Альперин [43]. Мало кто сделал так много для нашего города. Родился Хаим в Минске, приехал в Страну практически в одно время со мной, учился в гимназии «Герцлия». После демобилизации стал во главе тель-авивской полиции. Рассказы о столкновениях молодого полицейского с всесильным мэром – шестидесятилетним Дизенгофом – быстро разлетались по

всему городу. Мэр не был образцом благопристойного поведения. То вздумает купаться голышом на общественном пляже, то скачет на коне по городскому парку. Каждый раз Альперин влеплял Дизенгофу штраф, а в ответ на попытку опротестовать один из них ответил: «Я считаю, что утверждающий законы должен эти законы исполнять». Это именно Хаим основал наш «Маген Давид Адом». Он же раздобыл первую санитарную машину и руководил работой станции скорой помощи. Наш археологический и этнографический музей – Музейон Хаарец – тоже его детище.

**Руководитель Гражданской обороны
Хаим Альперин в основанном им
музее. 1960**

Заместителем командира назначили инженера Авраама Ахитова. Хаим и Авраам – на полной ставке, остальные – добровольцы без зарплаты. Командир занимался общей стратегией и связями с мэрией и британскими властями. На заместителе были технические вопросы: организация спасательных и медицинских групп, инженерных служб и прочей, как теперь говорят, инфраструктуры. Он же ведал курсами профессиональной подготовки. Следующим в командной иерархии, в должности командира батальона, стал ваш покорный слуга. Нечто вроде исполнительной власти: контроль за обучением, дисциплиной и выполнением распоряжений командования. Как видите, хоть оборона и называлась гражданской, было в ней нечто армейское. Десять батальонов: по одному на каждый район города. В батальоне примерно 350 человек. Добавьте к этому группы поддержки: медицинская, инженерного обеспечения, связи. Словом, не было в городе дома, в котором не жил бы кто-нибудь из членов Гражданской обороны.

Центр организации занимал два класса в нижнем этаже школы Билу на Сдерот Ротшильд. В одной из комнат постоянно дежурили представители командования. Перед ними стояли десять телефонов – по одному на связь с каждым из батальонов.

Всё больше и больше говорили о грядущей войне. В Страну начали прибывать британские солдаты. Мэрия организовала «Комитет гостеприимства» – для приезжающих британских военных. Конечно же, без нашей Гражданской обороны не обошлись. Мы помогли оборудовать нечто вроде Дома британской армии на улице А-Яркон. В нём было два этажа: наверху – офис и клуб, внизу – кухня и столовая. За символическую плату британский боец получал обед и завтрак. Практически все общественные организации почитали долгом сделать что-то для британских солдат. В нашем представлении эти военные никак не ассоциировались с властями, поэтому отношения между городскими жителями и военными были в ту пору самыми тёплыми.

Организовали и офицерский клуб. Там произошла у меня забавная встреча: ещё одна иллюстрация к тезису «тесен мир». К моему столику присел капитан из Южной Африки. Разговорились.

– Я не люблю Тель-Авив, – признался тот.

«Ну вот, – думаю, – ещё один антисемит, которому предстоит сменить убеждения». А капитан продолжал:

– Я больше люблю кибуцы.

Вот это поворот!

– А вы откуда? – спрашиваю.

– Из Кейптауна. Я еврей.

Я немного смутился, потом сказал:

– Я понимаю, конечно, что глупо спрашивать об общих знакомых в таком большом городе, но кто его знает... У меня есть в Кейптауне хороший приятель. Может, вы его знаете? Иосиф Браверман...

– Иосиф Браверман?! Так это мой двоюродный брат. И живём мы в одном районе.

Невероятно, но факт.

Наши добрые отношения с британскими воинами отнюдь не означали, что прекратились трения с представителями власти, в частности, с британскими полицейскими. Вот, скажем, майор Харрингтон, что командует округом Тель-Авив – Яффо. Надменный, грубоватый, пыжится и старается показать, что именно он здесь хозяин. Впрочем, Харрингтона даже можно понять: он командует полицией, а тут вдруг эта Хагана, а теперь ещё и Гражданская оборона пытаются свои порядки наводить!

Выхожу как-то из офиса Гражданской обороны, а он стоит в обществе нескольких англичан. Увидав меня, тут же окликнул:

– Эй, Сигалов!

Я повернул голову в его сторону и отозвался:

– Да, Харрингтон.

У него и дар речи пропал. Сразу забыл, что хотел мне сказать.

Много позже, когда образовалось государство, он случайно встретил меня в автобусе и просил похлопотать за него: хотел получить израильское гражданство. Я что-то промямлил, сказал, что у меня нет таких связей в министерстве... Гражданства он так и не получил: слишком многие его хорошо знали.

Мне нравилось, когда наши ребята умели сохранять достоинство в столкновениях с высокопоставленными представителями администрации. Помню спор между городским инженером Яковом Бен-Сира и губернатором округа. Дело было у нас, в штабе Гражданской обороны. Спор был по какому-то чисто инженерному вопросу. Выслушав суровые нарекания губернатора, Бен-Сира ответил:

– Ну и что вы в этом понимаете? Не вмешивайтесь в те вопросы, в которых не разбираетесь.

И – представляете? – губернатору пришлось это проглотить.

Были среди британских полицейских и совершенно другие люди. С долговязым ирландцем Оливером часто приходилось общаться, и между нами установились приятельские отношения.

Однажды поздним вечером, когда я был уже в постели, в нашу дверь постучал родственник – Шульман, зять моего брата Элиягу (тоже член Хаганы).

– У нас тут проблема. Получили оружие для Бат-Яма²²⁴. Пока что сгрузили, но место не очень надёжное. Надо, чтобы из Бат-Яма срочно приехали, забрали и распределили в своих укрытиях. Связаться с ними по телефону не можем, а у меня машина в ремонте.

Я вылез из кровати, оделся, и мы поехали. Без приключений добрались до Бат-Яма, подняли с постелей тамошних членов Хаганы. Они занялись доставкой вооружения, а мы отправились домой. На границе с Тель-Авивом натыкаемся на заграждение. Темно, издали не увидишь, и отступать поздно. Подходят двое полицейских, араб и британец. «Мы должны обыскать машину». Я не сразу узнал в британце Оливера. Он отправил араба проверить багажник, а сам открыл переднюю дверь и стал шарить под панелью управления. Я весь напрягся. Глаза наши встретились. Оба молчали. Оливер открыл «бардачок» и извлёк из него пистолет. Затем взял лежавшую там же тряпку, аккуратно завернул оружие и закрыл ящичек. Тут подошёл арабский полицейский и сообщил, что в багажнике ничего не обнаружено.

– Можете ехать, – козырнул Оливер.

На следующий день я нашёл Оливера и пригласил на кружку пива. Рассказал, как мы перетрусили.

– А ты что, думал, что я тебя арестую и отправлю в тюрьму?

С тех пор наша дружба ещё больше окрепла. Правда, однажды мы с ним сильно поссорились. Встретились как-то возле театра «Габима». Неожиданно он засунул руку ко мне в карман и со смехом вытащил оттуда револьверный патрон. Я страшно рассердился: такими вещами не шутят. Довольно скоро мы помирились, но у меня были основания негодовать. Как раз незадолго до этого в доме у одного из наших ребят провели обыск и обнаружили в шкафу патрон. Было подозрение, что сами полицейские его и подбросили. Парня арестовали, и Хагане пришлось пустить в ход все связи, чтобы его освободить²²⁵.

²²⁴ Бат-Ям – прибрежный город к югу от Яффо.

²²⁵ Несколько подобных случаев описано в [42].

TIGER HILL

Первого сентября началась мировая война, и в тот же вечер к нашему берегу подошёл большой пароход “Tiger Hill”. Так совпало. Это было старое грузовое судно, идущее под панамским флагом из Констанцы. На борту более тысячи евреев – беженцев из Чехословакии, Австрии, Германии и вольного города Данцига. Их путешествие длилось почти месяц. При отплытии каждому разрешалось взять на борт не больше двадцати пяти килограммов вещей. Многие отдавали последние сбережения, чтобы получить место на дощатой койке наскоро переоборудованного парохода.

Британская полиция встретила “Tiger Hill” градом пуль. На перехват вышли канонерки, была задействована авиация.

Меня вызвали на берег ранним утром. Быстро оделся в свою британскую униформу, нацепил медали – и бегом. На улице Яркон, неподалёку от спуска к морю, стоял растерянный мэр Роках. Напротив него – молодой английский солдат с винтовкой, преградивший ему дорогу. Я подскочил и, звеня медалями, начал кричать на него.

– Вы что, не видите, что перед вами мэр города? Как вы смеете его задерживать!

Солдат ступешевался от моего напора и пропустил нас обоих.

Корабль стоял на якоре, на берегу суетились британские солдаты и полицейские. Беженцев снимали с теплохода и подвозили на шлюпках. Довольно большая толпа тель-авивцев наблюдала за происходящим, все их симпатии – на стороне беженцев. Отдельно стоит под конвоем группа пассажиров, только что снятых с корабля. Их отправляют в лагерь Сарфанд, тот самый, где во время Первой мировой войны стояли части нашего Легиона. Вот один парнишка пытается выскочить из группы и скрыться, но его тут же хватает охранник и замахивается дубинкой. Я бросаюсь к ним.

– Старший сержант, не смейте его бить! Был приказ задержать, а не бить.

Сержант пихает парнишку в толпу задержанных и отходит. Двигаюсь к тому месту, куда подходят шлюпки. На носилках два трупа, завёрнутых в простыни: убиты при обстреле парохода. Есть раненные.

Порядка никакого: местные жители купаются в море, бегают вдоль берега представители Сохнута²²⁶. Единственный островок слаженной работы в этой неразберихе – наши ребята. Хагана не теряет времени. Среди дежурных – работники «Маген Давид Адом». Поодаль стоит санитарная машина. Раненого кладут на носилки, четыре человека поднимают их и бегут к машине. Опустив носилки, тут же скрываются в близлежащих домах, ведь они – из только что прибывших пассажиров парохода. Один из дежурящих в машине относит носилки назад, к берегу. Следующего раненого относят уже другие беженцы. Они точно так же исчезают из поля зрения британцев.

Британцами руководил пожилой симпатичный полковник. Я представился и спросил, чем мы можем быть полезны. Тот ответил серьёзно и без всякого высокомерия, и мы вместе стали дружески обсуждать детали операции по спасению беженцев. (О том, что мы прячем прибывших, растворяя их среди жителей города, я благоразумно умолчал.)

Наступил вечер, продолжать рейсы в темноте стало опасно, и на ночь работу прервали, а наутро я снова был на берегу. Полковник встретил меня как доброго знакомого и тут же спросил:

– Скажите, а что это у вас за медаль? Я ещё вчера её приметил. Никогда такой не видел, хотя я все британские награды знаю.

Это была та самая «Освобождённая Иудея», которую я получил из рук Хаима Вейцмана при вступлении в Еврейский легион. Я объяснил, что медаль отчеканена после публикации декларации Бальфура и что смысл её в том, что мы боремся за создание национального очага для еврейского народа.

Полковник задумался, потом сказал:

– Вы уж извините. Я давал присягу и по долгу службы вынужден подчиняться приказу...

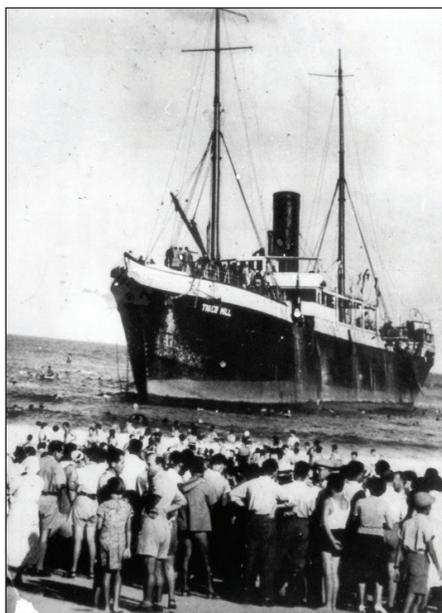
Тем временем высадка беженцев с “Tiger Hill” продолжалась. Британские полицейские сопровождали лодки с корабля на берег. Смотрю – бог ты мой! Да у них просто карманов не хватает, чтобы упрятать всё награбленное у беженцев: наручные и карманные часы, будильники, какие-то шкатулки... Подбегаю к Дову Хозу. (Как один из лидеров профсоюза он тоже участвовал в спасении и размещении беженцев.)

²²⁶ Сохнút (Еврейское агентство) – международная сионистская организация с центром в Израиле. Занимается репатриацией в Израиль и помощью репатриантам.

– Смотри! Это же просто грабёж. Я сейчас пойду к полковнику и скажу, чтобы прекратил это безобразие.

– Оставь, – говорит Хоз. – Это благодарность полицейским. Видишь: закрывают глаза на то, что мы здесь делаем. Нам это важнее.

Вообще-то я был с ним не согласен, но спорить не стал. Это была одна из наших последних встреч. Через год Дов погиб в автомобильной катастрофе.

«Tiger Hill» в Хайфе. 1939

Маленькая улочка, выходящая к морю примерно в том месте, где мы встречали “Tiger Hill”, названа теперь именем этого корабля. Спасение пассажиров “Tiger Hill” было победой Хаганы и всего ишува. В конечном итоге прибывшие остались в Стране, получили документы и спаслись от неизбежной гибели в Холокосте²²⁷. К сожалению, некоторые попытки побега из оккупированной фашистами Европы англичанам удалось пресечь. Так Британия запятнала себя участием в уничтожении европейских евреев.

²²⁷ US Holocaust Memorial Museum опубликовал архивные материалы с данными о пассажирах судна. См. [44].

Часть спрятавшихся беженцев расселили по квартирам, остальных – в доме Сохнута. В нём были помещения для новых репатриантов, но, конечно, никто не ожидал такого наплыва за один раз. Зашёл я туда. Теснота невероятная, кровати стоят почти вплотную друг к другу. Обратил внимание на девушку лет двадцати. Сидит на кровати, бледная, худенькая. Вид совершенно измученный, тёмные круги под глазами, слёзы текут по впалым щекам. Я отошёл к администраторше и спросил про неё.

– Это Анна, – говорит администраторша. – Уже пыталась покончить с собой. Нервный срыв. Слабенькая она, а эта дорога её совсем измучила. Да ещё стрельба по кораблю, потом бегство...

Подошёл я к Анне, заговорил. (Иврита и английского она не знала – только чешский и немного немецкий.) Вижу – успокоилась, не плачет, даже улыбается...

Пришёл домой и говорю Эстер: надо приютить одну девушку, пока не оправится. Эстер тут же согласилась, и в тот же день я привёл Анну к нам. Она была страшно рада покинуть неуют и тесноту сохнутовского дома. Дети, вслед за Эстер, выбежали в прихожую и тут же начали расспрашивать Анну. Они тоже были рады, что в семье появился новый человек. Анна только растерянно улыбалась. Поместили её в гостиной (она у нас была изолирована от других комнат). Поскольку никто, кроме меня, не знал немецкого, мне пришлось стать синхронным переводчиком. В тот же день дети принялись ломать языковой барьер. Они обучали Анну ивриту методом Тарзана и Джейн из популярного фильма: просто называли предметы. Первым делом указали на неё самое и сказали: «Хана». Девушка удивилась, попыталась объяснить, что её зовут Анна, но ребята замотали головой. Так наша беженка узнала, что в Стране она будет Ханой. Она быстро осваивала язык, через считанные дни уже могла немного объясняться на иврите. Здоровье – физическое и духовное – тоже быстро улучшалось. Лицо порозовело, изменился взгляд, округлились плечи. Иногда выходила из дому в сопровождении кого-нибудь из детей, а то и самостоятельно.

Через десять дней к нам явился молодой человек заурядной наружности: среднего роста, худой, рыжеватый. В ответ на вопросительный взгляд Эстер представился на ашкеназском иврите: «Я муж Анны». Мы удивились, но проводили его к жене. Она вышла из комнаты... Я ожидал трогательной сцены встречи супругов после разлуки, но её не случилось. Да, обнялись, заулыбались друг другу. Но лицо Ханы оставалось напряжённым. Возможно, она

стеснялась проявлять чувства при чужих людях. Оставили супругов вдвоём, а немного спустя пригласили поужинать с нами. Не могу сказать, чтобы мне понравился этот парень. Наверно, я относился к нему предвзято. Хотелось спросить: «А где ты был все эти дни, пока твоя жена буквально загибалась?» Не стал травмировать Хану тяжёлым разговором. За ужином расспросил их немного о семье, об их жизни в Чехии. На вопрос о профессии мужчина ответил, что он – собачий парикмахер. Эстер удивилась:

– А что это такое?

Мне тут же стало понятно, что сделать хороший бизнес в нашем городе ему будет ой как нелегко. И спросил:

– А у вас уже есть клиенты?

Он смешался, отвечал, что ещё рано судить и что мало времени прошло. А потом смущённо добавил:

– А можно, Анна у вас ещё немного поживёт?

Лицо Анны оставалось непроницаемым, и было непонятно, то ли это супруг всё ещё опасается за её здоровье, то ли она сама не хочет от нас уезжать.

Так прошёл ещё месяц. Муж иногда навещал Хану, они даже выходили погулять, но в долгие прогулки никогда не пускались. После одного из визитов заплаканная Хана сообщила, что муж настоял-таки на её переезде к нему. Дети тоже едва не развелись, да и нам с Эстер было горько. Мы ведь так к ней привыкли! Следа не осталось от того больного, затравленного существа, которое я встретил в общежитии Сохнута. Теперь это была очень молодая и очень красивая женщина. Месяц-другой она заходила в гости, а потом пропала с нашего горизонта, как в своё время Фрида. Вероятно, муж Ханы решил поискать заработка в другой стране.

АРА

Да, профессия собачьего парикмахера была в Стране чем-то экзотическим. Но собаки, разумеется, были. Как не вспомнить о нашей Аре...

Она была щенком немецкой овчарки. Мы взяли её у друзей, переселенцев из Германии, когда ей был всего день от роду. Это говорит лишь о нашей неопытности в деле ухода за собаками. Приготовили Аре тёплое гнёздышко и попробовали кормить её из бутылочки с соской. Уже на следующий день убедились, что ничего путного из этого не получится. Пришлось вернуть её матери и забрать месяц спустя. Теперь она уже могла сосать из бутылки.

Ара росла, развивалась, и вскоре мы окончательно убедились, что она действительно породистая собака. Быстро освоила правила гигиены, а в случае нужды подходила к двери и просилась наружу. Один раз мы уехали на субботу, оставив её на попечение домработницы. А та тоже ушла. Бедная Ара терпела без малого сорок часов. Когда вернулись в воскресенье утром, она, вместо того, чтобы радостно нас встретить, тут же подлетела к двери и выскочила на улицу. Через несколько минут вернулась и стала ласкаться.

Ко мне в офис приходило много народу, но собака никогда этим не возмущалась. Правда, один раз пришёл человек, которого мы терпеть не могли. Ара не давала ему войти в дом, пока её не оттащили от входа. Мы удивлялись: каким чувством она улавливает эмоции людей и запоминает их? Почему-то поднимала яростный лай, заведя из окна идущего по нашей улице араба. Возможно, её раздражала непривычная одежда. А может быть, в ней непонятным образом индуцировалось чувство неприязни, исходящее от прохожего? Ведь верующие мусульмане считают собаку нечистым животным (притом что Коран ничего плохого о собаках не говорит).

Когда Эстер уехала на лечение в Париж, я не заметил особых перемен в поведении Ары. Или не приглядывался? Она по-прежнему любовно играла с детьми. Когда те уходили в школу, сопровождала их до дверей, а потом подбегала к окнам и провожала взглядом. Квартира у нас угловая, окна выходят на две разные улицы. Вначале собака сидит в гостиной и внимательно смотрит, как дети идут по улице Варбург. Когда скрываются за углом, перебегает в кухню и следит за ними уже оттуда.

В Париже Эстер пробыла целых десять месяцев.

– Знаешь, никто никогда не встречал меня так, как сегодня Ара, – призналась она в вечер возвращения.

Действительно, не успели мы войти в квартиру, как она кинулась к Эстер, встала на задние лапы, обняла её передними и долго лизала в лицо.

Жизнь собачника не проста. Рано или поздно каждый, кто держит собаку, сталкивается с дурацкой ситуацией: ваш четвероногий друг кого-то укусил, или кому-то показалось, что его укусили. И начинает раздувать скандал. В нашем случае такой пострадавший явился в обличье какой-то знакомой Эстер. Понятия не имею, зачем она к нам зашла. Ара, по своему обыкновению, подбежала и стала её обнюхивать. Случайно женщина задела рукой Арины зубы и слегка оцарапалась. Ах! Ох! Побежала делать уколы от бешенства, и мы получили предписание сдать собаку в карантин на десять дней. В этом самом карантине она, разумеется, подцепила блох, и нашему ветеринару, милейшему доктору Каспи, пришлось её лечить.

Однажды Ара едва не погибла. Пошёл я как-то в мэрию договориться о съёмке какого-то городского мероприятия. Аре велел сидеть дома. Задержался на час-другой. Возвращаюсь – Ары нет. Пропала. Оповестил всех друзей и знакомых. Поиски не дают результатов. К концу четвёртого дня позвонили из мэрии: не мою ли собаку они нашли лежащей в комнате посетителей?

Оказалось, что в тот день Ара просто устала от ожидания и отправилась по моим следам. Прodelала довольно длинный путь до мэрии, вошла в помещение, где и потеряла мои следы: в зале было много народу, и следы попросту затоптали. Тогда собака легла прямо там и стала дожидаться хозяина, решительно отказываясь выйти. Сторожа препроводили её в собачий приёмник, где пойманных бродячих собак держали в течение трёх дней, а потом, если не находилось хозяев, просто «усыпляли». Но Ара была большой, красивой и умной. У работников питомника просто рука не поднялась её убить. Когда слух о моей пропавшей собаке достиг мэрии, мне тут же позвонили. Я побежал в питомник, где сидели перед домом несколько привязанных собак. Ара увидела меня ещё издали, метрах в ста, наверное. Вскочила, взвизгнула, рванулась – и вот уже несётся ко мне с обрывком цепочки на шее.

– Вот что бывает с собаками, которые не слушаются хозяев, – назидательно сказал я Аре.

Потом она некоторое время болела. Ведь всё это время она отказывалась от еды, да и стресс сделал своё дело. Доктор Каспи опять терпеливо лечил её.

Разразилось арабское восстание 1936 года. Первая волна накатилась и схлынула, но в округе было ещё очень беспокойно. Кругом рыскали вооружённые банды, нападали на отдельные группы людей, грабили и убивали. Особенно бесчинствовали в районе Кфар-Сабы, там у них было несколько передвижных опорных пунктов. Даже миномёты у бандитов были. Очень трудно было отслеживать и накрывать эти группировки. Несколько наших ребят погибли.

На совещании Хаганы объявили: нужны служебные собаки. Где их взять?

– Попробуем попросить у тех, кто держит собак, – сказал командир округа.

Я задумался. Потом спросил:

– А назад вернёте?

– Конечно, – сказал командир, – как только закончится операция.

Жалко нам было расставаться с Арой, но что поделать? Там люди гибнут. Повздыхали, поплакали – да и отвёл я её в штаб организации. Сдал с рук на руки – и бегом. На душе было тяжело. Теперь, задним числом, можно говорить, что это было предчувствие, но я в предчувствия не очень-то верю.

Так прошёл месяц, затем второй. Иногда я позванивал Пинхасу, командиру батальона, где служила Ара. (Хагана к тому времени уже стала по сути армейской организацией, о чём англичане не знали.) Он говорил, что чувствует она себя хорошо, что помогает выслеживать бандитов и что бойцы очень её любят.

Прихожу как-то на совещание. Ещё и в комнату войти не успел – выходит серьёзный Пинхас и отводит меня в сторону.

– Понимаешь, Ерушалаим... Тут такое дело с твоей собакой...

– Что? С Арой что-нибудь случилось? – вздрогнул я.

Пинхас кивнул.

– Она выследила их опорный пункт. Бежит впереди, ребята за ней. Отряд, восемь человек. И тут как полыхнёт! Они, мерзавцы, заминировали подход. Если б не Ара, всех бы уложило. Там её и похоронили, твою Ару...

БОМБЯТ ТЕЛЬ-АВИВ

Британия вела тяжёлую войну с фашистской Германией. Мы понимали, что если фашисты победят, то всему нашему народу придёт конец. Всемирная сионистская организация постановила временно прекратить вооружённую борьбу против британцев. Хагана немедленно подчинилась этому решению. У наших соперников в Эцель дела обстояли сложнее. Их крайне правое крыло, руководимое Авраамом Штерном, образовало военизированную организацию Лехи. По сути, она была террористической, и её члены пошли куда дальше, чем Жаботинский. Они считали, что в борьбе с британцами хороши все средства и любые союзники. Штерна вдохновляли идеи итальянского и германского фашизма, и руководство Лехи пыталось заключить союз с фашистской Германией²²⁸. (Удивительно, что среди членов Лехи были не только лихие ребята из местной молодёжи, но и европейцы, чьи семьи пострадали от нацистов.) Самого Штерна несколько позднее застрелили британские полицейские при аресте, но его организация продолжала действовать.

Мы, в Хагане, понимали, конечно, что перемирие с британцами – временное, и поэтому создали свою военизированную организацию – Пальмах. Она стала символом борьбы жителей Страны за своё государство. Вначале Пальмах действовал легально и вместе с британцами, а когда после побед в Египте англичане потребовали его роспуска, перешёл на нелегальное положение.

Тем временем войска Роммеля совместно с итальянскими дивизиями успешно наступали против британцев в Северной Африке. Французское марионеточное правительство Виши предоставило немцам аэродромы в Ливане и Сирии. Война шла уже рядом с нами.

С самого начала войны британцы рассматривали Хагану и Гражданскую оборону как своих союзников. Многие британские полицейские были мобилизованы, и британцам не хватало людей. Через мэрию обратились к нам с просьбой призвать добровольцев для службы в особом подразделении полиции. И Гражданская оборона не подвела. Много наших записалось в этот отряд. Затем англичанам понадобились люди в береговую охрану, защищать побережье Страны от возможных атак с воздуха и моря. Тут нужны

²²⁸ См., напр., [5], p. 247.

были люди с армейским опытом. Командование обратилось в Совет Гистадрута, а те – в организацию ветеранов Еврейского легиона. За две недели мы набрали команду из ста пятидесяти человек под началом старшего сержанта Мильсона. На торжественной церемонии я отрапортовал начальнику береговой охраны, британскому полковнику, что группа создана, – и ребята отправились на учения в Хайфу.

9 сентября 1940 года. Я сижу в своём офисе и работаю над переводом очередного фильма. Я один – моя секретарша Дрора в отпуске, уехала к родным в Иерусалим. Тикает маятник больших настенных часов, что висят прямо напротив стола. В дверце часов сделано окошко, так что я не только слышу, но и наблюдаю ход времени. Пятнадцать сорок пять. Мне пора в Комитет гостеприимства: скоро прибывает новый отряд британских военных. Встаю из-за стола – и тут же слышу из прихожей звонкое «шалом!» Дроры. Вбегает – загоревшая, весёлая.

– Ты откуда взялась?

– Да я только что приехала. Вот решила заглянуть, посмотреть, как ты без меня управляешься.

Звоню в Комитет, предупреждаю, что немного задержусь. Усаживаю Дрору и начинаю расспрашивать о здоровье, об отпуске, о родных.

Приход Дроры спас меня от гибели.

За разговором мы не сразу обратили внимание на необычный звук: низкий ровный гул, что становился всё громче. И вдруг – тонкий противный визг и закладывающий уши грохот разрывов на улицах. Машинально поднимаю голову к часам: девять минут пятого, шестнадцать ноль девять. Это время указано в официальных отчётах как начало первой бомбардировки Тель-Авива итальянской авиацией. Первые бомбы упали как раз на то здание на улице Ха-Яркон, где было назначено заседание нашего Комитета. Пострадали все, кто был в это время в здании. Несколько убитых, включая секретаря Комитета Эмануэля Ливни, и много раненых.

Обо всём этом мы, разумеется, узнали позднее, а тогда мгновенно выскочили на улицу – и увидели играющих там детей. Я закричал:

– Бомбёжка! Всем – немедленно домой!

Дети убежали в наш и соседний дома. Все, кроме малышей, не понимавших, в чём дело. Я кинулся к ним, схватил всех троих

и утащил в наш в подвал. И тут увидел ещё двух мальчишек, лет пяти. Один из них оказался моим собственным сыном Адивом. Взрывы приближались. Я выскочил, схватил ребятшек и втолкнул их в убежище. В ту же минуту бомба разорвалась возле театра «Габима», метрах в ста от нас. Огромные осколки полетели на тротуар возле нашего дома. После налёта я собрал самые крупные из них – ещё такие горячие, что невозможно подбирать голыми руками.

В Тель-Авиве после бомбежки. 1941

Вместо того чтобы идти в Комитет, я побежал в центр Гражданской обороны организовать помощь раненым. Вражеские самолёты сбрасывали бомбы по прямой линии, идущей от моря вдоль улицы Буграшов и до «Габимы». Уже после войны появились публикации с версиями происшедшего. Самолёты якобы летели на Хайфу, чтобы бомбить нефтеперегонные заводы, но их отогнали британские истребители. Лётчики получили приказ сбросить бомбы на порт Тель-Авива. Пишут, что перепутали порт с жилыми кварталами. Откровенно говоря, сильно сомневаюсь, что можно было так промахнуться при свете дня. Итог налёта: 137 убитых и множество раненых.

Не напрасно мы так усердно тренировали службу Гражданской обороны. Каждый знал своё место, каждый тут же пришёл на свой пункт. Тяжело раненных быстро перевезли в больницу. Тела убитых свозили в школу «Бальфур». Мой заместитель Иосиф Гоофер

организовал перепись погибших. Регистрировали найденные при жертвах деньги и вещи. Труднее всего было опознать трупы детей, ведь при них не было никаких документов.

Невозможно было смотреть на эти классные комнаты, где полы полностью покрыты телами. Вот два мальчика лет девяти-десяти лежат в обнимку: видимо, играли, боролись и погибли вместе. Вот тело девочки рядом с телом матери... Я вышел из здания и стоял несколько минут, вдыхая свежий вечерний воздух. Всё казалось, что меня преследует трупный запах.

А потом были похороны, на которые вышел весь город. За порядком опять следили наши ребята.

После этой бомбёжки работы у меня прибавилось. Семью решил на всякий случай увезти подальше от опасности. Выбрали Герцлию²²⁹. Это сейчас в ней население под сто тысяч человек, а тогда это был посёлок с населением в тысячи три, не больше. Сонное местечко. Нашли мы у одного фермера квартиру в помещении, перестроенном из бывшего коровника, и жена с детьми поселились в двух её комнатах. Я перевёз туда электрический холодильник. Мне ведь одному много еды не нужно, а о том, чтобы иметь два холодильника, никто тогда не помышлял. У большинства горожан и одного не было. Если позволяла моя служба в Гражданской обороне, то под вечер в пятницу я уезжал к семье, а в воскресенье утром возвращался в Тель-Авив. По дороге в Герцлию заезжал на бахчу и в последний предсубботний час покупал четыре-пять хороших и дешёвых арбузов. Весь цвет Герцлии, включая мэра, зааживал к нам отведать сладкого (и холодного!) арбуза. Спорили об обороне, экономике. А вот споров о политике не помню. Вероятно, потому, что спорить нам было особенно не о чем: все мы, в сущности, принадлежали к одному и тому же классу: трудящимся.

В американских вестернах мы видели, как индейцы прикладывают ухо к земле и слышат топот приближающейся кавалерии. Мы думали, что всё это выдумки писателей и сценаристов, дабы придать эффектность повествованию. Но однажды ночью мне пришлось убедиться, что в этих историях что-то есть. Я гостил у своих в Герцлии и спал на матрасе, положенном на пол. Проснулся от

²²⁹ Герцлия – город к северу от Тель-Авива, основан в 1924 г.

непонятного ощущения, словно пол подо мной чуть вибрировал. Стояла лунная ночь. Вышел из дому и услышал далёкий тихий гул. Через несколько минут в свете луны проявились чёрные точки, движущиеся в сторону Тель-Авива. Я разбудил Эстер и сказал:
– Через две минуты услышишь тревогу.
И действительно: скоро из города послышался звук сирены.

ВОЙНА И КИНО

Той же осенью я раздобыл хороший английский фильм «Звёзды смотрят вниз», снятый по роману Арчибальда Кронина. Его книги становились классикой почти сразу после выхода в свет. Фильм поставил режиссёр Кэрол Рид, а сам Кронин участвовал в разработке сценария. Грэм Грин писал: «Не помню ни одного английского фильма лучше, чем этот». Обычная история о борьбе шахтёров небольшого городка с социальной несправедливостью оказалась близкой очень многим людям из самых разных слоёв общества.

Я подписал контракт с кинотеатром «Магдалор» («Маяк»), но... Цензура запретила показ фильма. Её отпугнули сцены забастовок и мятежей. (Американцы поступили по-другому. Они просто вырезали некоторые сцены, особенно те, что проходили на фоне мятежей и забастовок, «смягчили» диалоги – и у них подобных проблем не возникло. Но я-то хотел показать фильм именно в том виде, в каком он появился в Англии.) Больше года ушло у меня на борьбу с цензурой. Наконец показ был разрешён. Новая проблема: репертуар «Магдалора» расписан на много месяцев вперёд. Ждать не хотелось, и я расторгнул контракт. Вскоре вспомнил про свой старый добрый «Эден», с которым сотрудничал двадцать лет назад.

Война ударила по доходам всех кинотеатров. Они теперь собирали не больше нескольких сотен лир в неделю. «Эден» пострадал особенно сильно, поскольку располагался далеко от центра, а городской транспорт был далеко не в лучшем состоянии. Откровенно говоря, кинотеатр уже давно влачил жалкое существование – с доходом в несколько десятков лир в неделю. Ведь город расширялся на север, а его южные районы люмпенизировались.

Стало быть, надо разворачивать рекламу. Попросил владельца фильма выделить на неё восемьдесят лир, столько же получил от правления «Эдена». Оговорил свои условия: «пропагандой» занимаюсь только я, они не вмешиваются, даже если реклама им не нравится. Как привлечь горожан в позабытый ими кинотеатр? И я сделал рекламу фильма, не упоминая названия кинотеатра, в котором он пойдёт. Тут же явилась возмущённая делегация работников «Эдена».

– Не волнуйтесь, – говорю. – Я знаю, что делаю. Потерпите немного. Будет и название вашего кинотеатра.

После шести недель этой загадочной газетной рекламы город уже говорил о фильме, и всем было интересно, где же его будут показывать. За неделю до премьеры я опубликовал «телеграмму от создателей фильма»: «Поскольку кинотеатр «Эден» двадцать лет назад успешно демонстрировал наш первый фильм “Восток-Запад” с участием Мэри Пикфорд, мы согласны на демонстрацию фильма “Звёзды смотрят вниз” в том же кинотеатре». Тель-Авив был в изумлении: «Кинотеатр “Эден”? Да кто о нём помнит?»

Но реклама сделала своё дело. Фильм шёл три недели подряд, выручка за первую неделю составила 650 лир – вдвое больше, чем собирали центральные кинотеатры города. Я стоял у входа и слушал, о чём говорили зрители:

– Не был в этом кинотеатре лет пятнадцать...

– А я лет десять, не меньше.

Автобусы кооператива «Дан» уже давно не ходили к кинотеатру из-за малого числа пассажиров. Теперь ввели специальные рейсы, чтобы перевозить людей на север по окончании сеанса. За вторую неделю «Эден» выручил 500 лир, за третью – 450. Фильм мог бы идти ещё по крайней мере две недели, но у меня уже был договор с кинотеатрами в Иерусалиме и Хайфе. Я был очень рад, что удалось поднять рейтинг «Эдена». Число его посетителей сильно увеличилось. Кинофирмы, которые раньше отказывались поставлять кинотеатру даже посредственные фильмы, теперь стали давать и хорошие.

Несмотря на войну, жизнь ишува протекала без больших потрясений. Кинотеатры продолжали показывать фильмы. Если во время сеанса случалась воздушная тревога, то показ прерывался, и на экране появлялась надпись: «Сигнал воздушной тревоги. Просим соблюдать порядок и пройти в бомбоубежище через фойе». Я продолжал добывать киношедевры и делать переводы диалогов. Конечно, не прошёл мимо «Унесённых ветром». Сделал перевод, и как раз тогда, когда надо было переносить его на плёнку, ко мне пришёл молодой человек, учащийся ешивы, и предложил свои услуги. Показал мне образец своего почерка. Да, выглядело неплохо: красивые печатные буквы. Мне так хотелось отметить этот исключительный фильм чем-то необычным, как-то порадовать зрителей! Заплатил парню аванс в счёт одного дня работы – и он взялся за дело.

Ох, никогда не знаешь, где промахнёшься! Ну что бы мне посмотреть внимательно текст на плёнке сразу после первого дня работы этого парня – я сделал это только на четвёртый. И обнаружил, что ешиботник с хорошим почерком просто неграмотный! У нас в иврите, как известно, есть несколько пар букв, которые пишутся по-разному, а читаются одинаково: «каф» и «куф», «тет» и «тав». Или обе не читаются («алеф» и «аин»). Во всех этих случаях ешиботник выбирал нужную букву чисто случайным образом. Неудивительно, что в девяти сотнях фраз, которые он успел перенести на плёнку, было больше тысячи ошибок. Я схватился за голову.

– Немедленно прекрати! В таком виде мы выпустить текст не можем. А завтра – премьеры.

– Тогда платите за остальные три дня.

– Иди отсюда! – только и сказал я.

Девушки, мои помощницы, уже закончили рабочий день и ушли домой. И я засел за исправления. Смываю букву, пишу вместо неё другую. И так пока не начинает рябить в глазах. Отдыхаю немного – и опять за работу. За два часа до сеанса оставалось сделать ещё сотни три исправлений. Непрерывно звонили из кинотеатра «Офир»: «Скоро начинать, а перевода ещё нет!»

Тут пришли на помощь несколько друзей. Зашли навестить – и превратились в посыльных. (От моего офиса до кинотеатра – две минуты бегом.) Пришлось работать «с колёс»: каждые полчаса отправлял очередной кусок, который успел исправить. Кстати, просто подклеить новый участок плёнки к тому, что уже заряжен, невозможно: надо молниеносно заправлять сызнова. Все участники операции страшно нервничали, но наши усилия принесли плоды: зрители ничего не узнали о той драме, которая разворачивалась за кулисами.

Прошло несколько дней. После одного из заседаний в мэрии ко мне подошёл редактор жёлтого издания «Особая газета» и сообщил, что готовит против меня публикацию. Я-де эксплуатировал несчастного ешиботника и не заплатил ему того, что положено. Если я хочу предотвратить публикацию, редактор готов договориться о подходящей цене. Вот уж действительно продажный журналист!

– Знаете, господин Гутриц, – говорю ему, – эта публикация повредит вашей же репутации. Общественность знает меня и знает вас.

Редактор понял, что со мной у него ничего не выйдет, и решил

шантажировать кинотеатр «Офир». Там его тоже не испугались и дали от ворот поворот. Тогда он опубликовал порочащую статейку о кинотеатре. Общественность это не взволновало.

А потом был суд. Меня обвиняли в неуплате вознаграждения за проделанную работу. Истца представляли прокуратура и адвокат в кипе. Обвинитель был резок и остроумен, рассказывая, как я надул несчастного учащегося ешивы. Я ответил, что сумма, которую я заплатил в качестве аванса, более чем достаточна, принимая во внимание все беспокойства, причинённые «работником». И добавил, что, по моему мнению, парень не должен вводить людей в заблуждение и предлагать работу, которую не может сделать.

Дело разбиралось в нескольких заседаниях и вызвало такой интерес среди юристов, что многие приходили послушать и узнать, чем же оно кончится. Так в наши дни люди смотрят телевизионные сериалы.

После того как я сообщил, что в тексте было более тысячи ошибок, которые потом пришлось исправлять, и что это нанесло мне серьёзный ущерб, поднялся один из адвокатов. Он заявил, что типовой договор с типографией считает приемлемым семь процентов ошибок. А затем спросил тоном победителя: «Вы сказали, что более тысячи букв было написано неправильно, а сколько всего букв в переводе фильма?»

Этот дурацкий вопрос меня сильно разозлил, но я спокойно ответил: «Полагаю, что у вас, как у адвоката, есть много свободного времени. Посчитайте. У меня на это времени нет».

В зале послышался смех, даже судья не мог сдержать улыбки. В итоге иск отклонили. Жаль, конечно, парня, я ведь и сам в своё время учился в ешиве. Но он ведь прекрасно знал, что с грамотностью у него, мягко говоря, плоховато и что эта работа не для него.

Ещё одно дело, которым я увлёкся во время войны, – киносеансы для школьников. Поначалу моя роль сводилась просто к тому, чтобы привезти и показать фильм. Но что творилось на этих сеансах! Их устраивали чаще всего для учеников младших классов (билет стоил два гроша). В зале царил невообразимый беспорядок. Оно и понятно: когда организаторы набивают в зал больше народу, чем имеется мест, когда ребята сидят вдвоём на одном стуле, – обеспечить тишину и спокойствие попросту невозможно. Насмотрелся я на это безобразие и решил взять организацию сеансов в свои руки. Прикинул, что эти два гроша с каждого билета

как раз покроют мои расходы. Пригласил директоров школ на совещание. Как ни странно, пришли практически все, и я развернул перед ними свою программу. «Если мальчишка сидит удобно, на собственном стуле, он вряд ли станет буяннить». Каждый сеанс – в одном из кинотеатров и для определенной группы школ, чтобы ребятам не приходилось далеко ездить.

И вот первый из таких сеансов, в старом добром кинотеатре «Эден». Я выбрал для него «Синюю птицу». Моему другу Гринвальду, тоже кинопрокатчику, так понравилась моя идея, что он дал мне фильм бесплатно. Я немного волнуюсь: как будут вести себя дети? Будет ли им понятен метафорический язык Метерлинка? Те, что пришли пораньше, начали было шалить, но мы тут же отвлекли их внимание: запустили на экране весёлые и недлинные шутки о хелемских мудрецах. Дети притихли. Никто не толкался и не шумел. И так – весь сеанс.

Затем новые и новые сеансы и все – с успехом и образцовым порядком. Я был очень доволен своим начинанием и с большим удовольствием занимался организацией этих показов. Но тут меня огорошили. Ведь сеансы проходили не в школьные часы. Так что учителя, сопровождавшие ребят, стали требовать платы за внеурочное время. Я никогда не был богат. А тут за помещение – платы, за фильм – платы, да и механики бесплатно работать не станут. И я оставил эту затею. До сих пор жалко.

В ТЕЛЬ-ХАЙ С ГЕНРИЕТТОЙ СОЛЬД

Одиннадцатое адара – День Тель-Хая. Он проходит каждый год в память о восьми поселенцах, погибших в 1920 году при отражении арабского нападения. Среди них был и Иосиф Трумпельдор. В тот день Тель-Хай и соседнее с ним поселение Кфар-Гилад перестали существовать. Жители ушли из французской зоны в английскую. А несколько месяцев спустя район Тель-Хая перешёл к британцам, и посёлки возродились.

День Тель-Хая приходится обычно на начало марта. В тот год погода стояла дождливая, просёлочные дороги утопали в грязи, и наши автобусы не пошли в Кфар-Гилад. Нас высадили на обочине шоссе, и мы двинулись пешком.

И тут я заметил старушку. Невысокая, худенькая, седая, она усердно шлёпала по грязи, неся в руке потрёпанный чемоданчик. Меня восхитила её борьба с бездорожьем. Я подошёл и предложил свою помощь. Женщина подняла на меня глаза, улыбнулась и сказала:

– Нет-нет, большое спасибо! Я сама.

Тут я узнал её: Генриетта Сольд! Понятное дело, денежной купюры с её портретом тогда ещё не существовало, но облик этой выдающейся женщины знали очень многие. Мы так себе и представляем её теперь: славная пожилая женщина с добрым взглядом. А ведь в молодости она была очень красива. Родилась в Балтиморе, была первым ребёнком в семье американского раввина (потом у её родителей родилось ещё семь девочек). Получила хорошее образование. Преподавала математику, французский и немецкий языки в женской школе, изучала Талмуд в теологической семинарии (необычное для женщины занятие!). Занималась журналистикой, переводами, редактированием и изданием книг на иврите. Её сионистская работа началась с помощи эмигрантам из России: обучение языку, материальная поддержка, курсы переквалификации. Разумеется, работа в сионистских кружках и членство в организации «Ховевей Цион». (В будущем она станет одним из трёх директоров Всемирной сионистской организации.) Начало нового века... Несчастливая любовь к человеку много её моложе, депрессия, переезд в Нью-Йорк, вновь погружение в работу. И визит к материю в Страну, где её потрясли как упорство и трудолюбие поселенцев, так и бедность и бесправие населения.

Вскоре после возвращения Генриетта решает создать женскую сионистскую организацию. Задача нового объединения – содействие развитию медицины и социальных услуг в Палестине. Первые заседания прошли накануне праздника Пурим. Посему организацию назвали в честь царицы Эстер: «Хадасса». (Согласно Танаху, Эстер до того как стала женой царя, носила именно это имя.) Ячейки «Хадассы» распространялись по Америке. Перед самой войной состоялся объединительный съезд под председательством Сольд. В организации было уже две тысячи человек. Через три года это число удвоилось, а теперь «Хадасса» объединяет уже без малого полмиллиона женщин в Израиле и других странах. Ко времени нашей встречи американские журналисты называли Сольд «одной из самых выдающихся личностей Палестины»²³⁰.

Генриетта признавалась, что очень хотела иметь ребёнка, да вот не сложилось. И она взяла на себя заботу о сотнях чужих детей. Окончательно поселилась в Стране и создала организацию «Молодёжная алия». Активисты принимали и устраивали детей, юношей и девушек, бежавших из Европы. С началом войны стало приезжать всё больше сирот. Буквально через год с небольшим после нашей памятной встречи на просёлочной дороге эта худенькая старушка организует приём и размещение почти тысячи детей, прибывших через Тегеран из детских домов в Самарканде. Ещё год спустя она умрёт в иерусалимской больнице «Хадасса», первый камень которой она сама заложила за десять лет до того. Между прочим, медицинская система Израиля – это во многом и её детище²³¹.

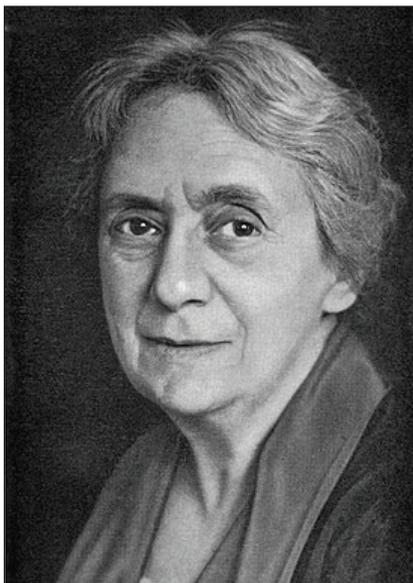
А в тот раз она ехала в Тель-Хай со своими питомцами, молодым пополнением Страны. Их было так много, что в поселении Кфар-Гиладии не нашлось другого места для ночёвки, кроме гигантского сеновала фермы, куда мы и отправились после ужина. Большой двор, за которым стоял сеновал, дожди превратили в отвратительное грязное болото – ноги проваливались по щиколотку. Залезли наверх, где всё пространство было покрыто толстым слоем соломы. Она прилипла к ногам, и не просто прилипла, а закутывала их в толстый бледно-жёлтый футляр, даже подошвы подбила толстенными подмётками. Каждый нашёл себе укром-

²³⁰ Цит. по [45], р.171.

²³¹ Подробнее о Генриетте Сольд см. статью Якова Басина [46].

ное местечко на соломе. Я был готов задремать, когда неожиданно послышались звуки музыки. Кто-то из ребят (а может, и сама Генриетта) сумел притащить на сеновал патефон. Ребята начали подпевать, кто-то затянул новую песню... Так мы пели и слушали музыку часа полтора, пока всех не сморил сон.

Наутро состоялось шествие к Рычащему Льву²³². Солнце немного подсушило почву, грязи поубавилось, но мы всё равно порядочно устали после собраний и встреч, отдыхали разве что за обедом. Под вечер решили, что пора двигаться в Тель-Авив. Дорога предстояла длинная. В ту пору в Тель-Авив с севера ехали через Шхем и Иерусалим, других хороших дорог не было. Как только автобус двинулся, все задремали. Наступившая тишина подействовала и на водителя, было заметно, что он чувствует себя не слишком бодро. Я забеспокоился. Лучше даже не рисовать картин того, что может случиться. Раздумывал я недолго. Снял с полки чей-то узелок и запустил его в одного из спящих. Тот проснулся и осмотрелся: кто бы мог это сделать? На меня, понятное дело, и подумать не мог. Швырул в того, кто показался ему виновником... Через несколько минут не спал уже никто, «война узлов» захватила всех. Водитель тоже вполне оправился, и через несколько часов мы благополучно добрались до Иерусалима. Ещё не все кафе закрылись. Мы выпили кофе и двинулись в Тель-Авив. И тут я заметил, что водитель опять начинает задрёмывать. Подошёл к нему, встряхнул за плечо и попросил съехать на обочину, остановиться, а там откинуть кресло, закрыть глаза и немного поспать. Через четверть часа я его разбудил, и автобус спокойно доехал до города.

Лидер женского сионистского движения Генриетта Сольд (1860 – 1945)

²³² Рычащий Лев – монумент в честь героев Тель-Хая работы Авраама Мельникова. Установлен в 1934 году.

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вот уж верно: кому война, а кому мать родна. Пришёл ко мне один британский майор с предложением.

– Армии нужна центральная прачечная. Требуется человек, который сможет её организовать. Мне рекомендовали вас. Мы объявим конкурс на должность директора, а я, как председатель конкурсной комиссии, сделаю всё, чтобы ваша кандидатура прошла.

– А ваши собираются участвовать в управлении?

– Да. Всё будет организовано на основе взаимного участия.

Я, откровенно говоря, не слишком понимал, что стоит за этими казёнными выражениями, но майор продолжал:

– Можете мне поверить, это очень выгодное предложение. Каждый солдат получает ежемесячно четыре талона на стирку. Талон – два гроша. Многие продают часть своих талонов за бутылку пива.

Тут до меня наконец дошло, о чём речь. Дело действительно было выгодное. Солдат отдаёт одежду в стирку раз в две недели, а на два талона пьёт пиво. А уж как талоны будут учитываться и сколько средств уйдёт на стирку, сколько на пиво, сколько в карман организаторам – это зависит от директора прачечной. Солдат в стране очень много, обороты немалые. Но я ведь помню, что первые три буквы моей фамилии на иврите (с-г-л) – это первые буквы изречения «соф ганав летлий» – «вор кончит на виселице». Когда афера раскроется, майор останется чист, а виноватым, как всегда, окажется еврей.

– Видите ли, майор, я, конечно, хорошо знаю солдатскую жизнь. Сам служил. Но вы же понимаете, как я занят: война. Впрочем, я готов выпить с вами кружечку пива. Вы уж извините.

Майор ушёл, страшно разочарованный. Я был уверен, что найдёт кого-нибудь другого. И точно! Примерно через полгода стою во дворе полицейского управления, жду одного из наших «оборонщиков» – служащих полиции. И тут во двор въезжает машина, из неё выводят нескольких человек в наручниках. Нет, того майора среди них не было. Но двоих я узнал: приходилось случайно встречаться в мэрии. Спрашиваю одного из полицейских офицеров:

– Это кто такие?

– Дельцы. Хорошие деньги делали на солдатском пиве!

Гражданским комендантом Тель-Авива был мистер Скрайбнер, англичанин лет сорока с небольшим. Спокойный, интелли-

гентный, неторопливый. Часто приходилось встречаться с ним по служебным делам, ведь официально он считался ответственным за гражданскую оборону округа. Я просто завидовал его хладнокровию. Во время каждой воздушной тревоги мы встречались в нашем Центре гражданской обороны. Ежеминутно грохали взрывы, и я вздрагивал, а он их словно и не слышал. Как-то меня попросили сопровождать его в поездке по городу. Поехали в моей машине. Время от времени он осведомлялся о названиях улиц, которые мы проезжали. Вот Алленби, вот Бальфур, вот Бен-Йегуда. Имена короткие и понятные.

– А эта как называется?

– Менделе Мойхер-Сфорим.

– Как?

– Менделе Мойхер-Сфорим.

– Как-как?

Я снова повторил название улицы, и Скрайбнер, больше уже не переспрашивая, буркнул:

– Ладно, я вам верю.

А ведь для говорящих на иврите нет ничего сложного в литературном псевдониме нашего писателя и просветителя Абрамовича, которого называли «дедушкой идишской литературы». Менделекнигоноша – это прозвище героя его повести «Маленький человек», путешествующего в своей кибитке по грунтовым дорогам между Глипском и Бердичевом и продающего книги простому еврейскому люду, жителям местечек. По пути он встречает много разных людей и рассказывает множество историй.

Едем себе спокойно, не заморачиваясь объездом блок-постов. Ведь на нашем автомобиле знак, разрешающий свободный проезд через посты гражданской обороны. И вдруг нас всё-таки останавливают, причём очень решительно. Серdito давлню на тормоза и спрашиваю, в чём дело.

– Центр только что объявил экстренное положение: бомбардировщики на подлёте к городу.

Вот те на! А ведь воздушной тревоги мы не слышали уже довольно давно. Немедленно связываюсь с Центром.

– Припаркуйте машину и двигайтесь сюда. Налёт вот-вот начнётся.

Комендант оставался абсолютно спокойным, а вот я, откровенно говоря, немного задёргался, хоть и виду не подавал. Шли медленно, почти вразвалку. Тут оглушительно заорала сирена. Не-

вольно ускорили шаг. Через минуту неподалёку раздался сильный взрыв. Мы оба забыли про степенность и бросились к убежищу. Вероятно, с такой быстротой бегают спринтеры.

– Может, в следующий раз не будем строить из себя героев? – сказал я Скрайбнеру, когда немного отдышались. Он ничего не ответил, но чувствовалось, что невозмутимость его немного поколебалась.

Снова грохнуло. Это бомба попала в дом инвалидов. Почти рядом с Центром, на улице Марморек. Туда сразу же отправили отделение наших ребят, и они занялись рутинной работой: раненых – в больницу, убитых – в морг...

Объявили призыв в британскую армию. Мы, бывшие бойцы Легиона, к тому времени уже считались ветеранами. У нас и Совет ветеранов работал. Он и решил организовать марш легионеров и членов Хаганы, чтобы вдохновить молодёжь на борьбу с фашизмом. Местом сбора назначили двор гимназии «Герцлия». К назначенному часу двор заполнился до отказа, ведь одних только членов Хаганы в ту пору было около двух тысяч. Командовал церемонией Ицхак Магли из Петах-Тиквы, тоже бывший сержант Легиона. Был он значительно старше меня, принадлежал к поколению сионистов-социалистов, стоявших у истоков партии Поалей Цион. Сельским хозяйством занялся не по необходимости, а по влечению. Ещё в России учился в сельскохозяйственной школе, потом его призвали в царскую армию. Оттуда он дезертировал в самый разгар революции 1905 года и сумел добраться до Страны. Семья была довольно богатой. Ицхак купил участок возле Петах-Тиквы и с присущей ему обстоятельностью занялся земледелием. Как мы знаем, в те годы это было не просто копанье в земле. Рядом с товарищами он скакал на своём жеребце по окрестностям Петах-Тиквы, охраняя поселения от нападений арабских соседей. После службы в Легионе вступил в Хагану и стал командиром её отделения в Петах-Тикве. Организовал сельскохозяйственное объединение Херут. В 1930-м году члены объединения основали свой мошав с тем же названием. Словом, «товарищ Магли» был неутомим, деятелен, изобретателен.

Церемония началась. Толпа слушала зажигательные речи руководителей ишува. Аплодисменты, ободряющие крики. Скоро скомандуют построение. И тут я увидел, что ко мне пробирается Магли. Что-то в нём показалось мне то ли необычным, то ли не-

много странным. Он выглядел не растерянным, а скорее слишком сосредоточенным. Словно прислушивался к чему-то.

– Ерушалаим, я, пожалуй, не смогу командовать парадом... Возьмёшь командование на себя?

– Ладно. Что-нибудь случилось?

– Да так... – неопределённо махнул рукой Ицхак и отошёл.

Я отдал команду построиться. Первыми шли ветераны Легиона. Они выстроились по подразделениям: так, как служили когда-то. За ними – члены Хаганы и сочувствующие, будущие добровольцы. Длинная колонна прошла по улице Бен-Йегуда и двинулась по Алленби. В конце улицы нас встречали командиры британской армии. Снова приветствия и речи... И вдруг – замешательство и крики буквально в двух десятках метров от меня. Среди шума различаю только: «Магли! Магли!» Кидаюсь туда, где только что шагал он. Ицхак лежит на земле. Глаза закрыты, дышит неровно. «Немедленно перенести в тень!» – кричу я. Хватаем его вчетвером, тащим на газон под деревья. Расстёгиваю на нём рубашку, укладываю, пытаюсь растереть грудь. Подъезжает санитарная машина. Демонстранты расступаются. Работники Маген-Давид Адом укладывают Ицхака на носилки и увозят.. Через час пришла горькая весть: Ицхак Магали умер, не приходя в сознание. День призыва на войну с фашизмом стал его последним днём. Ему было пятьдесят семь...

Ицхак Магли
(1884 – 1941),
командир отделения
Хаганы

СНОВА АВСТРАЛИЙЦЫ

Как и четверть века назад, в Страну прибывают австралийские части. Многие горожане ещё помнят австралийцев по событиям Первой мировой, когда те освобождали наш молодой город. Да и сами солдаты знают о еврейских бойцах по рассказам родителей. Фронтная дружба австралийских солдат с еврейскими началась ещё в Галлиполи, когда наши бойцы из отряда Погонщиков мулов под огнём противника доставляли на линию фронта продукты, воду и боеприпасы. Эта дружба продолжилась и потом, когда австралийцы сражались на Ближнем Востоке вместе с ребятами из Еврейского легиона. Горожане приглашают австралийцев к себе в гости, а те в свою очередь угощают шоколадом детей на улицах. Впрочем, встречаются среди молодёжи и совсем невежественные солдаты.

Вот сидим мы, члены Гражданской обороны, на площади Дизенгоф, поджидая кого-то из командиров. Молоденький австралийский солдатик проходит мимо.

– Hi Oliver! – окликает его один из наших, – Come here, sit with us²³³!

Оливер присаживается рядышком, закуривает сигаретку. Беседуем о жизни и о службе. Не все из нас знают английский настолько, чтобы поддерживать беседу. Разговаривают между собой на иврите. Парень прислушивается, он явно заинтригован.

– Скажите, а на каком языке вы говорите?

– Это иврит.

– Иврит? – удивлённо переспрашивает Оливер. – А какой народ на нём говорит?

– Евреи.

Оливер поражён:

– Здесь у вас есть евреи?

– Тель-Авив – еврейский город. Здесь почти все евреи.

Он явно смущён.

– А у нас евреев нет. Я их никогда не видал. Нам про них приходский священник рассказывал. Говорил, что евреи – чудовища, исчадия ада. Я думал, что у них есть рога, а вы такие симпатичные! Ну если доведётся вернуться домой, уж я скажу пару ласковых слов нашему священнику!

Мы хохочем.

²³³ Привет, Оливер! Иди сюда, посиди с нами! (Англ.)

Появились даже анекдоты, персонажами которых были австралийские военные. В то время у всех на слуху была героическая оборона Тобрука, города в Ливии, который австралийские части удерживали пять месяцев, до прихода войск союзников и снятия осады. Острословы рассказывали такую байку. Один человек уехал из Тель-Авива в длительную заграничную командировку. Вернулся и обнаружил, что его жена сдала комнату австралийскому солдату. «Что это за квартирант у нас?» – спрашивает жену. – «О, у него прекрасные рекомендации. Он герой Тобрука, очень известный». Тут вмешался шестилетний сын: «Ничего себе герой! Спать один боится. Каждый вечер приходил ночевать к маме в спальню».

У нас с Эстер тоже появился «свой австралиец», старшина с шотландским именем Патрик Маккензи. В сущности, он появился у нас в самом начале войны, когда британские части только начали прибывать. Познакомились мы с ним при довольно драматических обстоятельствах. В Яффо произошла вооружённая стычка, в которой молодой австралийский солдат застрелил араба. Солдата арестовали. Мы решили помочь парню с юридической защитой, как делали это для наших ребят, столкнувшихся с британским правосудием. Поехали в австралийский лагерь втроём, вместе с нашим адвокатом Яковом Ханигманом. Он сам вызвался быть защитником австралийца.

Заходим на территорию. Чистота, порядок, всё замечательно обустроено...

– Смотрите, – говорю, – военный лагерь, а дисциплина и порядки – как у нас в Хагане.

Действительно, по лагерю ходили солдаты в гражданской одежде, честь офицерам никто не отдавал, и вообще атмосфера была самой что ни на есть панибратской.

Нас встретил высокий черноволосый мужчина с плавными движениями и внешностью интеллектуала: высокий лоб, живой внимательный взгляд, узкий подбородок. Это и был старшина Маккензи. Мы изложили цель нашего визита. Было видно, что старшина искренне тронут нашей дружеской поддержкой.

– Спасибо, большое вам спасибо! Мы даже не знали, что в Тель-Авиве у нас есть такие друзья. Это в самом деле очень благородно. Я, конечно же, расскажу о вашей инициативе. Только помощи нам пока не надо. Мы занимаемся этим делом по своим каналам. Всё будет в порядке.

Действительно, весть о нашем предложении распространилась во всём полку, а скоро мы узнали, что парня удалось «отмазать».

Через несколько дней я встретил старшину в офицерском клубе. Мы узнали друг друга сразу. Разговорились. Оказалось, что его отец воевал в Галлиполи и частенько рассказывал сыну о храбрых еврейских бойцах, вместе с которыми ему довелось сражаться. Я тут же пригласил Патрика к нам. С тех пор он гостил у нас регулярно и участвовал в наших субботних трапезах. Его интересовали еврейские обряды и обычаи. Он внимательно следил за омовением рук, за тем, как я разламываю халу и произношу кидуш над бокалом вина.

А потом его полк перебросили в Трансиорданию, затем в Египет. Создавалось такое впечатление, что их часть для чего-то гоняют по всему Ближнему Востоку. Каждый раз Патрик приезжал к нам в отпуск из какой-нибудь очередной страны – и всегда в новом звании. Из Ливийской пустыни он приехал уже лейтенантом. Патрик сражался в легендарной девятой австралийской дивизии, героически удерживавшей Тобрук несколько месяцев кряду. Впрочем, лейтенант Маккензи не хвастал подвигами, да и вообще о боях говорил мало. Лишь позднее мы узнали, как австралийские бойцы героически обороняли порт Тобрук от войск генерала Роммеля. После тяжёлых боёв командование австралийской армии решило отвести девятую дивизию из Тобрука для поддержки других соединений в Северной Африке. На смену уходившим бойцам шли пополнения. Готовая к выходу колонна измождённых бойцов уже построилась, когда к лагерю подошла группа солдат шестой пехотной дивизии. В первых её рядах шагал сержант Генри Маккензи. Когда он выбежал навстречу брату, колонна приостановилась. Патрик и Генри не виделись два года. Братья успели обняться и минуту-другую поговорить о доме и родителях. Ведь Генри прибыл в Африку всего месяц назад.

В следующий приезд Патрик (уже капитан Маккензи) сообщил, что их часть перебрасывают в Юго-Восточную Азию. Мы поняли, что снова увидим нашего австралийского друга очень не скоро. Но мы не увидели его уже никогда. Последнее письмо пришло из госпиталя в Бирме. Патрик с юмором писал о том, что угодил под пулёмётную очередь, но надеется выкарабкаться и выйти из этой передряги с минимальными потерями.

После войны я пытался найти следы Патрика Маккензи, обращался даже в австралийское посольство, но поиски ничего не дали. Хочется верить, что он остался жив. Быть может, в разгаре боев просто потерял наш адрес?

ХАГАНА РАСШИРЯЕТСЯ

Дел у нашей организации становилось всё больше. Содействие полиции, дневные и ночные дежурства офицеров, помощь британской армии в охране территорий, приём и устройство нелегальных беженцев. Плюс работа в Гражданской обороне и в Маген Давид Адом. Десять опорных пунктов разбросаны по городу, все – на связи, в каждый можно быстро послать подкрепление. Нам уже не хватает людей.

Раньше в Хагану записывали только тех, кто уже долго жил в стране и в ком товарищи были абсолютно уверены. Теперь все мы получили задание привлечь в организацию новых надёжных членов. Дать характеристику тому, кого хорошо знаешь лично, и привести его на призывной пункт.

Провести такой большой набор было непросто. Прежде всего – конспирация. Утечка информации – это новые аресты. Во-вторых, надо было организовать для вступивших нечто вроде курса молодого бойца. Человеческий балласт нашей организации не нужен. Ответственным за подготовку бойцов Хаганы назначили вашего покорного слугу, а когда заболел командир тринадцатой бригады, пришлось заняться и приёмом.

Разумеется, бывали у нас проколы по части конспирации. Как-то вечером в мою дверь позвонили. Вошли четверо мужчин с письмом от одного из командиров. На конверте крупным чётким почерком – мои имя, фамилия и адрес. Читаю письмо. «Фотограф! Направляю тебе четверых надёжных ребят на предмет вступления в Хагану. Биографии они тебе сами расскажут». Под текстом разборчивая подпись. «Фотограф» – это моя партийная кличка. Вот ведь немецкая пунктуальность! (Командир был йекке, выходец из Германии.) Можете себе представить, что было бы, попади этот конверт в руки британской тайной полиции.

И всё-таки нам удавалось держаться начеку. Как только поступал сигнал тревоги от наших наблюдателей (а таковые были и в полиции), занятия мгновенно прекращали и договаривались о времени следующей встречи. Пункт призыва тут же закрывался. Как-то мы захлопнулись вскоре после начала работы, когда ещё не все новобранцы пришли. Я остался возле здания, чтобы предупредить опоздавших. Смотрю: красивый молодой йемец – походит-походит кругом и снова возвращается.

– Вы кого-нибудь ищите?

Он, видимо, опасался раскрывать цель своего кругового хождения.

– Я жду Авраама.

Я тоже не хотел открывать, кто я и почему здесь. Паролем в тот день было то изречение из Танаха, по первым буквам которого подпольщики НИЛИ назвали свою организацию: «Вечность Израиля не обманет²³⁴». И я спросил:

– А какой он из себя, этот Авраам? Вы знаете, как он выглядит? Парень оказался сообразительнее меня.

– Я правда жду Авраама. Вы думаете, я обманываю? Нет, вечность Израиля не обманет.

Я тут же объяснил ему ситуацию и сказал, когда приходит снова.

Из соображений конспирации мы проводили занятия по вечерам. Первое время даже не включали свет в том помещении, где проходил урок. Затемнение затемнением, но молчать ребят не заставишь, особенно в перерывах. Разговоры десятков людей сливались в общий гул. Не ровен час услышит полицейский или того хуже: кто-нибудь из CID²³⁵. И шут его знает, как поведут себя неопытные призывники в экстремальных обстоятельствах. Решил устроить проверку. Прямо во время урока открываю дверь, включаю свет и объявляю по-английски: «Я из полиции». Продолжаю на иврите с заметным английским акцентом: «Чем вы здесь занимаетесь?» Группа пришла в замешательство. Оказалось, что даже «легенду» усвоили не все, и я услышал занятные и самые разные версии происходящего.

Иногда самые очевидные решения почему-то не сразу приходят в голову. Пожаловался я на ситуацию своему родственнику Шульману. В помещении, мол, шумно, того гляди полицейские придут, а новобранцы даже легенду толком не знают.

– Да на кой чёрт вам в темноте сидеть! Купи занавески поплотнее и занимайтесь при свете. Тогда и шума поменьше будет.

– Так ведь свет в окнах увидят.

– Мало ли где свет за шторами! На каждое окно наряд посылать – полицейских не напасёшься.

²³⁴ См. часть 2.

²³⁵ CID – Criminal Investigation Department – отделение британской тайной полиции в Палестине.

– А если всё-таки явятся?

– Ну сделай какие-нибудь легальные занятия. Хоть в пожарную охрану их определи.

Так я и сделал. Заказал занавески из толстой белой материи. Свет виден, но угадать, кто сидит внутри, совершенно невозможно. А новым членам Хаганы объявили, что на все вопросы они должны отвечать: «идёт запись в добровольную пожарную дружину». Для верности договорился с командиром городской пожарной охраны (он, как вы догадываетесь, тоже был членом Хаганы). После каждого пополнения организации посылал ему новый список «добровольных членов пожарной дружины». Через несколько дней список уничтожался, а потом я присылал новый.

Пришёл на призыв один человек. Сухощавый, подтянутый, чувствуется военная выправка. Немного словен, говорит с немецким акцентом. Принёс присягу, расписался. Мне оставалось решить, в какой отряд включить нового бойца. Я быстро просмотрел его анкету и замер от удивления.

– Мы пока не включаем вас в какую-либо группу. С вами свяжутся.

После того как призывник ушёл, я снова проглядел его анкету, прочёл биографию. Неужели всё это правда? Получалось, что передо мной стоял австрийский подполковник Зигмунд Адлер фон Фридман, ветеран Первой мировой, командир артиллерийской батареи и воздухоплаватель. Отправил его анкету командиру округа. Всё подтвердилось.

Фон Фридман происходил из аристократической семьи (если только термин «аристократ» приложим к еврею). И отец его, и дед занимали высокие посты в австрийской армии. Сам подполковник после фронтовых подвигов работал в военном министерстве Австрийской Республики. Видимо, военного образования ему показалось недостаточно, и он закончил Высшую школу экономического планирования, увлёкся воздухоплаванием. Кстати, это именно он пилотировал тот дирижабль, который мы с Аксельродом видели в небе над Тель-Авивом, но не успели заснять²³⁶. А годом позднее Фридман совершил перелёт из Ливана в Египет через Иерусалим.

В тридцатые годы Зигмунд фон Фридман занимался политикой и стал активным участником мирового сионистского движения.

²³⁶ См. главу «Снимаем рекламу» в 4-й части.

Возглавлял Всемирную организацию евреев-ветеранов, участвовал в конгрессах Гистадрута. Но наступил аншлюс Австрии. Гитлеровские войска вошли в Вену. Новая администрация немедленно арестовала Фридмана. Ему повезло: благодаря связям в военных кругах удалось выйти на свободу, и он немедленно уехал в Страну.

Не зря, не зря этот офицер изучал экономику. Командование Хаганы попросило его возглавить отдел планирования. Через год он представил первый стратегический план организации вооружённых сил ишува. Ещё через три года Эйтан Ависар (теперь он называл себя так) станет заместителем начальника штаба. За ним охотились британцы, но так и не смогли арестовать: товарищи всегда предупреждали его об облаве. И вот наконец май сорок восьмого. Ависар участвует в церемонии провозглашения Еврейского Государства.

«Говорят, что профессиональный военный – человек с тяжёлым характером, с каменным сердцем. Я, старый служака, принадлежу к третьему поколению офицеров австрийской армии. И на глазах моих были слёзы, ведь то был самый волнующий момент моей жизни»²³⁷.

Эйтан Ависар оставался военным и служил в Армии обороны Израиля в звании генерала. А когда вышел в отставку, написал шесть книг по военной теории, экономике, истории еврейского народа. Его труд «2500 лет тактики» до сих пор читают и изучают.

**Эйтан Ависар
(1892 – 1964) –
воздухоплаватель,
генерал, военный
теоретик**

²³⁷ Цит. по [47].

СЕЗОН ОХОТЫ

Печальное то было время: евреи боролись с евреями. С одной стороны – наша Хагана и её военизированная организация Пальмах, с другой – ревизионистский Эцель и террористическая организация Лехи. Время действительно было трудное. Как быть, когда англичане фактически помогают нацистам уничтожать евреев Европы, но при этом ведут смертельную борьбу с нацизмом? «Коли нам придётся обидеть одну из сторон, уж лучше обидим евреев, нежели арабов», – высказался премьер-министр Невилль Чемберлен²³⁸.

В декабре 1941 года корабль «Струма» с беженцами из Европы бросил якорь возле турецкого берега. Власти Турции отказались принять пассажиров, и два месяца он стоял в стамбульской бухте. Пассажиры существовали в антисанитарных условиях и почти без пищи. Наш ищув обращался к британским властям с отчаянными просьбами разрешить людям высадиться в Палестине. Британцы ответили решительным отказом. Турецкие власти приказали кораблю покинуть бухту. Почти сразу после отплытия судно подорвалось на mine. Погибли 428 мужчин, 269 женщин, 70 детей...²³⁹

В начале войны Бен-Гурион провозгласил доктрину, которая многим казалась противоречивой: «Мы будем помогать англичанам в войне, как будто нет “Белой книги”, и бороться против “Белой книги”, как будто нет войны!» Но что ещё могли мы делать? Да и сами британские власти были не слишком последовательны. Взводного командира Пальмаха Моше Даяна арестовали и осудили на десять лет за ношение оружия, но вскоре освободили и призвали на военную службу. В таких обстоятельствах Хагана то начинала действовать открыто, то снова уходила в подполье.

В Эцель тоже понимали, что сейчас не время сражаться против англичан. С 1940 года организация Эцель (Иргун) прекратила вооружённую борьбу против британцев. Её члены даже участвовали в операциях британской армии. Руководитель организации Давид Разиэль погиб в одной из таких операций в Ираке. Бойцам Лехи приходилось проводить свои антибританские акции без какой-либо поддержки со стороны.

²³⁸ Цит. по: [15], с. 85.

²³⁹ Согласно [5], р. 237.

Ситуация сильно изменилась после перелома в войне, к концу сорок третьего года. Эцель возобновила борьбу с британцами. (Наша Хагана сделала это только во второй половине 1945 года.) Отношения между Эцель и Хаганой сильно обострились. Вскоре после этого и началось то печальное время, которое назвали «сезоном охоты». Враждебность между двумя главными отрядами сионистов достигла пика после того, как в ноябре 1944-го бойцы Лехи ликвидировали британского министра по делам Ближнего Востока лорда Мойна. Еврейское Агентство, Гистадрут и руководители ишува осудили акцию. В заявлении Еврейского Агентства говорилось:

«... каждый, кто знаком с террористами, должен немедленно информировать полицию устно, письменно или по телефону...»²⁴⁰

Борьба между двумя сторонами была жестокой: со взаимными похищениями людей и даже убийствами. Я в подобных акциях не участвовал, но противостояние затронуло всех членов Хаганы. Предотвращение терактов стало теперь одной из наших главных задач.

В одну из суббот я гостил у друзей. Они жили напротив Бейт-Адара, большого жилого здания. В нём тогда размещались британские военные и административные офисы. Выхожу из квартиры – и вижу группу людей, которым преграждает дорогу молодая девушка. Проход, мол, закрыт, и надо подождать. Спокойно отодвигаю её в сторону и выхожу на улицу. (В самом деле, не драться же ей со мной.) Вроде бы все обычно, только два человека в неподходящей для субботы рабочей одежде сразу скрываются за углом. Что там такое делается? На всякий случай позвонил в Шай, нашу разведслужбу. Через несколько дней в газете «Джерусалем пост» появилась заметка, в которой обитатели Бейт-Адара благодарили членов Хаганы за спасение от гибели. Наша разведка выяснила, что террористы делают подкоп под здание, чтобы взорвать его вместе с жителями. Англичан предупредили.

Далеко не всегда, однако, удавалось предотвращать теракты. Все знают о взрыве в иерусалимской гостинице «Кинг Дэвид», который случился несколько позже, в 1946 году. Хагана (мы к тому времени уже вновь вели вооружённую борьбу с англичанами, но решительно отвергали терроризм) знала о готовящемся взрыве, но не сумела ему воспрепятствовать. Результат: убиты двадцать

²⁴⁰ Цит. по [48].

восемь британцев, сорок один араб и семнадцать евреев²⁴¹.

В Тель-Авиве тоже раздавались взрывы. Сажу как-то в кинотеатре «Эстер», жду, когда привезут плёнку с новым фильмом для перевода. Вдруг грохнуло неподалёку. Минут через пятнадцать – второй взрыв, куда сильнее первого. Оказалось, что наши друзья-недрузи из Эцель заложили мощный заряд на крыше дома номер восемь по улице Яэль. Чтоб заманить туда британскую полицию, взорвали небольшой заряд на крыше соседнего дома. Наряд полиции под командованием капитана Сайфа прибыл немедленно и начал поиск других зарядов. На крышах тогда устраивали специальные помещения для сушки белья. Капитан открыл дверь такой сушилки – и раздался ужасный взрыв. Сайф был убит на месте. Его помощника, лейтенанта Дихтера, тяжело ранило. Он остался хромым до конца своих дней. Других полицейских в этот момент не было рядом.

...Я шёл по бульвару Ротшильда, когда увидел, как едущий на большой скорости грузовик резко завернул на газон и остановился. Задняя стенка кузова откинулась, из него выскочили два человека. Прямо на руки им столкнули двух молодых мужчин, после чего первые двое быстро запрыгнули обратно в грузовик, и он умчался. Весь эпизод продолжался минуту-другую, не дольше. Я подбежал к оставленным на газоне. На глазах – плотные чёрные повязки, руки связаны.

Распутывая узлы, снимаю с их глаз повязки. Оба стоят, немного растерянные, моргают от яркого света. Лица показались мне знакомыми.

– Вы члены Хаганы?

Они оглядели меня вначале подозрительно, а затем с надеждой: видимо, тоже узнали, хотя я не назвал им своего имени. Поглядел на их пути: без ножа долго возиться.

– Погодите, ребята! Я сейчас. Никуда не уходить.

Бегу к нашему ближайшему посту и прошу немедленно связаться со штабом, чтобы прислали наряд – забрать освобождённых.

Вскоре они, уже с развязанными руками, сидели в машине Хаганы. Выяснилось, что были неделю в плену у Эцель, где их регулярно допрашивали. Убедившись, что больше никакой новой информации от них не добьёшься, просто отпустили. Насколько я знаю, разведка Хаганы тоже прибегала иногда к подобным методам.

²⁴¹ См. [39], p. 523.

АНЕКДОТЫ ИЗ ДОМА ОТДЫХА

Мировая война шла к концу. Напряжение спадало. Ужасно хотелось расслабиться. И я поехал в дом отдыха «Бейт-Эша», что в кибуце Гиват Бреннер²⁴².

Выбрал я его не просто так. Прочёл в газетной рекламе, что в этом доме соблюдается вегетарианская диета. Стало интересно: а вот каково жить без рыбы и мяса две недели подряд? Не начнут ли грезиться бифштексы, брызжущие жиром, да заливные карпы с огнедышащим хреном? Решил поэкспериментировать.

Внешний вид заведения разочаровал: стоят себе в некотором отдалении от кибуца, в тени рощи, несколько обыкновенных бараков. Вошёл – и тут же почувствовал запах чистоты. Да, здешняя чистота приятно пахла. Возможно, это был просто очень лёгкий запах карболки либо какого-то натурального дезодоранта. Меня встретила сухопарая хозяйка мадам Фрумкина. «Да уж! – подумал я. – На вегетарианской диете не растолстеешь». И ещё подумал, поглядев на её плотно сомкнутые губы: «Вот уж счастье привалило!» Но мадам Фрумкина улыбнулась – и стала совершенно другой женщиной. Глаза засветились, обнажились ровные беленькие зубки.

– Здравствуйте! А мы вас ждали. Пойдёмте, я вам всё покажу.

Подбежал парнишка лет восемнадцати и подхватил мой чемодан. Вместе вошли в мою комнату. Так же чисто, как и в приёмной. И мебель – как это ни странно – не разбита. Прошли в столовую, где уже стучала тарелками, готовясь подавать обед, задорная девчушка. Вообще весь персонал дома отдыха состоял из весёлых и расторопных парней и девушек. На стене столовой в красивой рамке изречение из Танаха: «Лучше блюдо зелени и при нём любовь²⁴³».

– А любовь-то тут при чём? – спрашиваю сопровождающую.

Мадам Фрумкина удостаивает меня нежной улыбкой.

– А вы поживите здесь несколько дней – тогда и увидите.

Действительно, отношения между отдыхающими были очень тёплыми. Почти все мы были молоды. Естественно, там и романы

²⁴² Гиват Бреннер – кибуц в центральной части Израиля, в двух километрах к югу от Реховота. Основан в 1928 г.

²⁴³ Часть изречения «Лучше блюдо зелени и при нём любовь, нежели откормленный бык и при нём ненависть» (Книга притчей, 15:17).

завязывались. Как в том анекдоте... Двое мужчин подружились в доме отдыха. Через год-другой встретились, очень друг другу обрадовались и стали вспоминать те славные денёчки.

– А ты не встречал Шошану, ту блондинку, с которой мы гуляли лунными ночами?

– Встречал. Из-за тех светлых ночей у меня теперь чёрные дни. Я на ней полгода назад женился.

Роща стала нашим вечерним прибежищем от всевидящих глаз мадам Фрумкиной, которая относилась к нам словно к скаутам из молодёжного лагеря. Может, права была? Часов до десяти танцуем, развлекаемся, играем в игры. А потом смываемся в рощу и травим там анекдоты. Есть и пикантные, но никакой похабщины, дабы не травмировать девушек.

Три часа ночи, сплю, стук в дверь. На пороге соседка:

– Тебе соли не надо?

Слышен весёлый смех девушек, что прячутся в глубине рощи.

– Погодите, вот ещё вспомнил... В одном местечке решили баню строить. Стали думать, строгать доски для пола или не надо. Выстрогаешь – скользкие будут, не выстрогаешь – люди могут ноги занозить.

У рощи появляется рассерженная мадам Фрумкина: услышала-таки взрывы смеха.

– Что здесь происходит? Всем-всем – немедленно спать!

Но как же можно разойтись, когда даже анекдот не дослушан?

– Сейчас, сейчас! Вот только дослушаем – и пойдём.

– ... Ну вот. Пошли к раввину. Как, мол, поступить? Выстрогать доски – люди упасть могут, не выстрогать – занозы будут. Раввин подумал и говорит: «А вы строгайте с одной стороны и положите строганым вниз».

– А я ещё один вспомнил, – подхватывает кто-то. – У одного мужчины жена собралась на курорт...

Только когда большие часы в столовой пробили полночь, окончательно рассерженная мадам Фрумкина разогнала нас по комнатам.

Кстати, вегетарианский режим не требовал от нас каких-либо жертв. Я уже писал во второй части, как принял котлеты из баклажан за мясные. Вот и здесь было примерно так же. Много разных блюд, и все – вкусные и достаточно питательные. Перед отъездом

взвесился. Оказалось, что прибавил аж двадцать граммов. Вегетарианское питание явно идёт впрок. Но тут обнаружил в кармане карандаш. Вынул его, взвесился снова. Как в аптеке: каким приехал, таким и уезжаю.

Вы не поверите, но отдыхать мне понравилось. Я же сроду на отдых не ездил. Да и отпуск свой я до конца не израсходовал. Заказал место в доме отдыха кибуца Бейт-Орен²⁴⁴ и месяца через три, в условленный день, прикатил туда. Приняли меня не так радушно, как в Бейт-Эша. Заведующая заохала:

– Пришёл последний автобус, а вас в нём не было. Вот мы и продали ваше место.

– А почему вы решили, что я должен приехать автобусом? Мне же не запрещено ездить в машине... Ну ладно, Хайфа недалеко.

– Погодите! Мне очень неприятно, что так получилось. Давайте я попробую пристроить вас на ночь, а завтра приготовим вам комнату.

Так и поступили. Наутро всё уладилось, и я отправился в столовую. И увидел шестнадцатилетнюю Хасю, дочь моего однополчанина. Она как раз несла в сторону мойки поднос с грязной посудой. Скользнула по мне взглядом, – кажется, узнала, но тут же уставилась в свой поднос и пошла дальше. Что за странности? А может, обознался, может, не она? Да и в самом деле: что ей здесь делать? Единственная дочь весьма обеспеченных родителей. Ей ни в чём не отказывают. Но в тот же день я заметил её в коридоре со шваброй. Нет, определённо это Хася. Сбегал в кибуцный магазин, купил коробку шоколадных конфет. (Военные годы были не слишком обильными, но шоколад был, хотя сильно подорожал. Британцы снабжали.) Вернулся и подкараулил девушку в коридоре. На этот раз она шла с ведром воды для мытья полов.

– Хася, ты что, не узнаёшь?

Она вся зарделась.

– Ой, это вы!

Осторожно взяла коробку.

– Это мне? Спасибо! Я ребят угощу.

– А как ты здесь оказалась?

– Только вы, пожалуйста, моим родителям не говорите. А то

²⁴⁴ Бейт-Орен – кибуц на горе Кармель. Основан в 1939 г. Дом отдыха открыт в 1942-м и существует до сих пор.

приедут и заберут. Это место нашли ребята из нашего класса. Тут летом большой наплыв отдыхающих, люди нужны. Мы и поехали на каникулы. А родителям я сказала, что просто будем жить в кибуце, ходить в походы, знакомиться с сельским хозяйством.

Мы поболтали ещё немного, и она упорхнула. Потом я часто видел, как она работает в прачечной, моет посуду в столовой, прибирает в комнатах. Видимо, не хотелось ей отставать от одноклассников. Всё-таки кибуц – это замечательный институт социализации.

Отдыхающие жили по два человека в комнате. Моим соседом был художник. Наверно, это был единственный из нас, кто не только отдыхал, но и работал. Взялся написать в подарок дому отдыха пейзаж с видом на кибуц. Стоит, бывало, перед открытым окном и не торопясь орудует у мольберта. После того как кибуц закончит очередной «сеанс позирования», художник обтирает кисть о висящий на стене белый лист плотной бумаги. Так проходит несколько дней. Но вот пейзаж закончен, сделан последний мазок. Мой сосед вытирает кисть о лист и готовится выбросить его в мусорное ведро.

– Стой! – кричу я. – Не выбрасывай. Нарисуй прямо поверх этого что-нибудь вроде здания. Дом какой-нибудь. Не раскрашивая.

Художник всё понял. Быстро изобразил поверх цветных пятен очертания небольшого дома. Мы вышли наружу и повесили этот шедевр на окно, как раз возле дорожки, ведущей в столовую. Проходившие мимо останавливались и обсуждали картину. Оценивали колорит, сюжет, общее настроение. Каждый видел нечто своё и объяснял сюжет остальным зрителям. Мы стояли среди наблюдающих, прислушивались и наслаждались. Наконец один сказал: «А по-моему – просто мазня». Мы оба разразились хохотом.

Чтобы курортники не слишком скучали, в дом отдыха было принято приглашать артистов либо массовиков-затейников с их играми, конкурсами и прочими забавами. После первого же вокального концерта (выступала, кстати, неплохая певица) мы не разошлись и стали развлекаться самостоятельно. Стали в круг, сплясали зажигательную и потогонную хору, устроили «ручеек». Словом, начальство сразу сообразило, что на нашу компанию можно не тратить: мы сами себя займём. Что мы успешно и делали:

баловались с утра до обеда, а потом ещё и вечером. Народ изобретательный, гораздый на выдумки.

В те времена портативные радиоприёмники были большой редкостью. Я купил себе такой перед отъездом на отдых: коробка с наушниками и антенной. Сижу как-то после завтрака в общей комнате в наушниках перед своей коробочкой, слушаю музыку. Отдыхающие постепенно собираются. И тут, как уже не раз бывало, заговорил во мне какой-то озорной чертёнок, подбивая на шалости.

– Алло! Соедините, пожалуйста, с управлением воздушного флота... Отдел пассажирских перевозок...

Собравшиеся насторожились: о чём это я могу разговаривать с авиаторами? А я, выждав пару минут, продолжаю:

– Алло! С вами говорят из дома отдыха «Бейт-Орен». Мы хотели бы заказать небольшой самолёт для вечерней прогулки отдыхающих... Человек десять-пятнадцать... Завтра не сможете? Тогда, может быть, на сегодня что-нибудь есть? Только двухместный? Хорошо, мы можем по очереди, минут по десять-пятнадцать на человека. Да, на девятнадцать часов. Будем ждать.

После ужина все собрались поглазеть на полёты.

– Ну, кто хочет полетать?

Вызвались почему-то только девушки. Может, дело не в большей по сравнению с мужчинами храбрости (хотя и это возможно), а в большей доверчивости? Мужчины смекнули, что всё это розыгрыш, но предпочли быть разыгрываемыми, а не разыгрывающими. Всех доброволок отправили вон из зала, «чтобы не мешали приготовлениям». Два крепких парня прошли в соседнюю комнату и легли на пол на расстоянии метра друг от друга. На грудь им положили толстую полутораметровую доску. Первой «лётчице» завязали глаза плотным платком, повели её немного по помещению и усадили на доску. Я надел шапку, чтобы «лётчица» с перепугу не выдрала мне шевелюру, и попросил её положить правую руку мне на голову. По команде «Пошёл!» ребята приподняли доску и зажужжали, подражая самолётному мотору. Они покачивали доску, а я начал потихоньку приседать. Напуганная девушка уже с трудом дотягивается до моей головы. Тогда я резко отвожу голову и приказываю:

– Прыгай!

Вероятно, она сообразила уже, что никакого самолёта нет, но ощущение подъёма осталось. Вся сжалась, застыла.

– Прыгай, не бойся! – повторяю я.

– Прыгай! – подхватывают собравшиеся.

Девушка прыгает мне на руки и едва не падает: не ожидала, что пол всего в десятке сантиметров от её ступней. Потом мы проделали тот же фокус со второй «лётчицей», но на этом всё и закончилось. «Доброволки» вышли из комнаты и присоединились к зрителям.

Через несколько месяцев я получил письмо от администрации дома отдыха. Мне предлагали должность культорганизатора с бесплатным проживанием и питанием. Я поблагодарил и вежливо отказался.

В ДОЛЖНОСТИ КАМКИМА

По всему городу – тайные склады оружия. Его покупают за границей. Сам Яков Дори, бывший начальник штаба Хаганы, отправился в США для организации поставок вооружения. Я знал Якова ещё со времён нашей совместной службы в Легионе, но даже не подозревал, что он руководит штабом. (Конспирация, как видим, была у нас поставлена неплохо.) Настоящая его фамилия Достровский, в Страну приехал из Одессы ещё в раннем детстве. Принадлежал к первой поросли нашей научно-технической интеллигенции. После службы в Легионе изучал инженерное дело в университете Гента. О том, что именно Яков возглавлял Хагану, я узнал на заседании командования, как раз перед началом его миссии в США. Через полтора года он вернётся, чтобы возглавить родившуюся из Хаганы Армию Обороны Израиля. Вскоре у него начнутся проблемы со здоровьем, он покинет армию и возглавит хайфский Технион. Четырнадцать лет он отдал нашему лучшему вузу. Да и дети Якова стали учёными и инженерами. Дочь Этана – профессор-микробиолог, сын Цви – профессор химии в том же Технионе. Кстати, знаменитый хайфский Музей науки и технологии – детище Цви Дори. Двоюродный брат Якова, Исраэль, был одно время президентом Института Вейцмана. Достойная, словом, семья.

Нельзя просто схоронить оружие в тайнике. За ним надо следить, пополнять его и заменять, а самое главное – обучать людей владению этим оружием. Центры военной подготовки создавали как раз при наших тайных складах. Камким – это офицер, отвечающий за поддержку сети хранилищ и центров обучения.

На том же собрании, где я узнал о должности Якова Дори и его отъезде, меня и назначили камкимом. Никто со мной предварительно не беседовал, назначили – и всё. Подозреваю, что командование наметило меня на этот пост после забавного случая, когда я по долгу службы пришёл в один из складов на занятия к командиру тель-авивской организации Шмуэлю Баркаю, тоже моему товарищу по Легиону. На уроке изучали ручной пулемёт Томсона («Томми-ган»). Собирали и разбирали.

– Ну что, попросим теперь Ерушалаима? – говорит Шмуэль.

– Да ладно вам, – отвечаю. – Я его с завязанными глазами и разберу, и соберу.

– Серьёзно?

– Ну завяжите мне глаза.

И подхожу к столу, на котором лежит ручной пулемёт. Повпендриваться захотелось. Мне завязали глаза, и тут слышу некое замешательство в классе. Поднимаю повязку – а у нас целая делегация: командир участка, командир округа, главный инструктор. Отступать некуда, и Шмуэль, словно в продолжение урока, громко повторяет:

– А теперь мы попросим нашего гостя собрать ручной пулемёт «Томми-ган» с завязанными глазами.

Снова надели мне повязку. Я, конечно же, волновался слегка, а потом думаю: «А почему я должен смотреть на них как на начальство? Я их всех и без Хаганы знаю». Успокоился. Разобрал «Томсона», а потом собрал вновь – к большому удовольствию командиров.

И вот мой первый выезд в должности камкима. За мной прислали автомобиль, чтобы отвезти к месту обучения, в пардесы за городом. Водитель приехал строго в назначенное время, и мы поехали. Свою машину я продал уже довольно давно, теперь хотелось пошоферить, но водитель мне не разрешил:

– Я никому не даю руль. Машину не знают, могут повредить.

Видим: вдалеке на перекрёстке стоят британские полицейские. Возможно, проверка. А со мной документы, которые не должны попасть в их руки. Совершенно инстинктивно откидываю потайную дверку возле водительского кресла и сую бумаги в открывшийся тайничок. Проезжаем мимо перекрёстка – нас не останавливают. Едем дальше. И тут я задаюсь вопросом: а как получилось, что в автомобиле именно в этом месте оказался тайник: точно там же, где он был в моей машине? Помню, как, устраивая его, самодовольно подумал: «Во какой я хитрый! Никому и в голову не придёт здесь искать». И пожалуйста: ещё один додумался в точности до того же самого. Внимательно осматриваю машину. Что-то неуловимо знакомое. То ли запах, то ли сам вид салона...

– А какой у вас номер машины?

– 362-Е.

– 362 -Е?! Так это моя бывшая. Я же на ней ездил дольше, чем вы. А когда надо было за кооперативную квартиру расплачиваться, пришлось продать.

– В самом деле? Так вы садитесь тогда за руль. Приятно будет старое вспомнить.

И теперь уже я сажу за рулём до самого конца пути.

Стрельбу ведут две группы: одна из автоматов, вторая из гранатомётов. Смотрю на то, как пули взрывают песок, и понимаю: стреляют боевыми патронами. Подхожу к одному бойцу:

– Сколько дней вы уже тренируетесь?

– Первое занятие у нас.

– Прекратить стрельбу! Где командир отделения?

Подходит командир.

– Вы выдали необученным бойцам боевые патроны. Вы знаете, что это преступление?

Тот замялся.

– Да нам холостых пока не подвезли, а время терять жалко.

– А людей вам не жалко? Немедленно сдайте все боевые патроны. Свяжитесь с вашим ответственным за подвоз боеприпасов. Если немедленно не доставят холостые, придётся перенести занятие.

Это не было пустой придижкой. Сколько бойцов покалечилось как раз на учениях! Наш прославленный бригадный генерал Йосеф Авидар (Рохел) (кстати, будущий посол в СССР) потерял руку, проводя боевую учёбу: взорвалась боевая граната. Случилось это в самом начале тридцатых, Йосеф был тогда ещё молод.

Подхожу к другой группе. Слава богу, у них только холостые боеприпасы. Но опять-таки не всё гладко. Одна из гранат потерялась, найти не могут. А ведь был строгий приказ: не оставлять на территории никаких следов учений. Командир взвода велел навязать на одну гранату красную тряпку, чтобы определить примерное место падения остальных. Никакого толку.

– Погодите, – говорю. – Стрельба из гранатомёта – дело индивидуальное. Кто выпустил эту пропавшую гранату?

Снова зарядили гранатомёт «помеченным» снарядом, и тот парень, чья граната затерялась, выстрелил. Побежали к тому месту, где виднелась красная тряпка. Метрах в пяти от него спокойно лежала под деревом пропавшая граната. Мы облегчённо вздохнули и свернули учения. Эта группа была последней на территории.

Я стал регулярно ездить с проверками на склады оружия и к местам учений. В одну из суббот приехал на текстильную фабрику «Лодзь» в Холоне. Там был склад оружия, и в тот день как раз проводили курс молодого бойца. (Члены Хаганы не слишком усердствовали в исполнении заповедей.) Я осторожно заглянул внутрь. Меня не заметили. И тут опять во мне проснулся тот неуёмный

проказливый чертёнок. Я вернулся к стоящему у входа охраннику.

– Подождём минут пять, а потом подавай сигнал тревоги.

Снова прошёл внутрь и стал наблюдать. Урок проходил лучше некуда. И тут завывла сирена. Юноши и девушки перепугались, не зная что им делать. А ведь должны были знать. Начался переполох. Я вошёл.

– Спокойно! Тревога учебная.

Подхожу к командиру взвода.

– Это я дал сигнал тревоги, чтобы проверить готовность бойцов.

Улыбнулся и вышел. Можно быть уверенным, что второй проверки не потребуется.

УЧЕНИЯ В ДЮНАХ

946 год проходит в интенсивных учениях. Занимаемся и ночью, и днём. По ночам надо быть ещё осторожнее. Взвод идёт, огибая спящие арабские деревни. Каждый звук слышен на сотни метров кругом. Но в этом есть и преимущества. Конский топот доносится издалека, даже ухо к земле не надо прикладывать. Заслышав этот звук, дружно скатываемся в придорожную канаву. Наряд конной полиции проходит мимо, не замечая группу вооружённых людей, что прячутся в нескольких метрах от дороги.

В одну из суббот рота отправляется на двухдневные боевые учения в прибрежные пески, что к югу от Холона. Доезжаем до того места, где главная улица Холона заканчивается, упираясь в широченную полосу дюн. Точнее говоря, в четыре деревянных кабинки на границе с песками – общественный туалет. Британцы и не догадываются, что прямо за кабинками запрятан в песке внушительный склад оружия. Дальше пойдём пешком. В двух-трёх километрах от города пролегает вади, глубокое русло пересохшего ручья. Оно отгорожено бетонной стеной, а невдалеке – заброшенный двухэтажный дом с наблюдательным пунктом на крыше. На этом месте британские военные тренировались ещё в Первую мировую войну. (Теперь оно в черте города, а неподалёку музей Хаганы, рассказывающий, кстати, и о наших учениях.)

Идти по глубокому песку трудно, ноги тонут по самые лодыжки. Кроме оружия и боеприпасов, у каждого рюкзак с едой из расчёта на пять трапез. Рядом со мной пыхтит преподаватель «Герцлии» Золотаревский, известный своей невероятной эрудицией и столь же невероятным аппетитом. У него целый чемодан, набитый провизией. С таким и стоять-то трудно, не то что по песку брести. Так что приходится нам по очереди помогать товарищу.

Мы прошли уже около половины пути, когда я, обернувшись, заметил, что к концу шоссе подошла полицейская машина. Достаем бинокль, разворачиваем рацию. Так и есть, полицейские. Подходят к границе дюн, осматривают окрестности и возвращаются к машине. Связываемся с командованием. Получаем указание «продолжать учения в соответствии с программой, проявляя повышенную бдительность».

Пока добрались до места и устроились, солнце уже село. Быстро чернеет небо, одна за другой зажигаются звезды, выходит луна. При её свете мы ужинаем, а потом всезнающий Золотарев-

ский проводит лекцию. Он рассказывает о том, как древние греки увидели в беспорядочной россыпи звёзд фигуры мифических героев, о безграничности Вселенной и о том, как рождаются и умирают звезды. Показывает нам маленький яркий фонарик Венеры на западе и красную точку Марса на юге. Хорошо в естественном планетарии! С тем и засыпаем.

На рассвете нас будит часовой, что дежурит на крыше, и группы приступают к занятиям. Выходя на дежурство, наблюдатель поднимает белый флаг. В случае тревоги он должен сменить его на красный. Верховой охранник непрерывно следит за дорогой.

Ведётся стрельба по мишеням. Руководит ею Давид, самый меткий из нас стрелок.

– Давид, а вон в ту ветку попасть можешь?

– В какую? – спокойно осведомляется тот. – В ту, что слева?

Слегка приподнимает винтовку и не торопясь нажимает на спуск. Веточка в сотне метров от нас складывается пополам и жалко повисает над песком.

И тут мы видим, как взвивается красный флаг. Над волнистым океаном дюн прямо на нас летит военный самолёт. Мгновенно зарываем оружие в песок и рассаживаемся кружками: мы то ли бойскауты на вылазке, то ли просто отдыхающие в субботу на природе. Самолёт улетает. Ждём ещё минут пятнадцать. Всё тихо. Можно продолжать занятия.

Теперь наша группа тренируется в метании боевых гранат. Выстроились в сотне метров от стены, что служит щитом. Вади в полутора метрах за нею. Подходишь к инструктору, что стоит у стены, получаешь у него боевую гранату. Отходишь, начинаешь разбег, выдёргиваешь чеку и перекидываешь гранату через стену в сухое русло. Вот подходит к инструктору Йонатан, задумчивый нескладный парнишка, из тех, кого у нас называют «шлемазл» («неvezунчик»). Он внимательно выслушивает инструктора, берёт гранату, бежит к стене... Дальше мы видим нечто странное. Инструктор кидается на Йонатана, хватает его поперёк туловища и перекидывает через стену. Туда же с криком «Ложись!» перемахивает сам. Через несколько секунд слышим сильный взрыв. Осколки шуршат по окрестным кустам. Оказалось, что Йонатан начал разбег, выдернул чеку – и граната, выскользнув из руки, упала позади него. Если бы не самообладание нашего инструктора, всё кончилось бы очень печально.

На следующий день – огневая подготовка и уличный бой с бросанием холостых гранат в окна. Я был единственным, кому удалось закинуть гранату внутрь дома. Впрочем, в настоящем бою те гранаты, что не попадают в окна противника, тоже играют свою роль. Они взрываются, ударяясь о подоконник или о стену.

В этот день тоже не обошлось без красного флага тревоги. Наш наблюдатель заметил слабый отблеск возле двухэтажного дома, стоявшего на окраине Нес-Ционы, в арабской части посёлка. Наблюдатель внимательно поглядел в бинокль и заметил на балконе человека. Тот тоже смотрел в бинокль – и как раз в нашу сторону. Через некоторое время мы увидели военный самолёт, а ещё минут через десять прискакал галопом наш конный охранник. Британская полиция вошла в Холон и движется по направлению к нам. Повторяем привычную процедуру: зарываем оружие, патроны и гранаты и рассаживаемся с серьёзным видом. Накроют – пусть ещё докажут, что здесь не кружок самообразования на природе. Конечно же, на душе беспокойно. Время медленно тянется, кругом тихо. Наконец верховой выезжает в разведку и вскоре возвращается. Никаких следов полицейских. Рассосалось. Может, они просто поленились топтать через пески ради непонятной группы людей в дюнах?

Сами знаете, на воздухе сильно разыгрывается аппетит. Ближе к обеду обнаруживаем, что есть нам практически нечего. Кое-какие остатки хлеба – и всё. А работы ещё часа на три-четыре. Отдыхаем, разлэгшись в кустах на тёплом песочке.

– Золотаревский, – просит кто-то, – может, хоть воображаемым обедом накормишь?

– Ладно, – откликается Золотаревский, – на закуску у нас сегодня заливной судак. Представили? Отлично! На первое едим чихиртму...

– Чих... Чего?

– Чихиртма. Готовится просто. Мелко нарезаем баранину, отвариваем, процеживаем бульон, поджариваем лук с мукой, добавляем шафран, всё кладем в бульон, кипятим, потом вливаем виноградный уксус...

– Кончай дразнить! – слышится с разных сторон. – Слюнки текут.

Золотаревский замолкает. Поднимаемся и уже без прежнего энтузиазма продолжаем занятия.

УЧЕБНЫЙ ПУНКТ № 13

В доме весёлые хлопоты: моя дочь Дебора выходит замуж. Её избранник Гирш родом из Польши. Родители его погибли при погроме, Гирш – воспитанник великого гуманиста Януша Корчака. Буквально за несколько месяцев до начала войны Корчак сумел отправить пятнадцатилетнего Гирша в Страну и тем спас ему жизнь. (Сейчас мой зять заведует отделом в управлении порта.)

Хупу устроили прямо во дворе нашего дома, на прекрасной зелёной поляне. Пришли родные, друзья, приятели. Было много народу из Хаганы: и командиры, и рядовые. Только подняли стаканы, чтобы выпить за молодых, – прибегает связной, отзывает меня в сторону и вручает записку. «Вы назначаетесь начальником учебного пункта № 13 Тель-Авивского округа. К обязанностям приступить завтра». Вот сюрприз! Ну завтра так завтра. Тем более что этот учебный пункт – буквально в нашем дворе, в здании школы. Там же, кстати, и опорный пункт организации. Здесь в неё принимают новых членов. Позднее я спросил командира округа, почему назначили именно меня: по соображениям географии или за мои заслуги? Тот ответил: «Обе причины».

Исход субботы. Близнецы уже легли спать.

– Пап! Иди сюда!

– Что там у вас?

– Слышишь? В школе кто-то разговаривает по-английски.

Выхожу поглядеть – и обнаруживаю во дворе школы вооружённых солдат и офицера. Подхожу к нему.

– Есть проблемы, лейтенант? Может быть, могу чем-то помочь?

– Что такое? Почему в этом здании никого нет? Живёт здесь кто-нибудь?

– Здесь школа. В это время там никого не бывает.

Офицер обескуражен. Сверяется со своими бумагами. Я понял: здание помечено британскими спецслужбами как подозрительное и подлежащее тотальному обыску, но достоверных сведений у них нет. Это ответ на теракт, устроенный организацией Эцель в поезде недалеко от Хадеры. Офицер подзывает своих солдат, и все они уходят. Облегчённо выдыхаю. На этот раз пронесло. Если бы сделали обыск, то поднялись бы и на чердак, где стояли два ящика «коктейлей Молотова».

Звонок. Командир, проводящий занятия, сообщает, что какой-то подозрительный тип крутится на нашей улице и поглядывает на учебный пункт. Выхожу. Действительно, на скамейке сидит хорошо одетый молодой мужчина и с равнодушным видом взирает на дверь школы. По одежде не определить, араб он или еврей. Подхожу, спрашиваю, который час. Он отвечает на хорошем иврите. Пожалуй, даже на слишком хорошем. Заговариваю о погоде – о чём же ещё? По тому, как он произносит некоторые слова, понимаю: не еврей. И мы разошлись: я отправился домой, а он удалился с нашей улицы.

На следующий день я снова увидел, как незнакомец остановился напротив учебного пункта. Это было перед началом занятий, ребята как раз начали собираться. Спрашиваю:

– Послушай, приятель, что ты здесь делаешь?

– А тебе какое дело? Ты что, полицейский?

– Я не полицейский, но если будешь запираяться, то ребята тобой займутся. Как тебя зовут?

– Захай.

Это могло быть и еврейским, и арабским именем.

– Покажи удостоверение личности.

– Ещё чего!

– Ладно. Разбирайся с ними сам.

Кольцо ребят начало смыкаться, и вид их пришельцу явно не понравился. Поняв, что надо выбирать меньшее из зол, протянул мне своё удостоверение личности: действительно, двойное имя – Захай-Мухаммед – и арабская фамилия.

– Так что же ты всё-таки здесь делаешь, Захай-Мухаммед?

– Жду друга.

Неожиданно выхватил у меня из рук удостоверение и дал дёру. Мы не стали его догонять.

Дня через два встречаю своего приятеля, адвоката. Остановились поговорить.

– Ну, Ерушалаим, что за хулиганы живут на вашей улице?

– Какие ещё хулиганы? У нас тихая улочка.

– Понимаешь, сию я под вечер в кафе – вдруг влетает арабский адвокат Захай-Мухаммед, перепуганный, запыхавшийся, глаза выпучены. Спрашиваю, в чём дело. И он рассказывает, что есть у него подруга, еврейка с улицы Варбург. Пришёл на свидание – и на него напали её дружки. Насилу ноги унёс.

Я рассказал ему, в чём тут дело, и мы оба от души посмеялись.

НОЧЬ «ВИНГЕЙТА»

25 марта 1946 года. С утра пораньше я успел просмотреть новый фильм и вернулся из кинотеатра в офис.

– Вам звонил Ауэрбах, – сказала моя секретарша Дрора. – Просил позвонить.

Странно, с чего бы это у командира по общим вопросам Ауэрбаха срочные дела ко мне? Он ведь не из нашего подразделения. Звоню – не отвечает. А мне надо просмотреть ещё один фильм. Снова отлучаюсь в кинотеатр на пару часов и возвращаюсь в офис.

– Вам опять звонил Ауэрбах. Сказал, что дело срочное.

И снова Ауэрбах не отвечает. «Ну, – думаю, – что-то заваривается».

В час дня сажусь обедать. Снова звонок. На этот раз командир округа.

– Передайте домашним, что сегодня вечером у вас будут гости.

– Зачем передавать? Я их сам приму.

– Вас вечером дома не будет, – коротко ответил он и повесил трубку.

Возвращаюсь к столу – снова звонок. На этот раз в дверь. Связной принёс записку: «К 14:00 явиться в штаб по адресу...»

До назначенного времени пятнадцать минут. Запихнул что-то в рот – и в штаб. На входе часовой, без пароля не пропускает. Что у них там за неразбериха? Уж пароль-то могли бы сообщить!

– Передайте, – говорю, – командиру округа, что пришёл Сигалов.

Через пару минут выходит ещё один парень из охраны, берёт моё удостоверение и удаляется. Ещё через несколько минут меня всё-таки впускают. В кабинете всё командование округа и ещё человек пять-шесть приглашённых. Командир официален и по-военному краток.

– Сегодня ночью прибывает судно «Вингейт» с нелегальными иммигрантами из Европы. Разработан план операции по высадке пассажиров с нейтрализацией британской полиции. Каждый из приглашённых будет начальником одной из баз. Место расположения базы получите у командира городской организации. Отправитесь туда прямо сейчас. Домашним ничего не сообщать. Вместе с вами будут работать члены Пальмаха из других районов.

– В семнадцать часов, – продолжает командир округа, – получите мины, оружие, боеприпасы, а также таблички «заминирова-

но» на английском и иврите. Приготовьте для них тайник на случай неожиданного рейда британцев. Одноразовый пароль устанавливается до шести утра. Без пароля не пропускать никого и ни при каких обстоятельствах. Командование будет связываться с каждой базой по мере необходимости. Приступайте. Желаю удачи!

Ну и база мне досталась: гимназия «Герцлия»! Центр города, а по соседству, через забор, – управление британской полиции. Запросто могут услышать шум и заинтересоваться: что же происходит в такой поздний час?

Первыми приехали молодые ребята, члены Гадны²⁴⁵. Шумные, бойкие. Пришлось немного утихомиривать. Вырыли мы тайник между двумя дворовыми постройками. Затем прибыла группа бойцов Пальмаха. Все незнакомые, не из нашего города. Ровнёхонько в пять нам приезли «стэны»²⁴⁶, боеприпасы, мины и предупреждающие таблички. Тут и началась настоящая работа. Оружие, долго пролежавшее в потайном складе, надо ещё привести в боевое состояние: разобрать, почистить, проверить, как пригнаны все детали. Этим занялись ребята из Пальмаха. Сапёры начали готовить мины. Они устроились на верхнем этаже, чтобы нас всех, не дай бог, не разнесло в клочья. Там же, возле окошка, я устроил себе наблюдательный пункт. Из окна, выходящего на улицу Герцль, просматривалась дорога на Петах-Тикву, откуда могли подойти британские части. Теперь предстояло самое ответственное и опасное дело: разведка. Надо проверить полицейские посты, определить места закладки мин, подходы, маршруты, укрытия. С спокойным сердцем отправляю на задания парней и девушек, членов Гадны. Совсем ещё ребята, а опасности – очень даже реальные. Уходят по одному и парами. Кажется, никого не осталось. И тут вижу девушку, что заливается горячими слезами. Это Керен, дочь моего полкового друга Хаима. Она осталась без задания.

– Вы меня обошли, потому что вы друг моего отца!

– Да что ты, Керен! Это случайно получилось. Я и не думал... Не плачь. Будет и тебе работа.

Действительно, работы было больше, чем людей для её выпол-

²⁴⁵ ГАДНА́ (גדנ"א, аббревиатура от גדודי נוער ;гдудей ндар – «молодёжные отряды»), израильская добровольческая организация, готовившая молодёжь к участию в Хагане. В настоящее время готовит подростков 13 – 18 лет к военной службе.

²⁴⁶ «Стэн» – английский пистолет-пулемёт, разработанный во время Второй мировой войны.

нения. Я планировал послать на этот участок кого-нибудь из парней, а идти пришлось Хане. Теперь жду возвращения всех ребят и не могу не нервничать.

А вот и новая забота. За мной прибегает один из стоящих у входа часовых. Снизу – шум и крики. Не хватало только привлечь внимание полиции. Спускаюсь. У входа бушует разгневанный мужчина. Он командир учебного пункта, у него сегодня очень важные занятия.

– Все занятия сегодня отменяются. Проводится важная спецоперация.

– Какая ещё операция! Мне ничего не сообщали и занятий не отменяли.

– Извините, но мы никак не можем вас впустить. Есть приказ.

– Чей приказ?! Я немедленно подам жалобу командиру округа.

Я сделал знак часовому – и через минуту к нам спустились два вооружённых члена Пальмаха. Бузотёр удалился, продолжая изрыгать проклятия и угрозы.

Тем временем с заданий стали возвращаться ребята. Пришли все, никаких эксцессов. От сердца отлегло. Было уже темно, когда из штаба явился посыльный с двумя корзинами бутербродов: по одному на человека. Интересно, что они там себе воображают? Молодые здоровые ребята сидят уже полдня без еды. И не просто сидят, а работают. Одного бутерброда только и хватит, чтобы раздражить аппетит. Пришлось снова отправить двоих парней на задание. Выдал им полторы лиры и попросил купить еды. (Занятно, что после того как я подал командованию отчёт о наших расходах той ночи, мне тут же возместили эту сумму.) Утолили голод и снова занялись оборудованием.

Город уже спит, поэтому разговоры и беготня моих подопечных хорошо слышны с улицы, можно даже уловить щёлканье автоматных затворов. Напоминаю ребятам, что любой шум может привести к срыву операции. Мгновенно становится тихо.

Наконец поступает сигнал к началу действий. Первыми выходят подрывники с группой поддержки, чтобы заложить мины с предупредительными табличками при въезде на улицу Герцль со стороны Яффо. Сами прячутся неподалёку, за колоннами здания банка. С моего наблюдательного пункта видно, как две бронемашины британской полиции движутся в сторону улицы, но останавливаются на безопасном расстоянии от табличек. Время от времени появляется Элизар Лерман, адъютант командира город-

ской организации, с сообщениями об обстановке и очередными инструкциями. Я то и дело бегаю вниз и вверх по лестнице, чтобы принять сообщения или просто удостовериться, что у нас всё в порядке. Ждём приказа выйти к берегу и начать приём беженцев.

Тьма и тишина кругом. Напряжённая, коварная тишина. Или мы так ощущаем её из-за того, что нервы натянуты? И вдруг это тяжёлое молчание города прерывается автоматной очередью. Мы не видим, где стреляют, но понимаем, что совсем недалеко. Снова выстрелы, и снова... А потом – тишина. И опять тягостное ожидание.

Наконец прибегает запыхавшийся связной (не Лерман, другой) с приказом о свёртывании операции.

– Британцы перехватили «Вингейт» в открытом море. Их фрегаты сейчас эскортируют его на север. Видимо, ведут в Хайфу.

– А выстрелы откуда?

– Группа Брахи Фульд наткнулась на бронемашину. По ним открыли огонь. Браху подстрелили, а больше пока ничего не знаем.

– А Лерман где?

– Арестован. Его такси остановили. Взяли обоих: Элизара и водителя.

Переданный связным приказ требовал срочно переправить оружие назад, на базу, и не перевозить его на склады до специального распоряжения. Я приказал минёрам срочно возвращаться. Они осторожно вышли из своего укрытия, обезвредили мины и переправили на базу. Потом один из них вернулся и, убедившись, что англичан поблизости нет, убрал таблички. Мы прибались и тщательно проверили, не осталось ли каких следов, а затем разошлись небольшими группами.

Когда я пришёл домой, было уже утро. Жена не спала.

– Знаешь, – сказала Эстер, – вчера вечером к нам приходили какие-то люди.

Я спросил, как они выглядели, и понял, что это был командир округа с сопровождающими.

– Очень вежливые, спокойные. Сказали, что с тобой всё в порядке, что у тебя срочное ночное дежурство. Всё оружие в коридоре оставили, прошли. Я, конечно, стол накрыла. Они сели, но к еде почти не притронулись.

Кажется, я понимаю, почему командование округа выбрало мою квартиру. Тут несколько обстоятельств. Во-первых, дом – рядом с нашим опорным пунктом, во-вторых, мы на нижнем этаже,

так что не надо бегать по лестнице, привлекая тем самым внимание. В-третьих, квартир две, да ещё и с выходами на обе стороны дома. В случае опасности можно уйти через лоджию.

Время от времени один из наших гостей выходил, а потом докладывал, что делается на улице. Дети легли спать, а Эстер, понимая, что происходит нечто серьёзное, и не думала ложиться. Проходы между дворами мы заранее открыли – на тот случай, если придётся убежать.

– Я слышу: по двору кто-то ходит. Сказала им, а их командир вежливо так отвечает: «Гверет²⁴⁷, всё в порядке. Вы же устали, ложитесь спать». Я пошла в спальню, но какой там сон!

На следующий день мы узнали, как развивались ночные события. Да, операция сорвалась, но в том не было нашей вины. Всё было неплохо подготовлено и организовано. Лишь одно обстоятельство определило печальный исход дела: у англичан был флот, была разведывательная авиация, а у нас ничего это не было.

Когда стало ясно, что операция пошла не по плану и что высадить беженцев не удастся, командование отдало приказ об отходе. Быть может, из-за наступившего замешательства это было сделано немного позднее, чем надо бы. Кто теперь скажет, можно ли было предотвратить случившуюся трагедию?..

Жизнь Брахи Фульд была необыкновенной, как и у многих молодых людей, живших в это необыкновенное время. В свои восемнадцать она уже была закалённым командиром Пальмаха. Браха родилась в Берлине. В страну приехала подростком, перед самой войной, вместе с матерью. (Отец покончил с собой вскоре после Хрустальной ночи.) В Пальмах вступила сразу после школы. Блестяще прошла офицерские курсы и стала командиром²⁴⁸. В ту ночь их база была на улице Марморек. Случилось так, что взвод Брахи не получил вовремя оповещения о свёртывании операции и вышел на охрану участка дороги, идущей с моря. А в это время англичане уже перебрасывали бронетехнику из Сароны, что в восточной части города. Там у них была военная база. С бронемшины увидели группу и открыли стрельбу. Взвод Пальмаха ответил огнём. Браху тяжело ранило. Британцы схватили истекающую кровью девушку

²⁴⁷ Гвèрет – госпожа (ивр.).

²⁴⁸ Часть переписки Брахи Фульд и её семейных фотографий опубликована в документах University of Michigan Bentley Historical Library [49].

и срочно отправили ее... нет, не в больницу, а в полицейское управление Яффо для допроса. Когда её, теряющую сознание, всё-таки привезли в госпиталь, было уже поздно. Браху Фульд похоронили на нашем кладбище Нахалат Ицхак, в секции павших бойцов Хаганы. Она была первой женщиной, погибшей в разгорающейся Войне за независимость.

Ещё мы узнали, что нашего связного Элизара Лермана и водителя такси арестовали потому, что английские полицейские нашли в их машине оружие. (Видимо, Элизар успел вытащить пистолет и кинуть его под сиденье.) Он тут же заявил, что понятия не имеет, откуда взялся этот пистолет. Мало ли пассажиров в такси ездит! То же самое сказал и водитель. Обоих в конце концов пришлось выпустить. Адвокаты Хаганы своё дело знали.

Британский эсминец отвёл «Вингейт» в Хайфу. Там с борта сняли 238 пассажиров и экипаж во главе с итальянским капитаном Марио Кенда. Всех арестованных отправили в лагерь Атлит, который находился в двадцати километрах южнее города.

Капитан Кенда много сделал для Алии Бет.²⁴⁹ «Марио... был великолепным профессионалом, полностью разделявшим наши цели», – писал о нём один из командиров Хаганы²⁵⁰. Он не только вёл корабли в страну, но помогал найти и зафрахтовать их. Между прочим, рейс из Италии на таком маленьком судёнышке, как «Вингейт», был очень непростым делом.

Хагане скоро удалось освободить Марио и ещё нескольких членов экипажа из лагеря и переправить обратно в Италию. В октябре Марио снова привёл в Страну корабль с беженцами из Европы. Судно назвали «Браха Фульд» в честь погибшей героини Пальмаха. И опять неудача. На этот раз англичане переправили капитана и пассажиров в лагерь на Кипре. Теперь освободить Марио и других членов экипажа было гораздо труднее. В феврале к берегу Кипра подошло судно «Далин». С него высадились бойцы из нашей разведслужбы «Шай». Им удалось освободить и переправить в Италию Марио и ещё двадцать иностранных моряков. Кенда снова занялся подготовкой и отправкой судов с нелегальными репатриантами. Среди этих кораблей был знаменитый «Эксодус».

²⁴⁹ Алия Бет – нелегальная репатриация евреев в Страну с 1933 по 1948 год.

²⁵⁰ Цит. по: Tzvi Ben-Tzur. Mario Kenda – an Italian Ally in the Clandestine Immigration. - http://www.palyam.org/English/IS/Mario_Kenda.pdf.

**Командир «Пальмаха»
Браха Фульд
(1926 – 1946)**

Тель-Авив. Улица Брахи Фульд

Решение ООН об образовании еврейского государства Марио встретил в нашем порту, на одном из кораблей, где он и его друзья отметили это событие хорошей выпивкой и громкими криками «Йеш! Йеш!» («!שׂ, שׂ»²⁵¹). На следующий год, в разгар Войны за независимость, Марио Кенда участвовал в операции «Пират». Вместе со своим помощником и двумя членами Пальмаха он без единого выстрела захватил судно, везущее 8000 винтовок арабским войскам. Корабль благополучно прибыл в Израиль, и винтовки достались нашей Армии обороны.

Через два дня, в ранний утренний час, я появился на базе в гимназии «Герцлия». Тихо кругом, только в глубине двора стоит группа молодых мужчин. Разговаривают меж собой, покуривают. Это группа поддержки.

Ровно в восемь подкатил грузовик, и из кузова выскочили весёлые молодые ребята. С шутками, подтрунивая друг над другом, сгрузили какие-то узлы и тюфяки. Сегодня пятница. Каждому ясно: молодёжь собралась в поход, на природу. Одни затаскивают узлы в здание, а другие уже бегут обратно, словно муравьи со своими куколками. Несут внезапно потяжелевшие узлы и загружают их в кузов. И тут сердце у меня ёкнуло: прямо напротив, с другой стороны дороги, припарковался военный грузовик с английскими солдатами. Вижу, как сосредоточились и начали медленно приближаться ребята из группы поддержки. Готовятся к атаке. А молодёжь? Ребята продолжают так же весело грузить тюки и балагурить, слышен их громкий смех. Вот это выдержка! Англичане выпрыгивают из грузовика и идут в кафе, что напротив гимназии: позавтракать приехали...

²⁵¹ !שׂ, שׂ - Есть! Есть! (Ивр.)

ЧЁРНАЯ СУББОТА

Наш племянник Акива, сын моего брата Элиягу, рос смышлённым и бойким мальчиком, исполненным юмора и очарования. Все его любили и баловали. Лет в четырнадцать Акива решил показать, что он уже взрослый человек, способный на самостоятельные решения, – и уехал в молодёжную коммуну «Алюмот» («Лучи»). Её основали молодёжные активисты в Галилее, в тех самых краях, где я работал в юности. Там они работали и учились. И Элиягу с женой, и мы с Эстер навещали Акиву при каждом удобном случае, привозили разные вкусности.

Наш племянник очень любил сливки, но как приберечь их «на потом»? Нет, дело не в температуре, холодильник у коммунаров был. Но ведь коммуна – это не только совместное хозяйство, но и непочтительное отношение к персональной собственности. Акива поступал просто и остроумно. Шёл в местную аптеку и просил там незаполненную наклейку для лекарства. Писал на ней своё имя и дозировку: «три раза в день по столовой ложке перед едой». Потом наливал сливки в бутылку из-под пива, прикреплял наклейку и ставил «лекарство» в холодильник. Предпочтение общественного личному не доходило у ребят до того, чтобы покушаться на лекарство товарища.

И вот теперь повзрослевший Акива женится на очаровательной черноглазой Бэлле. Она тоже из бывших коммунаров. Свадьбу отпраздновали в Петах-Тикве, где жила тогда семья Элиягу. После торжеств молодожёны приехали к нам, чтобы погулять несколько дней в большом городе, каким становился Тель-Авив. Увы! Уже на следующее утро я получил записку от командования. В ней говорилось, что если в моем доме есть гости, им лучше немедленно уехать домой. Я не знал, в чём дело, но было понятно, что будут аресты. И Бэлла с Акивой уехали.

На следующий день, 17 июня 1946 года, мы узнали про «Ночь мостов». Была как раз та пора (довольно недолгая), когда Хагана, Эцель и Лехи объединились в борьбе против британской власти и образовали Еврейское движение сопротивления. Координационный совет этого объединения, «Комитет Х», принял решение разрушить главные пути снабжения британской армии в Палестине. Хагана начала готовиться к операции ещё зимой. Недалеко от мостов, соединяющих Страну с Египтом, Трансиорданией и Си-

рией, стали появляться гуляющие влюблённые парочки. Если бы англичане что-то заподозрили и обыскали какую-нибудь из них, то обнаружили бы фотоаппарат или бинокль, а то и дальномер. Сотни бойцов Пальмаха участвовали в операции. Одиннадцать автомобильных и железнодорожных мостов через пограничные ручьи и реки были разрушены. В ту же ночь бойцы Лехи провели десятки диверсий в разных местах Страны. Только в одном месте наших бойцов постигла неудача. В посёлке Ахзив, на границе с Ливаном, британская охрана хорошо подготовилась к возможному нападению на мост. Завязался настоящий бой. Четырнадцать наших товарищей погибли в этой схватке.

Чем и когда ответят британцы? Прошла неделя, затем ещё несколько дней... В Лондоне обсуждали план действий «по борьбе с анархией». К его разработке подключили самого фельдмаршала Монтгомери. Решили не прибегать к массовым карательным акциям и нанести удар по главной силе, угрожающей власти британцев в Палестине. Такой силой была Хагана, подчинявшаяся Еврейскому агентству.

В субботу 29 июня мы готовились праздновать день рождения одного из наших соседей. Гостей ожидалось много. И хозяева, и мы с Эстер наготовили всякого угощения, но праздновать не пришлось. Мы снова – впервые после окончания войны – услышали гул военных самолётов над городом. Британские власти ввели чрезвычайное положение, перекрыли дороги и начали аресты руководителей ишува. Задействовали тысячи солдат и полицейских. Совершили налёты на офисы Гистадрута, Еврейского агентства (в Иерусалиме и Тель-Авиве) и даже Международной женской сионистской организации. Арестовали 2700 человек, включая двести бойцов Пальмаха и нескольких высших офицеров Хаганы. Отряды британцев двинулись в поселения на поиски оружия. На их пути вставали шеренги протестующих мужчин и женщин. Некоторые из недавно прибывших поднимали руки, показывая англичанам лагерные номера на запястьях. Самой большой нашей потерей был центральный склад оружия в кибуце Ягур. Оттуда вывезли несколько сот винтовок, тысячи гранат, сотни тысяч винтовок, десятки миномётов. Этот день назвали Чёрной субботой.

И всё-таки Хагану не удалось обезглавить. Глава Еврейского агентства Бен-Гурион был в это время в Париже и избежал ареста.

Удалось перехитрить британцев и лидеру Хаганы, нашему начальнику штаба Моше Снэ. Англичане называли его террористом номер один. Поздно вечером 28 июня наряд полиции ворвался в его тель-авивскую квартиру, но хозяина дома не оказалось. Он был в это время в посёлке Тель-Литвинский (он теперь слился с Рамат-Ганом). Там отмечали годовщину смерти Элиягу Голомба, моего товарища по полку, основателя Хаганы и Пальмаха.

Недалеко от поселения был большой военный лагерь. Солдаты и офицеры дружили с поселенцами, заходили в гости, и их очень хорошо принимали. Как раз в то время, когда британские полицейские ломались в тель-авивскую квартиру Снэ, в поселение пришёл сочувствующий евреям офицер из лагеря и сообщил, что начинается операция «Агата» (так её называли британцы). Стало ясно, что в город возвращаться нельзя. Несколько человек вышли на разведку и обнаружили, что дороги уже перекрыты. А к утру наверняка нагрянут англичане. Как вывести командира Хаганы из посёлка? Ещё во время прежних операций англичан мы обратили внимание, что санитарные машины курсируют и во время комендантского часа, вот только больного на всякий случай сопровождает полицейский или британский солдат. Не слишком надёжно, но другого варианта не придумать. «Больным» назначили восьмилетнего Ханитая. Мальчик стал хвататься за живот, кричать и корчиться от боли. Поселковая фельдшерица определила острый аппендицит. Вызвали «скорую». Она приехала: водитель, медбрат и сопровождающий военный. Тут ребёнок заупрямился, решительно отказался уезжать один и начал требовать, чтобы кто-нибудь поехал вместе с ним. Пришлось отправить с Ханитаем ещё троих поселенцев. Словом, и мальчик, и наш главнокомандующий, и двое офицеров командования хорошо исполнили свои роли. Через два дня появились сообщения, что Моше Снэ уже в Париже, вместе с Бен-Гурионом.

Через несколько дней режим смягчили. Комендантский час теперь действовал только с вечера и до утра. Мы за эти несколько дней успели съесть почти всё, наготовленное в ту субботу. Жизнь постепенно входила в обычное русло.

Мы снова слышали крики громкоговорителей примерно месяц спустя, тридцатого июля. Нас вновь оповещали о введении чрезвычайного положения. Это было через неделю после взрыва

в отеле «Кинг Давид», в котором погиб 91 человек. Среди убитых были и англичане, и арабы, и евреи²⁵².

За ночь в город стянули множество английских автоматчиков. Теперь они растекаются по всем улицам. В городе царит безмолвие. Выглядываю в окно и вижу группу солдат с пулемётом Льюиса²⁵³. Кроме солдат – никого. Радио объявило, что город разделён на зоны, огороженные колючей проволокой. Предусмотрен тотальный обыск домов, и каждый мужчина, заподозренный в связи с подпольем, будет препровождён во временный концентрационный лагерь, устроенный в здании театра «Габима».

Шансов избежать ареста у меня почти не было. Собрался сам и собрал на всякий случай близнецов (им было по одиннадцать лет). Оделись, приготовили рюкзаки с водой и едой. Ждём. Раздаётся стук в дверь. Открываю. На пороге – офицер в чине младшего лейтенанта, старший сержант и шестеро солдат. Офицер взглянул на мальчишек, улыбнулся и спрашивает:

– А кто живёт в квартире напротив? Она закрыта.

– Это мой офис.

– Откройте его, пожалуйста.

Отправил сержанта с солдатами наверх, обыскивать другие квартиры, а сам прошёл со мной в студию. Удивился: стены уставлены большими полками, а на них – круглые жестяные коробки с кинолентами, напоминающие мины.

– Что это у вас? Чем вы занимаетесь?

– Я перевожу фильмы на иврит. С других языков.

– А как это?

Я открыл одну из коробок, взял киноленту, рассказал, как демонстрируется фильм, показал звуковую дорожку. Достал свои альбомы с фотографиями кинозвёзд. Он заинтересовался.

– А с каких языков вы переводите?

– Главным образом с французского и английского. Ещё с немецкого и испанского, иногда с турецкого, русского, итальянского.

– И вы все их знаете?

– Ну в какой-то мере. Знаете, когда с рождения знаешь два языка, то остальные заходят легче. Уже умеешь улавливать связи, закономерности.

²⁵² О «Ночи мостов», «Чёрной субботе» и взрыве в отеле «Кинг Давид» см., напр., [50].

²⁵³ Британский ручной пулемёт, разработанный перед Первой мировой войной и применявшийся до середины 20 в.

Индивидуальный семинар длился около получаса. Офицер повернулся к выходу и произнёс:

– It was very interesting. Thank you²⁵⁴.

Можно выдохнуть и расслабиться. Ведь не во всех коробках лежала плёнка. В некоторых хранились такие документы, с которыми британцы были бы очень рады познакомиться. Офицер кликнул своих солдат, и они удалились, уводя с собой Нафтали Ригера с третьего этажа. Нафтали и его жена Алишва были хорошими конспираторами. Британцы каким-то образом заподозрили, что он активист Хаганы, но доказать так ничего и не смогли, и через некоторое время мой сосед вернулся домой.

Полная блокада города продолжалась несколько дней с ежедневным двухчасовым перерывом, чтобы жители могли сходить за продуктами. Потом ещё три недели – ночной комендантский час. Ходили слухи, что наша организация планирует акции неповиновения. Во многих точках города создавали нелегальные станции Хаганы, каждая – под началом одного из командиров. Мне досталась самая центральная, в водонапорной башне на улице Алленби. Всё это время во второй половине дня на станции собирались члены организации. Все – безоружные: риск попасться слишком велик. Ждали приказа выходить на улицы. Это ожидание сильнее всего выматывало нервы. Сидим. Время от времени выходим, чтобы оценить обстановку, и наблюдаем демонстрацию британской мощи: танки, бронетранспортёры, солдаты с автоматами. Я каждый раз с надеждой ждал, что за полчаса до комендантского часа придёт приказ отпустить товарищей и закрыть станцию. Так и случилось.

Командование позаботилось, чтобы начальники станций получили разрешение на свободный проход во время комендантского часа. Мы воспользовались ими в первое же утро: захотелось поглядеть на построение англичан, выходивших на посты. Их штаб был недалеко от нашего центра, в школе «Билу». Пришли мы чуть ли не затемно и заняли позиции, с которых хорошо был виден школьный двор. Приказ, отданный офицерами солдатам, был таким, что у нас пошли мурашки по коже:

– Каждого, кто окажется вне дома без соответствующего разрешения, расстреливать на месте. Патронов не жалеть, у нас их хватает.

²⁵⁴ Было очень интересно. Спасибо. (Англ.)

В тот же вечер убили женщину, вышедшую на балкон своего дома. А сутки спустя я поздно вечером провожал домой медсестру из Маген Давид Адом, закончившую дежурство. (Медики дежурили у нас в центре, чтобы в случае чего оказывать первую помощь раненым.) На другой стороне улицы стоял сержант. Мы услышали его выкрик: «Stop! Don't move!²⁵⁵». Мы остановились. Сержант наставил на нас пистолет и подошёл, чтобы проверить документы.

– Сержант, почему вы наставляете на нас пистолет?

– Потому что я вас боюсь.

С этим надо было что-то делать. Собрали совещание и вот что придумали. Английские военные любили посидеть в городских кафе. За стаканчик виски с них брали не так уж дёшево: пять грошей. Мы решили открыть для них воинскую кantine прямо в центре города. Скинулись по лире, командование добавило недостающую сумму. Накупили разных напитков, открыли заведение, и теперь британские военные могли выпить за треть прежней цены. Уже на следующий день после этого мы услышали совершенно другой приказ во время утреннего построения:

– Случилось несколько неприятных и даже трагических инцидентов. Не спешите нажимать на курок!

В следующие несколько дней нам довелось поближе познакомиться с британскими офицерами. Чтобы закрепить складывающиеся отношения, решили устроить для них вечеринку. Где? – Да в самом близком к их штабу помещении, то бишь в нашей квартире. Пригласили всех старших офицеров. Осталось отыскать генерала, командующего операцией. Поговорил с приглашёнными, они и поведали мне, что генерал подъезжает к штабу по улице Алленби примерно в половине седьмого. И вот иду я во время комендантского часа по нашей центральной улице, а народ смотрит на меня с балконов.

– Ты куда? С ума сошёл?

А я топаю себе прямо по проезжей части.

Люди кричат:

– Заходи в дом! Там армейский джип на тебя едет!

Джип приблизился и остановился. Из него высунулся генерал и говорит:

²⁵⁵ Стой! Не двигаться! (Англ.)

– Поскольку вы не спрятались при нашем приближении, то полагаю, что у вас есть пропуск?

– Именно так, господин генерал. Я ищу вас.

И подаю ему приглашение на вечер.

Тот прочёл, удивлённо вскинул брови и сказал:

– Хорошо. Я приду. Спасибо.

На вечеринку приехали шесть старших офицеров и генерал. Вошли в квартиру, сняли оружие и сложили в коридоре. Почти одновременно с ними подъехала военная машина, в которой сидели наши парни и девушки. Эстер, как обычно, наготовила вкусностей, и прибывшие отдали должное её кулинарным талантам. Градус общего настроения поднимался, языки развязывались. Верно сказано в Писании: «Вино веселит сердце людское». После еды и возлияний – танцы под патефон. Это ведь сейчас музыка звучит практически постоянно: радио, телевидение, граммофонные пластинки, магнитофоны, а теперь и компакт-диски. В ту пору музыка в квартирах играла в часы радости, на таких вот вечеринках.

Ровно в восемь тридцать генерал поднялся, за ним встали офицеры. Поблагодарили за приятный вечер, сердечно распрощались и уехали, прихватив и наших ребят, чтобы развезти по домам. До самого конца блокады больше не было никаких эксцессов. Скажу сторонникам «бескомпромиссной борьбы»: подобные встречи с «представителями противоположного лагеря» бывают куда эффективнее терактов.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ БРИТАНСКОГО МАНДАТА

Все двадцать дней блокады в Тель-Авив не поступали продукты, не говоря уж о других товарах. И вот наконец объявили, что в два часа пополудни кордоны снимают. К этому времени возле шлагбаумов уже сгрудились повозки из окрестных мошавов, а ровно в два потока провизии хлынули в город. Везли хлеб и муку, овощи, зелень и фрукты, мясо, рыбу, сладости и консервы. Раздавали не только родным и друзьям, но и всем, кто нуждался. К нам приехали родственники из Кфар-Малала. Этот мошав обезлюдел во время Первой мировой войны, но после изгнания евреев из Тель-Авива мои родичи обосновались именно там и возродили посёлок. К ним присоединялись родственники моих родителей и даже кое-кто из родных зятя Лейбы²⁵⁶. Они привезли курятину, яйца и овощи в таких количествах, что хватило всем нашим соседям по дому. Вот это и есть «лев эхад»²⁵⁷!

Вскоре после войны возобновила работу наша радиостанция «Коль Израэль»²⁵⁸. В тот период она называлась «Телем. Шамир Боаз», а провозглашение государства встретила под именем «Коль Ха-Хагана». «Телем. Шамир Боаз» (תלם שמיר בוֹעז) – это кодовое название, образованное от первых букв сочетания «שִׂדוּר תְּחִנּוֹת בְּמַחְתָּר» – «Станция подпольного радиовещания». Изменялось не только название, приходилось иногда менять частоты и, конечно же, место трансляции. Британские власти старались обнаружить станцию, поэтому её перевозили с места на место в двух чемоданах. И вот она приехала в наш дом, на третий этаж, в квартиру Нафтали и Алишвы Ригер. Каждый день, ровно в четырнадцать ноль-ноль, диктор (а иногда просто техник, настраивающий станцию) трижды высвистывал начало «Ха-Тиквы», а затем звучали наши позывные. За несколько минут до этого я выходил на улицу, чтобы удостовериться, что опасности нет. Знал, конечно, что станцию охраняют и без меня, но всё-таки лучше перестраховаться. Среди гуляющих по улице сразу вычислял членов Пальмаха, несущих дежурство. Что ж, молодцы. Убедившись, что всё спокойно, возвра-

²⁵⁶ К последним принадлежал, возможно, Шмуэль Шейнерман, отец будущего премьер-министра Ариэля Шарона, родившегося в Кфар-Малале в 1928 году.

²⁵⁷ Лев эхад – букв. «одно сердце» – библейское выражение (Эзра, 11:19), провозглашающее единство народа.

²⁵⁸ Подробно о деятельности радиостанции см. статью (ההגנה) _קול_ _ישראל_ [51].

щался, чтобы послушать передачу. Вот только охранники не знали меня в лицо и, видя перед началом передачи одного и того же человека, заподозрили недоброе. Однажды чутьё подсказало мне: окружают. Быстро ретировался в свой офис. Сквозь жалюзи увидел, как один человек (явно из наших охранников) прошёл вслед за мной в подъезд. Послышался шорох возле двери. Всё ясно: прочёл имя на табличке, чтобы передать кому следует. Видимо, передал, потому что охрана радиостанции перестала на меня реагировать.

Мои соседи – подпольщики Нафтали и Алишва Ригер

Как-то раз, примерно через час после передачи, спускается к нам Алишва, страшно взволнованная.

– Там британцы в машине с пеленгаторами!

– Где?

– Говорят, едут по Сдерот Ротшильд.

– Погоди, но передача-то уже закончилась.

– А если они раньше запеленговали?

У нас была инструкция: в случае крайней опасности незаметно оставить чемоданы в магазине, где всегда много народу. Пусть потом ищут, кто их принёс.

– Ладно. Я пойду погляжу. Если свернут в нашу сторону, а потом пересекут улицу Ахат-ха-Ам, я тут же возвращаюсь, хватаем чемоданы и уходим.

Вышел. Смотрю – точно: машина с пеленгатором уже заворачивает на Бен-Цион, по направлению к нашей улице. Ну, думаю, всё!

Пеленгатор подъезжает к Ахад-ха-Ам и замедляет ход. Что дальше? Пойдёт вперёд? Машина постояла немного – видимо для того, чтобы пощекотать мне нервы, и... свернула налево, прочь от нашей улицы. Поглядел я ей вслед и помчался домой успокоить Алишву.

Член Кнессета, лидер партии «Моледет» Рехавам Зеэви²⁵⁹ активно продвигает идею трансфера, то есть переселения арабов Израиля и контролируемых территорий в арабские страны. Он опирается на примеры таких переселений в Греции и Турции. В последнее время активно муссируется мысль о том, что основатели нашего государства в своё время поддерживали идею трансфера. Не могу не вспомнить, что говорил по этому поводу один из них, Моше Шарет, наш первый министр иностранных дел и второй (после Бен-Гуриона) премьер-министр.

Командование решило организовать лекцию Шарета для офицеров «Хаганы». Попросили его рассказать о планах будущего политического устройства еврейского государства. Вначале послали приглашения только командирам. Получилось примерно полсотни человек. Но послушать такую лекцию многим хотелось. Пришлось нашему руководству приглашать и других функционеров, несмотря на конфиденциальность темы. Увидев аудиторию человек в триста, Шарет просто опешил и немного растерянно посмотрел на нас, его сопровождавших.

– Это что же я им скажу?

Действительно, то, что он приготовился сказать узкому кругу политических сторонников, не следовало рассказывать всем. Пришлось ему – к нашему неудовольствию – перестраиваться на ходу. Говорил Шарет часа два. Всё это было очень интересно, но совсем не то, что мы от него ожидали. Когда начали задавать вопросы, один из слушателей, решительный молодой парень, спросил:

– А почему бы не сделать так: отправить всех арабов в арабские страны, а их посёлки отдать евреям?

Шарет даже вздрогнул и почти закричал:

– Господь с вами! Мы создаём достойное государство для всех живущих здесь. Помните, когда к нам приезжала комиссия Симпсона, они написали в отчёте, что в стране нет места даже для но-

²⁵⁹ Рехавам Зеэви (1926 – 2001) – политик, генерал-майор запаса, основатель и председатель правой партии «Моледет». Застрелен арабскими террористами в Иерусалиме.

вой кошки, и предложили запретить алию? Мы заявляем: место есть для всех!

29 ноября 1947 года Организация Объединённых Наций приняла решение о завершении британского мандата и о создании новых государств: еврейского и арабского. Евреи всего мира ликовали. Мимо моего дома шли тысячи людей с пением и плясками. У нас будет своё государство!

Я не принимал участия в этом всеобщем празднике. На душе было тревожно: я предугадывал, что нас ждёт нелёгкое время, что впереди большое кровопролитие. Это понимал не только я.

На следующее утро мне позвонил владелец кинотеатра «Эдисон» в Иерусалиме, приехавший в Тель-Авив по делам бизнеса. Интересовался, сможет ли вернуться домой без особого риска. Может, стоит переждать? Я посоветовал выехать в Иерусалим немедленно. Знал, что арабы не успеют организовать за один день, но уже завтра можно ожидать чего угодно. Действительно, уже через сутки начались столкновения. Арабские формирования начали отрезать Иерусалим от остальной территории, а позднее взяли под контроль дороги между Иерусалимом и Тель-Авивом.

Скептически относился к будущему новых государств Верховный комиссар Палестины Алан Каннингем. (Здесь, возможно, сказалось его недовольство решением ООН.) Первого декабря он холодно принял Бен-Гуриона в правительственном здании Иерусалима, встретив его словами: «Полагаю, вы довольны этой резолюцией»²⁶⁰. Через несколько дней Каннингем представил правительству Великобритании свой прогноз развития событий. Он предсказывал, что в результате разгорающейся войны вся территория будет поделена между Египтом, Сирией и Трансиорданией.

7 декабря от командования поступило сообщение, что мы теперь должны быть в боевой готовности двадцать четыре часа в сутки. Никто не возражал. Каждый продолжал работать на своём месте, будучи готовым в любой момент прервать свои дела и выехать на задание.

²⁶⁰ [5], p.296.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Я не стану подробно рассказывать о событиях этой войны: о ней очень много написано. К тому же я не принимал непосредственного участия в боевых действиях. Так что поделюсь лишь своими впечатлениями²⁶¹.

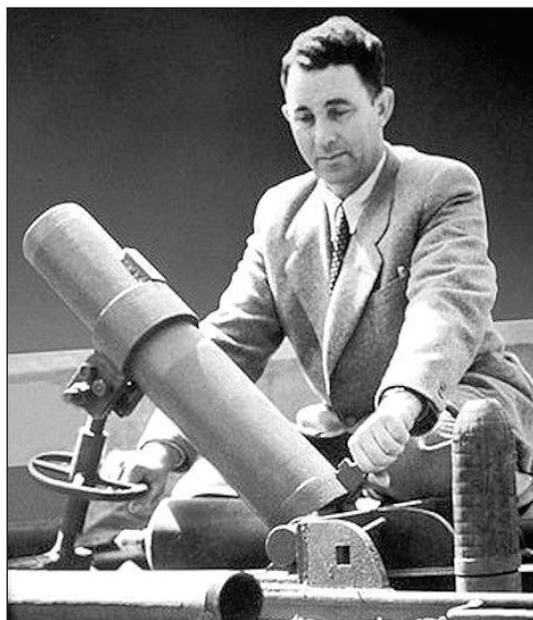
Всю зиму и весну продолжалась первая фаза Войны за независимость (эту начальную стадию теперь принято называть гражданской войной). Бои шли нешуточные. Англичане готовились к эвакуации и предпочитали не вмешиваться, а некоторые из них даже помогали арабам в этой войне. Главной проблемой была нехватка оружия. Командование пыталось закупить вооружение где только можно. Даже у покидающих Страну англичан умудрялись покупать танки.

Еврейскую изобретательность в деле создания оружия из обыкновенных железяк олицетворял миномёт «Давидка». Есть по крайней мере две версии происхождения его названия. Во-первых, его разработал инженер по имени Давид Лейбович. Во-вторых, это небольшое орудие швыряло свои снаряды в наступающего противника подобно Давиду, убившему великана Голиафа камнем из своей пращи. Лейбович, как и я, сибиряк, учился в Томском технологическом институте. Когда начались гонения на сионизм и аресты сионистов, Давида исключили из института, а позднее призвали в армию, откуда он дезертировал и (с помощью Екатерины Пешковой, бывшей жены Горького) сумел отплыть в Страну. Квартира Лейбовичей была как раз над нашей. Когда мы встречались на лестничной площадке, он весело улыбался и поднимал руки с растопыренными пальцами, показывая, сколько разрывов будет сегодня вечером.

Ствол миномёта Лейбовича делался из обрезка канализационной трубы. Его укрепляли на тяжелой станине, которую, как и всё остальное, изготавливали в обычной слесарной мастерской. Снарядами служили сорокакилограммовые банки, набитые гвоздями, кусочками металла и даже камнями. Диаметр такой банки больше диаметра ствола, и закладывали её не в сам ствол, а в широкую насадку на нем. Всего изготовили шесть «Давидок» – по два миномёта на бригаду. Понятно, что при такой конструкции

²⁶¹ Желаящих побольше узнать о ходе и перипетиях этой войны отсылаю к замечательной книге Штереншиса [15], гл. 4 и 5.

миномёт был не столько оружием поражения, сколько орудием устрашения. Снаряд летел куда придётся – хорошо ещё, что не в сторону наших собственных позиций. Зато с задачей устрашения орудие справлялось прекрасно. Жителей еврейских поселений, в которых применяли «Давидку», предупреждали, чтобы открывали все окна: иначе разобьёт ударной волной. Впервые оглушительные разрывы снарядов «Давидки» прозвучали в марте, в арабском посёлке Абу-Кабир, что стоял к югу от нашего города, на дороге в Иерусалим. Говорят, что звуки разрывов слышали даже в Газе. Защитники посёлка разбежались, бригада Пальмаха вошла в него, а бои покатались дальше. Эстер сильно вздрагивала при каждом взрыве, а потом и вовсе убежала на север города, к родственникам, решив, что там выстрелы «Давидки» будут менее слышны. На следующий день вернулась: на открытом пространстве северной части Тель-Авива взрывы звучали даже более устрашающе.

**Инженер Давид Лейбович
со своим минометом**

В мае «Давидка» отличился при взятии Цфата. Небо над арабскими укреплениями треснуло от чудовищного воя. Затем последовал взрыв, высоко поднявший целую тучу пыли, песка и щебня. Потом снова вой и удар. «Атомный взрыв!» – закричал кто-то из защитников. Крик подхватили другие. И как раз в этот момент пошёл дождь, редкий в это время года даже на севере. Наши противники, уже не сомневаясь, что дождь радиоактивный, оставили позиции и кинулись прочь из города. Они ведь были уверены, что атомная бомба – «дело рук евреев». Не поручусь за достоверность этого рассказа, но то, что «Давидка» палил по арабам, после чего цитадель была взята, – это исторический факт.

Теперь миномёт моего соседа Давида Лейбовича превратился в символ нашей борьбы за независимость. Он стал частью монументов в Иерусалиме и Цфате. Площадь Свободы (Кикар-ха-Хейрут) в Иерусалиме, где стоит монумент, жители называют площадью «Давидки».

14 мая 1948 года, за несколько часов до окончания действия мандата, в здании музея на бульваре Ротшильда Бен-Гурион объявил о создании еврейского государства. На следующий день началось вторжение семи арабских государств на территорию Страны. Война вступила в новую фазу.

16 мая в шесть утра я собрал своё отделение напротив нашего дома на улице Варбург. Мы выходили на патрулирование. Тут раздались сильные взрывы: это был первый налёт египетской авиации на Тель-Авив. Мы встревоженно переглянулись, но расходиться не стали: в конце концов никто ведь не отменял приказа. Подъехал автобус, и нас повезли к местам дислокации. Уж на что я знаю свой город и его окрестности, но тут даже я запутался, такими закоулками нас везли. Карту составляли по последним разведанным. А ещё выдали нам небольшой альбом с фотографиями британских полицейских. Видимо, занялись зачисткой после ухода англичан. Каждая фотография сопровождалась весьма конкретным указанием: «Застрелить на месте», «Препроводить в главный штаб», «Оказывать всевозможную помощь. Он наш». Эти инструкции меня не особенно вдохновили. В любом случае я никого не собирался расстреливать. Обошлось. За всё время патрулирования не встретился ни один из персонажей альбомчика...

**Иерусалим. Монумент
на площади Кикар-ха-Хейрут**

Бомбардировки Тель-Авива и окрестных городов продолжались. Они не причиняли таких страшных потерь и разрушений, как те итальянские, времён мировой войны, но хлопот доставляли предостаточно. Наша Гражданская оборона работала непрерывно. Больше всех не любил воздушные налёты новый житель нашей квартиры пёсик Ра. Так мы назвали его не в честь египетского бога, а в память о нашей Аре. Ра был подкидышем и появился у нас года за полтора до того. Однажды утром я открыл входную дверь и обнаружил за нею щенка. Тот доверчиво смотрел на меня и явно не собирался никуда уходить. Пришлось впустить его в дом, накормить и оставить. Я даже удивился, как сильно он походил на нашу Ару: немецкая овчарка с чёрной спинкой и песочного цвета лапами. Каждый день я ходил в солдатскую столовую, и мне давали там остатки еды. Ра, как и полагается настоящей овчарке, плотно ел один раз в день. Он был замечательным «домашним радаром». За несколько минут до того, как кто-нибудь замечал вражеские самолёты, он начинал немножко подвывать и искал, где бы укрыться. И тогда мы могли быть уверены, что скоро взвоят сирена и, возможно, будет бомбёжка. Вскоре случилась история, показавшая, что на прогнозы пёсика действительно можно полагаться.

При угрозе воздушного нападения наш центр Гражданской обороны подавал сигнал «цагòв» («жёлтый»), означавший «приготовиться», а в случае тревоги – «адом» («красный»). Как-то случилось, что пёсик неожиданно заскулил и забился в угол, под этажерку, а никакого сигнала от наших не последовало. Я напрягся. Через минуту близнецы закричали: «Папа! Самолёты слышно!» Они в детстве были очень чуткими ребятами. Тут и я не столько услышал, сколько почувствовал далёкий шум в небе. Тут же позвонил в центр и закричал: «Адом! Адом!» По всему городу разнёсся звук сирен, и на его фоне раздался телефонный звонок. Командующий весьма рассержен.

– На каком основании вы объявили тревогу? Мы не получали никаких предупреждений от армии.

Я не успел и рта раскрыть, как раздались взрывы. Это вражеские самолёты сбросили бомбы на Бат-Ям.

– Вот на таком основании, товарищ командующий.

На этом разговор закончился.

Все знают трогательную песню «Баб-ель-Вад» – об отважных бойцах, ведущих конвои грузовиков в осаждённый Иерусалим. Этот участок дороги между двумя скалистыми хребтами, Иерусалимский коридор, арабские силы взяли под контроль ещё при англичанах. Полная блокада города должна была оставить жителей нашей древней столицы без пищи и без воды. Силы Пальмаха пытались вернуть этот участок дороги, и в районе Баб-ель-Вад (на иврите это место называется Шаар ха-Гай) шли крайне тяжёлые бои между Пальмахом и Арабским легионом. Иерусалим надо было спасать.

За считанные дни нашим дорожным инженерам и рабочим удалось проложить дорогу в обход Шаар ха-Гай и Латруна, где продолжались интенсивные обстрелы. Это шоссе назвали Дерех Бурма (Дорога Бирмы) в память о пути, которым американцы доставляли помощь блокированному Китаю во время Второй мировой войны. И вот грузы для осаждённых иерусалимцев пошли из Тель-Авива по новой дороге.

Наступил праздник Шавуот. Нарядно одетые люди молились в синагогах или просто гуляли по городским улицам. И тут я получил приказ мобилизовать тысячу человек из организации Гражданской обороны. Задавать вопросы было некогда: до назначенного времени оставалось два часа. Собрались по цепочке, и нас

перевезли к тому месту, где Дерех Бурма заканчивалась. Дело в том, что она ещё не достигала до того места на шоссе, откуда открывался свободный проезд к Иерусалиму. Дальше шла наклонная грунтовка, которую грузовики не могли преодолеть. Когда нас высадили возле неё, мы всё поняли. В отдалении, возле шоссе, стояли грузовые машины, пришедшие из Иерусалима, чтобы забрать то, что привёз конвой. Вот тут и вступили в дело наши ребята. Непрерывная цепочка новоиспечённых грузчиков бежала от наших грузовиков к иерусалимским и обратно. Мешки с мукой, канистры с маслом и горючим, оружие взваливаются на спины – на праздничные одежды. Через несколько часов мы отправились назад в Тель-Авив, перепачканные, потрёпанные, уставшие и счастливые. С нашей помощью груз дойдёт до осаждённого Иерусалима.

Положение на фронтах тяжёлое. Тель-Авив под угрозой. Меня назначили руководителем строительства укреплений округа. Укрепления – это не только загородные щели, окопы, валы и противотанковые надолбы. Приходилось и в городе строить.

С минарета главной мечети Яффо арабы могли простреливать Тель-Авив. Иду как-то с киносеанса и слышу свист пули возле уха. И тут же – звон разбитого стекла. Смотрю: прямо передо мной – открытое окно парикмахерской, а за ним ошарашенные клиенты и парикмахеры. Пуля вдребезги разбила зеркало, перед которым сидел клиент.

Помню, как пуля с минарета угодила в стекло дома на улице Шолом-Алейхем. Колыбель, стоявшую возле окна, засыпало осколками, а лежащий в ней младенец остался невредим.

Руководство округа решило построить защитную стену между Тель-Авивом и Яффо, вдоль улицы Яркон. Нужны добровольцы. И тут приходит командир Шестой бригады.

– Я собрал людей, а работать вызвалось несколько человек. Остальные не хотят: суббота.

Приезжаю в Шестую бригаду. Гул голосов слышен издалека. Сотни людей собрались. Вышел я, объяснил ситуацию. Так мол и так, каждый день прилетают пули. Если не построить заградительную стену, то непременно будут жертвы.

– Добровольцы будут работать под руководством профессиональных строителей. Я иду. Кто хочет присоединиться?

Вызвались почти все.

Объявили о призыве всех жителей до 48 лет на строительство укреплений. Забирали на три дня, и таких призывов было четыре подряд. Тот, кто не мог выйти на работу, вносил четыре с половиной лиры в уплату за работавшего вместо него.

Мой офис превратился теперь в штаб строительства. Я передал три комнаты Министерству обороны. Получилось удобно: люди входили через одну дверь, записывались, уточняли даты и выходили через другую без всякой толкотни. В моей студии теперь был пункт Гражданской обороны, где наши люди дежурили круглые сутки. Инженерные части Армии обороны определяли участки, на которых надо строить укрепления. Мобилизованные собирались утром возле нашего дома, потом – под руководством офицеров ЦАХАЛЬ – садились в автобусы и ехали на строительство. Работали до пяти вечера.

Вскоре ко мне стали поступать жалобы. Наша армия продвигалась, и линия укреплений отодвинулась от города так далеко, что полдня уходило только на дорогу туда и обратно, тогда как сама работа занимала считанные часы. На это я отвечал, что всей душой желаю, чтобы линия укреплений отодвинулась ещё дальше. Жалобы тут же прекратились.

Все мужчины до сорока восьми лет подлежали немедленной мобилизации в армию. Люди получали мобилизационные предписания: красная карточка извещала о полной, а белая – о частичной мобилизации. Мне уже перевалило за пятьдесят, но скоро и я получил красную карточку. Дело в том, что Бен-Гурион отдал приказ о призыве в ЦАХАЛЬ всех командиров Хаганы независимо от возраста.

И вновь скажу: терпеть не могу бюрократию с присущей ей неразберихой, а в армии таковой не меньше, чем в других сферах. Выкроил я свободный часок и отправился на призыв, в школу, где разместили и призывной пункт, и медкомиссию. Я в военной форме, поэтому внутрь прохожу беспрепятственно. Послеобеденный призыв должен начаться в четыре. Жду. Время идёт. Уж скоро и возвращаться на свой пост пора. Я ведь не только строительством укреплений заведовал, но был ещё и командиром обороны нашего района. Подхожу к дежурному:

– Почему не начинают призыв?

Видимо, говорил я достаточно властно. Дежурный прошёл в соседнюю комнату – и тут же появляются и врачи, и армейские

служащие. Раздели, осмотрели, прослушали сердце и лёгкие – всё нормально. Молодая солдатка заполняет мою анкету.

– Год рождения?

– Девяносто седьмой.

Удивлённо смотрит на меня, потом заявляет:

– Адони²⁶², вы подлежите частичной мобилизации.

Частичная так частичная. Какая мне разница, если всё равно приходится крутиться по двадцать четыре часа в сутки? Война есть война. Беру у солдатки белую карточку и возвращаюсь на пост. В тот же день связываюсь с командиром округа. Так мол и так, прошёл призыв.

– Знаешь что, – говорит он, – оставайся и продолжай работать как работал. Больше проку будет, чем от ещё одного офицера в армии.

Десятого марта 1949 года войска ЦАХАЛЬ заняли Эйлат, самый южный пункт на карте нашего молодого государства. А тридцать первого марта я получил уведомление о демобилизации и почётный знак штаба Тель-Авивского округа: «В знак признательности за самоотверженную работу по организации строительства укреплений».

Война за независимость закончилась.

²⁶² Адонй – господин. (Ивр.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Давид Сеглевич – псевдоним; подлинное имя: Александр Рудкевич (Alexander Rudkevich).

Публикации:

Александр Рудкевич. Стихи. Литературно-художественный журнал «Новый свет», № 4, 2022.

Давид Сеглевич. Из Питера Хейна. Переводы с английского. В сб. «Чайка», № 14, 2023.

Давид Сеглевич. Стихи. В сб. «Год поэзии – 2022». Киев, Друкарський двір Олега Федорова, 2023.

Давид Сеглевич. Убийство Ленина. Рассказ. «Литературный европеец», № 300, 2023.

Давид Сеглевич. Десять дней спустя. Рассказ. «Литературный европеец», № 299, 2023.

Давид Сеглевич. Семенкин и Семенкер. Рассказ. «Литературный европеец», № 293, 2022.

Давид Сеглевич. Почём северный полюс? Рассказ. В сб. «Млечный путь», выпуск 2 (39), 2022. Иерусалим.

Давид Сеглевич. Микророманы. – Интернет-журнал «Чайка», апрель 2022. <https://www.chayka.org/node/13013>

Давид Сеглевич. Маленькие шедевры Огдена Нэша (переводы с английского). Интернет-журнал «Новый континент», август, 2022. <https://nkcontinent.com/david-seglevich/>

Давид Сеглевич. Алло. Рассказ. «Литературный европеец», № 286, 2021.

Давид Сеглевич. Камертон. Рассказ. «Литературный европеец», № 285, 2021.

Давид Сеглевич. Груки Пита Хейна. Из переводов с английского. Интернет-журнал «Чайка», февраль 2022. <https://www.chayka.org/node/12859>

Давид Сеглевич. Отпечаток лапы. Рассказ. Интернет-журнал «Новый континент», ноябрь, 2020. <https://nkcontinent.com/david-seglevich/>

Давид Сеглевич. Сеглевич против Стейнбека. Очерк. В сб. «Я родом из XX века», Ульяновск, 2017.

Давид Сеглевич. Стихи. Литературно-художественный журнал «Новый свет». <http://litsvet.com/index.php/поэзия/223-давид-сеглевич-стихи>

Давид Сеглевич. Выбор. Рассказ. В сб. «Млечный путь», выпуск 1, 2016. Иерусалим.

Давид Сеглевич. Мировой заговор. Рассказ. В сб. «Млечный путь», выпуск 1, 2014. Иерусалим.

Давид Сеглевич. Фрида. Рассказ. В сб. «Проходящий поезд», Баку, 2010.

Давид Сеглевич. Занзибар. Рассказ. – Литературно-художественный альманах «Альбион», Лондон, 2008.

Давид Сеглевич. Полукровка. Рассказ. АРІА – Газета Международного союза литераторов и журналистов, январь 2008.

Давид Сеглевич. Смена веков. Сборник рассказов и эссе. «Издательские решения. Rideró», 2019.

Давид Сеглевич. Вдруг вспомнилось. Повесть. «Издательские решения. Rideró», 2018.

Контакты:

Почтовый адрес: Alexander Rudkevich, 7420 Bathurst St., apt. 1704, Thornhill, Ontario, L4J6X4, Canada

Email: arudkev@gmail.com

Моб. тел.: +1-647-283-1165

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. https://he.wikipedia.org/wiki/ירושלים_סגל
2. סגל ירושלים/ זכרונות. ירושלים בתל-אביב – הסרט העברי בע"ם, ירושלים, בעריכת: יעקב גרוס, 1993.
3. М. О. Гершензон. Судьбы еврейского народа. – Берлин, «Эпоха», 1922.
4. Alex Bein. Theodore Herzl. – Philadelphia, 1957.
5. Howard M. Sachar. A History of Israel from the Rise of Zionism to Our Time. – NY, 2006.
6. Восстание декабристов. Документы. – Госполитиздат, 1958 г., том VII.
7. Ам Исраэль хай 61. Ортодоксальная оппозиция сионизму. https://toldot.ru/articles/articles_23432.html.
8. Возрождение языка. The Jewish Agency for Israel. <http://archive.jewishagency.org/ru/hebrew-fsu/program/39776>
9. Manya Shochat. https://en.wikipedia.org/wiki/Manya_Shochat
10. Declaration of Establishment of State of Israel. Israel Ministry of Foreign Affairs.
11. History of the Jewish Community of Grodno. <https://www.jewishgen.org/yizkor/grodno/gro158.html>
12. Véronique Nahoum-Grappe (2002). «The anthropology of extreme violence: the crime of desecration». International Social Science Journal. 54 (174).
13. נחום גוטמן. עיר קטנה ואנשים בה מעט. תל-אביב, 1959
14. בן-ציון מיכאלי. החוות החקלאיות. תל-אביב, 1977
15. М. Штереншис. История государства Израиль. 1896-2005. Герцлия, Исрадон, 2005.
16. Александр Ласкин. Мой друг Трумпельдор. – «Книжник», 2017.
17. Ari Shavit. My Promised Land. The Triumph and Tragedy of Israel. New York, 2013.
18. בורה עומר. שרה, גיבורת ניל"י. "שרברק", 1967
19. Smuel Katz. The Aaronsohn Saga. Gefen Publishing House Ltd, 2007.
20. James Srodes. Spies in Palestine. Love, Betrayal and the Heroic Life of Sarah Aaronsohn. NY, 2016.
21. Chaim Herzog. Heroes of Israel: Profiles of Jewish Courage. Little Brown & Co, 1989.
22. Шалев М. Голубь и мальчик / Пер. с ивр. Р. Нудельмана, А. Фурман. – М.: Текст, 2008.
23. Yosef Lishansky. https://en.wikipedia.org/wiki/Yosef_Lishansky
24. НИЛИ. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нили>
25. 101 годовщина битвы за Беэр-Шеву. <https://dona-anna.livejournal.com/983530.html>
26. Yiddish Leksikon: MOYSHE STAVSKI (MOSHE STAVI) (yleksikon.blogspot.com)
27. J.H.Patterson. With The Zionists in Gallipoli. – Lucknow Books, 2014.
28. Э. Элазари, И. Афек. История еврейского национального движения 1914-1949. Библиотека-Алия, 1996.
29. M.Keren, S.Keren. We are Coming, Unafraid. The Jewish Legions and

- the Promised Land in the First World War. – Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2010.
30. Владимир (Зевэ) Жаботинский. Повесть моих дней. – Библиотека Алия, 1989.
31. Masha Kirasirova. Charlotte Rosenthal: An Egyptian Communist Family Romance. In: *The Wider Arc of Revolution*. Slavica Publishers, 2018.
32. Борис Брестовицкий. Свой среди чужих, друг среди врагов. Исрагео, 16.06.2020.
33. Amy Kronish, Edith Falk. *The Nathan Axelrod Collection: Moledet Productions 1927-1934 : Carmel Newsreels, Series I 1935-1948* – Fairleigh Dickinson Univ Pr, 1994.
34. Александр Пэнн: Русский классик ивритской литературы. – https://lamerkhav.livejournal.com/386796.html?utm_source=3userpost.
35. Daniel Persky: Slave to the Hebrew Language. *The Forgotten Men: American Hebraism, Part Two*. – Hollander Books Blog, April 7, 2016.
36. Maurice Samuel. *What Happened in Palestine: The Events of August, 1929, Their Background and Their Significance (Classic Reprint)* – Fb&c Ltd, 2018.
37. Shaw Commission (1930), *Cmd. 3530, Report of the Commission on the disturbances of August 1929*, UK National Archives.
38. Havlagah. Wikipedia. – <https://en.wikipedia.org/wiki/Havlagah>.
39. Paul Johnson. *A History of the Jews*. – Phoenix Press, 2001.
40. Leon Uris. *Exodus*. – Bantam Books, 1986.
41. Benny Morris. *Righteous Victims. A History of the Zionist-Arab Conflict. 1881-2001*. – Vintage Books, NY, 2001.
42. אהרן חוטר-ישי. עורך-דין ההגנה מספר. – גשר 1988
43. חיימ אלפרין – ויקיפדיה – https://he.wikipedia.org/wiki/חיימ_אלפרין
44. https://www.ushmm.org/online/hsv/source_view.php?SourceId=19551
45. *The Jewish National Home. The Second November/Paul Goodman* – ed. – J.M. Dent & Sons Ltd., London, 1943.
46. Яков Басин. Генриетта Сольд и сто лет «Хадасы». – Альманах «Мезуза», 2019, № 8.
47. איתן אבישר. https://he.wikipedia.org/wiki/איתן_אבישר
48. *The Hunting Season*. Jewish Virtual Library. <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-hunting-season>
49. Correspondence of Bracha Fuld/Mordoch, Gabriel; Gertel, Elliot. <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/146787/Mordoch?sequence=1>
50. Thurston Clarke. *By Blood and Fire*. Penguin Adult HC/TR, 1981.
51. [https://he.wikipedia.org/wiki/קול_ישראל_\(הגנהה\)](https://he.wikipedia.org/wiki/קול_ישראל_(הגנהה))

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Ааронсон, Аарон (1876 – 1919) – 224-232
Ааронсон, Александр (1888 – 1948) – 226, 229
Ааронсон, Сара (1890 – 1919) – 224-234
Абдалла I, ибн Хусейн (1882 – 1951) – 52-53, 483
Абдул-Хамид II (1842 – 1918) – 120, 202
Авигдор – см. Косой-Авигдор
Авидар (Рохел), Йосеф (1906 – 1997) – 600
Ависар, Эйтан – см. Фридман, Зигмунд фон
Авнер, Элимелех (Зеликович) – (1897 – 1957) – 68-71, 358, 511
Агадати, Барух (Борис Львович Хушанский, 1895 – 1976) – 424-426, 458-460
Агнон (Чачкес), Шмуль Йосеф (1888 – 1970) – 153
Азимов, Айзек (Исаак Иудович, 1919 – 1992) – 16
Аксельрод, Натан (1905 – 1987) – 417-430, 438, 441, 473, 587
Александр II, Николаевич (1818 – 1881) – 20, 87
Алиагон, Амнуэль (1908 – 1974) – 550-552
Алленби, Эдмунд (1861 – 1936) – 230, 234, 248, 273
Алон, Игаль (Пайкович, 1918 – 1980) – 139-140
Аль-Хусейни, Муса Казим-Паша (1853 – 1934) – 482, 540
Аль-Хусейни, Мухаммад Амин (1895 – 1974) – 315, 482-483, 513, 548
Альберт, Саксен-Кобург Готский (1819 – 1861) – 501
Альдема, Авраам (Эйзенштейн, 1884 – 1963) – 424
Альперин, Хаим (1899 – 1967) – 553
Альтерман, Натан (1910 – 1970) – 432
Аполлинер, Гийом (Костровицкий, 1880 – 1918) – 225
Ататюрк, Мустафа Кемаль (1881 – 1938) – 462
Бар-Натан, Йегуда (1903 – 1989) – 544
Баркай, Шмуэль (1900 – 1983) – 598
Бейлис, Менахем-Мендель Тевьевич (1874 – 1934) – 62
Белкинд, Нааман (1889 – 1917) – 223, 228-230, 232-233, 477
Белкинд, Эйтан (1896 – 1979) – 477-478
Бен-Ави, Итамар (Бен-Йегуда, Бен-Цион, 1882 – 1943) – 106, 462-463
Бен-Гурион, Давид (Давид Йосеф Грин, 1886 – 1973) – 53, 127, 138, 273, 279, 290, 317, 319, 357, 375, 403, 512, 535, 540, 547, 589, 616-617, 624, 625, 628
Бен Заккай, Йоханан (Iв. н.э.) – 74
Бен-Йегуда, Элиэзер (Лейзер-Ицхок Перельман, 1858 – 1922) – 104-106, 462-463
Бен-Цви, Ицхак (Исаак Шимшелевич, 1884 – 1963) – 276-280, 285, 290, 319
Бен-Цви, Рахель Янаит (Голда Лишанская, 1886 – 1979) – 276-280
Брайнин, Рувим (Рубен, 1862 – 1939) – 299
Брамс, Иоганнес (1833 – 1897) – 455
Бялик, Хаим Нахман (1873 – 1934) – 444, 453, 458, 461, 518
Вайнштал, Яков (1891 – 1980) – 535
Валентино, Рудольфо (1895 – 1926) – 470, 472
Вейник, Меир (1855 – 1966) – 286

Вейцман, Мина (1889 – 1925) – 206
Вейцман, Хаим Азриэль (1874 – 1952) – 139-140, 206, 231, 279, 282, 498, 535, 547, 549, 558
Виктория (королева Британии, 1819 – 1901) – 165, 501
Вильбушевич-Шохат, Мария Вульфовна (1879 – 1961) – 123-128, 278
Вильнаи, Зеэв (Вольф Абрамович Виленский, 1900 – 1988) – 379
Вертинский, Александр Николаевич (1889 – 1957) – 457
Вертов, Дзиги (Давид Абелевич Кауфман, 1895 – 1954) – 417
Витте, Сергей Юльевич (1849 – 1915) – 125
Вулли, Чарльз Леонард (1880 – 1960) – 229
Гамильтон, Ян (1873 – 1947) – 272
Георг V (Джордж Фредерик Ернст Альберт, 1865 – 1936) – 441, 501
Герцль, Теодор (1860 – 1904) – 15, 17, 50, 66-67, 95, 104, 109, 150, 278, 312, 453
Гершвин, Джордж (Якоб, 1898 – 1937) – 443
Гехт, Йосеф (1894 – 1970) – 512
Гиллель (75 до н.э. – ок. 5-10 н.э.) – 74
Голинкин, Мордехай (Марк Маркович, 1875 – 1963) – 506-507
Голомб, Элияху (1893 – 1945) – 71, 285, 325, 358-359, 361, 362, 511-512, 617
Гольдберг, Беньямин-Зеэв (1905 – 1929) – 518-519
Гольдберг, Ицхак Лейб (1860 – 1935) – 461, 518
Гордон, Аарон Давид (1856 – 1922) – 154-156, 521
Грин, Генри Грэм (1904 – 1991) – 570
Губерман, Бронислав (1882 – 1947) – 455
Гутман, Нахум (1898 – 1980) – 151, 152, 532
Даян, Моше (Китайгородский, 1915 – 1981) – 315, 589
Дебора-пророчица (12 в. до н.э.) – 130-132
Джемаль-паша, Ахмед (1872 – 1922) – 202-205, 226
Джолсон, Эл (Аса Йозелсон, 1886 – 1950) – 443
Дизенгоф, Меир (Меер Янкелевич, 1861 – 1936) – 216, 217, 233, 553
Диккенс, Чарльз (1812 – 1870) – 406
Дитрих, Марлен (Мария Магдалена, 1901 – 1992) – 466
Дори (Достровский), Яаков (1899 – 1973) – 598
Драйзер, Теодор (1871 – 1945) – 63
Дрейфус, Альфред (1859 – 1935) – 27, 39-40
Есенин, Сергей Александрович (1895 – 1935) – 153, 427, 430
Ефрон, Илья Абрамович (1847 – 1917) – 59
Жаботинский, Владимир Евгеньевич (Зеэв, 1880 – 1940) – 189, 206, 269, 312-313, 316, 372, 534-535, 547, 565
Залман, Элияху бен Шломо (1720 – 1797) – 59
Зеликович, Элимелех – см. Авнер
Зенкевич, Михаил Александрович (1886 – 1973) – 431
Зеэви, Рехавам (1926 – 2001) – 624
Золя, Эмиль (1840 – 1902) – 27, 39-40
Зубатов, Сергей Васильевич (1864 – 1917) – 123-125
Игаль, Мордехай (1892 – 1979) – 147-149
Ирод Антипа (20 до н.э. – после 39 н.э.) – 158

Казим-Паша, Муса – см. Аль-Хусейни, Муса Казим-Паша
Каннингем, Алан (1887 – 1983) – 625
Карузо, Энрико (1873 – 1921) – 473
Кац, Ицхак (1901 – 1991) – 458-459
Кацнельсон, Берл (1887 – 1944) – 285, 319
Кенда, Марио (1917 – ?) – 612-614
Китон, Бастер (Джозеф Френсис, 1895-1966) – 400
Корчак, Януш (Эрш Хенрик Гольдшмидт, 1878 – 1942) – 605
Косой-Авигдор, Йехиэль (Александр, Михайлович, 1895 – 1938) – 351-352
Крессенштейн, Кресс фон (1870 – 1948) – 247-249
Кронин, Арчибалд (1896 – 1981) – 570
Куган, Джекки (Джон Лесли, 1914 – 1984) – 388
Лейбович, Давид (1904 – 1969) – 626-628
Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814 – 1841) – 85, 486
Ливне, Цви (1891 – 1985) – 429
Линдер, Макс (Габриэль-Максимилиан Лёвбель, 1883-1925) – 400
Линевич, Николай Петрович (1838 – 1908) – 186
Лишанский, Йосеф (1890 – 1917) – 223, 227-234
Ллойд, Гарольд Клейтон (1893-1971) – 400
Маврогордато, Артур Стивен (1886 – 1964) – 373-374
Магли, Ицхак (1884 – 1941) – 580-581
Маймонид – см. Рамбам
Майснер, Генрих (1862 – 1940) – 120
Макдональд, Джеймс Рамсей (1866 – 1937) – 482
Макдональд, Малькольм Джон (1901 – 1981) – 549
Макдоноу, Джордж (1865 – 1942) – 234
Малер, Густав (1860 – 1911) – 453
Манделькern, Шломо (1846-1902) – 85
Марголин, Моисей Маркович (1862 – 1939) – 312-313
Марголин, Элизер (Лазарь Маркович, 1875 – 1944) – 290, 291, 294, 302, 308, 312-317, 321-322, 324, 372
Маяковский, Владимир Владимирович (1893 – 1930) – 153, 427, 430
Метерлинк, Морис (1862 – 1949) – 574
Минков, Залман (1877 – 1911) – 219-220
Мойн, Уолтер Гиннесс (1880 – 1944) – 590
Мойхер-Сфорим, Менделе (Яков Абрамович, 1835 – 1917) – 579
Моливер (Могилевер, 1824 – 1898), Шмуэль – 165
Монтгомери, Бернард Лоу (1887 – 1976) – 616
Монтефиоре, Мозес Хаим (Моше, 1784 – 1885) – 406-407
Мохика, Хосе (1896 – 1974) – 472-473
Муссолини, Бенито (1883 – 1945) – 506, 535
Мусоргский, Модест Петрович (1839 – 1981) – 447
Муцухито (Мейдзи, император Японии, 1852 – 1912) – 185
Мэри, принцесса (Мария Виктория Александра Алиса, 1897 – 1965) – 440-442
Мюррей, Арчибалд (1860 – 1945) – 230, 248
Негри, Пола (Аполония Халупец, 1897 – 1987) – 470

Нетанияху, Биньямин (р. 1949) – 59
Николай II, Александрович (1868 – 1918) – 186
Новгородцев, Сева (Всеволод Борисович Левенштейн, р. 1940) – 87
Новомайский, Моисей (Моше) Абрамович (1872 – 1961) – 49-53
Пайкович, Реувен Йосеф (1876 – 1962) – 139
Паттерсон, Джон Генри (1867 – 1947) – 270-271, 273
Перский, Даниель (1887 – 1962) – 467-468
Пестель, Павел Иванович (1793 – 1826) – 48
Пикассо, Пабло (1881 – 1973) – 225
Пиль, Уильям Роберт (1867 – 1937) – 547
Пламер, Герберт (1857 – 1932) – 52
Плеве, Вячеслав Константинович (1846 – 1904) – 124-125
По, Эдгар Аллен (1809 – 1849) – 491
Познер, Владимир Владимирович (р. 1934) – 87
Прокофьев, Сергей Сергеевич (1891 – 1953) – 473
Протазанов, Яков Александрович (1881 – 1945) – 417
Пудовкин, Всеволод Илларионович (1893 – 1953) – 417
Путин, Владимир (р.1952) – 437
Пэнн, Александр (Абрам Папликер-Штерн, 1906 – 1972) – 153, 208, 427-432
Разизель, Давид (1910 – 1941) – 589
Рамбам (Моше бен Маймон) – (ок. 1135 – 1204) – 159, 464
Рейнес, Ицхак Яков (1839 – 1915) – 66-67, 71
Ремарк, Эрих Мария (1898 – 1970) – 396
Ригер, Нафтали (1900 – 1971) – 619, 622-623
Рид, Кэрол (1906 – 1976) – 570
Ровина, Хана (1892 (1893?) – 1980) – 431
Розенталь, Иосиф (1872 – 196?) – 348-349, 351-352, 458
Розенталь, Шарлотта (1899 – 196?) – 346-352, 458
Роках, Исраэль (1896 – 1959) – 549, 557
Роммель, Эрвин (1891 – 1944) – 565, 584
Ротшильд, Джеймс Арман (1878 – 1957) – 273
Ротшильд, Эдмон (1845 – 1934) – 47, 51, 126, 154, 165-167, 183, 191, 219, 224, 406
Саладин (1137 – 1193) – 159
Самойлов (Кауфман), Давид Самуилович (1920 – 1990) – 430
Самуэль, Герберт (1870 – 1963) – 366, 501
Сегал, Ерушалаим (1898 – 1993) – 3, 7, 9, 361, 426
Сильвер, Обри (Цви, 1894 – 1945) – 292, 374
Симпсон, Бесси Уоллес (1896 – 1986) – 492
Сисера (Сисра, 12 в. до н.э.) – 131-132
Смилянский, Моше (1874 – 1953) – 285
Снэ, Моше (Мойше Клайнбойм, 1909 – 1972) – 617
Соколов, Нахум (1859 – 1936) – 151
Сольд, Генриетта (1860 – 1945) – 575-577
Ставский, Моше (Стави) (1884 – 1964) – 259
Стирлинг, Уолтер Фрэнсис (1880 – 1958) – 361-362, 365-366

Столыпин, Петр Аркадьевич (1862 – 1911) – 148
Сторс, Рональд (1881 – 1955) – 433-434, 441
Струмза, Иосиф (1888 – 1980) – 184
Сутин, Хаим Соломонович (1893 – 1943) – 225
Табенкин, Ицхак (1888 – 1971) – 146, 149, 153
Талаат-паша, Мехмед (1874 – 1921) – 202, 204
Тиберий, Юлий Цезарь Август (42 до н.э. – 37 н.э.) – 158
Тольковский, Дан (р. 1921) – 367
Тольковский, Шмуэль (1886 – 1965) – 364-367
Тосканини, Артуро (1867 – 1957) – 455
Трумпельдор, Иосиф Вульфович (1880 – 1920) – 184-188, 269, 271, 279, 315, 417, 521, 575
Тюссо, Мария (1761 – 1850) – 501
Фейнберг, Авшалом (1889 – 1917) – 224-230, 234
Фейнберг, Иосиф (1855 – 1902) – 166
Флавий, Иосиф (ок. 37 – ок. 100) – 173
Форд, Генри (1863 – 1947) – 62
Фридман, Зигмунд фон (Эйтан Ависар, 1892 – 1964) – 423, 587-588
Фульд, Браха (Барбара, 1926 – 1946) – 610-613
Фурье, Шарль (1772 – 1837) – 127
Халахми, Хаим (1902 – 1979) – 429
Харит, Иосиф Иудович (1896 – 1985) – 196, 355, 514-515, 517
Хейворт, Рита (Маргарита Кармен Кансино, 1918 – 1987) – 436
Хенкин, Йизекель (1881 – 1916) – 278
Хоз, Дов (1894 – 1940) – 285, 290, 316, 321, 323-327, 337, 357, 358-363, 511-512, 540, 558-559
Чаплин, Чарльз Спенсер (1889 – 1977) – 388, 390, 400, 470
Чейни, Лон (Леонидас Фрэнк, 1883 – 1930) – 433
Чемберлен, Невилл (1869 – 1940) – 6548, 553, 589
Черниховский, Шауль (Саул Гутманович, 1875 – 1943) – 453
Черчилль, Уинстон (1874 – 1965) – 270, 482, 501, 547-548
Шалапин, Федор Иванович (1873 – 1938) – 453-454, 473
Шамиссо, Адельберт фон (1781 – 1838) – 410
Шапиро, Авраам (1855 – 1902) – 167
Шарет (Черток), Моше (1894 – 1965) – 327, 624-625
Шарон (Шейерман), Ариэль (1928 – 2014) – 622
Шитрит, Бехор-Шалом (1895 – 1967) – 521-523, 528, 531
Шолом-Алейхем (Шолом Нохумович Рабинович, 1859 – 1916) – 98, 107
Шостакович, Дмитрий Дмитриевич (1906 – 1975) – 443
Шохат, Исраэль (1886 – 1961) – 127-129, 146, 211, 229, 278-279, 357
Шохат, Маня – см. Вильбушевич-Шохат
Штерн, Авраам (1907 – 1942) – 565
Штраус, Натан (1848 – 1931) – 437
Шуберт, Франц (Франц Петер, 1797 – 1828) – 467
Эггерт, Марта (1912 – 2013) – 467
Эдуард VIII (1894 – 1972) – 492

Эйзенштейн, Авраам – см. Альдема, Авраам
Эйзенштейн, Сергей Михайлович (1898 – 1948) – 417, 525
Эйнштейн, Альберт (1879 – 1955) – 16, 279, 455, 538
Эйхман, Отто Адольф (1906 – 1962) – 414
Элиот, Джордж (1819 – 1870) – 406
Энвер-паша, Исмаил (1881 – 1922) – 202, 204
Эшколь, Леви (1895 – 1969) – 285
Явин (12 в. до н.э.) – 131

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Часть 1

Теодор Герцль. 1897

Иркутск. С рисунка второй половины 19-го в.

Сионистский шекель

Моше Новомайский

На Мёртвом море

Ellis Island. В зале Национального музея иммиграции США

Экспозиция из музея иммиграции

Генерал Авнер

Е. Сегал. Карманная Конкорданция к Танаху

Элиэзер Бен-Йегуда. 1905

Пароход «Император Николай II», уже переименованный в «Ильич», 20-е годы

Часть 2

Железные дороги провинции Палестина перед Первой мировой войной

Сергей Зубатов

Маня Шохат

Израэль Шохат

Изреельская долина

Пророчица Дебора. С гравюры Гюстава Доре

Кфар-Тавор. Памятник охранним отрядам организации Ха-Шомер

Мерхавия. 1913

Ицхак Табенкин

Тель-Авив. 1910. Рисунок Н. Гутмана

Озеро Кинерет

Моя Галилея

Аарон Давид Гордон

Василий Поленов. Тивериада. 1881

Визит барона Ротшильда. 1914

Возвращение с поля

Пахота

Иосиф Трумпельдор. 1904

Бейт-Ган

Бедуинка в национальной одежде

Ахмед Джемаль-паша

Правосудие свершилось

Косьба

Сара и Авшалом

Йосеф Лишанский

Казнь Белкинда и Лишанского

Сара Ааронсон

Могилы Сары

Гедера (ок. 1899)

Кресс фон Крессенштейн, 1916

Часть 3

Рахель Янаит и Ицхак Бен-Цви перед Первой мировой войной
Президент Бен-Цви с супругой. Начало 1960-х
Хайм Вейцман с Альбертом Эйнштейном
Медаль «Освобождённая Иудея»
Отъезд добровольцев
Лейтенант Спарлинг и два ефрейтора из его взвода. 1918
В лагере Легиона. 1918
Командир Элизер Марголин
Могилы Э. Марголина в Реховоте
Самодельная открытка от солдат Еврейского легиона на Рош-а-Шана. 1919
На стрельбах. Слева направо: Ерушалаим Сегал, капитан Леви, Дов Хоз, Иона
Трифон, сержант Горбан. 1920
Элиягу Голомб на посту
Шмуэль Тольковский (в штатском) с начальником связи
Дом Еврейского легиона в Авихаиле

Часть 4

Чарли Чаплин и Джекки Куган в фильме «Малыш»
Казино Галей-Авив
Натан Аксельрод
Улица Аксельрода
Ансамбль «Мататей» на съёмках пуримшипя. Третий справа
во втором ряду – Натан Аксельрод, четвертый – Барух Агадати, пятый – Еру-
шалаим Сегал
Наша первая камера. 1927
Пуримшипиль. 1930
Александр Пэнн
Мордехай Голинкин
Афиша первого представления «Травиаты». 1923
Даниель Перский. Рисунок из [35]
Афиша Хосе Мохика. 1933
Хосе Мохика с детсадовцами Тель-Авива

Часть 5

Иосиф и Цвия Харит. 1924
Бехор-Шалом Шитрит
Хаим Альперин в музее. 1960
Tiger Hill в Хайфе
После бомбёжки. 1941
Генриетта Сольд
Ицхак Магли
Эйтан Ависар
Браха Фульд
Улица Брахи Фульд
Нафтали и Алишва Ригер
Давид Лейбович со своим миномётом
Иерусалим. Монумент на площади Кикар-ха-Хейрут

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
Вступление	11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Иркутск – Хайфа

Начало	15
Иркутск	18
Путь в Сибирь	20
Семья	24
А в это время	27
Школа	29
Прокламация	31
Погромы	34
Разные народы	35
Иркутские морозы	37
Угарный газ	39
Праздники	41
Невзгоды	45
Сионизм	47
Новомайский	50
Высылка	54
В Литву	56
Вильно	59
Америка	62
Мои ешивы	65
Генерал Авнер	69
Субботние трапезы	72
Бесплатный обед	76
Уцяны	78
Проказы и рассказы	81
Виленские новости	85
Есть хочется	89
Клёцк	91
Кронштадт	93
Работаю	100
Кино и иврит	103
Расставание с Вильно	107
Мама	111
Восхождение	113

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Халуцим

В Хайфе	119
В Афулу	120
Маня Шохат	123
Босяк	129
Изреельская долина	130
Месха	133
Работа и лихорадка	135
Люди Кфар-Тавора	139
В Мерхавию	142
Табенкин и другие	145
Город на дюнах	150
Кинерет	153
Мицпа и Тверия	158
Свадьбы	162
Барон Ротшильд	165
Иктан, Зереш и другие	168
Война, компот и работа	170
Галилейские будни	173
Стычки	177
Вода из родника Кадури	180
Трумпельдор и другие	183
Подданные враждебной державы	189
Ферма в Бейт-Гане	193
Меня охраняет Цви	198
Принудительные работы	201
Второй военный год	206
Неудавшийся роман	210
Изгнание из Тель-Авива	216
В Гуш-Дан	219
Повешены в Дамаске	223
Жизнь в Гедере	235
Наши арабские соседи	235
Перст судьбы	237
Лисы в винограднике	239
Проказы	240
Дезертиры	242
В женском платье	243
Фронт приближается	247
Освобождение	250
Англичане в Гедере	256
Большая драка	259
Вступаю в Еврейский легион	265

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Еврейский легион

Отряд погонщиков мулов	269
Батальоны	273
Бен-Цви и другие	276
Полк выступает в Египет	281
В пустыне	284
Проблемы и конфликты	289
Свирепый арестант	294
В охране	297
Развлечения на берегу канала	301
Отношения обостряются	304
Турецкие пленные	309
Командир Элиэзер Марголин	312
Самоволки	318
Дов Хоз и другие	323
Недосягаемые	328
Мистер Хайкс и другие физкультурники	331
Ранен в Тулькарме	335
В госпиталях	338
Общая больница № 19	341
Шарлотта и коммунизм	346
Разгон демонстрации	353
Снова в полку	355
На стрельбах	358
Начальник связи	364
Тактики и стратеги	368
Демобилизация	372

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Кинематограф

Возвращение	379
В поисках работы	380
Делаю карьеру	384
Первые шаги в кинематографии	387
Казино Галей-Авив	392
Британские офицеры в еврейском кафе	394
Мои первые переводы	400
Маленький Тель-Авив двадцатых	403
Фрида	408
Поселковые будни	414
Студия «Моледет»	417
Снимаем рекламу	421

«Поселенец»	426
Борьба с цензурой	433
Снимаем хронику	437
Звуковое кино	443
Новые кинотеатры	447
Развлекаемся	453
Проблемы лингвистики	461
Сеансы, фильмы, киноплёнка	465
В роли детектива	471
Не слишком удачный бизнес	477
Главный враг в роли спасителя	482
Наша недвижимость	484
Отправляюсь в заграничную поездку	490
В Лондоне	494
Лондонские девушки	498
Галопом по Европам	503

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Путь к независимости

Хагана	511
Восстание 1929 года	513
Фильмы комендантского часа	521
Процесс о спиртзаводе	524
Транспортные средства	527
Раскол	534
Побег от гестапо при содействии гестапо	538
Снова арабское восстание	540
Между боями	544
Комиссия Пиля и новая Белая книга	547
Амнуэль прячет оружие	551
Война приближается	553
“Tiger Hill”	557
Ара	562
Бомбят Тель-Авив	565
Война и кино	570
В Тель-Хай с Генриеттой Сольд	575
Война продолжается	578
Снова австралийцы	582
Хагана расширяется	585
Сезон охоты	589
Анекдоты из дома отдыха	592
В должности камкима	598
Учения в дюнах	602
Учебный пункт № 13	605
Ночь «Вингейта»	607

Чёрная суббота	615
Последние месяцы британского мандата	622
Война за независимость	626
Информация об авторе	635
Список источников	637
Указатель имён	639
Список иллюстраций	
Часть 1	645
Часть 2	645
Часть 3	646
Часть 4	646
Часть 5	646

ДАВИД СЕГЛЕВИЧ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОДИНА

**Становление государства Израиль:
свидетельство участника событий**

Документальная повесть

Заведующий редакцией *М. Спивак*
Редактор *А. Кучерский*
Художественный редактор *А. Кондратьева*
Компьютерная верстка *А. Кондратьева*
Дизайн обложки *А. Розин*

ISBN 978-1-998265-30-5

Издательство «Litsvet» (Торонто)

<http://litsvet.com/>
litsvetcanada@gmail.com

2023 г.

Книга построена на обширном (иногда уникальном) документальном материале и повествует о событиях, предшествующих образованию Государства Израиль. О них рассказывает главный герой повести Ерушалаим Сигалов, от лица которого и написана книга. Время действия – с конца 19 века по 1948 год. Главные вехи этого времени – Первая русская революция, две мировых войны, Война за независимость. Читатель узнает о быте еврейских поселенцев, деятельности Еврейского легиона, арабских восстаниях, героической борьбе подпольщиков, становлении израильского кинематографа и многом другом. Перед читателем предстанут реальные исторические личности, со многими из которых встречается рассказчик: от турецкого правителя Джемаль-паши до певца Александра Вергинского.

Прототипом героя послужил первый израильский кинематографист Ерушалаим Сегал (1898-1993).

Иллюстраций: 81; список источников: 51 назв.; персоналия: 221 имя.

ISBN 9781998265305

90000 >

9 781998 265305